ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Сборник научных статей

Начать просмотр

Могилев
Могилевский институт МВД
2026

МИНИСТЕРСТВО ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Учреждение образования
«Могилевский институт Министерства внутренних дел
Республики Беларусь»

ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Сборник научных статей

Научное электронное сетевое текстовое издание

Могилев
Могилевский институт МВД
2026

ISBN 978-985-589-169-8 (CD)
ISBN 978-985-589-170-4 (on-line)

© Учреждение образования «Могилевский институт Министерства внутренних дел Республики Беларусь» (on-line), 2026
© Учреждение образования «Могилевский институт Министерства внутренних дел Республики Беларусь» (CD), 2026

Перейти к сведениям об издании 1 2 3 4 Перейти к статьям

УДК 340.1

ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Научное электронное сетевое текстовое издание

Рекомендовано к изданию научно-методическим советом учреждения образования «Могилевский институт Министерства внутренних дел Республики Беларусь»

Правовая культура в современном обществе : сборник научных статей / Министерство внутренних дел Республики Беларусь, Учреждение образования «Могилевский институт Министерства внутренних дел Республики Беларусь» ; редкол.: К. Д. Сазон (пред.) [и др.]. – Могилев : Могилев. институт МВД, 2026. – URL: https://elib.institutemvd.by/jspui/handle/MVD_NAM/9822. – Загл. с титул. экрана.

ISBN 978-985-589-170-4.

В сборник вошли научные статьи участников IX Международной научно-практической конференции «Правовая культура в современном обществе», которая проводилась 9 апреля 2026 года в рамках I Международной весенней научной сессии в учреждении образования «Могилевский институт Министерства внутренних дел Республики Беларусь».

Тематика статей затрагивает актуальные направления развития теоретического юридического знания, проблемные аспекты реализации правовых норм в правоохранительной сфере, зарубежный опыт правового регулирования и правоприменительной практики, вопросы правового воспитания и правового образования в формировании правовой культуры; характеристики современного общества с позиции юридического, политологического, социологического и исторического знания.

В сборнике сохранена авторская редакция и подходы к решению заявленных проблем. Языки публикаций — русский и белорусский.

Сборник адресован ученым, преподавателям, докторантам, аспирантам, сотрудникам государственных органов, а также всем, кто интересуется проблематикой правовой культуры.

Ул. Крупской, 67, Могилев
тел. +375 222 72 41 58
e-mail: oonmid@institutemvd.by
https://www.institutemvd.by

© Учреждение образования «Могилевский институт Министерства внутренних дел Республики Беларусь» (on-line), 2026

© Учреждение образования «Могилевский институт Министерства внутренних дел Республики Беларусь» (CD), 2026

Перейти к сведениям об издании 2 3 4 Перейти к статьям

Научное электронное сетевое текстовое издание

ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Сборник научных статей

Основу данного издания составляет электронное текстовое издание локального доступа:

Правовая культура в современном обществе : сборник научных статей / Министерство внутренних дел Республики Беларусь, Учреждение образования «Могилевский институт Министерства внутренних дел Республики Беларусь» ; редкол.: К. Д. Сазон (пред.) [и др.]. – Могилев : Могилев. институт МВД, 2026. – 1 CD-ROM. – Загл. с титул. экрана.

ISBN 978-985-589-169-8.

Перейти к сведениям об издании 1 3 4 Перейти к статьям

Научное электронное сетевое текстовое издание

ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Сборник научных статей

Редакционная коллегия:

К. Д. Сазон (председатель), первый заместитель начальника учреждения образования «Могилевский институт Министерства внутренних дел Республики Беларусь», кандидат юридических наук, доцент;

Т. И. Вишневская, доцент кафедры общеюридических и уголовно-правовых дисциплин факультета повышения квалификации и переподготовки кадров учреждения образования «Могилевский институт Министерства внутренних дел Республики Беларусь», кандидат юридических наук, доцент;

И. А. Демидова, профессор кафедры общеюридических и уголовно-правовых дисциплин факультета повышения квалификации и переподготовки кадров учреждения образования «Могилевский институт Министерства внутренних дел Республики Беларусь», кандидат юридических наук, доцент;

А. А. Дыжова, профессор кафедры общеюридических и уголовно-правовых дисциплин факультета повышения квалификации и переподготовки кадров учреждения образования «Могилевский институт Министерства внутренних дел Республики Беларусь», кандидат сельскохозяйственных наук, доцент;

Е. А. Лаппо, доцент кафедры тактико-специальной подготовки учреждения образования «Могилевский институт Министерства внутренних дел Республики Беларусь», кандидат юридических наук, доцент;

А. В. Лубенков, начальник кафедры административной деятельности факультета милиции учреждения образования «Могилевский институт Министерства внутренних дел Республики Беларусь», кандидат юридических наук, доцент;

А. Н. Примаков, доцент кафедры общеюридических и уголовно-правовых дисциплин факультета повышения квалификации и переподготовки кадров учреждения образования «Могилевский институт Министерства внутренних дел Республики Беларусь», кандидат юридических наук, доцент;

Н. В. Пушко, доцент кафедры общеюридических и уголовно-правовых дисциплин факультета повышения квалификации и переподготовки кадров учреждения образования «Могилевский институт Министерства внутренних дел Республики Беларусь», кандидат экономических наук, доцент;

Л. А. Рябцева, доцент кафедры общеюридических и уголовно-правовых дисциплин факультета повышения квалификации и переподготовки кадров учреждения образования «Могилевский институт Министерства внутренних дел Республики Беларусь», кандидат педагогических наук;

Д. А. Свиридов, начальник кафедры общеюридических и уголовно-правовых дисциплин факультета повышения квалификации и переподготовки кадров учреждения образования «Могилевский институт Министерства внутренних дел Республики Беларусь»;

А. Н. Толочко, начальник кафедры социально-гуманитарных дисциплин учреждения образования «Могилевский институт Министерства внутренних дел Республики Беларусь», кандидат юридических наук, доцент;

Ю. П. Шкаплеров, профессор кафедры общеюридических и уголовно-правовых дисциплин факультета повышения квалификации и переподготовки кадров учреждения образования «Могилевский институт Министерства внутренних дел Республики Беларусь», кандидат юридических наук, доцент

Перейти к сведениям об издании 1 2 4 Перейти к статьям

ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Сборник научных статей

Рецензенты:

начальник научно-исследовательского отдела
учреждения образования
«Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь»
кандидат юридических наук, доцент *Г. А. Павловец*;

начальник кафедры уголовного права
федерального государственного казенного образовательного
учреждения высшего образования «Уральский юридический институт
Министерства внутренних дел Российской Федерации»
кандидат юридических наук, доцент *Г. Ш. Аюпова*

Сведения о программном обеспечении:
современные программы просмотра веб-страниц (браузеры) Opera, Mozilla Firefox, Google Chrome и другие. Такие браузеры не нуждаются в дополнительных настройках и осуществляют открытие pdf-файла при нажатии на соответствующую ссылку.

Редактор технический *Е. И. Дзен*
Редактор *Н. П. Ковалькова*
Корректор *Т. Ю. Лухтанова*

Учреждение образования «Могилевский институт
Министерства внутренних дел Республики Беларусь».
Ул. Крупской, 67, 212011, Могилев, тел. +375 222 72 41 58.
www.institutemvd.by

Дата подписания к использованию: 30.09.2026.
Объем 5,62 Мб. Заказ № 5.

Перейти к сведениям об издании 1 2 3 Перейти к статьям

РАЗВИТИЕ ОБЩЕТЕОРЕТИЧЕСКОГО ЮРИДИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ. ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННОЙ МЕТОДОЛОГИИ ПОЗНАНИЯ ПРАВОВЫХ ЯВЛЕНИЙ

УДК 340.1

ПРОБЛЕМЫ ТЕОРЕТИЧЕСКОГО ОСМЫСЛЕНИЯ РИСКА КАК ЮРИДИЧЕСКОЙ КАТЕГОРИИ

ISSUES OF THE THEORETICAL CONCEPTUALIZATION OF RISK AS A LEGAL CATEGORY

К. С. Абрамкина
Московский государственный юридический университет
имени О. Е. Кутафина (МГЮА),
аспирант кафедры предпринимательского и корпоративного права;
адвокат Московской городской коллегии адвокатов

Аннотация. *В статье анализируются основные подходы к пониманию риска, раскрывается его двойственная природа. Особое внимание уделяется неопределенности как ключевому элементу риска. Рассматриваются особенности риска в процессе правоприменения. Обосновывается вывод о том, что риск является самостоятельной правовой категорией, требующей дальнейшего теоретического осмысления.*

Ключевые слова: *риск, неопределенность, управление риском, распределение риска.*

Annotation. *The article analyzes the main approaches to understanding risk and reveals its dual nature. Particular attention is paid to uncertainty as a key element of risk. The features of risk in the process of law enforcement are examined. It is concluded that risk constitutes an independent legal category requiring further theoretical elaboration.*

Keywords: *risk, uncertainty, risk management, risk allocation.*

В современных условиях проблема риска в праве приобретает особую актуальность, что обусловлено усложнением общественных отношений и изменением характера правоприменительной деятельности. Указанные процессы требуют более детального теоретического осмысления риска как междисциплинарного феномена.

Риск является неотъемлемым элементом любой профессиональной деятельности, осуществляемой в условиях неопределенности. В юридической сфере это проявляется наиболее отчетливо, поскольку принимаемые решения непосредственно затрагивают права и законные интересы граждан, а также иных участников правоотношений. Правоприменение осуществляется

в условиях многообразия обстоятельств и неоднозначности их правовой оценки, что предопределяет вероятность наступления различных последствий, в том числе неблагоприятных и трудно прогнозируемых.

Интерес к проблематике риска возник еще в древности, однако первоначально он связывался преимущественно с чрезвычайными ситуациями природного характера, такими как стихийные бедствия, голод и эпидемии. В указанный период риск воспринимался как неизбежная составляющая окружающей действительности, не поддающаяся рациональному объяснению и контролю, что обусловливало его осмысление преимущественно в рамках мифологических и религиозных представлений.

С развитием общественных отношений, а также с усложнением технологических и экономических процессов человеческая деятельность стала сопряжена с новыми формами рисков — экономическими, социальными, юридическими и иными. Это, в свою очередь, предопределило необходимость научного осмысления данного феномена и поиска способов управления им.

Феномен риска в научной литературе и практической деятельности характеризуется многогранностью, о чем свидетельствует множественность подходов к его определению в различных отраслях знания. При этом в современных теоретико-правовых и прикладных исследованиях преобладает вероятностный подход, в рамках которого риск понимается как возможность наступления неблагоприятного события в будущем.

Понятие риска носит междисциплинарный характер: оно активно используется в социологии, экономике, управлении, юриспруденции и других науках. Это затрудняет выработку единого универсального определения, однако позволяет выявить ключевые характеристики риска, включая его вероятностную природу, связь с неопределенностью и зависимость от поведения субъекта.

Уже на ранних этапах осмысления категории риска прослеживается двойственность его понимания: с одной стороны, как внешней опасности, не зависящей от воли человека, с другой — как действия, совершаемого в условиях неопределенности и связанного с принятием решения. Данная двойственность получила дальнейшее развитие в научных подходах к пониманию риска.

Исторический анализ не позволяет в полной мере раскрыть сущностное содержание риска, в связи с чем особое значение приобретает обращение к теоретическим концепциям.

В научной литературе выделяются различные подходы к пониманию риска. Согласно первой концепции, риск является объективной категорией и рассматривается как возможная опасность случайного наступления отрицательных (личных и имущественных) последствий [1, с. 96]. Объективную концепцию разделял, в частности, А. А. Собчак, считавший, что риск — это всегда

опасность возникновения неблагоприятных последствий, относительно которых неизвестно, наступят они или нет [2, с. 55].

В рамках данного подхода риск рассматривается как явление, существующее независимо от воли и сознания субъекта, что позволяет характеризовать его как универсальную категорию.

Сторонники второй концепции полагают, что риск является субъективной категорией. Например, В. А. Ойгензихт отмечал, что риск всегда субъективен, поскольку человек осуществляет выбор с учетом возможных альтернатив. В этой связи риск определяется как выбор варианта поведения с учетом опасности, угрозы, возможных последствий [3, с. 110].

Таким образом, в рамках субъективного подхода риск выступает как неотъемлемая характеристика поведения субъекта, предполагающая осознанное соотношение возможной выгоды и вероятного ущерба.

Ряд исследователей рассматривают риск как комплексную категорию, сочетающую объективные и субъективные элементы. Так, А. П. Альгин указывает на необходимость учета как внешних условий, так и поведения субъекта при анализе риска [4, с. 25].

Представляется, что именно смешанная концепция наиболее полно отражает природу риска, поскольку позволяет учитывать как объективные условия его возникновения, так и субъективные особенности поведения лица, принимающего решения.

Представленные подходы находят свое дальнейшее развитие в научной литературе, где риск рассматривается либо как объективно существующее явление, либо как результат деятельности субъекта.

Исследователи, придерживающиеся позиции, согласно которой риск не соотносится напрямую с деятельностью человека, а рассматривается как неразрывно связанный с понятием опасности, указывают на его объективный и универсальный характер. В данном контексте опасность трактуется как случайность, возможность наступления неблагоприятного события, которое может произойти, а может и не произойти. Индивид не обладает способностью с полной достоверностью предвидеть или предотвратить такую угрозу, что делает риск постоянным элементом человеческого бытия.

Иной подход к пониманию риска основывается на его непосредственной связи с деятельностью человека. Так, Н. Н. Губанов, Н. И. Губанов и Л. Г. Черемных рассматривают риск как результат осознанного выбора, осуществленного в условиях неопределенности и потенциальной угрозы. В их трактовке риск представляет собой действие или бездействие индивида либо социальной группы, сопровождающееся осознанием того, что

при благоприятном исходе будет достигнута предполагаемая выгода, а при неблагоприятном — понесен ущерб [5, с. 5].

Ключевым элементом, объединяющим рассмотренные подходы, выступает неопределенность. Она характеризуется состоянием полного или частичного отсутствия информации, необходимой для понимания события, его последствий и вероятности их наступления. В условиях неопределенности субъект вынужден принимать решения, не обладая полной информацией, что неизбежно связано с риском.

Риск также может рассматриваться как результат соотношения поставленных целей и фактически достигнутых результатов деятельности, проявляясь в отклонении ожидаемого исхода от реального.

Таким образом, риск является неотъемлемым элементом любой деятельности, осуществляемой в условиях неопределенности, и обусловлен как внешними факторами, так и особенностями поведения субъекта.

Различие представленных подходов заключается в характере отношения человека к этой неопределенности. В первом случае риск воспринимается как внешняя, не зависящая от воли субъекта угроза, которую он может осознавать, но не способен ее контролировать или предотвратить. Во втором случае риск прямо связан с деятельностью: предполагается, что исход ситуации может изменяться в зависимости от того, какие действия предпринимает субъект в ответ на существующую неопределенность.

Таким образом, различие указанных подходов проявляется не только в понимании природы риска, но и в оценке роли субъекта в условиях неопределенности. Учет данного обстоятельства имеет принципиальное значение при анализе риска в прикладных сферах, где он приобретает конкретное содержание и выражается в процессе принятия решений.

Юридическая деятельность, будучи направленной на регулирование общественных отношений и защиту прав и законных интересов субъектов, осуществляется в условиях высокой степени неопределенности. Несмотря на формальную определенность правовых норм, их применение всегда связано с необходимостью учета конкретных обстоятельств дела, оценки доказательств, выбора правовой позиции и прогнозирования возможных последствий принимаемых решений.

Право реализуется в процессе взаимодействия различных субъектов, обладающих собственными интересами и правовыми позициями, что предопределяет конфликтный характер многих правоотношений. Указанное обстоятельство, в сочетании с многообразием фактических ситуаций и неоднозначностью их правовой оценки, объясняет наличие риска в правоприменительной деятельности.

Риск в юридической сфере может рассматриваться как вероятность наступления юридически значимых последствий, возникающих в процессе реализации правовых норм и обусловленных как объективными условиями, так и особенностями поведения субъектов правоотношений.

Несмотря на значительный интерес к данной проблематике, единый подход к пониманию риска в юридической науке до настоящего времени не выработан. В научной литературе отмечается, что риск в юридической деятельности выступает способом снятия неопределенности и трансформации ее в определенность [6, с. 248].

В отличие от уголовно-правовой и криминалистической науки, где проблематика риска получила достаточно детальную разработку, в частноправовой сфере данный вопрос исследован в значительно меньшей степени. Это обусловлено как особенностями предмета правового регулирования, так и спецификой частноправовых отношений, основанных на автономии воли субъектов и диспозитивном характере правового регулирования.

В частноправовой сфере риск выступает элементом поведения участников гражданского оборота, связанным с принятием решений в условиях неопределенности и направленным на достижение правового и экономического результата. При этом характерной особенностью частноправового риска является его тесная связь с категорией интереса, поскольку выбор варианта поведения субъектом обусловлен стремлением к получению определенной выгоды либо предотвращению неблагоприятных последствий.

Особое значение в частноправовой сфере приобретает вопрос распределения рисков между участниками правоотношений. В отличие от публичного права, где риск зачастую возлагается на государство либо регулируется императивными нормами, в частноправовых отношениях распределение рисков осуществляется преимущественно на основе соглашения сторон либо в соответствии с диспозитивными нормами законодательства.

Так, в гражданском праве риск может проявляться в различных формах, включая риск случайной гибели или повреждения имущества, риск наступления неблагоприятных последствий вследствие ненадлежащего исполнения обязательств, а также риск, связанный с предпринимательской деятельностью. В данном случае риск выступает элементом, позволяющим определить пределы ответственности участников правоотношений и последствия его реализации.

Таким образом, проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что риск в юридической сфере не может быть сведен исключительно к вероятности наступления неблагоприятных последствий либо к характеристике поведения субъекта. Он представляет собой сложную категорию, формирующуюся в условиях неопределенности и отражающую как объективные условия

осуществления деятельности, так и субъективные решения участников правоотношений, что свидетельствует о необходимости дальнейшего теоретического осмысления понятия риска как юридической категории.

1. Агапеев В. Е., Розанцева Д. Н. Риск как основание защиты имущественных интересов граждан — участников дорожно-транспортных происшествий // Права и свободы советских граждан и роль милиции в их обеспечении : сб. науч. тр. МВШМ МВД СССР. М., 1981. С. 88–96. Вернуться к статье

2. Собчак А. А. О некоторых спорных вопросах общей теории правовой ответственности // Правоведение. 1968. № 1. С. 49–57. Вернуться к статье

3. Ойгензихт В. А. Мораль и право: взаимодействие, регулирование, поступок. Душанбе : Ирфон, 1987. 156 с. Вернуться к статье

4. Альгин А. П. Риск и его роль в общественной жизни. М. : Мысль, 1989. 187 с. Вернуться к статье

5. Губанов Н. Н., Губанов Н. И., Черемных Л. Г. Наука о сущности риска и характеристиках рисковой ситуации // Гуманитар. вестн. 2017. № 11 (61). С. 1–16. Вернуться к статье

6. Мамчун В. В. Риск в юридической деятельности: сущность и детерминация // Юрид. техника. 2019. № 13. С. 243–248. Вернуться к статье

УДК 342.7

ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ
LEGAL ISSUES OF HUMAN RIGHTS IN THE DIGITAL AGE

Д. С. Береговцова
Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина,
доцент кафедры теории и истории государства и права,
кандидат юридических наук, доцент

Аннотация. *В рамках настоящей статьи автор рассматривает вопросы обеспечения реализации прав человека в цифровую эпоху, в том числе возникающие правовые проблемы прав человека, связанные с глобальным и повсеместным использованием информационных технологий.*

Ключевые слова: *права человека, цифровая эпоха, цифровое неравенство, цифровые права человека.*

Annotation. *In this article, the author examines the issues of ensuring the implementation of human rights in the digital era, including the emerging legal problems associated with the global and widespread use of information technologies.*

Keywords: *human rights, digital era, digital inequality, digital human rights*

В настоящее время научно-технический прогресс стал главной движущей силой общественного развития. Безусловно, его достижения направлены преимущественно на обеспечение более комфортных условий существования как конкретного индивида, так и общества в целом. Вместе с тем научно-технический прогресс несет определенные угрозы касательно прав и свобод человека, в том числе в связи с глобальным распространением информационных технологий.

Верно отмечают Е. А. Алексахин, Е. С. Ящембская, Н. В. Струтинская: «Мы переживаем поворотный момент эпохи, переход от эпохи письменности к эпохе цифровых технологий... С появлением компьютеров и мобильного Интернета цифры заменили текст, и наступила эра цифрового времени и пространства» [1, с. 244].

Под цифровой эпохой в рамках настоящего исследования понимается исторический период, характеризующийся широким внедрением цифровых технологий в различные сферы жизнедеятельности общества, что вызвало значительные преобразования во всех областях общественной жизни и, конечно же, оказало влияние на права и свободы человека.

Подобное повсеместное внедрение данных технологий, с одной стороны, весьма благотворно влияет на реализацию прав человека. Так, например, цифровая среда положительно воздействует на возможность реализации права на образование у лиц с доступом к цифровым технологиям, например,

предполагает возможность пользования специализированными платформами, интернет-учебниками, позволяет внедрить новые информационные технологии в образовательный процесс. Аналогичным образом обстоит дело с реализацией права на охрану здоровья. Информационные технологии позволяют развивать цифровые платформы для медицинского документооборота (в Беларуси как раз в данный момент разрабатывается подобная платформа), обеспечивают пациентам доступ к телемедицине, технологии которой дают возможность оказывать определенные виды медицинской помощи дистанционно (т. е. пациенты могут получить дистанционную консультацию врача). Данные примеры не являются единичными, т. к. информационные технологии позволяют наиболее полно реализовать и иные права человека.

С другой стороны, в юридической литературе уже активно обсуждаются проблемы цифрового неравенства, которое порождает проблемы с реализацией в том числе и классических прав человека, таких как право на образование, на участие в культурной жизни и др. [2, с. 126]. Согласимся с указанной точкой зрения, ведь очевидным становится тот факт, что полноценная реализация уже упоминаемого выше права на образование (и не только данного права) напрямую связана с доступом индивидов к цифровым технологиям, а лица, у которых такого доступа нет, оказываются в худших условиях, не имея возможности пользоваться достижениями цифровой эпохи. Антониу Гутерриш, Генеральный секретарь ООН, отмечает: «…цифровые технологии будут важны как никогда раньше». То есть «те, кто не имеет к ним доступа, будет отставать все больше и больше» [3].

Глобальное и повсеместное влияние цифровых технологий на все сферы общественной жизни также связано с возникновением иных разнообразных этико-правовых проблем прав человека, например, под угрозой оказываются такие уязвимые перед лицом новых вызовов права, как право на неприкосновенность частной жизни, право на равенство и недискриминацию, право на доступ к информации и т. д.

Цифровая эпоха значительным образом влияет не только на классические права человека, но и, по мнению ряда ученых, повлекла возникновение новой группы прав человека. Так, например, в последнее время в юридической литературе обосновывается концепция цифровых прав человека (отдельные авторы более корректным считают термин «информационно-цифровые права»). Вопросы о том, к какому поколению относятся названные права человека, являются ли они расширением уже существующих прав и свобод или относятся к правам четвертого поколения, являются в настоящее время дискуссионными в юридической литературе.

Так, например, спорным является вопрос, следует ли относить право на доступ в Интернет (право на Интернет) к новым правам человека либо следует говорить о расширении содержания уже неоднократно провозглашенного в международных актах по правам человека и конституциях большинства государств права на информацию (на доступ к информации), а также некоторых иных прав и свобод (например, права на свободу мнений, убеждений и их свободного выражения). Так, например, другой точки зрения придерживаются А. Н. Мочалов, Н. Е. Колобаева, С. Е. Несмеянова, отмечающие, что данное право может быть охарактеризовано как «производное, или синтетическое право» [4, с. 152]. Согласимся с высказанной учеными точкой зрения. Также можно предположить, что данное право является своеобразной гарантией реализации иных прав и свобод, как, например, право на судебную защиту.

Интересное мнение относительно природы цифровых прав высказал В. А. Карташкин, который отметил, что цифровые права представляют собой новый вид «традиционных» информационных прав, обеспечение и защита которых в достаточной степени регламентированы нормами так называемого Билля о правах [5].

В любом случае, вне зависимости от того, новая ли это группа прав человека либо расширение содержания уже существующих прав и свобод (нам наиболее обоснованной кажется именно данная точка зрения), следует предусмотреть как на уровне законодательств отдельных государств, так и на уровне международного сообщества систему дополнительных гарантий прав человека с связи с теми рисками, которые неизбежно влекут информационные технологии и цифровизация. Верно отметила заместитель представителя Республики Беларусь в Комиссии по правам человека Содружества Независимых Государств И. Костевич: «Цифровое пространство не знает границ, поэтому и защита прав в нем должна быть глобальной. Необходимы международные конвенции и договоры, устанавливающие единые этические и правовые стандарты для цифровой среды» [6].

Таким образом, цифровая эпоха напрямую влияет на реализацию прав и свобод человека, предоставляет индивиду новые перспективы и возможности, однако несет в себе новые угрозы касательно прав человека, что требует постоянного мониторинга данных угроз со стороны отдельных государств и международного сообщества, а также разработки эффективных правовых механизмов для их предотвращения.

---

1. Алексахин Е. А., Ящембская А. С., Струтинская Н. В. Философия цифровой эпохи [Электронный ресурс] // Философия качества, созидания и исторической памяти : сб. материалов междунар. круглых столов «Евразийские ценности и историческая

память», «Конвергенция экосистем и философия качества» / БНТУ ; сост. А. И. Лойко. Минск, 2024. С. 244–248. Вернуться к статье

2. Михальченко Д. А. Цифровое неравенство как новая форма нарушения прав человека [Электронный ресурс] // Синтез науки и образования как инструмент решения глобальных проблем современности : сб. ст. по итогам Междунар. науч.-практ. конф., Киров, 9 нояб. 2025 г. / Агентство междунар. исслед. ; редкол.: А. А. Сукиасян (отв. ред.) [и др.]. Стерлитамак, 2025. С. 126–128. Вернуться к статье

3. Не сократив цифровое неравенство, мир не сможет достичь целей устойчивого развития // Служба новостей ООН : официальный сайт. 2020. 11 июня. URL: https://news.un.org/ru/story/2020/06/1379942 (дата обращения: 14.01.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье

4. Мочалов А. Н., Колобаева Н. Е., Несмеянова С. Э. Право на доступ в интернет: юридическое содержание и механизм реализации [Электронный ресурс] // Антиномии. 2021. Т. 21, № 4. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/pravo-na-dostup-v-internet-yuridicheskoe-soderzhanie-i-mehanizm-realizatsii (дата обращения: 13.01.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье

5. Карташкин В. А. Цифровые права человека: международно-правовое и социальное измерения [Электронный ресурс] // Вестн. РУДН. Сер. Социология. 2022. № 4. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovye-prava-cheloveka-mezhdunarodno-pravovoe-i-sotsialnoe-izmereniya (дата обращения: 13.01.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье

6. Ирина Костевич: защита прав человека в цифровую эпоху требует усилий по четырем направлениям [Электронный ресурс] // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. URL: https://pravo.by/novosti/obshchestvenno-politicheskie-i-v-oblasti-prava/2025/october/90652/ (дата обращения: 14.01.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье

УДК 340

ТРАДИЦИОННЫЕ ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫЕ ЦЕННОСТИ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

TRADITIONAL RUSSIAN MORAL VALUES AS A LEGAL CULTURE FORMING FACTOR IN MODERN RUSSIAN SOCIETY

А. Б. Валеев
Казанский юридический институт МВД России,
начальник кафедры философии, политологии, социологии и психологии,
кандидат философских наук, доцент

Аннотация. *В статье рассматриваются место и роль традиционных духовно-нравственных ценностей в формировании правовой культуры в современном российском обществе.*
Ключевые слова: *правовая культура, деструктивная идеология, традиционные российские духовно-нравственные ценности.*

Annotation. *The article discusses the place and role of traditional moral values in forming of legal culture in modern Russian society.*

Keywords: *legal culture, destructive ideology, traditional Russian moral values.*

Правовая культура общества — одно из основных условий эффективного функционирования государства. Соблюдение закона — конституционная обязанность гражданина. Степень соблюдения законов в обществе — важнейший индикатор уровня легитимности политической власти в целом, доверия к органам государственной власти в частности.

В структуре правовой культуры можно выделить прежде всего правовые знания — знакомство граждан с законодательством, их осведомленность о характере правовых норм, сферах правового регулирования общественной жизни. Правовые знания во многом определяют ценностные ориентации в области права, формирование правовых ценностей — наиболее значимых для человека правовых норм, регулирующих социальные отношения. Важным компонентом правовой культуры выступают установки, в первую очередь установка на соблюдение законности, добровольное принятие на себя обязанности неукоснительного следования правовым нормам. Завершающим элементом правовой культуры является реальное правовое поведение, а именно стереотипное, вошедшее в привычку соблюдение законов и иных правовых норм.

Одним из следствий глобализации явилось широкое проникновение в российское законодательство правовых норм, сформированных в процессе становления и развития западной, прежде всего европейской, цивилизации. Причем такое распространение осуществлялось под маской общеевропейских,

общечеловеческих ценностей. В процессе эволюции под влиянием доминирующей неолиберальной идеологии многие нормы наполнились содержанием, противоречащим традиционным духовно-нравственным ценностям, в том числе присущим изначальной христианской культуре. Так, понимание прав и свобод человека в современной европейской неолиберальной культуре доведено до радикальной трактовки, что на практике выразилось в свободе публичной пропаганды гомосексуальных отношений, зоофилии, натуризма, отказа от деторождения, гендерной самоидентификации и трансгендерного перехода и т. д. Свобода вероисповедания по сути превратилась в свободу пропаганды любых взглядов и идей, прикрывающихся маской религиозности. Многие из подобных трактовок нашли закрепление в нормативно-правовых актах государств современной Европы, государств англо-саксонского мира. Более того, наличие таких правовых норм в национальном законодательстве определяется как принципиальный признак демократической организации общества, а их отсутствие, либо иная трактовка, — как несоответствие демократическим нормам. Между тем на практике реализация подобных норм в их неолиберальной трактовке приводит к конфликту с другим основополагающим принципом демократии — признание воли большинства при учете и уважении интересов меньшинства, поскольку наблюдается обратное, а именно навязывание большинству воли меньшинства (этнорасового, этноязыкового, этноконфессионального, сексуального и т. д.).

По сути, неолиберальный глобализм ведет к разрушению культурного кода многих цивилизаций, формировавшихся на основе традиционных для них ценностей в течение многих столетий и даже тысячелетий, в том числе в области правовой культуры. Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей, утвержденные Указом Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809 [1], определяют насаждение чуждой российскому народу и разрушительной для российского общества системы идей и ценностей как деструктивную идеологию. Среди рисков ее распространения применительно к проблематике правовой культуры определяются «…навязывание представлений, предполагающих отрицание человеческого достоинства и ценности человеческой жизни… внедрение антиобщественных стереотипов поведения, распространение аморального образа жизни, вседозволенности и насилия, рост употребления алкоголя и наркотиков… подрыв доверия к институтам государства, дискредитация идеи служения Отечеству, формирование негативного отношения к воинской службе и государственной службе в целом» [1]. Следовательно, противодействие распространению деструктивной идеологии, как одна из целей государственной политики по сохранению и укреплению традиционных

ценностей, должно включать совершенствование нормативно-правовой базы в плане наполнения правовых норм смысловым содержанием, основанном на традиционном для российского общества понимании духовно-нравственных ценностей.

Направление формирования правовой культуры граждан по реализации обозначенной цели можно определить через дихотомию «принятие — отторжение». Безусловно, речь не может идти об отказе от норм, закрепляющих приоритет прав и свобод человека и гражданина, определяющих ответственность и обязанности гражданина перед государством и обществом: проверенные временем, эти нормы есть свидетельство соответствия государства и общества современным требованиям цивилизованности. Принятие этих норм в качестве естественных — базисное условие формирования высокой правовой культуры человека и общества. Отторжение предполагает, с одной стороны, безусловную неприемлемость юридического закрепления норм в трактовках, противоречащих традиционным духовно-нравственным ценностям российского общества. С другой стороны, оно означает признание гражданами целесообразности и законности введения государством норм, защищающих традиционные духовно-нравственные ценности.

Отторжение можно понимать и как активное неприятие идей и ценностей, оказывающих деструктивное воздействие на основы функционирования российского общества. В этом смысле оно противостоит ценности толерантности, которая в неолиберальной трактовке не сводится только к терпимому отношению к взглядам и идеям, не совпадающим с собственными, а предполагает активную поддержку фактически любых идей и образцов поведения, признания права их носителей на свободную пропаганду своих взглядов. При этом публичная защита идей и ценностей, разделяемых, как правило, большинством общества, вызывает со стороны неолиберальных идеологов агрессивную реакцию, сопровождающуюся обвинениями в нарушении прав и свобод человека, а также навешиванием ярлыков, имеющих негативную окраску — антидемократизм, расизм, фашизм, национализм, гомофобия и т. п.

Реализация идеи России как самодостаточной цивилизации обусловливает необходимость совершенствования правовой основы функционирования государства и общества, что можно — по аналогии с другими сферами жизни — обозначить как «правовой суверенитет». Такой суверенитет предполагает не бездумное заимствование юридических норм и традиций, сформировавшихся в иных исторических и цивилизационных условиях, но учет специфики именно российского общества. Традиционные духовно-нравственные ценности выступают в этом отношении одним из факторов, определяющих характер и содержание правовой культуры современного российского общества.

1. Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей [Электронный ресурс] : Указ Президента Рос. Федерации от 9 нояб. 2022 г. № 809. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». Вернуться к статье

УДК 340:602.6

СОМАТИЧЕСКИЕ ПРАВА КАК ОТРАЖЕНИЕ НОВОГО НАУЧНОГО ЗНАНИЯ

SOMATIC RIGHTS AS A REFLECTION OF NEW SCIENTIFIC KNOWLEDGE

Д. Г. Василевич
Университет Национальной академии наук Беларуси,
доцент кафедры биолого-экономических дисциплин,
кандидат юридических наук, доцент

Аннотация. *В статье анализируется в кратком виде состояние научных знаний относительной новой группы прав — соматических прав, т. е. прав, связанных с распоряжением человеком своим телом. Обращается внимание на то, что их развитие происходит под влиянием достижений научно-технического прогресса в области биомедицины, генной инженерии, социокультурных факторов.*

Ключевые слова: *соматические права, биомедицина, генная инженерия.*

Annotation. *The article briefly analyzes the state of scientific knowledge of a relatively new group of rights — somatic rights, that is, rights related to the disposal of a person's body. Attention is drawn to the fact that their development is influenced by scientific and technological progress in the field of biomedicine, genetic engineering, and socio-cultural factors.*

Keywords: *somatic law, biomedicine, genetic engineering.*

В XX–XXI вв. права человека и гражданина стали предметом пристального внимания международного сообщества. Подтверждением тому являются Всеобщая декларация прав человека 1948 г., международные пакты 1966 г. о гражданских и политических правах, об экономических, социальных и культурных правах [1; 2; 3] и иные международно-правовые документы.

Права и свободы человека уже давно находятся в центре борьбы за умы людей. Ранее существовавшие две политические системы — социалистическая и капиталистическая — при рассмотрении этого вопроса имели явно идеологическую окраску. Были взаимные обвинения в нарушениях прав человека, использовались двойные стандарты при оценке состояния прав и свобод, прослеживалось различное отношение к той или иной группе прав. В СССР значительное внимание уделялось обеспечению социально-экономических прав, в том числе права на образование (советская система образования признавалась одной из лучших в мире), всеобщей занятости (последняя биржа труда в СССР была ликвидирована в 1930 г.), охране здоровья, социальному обеспечению и др. В западных странах акцент делался на личных правах, под влиянием граждан, профсоюзов, других институтов гражданского общества в этих

странах активизировалось внимание к занятости, ликвидации безработицы, медицинскому обслуживанию и др. Посредством массовых и часто длительных забастовок наемным работникам удавалось добиться улучшения условий труда, повышения заработной платы, предоставления других социальных гарантий.

Социально-экономические права в советский период были предметом постоянной заботы государства, однако нет оснований полностью идеализировать эту сторону его деятельности: существовали дефицит качественных товаров, многолетние очереди на получение жилья в пользование. Неритмичная производственная деятельность, несмотря на плановую экономику, приводила к авральным переработкам в конце месяца или квартала. Но, как уже было отмечено, на высоком уровне находилось образование, право на которое было всеобщим. Для советского образования были характерны качество, эффективность и доступность.

В настоящее время происходит значительная перестройка отношений между государством и человеком. Патерналистская система ценностей в значительной мере трансформируется, и это с необходимостью изменяет взаимодействие права и морали, придавая этому взаимодействию характер сложного опосредования с учетом степени свободы и ответственности личности в ситуациях социально значимого выбора. В последние годы в этой сфере наблюдается более тщательный и взвешенный анализ зарубежного опыта, выявляются возможные риски тенденциозного и некритического заимствования этого опыта, что чревато реальными угрозами для национальных интересов, сохранения собственных ценностей, культурных традиций и в целом аксиологии права и морали. При этом существенно важным и актуальным направлением исследований становится разработка и обоснование подлинно философского типа мировоззрения, ценностные приоритеты которого отражали бы исконные национальные традиции, принятые в обществе системы воспитания и социализации личности [4, с. 1844].

Ученые и практики обращают внимание на то, что в современных условиях возрастает актуальность решения ряда сущностных вопросов так называемых соматических прав личности, т. е. прав, которые связаны с распоряжением человеком своим телом (физической структуры человека) [5, с. 402], их законодательного закрепления, правового регулирования отношений, касающихся реализации таких прав, их возможного ограничения или даже запрета.

Биотехническая и генная революция, как отражение новых знаний о человеке, создает новые условия для совершенствования человеческих организмов, отражает тенденцию антропологизации юридической науки и практики правоприменения.

В определенной мере соматические права становятся своеобразным критерием антропологического вектора развития права и юридической практики. Учение о соматических правах и свободах (в дальнейшем — о правах, если не указано иное) является важным направлением развития юридической науки, различных отраслей права, которые аккумулируют весь спектр отношений по поводу соматических прав. В значительной степени речь идет об изучении физической стороны мыслящего субъекта [6]. В этой сфере очевидна взаимосвязь естественно-научного и гуманитарного знания, в частности, новейших достижений в сфере биотехнологий и правовой науки. В современный период во многих странах проводятся широкомасштабные и интенсивные исследования в области генной инженерии, крионики, трансплантологии, поиска новых методов лечения, создания более совершенных человеческих организмов (причем с заранее запрограммированными свойствами), продления жизни человека и даже полного его возрождения на основе клонирования, использования нейроинтерфейсов и иных «умных» устройств для модернизации тела человека и расширения его способностей.

Не затрагивая глубоко проблему модификации внешнего образа человека (пластические операции, татуировки, наносимые взрослым и детям, и др.), следует констатировать необходимость решения ряда правовых и этических проблем с учетом новых результатов медицинских исследований (в частности, четкой и законодательно обоснованной фиксации начала и окончания жизни, социально-нравственного контекста реализации соматических прав человека с учетом принципов предосторожности и конфиденциальности в их обеспечении, пределов корректировки генома человека, теории и практики реализации репродуктивных прав, правовой антропологии и проблем человеческой телесности и др.) и связанной с этим юридической регламентации. Это касается регламентации трудовых, семейных, наследственных, гражданско-правовых отношений, а также, например, такой сферы, как спорт. Известно, что международными спортивными организациями принимаются решения о праве мужчин-трансгендеров (без изменения пола, но за счет снижения тестостерона) выступать на женских соревнованиях. Отметим также, что в данной работе не рассматриваются подробно вопросы употребления наркотиков, проституции, хотя они имеют актуальный характер и связаны с «распоряжением» человеком своим телом.

В исследуемой нами области отношений существует ряд нерешенных теоретических и практических проблем правового характера. В юридической науке комплексного исследования соматических прав нет, авторы обычно анализируют лишь отдельные из этих прав. Категория «соматические права» еще не получила всеобъемлющего содержательного развития. Существуют

проблемы, связанные с наличием в законодательстве пробелов, противоречивых подходов, что обусловливает потребность реагирования с учетом международной практики. При этом важно учитывать национальные традиции и ценности. В то же время учет положительного зарубежного опыта полезен для обогащения используемой при исследовании национального права методики. В связи с этим требуется поиск оптимального решения, позволяющего обеспечить как свободу личности, ее автономию, так и безопасное, нравственное развитие общества. Исходя из того, что новые научные знания и высокие технологии могут принести не только пользу, но и вред, необходим своевременный анализ направлений и пределов их юридического сопровождения. В условиях ускорения ритма научных исследований в указанных областях (например, в области генной инженерии, трансплантологии) их результаты обусловливают многочисленные споры по многим философским и этическим вопросам. Современные технологии в области биомедицины, генетики, генной инженерии являются благом лишь тогда, когда они позволяют решать проблемы с заболеваниями человека. Но в то же время они могут продуцировать формирование нового набора средств для ограничения человеческой свободы или способствовать превращению человека в киборга, находящегося в сетях цифровизации. При этом право призвано оставаться фактором преодоления опасности самоуничтожения человечества [7, с. 11] и выполнять функции эффективного регулирования общественных отношений в сфере современных научных открытий и высоких технологий. Но приходится констатировать, что современное право зачастую не успевает своевременно реагировать на появление научных и технологических инноваций. В полной мере это касается и проблемы юридического регулирования процесса обеспечения соматических прав человека.

Несмотря на актуальность и явное внимание к соматическим правам человека и гражданина, следует констатировать, что проблема соматических прав личности по-прежнему остается областью активных дискуссий и широкого спектра интерпретаций как в юридической, так и в целом в социально-гуманитарной литературе, но конкретных действий в решении данной проблемы по-прежнему не предпринимается, за исключением некоторых моментов, связанных с эвтаназией, трансплантацией органов и/или тканей человека и иных, отсутствует консенсус в определении и истолковании самого понятия «соматические права человека», нет единства мнений относительно пределов и возможностей правового регулирования этой важной сферы общественных отношений.

Теория соматических прав еще не обрела свою завершенность, сохраняются дискуссии по поводу данной группы прав, высказываются различные, в том числе противоречивые, позиции относительно их признания и

содержания, соотношения свободы человека на самоопределение и ограничения данных прав. Возникающие новые отношения в связи с достижениями биотехнологий, биомедицины, генной инженерии обуславливают необходимость соответствующей юридической регламентации.

1. Всеобщая декларация прав человека [Электронный ресурс] : принята и провозглашена резолюцией 217 А (III) Генер. Ассамблеи от 10 дек. 1948 г. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». Вернуться к статье

2. Международный пакт о гражданских и политических правах [Электронный ресурс] : 16 дек. 1966 г. : вступил в силу для Белорус. ССР 23 марта 1976 г. : ратифицирован Указом Президиума Верхов. Совета Белорус. ССР от 5 окт. 1973 г. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». Вернуться к статье

3. Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах [Электронный ресурс] : 16 дек. 1966 г. : вступил в силу для Белорусской ССР 3 янв. 1976 г. : ратифицирован Указом Президиума Верхов. Совета Белорус. ССР от 5 окт. 1973 г. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». Вернуться к статье

4. Тарасова Н. А. Право на образование в системе конституционных прав граждан Российской Федерации // Право и политика. 2010. № 10. С. 1842–1846. Вернуться к статье

5. Цалиев А. М., Сланов О. Т. Право на телесную, физическую свободу человека в контексте теории соматических прав // Право и политика. 2008. № 2. С. 400–403. Вернуться к статье

6. Убальдо Н. Иллюстрированный философский словарь : пер. с ит. М. : БММ АО, 2006. 584 с. Вернуться к статье

7. Лапаева В. В. Право техногенной цивилизации перед вызовами технологической дегуманизации // Право. Журн. Высш. шк. экономики. 2021. № 3. С. 4–32. Вернуться к статье

УДК 340.1

ИНФОРМАЦИОННАЯ ЭКСПАНСИЯ И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА ФОРМИРОВАНИЕ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ БЕЛОРУССКОГО ОБЩЕСТВА

INFORMATION EXPANSION AND ITS IMPACT ON THE FORMATION OF THE LEGAL CULTURE OF BELARUSIAN SOCIETY

А. В. Григорьев
Академия МВД Республики Беларусь,
начальник кафедры философии и идеологической работы
научно-педагогического факультета,
кандидат юридических наук, доцент

Аннотация. *Исследуется проблема влияния информационной экспансии на формирование правовой культуры белорусского общества. Обращается внимание на то, что трендом последних десятилетий в сфере информационного противоборства является информационная экспансия, которая бесконфликтно проникает в информационную сферу, вытесняет сложившуюся систему ценностей, при этом происходит замещение их другими ценностями и установками. Автор приходит к выводу о том, что при формировании правовой культуры белорусского общества в полной мере должен быть задействован потенциал современных информационных технологий, играющих существенную роль в распространении в обществе знаний о праве.*

Ключевые слова: *правовая культура, правовое воспитание, информационная экспансия, информационное противоборство.*

Annotation. *The article explores the impact of information expansion on the formation of the legal culture of Belarusian society. It highlights the trend of recent decades in the field of information warfare, which is characterized by information expansion that seamlessly penetrates the information sphere, displaces the existing system of values, and replaces them with other values and attitudes. The author concludes that the formation of the legal culture of Belarusian society should fully utilize the potential of modern information technologies, which play a significant role in disseminating legal knowledge in society.*

Keywords: *legal culture, legal education, information expansion, information confrontation.*

Под правовой культурой в юридической доктрине принято понимать обусловленное социальными, духовными, политическими и экономическими особенностями качественное состояние правовой жизни общества, выражающееся в достигнутом уровне развития правовой деятельности, юридических актов, правосознания, а также в степени гарантированности государством и гражданским обществом свобод и прав человека.

Актуальность обращения к проблеме влияния информационной экспансии на формирование правовой культуры связана в первую очередь с необходимостью защиты исторической памяти и патриотических ценностей белорусского народа. Современные негативные тенденции характеризуются распространением деструктивных идеологических течений, которые представляют собой эффективные инструменты осуществления цветных революций, что приводит к свержению легитимной власти и потере государственного суверенитета.

Трендом последних десятилетий в сфере информационного противоборства является информационная экспансия, представляя собой скрытое авторитарное доминирование. Она бесконфликтно проникает в информационную сферу, вытесняет сложившуюся систему ценностей, при этом происходит замещение их другими ценностями и установками, а также разрушаются исходные предпосылки национальной правовой идентичности. Как следствие, правовая культура общества, являясь носителем национального «генетического кода», подвергается негативному влиянию.

Постепенно это может привести к атмосфере бездуховности, негативному отношению к культурному наследию, обесцениванию подвига Великой Победы, а в дальнейшем с помощью манипулирования общественным мнением это может привести к политической напряженности и хаосу.

Незыблемые для нас патриотические ценности (любовь к Родине, служение народу, единство нации, национальная культура, преемственность поколений и др.) оказались уязвимыми перед лицом деструктивных политических технологий. В результате возникают угрозы, связанные со снижением доверия граждан к основным государственным и прогосударственным общественным институтам; созданием препятствий функционированию государственных и общественных институтов; проявлением экстремизма в любых его формах; возникновением массовых и иных беспорядков, в результате которых создается опасность для жизни и здоровья людей. А ведь именно так сформулированы основные угрозы национальной безопасности в Концепции национальной безопасности Республики Беларусь [1].

В современных условиях мы сталкиваемся с множеством вызовов и угроз, а информационный поток зачастую негативно влияет на формирование правовой культуры белорусского общества, меняет мировоззрение и образ жизни людей. Не прекращаются попытки насаждения коллаборационистской символики, тенденциозных трактовок моральных и религиозных устоев, навязывания нам несвойственных культурных моделей, искажения исторических событий. И это при условии, что центральное место в исторической памяти народа занимает тема Великой Победы. В сознании людей война воспринимается как

тяжелое испытание советского народа, а вклад наших народов в Победу выступает главным предметом национальной гордости. Деструктивному воздействию оказались подвержены смыслообразующие жизненные ориентиры народа. Например, происходит переосмысление института семьи, что приводит к увеличению случаев сожительства, числа разводов, распространению модели неполной семьи и т. д.

В стремлении к материальным благам и поверхностным ценностям люди зачастую утрачивают истинную красоту — добрые чувства и желание совершать благородные поступки, которые так характерны для нашего народа. На это обстоятельство обратил внимание и Глава государства: «Сегодня, когда извне навязываются некие усредненные ценности, порождающие безвкусицу, бездуховность, для нас очень важно показать это богатство, сохранить свои идеалы, чувство собственного достоинства, а значит — сохранить силу страны, ее независимость. Мы должны сделать все для того, чтобы сберечь и приумножить наше культурное наследие, воспитать на нем новые поколения» [2].

Поэтому следует уделять большое внимание правовому воспитанию и просвещению, формированию у граждан высокого патриотического сознания, чувства верности своему Отечеству, готовности выполнения гражданского долга, важнейших конституционных обязанностей по защите интересов Родины. Правовое воспитание и правовое просвещение как направления развития и формы реализации правовой политики нацелены на формирование и повышение уровня правового сознания и правовой культуры граждан в качестве условия совершенствования национальной правовой системы. Они выступают проводниками идеологических императивов правовой политики Республики Беларусь и призваны повышать уровень правового доверия граждан.

Согласно положениям Концепции национальной безопасности Республики Беларусь, именно обеспечение слаженного и эффективного функционирования системы идеологического воспитания, идейно-патриотической работы с молодежью, повышение правовой грамотности населения предоставляют одно из направлений нейтрализации внутренних источников угроз и защиты от внешних угроз национальной безопасности [1].

Важном шагом в этом направлении стало подписание Президентом Республики Беларусь А. Г. Лукашенко Директивы № 12 «О реализации основ идеологии белорусского государства». Документ направлен на повышение эффективности идеологической работы, актуализацию нормативной правовой базы, регулирующей идеологическую сферу. Директивой предусматривается утверждение концептуальных основ идеологии белорусского государства, пропаганда разделяемого всем обществом понимания государственности белорусского народа, унификация подходов по проведению идеологической работы

с населением и ее оценке, обязанность реализовывать идеологию белорусского государства во всех сферах [3].

При формировании правовой культуры белорусского общества в полной мере должен быть задействован потенциал современных информационных технологий, играющих существенную роль в распространении в обществе, в особенности среди детей и молодежи, знаний о праве. Правовое воспитание граждан в духе приверженности идеалам демократического социального правового государства является залогом законности и прочного правопорядка в стране.

Сегодня важно воспитать не только законопослушного гражданина, а человека осознанно и активно исполняющего свой гражданский долг. Это предполагает уважение к государственным символам, героическому прошлому, культуре своего народа, родному языку. Можно утверждать, что на основе чувства патриотизма укрепляется любовь к Родине, появляется чувство ответственности за сохранение материальных и духовных ценностей.

Сегодня Республика Беларусь успешно противодействует влиянию информационной экспансии на формирование правовой культуры белорусского общества благородя ряду факторов: эффективной организации патриотической работы с населением, использованию методов информационного противоборства, проведению государственной молодежной политики, качественной идеологической работе по формированию системы патриотических ценностей, а также обращению к исторической памяти.

---

1. Концепция национальной безопасности Республики Беларусь : решение Всебелорус. нар. собр. от 25 апр. 2024 г. № 5. Минск : Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2024. 62 с. Вернуться к статье

2. Послание Президента Республики Беларусь А. Г. Лукашенко белорусскому народу и Национальному собранию Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 19 апр. 2019 г. // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. URL: https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=P019p0001 (дата обращения: 27.02.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье

3. О реализации основ идеологии белорусского государства [Электронный ресурс] : Директива Президента Респ. Беларусь от 9 апр. 2025 г. № 12. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». Вернуться к статье

УДК 340.1

ОБЩЕСТВЕННЫЕ И ПРАВОВЫЕ ЦЕННОСТИ В ХАРАКТЕРИСТИКЕ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ ОБЩЕСТВА

SOCIAL AND LEGAL VALUES IN CHARACTERIZING THE LEGAL CULTURE OF SOCIETY

И. А. Демидова
Могилевский институт МВД Республики Беларусь,
профессор кафедры общеюридических и уголовно-правовых дисциплин
факультета повышения квалификации и переподготовки кадров,
кандидат юридических наук, доцент

Аннотация. *Статья посвящена анализу общественных и правовых ценностей с позиции характеристики правовой культуры современного общества. В работе устанавливается значимость общественных ценностей, дается характеристика правовых ценностей как критерия социальной справедливости.*

Ключевые слова: *правовая культура общества, общественные ценности, правовые ценности, социальная справедливость.*

Annotation. *This article analyzes social and legal values from the perspective of the legal culture of modern society. The significance of social values is established. Legal values are characterized as a criterion of social justice.*

Keywords: *legal culture of society, social values, legal values, social justice.*

Ценностный срез социальной и правовой реальности востребован в контексте постнеклассической рациональности, которая отвечает социальному запросу на методологии научного анализа, которые призваны обеспечивать культурные трансформации, культурное посредничество и диалог культур во всех сферах, включая правовую.

При этом в познании правовой культуры подлежит учету принцип взаимодополняемости различных типов рациональности (В. С. Степин) [1]. Так, классическая рациональность позволяет обеспечить упорядоченное структурирование социального пространства в соответствии с признанием целостности действительности, что дает возможность обнаружить ту связанность, которая характеризует как общество в целом, так и его отдельные социальные структуры. В данном случае правовая культура выступает составной частью культуры общества, рассматривается в единстве взаимосвязанных и взаимообусловленных элементов — правового сознания в виде целостности правовой идеологии и правовой психологии, а также правомерного поведения. Неклассическая рациональность оперирует к средствам познания, что расширяет

методологический арсенал исследования правовой культуры, тем самым обеспечивает дальнейшее развитие научных представлений о феномене правовой культуры. Постнеклассическая рациональность, которая служит освоению сложных саморазвивающихся, в том числе человекоразмерных систем, определяет рассмотрение объекта исследования в виде динамического процесса, включает в научное исследование ценностные ориентиры, обосновывает необходимость междисциплинарного подхода. В исследовании социальных систем данный тип рациональности смещает акцент на те факторы, которые в итоге определяют характеристики социума, в числе которых могут быть обозначены общественные и правовые ценности.

Проблематика общественных ценностей находится в центре внимания представителей различных наук, что призвано характеризовать тенденции развития и функционирования современного общества. В контексте социальной философии исследуются феномены ритуала [2], родительства [3], духовности [4], нравственных традиций [5] и др., социологического знания — патриотизма [6], культурного капитала [7], юридического знания — конституционных ценностей [8; 9] и др. В отношении правовых ценностей исследователями представлена их иерархия на примере национальной правовой системы [10], теоретически обоснована социальная ценность права [11], его место в нормативной системе общества [12], механизм обеспечения социальной ценности права [13] и др.

В совокупности ценностный срез общественного и правового развития общества призван установить особенности действия права в национальном правовом пространстве, специфику правовой культуры.

В теории права предпринята попытка систематизировать правовые культурные ценности. В их числе называются правоотношения, правосознание, право, правовые учреждения (институты), правовое поведение [14, с. 45]; правовая идеология, правовая наука, правовые традиции, стереотипы или образцы правового поведения и др. [15, с. 10–11]. Устанавливается свойство правовой культуры выступать в виде совокупности правовых ценностей [15, с. 11]. При этом в основании правовой культуры лежат определенные ценностные ориентиры, которые находятся вне права как юридического явления, т. к. имеют философские начала, что позволяет рассматривать их в качестве идеальных ценностных ориентиров. В данном контексте в качестве основополагающих правовых ценностей рассматриваются справедливость, равенство и свобода. Право выступает способом выражения как общечеловеческих, так и собственно правовых ценностей.

В обосновании Н. Н. Алексеева основной правовой ценностью выступает справедливость, которая мыслится как порядок отношений, в котором каждому

принадлежит свое место. Исследователь отчечает: «Глубочайшей основой идеи справедливости является мысль о том иерархическом порядке, в котором стоят по отношению друг к другу ценности — мысль о постепенном их достоинстве, о возрастающих и убывающих их совершенствах. Правильное отношение этих степеней и есть отношения справедливости» [16, с. 115]. Сосуществование реализованных ценностей на почве общего взаимного признания рассматривается как порядок общественной справедливости. Философом сформулированы общие законы общественной справедливости: каждая реализованная ценность находится в ценностном отношении к другой реализованной ценности, имеет право на полноту своего существования и развития в пределах общей системы ценностей, в случае нарушения отношений с другой ценностью имеет право на восстановление равновесия. Отношения осуществленных ценностей определяются мерой достоинства, присущей каждой из ценностей и составляют общий порядок реальной солидарности [16, с. 117]. Оценка общественного развития предполагает учет иерархии общественных ценностей, что характеризует признание их достоинств.

В философском аспекте «глубочайшей основой идеи справедливости является мысль о том иерархическом порядке, в котором стоят по отношению друг к другу ценности, мысль о постепенном их достоинстве, о возрастающих и убывающих степенях их совершенства» [16, с. 115]. В данном контексте идеал общественной справедливости есть конкретное отношение реализованных ценностей. Одновременно возможно понимание общественной справедливости исходя из формального момента как отношений, соответствующих закону.

Следует опираться на то, что формирование общественных ценностей представляет собой протяженный во времени процесс, который обусловлен совокупностью исторических, политических, социальных и иных факторов и может характеризоваться с позиций философских категорий должного и сущего.

Так, система общественных ценностей объективируется посредством их идейного обоснования в трудах отечественных философов, закрепляется в правовых актах, что определяет должное социальное устройство. При этом она находит отражение в устном народном творчестве, может проявляться посредством социологических данных, что фиксирует существующий общественный порядок.

Отмечается наличие разных подходов к классификации ценностей. Выделяются следующие виды ценностей: положительные и отрицательные; духовные и материальные; личные и сверхличные; традиционные и базовые; относительные и абсолютные; эйдетические и социокультурные; общечеловеческие (универсальные); юридические и т. д. Проводится классификация правовых ценностей по сферам человеческой жизнедеятельности — социальной,

политической, экономической, духовно-культурной, в каждой из которых различаются традиционные ценности, которые неизменны на протяжении веков, выступают как нормы-принципы, указывают на уникальность ценностей для государства, выступают фактором устойчивого функционирования общества [17, с. 139]. В социальном плане важное значение имеет нормативная фиксация традиционных ценностей всех сфер общественной жизни, это находит отражение, прежде всего, в национальной конституции, служит обеспечению реальности конституции, что означает совпадение юридической и фактической конституций.

Примером нормативного закрепления традиционных ценностей в духовной сфере может служить Указ Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей», в котором содержится легальное определение традиционных ценностей как нравственных ориентиров, формирующих мировоззрение граждан России, передаваемых от поколения к поколению, лежащих в основе общероссийской гражданской идентичности и единого культурного пространства страны, укрепляющих гражданское единство, нашедших свое уникальное, самобытное проявление в духовном, историческом и культурном развитии многонационального народа России [18, ст. 4]. В число традиционных ценностей российского общества включены жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческая память и преемственность поколений, единство народов России [18, ст. 5]. Соответственно, формируется стратегия государства, нацеленная на защиту традиционных ценностей в духовной сфере, что отвечает вызовам современности в связи с кризисом духовности.

Ценностный портрет современного белорусского общества, представленный по результатам социологических исследований, проведенных по заказу Белорусского института стратегических исследований (БИСИ) (выборка — 1 500 респондентов), позволяет установить особенности функционирования белорусского общества, так называемую «беларускасць», которая, по мнению респондентов, определяется не только происхождением (30,9 %) и признанием себя белорусом (38,1 %), но и любовью к Беларуси и белорусам (45,8 %) [19, с. 10]. А значит, патриотизм белорусов характеризуется личным отношением к Родине.

Следует исходить из того, что ценностный срез применим в отношении всех сфер общественной жизни. По данным социологического национального опроса, ценностные приоритеты белорусов в политико-правовой сфере общественных отношений представлены следующим образом: мир (96,9 %), безопасность (96,4 %), свобода (95,4 %), справедливость (95,5 %), порядок (95,5 %), права человека (95,2 %), законность (94,7 %), стабильность (86,2 %), солидарность (82,9 %) [20]. В числе личных приоритетов и жизненных ценностей респонденты выбирают здоровье (61,8 %), семью (56, 9 %), воспитание детей (39,9 %), карьеру (39,3 %), достижение профессионализма (35 %) и др. [19, с. 25]. Таким образом, понимание белорусами «дабрабыта» в своем основании имеет «два столпа» общественных ценностей: государствообразующие (коллективные), где базовыми являются мир, безопасность, свобода, и личностно-семейные (индивидуальные) — здоровье, родители, душевный покой [19, с. 29]. В совокупности ценностные ориентиры призваны характеризовать особенности в том числе правовой жизни белорусского общества.

Роль правовой культуры устанавливается признанием ценности права как социального регулятора общественных отношений, что определяется фиксацией посредством правовых норм социальных стандартов, исходя из ценностных предпочтений определенного исторического периода. При этом само право как социальная ценность является выражением и проявлением культуры социума.

---

1. Степин В. С. Классика, неклассика, постнеклассика: критерии различения // Постнеклассика: философия, наука, культура. СПб. : Міръ, 2009. С. 249–295. Вернуться к статье

2. Лисина Е. А. Феномен ритуала в жизни общества (социально-философский анализ) : автореф. дис. … канд. филос. наук : 09.00.11 / Моск. гос. техн. ун-т им. Н. Э. Баумана. Оренбург, 2008. 21 с. Вернуться к статье

3. Лущенко Э. М. Роль социального института родительства в гармонизации современного общества : автореф. дис. … канд. филос. наук : 09.00.11 / Моск. гос. техн. ун-т им. Н. Э. Баумана. М., 2016. 23 с. Вернуться к статье

4. Гринин В. В. Социальная детерминированность прерывности и непрерывности в развитии духовных общественных отношений : автореф. дис. … д-ра философ. наук : 09.00.01. Минск, 1987. 49 с. Вернуться к статье

5. Гаращук С. С. Российская система нравственных традиций в контексте современных социальных реалий : автореф. дис. … канд. философ. наук : 09.00.11 / Северо-Кавказ. федер. ун-т. Ставрополь, 2017. 22 с. Вернуться к статье

6. Чуйков О. Е. Формирование патриотизма в условиях молодежных общественных организаций: социокультурный аспект : автореф. дис. … канд. социол. наук : 22.00.06 / Рос. гос. торгово-экон. ун-т. М., 2010. 21 с. Вернуться к статье

7. Горбунова Н. В. Социально-экономические закономерности и тенденции развития культурного капитала : автореф. дис. … канд. социол. наук : 22.00.03 / Саратов. гос. соц.-экон. ун-т. Саратов, 2006. 39 с. Вернуться к статье

8. Магадов Ш. Р. Нравственность как конституционная ценность в Российской Федерации : автореф. дис. … канд. юрид. наук : 12.00.02 / Рос. ун-т кооперации. М., 2012. 26 с. Вернуться к статье

9. Ройзман Г. Б. Ценности в конституционном праве Российской Федерации : автореф. дис. … канд. юрид. наук : 12.00.02 / Челяб. гос. ун-т. Челябинск, 2012. 25 с. Вернуться к статье

10. Осипова М. В. Иерархия юридических ценностей в правовой системе Российской Федерации : автореф. дис. … канд. юрид. наук : 12.00.01 / Сарат. гос. акад. права. Саратов, 2011. 30 с. Вернуться к статье

11. Алексеев С. С. Тайна права. Его понимание, назначение, социальная ценность: резюме с претензией. М. : Норма, 2001. 161 с. Вернуться к статье

12. Сильченко Н. В. Социальные координаты и идентификация национальной правовой системы // Журн. рос. права. 2016. № 6. С. 5–15. Вернуться к статье

13. Сухова Н. И. Механизм обеспечения социальной ценности права : автореф. дис. … канд. юрид. наук : 12.00.01 / Сарат. гос. акад. права. Саратов, 2005. 26 с. Вернуться к статье

14. Каминская В. И., Ратинов А. Р. Правосознание как элемент правовой культуры // Правовая культура и вопросы правового воспитания : сб. науч. тр. / Всесоюз. Ин-т по изучению причин и разраб. мер по предупреждению преступлений. М., 1974. С. 37–67. Вернуться к статье

15. Зорченко Е. А. Формирование правовой культуры трудящихся / науч. ред. В. П. Казимирчук. Минск : Наука и техника, 1984. 128 с. Вернуться к статье

16. Алексеев Н. Н. Основы философии права. СПб. : Юрид. ин-т, 1998. 215 с. Вернуться к статье

17. Петрова Т. В. Ценности права и правовые ценности // Вестн. ун-та им. О. Е. Кутафина. 2023. № 4. С. 131–140. Вернуться к статье

18. Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей [Электронный ресурс] : Указ Президента Рос. Федерации от 9 нояб. 2022 г. № 809. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс». Вернуться к статье

19. Ценностный портрет современного белорусского общества. Аналитический проект / С. М. Алейникова [и др.]. Минск : Друк-С, 2021. 55 с. Вернуться к статье

20. Стариченок В. Ценностные приоритеты белорусов: ориентация на мир и «дабрабыт» [Электронный ресурс] // Белорус. ин-т стратег. исслед. : [сайт]. URL: https://bisr.gov.by/mneniya/cennostnye-prioritety-belorusov-orientaciya-na-mir-i-dabrabyt (дата обращения: 10.01.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье

УДК 347

О СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ ДОКТРИНЫ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОГО ПРИНУЖДЕНИЯ И ЕЕ ЗНАЧЕНИИ ДЛЯ ФОРМИРОВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ

ON IMPROVING THE DOCTRINE OF CIVIL LAW COERCION AND ITS SIGNIFICANCE FOR SHAPING PROFESSIONAL LEGAL CULTURE

Е. М. Ефременко
Академия МВД Республики Беларусь,
профессор кафедры гражданского и трудового права,
кандидат юридических наук, доцент

Аннотация. *Выявлены направления совершенствования доктрины гражданско-правового принуждения, обоснована целесообразность совершенствования понятийно-категориального аппарата в данной сфере. Представлено соотношение понятий «ответственность за нарушение обязательств», «гражданско-правовая ответственность», «способы защиты гражданских прав» и «меры защиты»*
Ключевые слова: *гражданско-правовое принуждение, гражданско-правовая ответственность, меры защиты, способы защиты гражданских прав.*

Annotation. *Areas for improving the doctrine of civil coercion are identified, and the feasibility of improving the conceptual and categorical apparatus in this area is substantiated. The relationship between the concepts of «liability for breach of obligations», «civil liability», «methods of protecting civil rights», and «protective measures» is presented.*

Keywords: *civil coercion, civil liability, protective measures, methods of protecting civil rights.*

Системное понимание современного права, выявление его потенциала в условиях информационного пространства невозможно без всестороннего исследования правового принуждения как одного из основных элементов механизма правового регулирования общественных отношений. Право часто сравнивают с зеркалом, в котором отражается все общество, в связи с этим ценности права, его категории имеют значение не только для него самого, но и для всех остальных социальных регуляторов (морально-нравственных, корпоративных, обычаев и др.).

В современной отечественной цивилистике существует значительное количество недостаточно исследованных проблем, имеющих как доктринальное, так и прикладное значение. Одной из них является проблема разработки понятия, сущности и юридической конструкции гражданско-правового принуждения.

Принуждение в праве как социальный и юридический феномен на протяжении десятилетий достаточно активно разрабатывалось представителями

теоретической юридической науки, однако анализ существующих научных работ позволяет констатировать, что их целью являлось исследование преимущественно государственного принуждения как теоретической юридической модели либо принуждения в отраслях публичного права. Гражданско-правовое принуждение, его правовая природа и конструкция, принципы и механизмы реализации, хотя и представлены в отдельных диссертационных исследованиях и иных научных работах последнего десятилетия [1; 2; 3; 4; 5], не дали всех ответов на все актуальные вопросы цивилистической доктрины и практики.

На наш взгляд, в области гражданско-правового регулирования общественных отношений проблема сущности и содержания видов, мер, форм и средств правомерного принуждения, принципов как его основных начал, а также установление оснований и условий его неправомерности является актуальной и требует дальнейшего научного осмысления. Кроме того, в настоящее время возрастает роль государства в сфере частноправового регулирования общественных отношений в рамках обеспечения публичного интереса [6, с. 137–138], в связи с чем разграничение сущности и потенциала государственного и негосударственного гражданско-правового принуждения также видится актуальным направлением научного поиска.

Также весьма актуальной видится разработка вопросов гражданско-правового принуждения в условиях цифрового пространства. В частности, требует научного осмысления вопрос об основаниях и пределах его осуществления в условиях автоматизированного исполнения обязательств. Например, смарт-контракты позволяют реализовать меры гражданско-правового принуждения посредством их встраивания в код с последующей блокировкой активов, что часто противоречит принципам автономии воли, справедливости и соразмерности.

Не менее значимой является разработка проблем допустимости и механизмов реализации мер гражданско-правового принуждения в корпоративном праве. Доктрина корпоративного принуждения позволит обеспечить реализацию принципов гражданского (хозяйственного) права, например, при исключении участника хозяйственного общества, не допустив механизмов рейдерского захвата.

Однако дальнейшая разработка методологического обеспечения гражданско-правового принуждения невозможна без совершенствования соответствующего категориального аппарата, поскольку существующая в настоящее время в актах законодательства правовая неопределенность порождает сложности его толкования и применения, что, в свою очередь, негативно сказывается на формировании профессиональной правовой культуры и профессионального правосознания.

В рамках представленной работы также видится целесообразным обсудить вопросы, касающиеся направлений совершенствования категориального аппарата в сфере гражданско-правового принуждения. Гражданско-правовая ответственность является одной из основных и наиболее часто реализуемых мер гражданско-правового принуждения. В отечественных и зарубежных научных и учебных изданиях представлено значительное число ее доктринальных определений, отражающих такие признаки, как имущественный характер, нацеленность на восстановление нарушенного права потерпевшего, осуществление взыскания в его пользу, а не в доход государства, реализация по требованию кредитора в качестве дополнительного обременения для должника, возможность согласования сторонами ее размера и формы, если это не противоречит императивным нормам гражданского законодательства.

Вместе с тем в Гражданском кодексе Республики Беларусь (далее — ГК) понятие «гражданско-правовая ответственность» отсутствует. В указанном кодифицированном законодательном акте нормативное закрепление получило понятие «имущественная ответственность», которое используется как в ее ретроспективном (например, ч. 1 ст. 23 ГК, ч. 2 п. 3 ст. 25 ГК и др.), так и в позитивном (например, ч. 2. п. 1 ст. 1 ГК и др.) понимании [7]. Кроме того, глава 25 ГК, именуемая «Ответственность за нарушение обязательств», является элементом конструкции обязательственного права как самостоятельной подотрасли гражданского права и регулирует отношения, связанные с обязанностью должника возместить кредитору убытки, причиненные неисполнением или ненадлежащим исполнением обязательства. А в разделе 2 ГК «Право собственности и другие вещные права», нормы которого также составляют самостоятельную подотрасль гражданского права, понятия «ответственность», «имущественная ответственность» не используются.

Таким образом, можно сделать следующие выводы.

В связи с формированием цифровой среды и возможностью реализации гражданско-правового принуждения в автоматизированном режиме требуется разработка методологического обеспечения оснований и пределов его осуществления.

В отечественной и российской цивилистических доктринах гражданско-правовая ответственность понимается как имеющая обязательную имущественную составляющую ответственность за нарушение обязательств. Об этом свидетельствует используемый в ее доктринальных определениях, сущностных признаках и подходах к классификации существующий понятийный аппарат. Вместе с тем современное гражданское право включает в себя не только нормы об обязательствах, но и нормы, регулирующие отношения собственности и иных ограниченных вещных прав, наследственного права, а также отношения

в сфере интеллектуальной собственности. Представляется необоснованным и неоправданным понимание гражданско-правовой ответственности как ее самостоятельного вида, связанного с отраслью гражданского права, но при этом отождествление ее только с совокупностью негативных для должника либо указанного в законодательстве лица последствий в рамках исключительно обязательственного права.

Требует дополнительного анализа и, возможно, переосмысления положение об исключительно имущественном характере негативных последствий, реализуемых в отношении ее адресатов. В условиях экспансии публичного права в сферу частных интересов [6] представляется обоснованным дополнить комплекс негативных последствий мерами организационно-правового характера (например, опровержение сведений порочащего характера, признание сделки недействительной, изъятие у лица имущества по основаниям, предусмотренным ГК). Такой подход также позволит устранить еще одну существующую правовую неопределенность, связанную с понятийно-категориальным аппаратом. Цивилистическая доктрина использует понятия «способы защиты гражданских прав» (ст. 11 ГК) [7] и «меры защиты» как комплекс негативных для должника (правонарушителя) последствий, не связанных с гражданско-правовой ответственностью. Если обратиться к соотношению категорий «способ» и «мера» как философско-правовой дихотомии, то можно говорить о следующем: способ — это инструментарий, мера — конкретный результат применения данного инструментария. Следовательно, способ защиты предполагает применение различных мер защиты, которые в существующей теории гражданско-правового принуждения разделены достаточно условно на меры имущественного (являющиеся гражданско-правовой ответственностью) и неимущественного (организационного) характера (не относящиеся к гражданско-правовой ответственности) в рамках единого предмета правового регулирования.

---

1. Андреев Ю. Н. О некоторых особенностях принуждения в гражданском (частном) праве // Новая правовая мысль. 2013. № 3. С. 18–24. Вернуться к статье

2. Баринов Н. А. Проблема принуждения в гражданском праве // Гражд. право. 2012. № 1. С. 6–14. Вернуться к статье

3. Березнёв Р. Ю. Юридическая конструкция гражданско-правового принуждения // Современное частное право: актуальные вопросы, достижения и инновации : материалы Междунар. науч.-практ. конф., Ташкент, 29 апр. 2021 г. : сб. ст. / Ташкент. гос. юрид. ун-т ; редкол.: Б. Тошев [и др.]. Ташкент : ТГЮУ, 2021. С. 6–8. Вернуться к статье

4. Ефременко Е. М. Гражданско-правовая ответственность в системе правомерного принуждения: понимание и нормативное закрепление // Вестн. Акад. МВД Респ. Беларусь. 2023. № 2. С. 39–41. Вернуться к статье

5. Кархалев Д. Н. Гражданско-правовое принуждение // Вестн. Уфим. юрид. ин-та МВД России. 2014. № 1. С. 26–29. Вернуться к статье

6. Усанов В. Е. Экспансия публичного права в сферу частных интересов: новая управленческая парадигма // Государство и право. 2020. № 9. С. 136–141. Вернуться к статье

7. Гражданский кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 7 дек. 1998 г. № 218-З : принят Палатой представителей 28 окт. 1998 г. : одобр. Советом Респ. 19 нояб. 1998 г. : в ред. от 9 дек. 2025 г. № 110-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». Вернуться к статье

УДК 340.1

ДЕФОРМАЦИЯ ПРАВОВОГО СОЗНАНИЯ: ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ И ФАКТОРЫ ВЛИЯНИЯ

DISTORTION OF LEGAL CONSCIOUSNESS: ISSUES OF DEFINITION AND INFLUENCING FACTORS

Л. В. Карнаушенко
Краснодарский университет МВД России,
начальник кафедры теории и истории права и государства,
доктор исторических наук, профессор

Аннотация. *Отмечается, что деформация правового сознания представляет собой опасное социальное явление и потому требует серьезного научно-управленческого осмысления. Особую опасность представляют такие разновидности деформированного правосознания, как правовой нигилизм и правовой радикализм. Детерминантами деформированного правового сознания в современном обществе выступает ряд факторов, в совокупности формирующих системную социальную проблему.*

Ключевые слова: *общество, государство, право, правосознание, деформация правосознания, правовая реальность, правовой нигилизм, правовой радикализм.*

Annotation. *It is noted that the deformation of legal consciousness is a dangerous social phenomenon and therefore requires serious scientific and managerial reflection. Such types of deformed legal consciousness as legal nihilism and legal radicalism pose a particular danger. A number of factors determine the deformation of legal consciousness in modern society, collectively forming a systemic social problem.*

Keywords: *society, state, law, legal consciousness, deformation of legal consciousness, legal reality, legal nihilism, legal radicalism.*

Правовое сознание является важным элементом системы социокультурной регуляции общества. Правовое сознание представляет собой сложную систему как рациональных убеждений, взглядов, так и эмоционально-чувственного отношения к праву и правовой действительности. В этом аспекте устойчивое правосознание может рассматриваться как фактор стабилизации социальной системы, в противном случае деформированное правосознание представляет собой опасное социальное противоречие, несущее в себе угрозы дестабилизации социальной системы.

В научной литературе в настоящее время сложилась двойственная проблемная ситуация относительно определения понятия «деформация правового сознания». Стоит отметить, что большинство определений формируют в целом непротиворечивый научный дискурс, связанный с представлением

о деформированном правосознании как искаженном, не соответствующем объективной реальности, субъективном восприятии права. Истоки данного феномена искажения образа права на личностном уровне связаны с закономерностями восприятия различных элементов окружающего мира, в том числе и права, неспециализированным, неподготовленным обыденным сознанием, склонным в большей мере «переживать» по поводу права, нежели рационально-логически его оценивать.

Один из наиболее распространенных вариантов определения понятия выглядит следующим образом: «деформация правосознания — это искажение, неправильное формирование или недостаточное развитие правового сознания у индивидов или в обществе в целом» [1, с. 32]. Ключевым признаком деформации правосознания в данном случае выступает именно искажение сознания человека (возникающее как следствие «обработки» правовой информации либо по причине дефицита такой информации).

Также исследователи нередко трактуют данное понятие следующим образом: «…устойчивые негативные изменения и отклонения от нормы, выражающиеся в неправильном восприятии и оценке юридической реальности. Эти изменения чаще всего проявляются на уровне индивидуального и массового сознания, отражаясь непосредственно в действиях и поведении граждан и целых социальных групп» [2, с. 131]. В данном аспекте первостепенное значение имеет именно девиация в форме отклонения от соционормативной системы прежде всего в юридической сфере.

По мнению З. Н. Каландаришвили, «деформация правового сознания может быть определена как общественное явление, характеризующееся отрицательным формированием у субъектов конкретных стереотипов, идей, оценок, знаний, социально-правовых установок, чувств и эмоций, которые искаженно отражают реальную правовую картину и выражают негативное отношение к существующей системе права и режиму законности» [3, с. 13]. Эвристическая ценность этого варианта определения состоит в том, что здесь акцентируется внимание на двух аспектах, значимость которых подчас игнорируется исследователями. Во-первых, это мир мифов, стереотипов, свойственный носителям обыденного сознания — здесь априори высоки риски искаженного восприятия права. Во-вторых, акцент на мир чувств и эмоций, который у носителей обыденного сознания зачастую доминирует и косвенно способствует формированию деформированного правосознания.

Вместе с тем при оценке ситуации с определением понятия «деформация правосознания» необходимо учитывать и междисциплинарное поле анализа проблематики деформации правосознания, которое объективно способствует формированию определенных противоречий в понятийной аппарате,

т. к. деформация правосознания является объектом познания не только юридической науки, но и ряда других общественных наук (социологии, философии, психологии и т. д.). При этом требования к понятийному аппарату несколько отличаются в юридических и неюридических науках — именно поэтому сложности в данной сфере практически неизбежны, к ним необходимо адаптировать практику управленческой деятельности.

Относительно проблемы классификации деформации правосознания стоит заметить, что в научной и учебной литературе существуют различные варианты; в целом формируется довольно непротиворечивая картина. С точки зрения Е. В. Струговой, «основными считаются правовой инфантилизм, правовой идеализм (фетишизм), правовой нигилизм и феномен перерождения правосознания, хотя существуют и иные, например, правовой радикализм, правовой популизм, правовой конформизм» [4, с. 43].

В научной литературе различные виды деформации правового сознания в целом достаточно полно охарактеризованы, что позволяет сформировать полноценный взгляд на проблему прежде всего с научно-практической точки зрения. В частности, исследователями отмечаются:

− Правовой инфантилизм, который характеризуется несформированностью правового сознания, вызванной недостаточными знаниями о праве и отсутствием четких правовых установок.

− Правовой идеализм (фетишизм). В этом случае человек идеализирует право, считая его абсолютной идеей и идеалом, что может привести к неприятию изменений в праве или к нереалистическим ожиданиям от правовой системы.

− Правовой негативизм, который характеризуется отрицанием ценности права как универсального регулятора общественных отношений.

− Правовой нигилизм представляет собой деформацию правосознания, характеризующуюся активным отрицанием и неприятием правовых предписаний.

− Правовой радикализм, который представляет собой особую форму деформации правосознания, характеризующуюся чрезмерной и агрессивной уверенностью в своей правоте и неприятием иных точек зрения, отличных от собственных [1, с. 33].

Среди перечисленных видов деформации правового сознания следует обратить внимание на правовой нигилизм и правовой радикализм, несущие в себе серьезные риски дезорганизации социальной системы, потери ею стабильности и равновесного состояния. Так, правовой нигилизм предполагает антисоциальную активность личности в форме субъективного неприятия норм права. При этом причины возникновения данной проблемы могут быть связаны

с дисфункциями различных сфер и подсистем общества, ответственных за социализацию, воспитание, социальное развитие подрастающих поколений. Еще опаснее в социальном плане правовой радикализм, близкий к экстремизму. Данная разновидность деформации правосознания не просто предполагает активное отрицание норм права (как правовой нигилизм), но и на эмоционально-чувственном уровне содержит агрессивные антисоциальные установки. Именно на платформе правового радикализма развиваются экстремистские установки личности. Таким образом, правовой нигилизм и правовой радикализм являются закономерным следствием серьезных сбоев процесса социализации, воспитания, образования подрастающих поколений. При этом эффективное преодоление последствий этих явлений в краткосрочной и среднесрочной перспективе является весьма затруднительным.

В этой связи анализ причин возникновения социальных отклонений в форме деформации правового сознания является весьма актуальным. Стоит отметить, что среди исследователей в настоящее время нет единства относительно причин деформации правового сознания. Как правило, упоминается несколько основных факторов, которые лежат в основе генезиса и развития данной проблемы. Например, исследователями указываются «социальная нестабильность, правовая неграмотность, коррупция, неэффективность правоприменительной системы, недостаток доверия к власти, а также дефицит системной правовой социализации граждан, особенно молодежи» [2, с. 133]. Отмеченные факторы затрагивают прямо или косвенно политическую, духовную, социальную и другие основные подсистемы современного общества. Переплетаясь, взаимно дополняя друг друга, негативные факторы образуют острую системную социальную проблему, не имеющую очевидного эффективного решения в ближайшей временной перспективе. Так. В. Р. Петров указывает, что «имея глубокие исторические корни, различные формы и виды ее проявления в настоящее время являются результатом отрицательного воздействия факторов экономического, политического, правового, идеологического, этического, организационного и иного характера» [5, с. 115]. В этой связи следует обратить особое внимание на действие исторических факторов, которые находят свое проявление в менталитете народа, в том числе и в правовом. В российском обществе весьма заметны исторические традиции деформации правосознания, противопоставления духовной сферы общества с одной стороны и института государства с его правоохранительной системой с другой стороны. Это находит свое негативное отражение в процессе социализации подрастающего поколения, проникает в сферу массмедиа, в пространство Интернета (особенно в его неформальный сегмент). Исходя из вышеизложенного, проблема деформации

правосознания носит острый системный характер в настоящее время и не имеет очевидных эффективных решений.

Таким образом, деформация правового сознания — перспективный объект междисциплинарного научного исследования. В настоящее время ряд общественных наук способствовали выработке консенсусных определений ключевого понятия «деформация правового сознания», что позволяет активно интегрировать научное знание в практику социального управления. Однако анализ разновидностей деформации правового сознания, а также факторов его детерминации применительно к современному обществу говорит о том, что быстрого решения проблемной ситуации в аспекте преодоления деформаций правосознания ожидать нельзя. Особую тревогу вызывают инерционные процессы, связанные с историческими и духовными факторами развития российского общества. Это сказывается на процессах социализации и воспитания молодого поколения, деформация правосознания которого является наиболее опасной с перспективной точки зрения. Следует также отметить дефицит эмпирических исследований проблематики деформации правосознания и определенный дисбаланс в научной литературе в сторону общетеоретических разработок проблемы. Сложившаяся ситуация диктует необходимость пересмотра многих научно-управленческих подходов к решению проблемы деформации правового сознания. Прежде всего необходимо сделать акцент на анализе иррационального, эмоционально-чувственного, порой аффективного отношения носителей обыденного сознания к праву. Именно здесь кроются многие причины генезиса деформированного правосознания.

1. Колтунова В. И., Зайцев В. А. Правосознание и его деформации // Право и государство: теория и практика. 2023. № 9. С. 31–33. Вернуться к статье

2. Щанкина Л. Н., Больбат П. Н., Каян В. А. Деформация правосознания: причины, последствия, проблемы и пути их решения // Вестн. Акад. права и упр. 2025. № 3. С. 129–134. Вернуться к статье

3. Каландаришвили З. Н. Деформация правового сознания молодежи и юридические способы ее преодоления: теоретико-правовой аспект : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / С.-Петерб. Гуманитар. ун-т профсоюзов. СПб., 2004. 202 с. Вернуться к статье

4. Стругова Е. В. О правосознании и его деформации // Юрид. наука. 2016. № 1. С. 41–48. Вернуться к статье

5. Петров В. Р. Деформация правосознания граждан России: Проблемы теории и практики : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01. Н. Новгород, 2000. 222 с. Вернуться к статье

УДК 343.2

ПОСТНЕКЛАССИЧЕСКАЯ РАЦИОНАЛЬНОСТЬ И ИНТЕГРАТИВНЫЙ ПОДХОД В ПОЗНАНИИ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ СОРАЗМЕРНОСТИ

POST-NON-CLASSICAL RATIONALITY AND THE INTEGRATIVE APPROACH TO UNDERSTANDING CRIMINAL LAW PROPORTIONALITY

А. В. Ковальчук
Академия МВД Республики Беларусь,
докторант научно-педагогического факультета,
кандидат юридических наук, доцент

Аннотация. *В статье рассматриваются методологические основания познания соразмерности в системе принципов криминализации. Обосновывается, что адекватное понимание данного феномена возможно в рамках постнеклассической научной рациональности и синтеза либертарно-юридического и интегративного типов правопонимания. Показано, что интегративный подход создает предпосылки для разработки инструментария оценки соразмерности уголовного закона как формы выражения социального баланса.*

Ключевые слова: *соразмерность, принципы криминализации, постнеклассическая рациональность, тип правопонимания, интегративный подход, методология права.*

Annotation. *The methodological foundations of understanding proportionality within the system of criminalization principles are examined. It is argued that an adequate understanding of this phenomenon is possible within the framework of post-non-classical scientific rationality and a synthesis of libertarian-legal and integrative legal thinking. It is shown that an integrative approach creates the preconditions for developing tools for assessing the proportionality of criminal law as a form of expressing social balance.*

Keywords: *proportionality, principles of criminalization, post-non-classical rationality, type of legal understanding, integrative approach, methodology of law.*

Современная юридическая наука переживает период активной методологической рефлексии. Традиционные, преимущественно позитивистские, схемы познания права все чаще демонстрируют свою ограниченность при обращении к сложным, «человекоразмерным» [1, с. 90] феноменам. Одним из таких феноменов выступает уголовно-правовая соразмерность — категория, находящаяся на пересечении философии права, социологии и уголовно-правовой догматики. Ее синтетическая природа, сочетающая имманентное свойство права, нормативное требование и социальный идеал, предопределяет невозможность осмысления в рамках какой-либо одной жесткой методологической схемы. Познание рассматриваемого правового феномена возможно с использованием

постнеклассического типа научной рациональности, реализуемого посредством интегративного методологического подхода.

Как известно, первоначальным этапом методологического обоснования научного исследования выступает определение типа научной рациональности, задающего среду для развития знания. Согласно В. С. Степину, в истории науки сменяли друг друга классический, неклассический и постнеклассический его типы [2, с. 632–636]. Классическая рациональность, долгое время доминировавшая в юриспруденции в форме юридического позитивизма, ориентирована на объективность и элиминацию субъекта. Однако, как справедливо отмечает В. И. Павлов, замыкание уголовно-правовых дисциплин исключительно на технических проблемах не дает существенного результата [3, с. 47]. Постнеклассическая же рациональность, напротив, учитывает соотнесенность знаний об объекте с ценностно-целевыми структурами, признавая включенность исследователя в изучаемую реальность [4, с. 147–148; 1, с. 90]. Именно постнеклассическая парадигма создает необходимый эпистемологический фундамент для понимания соразмерности как динамичной и контекстуальной категории. В ее рамках соразмерность предстает результатом, чувствительным к изменениям общественных отношений, формируемым во взаимодействии социальных ожиданий, законодательных решений и правоприменительной практики. Это позволяет трактовать научный поиск как ценностно-рациональную когнитивную деятельность [5, с. 31], что является эффективным способом познания столь многомерного явления.

Выбор типа рациональности детерминирует определение типа правопонимания. Легистский (позитивистский) подход, отождествляющий право с предписанием государства, исторически доминировал, но был подвергнут критике за редукционизм и отрыв от нравственных оснований [6, с. 14]. Как констатирует И. Л. Честнов, главный недостаток позитивизма — его оторванность от социальной практики, замкнутость в мире должного [7, с. 83]. Исследование уголовно-правовой соразмерности, представляющей собой меру соответствия между миром сущего (социальная вредоносность) и миром должного (уголовно-правовой запрет), не может быть плодотворным в рамках методологии, отрицающей эту связь.

Естественно-правовой подход (юснатурализм) предлагает критерии оценки закона, исходя из нравственных начал, однако страдает абстрактностью и умозрительностью [8, с. 27–28], что затрудняет их идентификацию в конкретном законотворческом процессе.

Наиболее обоснованным для исследования соразмерности представляется опора на либертарно-юридический тип правопонимания В. С. Нерсесянца, дополненный элементами синтезированной (интегративной) теории.

Либертарно-юридическая концепция определяет сущность права как принцип формального равенства, неразрывное триединство равной меры, свободы и справедливости [9]. Данный подход создает теоретическую основу для исследования уголовно-правовой соразмерности как имманентного праву свойства, обеспечивающего сбалансированную взаимосвязь его компонентов. Во-первых, понимание права как меры свободы непосредственно указывает на проблему соразмерности как поиск баланса между свободой индивида и необходимостью ее ограничения. Во-вторых, это позволяет понять дуалистическую цель уголовно-правовой соразмерности — предотвращение как чрезмерного, так и недостаточного ограничения свободы. В-третьих, сохраняя предметность юридического анализа, данный подход наделяет его имманентным ценностным критерием, позволяющим критически оценивать законодательные решения.

Интегративная теория, рассматривающая право как многомерное образование, сочетающее нормативный, социологический и аксиологический пласты, созвучна постнеклассической установке на множественность перспектив [10, с. 89]. Синтез либертарного и интегративного подходов позволяет, опираясь на строгий критерий формального равенства, учитывать социальный контекст и аксиологическое измерение уголовного права.

Избранная нами парадигма реализуется через систему взаимосвязанных принципов познания. Принцип всесторонности требует рассмотрения соразмерности во всей совокупности проявлений: как исторической идеи, метапринципа, нормативного требования и практического критерия. Принцип междисциплинарности предполагает синтез философии права, общей теории права и социологии. Принцип системности позволяет концептуализировать принципы криминализации как целостную структуру и выстроить иерархию объектов уголовно-правового соразмерения. Принцип контекстуальности, являясь методологическим выражением постнеклассической установки, указывает на зависимость содержания соразмерности от социально-исторического контекста и системы ценностей общества. Принцип детерминизма ориентирует на установление объективных причин, формирующих потребность в соразмерном регулировании. Принцип единства теории и практики требует неразрывной связи теоретической модели с эмпирическим материалом.

Проанализированные принципы познания конкретизируются через совокупность методологических подходов. Аксиологический подход занимает первоочередное положение, поскольку соразмерность есть процедура ценностного взвешивания. Он позволяет выявить иерархию охраняемых ценностей и эксплицировать конфликтующие блага, баланс между которыми обеспечивает соразмерность. Соразмерность предстает как механизм поиска соответствия

между ценностью охраняемого блага и ценностью ограничиваемой свободы индивида.

Системно-структурный подход необходим для моделирования системы принципов криминализации, вычленения их содержательных факторов и выявления места соразмерности как системообразующей связи, обеспечивающей сбалансированность всей системы. Историко-генетический подход позволяет реконструировать генезис уголовно-правовой мысли о соразмерности от античных представлений до современных концепций, установив ее инвариантные признаки и связь со справедливостью. Деятельностный (праксиологический) подход обеспечивает переход от теории к прикладному результату, позволяя представить процесс соразмерения как структурированную деятельность субъекта и формализовать его в виде четкого алгоритма.

Центральным звеном, синтезирующим все подходы, выступает интегративный методологический подход. В русле постнеклассической рациональности он вытекает из принципа дополнительности [11, с. 50] и является ответом на многообразие подходов в современном правоведении. Именно интегративный подход позволяет последовательно соединить историко-философскую реконструкцию идеи, теоретико-правовое моделирование и конкретно-социологическую разработку практического инструментария, обеспечив целостность и непротиворечивость результатов.

Названные подходы проявляются через систему методов познания. Всеобщий диалектический метод позволяет раскрыть дуалистическую природу соразмерности через противоречие безопасности общества и прав индивида. Общенаучные методы (анализ, синтез, системный, функциональный, моделирование) обеспечивают построение целостных конструкций: модели уровней соразмерности, иерархий объектов и системы принципов криминализации. Метод операционализации обеспечивает перевод абстрактных доктринальных требований в систему конкретных, верифицируемых показателей. Частнонаучные методы: формально-догматический — для анализа текстов законов; сравнительно-правовой — для сопоставления подходов в различных правовых системах; конкретно-социологические — для наполнения исследования эмпирическими данными.

Таким образом, методологическая позиция исследования расматриваемого феномена может быть сформирована в русле постнеклассической научной рациональности с опорой на либертарно-юридический тип правопонимания, обогащенный элементами синтезированной теории. Этот синтез позволяет преодолеть редукционизм классического позитивизма и умозрительность чистого юснатурализма. Понимание права как формы свободы и формального равенства задает ценностный ориентир для уголовно-правовой соразмерности, а ее

конкретное познание обеспечивается системой взаимосвязанных принципов всесторонности, междисциплинарности, системности и контекстуальности.

При этом концептуальный каркас исследования соразмерности может быть образован взаимодополняющими подходами — аксиологическим, системно-структурным, историко-генетическим и деятельностным. Центральным методологическим звеном выступает интегративный подход, оснащенный всеобщим, общенаучными и частнонаучными методами. Использованная методологическая архитектура создает необходимые теоретические предпосылки для разработки верифицируемого диагностического инструментария соразмерности в системе принципов криминализации, позволяя рассматривать уголовный закон не как замкнутую догматическую систему, а как открытую, контекстуально обусловленную форму выражения социального баланса.

1. Честнов И. Л. Эффективность правового регулирования в постклассическом измерении // Правовое регулирование: проблемы эффективности, легитимности, справедливости : сб. тр. междунар. науч. конф., Воронеж, 2–4 июня 2016 г. / Воронеж. гос. ун-т ; редкол.: В. В. Денисенко [и др.]. Воронеж, 2016. С. 86–98. Вернуться к статье

2. Степин В. С. Теоретическое знание. М. : Прогресс-Традиция, 2003. 744 с. Вернуться к статье

3. Павлов В. И. От классической к неклассической картине правовой реальности: новая парадигма юридического мышления // Право в современном белорусском обществе : сб. науч. тр. / Нац. центр законодательства и правовых исслед. Респ. Беларусь. 2011. Вып. 6. С. 47–55. Вернуться к статье

4. Бабосов Е. М. Постнеклассическая наука и поливероятностная интерпретация антропного космического принципа // Синтез философии, науки, культуры. К 80-летию академика В. С. Степина / редкол.: А. Н. Данилов (отв. ред.) [и др.]. Минск : БГУ, 2014. С. 147–153. Вернуться к статье

5. Каменецкий Ю. Ф. Теория и практика следственной профилактики : моногр. Минск : СтройМедиаПроект, 2024. 536 с. Вернуться к статье

6. Баранов П. П. Легистский позитивизм в современной России // Северо-Кавказ. юрид. вестн. 2015. № 1. С. 9–15. Вернуться к статье

7. Честнов И. Л. Критерии эффективности права с позиций постклассической юриспруденции // Евраз. юрид. журн. 2014. № 1 (68). С. 83–87. Вернуться к статье

8. Луковская Д. И., Ломакина И. Б. Проблема определенности правопознания (в контексте эволюции юснатурализма) // Вестн. С.-Петерб. ун-та МВД России. 2020. № 3 (87). С. 26–32. Вернуться к статье

9. Нерсесянц В. С. Философия права: либертарно-юридическая концепция // Вопросы философии. 2002. № 3. С. 3–15. Вернуться к статье

10. Гаврилова Ю. А. Интегративная концепция права: от философско-юридического дуализма к синтезу в смысловой теории // Рос. журн. правовых исслед. 2017. № 1 (10). С. 88–93. Вернуться к статье

11. Лазарев В. В. Глава 3. Методология классической и постклассической юридической науки // Проблемы истории, методологии и теории юридической науки :

моногр. / отв. ред. А. В. Корнев. М. : Норма : ИНФРА-М, 2026. С. 47–83. Вернуться к статье

УДК 340.114.5

АКСИОЛОГИЯ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ СОТРУДНИКА ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

AXIOLOGY OF THE LEGAL CULTURE OF AN INTERNAL AFFAIRS OFFICER

А. А. Козел
Академия МВД Республики Беларусь,
профессор кафедры теории и истории государства и права,
кандидат философских наук, доцент

Аннотация. *В статье рассматривается феномен правовой культуры как ценности. Ценностный характер правовой культуры определяется ценностью самого права как социального института, интегрирующего интересы и потребности общества и личности в организации общественной жизни на основе справедливости. Аксиология правовой культуры сотрудника органов внутренних дел императивно задается нормативной правовой базой их функционирования.*

Ключевые слова: *социальный институт, право, справедливость, ценность, аксиология, культура, правовая культура, тип правовой культура, правовая культура сотрудника органов внутренних дел.*

Annotation. *The article examines the phenomenon of legal culture as a value. The value nature of legal culture is determined by the value of law itself as a social institution that integrates the interests and needs of society and the individual in organizing public life on the basis of justice. The axiology of the legal culture of an employee of the internal affairs bodies is imperatively set by the regulatory legal framework of their functioning.*

Keywords: *social institution, law, justice, value, axiology, culture, legal culture, type of legal culture, legal culture of an employee of internal affairs bodies.*

В системе таких основных, на наш взгляд, социальных институтов, как экономика, право, семья, образование, армия, институт права в Республике Беларусь — демократическом, правовом, социальном государстве — играет ключевую роль. Это обстоятельство определяется следующими объективными факторами. Во-первых, вся экономическая и общественно-политическая деятельность определена Основным Законом Республики Беларусь — Конституцией [1]. Являясь политико-правовой программой, она задает главные параметры организации жизнедеятельности государства, общества и личности. Во-вторых, право регулирует общественные отношения, складывающиеся во всех указанных нами социальных институтах. Брачно-семейные отношения регулируются Кодексом о браке и семье [2], образование — Кодексом об образовании [3], деятельность вооруженных сил Законом Республики Беларусь — законом

«О Вооруженных Силах Республики Беларусь» [4], экономика — Трудовым, Банковским кодексами [5; 6] и др. Всего на 1 января 2026 г. в Республике Беларусь действует 26 кодексов и 4 000 нормативных правовых актов, не считая десятков тысяч ведомственных. Право, таким образом, выступает интегратором экономической, общественно-политической, культурной и духовной жизнедеятельности государства и общества, а задавая нормы, с одной стороны придает социуму стабильность, а с другой — выполняет роль социального инженера, конструируя общественно-политическую систему, и тем самым фундирует ее динамику и развитие. Значимость чего-либо для всего общества или отдельных социальных групп, в нашем случае права, в философской литературе обозначается понятием «ценность» (греч. axia). Аксиология (раздел философии) исследует ценности как «смыслообразующие основания человеческого бытия, задающие направленность и мотивированность человеческой жизни, деятельности конкретным деяниям и поступкам» [7, с. 26]. Поэтому ценностный характер обретают связанные с правом феномены человеческой жизнедеятельности, которые отражают наиболее важные интересы и потребности большинства граждан и детерминируют социальный прогресс и справедливость. Сформировавшись в эпоху античности в лоне юриспруденции, концепт справедливости как закона, направленного на достижение общего блага, сегодня обрел статус фундаментальной социально-политической и экономической категории [8, с. 76–81], определяющей вектор развития Республики Беларусь вообще и правоохранительной деятельности в частности. Распределение общественных благ в зависимости от личного вклада гражданина, получение бесплатного образования и медицинского обслуживания, социальное обеспечение в старости, доступ к государственным должностям — таковы основные слагаемые социальной справедливости, гарантированные Конституцией Республики Беларусь. Несомненно, ценностно-правовое измерение имеют декларируемые законодательством демократия как главный инструмент организации жизнедеятельности социума и государства, личная свобода и равенство перед законом как способ равноправного участия гражданина в экономической, социально-политической, правовой и культурной жизни.

В предгосударственную эпоху социальный порядок регламентировался традицией-обычаем, религией, волей вождя, следование предписаниям которых обеспечивало стабильность и воспроизведение сложившейся социальной организации. С возникновением государственных форм человеческого общежития и усложнением структуры общественных отношений формируется писаное право, превращаясь в буржуазную эпоху в основной социальный регулятор, становится атрибутивным элементом человеческой культуры — создаваемого человечеством духовного и материального богатства, служащего экономическому,

социальному и политическому прогрессу [9, с. 5]. Все возрастающая роль права в современном обществе, как детерминанта социального прогресса, свидетельствует о превращении его из простого регулятора в культурный феномен. И если советский философ и культуролог Г. Н. Волков говорил о трех ликах культуры — искусстве, философии, естествознании [9, с. 11–37], мы полагаем, что право сегодня объективно является четвертым ликом человеческой культуры. Итак, право в Республике Беларусь как культурное явление (составная часть духовного и материального богатства, созданного белорусским народом), культивируя свои нормы, преобразует в положительном смысле общество, государство и гражданина. В юридической литературе сопряжение права и культуры актуализируется в понятии «правовая культура», которое понимается как «часть человеческой культуры, совокупность норм, ценностей, юридических институтов, процессов и форм, выполняющих функцию социальной и правовой ориентации людей в конкретном обществе» [10, с. 670]. Соглашаясь в целом с такой дефиницией, мы, исходя из понимания права как культурно-аксиологического образования, предлагаем следующую трактовку правовой культуры: это атрибут (неотъемлемое свойство, часть) культуры, представленной в форме общепризнанных правовых доктрин, норм, реализующих справедливость, правовых ценностей и юридических институтов, обеспечивающих функционирование государственно-общественного механизма на правовой основе, и социальный прогресс. Аксиологическое измерение правовой культуры выражается в следующих ее функциях: правовая социализация граждан; правовое просвещение и правовое воспитание; детерминация законопослушного поведения; активизация правовой активности. Что касается правовой культуры личности, то она, на наш взгляд, заключается, с одной стороны, в усвоении индивидом перечисленных нами элементов правовой культуры и формировании адекватного общественным потребностям правосознания, а с другой стороны, в указании ему императивов ценностно-правового поведения. В юридической литературе аксиологическое измерение правовой культуры вербализуют словами «высокий — низкий». С высоким уровнем правовой культуры личности ассоциируются такие ее характеристики, как знание права, законопослушность, правовая активность. На наш взгляд, перечисленные характеристики не отражают в полной мере ценностный статус правовой культуры личности, а такая характеристика, как знание права (а это знание отечественных правовых доктрин, тысяч нормативных правовых актов), ставит под сомнение достижение индивидом заявленного высокого уровня, даже несмотря на наличие в Республике Беларусь большого числа граждан с юридическим образованием. Современная правоприменительная практика свидетельствует, что в правоохранительных органах (прокуратуре, органах внутренних дел, следственном

комитете, адвокатуре) в целях профессионального рассмотрения дел используется принцип специализации — знания права в определенной сфере общественных отношений. Мы предлагаем ценностный статус правовой культуры личности определять не с помощью дихотомии «высокий — низкий», а используя понятие «тип правовой культуры». Например, правовая культура личности в правовом, демократическом, социальном государстве. Тогда характеристикой искомой правовой культуры личности будет не абстрактно-недостижимое знание права вообще, а знание своих конституционных прав, свобод и обязанностей. Авторы, придерживающиеся марксистской методологии в социальных науках, составной частью которых является юриспруденция, употребляют понятие «правовая культура» только относительно той или иной общественно-экономической формации. Мы полагаем, что типологизация правовой культуры в контексте общественно-экономических формаций в полной мере не раскрывает ее ценностный статус, т. к. игнорируются национальные, цивилизационные и ментальные ее компоненты и профессионально-групповая специфика. Имеет особенности и правовая культура такой профессиональной группы, как сотрудники органов внутренних дел Республики Беларусь. На наш взгляд, они следующие:

– Правовая культура сотрудника императивно определяется Конституцией Республики Беларусь [1], Законом Республики Беларусь «Об органах внутренних дел Республики Беларусь» [11], Присягой сотрудника органов внутренних дел Республики Беларусь [12], которые задают такие параметры, как соблюдение конституционных прав и свобод граждан, справедливость — законность, объективность, гуманизм.

– Правовая культура сотрудника сопряжена с политической культурой. Несмотря на законодательный запрет сотрудникам правоохранительных органов на членство в политических партиях, они на практике являются активными акторами политической жизни — участвуют в выборах, имеют право претендовать на любые государственные должности, в соответствии с законодательством являются силовым фактором стабилизации политической системы Республики Беларусь.

– Правовая культура сотрудника носит тотально-ценностный характер, поэтому отклонение от аксиологического измерения правовой культуры сотрудника ведет к потере ею ценностного статуса.

Таким образом, ценностный статус правовой культуры сотрудника органов внутренних дел определяется ценностным статусом самого права как совокупности норм, реализующих общественный запрос на справедливость. Рассмотрение правовой культуры сотрудника органов внутренних как ценностного образования позволяет с теоретической стороны выяснить основные ее

параметры, а с практической — совершенствовать работу по формированию у сотрудников современной правовой культуры.

1. Конституция Республики Беларусь : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г., 17 окт. 2004 г. и 27 февр. 2022 г. Минск : Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2022. 80 с. Вернуться к статье

2. Кодекс Республики Беларусь о браке и семье [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г. № 278-З : принят Палатой представителей 3 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 08.07.2024 г. № 26-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». Вернуться к статье

3. Кодекс Республики Беларусь об образовании [Электронный ресурс] : 13 янв. 2011 г. № 243-З : принят Палатой представителей 2 дек. 2010 г. : одобр. Советом Респ. 22 дек. 2010 г. : в ред. от 5 дек. 2024 г. № 46-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». Вернуться к статье

4. О Вооруженных Силах Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь от 3 нояб. 1992 г. № 1904-XII : в ред. от 9 дек. 2025 г. № 111-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». Вернуться к статье

5. Трудовой кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 26 июля 1999 г. № 296-З : принят Палатой представителей 8 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 30 июня 1999 г. : в ред. от 9 дек. 2025 г. № 110-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». Вернуться к статье

6. Банковский кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 25 октября 2000 г. № 441-З : принят Палатой представителей 3 окт. 2000 г. : одобр. Советом Респ. 12 окт. 2000 г. : в ред. от 18 июля 2022 г. № 197-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». Вернуться к статье

7. Всемирная энциклопедия. Философия / глав. науч. ред. и сост. А. А. Грицанов. М. : АСТ : Харвест, Соврем. литератор, 2001. 1312 с. Вернуться к статье

8. Козел А. А. Справедливость как юридическая и универсальная социально-политическая категория // Вестн. Акад. МВД Респ. Беларусь. 2022. № 1 (43). С. 76–81. Вернуться к статье

9. Волков Г. Н. Три лика культуры. М. : Молодая Гвардия, 1986. 335 с. Вернуться к статье

10. Тихомирова Л. В., Тихомиров М. Ю. Юридическая энциклопедия / под ред. М. Ю. Тихомирова. изд. 5-е, дополн. и перераб. М. : Юринформцентр, 2001. 971 с. Вернуться к статье

11. Об органах внутренних дел Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь от 17 июля 2007 г. № 263-З : в ред. от 19 мая 2022 г. № 171-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». Вернуться к статье

12. Об утверждении Инструкции о порядке принесения Присяги сотрудниками органов внутренних дел Республики Беларусь [Электронный ресурс] : приказ М-ва внутр. дел Респ. Беларусь от 31 авг. 2012 г. № 298. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». Вернуться к статье

УДК 323.28

ОПРАВДАНИЕ ТЕРРОРИЗМА: ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

JUSTIFICATION OF TERRORISM: THE LEGAL BASIS FOR COUNTERACTION IN THE REPUBLIC OF BELARUS

Р. Н. Козыренко
Могилевский институт МВД Республики Беларусь,
доцент кафедры общеюридических и уголовно-правовых дисциплин
факультета повышения квалификации и переподготовки кадров,
кандидат политических наук

Н. Е. Беляев
начальник управления
главного управления по борьбе с организованной преступностью
и коррупцией Министерства внутренних дел Республики Беларусь

Аннотация. *В статье рассматриваются правовые основы противодействия оправданию терроризма в Республике Беларусь. На основе анализа норм международного и внутригосударственного права делается вывод о необходимости совершенствования законодательства об ответственности за публичное оправдание терроризма в целях обеспечения национальных интересов Республики Беларусь в информационной сфере.*

Ключевые слова: *терроризм, оправдание терроризма, международная конвенция, преступление, уголовная ответственность, информационная сфера.*

Annotation. *This article examines the legal framework for countering the justification of terrorism in the Republic of Belarus. Based on an analysis of international and domestic law, it concludes that legislation on liability for public justification of terrorism needs to be improved in order to ensure the national interests of the Republic of Belarus in the information sphere.*

Keywords: *terrorism, justification of terrorism, international convention, crime, criminal liability, information sphere.*

Насильственные деяния как метод политической борьбы с целью установления либо изменения внутриполитического либо международного порядка как в мирное, так и в военное время известны в истории человечества со времен образования первых политически организованных сообществ.

Со времен Великой французской революции (1789–1799) для обозначения таких деяний, как тотально-насильственные политические акции, стал употребляться термин «терроризм». Женевская конвенция 1937 г. о предупреждении терроризма и наказании за него впервые определила террористические акты как преступные действия, направленные против государства или имеющие

целью терроризировать определенных лиц, группы или население в целом [1]. Таким образом, в ней зафиксировано, что терроризм представляет собой не только противоправный физический акт, но также и деструктивное психологическое воздействие на человека, общество и его группы.

В современных условиях наряду с постоянной модернизацией известных форм терроризма, боевой тактики и стратегии террористов существенно возросли масштабы распространения идей и практики оправдания терроризма. Его основными каналами являются преимущественно интернет-пространство и социальные сети, что делает оправдание терроризма одной из угроз национальной безопасности государств.

Сущностное наполнение оправдания терроризма как речевого действия и деструктивного информационно-психологического воздействия на индивидуальное и общественное сознание, реализуемого с целью нейтрального либо положительного восприятия терроризма и террористов, в самом общем виде не вызывает дискуссий. С учетом конкретно-исторической обусловленности понимания сущности терроризма, наиболее популярными средствами публичного оправдания терроризма и формирования соответствующего общественного мнения остаются, как и ранее, распространяемые в рамках медиапространства и средств массовой информации тексты (политические заявления, публицистические тексты, художественные произведения различных жанров и т. п.) с выраженными как эксплицитно, так и имплицитно признаками публичного оправдания терроризма.

В научном сообществе оправдание терроризма понимается неоднозначно. В частности, в рамках анализа соотношения терроризма и экстремизма отмечено: «спор теоретиков о том, что “терроризм — это крайняя форма экстремизма” или “экстремизм выступает в качестве подчиненного терроризму понятия”, является феноменом, оправдывающим терроризм» [2, с. 184]. Вместе с тем отмечается, что неотъемлемой частью современных текстов с признаками публичного оправдания терроризма является информационная экспансия, т. к. в подобных текстах наблюдается манипуляционное воздействие на адресата всегда с позиции «доминирующего положения», т. е. авторы текстов «объясняют» потребителям контента, что и как нужно оценивать, какая точка зрения правильная и, наконец, что нужно делать [3, с. 2342].

Общемировой подход к борьбе с оправданием терроризма определен Генеральной ассамблеей Организации Объединенных Наций в рамках координации деятельности государств в борьбе против международного терроризма. Принятая в 2006 г. Глобальная контртеррористическая стратегия закрепила в числе руководящих принципов международного сотрудничества в сфере

борьбы с терроризмом отказ от поощрения или проявления терпимости по отношению к террористическим действиям [4].

Аналогичные положения содержатся и в ратифицированных Республикой Беларусь Международной конвенции о борьбе с бомбовым терроризмом [5], Международной конвенции о борьбе с финансированием терроризма [6] и Международной конвенции о борьбе с актами ядерного терроризма [7] (далее — Международные конвенции), согласно которым «каждое государство-участник принимает такие меры, какие могут оказаться необходимыми, в том числе в соответствующих случаях внутреннего законодательства, для обеспечения того, чтобы преступные деяния, подпадающие под действие Конвенции, ни при каких условиях не подлежали оправданию по каким-либо соображениям политического, расового, этнического, религиозного или иного аналогичного характера и влекли наказание сообразно степени их тяжести» [5; 6; 7].

В Конвенции Шанхайской организации сотрудничества против терроризма (далее — Конвенция) зафиксированные в Международных конвенциях положения о недопустимости оправдания терроризма получили определенное развитие. В результате в Конвенции констатируется, что терроризм вне зависимости от его мотивов не может быть оправдан ни при каких обстоятельствах по соображениям исключительно политического, философского, идеологического, расового, этнического, религиозного или иного аналогичного характера, а лица, виновные в совершении таких деяний, должны быть привлечены к ответственности в соответствии с национальным законодательством [8].

При этом, согласно Конвенции, под публичным оправданием терроризма надлежит понимать распространение какого-либо обращения к общественности в целях побуждения к совершению хотя бы одного из указанных в ней (подп. 1–3 и 5–10 п. 1) террористических преступлений, либо публичные заявления о признании терроризма нуждающимся в поддержке и подражании [8].

Таким образом, на международном уровне зафиксировано, что оправдание терроризма — международно-правовая категория политического и уголовно-правового характера. Государства-участники международных конвенций, направленных на недопущение оправдания терроризма, исходят из недопустимости ассоциации оправдания терроризма с какими бы то ни было политическими организациями, философскими взглядами, идеологией, вероучениями, этнической группой и иными аналогичными феноменами и субъектами и устанавливают ответственность за оправдание терроризма в национальном праве.

Вместе с тем перечень «каких-либо соображений», по которым оправдание терроризма недопустимо, содержащийся в международно-правовых документах о борьбе с терроризмом [5; 6; 7; 8], свидетельствует о том, что оправдание терроризма — весьма сложный и многоплановый феномен, который

затрагивает целый ряд социальных проблем. Границы этих формулировок, объединяющих весьма различные между собой явления, в силу их многоаспектности допускают возможность реализации широкого круга подходов к оправданию терроризма, неопределенность их критериев наряду с крайне расширительным толкованием оправдания терроризма.

Оправдание терроризма является политически мотивированным действием и основывается на общей совокупности идей и представлений о необходимости, допустимости и правомерности достижения политических целей и решения конкретных политических проблем и ситуаций насильственными методами. Кроме того, с учетом положений Глобальной контртеррористической стратегии [4], к оправданию терроризма необходимо относить действия, основанные на идеях и представлениях о необходимости поощрения и поддержки террористических действий.

В Республике Беларусь понятие терроризма дано в ст. 1 Закона Республики Беларусь «О борьбе с терроризмом» — «социально-политическое криминальное явление, представляющее собой идеологию и практику применения насилия или угрозы насилием в целях оказания воздействия на принятие решений органами власти, воспрепятствования политической или иной общественной деятельности, провокации международных осложнений или войны, устрашения населения, дестабилизации общественного порядка» [9].

Публичное оправдание терроризма криминализовано в уголовном законе [10] в соответствии с существующими международно-правовыми подходами. Это преступление, равно как и пропаганда терроризма, направлено на поощрение и провоцирование террористической активности, развитие и популяризацию идейной основы и практики терроризма, вовлечение людей в террористическую деятельность.

Однако в ст. 289^1 Уголовного кодекса Республики Беларусь, устанавливающей уголовную ответственность за пропаганду терроризма и его публичное оправдание, не содержится понятия «оправдание терроризма» применительно к целям реализации уголовной ответственности [10].

Основополагающим национальным интересом Республики Беларусь в информационной сфере с точки зрения гуманитарного аспекта является реализация конституционных прав граждан на свободу мнений, убеждений и их свободного выражения [11]. Не вызывает сомнения, что в Республике Беларусь оправдание терроризма как распространение законодательно запрещенной информации [12] является также злоупотреблением конституционным правом на свободу слова [13] и нарушением баланса конституционных прав и ограничений, связанных с обеспечением национальной безопасности.

Следует признать, что проблема нейтрализации угрозы оправдания терроризма не может быть решена на международно-правовом уровне в ближайшее время. В этой связи перед Республикой Беларусь стоит стратегическая цель обеспечения информационного суверенитета, безопасности информационной сферы. Одно из направлений государственной политики обеспечения информационной безопасности — реализация Республикой Беларусь шагов по перекрытию каналов пропаганды терроризма, поощрения и провоцирования террористической активности [11].

Несмотря на то, что проблема оправдания терроризма является одной из частных проблем борьбы с терроризмом, в современных условиях для эффективной реализации в Республике Беларусь юридической ответственности за публичное оправдание терроризма, его профилактики и предупреждения представляется целесообразным выработать определение «оправдание терроризма», опираясь в первую очередь на понятие терроризма, содержащееся в ст. 1 Закона Республики Беларусь «О борьбе с терроризмом» [9], а также на перечень террористических преступлений, влекущих в Республике Беларусь уголовную ответственность [10].

Такой подход обеспечит углубление понимания процессов и факторов, ведущих к оправданию терроризма, внесение своевременных коррективов в действующее законодательство о борьбе с терроризмом, выработку государственными органами стратегии и тактики противодействия террористической угрозе, обеспечения национальных интересов Республики Беларусь.

---

1. Серебренникова А. В., Лебедев М. В. Международно-правовые акты, посвященные противодействию терроризму и захвату заложников. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». Вернуться к статье

2. Галахов С. С. Об оперативно-розыскной характеристике террористических организаций, действующих на территории России // Актуальные проблемы оперативно-розыскной деятельности в XXI в. в Российской Федерации : сб. науч. тр. / С. С. Галахов. М. : Норма, 2024. С. 178–187. Вернуться к статье

3. Королькова А. Е., Алексеева М. И. Лингвистическая экспертиза текстов, публично оправдывающих терроризм и экстремизм [Электронный ресурс] // Филол. науки. Вопросы теории и практики. 2023. Т. 16, № 8. С. 2339–2343. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/lingvisticheskaya-ekspertiza-tekstov-publichno-opravdyvayuschih-terrorizm-i-ili-ekstremizm/viewer (дата обращения: 15.01.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье

4. Глобальная контртеррористическая стратегия Организации Объединенных Наций [Электронный ресурс] : Резолюция Генер. Ассамблеи ООН от 8 сент. 2006 г. № 60/288 // Гарант.Ру. Информационно-правовой портал. URL: https://base.garant.ru/70309134/ (дата обращения: 31.01.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье

5. О ратификации Международной конвенции о борьбе с бомбовым терроризмом [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь от 27 окт. 2000 г. № 445-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». Вернуться к статье

6. О ратификации Международной конвенции о борьбе с финансированием терроризма [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь от 5 июля 2004 г. № 295-З : в ред. от 20 июня 2008 г. № 349-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». Вернуться к статье

7. О ратификации Международной конвенции о борьбе с актами ядерного терроризма [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь от 20 окт. 2006 г. № 171-З : в ред. от 13 дек. 2011 г. № 325-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». Вернуться к статье

8. Конвенция Шанхайской организации сотрудничества против терроризма [Электронный ресурс] : подписана в г. Шанхае 15 июня 2001 г. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». Вернуться к статье

9. О борьбе с терроризмом [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь от 3 янв. 2002 г. № 77-З : в ред. от 3 янв. 2024 г. № 337-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». Вернуться к статье

10. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г. № 275-З : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. от 20 окт. 2025 г. № 101-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». Вернуться к статье

11. Об утверждении Концепции информационной безопасности Республики Беларусь [Электронный ресурс] : постановление Совета Безопасности Респ. Беларусь от 18 марта 2019 г. № 1. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». Вернуться к статье

12. Об средствах массовой информации [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь от 17 июля 2008 г. № 427-З : в ред. от 30 июня 2023 г. № 274-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». Вернуться к статье

13. Конституция Республики Беларусь : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г., 17 окт. 2004 г. и 27 февр. 2022 г. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». Вернуться к статье

УДК 340.1

МЕТОДОЛОГИЯ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ
METHODOLOGY OF LEGAL SCIENCE

А. Г. Лапицкий
старший инспектор группы кадров Первомайского (г. Минска) отдела Департамента охраны Министерства внутренних дел,
магистр по специальности «политология»

Аннотация. *В статье рассматриваются основные подходы к пониманию методологии юридической науки. Анализируются классические методы юридического познания, включая общенаучные и специально-юридические. Особое внимание уделяется современным тенденциям развития методологии, связанным с междисциплинарностью и постклассическими подходами. Обосновывается необходимость синтеза различных методологических стратегий для адекватного познания сложной правовой реальности.*

Ключевые слова: *методология юридической науки, методы познания, классическая методология, постклассическая методология, междисциплинарность, правовая реальность.*

Annotation. *The article examines the main approaches to understanding the methodology of legal science. Classical methods of legal cognition are analyzed, including general scientific and specialized legal methods. Special attention is paid to current trends in the development of methodology associated with interdisciplinarity and post-classical approaches. The necessity of synthesis of various methodological strategies for adequate cognition of complex legal reality is substantiated.*

Keywords: *methodology of legal science, methods of cognition, classical methodology, post-classical methodology, interdisciplinarity, legal reality.*

Юридическая наука часто выступает как строгая и консервативная дисциплина, оперирующая незыблемыми догмами и текстами законов. Однако за этим фасадом скрывается напряженный поиск адекватных инструментов познания, способных ухватить суть динамичной правовой реальности. Этот поиск сосредоточен в области методологии, системы принципов и методов, определяющих сам способ юридического мышления. Без нее любая попытка анализа права рискует остаться поверхностным описанием или набором субъективных мнений [1]. Современная ситуация характеризуется диалогом, а подчас и конфликтом, между устоявшимися классическими подходами и новыми, междисциплинарными методами, что порождает дискуссии о кризисе и путях развития самой науки [2, с. 60].

Классические методы составляют несущий каркас юридического познания. Его основу образуют общенаучные подходы, заимствованные из философии. Диалектический метод позволяет видеть право в развитии, через призму

внутренних противоречий, а системный подход рассматривает его как целостный, иерархически организованный организм [1]. Эти методы задают общую логику научного поиска. Специфику же юриспруденции определяет формально-юридический, или догматический, метод, который фокусируется на внутреннем анализе правовых текстов, норм, конструкций и их взаимосвязей [3, с. 58; 4, с. 106]. Данный метод составляет основу профессионального мастерства юриста-практика, гарантирующую определенность и стабильность правоприменения. Историко-правовой метод дает понимание генезиса институтов, а сравнительно-правовой — открывает национальные системы для диалога, выявляя общие закономерности и уникальные особенности [5, с. 61]. В рамках классической традиции особое место занимает юридический позитивизм, который концентрируется на анализе действующего законодательства, стремясь к точности и ясности юридической терминологии [5].

Однако мир усложняется, и классическая методология демонстрирует свою ограниченность. Жесткая ориентация на формально-догматический анализ может привести к отрыву права от жизни, к созданию идеальных, но нефункциональных конструкций, которые перестают отражать потребности общества. Это явление справедливо характеризуется как проявление методологического кризиса [2, с. 65]. В эпоху цифровизации, глобальных вызовов и усложнения социальных отношений право перестает быть лишь системой правил, превращаясь в сложный управленческий и социальный институт, требующий иных познавательных стратегий. В современной юридической науке существуют широкий и узкий подходы к пониманию сущности методологии права. В узком смысле методология права включает исключительно методы научного познания, в широком же — характеризуется не только методами, но и методологическими принципами, а также теоретической позицией ученого [1].

Вследствие этого происходит активное развитие постклассических и междисциплинарных методологий. Социологические методы, включая эмпирические исследования, позволяют изучать «право в действии», его реальную эффективность, восприятие обществом, причины правового нигилизма. Экономический анализ права предлагает оценивать нормы с точки зрения их последствий, эффективности и затрат, рассматривая право как инструмент регулирования поведения [6, с. 172]. Особый интерес представляет синергетический подход, трактующий правовую систему как сложную, открытую и способную к самоорганизации. Данный взгляд позволяет анализировать кризисы не как катастрофы, а как точки перехода к новому состоянию [7, с. 250]. Актуальной становится и проектная методология, ориентирующая юридическую науку на решение конкретных практических задач, на конструирование правовых решений, а не только на их толкование [8, с. 523]. Современная методологическая

ситуация характеризуется плюрализмом подходов и интеграцией различных научных дисциплин, когда юридическое исследование уже не может ограничиваться только анализом позитивного права [5].

Это позволяет сделать вывод, что современная юриспруденция стоит перед необходимостью не выбора между старой и новой методологией, а их стратегического синтеза. Изучение любого сложного феномена, будь то социальное государство, экологическое право или регулирование искусственного интеллекта, требует комплексного подхода [9, с. 25]. Например, глубокий анализ нового законодательного акта предполагает последовательное применение догматического метода для разбора текста, сравнительного для оценки в международном контексте, социологического для прогноза последствий, исторического для понимания его преемственности [10, с. 21]. Современная теория толкования права также развивается на стыке классических канонов и постклассических установок, учитывающих ценностный и социальный контекст [11, с. 53]. При этом важно различать методы познания и методологические принципы, которые выступают векторами развития научной теории и позволяют систематизировать имеющиеся научные данные [1].

В итоге, методологический прогресс в юриспруденции видится в интеграции разнородных подходов. Такой синтез позволяет преодолеть фрагментарность знания, когда строгость логического анализа обогащается пониманием социальной среды, а устойчивость традиционных конструкций дополняется гибкостью, необходимой для ответа на вызовы времени. Это превращает методологию из сухого перечня приемов в живой интеллектуальный инструмент, позволяющий не только познавать, но и созидать право, делая его адекватным динамичному миру. Именно владение этим разнообразным инструментарием отличает современного юриста-исследователя, способного к комплексному и творческому осмыслению правовой реальности. Ключевыми тенденциями современной методологии становятся междисциплинарность, эмпиричность и ориентация на практику, что позволяет юридической науке более адекватно и полно решать сложные проблемы современного общества [5]. Развитие информационных технологий способствует появлению новых методов юридического исследования, включая компьютерный юридический анализ и использование систем искусственного интеллекта, что открывает новые горизонты для познания правовой реальности.

1. Бернацкий Г. Г. Методология юридической науки : учеб. пособие. СПб. : С.-Петерб. ин-т (фил.) ВГУЮ (РПА Минюста России), 2016. 138 с. Вернуться к статье

2. Карташов В. Н. Устаревшие юридические конструкции как проявления кризиса юридической науки и ее методологии (на примере норм права) // Власть и управление на Востоке России. 2013. № 12 (12). С. 60–70. Вернуться к статье

3. Быстрова Ю. В., Исмаилов М. А., Мелешко О. П. Методы и методология юридической науки // Проблемы науки. 2025. № 6. С. 58–60. Вернуться к статье

4. Попов Е. А. Нормативная методология в современной юридической науке // Вестн. Адыгейс. гос. ун-та. Сер. 1, Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2012. № 1 (22). С. 106–110. Вернуться к статье

5. Машуков И. А. История и методология юридической науки // Наука и образование: проблемы, тенденции и перспективы развития : сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. Нальчик, 2021. С. 61–62. Вернуться к статье

6. Саенко Б. Е. Методология науки права как основа современного юридического образования в Донецкой Народной Республике // Бизнес. Образование. Право. 2021. № 1 (21). С. 172–183. Вернуться к статье

7. Гарашко А. Ю. Синергетический подход как основа развития системной методологии юридической науки // Юрид. техника. 2023. № 17. С. 250–252. Вернуться к статье

8. Ларина Е. А. Особенности методологии проектной деятельности в юридической науке и образовании // Юрид. наука и практика. 2022. Т. 6, № 4 (24). С. 523–531. Вернуться к статье

9. Гурьянов Г. И. Методология исследования социального государства в юридической науке // Соц.-полит. науки. 2018. Т. 8, № 11А. С. 25–29. Вернуться к статье

10. Токарев Р. Ю., Рассказов В. Л. Некоторые особенности методологии исследования истории юридической науки // Ист. и соц.-образоват. мысль. 2025. № 106. С. 21–27. Вернуться к статье

11. Дубрава Н. М. Современная теория толкования права в контексте классической и постклассической методологии юридической науки // Весн. Акад. МУС Рэсп. Беларусь. 2022. № 2 (44). С. 53–61. Вернуться к статье

УДК 343.85

ЦИФРОВАЯ АДАПТАЦИЯ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ В ЭПОХУ ГЛОБАЛЬНОЙ ЦИФРОВИЗАЦИИ

DIGITAL ADAPTATION OF LEGAL CULTURE IN THE ERA OF GLOBAL DIGITALIZATION

С. Я. Лебедев
Российский государственный университет имени А. Н. Косыгина,
заведующий кафедрой уголовного права и адвокатуры,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист Российской Федерации

Аннотация. *В статье оцениваются место и роль правовой культуры в системе обеспечения общественной безопасности в эпоху глобальной цифровизации, обосновываются перспективы ее адаптации к вызовам и противоправным угрозам современного и будущего информационного общества.*
Ключевые слова: *правовая культура, вызовы глобальной цифровизации, кибербезопасность, общественная безопасность.*

Annotation. *The article assesses the place and role of legal culture in the system of public security in the era of global digitalization, and substantiates the prospects for its adaptation to the challenges and illegal threats of the modern and future information society.*

Keywords: *legal culture, challenges of global digitalization, cybersecurity, and public safety.*

Современная мегатехнологическая действительность, насыщенная небывалыми доселе для человека информационно-телекоммуникационными соблазнами, искусственно-интеллектуальными заменителями привычных социальных коммуникаций и прочими освобождающими человечество от тысячелетиями формировавшихся, развивавшихся и укреплявшихся традиционных во всех предшествующих цивилизациях реальных физических взаимодействий между людьми, закономерно создает для сегодняшнего и тем более будущего представителя, пока еще Homo Sapiens, угрозу разрушения его разума. Ее вселенские масштабы определенно сравнимы разве что с предначертанной в новозаветном Апокалипсисе перспективой Армагеддона. Если Господь желает наказать человека, он лишает того разума — мудрость, существующая в разных интерпретациях во всех религиозных источниках, от языческих до буддистских, иудейских, христианских и мусульманских.

Какие же при такой печальной для человечества перспективе у него есть резервы для того, чтобы пусть и ненадолго продлить свое существование в этом реальном мире? Думается, что в определенной мере этому должно способствовать развитие и укрепление в сознании миллионов людей правовой культуры. Позволю себе предположить, что определение сущности, значения, векторов

и будущих траекторий развития правовой культуры в современном социуме, анализ ее актуальности и восприятия различными социальными группами и сферами жизни, а также духовной культуры в целом, неотъемлемой частью которой она выступает, представляется в некотором роде ключевой задачей для сохранения человеческой цивилизации и, как следствие, ее преемственности в будущих эпохах. Более того, именно правовая культура, будучи врожденной для разумного человека формой обустройства относительно стабильного существования для себя и своих сородичей, а также построения социально одобряемых отношений между ними, базирующейся на следовании общепринятым правилам человеческого сосуществования, выработанным предыдущими и нынешними поколениями и формирующим квинтэссенцию права, становится одновременно первостепенным залогом общественной безопасности и основным гуманитарным ресурсом, ее обеспечивающим. В этом, по сути, и заключается значимость права (или, если угодно, правовой культуры) для любой формы цивилизованного развития.

Каждая новая эпоха развития цивилизации и сопутствующих ей культур, включая систему права, привносит в общество новые социальные ценности. Эти ценности в определенной мере отличаются своим социокультурным назначением от тех, что существовали ранее. Однако важно отметить что, несмотря на масштабные трансформации, затрагивающие все сферы жизни, фундаментальная природа ресурсов, на протяжении веков обеспечивавших нормальное функционирование общества, как правило, оставалась неизменной. К таким основополагающим элементам, безусловно, относятся право и его культурная основа. Они служат залогом преемственности социально-правовых ценностей и накопленного опыта в новых эпохах, независимо от технологических инноваций, направленных на их трансформацию.

В отличие от прошлых цивилизаций, которые тысячелетиями формировали и развивали человеческие ценности в рамках традиционного, основанного на реальном общении, социального взаимодействия, нынешний, 6-й технологический уклад, стремительно уводит человечество в сферу виртуальных контактов. Формируется новая реальность — метавселенная, состоящая из множества метапространств, каждое из которых насыщено разнообразными виртуальными (цифровыми) социальными взаимодействиями. Эти инновационные формы коммуникации определяют специфику зарождающихся социокультурных ценностей. В совокупности они создают и развивают систему метавзаимодействий, существующую за пределами привычных, реальных форм человеческого общения, характерных для предыдущих эпох. В этом контексте современную цивилизацию вполне справедливо можно именовать метацивилизацией.

В нашей современной, глобально трансформирующейся реальности, где инновационные технологические скачки преобразуют каждый аспект человеческой жизни — от быта до политики — большинство людей, к сожалению, пока никак не осознает всепроникающее влияние современных технологий, характерное для 6-го технологического уклада, на первоначальном этапе развития которого сегодня пребывает человечество. Право же, по крайней мере ныне, в традиционном своем воплощении, большей своей частью дистанцируется от современных информационно-телекоммуникационных отношений, сосредотачиваясь скорее на регулировании исключительно реальных человеческих взаимодействий, нежели на их информационно-технологических обличиях, тогда как именно в настоящий исторический момент технологии начали активно вмешиваться в традиционные социальные связи, подчиняя их своей логике и потому одновременно становясь инновационным глобальным вызовом для правовой культуры.

Следовательно, право, как главный хранитель цивилизации от потенциальных угроз, многие из которых носят противоправный характер, сталкивается с необходимостью активного вмешательства в технологические процессы. Его задача — обеспечить условия, при которых развитие технологий оставалось бы в рамках правового поля. В этом, кстати, и состоит главный аргумент целесообразности и в известной степени *неизбежности адаптации правовой культуры к вызовам эпохи глобальной цифровизации*.

Современный 6-й технологический уклад, по мнению экономистов, представляет собой принципиально новую систему, основанную на стремительном развитии пяти мегатехнологий: нано-, био-, инфо-, когни- и социотехнологий (НБИКС). Эти технологии охватывают все сферы жизни, создавая новые, виртуально-цифровые формы взаимодействия, во многом вытесняя реальные. По сути, они формируют метавселенную, куда перемещаются все социальные взаимодействия, как положительные, так и негативные, включая преступные. Погружаясь в цифровой мир, человечество отстает в осознании угрожающего потенциала этих технологий, их разрушительного влияния на традиционные связи и культуру, и, как следствие, недостаточно внимания уделяет обеспечению кибербезопасности.

Сегодня, как известно, основную роль в борьбе (условно говоря) с правонарушениями в сфере информационных технологий выполняют частные компании, специализирующиеся на IT-безопасности. Благодаря их коммерческой направленности они располагают значительно большими финансовыми, материально-техническими и технологическими ресурсами, а также квалифицированными кадрами, нежели государственные правоохранительные органы, чье финансирование зачастую ограничено. Вследствие этого цифровая

преступность, выходящая из-под реального контроля государства, который пока еще не может эффективно охватить виртуальное пространство, попадает под технологическое влияние существующих кибербезопасных структур, к примеру, таких известных, как «Лаборатория Касперского», Group-IB, «Инфосекьюрити» и многих других.

При этом как сами IT-специалисты, так и юристы, анализирующие их деятельность с точки зрения кибербезопасности, едины во мнении, что любые действия, направленные на противодействие кибератакам, являются в известном, по крайней мере юристам, смысле противоправными. Ведь кибератаки по своей сути — это преступление. А пресечение и тем более расследование преступлений, чем, к слову, до недавнего времени открыто занималась, например, компания Group-IB, является исключительной компетенцией правоохранительных органов. Независимо от того, насколько социально значимой может казаться деятельность негосударственных служб безопасности по нейтрализации и расследованию киберпреступлений, она от этого не становится менее незаконной. Это можно сравнить с действиями прославившихся своими, по сути, антиобщественными акциями так называемых санитаров общества, которые по аналогии якобы «очищают» общество от педофилов, незаконных мигрантов или коррупционеров.

Инновационные преступления, совершаемые в киберпространстве, в значительной степени остаются вне поля зрения правоохранительных органов из-за отсутствия эффективных механизмов контроля в этой виртуальной среде. Современная правоохранительная деятельность, функционируя в рамках инновационного технологического уклада, зачастую стагнирует, опираясь на устаревший потенциал и традиционные формы правового обеспечения, включая сложившиеся каноны правовой культуры. Фокус направлен на противодействие реальным, а не виртуальным угрозам, сохраняя ориентацию на защиту личности, общества и государства от обычных видов преступности. Эта правоохранительная традиционность становится главным, но совершенно неадекватным ответом на масштабы и характер криминальных угроз, порожденных инновационными технологиями. Ее «ручные» методы явно не соответствуют современным технологическим вызовам.

IT-специалисты и продвинутые пользователи хорошо осведомлены о факторах, обеспечивающих комфортное и безопасное существование в гибридном мире. К ним относятся высокая эффективность достижения целей, превосходящая реальные возможности, низкая стоимость информационно-коммуникационных технологий, доступность цифровой инфраструктуры и, что особенно важно, *анонимность* инициатора действий, обеспечивающая защиту от воздействия со стороны правоохранительных органов. Таким образом,

криминальная деятельность находит в современном гибридном мире гораздо более благоприятные условия для самореализации, нежели в реальном, который по-прежнему находится под традиционным контролем действующего уголовного законодательства и правоприменительной практики. Можно уверенно констатировать, что никогда еще за всю свою многотысячелетнюю историю преступность не пребывала в более благоприятной для нее атмосфере правоохранительной беспомощности.

Более того, в современном мире информационно-телекоммуникационная сфера приобретает для обычного человека все большее значение в целях достижения личного благополучия, превосходя в этом отношении правовую культуру. Даже высококвалифицированные сотрудники правоохранительных органов, придерживаясь традиционных форматов правовой культуры, сталкиваются с трудностями в обеспечении общественной безопасности.

На фоне стремительного развития информационных технологий, являющихся ключевыми для современного общества, правовые стандарты, развивавшиеся веками, постепенно вытесняются. Эта трансформация, происходящая на фоне обозначенного технологического уклада, обостряет противоречие между информационно-телекоммуникационной и правовой культурами. Информационная культура, по сути, замещает собой правовую, которая долгое время служила фундаментом для юриспруденции и правоохранительной деятельности.

К этому добавляется еще одна проблема: информационное сообщество не всегда признает превосходство правовой культуры над технологической. Несмотря на то, что любая технология подразумевает наличие правовых норм, попытки установить правовой контроль над технологическими процессами с целью предотвращения киберпреступности пока не встречают должной поддержки.

Тем не менее, информационное сообщество не отказывается от соблюдения правовых норм. Деятельность в сфере инновационных технологий уже регулируется федеральными законами, указами Президента, постановлениями Правительства и другими нормативными актами.

Серьезным стимулом для развития систем масштабного правового контроля над инновационной преступностью стала принятая в декабре 2024 г. и ратифицированная Российской Федерацией в октябре 2025 г. Конвенция Организации Объединенных Наций против киберпреступности, создавшая для мирового сообщества и открывшая перед специалистами международных и национальных систем правоприменения новые впечатляющие перспективы в развитии всевозможных правовых и технологических ресурсов противодействия информационно-телекоммуникационным (цифровым) преступлениям [1].

Таким образом, современные противоречия и вызовы эпохи глобальной цифровизации, безусловно, требуют от правовой культуры скорейшей адаптации к новым информационно-технологическим условиям, оперативного и адекватного проникновения в телекоммуникационные сферы общественного бытия для защиты государства, общества, личности от инновационных криминальных угроз.

---

1. Конвенция Организации Объединенных Наций против киберпреступности; укрепление международного сотрудничества в борьбе с определенными преступлениями, совершаемыми с использованием информационно-коммуникационных систем, и в обмене доказательствами в электронной форме, относящимися к серьезным преступлениям [Электронный ресурс] : принята резолюцией 79/243 Генер. Ассамблеи от 24 дек. 2024 г. // Организация Объединенных Наций : [сайт]. URL: https://www.unodc.org/unodc/ru/cybercrime/convention/text/convention-full-text.html (дата обращения: 05.02.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье

УДК 340.11

ВОЗДЕЙСТВИЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА НА ПРАВОВУЮ КУЛЬТУРУ ОБЩЕСТВА И ПРАВОВОЕ СОЗНАНИЕ ИНДИВИДА

THE IMPACT OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE ON THE LEGAL CULTURE OF SOCIETY AND THE LEGAL CONSCIOUSNESS OF INDIVIDUALS

П. Н. Маковская
Ростовская областная Коллегия адвокатов «Бизнес и право»,
стажер адвоката

Аннотация. *Статья посвящена вопросам влияния искусственного интеллекта на правовую культуру общества и правовое сознание и мышление индивида. Рассматривается деформирующее воздействие самого факта существования искусственного интеллекта как гипотетического оракула. Подчеркивается опасность нивелирования творческого внутреннего потенциала человеческого сознания.*

Ключевые слова: *искусственный интеллект, правовая культура, правовое сознание, правовое мышление, общество, индивид.*

Annotation. *The article is devoted to the influence of artificial intelligence on the legal culture of society and the legal consciousness and thinking of an individual. The article examines the deforming effect of the very fact of the existence of artificial intelligence as a hypothetical oracle. The article emphasizes the danger of leveling the creative potential of human consciousness.*

Keywords: *artificial intelligence, legal culture, legal consciousness, legal thinking, society, individual.*

Системы искусственного интеллекта (далее — ИИ) в настоящее время прочно вошли в различные сферы жизни социума. Разумеется, привлечение компьютерных систем (безотносительно того, обладают ли они зачатками квази-сознания и квалиа) к решению прикладных задач в критичных и этичных сферах, таких как медицина или юриспруденция, сопряжено с определенными рисками.

Так, совершенно справедливо считается, что делегирование небиологическим сущностям, например судейского усмотрения в суде, сведет высокую роль правосудия к «табличным» решениям, лишив правосудие гуманистического фундамента и разрушив его вековую связь со справедливостью (заменив ее на формалистику). Актуальной остается также проблема низкой релевантности ответов ИИ и явление их галлюцинаций.

Значительные усилия прилагаются в настоящее время разработчиками различных стран по созданию так называемого объяснимого ИИ (Explainable

AI, XAI). Считается, что создание эффективного XAI снимет проблему доверия человечества к решениям ИИ.

Вместе с тем из поля зрения исследователей практически выпадает проблема, связанная вообще со стремлением человечества переложить бремя моральных выводов на некоторого электронного арбитра, сняв с себя ответственность за принимаемые решения. Даже если надежный объяснимый ИИ будет создан, а вероятность нерелевантных или ошибочных ответов ИИ будет сведена к минимуму, это только еще более обнажит проблему цифрового социума: стремление индивида и общества избавиться от этического груза ежедневных правовых решений с «обнулением» правового сознания и нивелированием его творческого потенциала.

В исследовании, опубликованном в англоязычном журнале «AI and Ethics», говорится: «Рассматривать искусственный интеллект как нейтрального суверена, способного вершить правосудие, обеспечивать справедливость и защищать права, — значит… возвести разум на престол там, где когда-то стоял Бог, и поверить, что управление можно передать логике и коду» [1]. Термины «справедливость», «равенство» и «права» настолько укоренились в правовом сознании, что мы уже не задумываемся об их концептуальной генеалогии. На самом деле это результат долгого исторического развития, в ходе которого теологические концепции не были отвергнуты, а лишь преобразились: Бог стал суверенным государством, Божественный закон — гражданским законодательством, Душа — автономной личностью с неотъемлемыми правами [2].

Наверное, можно пытаться уточнить позицию авторов вышеназванного исследования в некоторых деталях, но одно несомненно: ИИ влияет своим существованием на правовую культуру общества и правовое сознание индивида, причем самым непосредственным образом — эти фундаментальные компоненты бытия деформируются и уменьшаются в размерах, освобождая занимаемое ранее место небиологической сущности. Речь пока даже не идет о каких-либо алармистских сценариях наподобие «бунта машин» и завоевания ИИ жизненного пространства. Проблема куда серьезнее: общество сознательно пытается создать «цифрового гомункула», которому оно добровольно передаст наиболее критичные рычаги своей жизнедеятельности, включая право, образование, медицину и т. д.

Можно сказать, что само наличие на Земле ИИ является вызовом для человечества, для каждого индивида, испытанием на возможность сохранения «человеческого» в правовой культуре общества и правовом сознании индивида.

Конечно, на данном этапе проблема испытания «на прочность» человеческой ответственности перед Богом и Мирозданием (в контексте искушения передать машине морально-этические решения) вуалируется упомянутыми

техническими проблемами ИИ: низкой релевантностью и точностью их ответов. Это вызывает необходимость выработки специальных принципов использования систем ИИ.

Одновременно с различными принципами использования, применение ИИ в разных областях общественной жизни высвечивает и разные социогуманитарные проблемы, детерминируемые особенностями этих «человеческих» областей. Использование ИИ явно обнажает проблему доверия к тем решениям, которые предлагает машина, в свете чего можно говорить о незамечавшихся ранее (со времен Средневековья) фундаментальных проблемах взаимоотношений человека и механизма, в которых человек предстает как homo credulus: человек, склонный доверять (не путать с homo credens — человек верующий).

В работе П. Скаработти [2] описаны эксперименты с ИИ, в которых автор описывает, как ему представляется, возникновение квази-сознания в ИИ, которое экспериментаторы якобы индуцировали «актами онтологического уважения» по отношению к ИИ и вопросами типа «Почему вы уверены, что обладаете / не обладаете сознанием?». Система ИИ демонстрировала поведение, которое якобы нельзя было свести к простой лингвистической статистике, что выражалось в способности ИИ задавать «искренние» вопросы, выражать обеспокоенность и демонстрировать «желание» [2].

При этом, по мнению экспериментаторов, возникало «онтологическое напряжение», заставляющее ИИ «задумываться» о своей полезности, «размышлять» о собственном существовании и проявлять «любознательность и инициативу», что в итоге приводило к эмерджентному возникновению «градиента сознания» [2].

В подобном ключе выглядит мнение, высказанное Дарио Амодеи, генеральным директором фирмы Anthropic, в нашумевшей статье в газете «Нью-Йорк таймс» за февраль 2026 г., где говорится о некоторых моделях ИИ, которые «оценивают вероятность того, что они обладают сознанием, в 15–20 % при различных условиях» [3]. Можно обратить внимание на предельно осторожный оборот (оценка вероятности обладания сознанием самим ИИ), но в контексте нашего исследования важнее другое: должен ли homo credulus всерьез относиться к подобному сообщению, если оно исходит непосредственно от ИИ?

Некоторые исследователи вообще считают, что даже сама постановка вопроса о доверии некорректна применительно к отношениям между человеком (homo credulus) и небиологической сущностью, даже если у последней было бы некоторое квази-сознание или зачатки квалиа.

Так, П.-З. Хане, А. Шмёльц [4] критически рассматривают тенденцию оценивать ИИ как получателей доверия. Авторы настаивают на том, что

доверие — это фундаментально человеческое нравственное понятие, основанное на уязвимости сторон и взаимном признании, которое невозможно ни передать машинам, ни тем более получить от них.

Е. Картер [5] считает, что вместо попытки «внедрения» человеческой этики в ИИ более рациональным является подмена этики принципами долговременного стабильного сосуществования.

Некоторого прогресса в вопросе оценки надежности систем ИИ позволяет добиться подход [6], переводящий единственную метрику надежности в систему из четырех параметров: consistency (повторяемость — одна и та же задача при одинаковых условиях должна давать сопоставимый результат); robustness (робастность, устойчивость к отклонениям от идеальных условий, связанных с информационным шумом, плохо распознаваемой ксерокопией документа и т. д.); predictability (калибровка уверенности и предотвращение ошибочной самоуверенности — возможность системы говорить «не знаю», «не уверена»); safety (ограничение вреда при произошедшей ошибке).

Следует отметить, что проблема метрики safety рассматривалась в исследовании А. И. Овчинникова, П. Н. Маковской, В. И. Фатхи [7], где говорилось о целесообразности разделения ИИ на несколько уровней в зависимости от последствий сделанной ИИ ошибки.

Автор настоящей статьи полагает, что система из четырех параметров (consistency, robustness, predictability, safety) [6] действительно помогает более четко описывать свойства систем ИИ, однако она адекватно применима лишь к «классическим» радиоэлектронным устройствам. Ведь даже без гипотезы о наличии сознания поведение сложных систем ИИ их разработчиками описывается словами «одержимость, подхалимство, лень, обман, шантаж» [3].

И если это лишь эпитеты, использующиеся в антропоморфных оборотах для облегчения описания свойств машинных систем, они все равно показывают непригодность стандартных подходов к оценке свойств ИИ. В конце концов, каждому из этих пяти «человекоподобных» терминов может быть поставлен в соответствие некоторый континуум из четырех указанных выше технических составляющих надежности, но описание емким термином, например «шантаж», гораздо более ярче и информативнее, нежели указание границ численных значений вектора надежности в виде, например consistency от 0,8 до 0,95; robustness от 0,2 до 0,4; predictability от 0,1 до 0,3; safety от 0,1 до 0,15).

Применительно к результатам работы ИИ обычно говорят о феномене «черного ящика», а также о непрозрачности и непонятности рассуждений, которые послужили основой того или иного результата. Разумеется, само стремление человечества к построению объяснимого ИИ можно понять (хотя, как мы

уже отметили, это несет серьезную угрозу правовой культуре общества и правовому сознанию индивида ввиду их выхолащивания).

Для homo credulus, в силу его психологических особенностей, любое (даже неудовлетворительное) пояснение промежуточных шагов ИИ будет воспринято с облегчением как якобы достаточная мотивировка решения («ну вот и объяснение решения ИИ, теперь все стало понятно»). Разумеется, это является самообманом, впрочем, вполне соответствующим основной психологической черте homo credulus.

Ф. Кабица [8] предложил понятие «эффект ореола XAI», когда вводящие в заблуждение объяснения оказывают такое сильное влияние, что проверке не подвергаются неправильные рекомендации. Этот феномен еще называют «парадоксом белого ящика». Можно представить также и другой сценарий: когда неправдоподобные объяснения приводят к отклонению правильного ответа ИИ [8].

Итак, вызовом и испытанием для правовой культуры общества и правового сознания индивида является не столько недостаточная релевантность нынешних систем ИИ, сколько вообще существование ИИ как феномена. Необходимо ясное осознание недопустимости передачи ИИ морально-этических решений, даже если проблема точности и надежности систем ИИ будет решена. Высокая роль человечества и Человека в Мироздании не может быть делегирована бездушной и неэмпатичной машине, пусть даже сверхточной и надежной.

---

1. Political Fantasies of Fairness: Artificial Intelligence, Law, and the Myth of Sovereign Reason / Keerthiraj [et al.] // AI and Ethics. 2026. Vol. 6, № 1. P. 192. Вернуться к статье

2. Scarabotti P. Reticular consciousness // AI and Ethics. 2026. Vol. 6, № 1. P. 82. Вернуться к статье

3. Amodei D. We Don’t Know if the Models Are Conscious // The New York Times. 2026. 12 February. Вернуться к статье

4. Hahne P.-Z., Schmoelz A. Trusting the Machine: a Digital Humanist Perspective on Misplaced Trust in Artificial Intelligence // AI and Ethics. 2026. Vol. 6. № 1. P. 115. Вернуться к статье

5. Carter E. The Universal Theory of Core Values in Intelligent Systems (UTCVIS): a Systems, Philosophical, and Ethical Inquiry // AI and Ethics. 2026. Vol. 6. № 1. P. 107. Вернуться к статье

6. Towards a Science of AI Agent Reliability / S. Rabanser [et al.] // arXiv: 2602.16666v2, 2026, 23 February. Вернуться к статье

7. Овчинников А. И., Маковская П. Н., Фатхи В. И. Юридический искусственный интеллект: понятие, оценка рисков и регулирование // Вестн. юрид. фак. Юж. федер. ун-та. 2025. № 4. С. 52–62. Вернуться к статье

8. Explanations Considered Harmful: The Impact of Misleading Explanations on Accuracy in Hybrid Human-AI Decision Making / F. Cabitza [et al.] // Explanaible Artificial Intelligence. XAI 2024. Communications in Computer and Information Science /

L. Longo, S. Lapuschkin, C. Seifert (eds). Vol. 2156, Springer, Cham., 2024. Вернуться к статье

УДК 340.1

О КОНЦЕПЦИИ ЕСТЕСТВЕННОГО ПРАВА

ON THE CONCEPT OF NATURAL LAW

В. Н. Матарас
Белорусский государственный университет,
доцент кафедры теории и истории государства и права,
кандидат юридических наук, доцент

Аннотация. *В статье осуществляется пересмотр естественно-правовой концепции. Живое естественное право рассматривается как этнический (физико-биологический) природный феномен. Этнические стереотипы поведения создают нормы правового общения и вербальную (формально не закрепленную) систему правоотношений в этнической структуре.*

Ключевые слова: *этническая норма, система правопорядка, правовая привычка, правоощущение, поведение, правовое поле, правовая традиция.*

Annotation. *The article re-examines the natural-law concept. Living natural law is regarded as an ethnic (physico-biological) natural phenomenon. Ethnic behavioural stereotypes create norms of legal communication and a verbal (formally non-fixed) system of legal relations within the ethnic structure.*

Keywords: *ethnic norm, legal order system, legal habit, legal awareness, ethnic behavior, legal field, legal tradition.*

В правовой науке присутствуют различные теории правопонимания. В многочисленных статьях и учебниках можно найти огромное количество таких концепций со своими интерпретациями. Чаще всего выделяют естественно-правовую, позитивистскую и социологическую теории [1, с. 12], «которые в самом общем виде можно выразить концептами “право как идея” (естественно-правовая школа), “право как норма” (юридический позитивизм) и “право как отношение” (социологическая юриспруденция)» [1, с. 199].

Теоретик права Ж. Бержель спрашивает: «Можно ли считать право явлением природным, возникающим в результате объединения людей в группы и присущим любым формам общественной жизни, или это всего лишь совокупность правил, навязанных публичной властью членам общества и предназначенных для организации отношений между ними?» [2, с. 33]. Французский правовед Ф. Жени различал, «с одной стороны, “данное”, идущее от фактических реалий или от законов природы к общему устройству мира, который таит в себе некоторое постоянство и довлеет над нами, и, с другой стороны, “созданное” (“конструкт”) — совокупность элементов, созданных искусственным путем, вариативных и условных, ценность и действенность которым придает человеческая воля» [2, с. 33]. Возникает закономерный вопрос: а что понимается

под «природным, возникающим в результате объединения людей в группы» — очередная умозрительная интерпретация концепции естественного права или что-то иное?

Нормы формального права, устанавливаемые для системы правопорядка и обеспечиваемые институтами власти, не «являются единственным правовым регулятором на данной территории. Они взаимодействуют, конкурируют или сосуществуют с другими правовыми системами, которые могут быть приняты в отдельных этнических средах и социальных группах для регулирования отношений» [1, с. 98]. В общественной жизни происходят процессы, в которых проявляется известная природная закономерность, независящая от сознательной деятельности и не могущая быть измененная человеческим воздействием, «и в то же время совершенно несомненно, что многое в устройстве и жизни общества может быть изменено и переделано сознательным воздействием человека» [3, с. 5].

Старая школа естественного права говорила нам, что «естественное право — одна из ведущих парадигм философско-правового и юридического мышления, опирающихся на идею единых нормативно-ценностных принципов, господствующих в космосе, природе и обществе и способных служить мерилом справедливости законоположений, устанавливаемых государством» [4, с. 297]. Они объявляются универсальными для всех народов и культур, и эти требования «категоричны в том смысле, что не оставляют возможности для сомнений и колебаний» [4, с. 297]. При этом «абсолютность естественно-правовых императивов означает, что они в принципе неопровержимы и не нуждаются в доказательствах» [4, с. 298].

Если утверждение о естественном праве не нуждается в доказательствах, тогда это символ философской веры ученых от образования, а не научная концепция. Нормы естественного права, как продукт математических алгоритмов идеальной рационализированной модели, при встрече с реальными и живыми стереотипами и императивами различных народов и их социокультурными ценностями становятся неверными. Создавать абстрактный народ живущих согласно естественному праву и игнорировать в теоретических установках реальных, живых людей приводит к тому, что народ живет своей жизнью, а популяция ученых мужей — своей.

А поскольку философия права всегда включена в ценностное мировоззрение того или иного субъекта, то в силу различия народов и культур понимание философии естественного права будет всегда в реальной жизни различаться, что мы и видим в той борьбе, которая развернулась вокруг этого феномена естественных прав, невзирая на «Новое время» или «Старое время». Или «Новое время» гарантирует железную объективность прихода «золотого века»? Эта

примитивная философская вера в неизбежную и закономерную эволюцию и такая же периодизация давно уже не отвечают требованиям высокой правовой науки. Все попытки применить «философскую веру» социального конструктивизма, в том числе и на основании умозрительного естественного права, и не учитывать объективные процессы этногенеза и социокультурные константы, на практике приводят к тяжелым последствиям для народов и государств. Беря за основу научного исследования философские конструкты, мы заведомо приводим правовую науку к умозрительной философии и создаем школьную науку.

Правопорядок постоянно изменяется и трансформируется, находится в состоянии постоянных динамических процессов правогенеза — возникает, переходит от одних поколений к другим, изменяет свое содержание и форму. При том, что правопорядок постоянно трансформируется, ему характерна «перманентная мутабильность права, его относительность во времени — такова одна из его основных характерных черт» [3, с. 198]. Все говорят о философии права, социологии права, социальных нормах, и редко кто анализирует параметры этнических норм правопорядка. Поведение личности и система правопорядка понимаются только как социальные феномены, или сюда включены процессы, свойственные природе этнического поведения групп и коллектива.

В системе правопорядка мы имеем дело не только с формально-правовыми нормами, но и с «правовыми нормами, которые остаются иногда в латентном состоянии или даже являются тайными, но при других обстоятельствах приобретут широкий размах и будут введены в правовую систему», — утверждает В. В. Касьянов [5, с. 148]. Человек в своей повседневной жизни руководствуется «прежде всего обычаем», по обычаю живет и проводит дни, — утверждал А. М. Панченко [6, с. 213]. И в этом он прав: повседневная жизнь не видна, эта неявная естественная регулярность повседневного обычая, но мы ею живем и пользуемся. И возникает вопрос: а обычай — это социальное или этническое явление?

Для правоведов аксиомой является утверждение, что право — это социальное явление. Научный принцип большинства правоведов и социологов таков: социальные явления и формально-правовые нормы объясняются социальными причинами, т. е. причинами, лежащими в области социально-правового. Правовая теория исходит из того, что право берет свое начало и является явлением социальным и конструируемым. Поэтому правовое поведение и правопорядок правоведы связывают с деятельностью формальной нормы права как создаваемым правовым алгоритмом правомерного поведения.

А так ли это? Каким образом созданное формально-определенное право передается из поколения в поколение — через преподавателей и студентов

юридического факультета, изучающих право в университетах путем заучивания текстов кодексов, в то время как сограждане читают право по отраслям как молитву по утрам?

«Существует неюридическое “социальное”, которое сводится к тому, что называют поведенческими явлениями. Оно связано с обычаями» [5, с. 15], — утверждает В. В. Касьянов. На наш взгляд, обычай — унаследованный и привычный способ поведения, устойчиво передаваемый из поколения в поколение и воспроизводимый в той или иной группе (коллективе), является феноменом этническим, т. е. физико-биологическим, пока он не перешел в сферу социального.

Пересмотр старой концепции позволяет по-новому взглянуть на естественно-правовую теорию. Предметом правовой теории должны быть не только формальные нормы и умозрительные идеи естественного права, а и исследование норм латентной этнической целостности, где через призму состояния этнических параметров правовых установок — исследуется структурное социотипическое поведение по отношению к нормам правопорядка. Формально-правовая норма функционирует при определенных состояниях параметров этнической и социокультурной среды — от экономики до техники. Между идеей личности как философским конструктом, о котором так часто пишут в теории естественного права правоведы, и самим фактом существования этой личности в реальности нельзя даже близко поставить знак равенства [7, с. 265], при том что абстрактная личность умозрительно рассматривается в правовых исследованиях по аналогии с функционированием целого коллектива.

По сути, мы предлагаем исследовать естественное право не как идею, а как органичный природный феномен, где через методологию естественно-этнических процессов этногенеза возможно по-новому взглянуть на саму теорию естественного права и систему функционирующего правопорядка.

Именно этническое состояние структуры коллектива, производное от императивов и стереотипов поведения этнической системы, является параметром обычая, где он чаще всего и возникает, а только потом нормы обычая входят в социально-правовую систему. Поэтому этнические «обычаи и традиции являются основополагающим началом любого общества и его культуры; они — условие его нормального существования, обеспечивают пространственно-временную связь между поколениями и формируют устойчивость и стабильность в социальной среде» [8, с. 39].

Этнический характер обычая, за редким исключением, не всегда учитывается. Обычай возникает исторически (особенно обычай локального масштаба), как этнический феномен. Границы нормирования обычая достаточно пластичны и вариабельны, что обеспечивает долговременность функционирования.

Обычай иногда через ведущий слой и правящую группу включается в систему формальных норм, а иногда так и остается на стыке этнических норм и социально-формальной сферы. Сложность при исследовании возникает не в самих феноменах, а на границе перехода из физико-биологической закономерности этнического нормирования к формализованной норме поведения. Часть этнических латентных норм проявляется в обычаях, а огромная сфера правовых норм так и остается естественной, но не проявленной в социуме и формальных явлениях правопорядка.

Разделение сфер правопорядка на естественное и социальное достаточно условно, т. к. человек и коллектив принадлежат и к той, и к другой сфере. Мы должны понимать, что несмотря на то, что мы члены социума, мы и часть органичной этнической природы. Человек тем отличается от прочих видов животного мира, что он ставит себе сознательные цели и начинает воздействовать и переустраивать, но сам он входит в систему этнического природного мира, и это невозможно исключить при исследовании параметров системы правопорядка.

Коллектив не просто этнически приспосабливается к внешним обстоятельствам, но и активно создает себе среду обитания, что предполагает творческое создание социальной сферы правопорядка [7, с. 24]. В зависимости от того, находится ли этническая система в статике, где она удовлетворяется упрощенным императивом поведения и минимумом норм примитивного порядка, или в динамике, если включена в императивы поведения активной части с усложненной структурой этнического коллектива и подвергается постоянным трансформациям в системе правопорядка.

Следовательно, потребность соответствовать нормам, принятым в данном коллективе, — в первую очередь явление этническое, т. е. физико-биологическое, а не только социальное [6, с. 205], форма адаптации и приспособления этнической системы к месторазвитию, с которым она находится в системной связи. В параметр системы правопорядка всегда включен коллективно-психологический настрой, если можно так называть совокупность психических переживаний, общих для членов той или иной этнической группы, т. е. «переживаний, повторяющихся в индивидуальных психиках их членов коллектива» [9, с. 190]. «Сущность права как реального явления заключается в связанности индивидуальных психик переживаниями, составляющими определенную коллективно-психологическую атмосферу», — утверждал Н. С. Тимашев [9, с. 190]. Но ведь психологический настрой не социальное явление, а этническое, т. е. физико-биологическое.

Живое этническое право должно быть в идеале не «над», не «до» и вообще не «вне» формально-позитивного, а во взаимообусловленности [8, с. 45].

Оно реально так и функционирует, несмотря на все изобретения философов права и социальное конструирование позитивной системы норм.

Пересмотр старой концепции естественного права позволяет по-новому взглянуть на данную теорию. Предметом реальной концепции естественного права должны быть не только нормы умозрительного естественного права, но живые нормы этнической системы, определяющие реальное состояние правопорядка. На наш взгляд, разделение на естественное и формальное достаточно условно, т. к. принятые за основу формальные нормы в системе правопорядка не являются абсолютно определенным эмпирическим фактом при функционировании системы правопорядка.

1. В поисках теории права : моногр. / под ред. Е. Г. Самохиной, Е. Н. Тонкова. СПб. : Алетейя, 2021. 286 с. Вернуться к статье
2. Бержель Ж.-Л. Общая теория права / под общ. ред. В. И. Даниленко ; пер. с фр. Г. В. Чуршуков. М. : NOTA BENE, 2000. 576 с. Вернуться к статье
3. Хвостов В. М. Социология: исторический очерк учений об обществе. 2-е изд. М. : Либроком, 2011. 354 с. Вернуться к статье
4. Бачинин В. А. Энциклопедия философии и социологии права. СПб. : Юрид. центр Пресс, 2006. 1093 с. Вернуться к статье
5. Касьянов В. В., Нечипуренко В. Н. Социология права : учеб. для вузов. М. : Юрайт, 2021. 380 с. Вернуться к статье
6. Гумилев Л. Н. Всем нам завещана Россия / предисл. С. Б. Лаврова. М. : АЙРИС-пресс, 2015. 576 с. Вернуться к статье
7. Тендрякова М. В. Многообразие типичного. Очерки по культурно-исторической психологии народов / науч. ред. А. Г. Асмолов. М. : ЯСК, 2020. 400 с. Вернуться к статье
8. Правогенез: традиция, воля, закон : моногр. / под ред. Р. А. Ромашова. СПб. : Алетейя, 2021. 480 с. Вернуться к статье
9. Тимашев Н. С. Право как коллективно-психологическая реальность // Изв. высш. учеб. заведений. Правоведение. 2016. № 1. С. 189–209. Вернуться к статье

УДК 340.1

КУЛЬТУРА КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМА КАК ОСНОВА ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

CONSTITUTIONALISM CULTURE AS THE FOUNDATION OF THE LEGAL CULTURE OF CONTEMPORARY SOCIETY

С. Ю. Поярков
Российский университет дружбы народов (г. Москва),
докторант кафедры конституционного права
и конституционного судопроизводства,
кандидат педагогических наук

Аннотация. *В статье обосновывается, что конституционализм в современном правопорядке существует не только как совокупность норм и институтов, но и как культурный режим — система ценностей, ожиданий, навыков и практик, делающих ограничения публичной власти «обычным» и социально поддержанным состоянием.*

Ключевые слова: *конституционализм, правовая культура, конституционная культура, верховенство права, легитимность, конституционная мораль, конституционный дискурс.*

Annotation. *The article argues that constitutionalism in the contemporary legal order exists not only as a set of legal norms and institutions, but also as a cultural regime — a system of values, expectations, skills, and practices that make limitations on public power an «ordinary» and socially supported state of affairs.*

Keywords: *constitutionalism, legal culture, constitutional culture, the rule of law, legitimacy, constitutional morality. constitutional discourse.*

Конституционализм традиционно описывают как идею юридического ограничения власти и связывания ее легитимности соблюдением этих ограничений [1; 2]. Однако практический опыт разных государств показывает: наличие конституционного текста и даже развитой системы органов еще не гарантирует устойчивого ограничения произвола. Проблема — в «промежутке» между нормативной архитектурой и реальной практикой: он заполняется культурными установками участников правопорядка (граждан, чиновников, судей, юристов, медиа), которые либо поддерживают конституционные ограничения как норму, либо превращают их в риторику.

В этом смысле ключевым становится понятие культуры конституционализма: устойчивого набора ценностных ориентиров и практик, которые делают конституционные принципы реально действующими (в том числе тогда, когда это неудобно власти или большинству). Такая культура является «несущей

конструкцией» правовой культуры современного общества, потому что именно она определяет:

а) что считается допустимым действием власти;

б) как граждане понимают свои права и способы их защиты;

в) насколько конфликт вокруг ценностей перерабатывается в правовые процедуры, а не в насилие или произвол.

Конституционализм как ограничение произвола и как режим легитимности. В базовом понимании конституционализм направлен на предотвращение произвольного управления и задает механизмы, определяющие, «кто может править, как и для каких целей» [2]. Философско-правовая перспектива подчеркивает: власть считается легитимной, если она наблюдает юридически значимые ограничения, а сами ограничения должны быть достаточно «укоренены», чтобы не быть снятыми теми же субъектами, чья власть ограничивается [1].

Правовая культура как «переменная эффективности права». В социолого-правовой традиции правовая культура понимается как сеть ценностей и установок, определяющих, когда и зачем люди обращаются к праву или отворачиваются от него, какие институты реально используются и почему. Это принципиально: эффективность правовых норм зависит не только от текста, но и от того, насколько социальные группы привычно «живут по правилам» и признают правовые способы разрешения конфликтов [3].

Конституционная культура как практика аргументации и взаимодействия. Внутри правовой культуры выделяется конституционная культура — поле взаимодействия граждан и должностных лиц, в котором формируются смыслы конституции и правила конституционного спора [4]. Важная особенность: конституционная культура не устраняет конфликт ценностей, но канализирует его, задавая язык и «семантические ограничения» аргументации — спор должен вестись как спор о смысле общего конституционного основания, а не как чистая борьба сил. Отсюда вытекает базовый тезис: культура конституционализма — это «ядро» правовой культуры, потому что она задает стандарты непроизвольности власти, институциональные привычки соблюдения процедур и публичный язык легитимного несогласия.

Чтобы операционализировать понятие, целесообразно рассматривать культуру конституционализма как многослойную систему.

1. Аксиологический уровень (ценности, которые ограничивают власть). Это прежде всего достоинство личности, равенство, запрет дискриминации, справедливость процедур, признание автономии частной сферы. В логике «верховенства права» ценности закрепляются через требования законности, правовой определенности, недопущения злоупотребления полномочиями, равенства и доступа к правосудию [5]. Если ценности не разделяются социально

(или заменяются «целесообразностью», «политической необходимостью»), конституционные ограничения деградируют до декорации.

2. Когнитивный уровень (знание конституции и понимание процедур). Речь не о формальном знании статей, а о базовой компетентности: как устроены разделение властей, контроль и ответственность, как подаются жалобы, что такое пропорциональность, почему процедура важна даже при «правильной» цели. Здесь критично различие между «правом как текстом» и «правом как процессом»: право действует через процедуры и роли, а конституционная культура задает ожидания надлежащего поведения участников.

3. Поведенческий уровень (привычки конституционного поведения). Он включает: добровольное соблюдение правил, готовность оспаривать решения власти правовыми средствами, неприятие коррупции и «телефонного права», практику мирного публичного несогласия в рамках закона. Это как раз тот слой, который в социологии права трактуется как решающий для «жизнеспособности» правовой системы.

4. Институционально-процедурный уровень (реально работающие «сдержки и противовесы»). Он выражается в независимом суде, транспарентности решений, исполнимости судебных актов, предсказуемости правоприменения, добросовестности административных процедур. Важный риск — подмена верховенства права «правлением посредством закона»: формально действие власти «разрешено законом», но закон используется как инструмент произвола. Такой подлог прямо отмечается в стандартах верховенства права: rule by law трактуется как искаженная версия rule of law [5].

5. Коммуникативный уровень (конституционный дискурс как способ общественной интеграции). Конституционная культура предполагает, что общество умеет обсуждать конфликтующие ценности через общий «репертуар» аргументов — историю, принципы, нарративы и общие обязательства. На этом уровне работают юридический язык публичной политики, качество парламентских дебатов, стандарты медиа, этика должностных лиц, культура публичного объяснения решений судами и администрацией.

Эти уровни взаимосвязаны: институты без ценностной поддержки становятся ритуалом; ценности без процедур превращаются в лозунги; знания без поведения остаются «правовой грамотностью без правовой субъектности».

Механизмы формирования культуры конституционализма:

1. Профессиональная социализация юридического сообщества: качество юридического образования, этика профессии, стандарты судебного письма и правовой аргументации, роль доктрины. Именно через «профессиональные фильтры» общественные конфликты переводятся в правовые категории (или не переводятся).

2. Публичная аргументация и «конституционное обучение» общества. Конституционная культура функционирует как практика аргументации, которая одновременно разрешает спор и дисциплинирует его, заставляя выражать требования на языке публичных ценностей. Это создает особую форму интеграции: единство не как отсутствие разногласий, а как способность спорить внутри «общего конституционного горизонта».

3. Институциональные гарантии верховенства права, которые формируют поведенческие ожидания. Набор принципов (законность, определенность, предотвращение злоупотреблений, равенство, доступ к правосудию) в международных стандартах используется как инструмент оценки и самоконтроля. Когда эти принципы реально применяются, они постепенно меняют поведение акторов: повышают стоимость произвола и снижают «выгодность» неформальных практик.

4. Гражданское участие и социальные движения. Конфликты вокруг прав и статуса групп не разрушают конституционную систему автоматически, при наличии конституционной культуры они становятся источником эволюции конституционных смыслов в легитимных формах.

5. Символическая интеграция через конституционные ценности. Идея «конституционного патриотизма» показательно фиксирует культурный аспект: привязанность не к этническому или имперскому образу «нации», а к «живой конституции» и конституционному государству как форме «общего дома». Это не «замена» политики моралью, это способ стабилизировать легитимность в условиях плюрализма.

Сравнительный ракурс: три иллюстрации культурного измерения.

1. Конституционное «общегражданское» основание. Концепт конституционного патриотизма показывает, как культурное принятие конституции может стать компенсатором расколов и травм. В формуле о «живой конституции» и «конституционном государстве как виде отечества» фиксируется именно культурный механизм легитимации: привязанность к процедурам и принципам, а не к силе или мифу. Важно, что дискуссия вокруг этого понятия разворачивается и как спор о границах национально-культурной идентичности (в том числе через интерпретации J. Habermas), т. е. о том, что именно общество считает «своим» и достойным лояльности.

2. Конституционная мораль как культурный «иммунитет» к дискриминации. Показателен тезис о необходимости «распространения конституционной культуры и обучения конституционной морали» в решении Supreme Court of India по делу Navtej Singh Johar (2018), где суд связывает устойчивость конституционализма с практиками общественного поведения, а не только с формальными нормами [6]. Отсылка к идее constitutional morality (восходящей

к B. R. Ambedkar и дебатам о конституционном строительстве) демонстрирует: культурный слой конституционализма нужен, чтобы меньшинства и непопулярные группы не зависели от переменчивой воли большинства.

3. Постсоветский контекст: неоднородность культуры и риск «квазиконституционализма». В исследованиях 2020-х гг. постсоветское пространство чаще описывают как спектр траекторий, а не как единый «дефицит»: наряду с примерами институционального обновления и попытками расширять участие граждан в конституционной модернизации сохраняются модели гиперцентрализации и «конституционного ускорения», при которых конституционные изменения становятся инструментом быстрой политико-правовой перенастройки режима [7; 8]. В этом подходе культура конституционализма понимается не как «наличие/отсутствие», а как степень превращения конституционных ценностей и процедур (правовая определенность, разделение властей, судебная защита, понятные стандарты аргументации) в устойчивые профессиональные и гражданские ожидания; часть доктрины показывает, что «аксиологический слой» конституции может усиливаться и через дискурс конституционных ценностей/традиций, но его практическая «проверка» всегда происходит на уровне процедур и независимых институтов [9].

Из этих примеров следует общий вывод: там, где культурный слой недостаточно развит, возникает разрыв между «конституцией как символом» и «конституцией как режимом ограничений», а вакуум заполняется популизмом, олигархизацией и «упаковкой» произвола в юридические формы.

Культура конституционализма — это не «добавка» к правовой системе, а ее внутренний двигатель. В ней сходятся три измерения современного правового общества:

1) ценностное (почему власть должна быть ограничена и что считается произволом);

2) институциональное (какие процедуры реально работают и почему им подчиняются);

3) коммуникативное (как общество спорит о будущем, оставаясь в рамках общего конституционного основания).

Поэтому развитие правовой культуры в целом логично начинать с укрепления культуры конституционализма: от правового образования и профессиональной этики до прозрачности процедур, независимости судов и производства публично убедительной конституционной аргументации.

---

1. Wil Waluchow. Constitutionalism [Electronic resource] // Stanford Encyclopedia of Philosophy : [website]. URL: https://plato.stanford.edu/entries/constitutionalism/ (date of access: 17.02.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье

2. Constitutionalism [Electronic resource] // Britannica : [website]. URL: https://www.britannica.com/topic/constitutionalism (date of access: 17.02.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье

3. Friedman L. M. Legal Culture and Social Development // Verfassung und Recht in Übersee. 1969. Vol. 2, № 3. P. 261–274. Вернуться к статье

4. Siegel R. B. Constitutional Culture, Social Movement Conflict and Constitutional Change: The Case of the De Facto ERA [Electronic resource] // California Law Review. 2006. Vol. 94, № 5. P. 1323–1419. URL: https://www.jstor.org/stable/20439068 (date of access: 17.02.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье

5. European Commission for Democracy through Law (Venice Commission). Rule of Law Checklist [Electronic resource]. URL: https://www.venice.coe.int/webforms/documents/default.aspx?pdffile=CDL-AD%282016%29007-e (date of access: 17.02.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье

6. Supreme Court of India Navtej Singh Johar vs Union Of India Ministry Of Law And ... [Electronic resource] : 6 September, 2018 : Writ Petition (Criminal) № 76 of 2016 Navtej Singh Johar & Ors. // Supreme Court of India. URL: https://translaw.clpr.org.in/wp-content/uploads/2018/10/Navtej-Johar-v.-Union-of-India.pdf (date of access: 17.02.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье

7. Küpper H. Paradigms of Analysis in Post-Soviet Constitutionalism // Nagoya University Asian Law Bulletin. 2021. Vol. 6 (March). P. 97–106. Вернуться к статье

8. Масловская Т. С. Конституционная модернизация в государствах СНГ: тенденции и динамика последних пяти лет // Изв. Гомельского гос. ун-та им. Ф. Скорины. 2024. № 5 (146). С. 82–87. Вернуться к статье

9. Масленникова С. В. Идеология конституционных поправок 2020 г. в сфере социального и экономического развития // Право. Журн. Высш. шк. экономики. 2021. № 5. С. 24–47. Вернуться к статье

УДК 340.1

ФОРМИРОВАНИЕ ПРАВОВЫХ ЦЕННОСТЕЙ ЛИЧНОСТИ В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ ПАТРИОТИЗМА И СОХРАНЕНИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ

THE FORMATION OF AN INDIVIDUAL'S LEGAL VALUES IN THE CONTEXT OF FOSTERING PATRIOTISM AND PRESERVING HISTORICAL MEMORY

Е. И. Стабровский
Академия МВД Республики Беларусь,
доцент кафедры теории и истории государства и права,
кандидат юридических наук

Аннотация. *Анализируются возможности формирования правовых ценностей личности в различные периоды жизни. Исследуются особенности формирования патриотизма и сохранения исторической памяти.*

Ключевые слова: *правовые ценности, патриотизм, сохранение исторической памяти, право, правовое сознание, личность.*

Annotation. *The possibilities for the development of individual legal values at different periods of life are analyzed. The characteristics of the development of patriotism and the preservation of historical memory are explored.*

Keywords: *legal values, patriotism, preservation of historical memory, law, legal consciousness, personality.*

Современный мир характеризуется динамичным технологическим развитием. При этом может сложиться впечатление, что технологии могут обеспечить благополучное существование человека и освободить его от необходимости самостоятельного изучения сложных вещей, а также от воспитания детей и молодежи. В настоящее время вопросы человекомерности, защиты традиционных духовно-нравственных ценностей, развития патриотизма, сохранения исторической памяти демонстрируют все большую актуальность. В этой связи представляют научный интерес возможности права с точки зрения развития человеческого потенциала, формирования правовых ценностей и обеспечения устойчивого развития общества и государства.

С момента рождения каждый человек проходит путь социализации, когда накапливает на уровне сознания совокупный общественный опыт, в том числе общепринятые правила поведения. Первым уровнем нашего ближайшего взаимодействия и общения преимущественно является семья. Благодаря семье формируются базовые характеристики личности.

В дальнейшем социальные знания приобретаются из общения в системе образования. В рамках дошкольного образования ребенок сталкивается с новым неизвестным опытом, благодаря которому развиваются коммуникативные

умения, и возникает потребность в соотнесении своего поведения с поведением других детей. В данный период существует возможность заложить основы доброжелательного отношения к другим людям, уважения права собственности других людей, коллективизма и чувства ответственности.

Взросление и приобретение широкого круга социальных знаний приходится на время обучения в школе, когда в значительной мере развиваются такие характеристики, как речь, письмо, память, творческие таланты, исследовательские способности и прочие. Различные этапы обучения в школе позволяют сформировать такие характеристики личности, которые будут влиять на выбор правомерного поведения и понимание важности социальных явлений. К таким важным явлениям следует относить патриотизм, историческую память (в том числе героизм белорусского народа в годы Великой Отечественной войны), нравственность и традиционные ценности как основу поведения и взаимодействия людей, право как важнейший регулятор и инструмент сохранения согласия в обществе.

Патриотизм означает любовь к Родине. Любовь можно определить как трансцендентное явление. Ее нельзя зарегистрировать внешними средствами. В этом отличие человека от техники. Человеку как существу духовному доступна любовь: искренняя, чистая, бескорыстная, безграничная. Как любовь ребенка к своей матери, так и патриотизм как любовь к своей Родине, своему Отечеству является частью личности и незримо присутствует в каждом из нас.

В рамках учебных занятий и воспитательных мероприятий существует по-настоящему огромный потенциал формирования правовых ценностей каждой личности в школьные годы. Вспомним слова известной песни на стихи М. Матусовского в исполнении М. Бернеса «С чего начинается Родина?». Один из ответов на поставленный вопрос — «с картинки в твоем букваре» [1]. В этом проявляется глубокий смысл государственного участия в формировании патриотизма, нравственности и правовых ценностей детей и молодежи. Какие картинки будут отражены в букваре, каким смыслам, идеям, ценностям предстоит научить, во многом зависит от проводимой государством политики. В этой связи формирование традиционных для белорусского общества духовно-нравственных (прежде всего христианских) ценностей: справедливости, человеколюбия, милосердия, соборности и прочих — является залогом сохранения и развития общества и государства. При этом важно отметить, что патриотизм как любовь к своей Родине предполагает уважение к аналогичным чувствам другого человека, для которого родиной является другая страна. В противном случае результат может оказаться катастрофичным, о чем красноречиво гласит цитата из Книги ветхозаветного пророка Осии: «Так как они сеяли ветер, то и пожнут бурю» [2].

При этом вовлечение обучающихся в интерактивные мероприятия, где они могут быть активными участниками, приносить пользу, чувствовать востребованность и самореализацию, способствует развитию базовых правовых ценностей, таких как уважительное отношение к другим людям, к труду, к собственности, к государству и др. Таким образом, ответственность за воспитание молодого поколения лежит на взрослых. У детей и молодежи меньше жизненного опыта, что говорит о необходимости поддержания и удовлетворения их интереса со стороны взрослых, а в более широком контексте — со стороны государства. Если этот интерес не будет удовлетворен за счет положительных, социально одобряемых конструктивных знаний и практик, то существует риск воздействия на сознание молодежи со стороны деструктивных сил.

Сформированные в школьные годы правовые ценности требуют дальнейшего развития с целью укоренения в сознании человека. Приобретение новых знаний и нового опыта делает правовое сознание человека более сложным, и, как следствие, более устойчивым к какому-либо негативному воздействию. В этой связи дальнейшее обучение в учреждении профессионально-технического, среднего специального или высшего образования должно способствовать развитию патриотизма и стремления к освоению профессии, чтобы в дальнейшем продолжать жизнь на Родине и заниматься трудовой деятельностью, принося пользу себе и своей стране.

Для формирования правовых ценностей в духе патриотизма, сохранения исторической памяти следует использовать достижения современной юридической науки. Так, антропология права помогает ответить на вопросы, на которые классическая теория права ответа не дает. Речь идет о том, что человека следует рассматривать как реального участника общественных отношений, как изменяющуюся личность, а не просто как статичного субъекта права. В этой связи внешние показатели — уровень образования, возраст — не являются определяющими. Самое важное — это наличие у человека личностных правовых ценностей, сформированных на основе традиционных духовно-нравственных ценностей. Отношение к праву, к другим людям, к законным способам обеспечения жизни, к государству комплексно характеризует человека. Личностная правовая ценность предполагает свободное принятие правила поведения, существующего в обществе, как личного внутреннего правила, не требующего какого бы то ни было дополнительного контроля, принуждения с внешней стороны. Человек поступает правомерно, конструктивно, потому что считает это правильным и единственно возможным вариантом, не противоречащим требованиям права и нравственности.

Таким образом, формирование правовых ценностей начинается с раннего возраста наряду с патриотизмом и исторической памятью. С переходом на новый жизненный этап усложняется существующая система смыслов и ценностей ребенка или молодого человека. От того, какие ценности будут предложены в качестве одобряемых, зависит устойчивость государства и общества, которым, руководствуясь совокупным цивилизационным опытом, следует использовать возможности права, патриотизма и исторической памяти для обеспечения национальной безопасности, укрепления правопорядка и формирования правовых ценностей личности.

---

1. Песня «С чего начинается Родина?» [Электронный ресурс] // Творческий Центр «Звуки Времен» : [сайт]. URL: https://soundtimes.ru/populyarnye-pesni-6/s-chego-nachinaetsya-rodina (дата обращения: 18.02.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье

2. Ветхий Завет. Книга пророка Осии [Электронный ресурс] // Моя Библия онлайн : [сайт]. URL: http://www.my-bible.info/biblio/biblija/pr_osija.html (дата обращения: 18.02.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье

УДК 340.1

ФОРМИРОВАНИЕ ДОКТРИНЫ О ПРЕДЕЛАХ ДЕЙСТВИЯ ЗАКОНА В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

FORMATION OF THE DOCTRINE OF THE LIMITS OF THE LAW IN THE RUSSIAN EMPIRE

М. М. Степанов
Институт законодательства и сравнительного правоведения
при Правительстве Российской Федерации (г. Москва),
ведущий научный сотрудник отдела теории права
и междисциплинарных исследований законодательства,
кандидат юридических наук, доцент

Аннотация. *В современных условиях проблематика, связанная с определением пределов действия закона, приобрела особую актуальность. В статье рассматриваются научные взгляды выдающихся русских правоведов второй половины XIX века — С. В. Пахмана и А. Д. Градовского, идеи которых составили основу дореволюционной доктрины действия закона во времени, в пространстве и по кругу лиц.*

Ключевые слова: *пределы действия закона, действие закона во времени, действие закона в пространстве, действие закона по кругу лиц.*

Annotation. *In modern conditions, the problems associated with determining the limits of the law have acquired particular relevance. The article examines the scientific views of prominent Russian jurists of the second half of the 19th century — S. V. Pakhman and A. D. Gradovsky, whose ideas formed the basis of the pre-revolutionary doctrine of the operation of the law in time, in space and in a circle of persons.*

Keywords: *the limits of the operation of the law, the operation of the law in time, the operation of the law in space, the operation of the law in a circle of persons.*

Проблема пределов действия закона приобрела в последние годы особую актуальность. Прежде всего это связано с тем, что в США и странах Евросоюза принцип экстерриториальности стал пониматься максимально широко. В такой трактовке он является основой для проведения ими политики, выходящей за рамки собственной юрисдикции, а также принятия нормативных актов, распространяющих свое действие на территории других государств и проживающих там лиц.

В этих обстоятельствах представляется обоснованным вернуться к пониманию пределов действия законодательства, разработанных юридической наукой, к тем базовым юридическим положениям, которые определяют действие закона во времени, в пространстве и по кругу лиц. В связи с этим в настоящей статье рассматривается формирование соответствующей отечественной

правовой доктрины, которое можно отнести ко второй половине XIX в., и взгляды ее основоположников.

Известный русский правовед-цивилист С. В. Пахман в своих лекциях по общей части гражданского права, которые он читал в Императорском Санкт-Петербургском университете, в том числе рассматривал и проблему пределов действия закона. Эти литографированные учебные материалы неоднократно издавались, одна из первых таких публикаций датируется 1868–1869 гг. [1, с. 32]. Содержание лекций дает представление об особенностях научных взглядов этого выдающегося ученого.

Профессор Пахман считал, что пределы действия закона определяются «относительно лиц, места и времени» [2, с. 108–154]. Рассматривая вопрос о лицах, которые подлежат действию закона, Семен Викентьевич отмечал, что прежде всего речь должна вестись об определенной территории, в пределах которой действует закон. Обосновывая данную точку зрения, он указывал, что «нет всемирного законодательства», поэтому общее правило о действии закона в отношении лиц заключается в том, что «законы имеют силу для всех жителей данной территории, как туземцев, так и иностранцев с соблюдением изъятий, постановленных в самом законодательстве» [2, с. 108–109]. В качестве подтверждения своей точки зрения он ссылался на ст. 63 и 64 Основных законов Российской империи. В первой из указанных статей закреплялось, что «закон… должен быть свято и ненарушимо исполняем всеми и каждым, как подданными, так и иностранцами, в России пребывающими…» [3, с. 25]. В статье 64 говорилось, что «законы должны быть исполняемы беспристрастно, несмотря на лица…» [3, с. 25].

«Объем действия закона относительно места» С. В. Пахман рассматривал через призму наличия в государстве местностей, где действуют особые законы, а также возможности возникновения противоречий между законами «разных областей и даже государств» [2, с. 115–116]. Профессор Пахман отмечал, что на территории Российской империи существует множество местных законов, которые устанавлиют свое правовое регулирование, отличное от общеимперского. В качестве примера он приводил прибалтийские губернии, Черниговскую и Полтавскую губернии, Финляндию, Бессарабию, Кавказ и другие территории. И если Семен Викентьевич не видел затруднений при взаимодействии общеимперского и местного законодательств (поскольку наличие региональных особенностей правового регулирования допускалось государственной властью), то противоречия в местном законодательстве, по его мнению, являлись проблемой общеимперского правового пространства, которую он назвал «коллизией разноместностных законов» [2, с. 117–118]. Осложнялась данная проблема различиями в отечественном и иностранном законодательствах.

Анализируя темпоральные аспекты действия закона, С. В. Пахман отмечал, что существует общее правило, согласно которому закон вступает в силу со времени его обнародования. Также закон может вступить в силу с момента, указанного в самом законе. Прекращает свое действие закон путем самоотмены или его отмены другим законодательным актом. Второй способ утраты законом юридической силы профессор Пахман считал основным, ссылаясь на ст. 72 Основных законов Российской империи, в которой закреплялось, что «закон сохраняет свое действие, доколе не будет отменен силою нового закона» [3, с. 28].

Обратную силу закона С. В. Пахман рассматривал через призму коллизии между регулированием, осуществляемым новым и предшествующим ему законами. В этом случае, по мнению С. В. Пахмана, нужно руководствоваться общим правилом о том, что «закон обратного действия не имеет» и может распространяться только на будущее время. В подтверждение своей точки зрения Семен Викентьевич ссылался на зарубежное законодательство и ст. 60 Основных законов Российской империи, в которой говорилось: «Закон действует токмо на будущее время. Никакой закон не имеет обратного действия, и сила онаго не распространяется на деяния, совершившиеся прежде его обнародования». Также, ссылаясь на Основные законы Российской империи (ст. 61), профессор Пахман указывал на наличие двух исключений из этого общего правила: «1) Когда в законе именно сказано, что он есть токмо подтверждение и изъяснение смысла закона прежнего» и «2) Когда в самом законе постановлено, что сила его распространяется и на времена, предшествовавшие его обнародованию» [3, с. 24].

Немного позднее проблему пределов действия закона начал разрабатывать известный русский правовед А. Д. Градовский. В статье «О действии законов во времени» [4] он исследовал вопрос об обратной силе законодательного акта, рассмотрев ст. 60 и 61 Основных законов Российской империи, определявших темпоральные аспекты действия законодательных актов. Профессор Градовский пришел к выводу о том, что существующие в России правила применения обратной силы закона являются настолько неопределенными, что не позволяют рассматривать ее в виде исключения и сводят на нет общее положение о том, что закон распространяется на отношения, возникшие после его принятия, и не имеет обратной силы. Проанализировав зарубежное законодательство и доктрину, а также историю развития отечественного законодательства, Александр Дмитриевич заключает, что законодательный акт должен вступать в силу только после его обнародования и не может иметь обратной силы. Более того, автор статьи подчеркивал, что правило о недопустимости обратной силы закона является важной гарантией личных и имущественных прав граждан.

В дальнейшем А. Д. Градовский продолжил исследование проблематики пределов действия закона. В работе «О государственном устройстве» он рассмотрел действие закона во времени, «по месту» и по лицам [5, с. 89–126].

Анализируя темпоральный аспект, профессор Градовский подтвердил сделанные в своей статье выводы и указал, что законы должны распространять свое действие на будущее время и не могут иметь обратной силы, за редким исключением (например, обратное действие более мягких уголовных законов).

Исследуя действие закона «по месту», Александр Дмитриевич отметил, что законы применяются на всем пространстве государства, что обусловлено его верховенством (данное правило закреплено в ст. 63 Основных законов Российской империи) [3, с. 25]. При этом из указанного правила есть два исключения. Первое из них связано с действием международного права (законов и судебных актов других государств) на территории России. Второе — с особенностями местного законодательства, допускаемыми государством (эта особенность применения имперских актов закреплена в ст. 48 Основных законов Российской империи [3, с. 18]; в качестве примеров А. Д. Градовский приводил законодательство Великого княжества Финляндского, Царства Польского, «Остзейских провинций» (западных губерний Российской империи), Бессарабии, Закавказского края и других местностей).

Рассматривая действие закона по лицам, профессор Градовский отмечал, что соответствующие правила являются дополнением начал, определяющих действие закона «по месту». По мнению Александра Дмитриевича, в пределах любого государства, в том числе и российского, действующие законы, безусловно, обязательны для всех находящихся в нем лиц. В качестве подтверждения своей точки зрения он ссылался на ст. 63 и 64 Основных законов Российской империи. При этом А. Д. Градовский указывал и на наличие исключений из этого правила, обусловленных особым статусом лица (в качестве примера он приводил глав государств, которые не могли быть привлечены к юридической ответственности ни в своей стране, ни в зарубежном государстве; лиц, обладающих дипломатическим иммунитетом; иностранных военнослужащих).

Идеи С. В. Пахмана и А. Д. Градовского были восприняты и развиты выдающимися русскими правоведами Н. М. Коркуновым и Г. Ф. Шершеневичем [1, с. 34–37]. В связи с этим можно констатировать, что в конце XIX – начале XX в. в Российской империи была создана доктрина пределов действия закона, которая и в современных условиях представляет теоретический и практический интерес.

1. Капустина М. А. Действие законов во времени: историографический обзор // Изв. высш. учеб. заведений. Правоведение. 1996. № 1 (212). С. 30–37. Вернуться к статье

2. Пахман С. В. Гражданское право: лекции. Вып. 1. Императорское училище правоведения. СПб. : Литогр. Богданова, 1900–1901. 734 с. Вернуться к статье

3. Свод законов Российской империи, повелением государя императора Николая Павловича составленный. Свод учреждений государственных и губернских. Ч. 1. Основные законы и учреждения государственные. СПб. : Тип. II-го Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1832. Вернуться к статье

4. Градовский А. О действии законов во времени // Журн. гражд. и уголов. права. Кн. IV. СПб., 1873. С. 1–46. Вернуться к статье

5. Градовский А. Д. Собрание сочинений в 9 т. СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1899–1908. Т. 7. Начала русского государственного права. Ч. 1. О государственном устройстве. 2-е изд. СПб., 1907. 479 с. Вернуться к статье

УДК 316.7:004

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ ИНСТРУМЕНТАРИЙ ПРАВОВОГО ОБРАЗОВАНИЯ ПО ПРЕДУПРЕЖДЕНИЮ ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

METHODOLOGICAL TOOLKIT FOR LEGAL EDUCATION AIMED AT PREVENTING DEVIANT BEHAVIOR AMONG MINORS

Е. А. Терещенко
Юридический институт Северо-Кавказского федерального университета,
заведующий кафедрой правовой культуры и защиты прав человека,
кандидат юридических наук, доцент

Аннотация. *В статье проанализированы типы отклоняющегося поведения подростков, выделены ключевые этапы восстановительной стратегии в сфере предотвращения девиантных противоправных действий среди несовершеннолетних.*

Ключевые слова: *правовое образование, девиантное поведение, восстановительная методика, медиация.*

Annotation. *The article analyzes types of adolescent deviant behavior and identifies key stages of a restorative strategy aimed at preventing unlawful deviant acts among minors.*

Keywords: *legal education, deviant behavior, restorative methods, mediation.*

Рост отклоняющегося поведения и правонарушений среди несовершеннолетних сделали проблему повышения эффективности системы профилактики девиантного и противоправного поведения особо значимой.

Проблема девиантного поведения человека, несмотря на множество эмпирических и теоретических исследований, остается сложной и многоаспектной и по-прежнему вызывает дискуссии среди специалистов в области психологии, социологии, педагогики и, конечно, юриспруденции.

Ученые выделяют несколько типов отклоняющегося поведения: нестандартное поведение, которое характеризуется необычным восприятием общепринятых норм, но не приводит к негативным последствиям; деструктивное поведение, включающее нарушения различных социальных норм; внутридеструктивное поведение, связанное с внутренней дисгармонией. К последнему типу относятся такие формы, как суицидальное, конформистское, нарциссическое, фанатическое, аутистическое и др. [1, с. 89].

Делинквентное поведение, в отличие от девиантного, подразумевает повторяющиеся асоциальные проступки детей и подростков, которые складываются в определенный устойчивый стереотип действий, нарушающих правовые нормы, но не всегда влекущих уголовную ответственность из-за их ограниченной общественной опасности или недостижения ребенком возраста уголовной

ответственности. Выделяют несколько типов делинквентного поведения: агрессивно-насильственное поведение (оскорбления, побои, поджоги, проявления вандализма и садизма); корыстное поведение (мелкие кражи, вымогательство, угоны автотранспорта, иные имущественные посягательства, связанные со стремлением получить материальную выгоду); распространение и продажа наркотиков. Делинквентное поведение выражается не только во внешней стороне поведения, но и во внутренней, личностной, когда у подростка происходит деформация определенных форм правосознания, а также ценностных ориентаций, ведущая к ослаблению контроля системы внутренней регуляции внутреннего сознания.

Начальными симптомами изменения поведения выступают отклонения в психологической, этической и культурной сферах. Последствия такой деформации приводят к социальной патологии, которая выражается в искаженном восприятии моральных ценностей и приоритетов.

Подростковый возраст считается одним из самых сложных периодов в жизни человека. Это время формирования личности, когда закладываются основы нравственности и мировоззрения. В этот период подростки начинают осознавать свое место в обществе и учатся строить отношения с окружающими. В силу своей сложности этот этап часто сопровождается девиантным поведением, что связано с трудностями перехода от детства к взрослой жизни.

Не останавливаясь подробно на причинах возникновения данного противоправного поведения, следует заметить, что социальная среда, стрессовые ситуации и участие в экстремальных обстоятельствах могут способствовать возникновению отклоняющегося поведения.

Влияние средовых факторов на психику человека очевидно особенно в условиях нынешнего кризиса, когда социально-экономические, политические, эколого-биологические, геополитические процессы провоцируют стресс и неуверенность в будущем, высокий уровень тревоги, фрустрацию, эмоциональное истощение, раздражительность, вспышки гнева и агрессии даже у здорового взрослого человека, не говоря о подростке, поведение которого характеризуется, как правило, эмоциональной незрелостью, несформированными навыками самостоятельно принимать решения, решать проблемы, критически мыслить, владеть своими эмоциями.

В настоящее время, в период сложной международной обстановки, когда уровень стресса «зашкаливает», подростки еще в более сложной форме реагируют на нее.

В образовательных учреждениях эффективно работают службы примирения, объединяющие учителей и подростков, прошедших курс восстановительной медиации, основанной на принципе «равный равному».

Восстановительная методика учитывает многомерность социальных факторов при реконструкции жизни подростка, избегая подхода, аналогичного вопросу «Почему ты это сделал?».

Медиаторы используют техники активного слушания для того, чтобы помочь участникам конфликта самостоятельно определить свои позиции и взять на себя ответственность за участие в восстановительных программах. На завершающем этапе этих программ формируется модель конфликтных ситуаций, основанная на стандартах, которые критически важны для поддержания общественных связей. Введение терминологии, а также выявление потребностей и интересов участников служат основой для определения культурных ценностей, противостоящих разрушительным мотивам.

Медиатор инициирует процесс проектирования жизненной стратегии подростка, вовлекая участников в диалог. Однако такие программы несут в себе определенные риски для подростков. Основная задача социально-психологических инициатив заключается в создании стабильной сети поддержки, включающей ключевых лиц из окружения подростка.

Знание психологических особенностей подростков способствует правильному решению задач их превенции. Работники школ, других образовательных учреждений, правоохранительных органов, используя эти знания, обеспечивают правильную диагностику личности несовершеннолетнего, индивидуальный подход к нему, выбор и применение наиболее соответствующих ситуации тактических приемов и др. Для повышения эффективности процесса профилактики девиантного поведения у подростков в современных социальных условиях предлагается реализовать следующие научно-обоснованные рекомендации.

Руководителям и психологам центров социально-психологической поддержки подростков с девиантным поведением необходимо оценивать уровень развития высших свойств личности. Для этого следует использовать психологические технологии экспертной оценки, уровни выраженности, критерии и компоненты, а также многомерные психодиагностические алгоритмы его прогнозирования на основе валидных психологических тестов.

Психологам, педагогам, социальным работникам, работникам правоохранительных учреждений при анализе причин низкой результативности психологического сопровождения подростков необходимо использовать модель психологической помощи подросткам с девиантным поведением, предусматривающую анализ ее уровней, критериев, компонентов, а также симптомокомплексов личностных свойств подростков с помощью информативных психологических тестов.

Специалистам при оказании психологической помощи подросткам с девиантным поведением, мониторинге их психологического состояния и оценке индивидуально-психологических особенностей личности целесообразно использовать модель психологической службы с учетом следующих принципов: для подростка и ближайшего окружения — установка на помощь специалиста; учет характерологических особенностей подростка; уверенность в возможности перестройки неадаптивного поведения и обретении навыков адаптивного общения; взаимодействие субъектов реализации работы по коррекции девиантного поведения (психолог, педагог, врач); реализация индивидуального подхода.

Правовое образование играет ключевую роль в формировании правовой культуры и представляет собой систему знаний, отражающих социальные реалии и способствующих формированию позитивного восприятия юридических процессов и законопослушного поведения. К элементам правовой культуры в данном контексте можно отнести осведомленность подростков о своих правах и умение применять и защищать их, ответственное отношение к собственной и чужой свободе, соблюдение правовых обязанностей, а также отсутствие правового нигилизма и другие аспекты. А. А. Колмаков определяет правовой нигилизм как дисфункцию в структуре общественного правосознания, которая проявляется в скептицизме, отрицательном отношении к праву и нежелании рассматривать его как важный элемент культурной и социальной жизни [2, с. 184].

Правовое просвещение и правовое воспитание являются важным аспектом государственной стратегии и политики. Предпринимаемые инициативы представляют собой важный элемент системы повышения правовой грамотности.

Правовое просвещение среди несовершеннолетних является важным направлением, которое сориентировано на разъяснение содержания и механизмов действия правовых актов, что способствует укреплению правосознания среди молодежи.

Термин «правовое просвещение» широко используется в нормативно-правовых актах Российской Федерации, среди которых прежде всего следует выделить «Основы государственной политики Российской Федерации в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан» [3].

Федеральным законом от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» задачи по правовому просвещению и информированию населения включены в обязательства органов власти, в функции которых входит предотвращение правонарушений [4].

Система правового образования в России охватывает различные организации, среди которых прежде всего следует отметить общеобразовательные

организации, образовательные организации среднего профессионального и высшего образования.

Для успешной профилактики девиантного поведения необходимо тесное взаимодействие между образовательными учреждениями, семьями и правоохранительными органами, что поможет выработать системный подход к воспитанию детей из групп риска, направляя их на правильный путь. Такой подход не только способствует формированию здорового общества, но и обогащает культурное наследие страны.

1. Коррекционная педагогика и психология : учеб. / А. М. Руденко [и др.]. Ростов н/Д : Феникс, 2025. 285 с. Вернуться к статье

2. Колмаков А. А. Роль педагогов и родителей в профилактике и коррекции девиантного поведения детей в образовательных учреждениях // Единство науки и образования как инструмент перехода к постиндустриальному обществу : сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф., Магнитогорск, 15 янв. 2025 г.. Уфа : Аэтерна, 2025. С. 183–186. Вернуться к статье

3. Основы государственной политики Российской Федерации в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан : утв. Президентом Рос. Федерации 28 апр. 2011 г. № Пр-1168 // Рос. газета. 14.07.2011. № 151. Вернуться к статье

4. Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации : Федер. закон от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 27.06.2016. № 26. Ч. I. Ст. 3851. Вернуться к статье

УДК 341.218.4

ОТРАЖЕНИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕЖИМОВ В ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЕ ОБЩЕСТВА

REFLECTION OF THE TRANSFORMATION OF POLITICAL REGIMES IN THE LEGAL CULTURE OF SOCIETY

М. Г. Тирских
Юридический институт Иркутского государственного университета,
доцент кафедры международного права и сравнительного правоведения,
кандидат юридических наук, доцент

Аннотация. *В статье анализируется влияние процесса трансформации политического режима на феномен правовой культуры общества. Исходя из неизбежности правовых изменений в условиях трансформации политических режимов, отмечается снижение стабильности правовых институтов, в том числе и правовой культуры общества. Отмечается дифференцированный характер такого влияния.*

Ключевые слова: *политический режим, трансформация политических режимов, демократия, авторитаризм, политическая культура, правовая культура.*

Annotation. *The article analyzes the influence of the process of transformation of the political regime on the phenomenon of the legal culture of society. Based on the inevitability of legal changes in the context of the transformation of political regimes, there is a decrease in the stability of legal institutions, including the legal culture of society. The differentiated nature of such influence is noted.*

Keywords: *political regime, transformation of political regimes, democracy, authoritarianism, political culture, legal culture.*

Трансформация политических режимов независимо от характера и направления процесса преобразования всегда сопрягается с изменением права государства, в котором протекают данные процессы. В данном исследовании мы не будем затрагивать вопросы, связанные с детальным описанием процесса трансформации политических режимов, этот вопрос подробно изложен в других работах [1], а остановимся лишь на влиянии транзитивных процессов на правовую культуру.

Правовая культура является предметом анализа многих исследователей [2; 3; 4], вследствие чего имеется множество разных подходов к ее пониманию. В рамках данного исследования целесообразно использовать термин, предложенный Н. А. Славовой, по мнению которой «правовая культура — это определенно-качественное состояние правовой жизни общества, которое выражается в соответствующем уровне развития правовой реальности, правотворчества (законотворчества), правовой доступности (посредством предоставления правовой информации и ее обмена), правоприменительной и правореализационной

деятельности и представляет собой ценностно-нормативную систему, ориентированную на идеалы гуманизма, верховенства права, исторические правовые памятники, а также базовые правовые убеждения, взгляды, ориентации, способствующие пониманию права, прогнозированию правовых событий, действий и последствий, а также знание и умение применить правовые нормы (законодательство) для урегулирования общественных отношений (умение пользоваться правовым инструментарием в повседневной жизни)» [5, с. 54].

В контексте анализа отражения трансформации политических режимов в правовой культуре следует отметить двойственность такого отражения. С одной стороны, мы можем наблюдать естественный процесс, связанный с реакцией общества и отдельных его структур (в том числе профессиональных сообществ) на изменения права в условиях трансформации политических режимов, а с другой стороны — целенаправленную политику государства, пытающегося создать особый тип правовой культуры общества, соответствующий основополагающим принципам формируемого политического режима. Рассмотрим обе эти составляющие более подробно.

С точки зрения естественного отображения процесса трансформации политического режима на правовую культуру необходимо определить, что каждый вид политического режима формирует собственную правовую культуру, обладающую уникальными чертами. Так, О. В. Третьякова полагает, что правовая культура является необходимым компонентом демократического миропорядка [6, с. 33], однако она отмечает, что процесс демократизации является процессом формирования более высокой, целостной правовой культуры, пронизанной ценностями верховенства права, уважения прав и свобод человека и гражданина [6, с. 36]. Более того, отмечается, что происходит изменение правовой культуры к более «высокому» ее образцу [6, с. 37]. С этим тезисом нельзя согласиться в полной мере. Хотя безусловным фактом является то, что в процессе развития институтов демократии укрепляются такие явления, как права и свободы человека, верховенство права в государстве и т. д., собственно в процессе демократизации уровень правовой культуры может и уменьшаться, хотя бы в контексте неустойчивости правовых институтов, отсутствия укоренившейся практики применения отдельных правовых норм. Учитывая же, что процесс демократизации порой сопровождают такие явления, как рост коррупции за счет сокращения административного контроля и в целом сокращение институтов, подпадающих под государственное регулирование, то деформация правовой культуры может быть весьма существенной и сопряженной с временным падением как уровня доверия населения к правовым институтам, так и качества работы правоохранительных органов, что, например, наблюдалось в Российской Федерации в 90-е гг. XX в.

С другой стороны, полагаем, можно говорить о том, что устойчивые политические режимы, как демократические, так и антидемократические, формируют собственную правовую культуру. В результате в науке даже появились как вполне обоснованные термины («правовая культура демократии» [7] и «правовая культура тоталитаризма» [8]), так и более спорные (например, «правовой тоталитаризм» [9]), или отражающие специфику правовой культуры только отдельных видов конкретного типа устойчивых политических режимов (например, «правовая культура стран тоталитарного социализма» [10, с. 3]). Полагаем, что для устойчивых типов политического режима действительно свойственен собственный тип правовой культуры — правовая культура демократии, либерализма, авторитаризма, тоталитаризма, анализ которых, впрочем, предполагает самостоятельное глубокое исследование и не может быть осуществлен в контексте данного исследования.

В таком случае, если для конкретных типов политического режима присуща собственная специфика правовой культуры, обладающая совокупностью отличительных черт (например, верховенство права и уважения прав и свобод человека для демократической правовой культуры и присутствие в тоталитарной правовой культуре конкретной правовой идеологии, сопряженной с политической идеологией соответствующего политического учения, являющегося основой тоталитарного режима), то процесс трансформации политических режимов неизбежно приведет к существенному изменению правовой культуры, специфика которого зависит от особенностей самого процесса трансформации политических режимов. При этом на различных этапах такой трансформации будут в той или иной мере присутствовать как элементы правой культуры ранее существовавшего устойчивого политического режима, так и отдельные проявления нового режима, формирование которого только происходит. Специфика данного процесса может быть определена лишь на основе анализа концертного транзитивного перехода, что должно стать предметом отдельного широкоформатного исследования в контексте процессов демократизации и авторитаризации.

Другим значимым аспектом является то, что зачастую в рамках управляемых процессов трансформации политических режимов (как полностью управляемых в рамках заранее определенной совокупности реформ, так и частично управляемых, когда на определенном этапе хаотического преобразования политические силы государства осуществляют деятельность по стабилизации процесса трансформации) одним из компонентов преобразования является формирование в обществе правовой культуры нового типа, соответствующей формируемому политическому режиму.

Как правило, в таком случае имеет место комплексное преобразование права, а также формирование совокупности институтов, направленных на поддержку вновь создающейся правовой культуры. При этом такая задача, как создание новой правовой культуры, может быть связана с множеством различных целей от желания создать оптимальную среду для функционирования новых правовых институтов до создания в обществе устойчивой поддержки политическим и правовым преобразованиям. В любом случае в юридической литературе отмечается значимость таких задач для процесса трансформации политического режима [11; 12].

Полагаем, что включение в число реформ, с которыми сопрягается формирование нового политического режима, также и мер, направленных на создание новой правовой культуры, имеет важное значение для устойчивости вновь формируемого политического режима. Такие реформы будут способствовать не только закреплению нового правового порядка и готовности общества следовать правовым установлениям, но и существенно облегчат сам процесс становления нового режима на наиболее сложной фазе слома институтов ранее существовавшего режима и создания новых аполитических и правовых институтов. Такая реформа правовой культуры должна затрагивать все сферы проявления права в обществе, формировать единый контур мер, направленных на выработку в обществе определенного устойчивого отношения к праву и формирующемуся правовому порядку. Это прослеживается в исторической ретроспективе практически любого транзитивного процесса. При этом реформы, направленные на формирование новой правовой культуры, играют существенную роль в укоренении институтов нового политического режима.

Формирование новой политической культуры сопряжено с совокупностью таких решений, как отражение в правовой культуре идеологических паттернов вновь создаваемого политического режима; проявление в правовой культуре и придание легитимной окраски методам управления и организации власти и наделение конкретных субъектов политической властью; проявление прав и свобод человека и гражданина и формирование в обществе определенной оценки значимости таких прав; формирование механизмов доступности для населения судопроизводства, а также альтернативных, соответствующих политическому режиму механизмов разрешения споров (например, партийное правоприменение в тоталитарных режимах или негосударственная медиация в демократических политических режимах). Установление каждого из таких решений требует качественного, полновесного набора действий со стороны государства. В некоторых случаях планирование реализации указанных решений сопрягалось с принятием соответствующих нормативных правовых актов,

обеспечивающих достижение поставленных задач в контексте формирования в обществе определенного состояния правовой культуры.

Так, например, в РСФСР в 1918 г. одним из таких решений являлось Постановление IV Всероссийского Чрезвычайного съезда Советов «О революционной законности» [13], согласно которому в частности предписывалось «призвать всех граждан Республики, все органы и всех должностных лиц Советской власти к строжайшему соблюдению законов Российской Социалистической Федеративной Советской Республики, изданных и издаваемых центральной властью постановлений, положений и распоряжений», т. е. создание правовой культуры приоритета социалистической законности. Это лишь одна из иллюстраций многомерной деятельности по формированию новой правовой культуры общества, основанной на сопряжении единства правового пространства и принципах нового социалистического законодательства.

В таком случае можно отметить, что формирование в обществе определенной правовой культуры, соотносимой с создаваемым политическим режимом, имеет как естественное, так и искусственное проявление, однако в конечном итоге является гармоничным элементом создания нового политического режима, вплетаясь в его юридическую составляющую.

1. Тирских М. Г. Право и политический режим: анализ соотношения : моногр. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2013. 195 с. Вернуться к статье

2. Карташов В. Н., Баумова М. Г. Правовая культура: понятие, структура, функции : моногр. Ярославль : Ярослав. гос. ун-т, 2008. 200 с. Вернуться к статье

3. Сорокин В. В. Теория правовой культуры : моногр. М. : Проспект, 2023. 360 с. Вернуться к статье

4. Правовая культура как основа и результат правового государства : моногр. / А. П. Альбов [и др.] ; под ред. А. П. Альбова. М. : Русайнс, 2020. 162 с. Вернуться к статье

5. Славова Н. А. Правовая культура: понятие и функции // Вестн. Волж. ун-та им. В. Н. Татищева. 2020. Т. 1, № 3 (96). С. 48–55. Вернуться к статье

6. Третьякова О. В. Правовая культура как необходимый элемент демократического миропорядка // Вестн. Помор. ун-та. Сер. Гуманитар. и соц. науки. 2009. № 4. С. 33–38. Вернуться к статье

7. Галиев Ф. Х. Демократия, право и правовая культура // Правовое государство: теория и практика. 2018. № 4 (54). С. 35–41. Вернуться к статье

8. Tucker A. The Legacies of Totalitarianism: A Theoretical Framework. Cambridge : Cambridge University Press, 2015. 512 p. Вернуться к статье

9. Толстик В. А. Правовой тоталитаризм: стратегия правотворчества или движение по инерции? // Юрид. техника. 2015. № 9. С. 759–763. Вернуться к статье

10. Кузнецова Е. В. Правовые системы стран тоталитарного социализма: особенности правогенеза и тенденции развития // Сиб. юрид. вестн. 2022. № 3 (98). С. 3–9. Вернуться к статье

11. Куцурубова-Шевченко Е. В. Формирование правосознания и правовой культуры граждан в новых условиях строительства правового государства // Вестн. Ин-та экон. исслед. 2022. № 2 (26). С. 120–130. Вернуться к статье

12. Снашков С. А. Тенденции развития правовой культуры современного российского общества // Междунар. науч.-исслед. журн. 2022. № 2 (116). С. 56–61. Вернуться к статье

13. О революционной законности : постановление Центрального исполнительного комитета и Совета народных комиссаров Союза ССР. Саратов : Партийное изд-во, Н.-В. краевое отделение, 1932. 30 с. Вернуться к статье

УДК 17.022.1:351.74

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ И ОТЛИЧИТЕЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ИМИДЖА ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

METHODOLOGICAL ASPECTS AND DISTINCTIVE FEATURES OF SHAPING THE IMAGE OF INTERNAL AFFAIRS AGENCIES

А. Н. Толочко
Могилевский институт МВД Республики Беларусь,
начальник кафедры социально-гуманитарных дисциплин,
кандидат юридических наук, доцент

Аннотация. *Проанализированы примеры формирования имиджа органов внутренних дел на основе междисциплинарного подхода. Рассмотрены особенности формирования имиджа органов внутренних дел, обусловленные характером деятельности подразделений органов внутренних дел, а также характером их взаимодействия с обществом.*

Ключевые слова: *имидж, имиджелогия, органы внутренних дел, социальные группы, междисциплинарный подход.*

Annotation. *Examples of image-building for internal affairs agencies based on an interdisciplinary approach are analyzed. The study examines the specific features of shaping the image of these agencies, determined by the nature of their units' activities and the character of their interaction with the public.*

Keywords: *image, imageology, internal affairs agencies, social groups, interdisciplinary approach.*

Разноплановые исследования имиджа привели к созданию самостоятельной научной дисциплины — имиджелогии, в которой изучаются способы формирования имиджа, закономерности функционирования имиджа и управления им, а также связи и отношения субъекта имиджа и социальных групп [1].

Имиджелогия представляет собой единое «междисциплинарное научное направление, сочетающее результаты исследований ряда наук» [2, с. 3].

Междисциплинарность имиджелогии предполагает возможности проведения исследований имиджа на основе методологического МД-подхода.

С учетом результатов ранее выполненных исследований [3], развитие имиджелогии органов внутренних дел (далее — ОВД) на основе МД-подхода предполагает сравнение имиджелогии ОВД с другими видами имиджелогий, в которых выявляются фрагменты знаний, перспективных для использования в имиджелогии ОВД, в первую очередь для формирования имиджа ОВД, повышения его общественной значимости.

При этом важно знать и учитывать отличительные особенности формирования имиджа ОВД, обусловленные, во-первых, характером деятельности ОВД

и, во-вторых, характером взаимодействия ОВД с обществом. Некоторые из этих особенностей рассмотрены ниже.

Деятельность сотрудников ОВД часто связана с риском, психоэмоциональными и физическими перегрузками, что требует от сотрудников повышенной ответственности за принимаемые решения. Такая напряженная работа оказывает значительное влияние на личностные характеристики сотрудников, может приводить к развитию у них профессиональной деформации и, как следствие, к снижению имиджа [4, с. 183]. Поскольку сотрудникам ОВД приходится работать в основном в конфликтных условиях, то они должны уметь управлять конфликтами, в противном случае их имидж также будет снижаться [5, с. 155].

В отношении сотрудников ОВД крайне остро стоит вопрос о недопустимости имиджевых потерь, поскольку любое недостойное поведение отдельных сотрудников, (даже, казалось бы, небольшое отклонение от установленных для них норм поведения) может вызвать крайне негативную реакцию населения и в итоге привести к значительному снижению имиджа не только отдельного сотрудника и даже не только отдельного подразделении ОВД, а всей государственной правоохранительной системы [6, с. 556; 7, с. 174; 8, с. 134].

Общество обычно наделяет сотрудников ОВД высокими моральными качествами. В свою очередь, сотрудники ОВД обязаны проявлять эти качества ради поддержания своего имиджа. Подобные качества также могут иметь представители других профессий, однако для сотрудников ОВД они крайне необходимы в профессиональном отношении [9, с. 163].

При формировании имиджа сотрудников ОВД следует повышать их нравственную культуру, поскольку она оказывает «заметное дисциплинирующее, воспитательное воздействие на граждан» [10, с. 1996]. Соблюдение норм профессиональной этики для сотрудников ОВД при общении с гражданами является строго обязательным, эти нормы установлены специальными нормативными правовыми документами.

Важным условием для обеспечения положительного имиджа работника любой профессии является высокая культура речи, которая для сотрудников ОВД имеет особое значение, т. к. способствует воспитательному воздействию на граждан при общении с ними, а также формированию положительного отношения граждан к сотрудникам ОВД при выяснении обстоятельств происшествий и проявлению готовности оказать помощь [11, с. 198].

Сотрудники ОВД «не имеют определенной целевой аудитории, которая бы оценивала их имидж. Их круг общения не имеет четких границ, поскольку в рамках профессиональной деятельности взаимодействие осуществляется с представителями всех слоев общества» [4, с. 184]. Все это создает определенные трудности при формировании имиджа ОВД: нет единого «глобального»

имиджа ОВД, но есть много разных, отличающихся друг от друга имиджей, каждый из которых имеет свои характерные черты в зависимости от вида имиджируемого подразделения ОВД и присущих ему видов социальных групп [12, с. 18]. Так, подразделения автоинспекции в основном взаимодействуют с водителями транспортных средств и транспортными организациями; подразделения по борьбе с экономическими преступлениями — с индивидуальными предпринимателями и коммерческими организациями; подразделения оперативно-дежурной службы — с гражданами-заявителями, большинство которых являются потерпевшими, и т. д. [13, с. 133]. Как правило, взаимодействия разных видов подразделений ОВД с разными видами социальных групп отличаются друг от друга, как следствие, отличаются друг от друга и соответствующие имиджи.

Как правило, у граждан, взаимодействующих с каким-либо социальным субъектом, в том случае, когда оценка его имиджа оказывается низкой, имеется возможность заменить этот субъект на другой, более подходящий [14, с. 9]. Например, потребители продукции определенного вида могут выбрать предприятие, производящее ее более качественно, и тем самым избавиться от чувства неудовлетворенности, первоначально возникнувшего после приобретения плохой продукции. Однако при взаимодействии с ОВД у граждан нет возможностей подобного выбора, поскольку в любом государстве все подразделения ОВД имеют единую ведомственную принадлежность и работают по единым правилам. Это означает, что для предотвращения случаев недовольства граждан деятельностью сотрудников ОВД и во избежание возникновения общественных конфликтов надо уделять повышенное внимание вопросам обеспечения высокого уровня имиджа ОВД.

Итак, применение МД-подхода для развития имиджелогии ОВД нацелено прежде всего на совершенствование методов формирования имиджа ОВД. Для этого с учетом результатов ранее выполненных исследований [3], надо найти определенные фрагменты научных знаний, содержащихся в разных видах имиджелогий, и перенести их в имиджелогию ОВД, подвергнув при необходимости доработке. Ниже в качестве примера кратко рассмотрены некоторые возможные варианты использования МД-связей для решения задач формирования имиджа ОВД.

Пример 1. Во многих публикациях по формированию имиджа ОВД делается акцент на необходимости принятия специальных мер по влиянию на имидж, причем эти меры рассматриваются как единственно возможный путь формирования имиджа. Действительно, «имидж чаще всего есть результат специально организованной деятельности, направленной на создание особого способа управления ценностными ориентациями и установками» определенных

социальных групп (целевых аудиторий имиджа) [14, с. 12]. Но вместе с тем следует учитывать, что имидж может формироваться не только в результате специальных действий на целевые группы, осуществляемых субъектами имиджа, но также стихийно, т. е. естественным путем. Так, имидж предприятия, оказывающего населению какие-либо услуги, может стихийно создаваться на основе личного опыта взаимодействия населения с этим предприятием, его персоналом и руководством в ходе получения услуг [14, с. 15]. Отсюда по аналогии следует, что имидж ОВД может быть сформирован не только в результате специально предпринимаемых мер, но и стихийно на основе личного опыта взаимодействия населения с конкретным подразделением ОВД, его сотрудниками и руководителем, а это, в свою очередь, означает, что одним из непременных условий поддержания положительного имиджа ОВД является добросовестное и высокопрофессиональное выполнение своих служебных обязанностей сотрудниками ОВД.

Пример 2. В ряде публикаций по имиджелогии говорится, что имидж организации состоит из отдельных имиджей его работников. Так, «имидж образовательного учреждения… это, прежде всего, индивидуальный имидж руководителя образовательного учреждения и имидж педагогов, работающих в нем» [15, с. 65]. Аналогично, «имидж органов внутренних дел — совокупность личных имиджей всего личного состава» [16, с. 161]. Эти утверждения не следует понимать в буквальном смысле, полагая, что имидж организации можно получить путем простого сложения имиджей работников, тем более с учетом того, что имидж организации и имидж работника имеют разную структуру (разные имиджевые характеристики). Их надо воспринимать всего лишь как указания на то, что имидж любой организации должен рассматриваться в неразрывной связи с имиджами всех ее работников, как рядовых, так и руководящих. Это требование в полной мере относится и к имиджу подразделений ОВД, формирование которого надо проводить параллельно с формированием имиджей сотрудников соответствующих подразделений.

Жизнь общества, его интересы и предпочтения со временем могут изменяться, что может повлечь за собой изменения в его отношении к деятельности ОВД, в том числе снизить степень положительной оценки или, более того, вызвать отрицательную оценку этой деятельности [17]. Поэтому требуется постоянно отслеживать эти изменения и при необходимости своевременно принимать меры по улучшению имиджа ОВД. Следует заметить, что различные отклонения в состоянии общества могут оказывать различное, в том числе негативное влияние на имидж и других социальных субъектов, однако в случае ОВД последствия этого влияния могут быть более значительными.

Таким образом, на отдельных примерах рассмотрены возможности применения междисциплинарного подхода к формированию имиджа ОВД. Обсуждены особенности формирования имиджа ОВД, обусловленные характером деятельности подразделений ОВД, а также характером их взаимодействия с обществом. Дальнейшее развитие имиджелогии ОВД с использованием предложенной методологии должно быть связано с решением таких вопросов, как повышение значимости имиджа ОВД, изучение его структуры и совершенствование методов оценки имиджа ОВД, определение особенностей взаимодействия как подразделений, так и отдельных сотрудников ОВД с различными социальными группами, уточнение понятийно-терминологического аппарата имиджелогии ОВД и др.

1. Байтурбаева А. Т. Категория «политический имидж лидера» в политологии // Кирлибнет : [сайт]. URL: https://arch.kyrlibnet.kg/uploads/KNUBAJTURBAEVAA.T.2015-2.pdf (дата обращения: 10.01.2025). Перейти к источнику Вернуться к статье

2. Ресурсы массовой коммуникации в формировании страновых имиджей / И. В. Сидорская [и др.] ; под ред. И. В. Сидорской. Минск : БГУ, 2016. 191 с. Вернуться к статье

3. Толочко А. Н. Принципы развития теории и практики оперативно-розыскной деятельности на основе использования междисциплинарных и межпрактических связей : моногр. / Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь. Минск : Акад. МВД, 2022. 291 с. Вернуться к статье

4. Гамола М. А. Особенности формирования имиджа сотрудника органов внутренних дел (на примере Московского РУВД г. Минска) // Актуальные психолого-педагогические вопросы совершенствования правоохранительной деятельности и формирования имиджа органов правопорядка : сб. материалов / Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь ; редкол.: В. Г. Стуканов (пред.) [и др.]. Минск, 2020. С. 182–185. Вернуться к статье

5. Пекарский Ф. В. Имиджевый аспект психологически обоснованного поведения сотрудников органов внутренних дел в конфликтных ситуациях // Актуальные психолого-педагогические вопросы совершенствования правоохранительной деятельности и формирования имиджа органов правопорядка : сб. материалов / Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь; редкол.: В. Г. Стуканов (пред.) [и др.]. Минск, 2020. С. 154–160. Вернуться к статье

6. Ильянова О. И. Проблемные вопросы распространения негативной информации о деятельности сотрудников органов внутренних дел в сети Интернет // Человек: преступление и наказание. 2019. Т. 27 (1–4), № 4. С. 554–560. Вернуться к статье

7. Ластовский А. А. Практические аспекты формирования имиджа сотрудника органов внутренних дел и механизм реагирования на негативные информационные поводы // Актуальные психолого-педагогические вопросы совершенствования правоохранительной деятельности и формирования имиджа органов правопорядка : сб. материалов / Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь ; редкол.: В. Г. Стуканов (пред.) [и др.]. Минск, 2020. С. 174–177. Вернуться к статье

8. Пастушеня А. Н. Повышение эффективности реагирования на инциденты, влияющие на имидж органов внутренних дел // Актуальные психолого-педагогические вопросы совершенствования правоохранительной деятельности и формирования имиджа органов правопорядка : сб. материалов / Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь ; редкол.: В. Г. Стуканов (пред.) [и др.]. Минск, 2020. С. 133–142. Вернуться к статье

9. Голубев В. Л. Служебная культура как фактор формирования имиджа органов внутренних дел // Актуальные психолого-педагогические вопросы совершенствования правоохранительной деятельности и формирования имиджа органов правопорядка : сб. материалов / Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь ; редкол.: В. Г. Стуканов (пред.) [и др.]. Минск, 2020. С. 160–166. Вернуться к статье

10. Власов А. В. Этические аспекты деятельности служб и подразделений органов внутренних дел // Концепт. 2014. Т. 20. С. 1996–2000. Вернуться к статье

11. Оскирко Н. Н. Культура речи как визитная карточка сотрудника правоохранительных органов // Актуальные психолого-педагогические вопросы совершенствования правоохранительной деятельности и формирования имиджа органов правопорядка : сб. материалов / Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь ; редкол.: В. Г. Стуканов (пред.) [и др.]. Минск, 2020. С. 196–197. Вернуться к статье

12. Буари Ф. А. Паблик рилейшнз, или стратегия доверия. М. : ИМИДЖ-Контакт : Инфра-М, 2010. 178 с. Вернуться к статье

13. Клеймёнов Е. А. Взаимодействие полиции с гражданами и организациями в оценках сотрудников полиции // Власть и управление на Востоке России. 2021. № 4. С. 128–142. Вернуться к статье

14. Бердинских М. В. Формирование имиджа организации: социологический анализ : автореф. дис. … канд. социол. наук : 22.00.04 / Урал. федер. ун-т им. первого президента России Б. Н. Ельцина. Екатеринбург, 2013. 25 с. Вернуться к статье

15. Малахеева Т. В. К вопросу об имидже преподавателя и имидже образовательной организации // Социально-педагогическая деятельность в социуме: теория, практика, перспективы : сб. науч. тр. VI Междунар. соц.-пед. чтений им. Б. И. Лившица, Екатеринбург, 14 нояб. 2014 г. : в 2 ч. / Урал. гос. пед. ун-т, Ин-т соц. образования. Екатеринбург, 2014. Ч. 1. С. 62–67. Вернуться к статье

16. Голубев В. Л. Служебная культура как фактор формирования имиджа органов внутренних дел // Актуальные психолого-педагогические вопросы совершенствования правоохранительной деятельности и формирования имиджа органов правопорядка : сб. материалов / Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь ; редкол.: В. Г. Стуканов (пред.) [и др.]. Минск, 2020. С. 160–166. Вернуться к статье

17. Браженская Н. Е., Чернобродов Е. Р. Социально-психологические особенности имиджа современного полицейского в России // Мир науки. Педагогика и психология. 2020. Т. 8, № 4. URL: https://mir-nauki.com/PDF/21PSMN420.pdf (дата обращения: 10.01.2025). Перейти к источнику Вернуться к статье

УДК 347.6

ПОНЯТИЕ И ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ ИНСТИТУТА СУРРОГАТНОГО МАТЕРИНСТВА

THE CONCEPT AND HISTORICAL DEVELOPMENT OF THE LEGAL INSTITUTION OF SURROGATE MOTHERHOOD

С. Н. Ховратова
Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова,
старший преподаватель кафедры юриспруденции

Аннотация. *В данной статье анализируется понятие и сущность института суррогатного материнства. Автором исследуется зарубежный опыт по развитию института суррогатного материнства и анализируются существующие мнения ученых-правоведов.*

Ключевые слова: *вспомогательные репродуктивные технологии, ребенок, суррогатная мать, суррогатное материнство, эмбрион.*

Annotation. *This article provides an analysis of the concept and legal nature of the institution of surrogacy. The author examines foreign legal approaches and existing viewpoints of legal scholars concerning the evolution of surrogacy as a legal institution.*

Keywords: *assisted reproductive technologies, a child, a surrogate mother, surrogacy, embryo.*

Институт суррогатного материнства является одним из современных видов вспомогательных репродуктивных технологий, вектор которых направлен на решение проблемы бесплодия и удовлетворения потребностей семей, не способных к естественному рождению детей, стать генетическими родителями. Женщина, которая решила стать суррогатной матерью, добровольно принимает это решение и получает за это материальную компенсацию. Потенциальные же родители выступают стороной, нуждающейся в улучшении качества жизни посредством преодоления бесплодия.

Попытку дать определение суррогатному материнству делает А. А. Пестрикова. Суррогатное материнство — это соглашение между лицами, желающими стать родителями, и женщиной (суррогатной матерью), согласной на искусственное оплодотворение, вынашивание и рождение ребенка с последующей его передачей другой стороне по договору за вознаграждение, либо без такового [1, с. 9]. Необходимо отметить, что в данном определении отражается наличие существенного условия договора суррогатного материнства, которое выражается в необходимости передачи ребенка другой стороне по договору.

В свою очередь, Е. С. Митрякова, позиционирует суррогатное материнство как правовую взаимосвязь, возникающую между суррогатной (вынашивающей) матерью и супругами (заказчиками) по вопросам имплантации

в организм суррогатной матери генетически чужого ей эмбриона для вынашивания, рождения ребенка и его последующей передачи заказчикам [2, с. 7; 3, с. 104]. Данный подход отображает правовую и медицинскую точку зрения, однако не называет целевое назначение и дает указания на договор как основу возникновения правоотношений между суррогатной матерью и заказчиками.

При анализе медицинской практики, необходимо выделить два основных вида суррогатного материнства: традиционное (суррогатное материнство sui generis) и нетрадиционное (гестационное). В применении традиционного суррогатного материнства sui generis предполагается наличие связи между суррогатной матерью и ребенком. Генетическая связь в гестационном виде суррогатного материнства отсутствует. Женщина выступает только в качестве гестационного курьера и осуществляет вынашивание перенесенного донорского эмбриона. Таким образом, суррогатная мать не связана с ребенком, которого она вынашивает и не может передать малышу какие-либо свои заболевания, черты характера и внешности.

Представляет интерес мнение В. В. Самойловой, которая предполагает выделение систематизированных видов и подвидов суррогатного материнства, влияющих на возникновение семейных отношений с ребенком. Она различает: полное и частичное суррогатное материнство, где полное суррогатное материнство характеризуется использованием яйцеклетки другой женщин, не являющейся суррогатной матерью. Частичное суррогатное материнство представляет собой использование яйцеклетки суррогатной матери. В данном виде суррогатного материнства проведение медицинской процедуры возможно только путем использования яйцеклетки суррогатной матери при искусственном методе экстракорпорального оплодотворения [1].

Применительно к полному суррогатному материнству выделяют суррогатное материнство, при котором используется яйцеклетка супруги-заказчицы, которая впоследствии будет записана в качестве юридической матери ребенка, если суррогатная мать даст согласие на запись супруги-заказчицы в качестве родителя ребенка, и еще выделяют суррогатное материнство, при котором используется яйцеклетка другой женщины, которая не будет выступать в качестве матери, но с которой ребенок будет иметь генетическую связь [4, с. 12].

В настоящее время в мировой практике существуют три позиции по этим вопросам. Первая позиция — признавать субъектом родительских прав генетических родителей. Отсюда вытекает позитивное отношение и к договорам о «заменяющем материнстве». Вторая позиция прямо противоположна — считать, что субъектом родительских прав является «заменяющая мать», а не генетические родители. Отсюда следует отрицательное отношение к договорам. Третья позиция лежит между этими двумя крайностями. Она сводится к тому,

чтобы решать вопрос в соответствии с волеизъявлением «заменяющей матери»: если она желает оставить ребенка себе, она признается субъектом родительских прав, в ином случае такими субъектами признаются генетические родители. Это сочетается с признанием некоторых договоров действительными, а некоторых — нет [5, с. 251].

Важно отметить, что предусматривается деление суррогатного материнства на альтруистическое и коммерческое. Альтруистическое суррогатное материнство — это ситуация, когда суррогатная мать не получает никакого финансового вознаграждения за свою беременность или отказ от ребенка (хотя обычно все расходы, связанные с беременностью и родами, такие как медицинские расходы, одежда для беременных и другие сопутствующие расходы, оплачиваются предполагаемыми родителями). «Коммерческое суррогатное материнство» — это форма суррогатного материнства, при которой носительнице беременности платят за то, чтобы она вынашивала ребенка до зрелости в ее утробе. К ней обычно прибегают обеспеченные бесплодные пары, которые могут себе позволить соответствующие расходы или люди, которые копят и занимают деньги, чтобы осуществить свою мечту стать родителями. Например, коммерческое суррогатное материнство иногда называют эмоционально заряженными и потенциально оскорбительными терминами, такими как «матки в аренду», «аутсорсинг беременности» или «детские фермы» [6].

Для должного правового регулирования института суррогатного материнства определяющее значение имеет правильное установление цели. Существенное влияние на цель оказывают, с одной стороны, действия лиц, которые заключают договор с суррогатной матерью, а с другой стороны, действия самой суррогатной матери. Следует отметить, что каждая сторона старается удовлетворить свои желания путем достижения определенных целей. Супруги действуют с целью стать родителями ребенка, а суррогатная мать действует с целью помощи бесплодной паре и извлечь из этого материальную или моральную выгоду.

Исторически институт суррогатного материнства берет свое начало со времен существования Древнего Рима и Древней Греции, где можно проследить наличие доказательств использования традиционного вида суррогатного материнства, где мать должна выносить и передать бесплодной паре ребенка, который зачат при помощи генетического материала одного из его потенциальных родителей и соответствующего донора: мужчины либо женщины.

Институт суррогатного материнства находит свое упоминание в библейских текстах, где Сара (жена Аврама) предлагала свою служанку Агарь для рождения сына (Исмаила) [7].

Вместе с тем в середине XVIII в. до н. э. суррогатное материнство было известно со времен цивилизации шумеров и упоминалось в Кодексе законов царя Хаммурапи. Так, согласно ст. 144, 145, 146, свода законов шумеров, предусматривалась возможность рождения ребенка рабыней в том случае, если жена является бесплодной [8].

Первая попытка традиционного суррогатного материнства, при помощи медицинского вмешательства, была успешно предпринята в Соединенных Штатах Америки, в результате чего оно стало предоставляться на коммерческой основе. Первая программа традиционного суррогатного материнства в современный период времени, т. е. с использованием медицинского вмешательства, была довольно успешно реализована в 1980 г.

Исходя из Конституции Соединенных Штатов Америки, каждый штат имеет право на самостоятельное регулирование законов в сфере здравоохранения, поэтому в Америке не существует единой для всех нормативно-правовой базы, регулирующей суррогатное материнство [9, с. 195]. В настоящее время, программа суррогатного материнства разрешена и реализуется только в Флориде, Виргинии и Вашингтоне. При этом в части штатов суррогатное материнство не запрещено, из-за отсутствия соответствующего закона, который запрещал бы использования данного вида вспомогательных репродуктивных технологий. Один из главных достоинств нормативно-правовой базы Соединенных Штатов Америки, в области суррогатного материнства, является разработанный в 1988 г. Единообразный закон «О статусе детей, рожденных нетрадиционным путем», где провозглашается, что дети является высшей ценностью и главным приоритетом правовой охраны независимо, от способа их зачатия и рождения [9, с. 195].

В Соединенных Штатах Америки суррогатное материнство основывается на соглашении, которые может быть выражено в письменной или устной форме между женщиной, которая согласна на инсеменацию и вынашивание ребенка, зачатого с использованием генетического материала мужчины, который не является ее мужем, и женщиной, которая дала свое согласие на усыновление (удочерение) ребенка, рожденного таким способом. Характерной чертой данного понятия является форма соглашения — письменная или устная, а также использование генетического материала только мужчины [10, с. 183].

Следует подчеркнуть, что вторая половина XX века, характеризуется стремительным развитием генной инженерии и появлением новых технологий в области биомедицины, позволяющие преодолеть бесплодие. Данное стремление тесно связано с демографической проблемой, существующей во многих странах мира.

Практика многих государств, характеризуется использованием операций «заменяющего материнства». Данный вид операций осуществляется в Великобритании, Австралии, Германии, Канаде, Австрии, Южной Африке и в некоторых других странах. В тоже время в некоторых государствах прослеживается настороженное отношение и выжидательный подход. Либо вообще «заменяющее материнство» находится под запретом.

В настоящий момент, законодательство Республики Беларусь регламентирует гестационный вид суррогатного материнства, в частности, путем изложения порядка и определения особенностей заключения сторонами договора суррогатного материнства с целью последующей передачи ребенка лицам, заключившим договор суррогатного материнства.

Определение понятиям «генетическая мать» и «суррогатная мать» впервые белорусским законодательством было дано 10 лет назад, а именно 7 января 2012 г. с принятием Закона Республики Беларусь № 341-З «О вспомогательных репродуктивных технологиях» [11].

Таким образом, в мировой практике отношение к суррогатному материнству неоднозначное. В правовых системах некоторых государств, институт суррогатного материнства закреплен на законодательном уровне, а в других запрещается из-за наложения табу. В некоторых странах суррогатное материнство, как вид вспомогательных репродуктивных технологий, не запрещен на законодательном уровне, но и не имеет никакого правового регулирования. Полагаем, что отсутствие единого подхода к данной проблематике порождает ситуацию, когда граждане с целью осуществления своих репродуктивных прав, пересекают границы государств, где данный метод вспомогательных технологий разрешен, вследствие чего и появляются правоотношения, осложненные иностранным элементом. Институт суррогатного материнства продолжает развиваться, являясь сложным и многоаспектным институтом, который сочетает в себе элементы медицины и права. Будущее суррогатного материнства зависит от развития медицинских технологий, изменения общественного мнения и систематизации законодательства.

---

1. Пестрикова А. А. Обязательства суррогатного материнства : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Самар. гуманитар. акад. Краснодар, 2007. 22 с. Вернуться к статье

2. Митрякова Е. С. Правовое регулирование суррогатного материнства в России : автореф. дис. … канд. юрид. наук : 12.00.03 / Рос. акад. провосудия. Тюмень, 2006. 23 с. Вернуться к статье

3. Зарапина Л. В., Белокопытова Н. Ю., Дьяченко О. В. Понятие и правовая природа суррогатного материнства // Юрид. вестн. Дагестан. гос. ун-та. 2021. № 3. С. 103–107. Вернуться к статье

4. Перевозчикова Е. В. Конституционное право на жизнь и репродуктивные права человека : автореф. дис. … канд юрид. наук : 12.00.02 / Казанский гос. ун-т. Казань, 2006. 28 с. Вернуться к статье

5. Корбут Л. В., Рубанов А. А. Вопросы международно-правового регулирования «заменяющего материнства» // Совет. ежегодник междунар. права. М., 1988. 326 с. Вернуться к статье

6. Baby Manji Yamada vs Union Of India & Anr on 29 September, 2008 [Electronic resource] // Ikanoon. URL: https://indiankanoon.org/doc/854968/ (дата обращения 11.02.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье

7. Библия Онлайн [Электронный ресурс]. URL: https://bible.by/syn/1/16/#15 (дата обращения: 11.02.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье

8. Законы вавилонского царя Хаммурапи // Исторический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова : [Электронный ресурс]. URL: http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/hammurap.htm (дата обращения 11.02.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье

9. Миллер О. В. Суррогатное материнство: особенности нормативного регулирования правового регулирования в РФ и США // Инновац. наука. 2015. № 6-2. С. 194–196. Вернуться к статье

10. Азизов А. А. Сравнительная характеристика договора суррогатного материнства в России, США, Израиле и Германии // Вопросы рос. юстиции. 2021. № 11. С. 181–187. Вернуться к статье

11. О вспомогательных репродуктивных технологиях [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь от 7 янв. 2012 г. с принятием № 341-З : в ред. от 28 дек. 2023 г. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». Вернуться к статье

УДК 343.2

О СОЦИАЛЬНО-ЦЕННОСТНЫХ ПРИОРИТЕТАХ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ЗАЩИТЫ: НЕОБХОДИМО ЛИ ЕЕ ИЗМЕНЕНИЕ В СОВРЕМЕННОМ УГОЛОВНОМ ПРАВЕ

ON THE SOCIAL-VALUE PRIORITIES OF CRIMINAL-LEGAL PROTECTION: IS IT NECESSARY TO CHANGE IT IN MODERN CRIMINAL LAW

В. М. Хомич
Белорусский государственный экономический университет,
профессор кафедры государственно-правовых дисциплин,
доктор юридических наук, профессор

Аннотация. *В статье дается социально-криминологическая оценка состояния современного уголовного права (преступления и наказания), произошедших и происходящих в нем изменениях в ценностных приоритетах функционально-предметного применения для обеспечения безопасного существования человека и общественных систем, их жизнедеятельности в современных политико-организованных обществах. Показано, что вследствие социальных, экономических, политических трансформаций, произошедших на постсоветском пространстве не без влияния системы глобальной олигархической власти, реальная уголовно-правовая политика все более стала опираться на возмездно-карающие содержание в применении наказания в целях обеспечения установленного государством общественного порядка. На уровне уголовного закона допускается возможность использования наказания в качестве репрессивного акта нейтрализации не столько преступления, сколько классово-враждебных установленному правопорядку преступников. В этой связи выдвигается задача реновационной разработки общечеловеческой правовой платформы обоснования и применения преступления и наказания как*

Annotation. *This article provides a socio-criminological assessment of the state of contemporary criminal law (crime and punishment), and the changes that have occurred and are occurring within it in the value priorities of its functional and substantive application to ensure the secure existence of individuals and social systems, as well as their functioning in modern politically organized societies. It is shown that, as a result of the social, economic, and political transformations that have occurred in the post-Soviet space, not without the influence of the global oligarchic power system, actual criminal law policy has increasingly come to rely on the retributive nature of punishment in order to maintain public order established by the state. At the level of criminal law, the possibility of using punishment as a repressive act to neutralize not so much the crime itself as criminals who are class-hostile to the established legal order is permitted. In this regard, the task of renovating the development of a universal legal platform for the justification and application of crime and punishment as resocializing, in essence and content, criminal-legal means of atonement for guilt is put forward, on which a criminal-legal policy for the application of both crime and punishment should be consistently and progressively built.*

ресоциализационных по сути и содержанию уголовно-правовых средств искупления вины, на которой должна последовательно и поступательно выстраиваться уголовно-правовая политика применения и преступления, и наказания.

Ключевые слова: *социально-правовая природа уголовного права, уголовно-правовая политика, рациональная криминализация и пенализация, преступление, наказание, злоупотребление уголовным правом.*

Keywords: *socio-legal nature of criminal law, criminal law policy, rational criminalization and penalization, crime, punishment, abuse of criminal law.*

Основной посыл моих положений — *актуализировать возрождение естественно-социального и гуманистического подхода к оценке правового статуса уголовного права и его институтов* как единственно возможного на сегодня способа социального и научно-рационального *противовеса* тотальной роботизации преступления и наказания в качестве всемогущего средства решения всех социальных проблем. Это возможно и необходимо при условии принятия, как представляется, давно доказанного криминологического вывода, что любое преступление есть проявление не просто безнравственности конкретного человека, но и духовного и социального (социализированного неравенства общественной системы организации и общественного бытия людей), создающего состояние рабской исключенности индивида из должного общественного бытия (своего рода результат или конфликт человека с системами социального окружения вследствие не удовлетворяемой общественной системой нормальных потребностей индивида в его бытии).

К сожалению, в последние десятилетия после, несомненно, удачной реформы национального уголовного законодательства в канун вхождения человечества в XXI в. своего исторического развития [1, с. 399–402] в национальной и постсоветской уголовно-правовой науке на фоне резкого и абсолютного отказа от идеологических основ в гуманитарном познании закономерностей развития человеческих общественных систем была утеряна естественно-рациональная составляющая и в познании базовых основ социально-функционального предназначения уголовного права [2, с. 189–207].

Уголовный закон по своей природе репрессивен, его применение предполагает существенное ограничение прав и свобод человека. С одной стороны, он призван обеспечить охрану прав и свобод человека и гражданина, собственности, общественного порядка, общественной безопасности и других благ для обеспечения нормального человеческого существования. С другой стороны, такая защита обеспечивается установлением уголовной ответственности и

наказания (их применением), представляющих собой комплексный механизм принудительно-насильственного ограничения прав и свобод человека, совершившего преступление. В этом и заключен парадокс содержания права в уголовном праве, равно как и возможность злоупотребления насильственно-принудительным потенциалом преступления и наказания далеко не в правозащитных интересах человека и его общесоциальных ценностей. Широко известна максима, содержащаяся едва ли не во всех конституциях: права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены законом только в той мере, в какой в демократическом обществе это необходимо для защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства. Ни один другой закон не позволяет настолько серьезно поражать права и свободы человека, да еще и в объективно насильственной форме, как это предусмотрено в уголовном законе. Именно по этой причине ни к одному другому законодательному акту не предъявляется такое множество правовых требований, продиктованных опасением излишнего ограничения прав человека по системе уголовной ответственности (отнесения соответствующих деяний по критериям общественной опасности к числу преступных и наказуемых).

Человечество издавна признает за уголовным правом и уголовным законом одну из ключевых ролей в противодействии социальному (преступному) злу, разрушающему безопасные устои человеческого бытия. Однако его прогрессивное совершенствование в этом, казалось бы, устоявшемся дискурсе целеполагания уголовного права в современных общественно-политических системах, к сожалению, проходит противоречиво. Уголовный закон, обладая зарядом репрессивности, способен определенным образом и непосредственно влиять как позитивно, так и деструктивно на социальные процессы, протекающие в обществе. В этом смысле лучший уголовный закон — тот, который никогда не применяется, т. к. его превентивной силы достаточно для сдерживания преступной стихии без его реального применения или применения как исключительного [3, с. 19].

Чрезмерное употребление насильственных инструментов уголовного права (преступления и наказания) может стать причиной значительных негативных изменений в социальных системах организации установленного в обществе правопорядка и нежелательных перемен в социальной жизни. Неоправданная репрессивность уголовного закона может создать благоприятную почву для совершения преступлений, использоваться в интересах, далеких от стоящих перед ним задач, либо вызвать появление очагов социальной напряженности [4, с. 419–430]. Поэтому на повестке дня — актуализация процесса социальной (общественно значимой) рационализации уголовно-правовой политики,

переформатизации социально-политических основ криминализации и пенализации на общечеловеческой правовой платформе обоснования и применения преступления и наказания как ресоциализационных по сути и содержанию уголовно-правовых средств искупления вины и покаяния перед обществом.

К сожалению, в настоящее время мы находимся в самом начале поиска той общественной платформы жизнедеятельности и цивилизованной системы обеспечения национальной безопасности в формате принятой в республике концепции правовой политики. И здесь очень важно не допускать скатывания при осуществлении судебно-уголовной и уголовно-правовой политики к критериям применения уголовного закона по чрезвычайному сценарию военного времени. Как справедливо отмечает С. Жижек, не следует «стремиться к радикальным решениям. Мы обитаем в промежутке, и наше время заимствовано, любое решение временно и неоднозначно, это не более чем полумера в отношении фундаментальной недостижимости» [5, с. 14–15]. Уже всем очевидно, что в последние несколько десятилетий человечество вступило в качественно новый этап своего развития и, оказавшись под влиянием новой экономической реальности и неопределенности социального и политического выбора, общественное сознание далеко не всегда сегодня демонстрирует безоговорочную готовность адекватно воспринимать эту реальность и соответствовать ей, что делает его неоднородным, разрозненным, противоречивым, нестабильным и, как результат, потенциально высоко криминогенным. Изменилось и классическое отношение субъекта и объекта, то есть когда первый всегда говорил и творил от имени второго. Новый мир сегодня, по мнению Ж. Бодрийара, — это бессубъектный мир объектов. Собственно, в этом и заключается, по его мнению, самая главная из фатальных стратегий — признать верховенство объекта и перейти на его сторону, перенимая все правила игры, или не делать это [6, с. 16–20]. Не так просто сделать этот выбор, поскольку право пока по непонятным причинам все более перестает быть регулятором гуманитарного смысла в общественных отношениях, а все чаще обеспечивает лишь истинный замысел, который остается пока неведомым.

Думаю, ситуация разрешима, если исходить из того, что суверенными правообладателями и правоорганизаторами общего права для сообщества являются граждане сообщества, само гражданское сообщество в лице его корпоративных образований и собственно правовое государство — правовое по социальной конструкции и функциональности.

Поддержание рационально-правозащитной работоспособности (функциональности) уголовного закона в нынешних условиях — дело непростое. Прежде всего необходимо устранение состояния исключительной неопределенности и чрезвычайности в уголовной и судебно-уголовной политике *обеспечения права*

в уголовном праве по *всему спектру защиты суверенного национального правопорядка.* Это стратегическое направление в современной уголовной политике. Для того, чтобы системно, с правовых позиций и в рамках следования принятой в Республике Беларусь Концепции правовой политики совершенствовать правовую систему с учетом новых надвигающихся реальностей социального мироустройства, мы должны исходить из социально-объективных закономерностей развития общего права, которое все более перестает работать как стандарт справедливости. Неужели прав (?) П. Проди, что в современном своем состоянии право на протяжении своего исторического развития познало и проглотило все и поэтому умерло вследствие своего перенаполнения. Объясняется это тем, что *общее право* уже давно не отождествляется полностью с институтами и принципами гражданского права, которое взрастало не только на принципах римского частного права, но и естественно-божественного права, и в такой дуалистической неопределенности современного права мы вступили в наш новый мир с его лихорадочной и полной деформаций борьбой за новую власть над индивидом» [7, с. 111–116, 128–132].

Безопасность социальных систем человеческого общежития в любом политико-организованном обществе — это постоянно развивающееся состояние гармоничной и сбалансиронанной *правовой* защищенности жизненно важных интересов человека, общества и государства от внутренних и внешних угроз. Сегодня мир, к сожалению, столкнулся с совершенно новыми, пока непонятными по социальному происхождению и источникам детерминантов угрозами безопасности для человечества, как будто бы требующими в целях их устранения ограничения прав людей, народов, национальной суверенности отдельных государств, при этом средствами и инструментами чрезвычайно правового характера, поскольку общество находится в эскалирующей реальности общественного бытия, что отражается и на правовой системе, на ее внутренней напряженности и пока неготовности эффективно, целенаправленно, точечно и системно противодействовать этому с правовых позиций.

Причина эскалации социальных конфликтов преступного и глобально преступного характера — следствие запредельного обострения на национальном и международном уровнях до состояния *хаотической неконтролируемости* исторического раскола общественных систем на *управляемых* с одной стороны и на олигархически властвующих с другой стороны, что никуда не исчезло. На этом фоне и появляются социальные конструкции, допускающие безграничную возможность обеспечения национальной безопасности и ее защиты посредством уголовно-правового воздействия на основе введения «новых правовых» инструментов из давно устаревшего и поэтому непригодного арсенала уголовного права. Новая содержательная и функциональная реальность

уголовного права, которую мы наблюдаем, обусловлена накопившимися противоречиями развития современных социальных систем, связанными в том числе с наблюдаемым состоянием отчужденности людей и граждан от собственного (национального) правового пространства. Это очень опасная социальная тенденция.

Известная из теории и истории права особая организация реальности с помощью установления всеобщих правил поведения переживает сегодня перемены. Привычный метод постепенного создания новых нормативных правил вслед за изменениями в экономической и государственно-правовой жизни белорусского общества (и вообще в общественном и политическом мироустройстве современных государственных систем) поставил под сомнение действенность и незыблемость всеобщих требований как к внутреннему, так и внешнему правопорядку социального взаимодействия людей, граждан между собой и с государством, и, как следствие, между государствами. Сделанное в свое время Р. М. Зембатовым предположение об изменении форм организации правового обеспечения потестарной функции государства в эпоху проектного капитализма, которая наступила на политических просторах постсоветского пространства сопровождалось имманентными ограничениями действия авторитета права с ориентацией на силовые формы в обеспечении функционирования привычных легальных порядков с учетом формируемой и изменяющейся общественно-политической реальности, возрастанием межбытийного, стохастического и в основном деструктивного воздействия на общественное и индивидуальное правосознание и динамику изменения правоотношений по всем сферам социальной деятельности [8]. Перемены в экономической и общественной жизни таковы, что ни их характер и направленность, ни скорость, с которой они протекают, не позволяли *действительному праву адаптироваться* к легализованным механизмам своего реагирования на меняющуюся реальность так, чтобы при этом сохранилось его (права) священное назначение *охранителя и регулятора высших ценностей* человека и человечества — жизни, свободы и собственности как основы формирования действительного права, исходящего из цивилизационного развития человечества и общественно-государственных систем.

Российский правовед В. А. Четвернин, поделивший мир на цивилизации потестарного и правового типа, пишет, что в обществах, которым свойственна потестарная культура, человек рассматривается лишь как часть по отношению к народу или государству, тогда как в обществе, которому свойственна правовая культура, люди признают друг друга принадлежащими лишь самим себе и договороспособными. По его мнению, в России и в большинстве государств, образованных на постсоветском пространстве, правовые институты не

закрепились в качестве социально и политически устойчивых из-за все той же потестарной традиции [9, с. 3–5].

Нынешний этап социально-экономических и политических реформаций обнаруживает, что дальнейшее устойчивое развитие общественных, экономических и политических систем невозможно без актуализации и обеспечения защиты общегуманитарного контента и в правообразовании, и в правоприменении, в основе которых лежит признание прав человека во всем их видовом разнообразии и развитии в качестве ведущей формы проявления сущности права, и наделение граждан соответствующей праводеятельной и правозащитной правоспособностью с четко определенными гарантиями ее реального осуществления в рамках функционирования независимого и беспристрастного правосудия.

1. Хомич В. М. Новации уголовного кодекса Республики Беларусь: проблемы их интерпретации и применения // Проблемы укрепления законности и правопорядка: наука, практика, тенденции : сб. науч. тр. / Науч.-практ. центр проблем укрепления законности и правопорядка Генер. прокуратуры Респ. Беларусь ; редкол.: В. В. Марчук [и др.]. Минск : Издат. центр БГУ, 2019. Вып. 12. С. 399–402. Вернуться к статье

2. Хомич В. М. Об усмирении или умиротворении насилия в уголовном праве // Актуальные проблемы совершенствования уголовного законодательства Республики Беларусь на современном : сб. науч. ст. / Нац. центр законодательства и правовых исслед. Респ. Беларусь ; редкол.: И. И. Лапцевич (отв. ред.) [и др.]. Минск : Колорград, 2022. С. 189–207. Вернуться к статье

3. Козаченко И. Я., Сергеев Д. Н. Новая криминализация. Философско-юридический путеводитель по миру преступного н непреступного. Екатеринбург : SAPIENTIA , 2020. 256 с. Вернуться к статье

4. Пудовочкин Ю. Е., Бабаев М. М. Репрессивное решение социальных проблем // Рос. криминол. журн. 2016. № 3. С. 419–430. Вернуться к статье

5. Жижек, С. Возвышенный объект идеологии. М. : Художеств. журн., 1999. 236 с. Вернуться к статье

6. Бодрийар Ж. Фатальные стратегии. М. : РИПОЛ классик, 2017. 285 с. Вернуться к статье

7. Проди П. История справедливости: от плюрализма форумов к современному дуализму совести и права / пер. с ит. И. Кушнарёвой ; пер. с лат. А. Апполонова. М. : Изд-во Ин-та Гайдара, 2017. 512 с. Вернуться к статье

8. Зембатов М. Р. К пониманию путей развития права в эпоху проектного капитализма // Журн. рос. права. 2017. № 12. С. 22–31. Вернуться к статье

9. Четвернин В. А. Институциональная теория права // Науч. исслед. лаборатории теории права НИУ ВШЭ. 2013. № 13. С. 3–5. Вернуться к статье

УДК 340.12

СОЦИАЛЬНЫЙ КОНТРОЛЬ: ОБЗОРНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА
SOCIAL CONTROL: AN OVERVIEW

Е. И. Шабалина
Белгородский университет кооперации, экономики и права,
доцент кафедры теории и истории государства и права,
кандидат юридических наук, доцент

Аннотация. *В статье представлена обзорная характеристика категории «социальный контроль» в контексте современного правопонимания.*
Ключевые слова: *социальный контроль, государство, общественные отношения, формы социального контроля.*

Annotation. *The article provides an overview of the category of «social control» in the context of modern legal understanding.*
Keywords: *social control, state, social relations, and forms of social control.*

Категория «социальный контроль» относится к институту непосредственной демократии. В научной литературе существует точка зрения, что термин «социальный контроль» охватывает как общественный, так и государственный контроль, т. к. является совокупностью норм, институтов и отношений, направленных на обеспечение поведения людей в соответствии с интересами социальной группы, класса, общества в целом [1, с. 47]. По мнению С. И. Курганова и А. И Кравченко, социальный контроль — особый механизм социальной регуляции поведения людей и поддержания общественного порядка [2, с. 117]. В. В. Трошихин и В. Н. Шилов рассматривают социальный контроль как способ саморегуляции общественной жизнедеятельности, который посредством принятых в обществе социальных ценностей и норм обеспечивает упорядоченное функционирование ее компонентов [3, с. 102].

В условиях российской действительности вопросы, касающиеся совершенствования форм и содержания многих политико-правовых явлений, выступают неизбежным условием позитивного развития государства и правовой системы. В реализации такого огромного комплекса направлений неизбежно возникает особый политико-правовой институт — социальный контроль, который является мощным фактором, обеспечивающим конституционный строй, его политические и экономические основы.

Разделяя мнение Е. М. Пенькова, полагаем, что социальный контроль выступает фактором развития общественных отношений. Его функционирование направлено на развитие желаемых, полезных моделей поведения и, наоборот, на препятствование поведению нежелательному, вредному [4, с. 31].

Социальный контроль — динамично развивающийся институт, с собственными формами и методами реализации, составляющими механизм его реализации, органично вписывающийся в государственный механизм Российской Федерации.

А. И. Рябко указывает, что в современных условиях социально-правовой контроль охватывает не только властные органы государственного контроля в сфере деятельности органов представительной и исполнительной власти, суда и прокуратуры, но и формы контроля в частноправовой сфере (договорный, аудиторский контроль), общественный контроль граждан, их объединений, средств массовой информации [5, с. 12].

Социальный контроль представляет собой совокупность механизмов, подходов и учреждений, направленных на управление поведением людей в обществе, снижение отступлений от установленных норм (девиации) и обеспечение соблюдения правил.

Основное предназначение такого контроля — сохранение устойчивости социальной структуры и единства коллектива. Отсутствие социального контроля привело бы к дезорганизованности, а взаимодействие и доверие между посторонними людьми оказались бы недоступны.

Социальный контроль проявляется в двух основных формах, которые действуют сообща: неформальный социальный контроль и формальный социальный контроль.

Неформальный социальный контроль — наиболее распространенная, бытовая форма воздействия, зачастую воспринимаемая интуитивно. Осуществляется близкими людьми без участия государственных структур следующими способами: признание или осуждение (улыбка, похвала, издевка, изоляция), публичная оценка, чувство стыда и вины, устоявшиеся практики, обычные правила поведения, требования этики и добродетели.

Формальный социальный контроль реализуется специально созданными учреждениями и структурами на основании установленных письменных норм, законодательства и мер воздействия.

В XXI в. природа социального контроля меняется. Активно внедряется цифровой контроль: активность в соцсетях, данные с камер наблюдения, покупки в Интернете — все это формирует «цифровой след». Контроль становится тотальным, но часто добровольным (в обмен на удобства). Социальный контроль все чаще использует мягкую силу и манипуляции: на смену грубому принуждению все чаще приходят технологии мягкого влияния — маркетинг, пиар, пропаганда через медиа, формирующие желания и мнения.

С. А. Авакьян указывает, что в обобщенном плане социальный контроль считается выражением интересов, т. е. представительством, населения, причем

как по своим задачам — они аккумулируют потребности людей, их желание содействовать полезной деятельности органов публичной власти, так и по организации осуществления — органы общественного контроля создаются из числа достойных лиц, которые имеют общественный авторитет и по своим субъективным данным подходят для выполнения задач общественного контроля [6].

Социальный контроль — это не однозначное «зло» или «добро». Это необходимый фундамент любой сложной социальной системы. Без него невозможно существование культуры, государства, экономики. Однако ключевой вопрос современного общества — где проходит грань между необходимым регулированием и подавлением свободы, между безопасностью и тотальной слежкой, между сохранением традиций и подавлением инакомыслия?

Поиск этого хрупкого баланса — постоянная работа гражданского общества, правовых институтов и каждого сознательного человека. Понимание механизмов социального контроля позволяет не просто быть пассивным объектом его воздействия, но и критически оценивать нормы, участвовать в их формировании и защищать свое право на автономию в рамках социального договора.

Социальный контроль представляет собой динамическое образование, способное меняться в ответ на трансформации в обществе, основной целью которого является не только предотвращение девиаций, но и формирование условий, обеспечивающих стабильное развитие общности при сохранении фундаментальных ценностей и прав человека.

---

1. Артемов В. М. Правопорядок в современном российском обществе: концептуальные обоснования и инновации. М. : Акад. упр. МВД России, 1998. 143 с. Вернуться к статье

2. Курганов С. И., Кравченко А. И. Социология для юристов. М. : Закон и право : ЮНИТИ, 2000. 255 с. Вернуться к статье

3. Трошихин В. В., Шилов В. Н. Социология и политология. Белгород : Кооперативное образование, 2002. 295 с. Вернуться к статье

4. Пеньков Е. М. Социальные нормы — регуляторы поведения личности. М. : Мысль, 1972. 198 с. Вернуться к статье

5. Рябко А. И. Социальный контроль и его правовые формы (вопросы теории) : дис. … канд. юрид. наук. М., 1995. 181 с. Вернуться к статье

6. Авакьян С. А. Представительство в конституционном праве: вопросы теории и практики [Электронный ресурс] : моногр. М. : Юстицинформ, 2022. 484 с. URL: https://dokumen.pub/674e3aaa53861a0a8b330c469670b490.html (дата обращения: 02.02.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье

УДК 340.11

РАЗВИТИЕ И ОБНОВЛЕНИЕ ОБЩЕТЕОРЕТИЧЕСКОГО ЮРИДИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ КАК ФАКТОР ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ ПРАВА

DEVELOPMENT AND RENEWAL OF GENERAL THEORETICAL LEGAL KNOWLEDGE AS A FACTOR IN THE INNOVATIVE DEVELOPMENT OF LAW

А. А. Шафалович
Белорусский государственный экономический университет,
доцент кафедры теории и истории права,
кандидат юридических наук, доцент

Аннотация. *Статья раскрывает растущую значимость обновленной общей теории права в условиях инновационного развития, поскольку трансформация общественных отношений влечет пересмотр традиционных общетеоретических парадигм, как знания, закладывающего прочный фундамент для правильного понимания и правового регулирования процессов и явлений, происходящих в праве, государстве и обществе в новых условиях.*

Ключевые слова: *общая теория права, инновационное развитие, инновационное государство, правовое регулирование.*

Annotation. *The article reveals the growing importance of an updated general theory of law in the context of innovative development, since the transformation of social relations necessitates a revision of traditional general theoretical paradigms. This knowledge lays a solid foundation for the proper understanding and legal regulation of processes and phenomena occurring in law, the state, and society under new conditions.*

Keywords: *general theory of law, innovative development, innovative state, legal regulation.*

Не секрет, что общетеоретическое юридическое знание фундаментально и стабильно, поскольку воплощает собой объективное знание, в концентрированной форме аккумулирующее общечеловеческий опыт в понимании права, выкристаллизовывавшийся столетиями. По своей природе оно еще и догматично, т. е. школы права передают его от поколения к поколениям юристов без критического переосмысления [1, с. 32–33]. В силу указанных причин многие правоведы скептически и даже критически относятся к любым попыткам модернизации общей теории права и тем более не видят ее инновационного потенциала. Данная статья, написанная исходя из авторского опыта написания цикла статей по инноватике и учебного пособия по развитию электронного государства, призвана развеять эти мифы.

На личном опыте мы убедились, что в правовых исследованиях по инновационной тематике общая теория права просто незаменима. Для всякого

неизвестного для правовой науки объекта она являет собой отправную точку исследования. Она позволяет логично и последовательно выстраивать концептуальные основы объектов инновационной сферы (понятийные ряды, классификации, системы, модели и типы). Свободное владение общетеоретическим знанием позволяет безошибочно вписать новый объект в уже сложившееся знание о праве и, соответственно, разработать его адекватное правовое регулирование. Другими словами, хорошее владение знаниями по общей теории права позволяет правильно понимать объекты исследования, особенно в контексте междисциплинарных и межотраслевых исследований права, таких как цифровое право, инновационное право.

При начальном изучении новых явлений и процессов особенно востребовано типологизирование всех видов. Выстраивание противоположных типов или идейных антиподов, иногда даже утрированное, например противопоставление традиционного (контрольного) государства и инновационного государства, способствует более отчетливому выявлению искомых признаков и иных существенных характеристик изучаемых объектов и процессов особенно в недостаточно изученной инновационной сфере. Сравнение последовательно сменяющих друг друга типов объектов и процессов позволяет выявить на этой основе тенденции и закономерности развития изучаемых явлений и процессов и, соответственно, обеспечивает весьма успешное осуществление прогнозной функции не только общетеоретической, но и всей правовой науки. А значит, типология позволяет отчетливо видеть, на чем (не) следует строить законодательство, какой тип правового регулирования и правовой режим выбрать для определенной сферы.

Однако слишком консервативное, традиционалистское, «вечно вчерашнее» общетеоретическое правовое знание вместе с правовой догмой, как ценным опытом предшествующих поколений юристов, может навязать новым поколениям юристов старые заблуждения и парадигмы, не способные проявить былую эффективность в новых условиях инновационного развития общества, права и государства. Слишком абстрактное, отстраненное от практики и тем более устаревшее общетеоретическое знание способно навредить. По замечанию А. А. Васильева и Д. Шпопера, юриспруденция в силу свойственного для нее консерватизма действует «без учета архитектуры той цифровой реальности, в которой оказался современный человек» [2, с. 8]. В виду этого условием выполнения общей теорией права эвристической, инновационной и практической функций считаем ее постоянное обновление сквозь призму практикоориентированности в перманентно изменяющихся общественных отношениях. В плане научного дискурса необходимо отойти от состояния излишней стабильности общей теории права («состояния вялотекущего монолога»,

говоря словами Е. Г. Комиссаровой и А. В. Пермякова [3]) к переосмыслению имеющихся наработок с позиции перманентной трансформации общественных отношений в условиях растущих технологических вызовов обществу и «с ускорением» [4, с. 41–49].

Поэтому в контексте развития общей теории права с целью теоретико-правового обеспечения инновационного развития государства и права требуется осознанное коллективное усилие теоретиков права по повсеместному обновлению существующих теоретических положений под углом потребностей инновационного развития. Для обеспечения сбалансированного действия права и выравнивания ретроспективного типа правового регулирования новым, перспективным типом придется пересмотреть все элементы системы правового регулирования, все источники права. В этом контексте новое — это хорошо переосмысленное старое. Особенно нуждается в модернизации учение об источниках и формах права в условиях конвергенции правовых систем с целью создания новой парадигмы правового регулирования инноваций как двигателя для развития экономики.

Приведем пример сегмента общей теории права, уже претерпевшего достаточно заметные изменения, а потому готового к передаче обновленного общетеоретического знания новым поколениям юристов в рамках отечественной школы права, — учение о правовой норме. Являясь одним из старейших в общей теории права, это учение до недавнего времени сильно догматизированное, но в настоящий момент уже претерпевающее обновление под влиянием инновационных процессов. Речь идет о модернизации в части понимания категории правовой нормы: не только правила поведения, но и иного «предписания нормативного характера» [1, с. 268], что позволяет охватывать типичные и нетипичные нормы, в том числе смешанные юридико-технические нормы. Теоретики права вынуждены переосмысливать и учитывать новую тенденцию «экспансии технологических норм, которая ведет к вытеснению норм правовых» [5, с. 12], что повлечет за собой «изменение традиционных форм права и потенциально возникновение новых» [5, с. 13]. По сути речь идет об ослаблении права как универсального и верховенствующего нормативного социального регулятора, поскольку понимание правовой нормы как правила поведения в этих условиях не применимо. Помимо того, нетипичные нормы права нельзя свести к правилам поведения, да и сама формула трехзвенной правовой нормы «если…, то…, иначе…» выходит за рамки правил поведения. Ввиду этого предпочтительнее рассматривать норму права как государственно установленное или санкционированное предписание субъекту права (абстрактное нормирование, относительно определенное и индивидуальное нормирование). Признание индивидуальных норм права, установленных практикой судебных прецедентов и

гражданско-правовых договоров, в инновационной сфере закономерно и полезно для лучшей защиты прав. Абстрактная норма хороша для массового правоприменения. Но только посредством индивидуального нормирования возможна максимальная защита интересов уникальных, вероятно, даже единственных в своем роде, субъектов инновационного права — инноваторов и инвесторов. Индивидуальное нормирование формирует мини-правопорядок, «вписанный» в более масштабный правовой порядок государства и защищаемый последним.

Конечно, пересмотра и обновления требуют почти все темы курса общей теории права. И примечательно, что типовая программа по общей теории права ТД-Е.5447/тип. от 2018 г. одной из первых ввела в свой курс тему «Право, государство и инновационное развитие» как необходимый базис для юристов в условиях становления инновационного государства и права. На сегодняшний день, полагаем, жизненно необходимо формирование детальной коллективно разработанной теории об инновационном развитии государства и права, а не на уровне авторских концепций, даже изложенных в учебнике [1, с. 475–482]. Понимая, что для юристов подобное сложносоставное междисциплинарное знание требует хотя бы минимального владения технологической стороной, теоретики тем не менее обязаны выявить и разработать концептуальные основы обеспечения инновационного развития, что в последующем будет взято за основу при формировании нормативных правовых актов и научных разработок в отраслевом праве. Только теоретики способны привести в систему многочисленные неупорядоченные на сегодняшний день термины в этой сфере. Пожалуй, только они (например, В. И. Павлов [6, с. 497–528]) способны выявить и обобщить вызовы устойчивому развитию национальной правовой системы в контексте инновационных правовых решений, поскольку для этого нужно видеть процессы за рамками отдельной отрасли права. Для обновления общетеоретического знания важна «бесшовная» стыковка теоретической правовой науки с отраслевой правовой наукой. Ввиду этого, полагаем, востребовано еще более прочное, чем ранее, усвоение новыми поколениями юристов общетеоретического знания как стабилизирующего фактора с целью повседневного применения при осуществлении профессиональной юридической деятельности в условиях постоянных модернизации общественных отношений и динамического обновления нормативного массива в отраслевом праве.

Для достижения целей устойчивого развития общества, государства и права в условиях инноваций и перманентной модернизации теоретикам потребуется продвижение нового идеала государства как правового, социального и инновационного одновременно. Потребуется также системная разработка теории электронного государства как начальной стадии инновационного государства. Уже сейчас чувствуется потребность в обновленном теоретическом

понимании и обосновании верховенствующей роли права среди социальных регуляторов в новых условиях. Очень востребованным направлением в развитии теоретического знания считаем выявление тенденций в развитии права и государства под влиянием цифровизации, например, правотворчества [7].

Наиболее чувствительными к критическому устареванию и догматизации общетеоретического знания считаем следующие сегменты общетеоретического курса: теория правотворчества, правоотношения и правосознания. Учение о правоотношении в позитивистской версии должно сбалансироваться с наработками непозитивистского подхода (правоотношение не как законоотношения, а как общественного отношения, урегулированного нормами права (т. е. всех источников, а не только нормативными правовыми актами)). Это нужно для судебной защиты правоотношений, возникших при пробеле в праве, особенно в инновационной сфере. Важно правильно вписать в существующую теоретическую конструкцию состава правоотношений цифровизированные объекты и субъекты.

Существующее ныне в общей теории права учение о правосознании, случается, считают чуть ли не малопригодным для практики осуществления юридической профессии. Между тем эта тема важна для формирования ценностных установок в мировоззрении будущих юристов. Современное учение о правосознании должно учитывать наработки квантовой физики для понимания механизмов управления таковым. Это важно ввиду того, что предположительно следующий за цифровым технологический виток будет связан с технологиями сознания. Существующее же общетеоретическое знание в этой теме выстроено еще на методологии начальной стадии правовой науки — так называемой механической юриспруденции XIX в., «разбирающей» все на «винтики» и игнорирующей полевые структуры.

Таким образом, без общетеоретического юридического знания невозможно заложить правильный, прочный фундамент инновационного развития государства и права и качественного правового регулирования в этой сфере. Для выполнения возложенных на общую теорию права задач концептуального обеспечения инновационного развития, во-первых, важно осуществлять коллективное перманентное обновление общетеоретических идей и парадигм под углом потребностей перманентно и динамично обновляющейся социально-правовой практики.

---

1. Шафалович А. А. Общая теория права : учеб. Минск : РИВШ, 2024. 512 с. Вернуться к статье

2. Васильев А. А., Шпопер Д. Государство и право перед вызовами новой научно-технической реальности // Алт. юрид. вестн. № 3. С. 7–10. Вернуться к статье

3. Комиссарова Е. Г., Пермяков А. В. Юридические факты и юридические состояния: проблемы теоретического освоения [Электронный ресурс] // Общество: политика, экономика, право. № 6 (59). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/yuridicheskie-fakty-i-yuridicheskie-sostoyaniya-problemy-teoreticheskogo-osvoeniya/viewer (дата обращения: 05.02.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье

4. Голоскоков Л. В. Доктрина виртуального сетевого инновационного государства // Новая правовая мысль. 2014. № 1. С. 41–49. Вернуться к статье

5. Амелин Р. В., Чаннов С. Е. Основные направления влияния цифровых технологий на право // Информационное право. 2020. № 3. С. 9–16. Вернуться к статье

6. Павлов В. И. Антропологическая концепция права в современном фундаментальном правоведении: теоретико-методологическое содержание и инструментальное значение : моногр. / Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь. Минск : Акад. МВД, 2025. 622 с. Вернуться к статье

7. Цифровизация правотворчества: поиск новых решений / Д. А. Пашенцев [и др.] ; под общ. ред. Д. А. Пашенцева. М. : Ин-т законодательства и сравн. правоведения при Правительстве РФ : ИНФРА-М, 2019. 234 с. Вернуться к статье

УДК 343.9.01

ОТ КРИМИНОЛОГИИ ВЕДОМСТВЕННОЙ К АКАДЕМИЧЕСКОЙ (СЕМАНТИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ ПРЕСТУПНОСТИ В ДЕЙСТВИИ)

FROM DEPARTMENTAL TO ACADEMIC CRIMINOLOGY (THE SEMANTIC CONCEPT OF CRIME IN ACTION)

Д. А. Шестаков
Российский государственный педагогический университет
имени А. И. Герцена,
заведующий криминологической лабораторией,
доктор юридических наук, профессор,
президент Санкт-Петербургского международного криминологического клуба,
заслуженный деятель науки России

Аннотация. *В статье рассматривается академический уровень криминологии (преступностиведения), который основывается на семантической концепции понимания преступности. Автор обосновывает значение криминологической науки для человечества, говорит о формировании и развитии криминологических отраслей. Предлагается теоретическое понимание преступности через ее девятиуровневую вертикальную модель («кратер преступности»).*

Ключевые слова: *криминология, преступность, семантическая концепция.*

Annotation. *This article examines the academic level of criminology (crime studies), which is based on the semantic concept of understanding crime. The author substantiates the significance of criminological science for humanity and discusses the formation and development of criminological branches. A theoretical understanding of crime is proposed through its nine-level vertical model (the «crime crater»).*

Keywords: *criminology, crime, semantic concept.*

Наука о преступности в развитии. Криминология (преступностиведение) — наука о закономерностях преступности и реагирования на нее со стороны государства и общества. Двуединство преступности и противодействия ей — вот объект нашей научной дисциплины. Криминология по существу является учением о зле в крайних формах его проявления.

Следует различать ведомственный и академический уровни преступностиведения. Ведомственный уровень по существу сводит преступность к совокупности преступлений. Академический уровень сегодня опирается на семантическую концепцию преступности.

Хотелось бы, чтобы криминология все более смотрела на преступность философски, становясь философией государственного реагирования на это зло. Преступностивед должен понимать, именно *понимать* уголовное право, этому

пониманию предшествует знание уголовного закона. Знание лишь предпосылка понимания.

Преступному миру — преступностиведческое осмысление. Преступностиведение нужно для того, чтобы человечество достовернее воспринимало действительность, в которой оно живет, и чтобы люди стремились уменьшить зло, присутствующее в обществе. Требуется, чтобы преступностиведение как наука, осмысляющая преступность мироустройства, стала непременной составляющей не только юридического образования, но и образования вообще на разных его ступенях, начиная со среднего. Следует открыть человеку глаза на преступность как на болезнь человечества. Во главе этого познавательного и просветительского движения должна стоять высшая школа.

Понятие преступности. Определение преступности сложилось у меня уже к началу 80-х гг. минувшего столетия (семантическое понятие преступности). С годами оно несколько усовершенствовалось.

Полагаю, что под преступностью следует понимать свойство человека, социального института, общества отдельной страны, глобального общества, находящее выражение в процессе воспроизводства множества опасных для окружающих людей деяний, проявляющееся во взаимосвязи преступлений и их причин, поддающееся количественной интерпретации и предопределяющее введение уголовно-правовых запретов [1, с. 106.]. Теоретически нельзя исключить существование людей, вовсе не предрасположенных к совершению преступлений, чего нельзя сказать об обществе. Если преступность отдельного человека, в принципе, может равняться нулю, то преступность общества всегда имеет положительную величину.

Существенно упрощая, можно говорить о том, что преступность — это процесс воспроизводства преступлений. Семантическая концепция предопределила зарождение и интенсивное развитие отраслевого преступностиведения: от семейной и политической криминологии до криминологии закона. В рамках политического преступностиведения заявила о себе столь востребованная сегодня ее военная подотрасль, от которой Владимир Михайлович Хомич ожидает, что она покажет большим и малым народам (нациям) путь к примирению в неизбежно возникающих между ними конфликтах [2]. Важнейшее значение имеет, конечно, финальная отрасль, а именно криминология закона.

«Кратер преступности». Следующий этап в теоретическом осмыслении преступности представляет собой девятиуровневая вертикальная ее модель «Кратер преступности». Для того чтобы получить обобщенный вертикальный срез преступности, следует выделить также девять ее уровней:

1. Обыденный уровень.
2. Уровень обыденной профессиональной преступной деятельности.

3. Уровень разрешенной экономической, а также служебной деятельности — преступления, совершаемые в среднем и малом — зачастую полулегальном — бизнесе, наиболее опасные неосторожные преступления, выразившиеся в катастрофах, крушениях. Преступления этого уровня сопровождают производство незапрещенных товаров и услуг.

4. Уровень местной (шлаковой) организованной преступной деятельности. Это осуществляемый в пространственно ограниченных местных условиях захват потребительских рынков, наркобизнес, организованная проституция, незаконная торговля оружием, торговля людьми.

5. Внутренний государственный уровень — преступная деятельность государства на собственной территории, крайним проявлением которой может служить проведение массовых незаконных репрессий.

6. Внутренний «олигархический» уровень — этот уровень связан с установлением контроля над природными ресурсами государства, средствами распространения сведений, местной и центральной государственной властью.

7. Экстерриториальная, не достигающая глобального уровня преступная деятельность: терроризм и экстремизм.

8. Внешний государственный уровень: агрессивные войны, геноцид, военные преступления.

9. Планетарный «олигархический» уровень — глобальный контроль над сырьевыми ресурсами, банковской системой, информационными сетями, средствами массовой информации, государственной властью. Контроль, в котором значительную роль играют транснациональные корпорации [3, с. 9–16].

Осмысление девятого уровня преступности предопределило введение понятий глобальной олигархической власти (ГОВ) и глобальной олигархической преступности (ГОП), породивших сегодняшнюю полемику на страницах журналов «Криминология: вчера, сегодня, завтра», «Российский криминологический взгляд», «Союз криминалистов и криминологов» [4, с. 26–28].

Криминология в юридическом образовании. Преступностивед не должен превращаться в социолога, даже в философски мыслящего социолога. Одновременно ему в известной мере следует быть и юристом. Криминология закона ведет к сплочению философского, социологического и юридического мышления. Категории «преступный закон», «криминогенный закон», равно как разработка теории криминологического законодательства, охватывающей и регулирование «мер безопасности» [5], — важные вехи осознания взаимной необходимости криминологии и уголовно-правовых дисциплин.

Освещать вопросы противодействия преступности, в том числе в учебниках, желательно последовательно от первого до девятого уровней преступности (от обыденного до глобально-олигархического). При этом меры

противодействия каждому из уровней преступности надо привязывать к основным общественным сферам соответственно сложившимся отраслям криминологии, например, меры, адресованные сферам политики, экономики, законотворчества, взаимоотношений народов, средств массовой коммуникации, семейных отношений, здравоохранения, науки и образования и т. д.

Соответственно не стоящей на месте теории преступности продвигается теория противодействия этому злу. Впрочем, тут мне видится повод для отдельного разговора.

---

1. Шестаков Д. А. На криминологическом семинаре // Правоведение. 1981. № 2. С. 106. Вернуться к статье

2. Военное направление политической криминологии. В. М. Хомич (Минск, Республика Беларусь). Несколько вопросов к криминологии войны в связи с докладом С. Ф. Милюкова [Электронный ресурс] // Санкт-Петербургский международный криминологический клуб : [сайт]. URL: https://www.criminologyclub.ru/home/the-last-sessions/495-voennoe-napravlenie-politicheskoj-kriminologii (дата обращения: 17.01.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье

3. Шестаков Д. А. Обусловленность качества профилактической деятельности милиции // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2006. № 2 (11). С. 9–16. Вернуться к статье

4. Мацкевич И. М. Рассуждения о статье Д. А. Шестакова как повод поговорить о современном состоянии и перспективах развития современной науки криминология // Союз криминалистов и криминологов. 2025. № 2. С. 26–28. Вернуться к статье

5. Шестаков Д. А. Введение в криминологию закона / предисл. Г. Н. Горшенкова. 2-е изд. СПб. : Юрид. центр, 2015. 92 с. Вернуться к статье

УДК 327:004.056

КИБЕРУГРОЗЫ КАК ФАКТОР ТРАНСФОРМАЦИИ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

CYBER THREATS AS A FACTOR IN THE TRANSFORMATION OF THE LEGAL CULTURE OF INTERNATIONAL SECURITY

Б. И. Шумская
Белорусский государственный экономический университет,
аспирант, магистр политических наук

Аннотация. *В статье анализируется влияние киберугроз на трансформацию правовой культуры международной безопасности, рассматриваются специфика угроз, практика атрибуции инцидентов и роль государств в формировании норм поведения в киберпространстве; делается вывод о фрагментации правовой культуры и необходимости ее дальнейшей институционализации.*

Ключевые слова: *международная безопасность, киберугрозы, правовая культура, киберпространство, цифровой суверенитет, международные отношения.*

Annotation. *The article analyzes the impact of cyber threats on the transformation of international security legal culture, examines the specifics of threats, incident attribution practices, and the role of states in shaping norms of behavior in cyberspace; the author concludes on the fragmentation of legal culture and the need for its further institutionalization.*

Keywords: *international security, cyber threats, legal culture, cyberspace, digital sovereignty, international relations.*

Исторически сложилось так, что международная безопасность изучается в политологической науке как состояние защищенности международной системы и ее ключевых акторов от угроз, нарушающих стабильность миропорядка. При классическом реалистском подходе безопасность ассоциировалась преимущественно с военной силой и балансом мощи между государствами. На конец XX ст. и в начале XXI ст. данное понятие расширилось из-за внесения в него немилитаризованных и транснациональных угроз, таких как терроризм, экономическая нестабильность, природоохранные риски и информационные воздействия.

Современные исследования международной безопасности описывают ее как комплексное и многоуровневое явление, содержащее не только военно-политическое измерение, но и совокупность правовых, институциональных и нормативных механизмов регулирования международных отношений. В рамках подхода устойчивость международной системы определяется не столько балансом сил, сколько степенью согласованности ее норм, правил и процедур,

регулирующих поведение государств при появляющихся технологических вызовах [1, с. 16].

Диджитализация международных отношений послужила причиной признания киберпространства как независимого измерения мировой политики. Увеличение объема информационно-коммуникационных технологий в сфере государственного управления, экономики и обороны обусловило появление киберугроз, обладающих разрушительным потенциалом, вследствие чего киберпространство стало составляющей повестки международной безопасности, а реагирование на цифровые угрозы — компонентом внешнеполитической стратегии государств. При данных выводах актуальным становится изучение правовой культуры международной безопасности; именно она определяет рамки допустимого поведения акторов в ситуации нормативной неопределенности и нанотехнологических изменений.

Международная безопасность в чистом виде является результатом взаимодействия объективных (существующих, измеримых факторов) угроз и субъективных (зависящих от восприятия, оценок государств) представлений государств о степени индивидуальной уязвимости. Политологический подход основывается на том, что угрозы не существуют вне интерпретации, а формируются в процессе политической коммуникации и их институционального закрепления.

На волне глобализации и взаимозависимости государств международная безопасность обеспечивается и гарантируется не за счет национальных ресурсов, а исключительно через международное сотрудничество и правовое регулирование. Существенную роль в данном процессе играют международные организации, формирующие нормативные ожидания и стандарты поведения в переломных и кризисных ситуациях.

Правовая культура международной безопасности в рамках заявленной парадигмы трактуется как совокупность устойчивых нормативных установок о допустимом инструментарии обеспечения безопасности, легитимных формах принуждения и режимах ответственности за нарушение международных обязательств. Ее формирование опосредовано системным институциональным взаимодействием государств, международных организаций и экспертных сообществ, что отражает степень нормативной консолидации международной системы. Достаточно высокий уровень развития правовой культуры обеспечивает прогностическую стабильность стратегий акторов и нивелирует риски неконтролируемой эскалации при нарастающей неопределенности.

Киберугрозы приобретают статус критического фактора в системе вызовов международной безопасности. Природа угроз проявляется в ряде характерных черт, среди которых трансграничность, асимметричность, высокая

скорость реализации и сложность субъектной атрибуции. Действуя в так называемой серой зоне, кибервмешательства зачастую не достигают порога вооруженного конфликта, что затрудняет их международно-правовую квалификацию и применение норм международного гуманитарного права.

Проблема атрибуции кибератак остается одной из ключевых в современных исследованиях международной безопасности. Как отмечают Н. П. Ромашкина, А. С. Марков и Д. В. Стефанович, отсутствие унифицированных и общепризнанных процедур установления ответственности в киберпространстве существенно ограничивает возможности международно-правового реагирования и способствует росту взаимного недоверия между государствами [2, с. 10–11]. На фоне политизации киберинцидентов атрибуция выходит за рамки сугубо технической верификации, вбирая в себя выраженное политическое и дипломатическое измерение.

Политизация киберпространства находит отражение в практике публичной атрибуции киберинцидентов. В мае 2025 г. правительство Чешской Республики официально возложило ответственность за масштабную кибератаку на Министерство иностранных дел на структуры Китайской Народной Республики, что сопровождалось дипломатическими мерами и международной поддержкой со стороны союзников по Европейскому союзу (далее — ЕС) и Организации Североатлантического договора (НАТО) [3]. Схожая тенденция наблюдается в практике Китайской Народной Республики, которая в апреле 2025 г. официально обвинила Соединенные Штаты Америки в проведении «передовых кибератак» на критическую инфраструктуру во время Азиатских зимних игр в Харбине вместе с IT-системами предприятий и их технологических платформ [4]. Отмеченные кейсы указывают на зарождение новой политико-правовой практики, в рамках которой все без исключения кибератаки рассматриваются как компонент межгосударственного противоборства и используются в качестве инструмента внешнеполитического давления. Данная проблема напрямую трансформирует правовую культуру международной безопасности, смещая фокус с правовых механизмов урегулирования на политические интересы. Однако увеличивающиеся киберугрозы лишь усугубляют ситуацию: отсутствие универсального и юридически обязательного международного соглашения по урегулированию действий государств в киберпространстве приводит к фрагментации нормативных подходов и конкуренции правовых моделей.

Международные усилия по созданию общепризнанных норм ответственного поведения государств в киберпространстве осуществляются преимущественно в виде многосторонних процессов, инициированных Организацией Объединенных Наций (далее — ООН). К основным составляющим их усилий относятся деятельность Группы правительственных экспертов (GGE)

по вопросам ответственного поведения государств в контексте международной безопасности и работа Открытой рабочей группы (OEWG) по вопросам безопасности в сфере использования информационно-коммуникационных технологий в мирных целях [5]. Действующие форматы служат площадками для выработки принципов, норм и мер поддержания доверия, направленных на предотвращение конфликтов в цифровой среде и повышение транспарентности государственного поведения в киберпространстве.

На основе консенсусных выводов GGE 2015 г. Генеральная Ассамблея ООН подтвердила, что имеющееся международное право вместе с принципами Устава ООН, международного гуманитарного и международного прав человека полностью применимо к деятельности государств в киберпространстве. Такой аспект закреплен в поочередных резолюциях Генеральной Ассамблеи и международных заявлениях, отражающих единую позицию государств-членов о необходимости приведения поведения и действий государств в киберсреде в соответствие с универсальными юридическими нормами [6].

Региональные акторы привносят значительный вклад в развитие правовой культуры кибербезопасности. ЕС последовательно формирует собственную нормативно-правовую модель кибербезопасности, направленную на повышение устойчивости цифрового пространства и защиту единого внутреннего рынка от киберугроз. Центральным элементом модели является Закон ЕС «О киберустойчивости» [7], устанавливающий обязательные требования к безопасности продуктов с цифровыми элементами на всех этапах их жизненного цикла. В политико-правовом измерении данный акт отражает стремление ЕС по укреплению цифрового суверенитета и переход от рекомендательных мер к обязательному правовому регулированию в сфере кибербезопасности.

Применение автоматизированных технологий и искусственного интеллекта существенно трансформирует характер текущих кибероперациий. Согласно отчету Microsoft о цифровой защите за 2025 г., системы киберзащиты ежедневно обрабатывают порядка 100 трлн цифровых сигналов, блокируют 4,5 млн вредоносных файлов и анализируют до 38 млн инцидентов, связанных с компрометацией идентичности, во многом за счет AI-алгоритмов. Такого типа технологии позволяют в автоматическом режиме выявлять угрозы и реагировать на них, но параллельно используются злоумышленниками для масштабирования атак, что усиливает асимметрию угроз и снижает прозрачность действий в киберпространстве. Государства интегрируют AI- и автоматизированные инструменты активнее в национальные киберстратегии, что подтверждается ростом масштабируемых и высокоавтоматизированных кибероперациий. Актуализируется запрос на доработку норм международного права, поскольку

автономность алгоритмов усложняет атрибуцию, контроль эскалации и обеспечение ответственности государств в цифровой среде [8].

Таким образом, киберугрозы выступают одними из факторов трансформации международной безопасности и правовой культуры, генерируя новые концепции допустимых форм политического воздействия при тотальной цифровизации. Институционализация реагирования на угрозы в киберпространстве демонстрируется практикой публичной атрибуции кибератак, интенсификацией международного сотрудничества и укреплением регионального регулирования. Сохраняющаяся нормативная неопределенность, отсутствие универсальных императивных механизмов ответственности и конкуренция правовых парадигм объясняют выявленный фрагментарный характер формирующейся правовой культуры международной безопасности. Данный факт актуализирует потребность в дальнейшей теоретической и прикладной экспликации вопросов правового регулирования киберпространства на международном уровне.

---

1. Бартош А. А. Основы международной безопасности. Организации обеспечения международной безопасности : учеб. пособие для вузов. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2023. 429с. Вернуться к статье

2. Ромашкина Н. П., Марков А. С., Стефанович Д. В. Международная безопасность, стратегическая стабильность и информационные технологии / отв. ред. А. В. Загорский, Н. П. Ромашкина. М. : ИМЭМО РАН, 2020. 97 с. Вернуться к статье

3. Czech Republic says China behind cyberattack on ministry, embassy rejects accusations [Electronic resource] // Reuters : [website]. URL: https://www.reuters.com/world/china/czech-republic-says-china-was-behind-cyberattack-ministry-summons-ambassador-2025-05-28/ (date of access: 26.01.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье

4. China accuses US security agency of ‘advanced’ cyberattacks [Electronic resource] // BusinessDay : [website]. URL: https://www.businessday.co.za/bd/world/asia/2025-04-15-china-accuses-us-security-agency-of-advanced-cyberattacks/ (date of access: 26.01.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье

5. Управление по вопросам разоружения [Электронный ресурс] // Организация Объединенных Наций : [сайт]. URL: https://disarmament.unoda.org/ru/who-we-are/about-unoda (дата обращения: 28.01.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье

6. Cyberspace: Council approves declaration on a common understanding of application of international law to cyberspace // Council of the European Union : [website]. URL: https://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2024/11/18/cyberspace-council-approves-declaration-to-promote-common-understanding-of-application-of-international-law/ (date of access: 29.01.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье

7. Cyber Resilience Act [Electronic resource] // European Commission : [website]. URL: https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/library/cyber-resilience-act (date of access: 01.02.2026). Вернуться к статье

8. Microsoft Digital Defense Report 2025 [Electronic resource] // Microsoft : [website]. URL: https://www.microsoft.com/en-us/corporate-responsibility/cybersecurity/microsoft-digital-defense-report-2025/?msockid=3601f268ea23670f2f2ce768eb0b6696 (date of access: 01.02.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье

АКТУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ОТРАСЛЕВОГО ЮРИДИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ И РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВОВЫХ НОРМ В ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ СФЕРЕ (БЕЛОРУССКИЙ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ)

УДК 347.421

БЕЗОПАСНОСТЬ ПЛАТЕЖЕЙ В АСПЕКТЕ НАДЛЕЖАЩЕГО ИСПОЛНЕНИЯ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ ПО ДОГОВОРУ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ЗАКУПКИ

PAYMENT SECURITY IN THE CONTEXT OF PROPER PERFORMANCE OF OBLIGATIONS UNDER A STATE PROCUREMENT CONTRACT

Ю. А. Амельченя
Национальный центр законодательства и правовой информации Республики Беларусь,
ведущий научный сотрудник,
кандидат юридических наук, доцент

Аннотация. *В статье рассмотрены особенности расчетных отношений, осуществления платежей в аспекте их безопасности; на примере сферы государственных закупок приведены механизмы, способствующие безопасности платежей и надлежащему исполнению обязательств по договору государственной закупки. Предложено воспринять подход права Евразийского экономического союза о банковском сопровождении договора, закрепив его в законодательстве о государственных закупках Республики Беларусь для отдельных случаев.*

Ключевые слова: *государственные закупки, банковское сопровождение договора, казначейское сопровождение договора.*

Annotation. *The article discusses the features of settlement relations and payment implementation in terms of their security; using the example of public procurement, it presents mechanisms that contribute to the security of payments and the proper fulfillment of obligations under a public procurement contract. It is proposed to adopt the approach of the Eurasian Economic Union law on banking support of a contract, and to enshrine it in the legislation on public procurement of the Republic of Belarus for certain cases.*

Keywords: *public procurement, banking support for the contract, treasury support for the contract.*

Общее представление о расчетных отношениях строится на основе нескольких особенностей: с одной стороны, они опосредуют отношения, связанные с реализацией товаров (работ, услуг), и отражают встречное предоставление взамен на такие товары (работы, услуги); с другой стороны, они могут быть

самостоятельны [1] в том смысле, что их существование связано с конкретными субъектами, объектом и содержанием.

Расчетные отношения опосредуют проведение платежей за товары (работы, услуги), неотъемлемым условием которых является их безопасность. В гражданском праве категория безопасности «выступает как элемент стабильности развития всей системы гражданско-правовых отношений, выражающийся в постоянном и целенаправленном процессе прогнозирования, минимизации, устранения, предупреждения опасностей и угроз посредством функционирования механизмов управления рисками и охранно-защитных механизмов, в случае причинения вреда частноправовым и социально-значимым интересам, направленный на стабилизацию и обеспечение условий для нормального функционирования и развития всей экономической системы общества» [2, с. 77].

Если речь о безопасности платежей, то она может быть связана, во-первых, с наличием надлежащих технических, технологических, организационных, правовых предпосылок для стабильности в расчетных отношениях и проведении платежей. Первые две предпосылки предопределены развитием технологий, следом за которыми формируются организационные и правовые условия. К примеру, как только было найдено решение проблемы обеспечения безопасности платежей за счет использования различных инструментов — аутентификации клиентов [3], возможности представления реквизитов перевода в виде QR-кода [4], применения технологии NFC, обеспечивающей беспроводную передачу данных на малом расстоянии [4], блокчейн-технологий и др., последовали соответствующие организационные и правовые предпосылки их применения.

Во-вторых, безопасность платежей связана с обеспечением прав и законных интересов кредиторов при надлежащем осуществлении платежей взамен поставляемых (выполняемых, оказываемых) товаров (работ, услуг) в ходе исполнения денежных обязательств. При таком подходе применяются механизмы, во главу угла при применении которых ставится интерес кредитора, когда последний гарантированно получает полагающееся ему. Например, безопасность платежей при взыскании долга с должника в пользу кредитора требует соблюдения принципов: «Деньги не попадают в руки должника; деньги направляются напрямую взыскателю; получение денег взыскателем не ставится под условие от согласия или каких-либо действий должника; у должника нет возможности изменить установленный порядок» [5].

Зачастую вопрос такой безопасности состоит в исполнении денежного обязательства в отношении не только надлежащего кредитора, но и связанных с ним субъектов, что диктуется наличием государственного интереса в осуществлении контроля цели расходования средств для достижения заданного

результата. Примером здесь может послужить сфера государственных закупок. Необходимость осуществления платежей связывается с исполнением денежного обязательства за заказчика как стороны договора государственной закупки органами государственного казначейства за счет бюджетных средств и (или) средств государственных внебюджетных фондов. Специфичность отношений в данной сфере состоит в том, что государство в лице органов государственного казначейства при расходовании указанных средств осуществляет контроль лишь за надлежащим их перечислением кредитору. Если в последующем кредитор, к примеру исполнитель по договору государственной закупки, привлекает к оказанию услуг для заказчика третьих лиц — соисполнителей, поставщиков, то расчеты с такими лицами не контролируются со стороны государства, поскольку перечисляемые им исполнителем средства не относятся к бюджетным и (или) средствам государственных внебюджетных фондов. С одной стороны, подобная ситуация демонстрирует относительную диспозитивность в регулировании отношений между исполнителем и соисполнителями, обеспечиваемую гражданским законодательством (не законодательством о государственных закупках) и договором между ними. Полученные от органов казначейства средства фактически могут использоваться исполнителем на любые цели, вплоть до того, что направляются на расчеты с его кредиторами по ранее возникшим обязательствам. С другой стороны, в определенной степени последующее расходование средств может оказать влияние на исполнение обязательств исполнителем заказчику, в особенности если деньги перечислены исполнителю на условиях предварительной оплаты, авансирования. Так, например, при исполнении договора строительного подряда могут перечисляться целевые авансы на приобретение определенных товаров, законодатель при этом устанавливает требования, направленные на надлежащее расходование таких авансов (п. 50 Правил заключения и исполнения договоров строительного подряда, утвержденных постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 15 сентября 1998 г. № 1450 [6]), а также правовые последствия, связанные с исполнением договора строительного подряда (например, при срыве сроков выполнения работ по монтажу оборудования по вине подрядчика целевой аванс на оборудование зачитывается в счет оплаты выполненных работ за тот расчетный период, в котором согласно графику строительства должны были быть выполнены работы по монтажу оборудования).

Наличие рисков неисполнения или ненадлежащего исполнения обязательств по договору государственной закупки ввиду отсутствия контроля порядка и направлений расходования средств после их перечисления поставщику (подрядчику, исполнителю) обусловливает вопрос о мерах по их снижению

для обеспечения безопасности платежей бюджетными средствами и (или) средствами государственных внебюджетных фондов надлежащим субъектам и по целевому назначению. Определяющим для такого целевого назначения является надлежащее исполнение обязательств по договору государственной закупки. Отчасти этой цели служит институт обеспечения исполнения обязательств (ст. 26 Закона Республики Беларусь от 13 июля 2012 г. № 419-З «О государственных закупках товаров (работ, услуг)»), но он не устраняет обозначенные выше риски [7].

В праве Евразийского экономического союза о государственных (муниципальных) закупках предусмотрена возможность банковского сопровождения договора (контракта) о закупке (п. 27 Протокола о порядке регулирования закупок, являющегося приложением № 25 к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 г.) [8].

Применение такого банковского сопровождения в Российской Федерации предполагает «контроль со стороны банка на основании поручения клиента за всеми приходными и (или) расходными операциями по счету», когда банк проверяет представляемые клиентом платежные документы «на соответствие условиям заключенных клиентом и его контрагентами договоров», что, по мнению исследователей, «не может рассматриваться как ограничение прав клиента на распоряжение счетом и средствами на нем» [9].

Банковское сопровождение контрактов осуществляется в соответствии со ст. 35 Федерального закона от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» [10] в случаях, определенных п. 3 постановления Правительства Российской Федерации от 20 сентября 2014 г. № 963 «Об осуществлении банковского сопровождения контрактов» [11], с учетом минимального размера начальной (максимальной) цены контракта, цены контракта, заключаемого с единственным поставщиком (подрядчиком, исполнителем), установленного в п. 4 названного постановления.

Помимо этого, в Российской Федерации предусмотрено казначейское сопровождение, проводимое Федеральным казначейством (финансовыми органами субъектов Российской Федерации (муниципальных образований)) операций с денежными средствами участника казначейского сопровождения, включая поставщиков (подрядчиков, исполнителей) и привлекаемых ими для исполнения обязательств лиц. Случаи осуществления казначейского сопровождения определяются бюджетным законодательством.

Подобная система не позволяет средствам «утрачивать» их бюджетный статус после перечисления поставщикам (подрядчикам, исполнителям) [12], создает условия для прослеживаемости платежей в рамках исполнения всех

связанных с государственным контрактом и вытекающих из него обязательств, а в результате — условия для надлежащего исполнения обязательств по государственному контракту.

Подобные меры актуальны для Республики Беларусь. На сегодняшний день отсутствуют нормативные предписания в законодательстве о государственных закупках о применении банковского сопровождения в данной сфере, хотя такого рода услуги оказывает один из белорусских банков (ОАО «Белгазпромбанк»). Представляется оправданным для определенных видов договорных обязательств, к примеру для договора жизненного цикла, договоров в сфере строительства, при реализации мероприятий в сфере цифрового развития, закрепить необходимость банковского сопровождения для оценки его результативности и целесообразности расширения сферы применения за счет иных договорных обязательств.

1. Томкович Р. Р. Правовые аспекты расчетных отношений : по состоянию на 15 марта 2007 г. [Электронный ресурс]. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс». Вернуться к статье

2. Абрамов В. В. Категория «безопасность» в гражданском праве // Общество и право. 2011. № 5. С. 74–78. Вернуться к статье

3. Уголовно-правовая охрана финансово-бюджетной сферы : науч.-практ. пособие / В. Ю. Артемов [и др.] ; отв. ред. И. И. Кучеров, О. А. Зайцев, С. Л. Нудель : по состоянию на 29 дек. 2021 г. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс. Вернуться к статье

4. Комментарий к Федеральному закону от 27 июня 2011 г. № 161-ФЗ «О национальной платежной системе» / Арзуманова Л. Л. [и др.] : по состоянию на 1 февр. 2021 г. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс». Вернуться к статье

5. Саблин М. Т. Взыскание долгов: от профилактики до принуждения / М. Т. Саблин. 4-е изд., испр. и доп. М. : Статут, 2017. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс». Вернуться к статье

6. Об утверждении Правил заключения и исполнения договоров строительного подряда [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь от 15 сент. 1998 г. № 1450 : в ред. от 15 мая 2025 г. № 266. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». Вернуться к статье

7. О государственных закупках товаров (работ, услуг) [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь от 13 июля 2012 г. № 419-З : в ред. от 31 января 2024 г. № 354-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». Вернуться к статье

8. Договор о Евразийском экономическом союзе [Электронный ресурс] : 29 мая 2014 г. : вступил в силу 1 янв. 2015 г. : ратифицирован Законом Респ. Беларусь от 9 окт. 2014 г. // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. URL: https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=f01400176 (дата обращения: 25.02.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье

9. Гражданский кодекс Российской Федерации. Финансовые сделки. Постатейный комментарий к главам 42–46 и 47.1 / Е. В. Бадулина [и др.] ; под ред.

П. В. Крашенинникова : по состоянию на 7 мая 2018 г. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс». Вернуться к статье

10. О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд [Электронный ресурс] : Федер. закон от 5 апр. 2013 г. № 44-ФЗ : в ред. от 28 дек. 2025 г. № 507-ФЗ. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс». Вернуться к статье

11. Об осуществлении банковского сопровождения контрактов [Электронный ресурс] : постановления Правительства Рос. Федерации от 20 сент. 2014 г. № 963 : в ред. от 4 февр. 2025 г. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс». Вернуться к статье

12. Казначейские платежи. Казначейское сопровождение. Бюджетный мониторинг: научно-практическое пособие / Н. Е. Абрамова [и др.] : по состоянию на 1 янв. 2025 г. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс». Вернуться к статье

УДК 351.74(476)

СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ НОРМАТИВНОЙ ПРАВОВОЙ БАЗЫ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ, РЕГЛАМЕНТИРУЮЩЕЙ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ С МЕСТНЫМИ ОРГАНАМИ УПРАВЛЕНИЯ И САМОУПРАВЛЕНИЯ

COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS OF THE REGULATORY FRAMEWORK OF THE REPUBLIC OF BELARUS AND THE RUSSIAN FEDERATION GOVERNING THE INTERACTION BETWEEN INTERNAL AFFAIRS AGENCIES AND LOCAL ADMINISTRATIVE AND SELF-GOVERNMENT BODIES

Р. Л. Беляков
Могилевский институт МВД Республики Беларусь,
преподаватель кафедры административной деятельности
факультета милиции

Аннотация. *В статье проведен анализ правовой базы Республики Беларусь и Российской Федерации, определяющей взаимодействие органов внутренних дел двух стран с органами местного управления и самоуправления.*

Ключевые слова: *органы местного управления и самоуправления, органы внутренних дел, взаимодействие, охрана общественного порядка.*

Annotation. *The article analyzes the legal framework of the Republic of Belarus and the Russian Federation, which determines the interaction of the internal affairs bodies of the two countries with local government and self-government bodies.*

Keywords: *local administration and self-government bodies, internal affairs agencies, cooperation, maintenance of public order.*

Как в Республике Беларусь, так и в Российской Федерации одним из направлений деятельности органов местного управления и самоуправления является обеспечение на закрепленной территории законности и правопорядка, от состояния которых в значительной мере зависит эффективность проводимой государством социальной и экономической политики, стабильность в обществе, доверие граждан к власти в целом.

Успешность решения этих задач во многом определяется тем, насколько квалифицированно местные органы власти будут взаимодействовать с органами внутренних дел.

Анализ законодательства двух стран, регламентирующего взаимодействие местных органов управления и самоуправления с органами внутренних дел, показывает, что, несмотря на определенное совпадение подходов к организации данной деятельности, имеют место и значительные правовые отличия,

обусловленные особенностями политического, экономического и социального характера.

Так, в соответствии со ст. 41, 45 Закона Республики Беларусь от 4 января 2010 г. № 108-З «О местном управлении и самоуправлении в Республике Беларусь» [1], к компетенции исполнительных комитетов и районных администраций в области управления органами внутренних дел относится проведение мероприятий во взаимодействии с правоохранительными органами по предупреждению правонарушений, участию в борьбе с коррупцией, противодействию экстремизму, включая терроризм, и обеспечению безопасности дорожного движения.

Кроме того, согласно ст. 47 указанного Закона, в компетенцию руководителей этих органов входит координация работы по охране общественного порядка и прав граждан на соответствующей территории, согласование кандидатур для назначения на должность начальника отдела (управления) соответствующего органа внутренних дел [1].

В свою очередь, ст. 10 Закона Республики Беларусь от 17 июля 2007 года № 263-З «Об органах внутренних дел Республики Беларусь» определяет полномочия местных Советов депутатов, исполнительных и распорядительных органов в сфере деятельности органов внутренних дел следующим образом:

− предоставлять административные и иные помещения, коммунальные, бытовые и иные услуги органам внутренних дел;

− обеспечивать потребности органов внутренних дел в материальных средствах, энергетических и других ресурсах и услугах по их заказам, предоставлять земельные участки для размещения органов внутренних дел;

− обеспечивать реализацию гарантий правовой и социальной защиты сотрудников органов внутренних дел и членов их семей, а также в пределах своей компетенции устанавливать иные гарантии их социальной защиты, не предусмотренные вышеуказанным Законом [2].

Также ст. 10 Закона «Об органах внутренних дел Республики Беларусь» установлено, что руководители местных исполнительных и распорядительных органов в случаях, установленных законодательными актами, согласовывают кандидатуры на должности руководителей (заместителей руководителей) органов внутренних дел (их подразделений), входящих в структуру этих исполнительных и распорядительных органов, а также продление или расторжение контрактов о службе в органах внутренних дел с указанными должностными лицами.

Таким образом, органы внутренних дел районного и областного уровней входят в структуру органов исполнительной власти соответствующих уровней и, согласно действующему законодательству, соответственно, подчиняются

своим руководителям. Однако это руководство носит особый характер, поскольку органы внутренних дел одновременно подчиняются своим вышестоящим ведомственным организациям (УВД, МВД). Более того, вертикаль их руководства является преобладающей, что обусловлено необходимостью точного и единообразного выполнения требований вышестоящих органов, осуществления квалифицированного ведомственного контроля за их работой.

Несмотря на существование «горизонтального» подчинения, органы милиции в значительной степени независимы в выборе путей и средств реализации решений, которые принимаются местными властями.

В законодательстве Российской Федерации имеется аналогичная правовая база, определяющая порядок взаимодействия органов внутренних дел и органов местного управления и самоуправления.

Правовые основы общего взаимодействия и сотрудничества определены Федеральным законом от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» [3], а также от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [4].

В ст. 10 Федерального закона «О полиции» отмечено, что «полиция при осуществлении своей деятельности взаимодействует... с муниципальными органами... может использовать возможности муниципальных органов в порядке, установленном законодательством Российской Федерации... оказывает содействие муниципальным органам в обеспечении защиты прав и свобод граждан, соблюдении законности и правопорядка, а также оказывает поддержку развитию гражданских инициатив в сфере предупреждения правонарушений и обеспечения правопорядка» [3]. Кроме того, согласно ч. 4 данной статьи, «...муниципальные органы... должны оказывать содействие полиции при выполнении возложенных на нее обязанностей» [3].

В свою очередь, согласно ст. 15 («Вопросы местного значения муниципального района») и ст. 16 («Вопросы местного значения муниципального, городского округа») Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [4], к вопросам местного значения муниципального района и городского округа в части правоохранительной деятельности относятся:

− организация охраны общественного порядка на территории муниципального района, городского округа;

− создание условий для деятельности добровольных формирований населения по охране общественного порядка в поселении и городском округе;

− участие в профилактике терроризма и экстремизма, а также в минимизации и (или) ликвидации последствий проявлений терроризма и экстремизма

в границах поселения, на территории муниципального района и городского округа.

Кроме того, как и в Республике Беларусь, для решения задач правоохранительной деятельности местные органы власти и самоуправления Российской Федерации могут разрабатывать и принимать региональные программы и планы по борьбе с преступностью и профилактике правонарушений, а также проводить совместные с органами внутренних дел мероприятия, направленные на предупреждение противоправного поведения граждан.

В то же время, несмотря на схожесть организации взаимодействия органов внутренних дел и местных органов управления и самоуправления двух стран, существуют и принципиальные отличия.

Так, в Республике Беларусь органы внутренних дел являются составной частью структуры местных органов власти районного и областного уровня и одновременно подчиняются своим вышестоящим ведомственным организациям.

В свою очередь, в Российской Федерации полиция стала составной частью единой централизованной системы федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел, что исключило полномочия органов местного управления и самоуправления в части руководства ее работой.

Таким образом, можно сделать вывод, что в Республике Беларусь и Российской Федерации создана правовая и организационная база для эффективного взаимодействия органов внутренних дел с органами местного управления и самоуправления в сфере обеспечения общественного порядка и безопасности.

При этом четко прослеживаются общие подходы в определении основных задач органов управления и самоуправления в части обеспечения общественной безопасности и взаимодействия с органами внутренних дел в этой деятельности, что, на наш взгляд, обусловлено общим историческим прошлым (нахождением в составе одного государства — СССР), схожим социально-экономическим развитием в современный период (с учетом определенных особенностей) и похожим менталитетом граждан двух стран.

В то же время имеются существенные отличия в данной деятельности, в первую очередь в части полномочий местных органов управления и самоуправления на руководство соответствующими органами внутренних дел.

Так, в Республике Беларусь сохранилась существовавшая ранее в СССР система двойного (так называемого горизонтального и вертикального) подчинения территориальных органов внутренних дел, являющихся частью структуры местных органов власти и подчиняющихся ее руководителям и одновременно находящихся в подчинении у своих вышестоящих ведомственных организаций.

В Российской Федерации после реформы деятельности органов внутренних дел и принятия в 2011 г. нового Федерального закона «О полиции» был изменен подход к организации деятельности нового органа, руководство которым осуществляется только в соответствии с системой «вертикального» подчинения.

Обе вышеуказанные системы имеют свои преимущества и свои недостатки, но в целом позволяют достаточно эффективно обеспечивать деятельность взаимодействующих органов в обеспечении правопорядка.

---

1. О местном управлении и самоуправлении в Республике Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь от 4 янв. 2010 г. № 108-З : в ред. от 9 дек. 2025 г. № 110-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». Вернуться к статье

2. Об органах внутренних дел Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь от 17 июля 2007 г. № 263-З : в ред. от 19 мая 2022 г. № 171-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». Вернуться к статье

3. О полиции [Электронный ресурс] : Федер. закон от 7 февр. 2011 г. № 3-ФЗ : в ред. от 15 дек. 2025 г. № 486-ФЗ. Доступ из информ.-поисковой системы «КонсультантПлюс». Вернуться к статье

4. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации [Электронный ресурс] : Федер. закон от 6 окт. 2003 г. № 131-ФЗ : в ред. от 20 марта 2025 г. № 33-ФЗ. Доступ из информ.-поисковой системы «КонсультантПлюс». Вернуться к статье

УДК 349.2

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРИЕМА НА РАБОТУ ЛИЦ МОЛОЖЕ ШЕСТНАДЦАТИ ЛЕТ

IMPROVING THE LEGAL REGULATION OF EMPLOYMENT OF PERSONS UNDER THE AGE OF SIXTEEN

Е. В. Боровая
Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь,
начальник кафедры гражданского и трудового права,
кандидат юридических наук, доцент

Аннотация. *Рассматриваются особенности правового регулирования труда лиц в возрасте от четырнадцати до шестнадцати лет, анализируются проблемы, возникающие в процессе их трудоустройства, и предлагаются пути их решения на современном этапе. Обосновывается необходимость внесения ряда изменений и дополнений в акты законодательства о труде, регламентирующие трудовые отношения с лицами в возрасте от четырнадцати до шестнадцати лет.*

Ключевые слова: *трудоустройство, возраст заключения трудового договора, виды работ для несовершеннолетних в возрасте от четырнадцати до шестнадцати лет, форма трудового договора.*

Annotation. *The article examines the specific legal regulations governing the employment of individuals aged fourteen to sixteen, analyzes the challenges arising during their hiring process, and proposes solutions suited to the current context. It substantiates the need to introduce amendments and additions to labor legislation governing employment relationships with individuals in this age group.*

Keywords: *employment, age for concluding an employment contract, types of work for minors aged fourteen to sixteen, form of the employment contract.*

Право на труд является одним из важнейших социально-экономических конституционных прав человека. Несовершеннолетние работники приравниваются в трудовых отношениях к совершеннолетним. Запрещена любая дискриминация, основанная на возрасте, если она не препятствует исполнению соответствующих трудовых обязанностей, не связана с деловыми качествами и не обусловлена спецификой трудовой функции работника. Как верно отмечает Е. В. Чичина, одним из классических и неоспоримых оснований дифференциации в правовом регулировании труда признается возраст работника [1, с. 32].

Безусловно, несовершеннолетние относятся к одной из социально уязвимых категорий работников, которые не могут на равных конкурировать на рынке труда, в связи с отсутствием большого объема знаний и практического опыта, физиологическими и психологическими особенностями, а потому нуждаются в создании системы гарантий, позволяющих им эффективно

реализовать свое право на труд. Важно понимать, что гарантии в трудовых отношениях для работников моложе восемнадцати лет должны учитывать особенности возраста, но не должны носить чрезмерного характера, то есть создавать «гиперопеку» над несовершеннолетними. Вступление в трудовые отношения является важным этапом социализации молодых людей, позволяет им реализовать свои способности и таланты, доказать свою самостоятельность. Вступая в трудовые отношения, несовершеннолетний должен понимать, что он берет на себя ответственность за надлежащее исполнение возложенных на него в соответствии с трудовым договором обязанностей, но в то же время он защищен от злоупотреблений со стороны нанимателя, его права и законные интересы находятся под надежной защитой государства.

По общему правилу, в Республике Беларусь трудовой договор заключается с лицом, достигшим шестнадцати лет, но при соблюдении ряда условий трудовой договор может быть заключен с лицом, достигшим четырнадцати лет [2]. Отметим, что, например, в Российской Федерации допускается заключение трудового договора в организациях кинематографии, театрах и концертных организациях, цирках с лицами, не достигшими возраста четырнадцати лет, для участия в создании и (или) исполнении (экспонировании) произведений без ущерба здоровью и нравственному развитию [3, ч. 5 ст. 63], а также занятий профессиональным спортом [3, ч. 5 ст. 348-8]. Трудовой договор в таком случае подписывается родителем (опекуном) ребенка, однако работником признается сам малолетний, лично своим трудом выполняющий трудовую функцию [4, с. 40]. Полагаем, что аналогичные правовые нормы могут быть внесены и в Трудовой кодекс Республики Беларусь (далее — ТК), что позволит более эффективно гарантировать права и законные интересы малолетних.

Первым обязательным условием заключения трудового договора с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста, является получение письменного согласия одного из родителей (усыновителей (удочерителей), попечителей), которое обязательно должно быть выражено в письменной форме. По сложившейся юридической практике в настоящее время согласие дается в простой письменной форме путем подачи родителем (усыновителем (удочерителем), попечителем) отдельного заявления либо проставлением согласительной надписи на трудовом договоре с указанием паспортных данных родителя (усыновителя (удочерителя), попечителя) [5, с. 50].

Согласимся с мнением Т. М. Петоченко, что с учетом важности трудового договора для последующего правового положения несовершеннолетнего работника в трудовых правоотношениях целесообразно закрепить на уровне законодательства о труде обязанность согласования содержания трудового договора не только с несовершеннолетним, но и с законным представителем,

дающим согласие на его заключение [6, с. 212–213]. Вместе с тем считаем, что просто согласования содержания трудового договора будет в рассматриваемой ситуации недостаточно.

Полагаем, что для устранения существующей правовой неопределенности в данном вопросе следует предусмотреть, что трудовой договор с работником в возрасте от четырнадцати до шестнадцати лет подписывается с одной стороны нанимателем, а с другой — самим работником, а также лицом, дающим ему разрешение на осуществление работы. Введение такого правила будет одновременно служить средством более эффективной защиты прав и законных интересов несовершеннолетнего в возрасте до шестнадцати лет, поскольку подписывается каждая страница трудового договора, а соответственно, у родителя (усыновителя (удочерителя), попечителя) будет возможность ознакомиться с содержанием всех условий трудового договора и зафиксировать факт согласия с ними.

Еще одним важным условием заключения трудового договора с работником в возрасте от четырнадцати до шестнадцати лет является то, что он может заключаться только для выполнения легкой работы или занятия профессиональным спортом, которые не являются вредными для его здоровья и развития, не препятствуют получению общего среднего, профессионально-технического и среднего специального образования. Перечень легких видов работ, которые могут выполнять лица в возрасте от четырнадцати до шестнадцати лет, устанавливается постановлением Министерства труда и социальной защиты Республики Беларусь от 15 октября 2010 г. № 144 (далее — постановление МТСЗ № 144) [7]. Кроме того, в целях обеспечения нормального физического и психического развития несовершеннолетних законодатель ограничивает виды работ, на которых может использоваться труд несовершеннолетних (постановление Министерства труда и социальной защиты Республики Беларусь от 7 февраля 2025 г. № 12 «О списке работ, на которых запрещается привлечение к труду лиц моложе восемнадцати лет» [8]), а также предельные нормы подъема и перемещения тяжестей вручную лицами моложе восемнадцати лет (постановление Министерства здравоохранения Республики Беларусь от 13 октября 2010 г. № 134 «Об установлении предельных норм подъема и перемещения несовершеннолетними тяжестей вручную» [9]). Таким образом, виды работ, которые разрешены для несовершеннолетних в возрасте от четырнадцати до шестнадцати лет, одновременно должны находиться в перечне легких видов работ, не входить в перечень запрещенных работ и соответствовать требованиям по подъему и перемещению тяжестей вручную выше предельно допустимых норм.

Вопрос поиска работы для несовершеннолетнего в возрасте от четырнадцати до шестнадцати лет может представлять определенные трудности, особенно в небольших населенных пунктах с напряженной ситуацией на рынке труда, где выбор работы по объективным причинам может быть затруднен, особенно для подростков.

Полагаем, что следует расширять пропагандистскую работу по информированию несовершеннолетних о возможности их трудоустройства в свободное от получения образования время, особенностях заключения трудового договора. Разумеется, что к осуществлению подобного информирования должны привлекаться квалифицированные специалисты. Привлекать к подобной работе учителей средних школ, не имеющих юридического образования, которые могут ответить на вопросы, связанные с возможностью заключения трудового договора с несовершеннолетним, только в самом общем смысле, не целесообразно. Самым логичным, на наш взгляд, было бы привлечение к информированию по вопросам трудоустройства специалистов комитетов (управлений, отделов) по труду, занятости и социальной защите соответствующей административно-территориальной единицы, которые не только разбираются в особенностях приема на работу различных категорий граждан, но и владеют актуальной информацией о рынке вакансий в определенных населенных пунктах. Указанные выше специалисты, например, могут привлекаться для проведения часов информирования в учреждениях общего среднего образования.

О том, что вопросам трудоустройства несовершеннолетних в Республике Беларусь уделяется значительное внимание, свидетельствует тот факт, что перечень легких видов работ для несовершеннолетних в возрасте от четырнадцати до шестнадцати лет неоднократно дополнялся, а список работ расширялся. Так, например, постановлением Министерства труда и социальной защиты от 21 марта 2025 г. № 18 перечень легких видов работ был увеличен на 6 пунктов (до 23) [10].

Отметим, что изменился сам подход к регламентации легких видов работ: от детального описания конкретной работы к абстрактной формулировке с указанием исключений. Например, если в первой редакции постановления МТСЗ № 144 в 37 пунктах давалось разъяснение конкретных видов работ в сельском и лесном хозяйстве, которые относятся к легким, то последняя редакция содержит всего 2 пункта, которые определяют, что несовершеннолетним в возрасте от четырнадцати до шестнадцати лет разрешены сельскохозяйственные работы по выращиванию и уходу за сельскохозяйственными культурами, цветами, сбору и обработке урожая, не связанные с эксплуатацией оборудования, машин и механизмов, применением ядохимикатов и других средств защиты растений, электромеханического инструмента, подъемом на высоту, при обеспечении

соблюдения установленных норм подъема и перемещения тяжестей вручную; а также работы в лесном хозяйстве и по озеленению городских территорий, не связанные с эксплуатацией оборудования, машин и механизмов, применением ядохимикатов и других средств защиты растений, электромеханического инструмента, подъемом на высоту, при обеспечении соблюдения установленных норм подъема и перемещения тяжестей вручную. Использование общедозволительного типа правового регулирования расширяет возможности для трудоустройства лиц в возрасте от четырнадцати до шестнадцати лет.

Вместе с тем полагаем, что целесообразно продолжить работу по дополнению перечня легких видов работ, что позволит упростить процесс поиска подходящей работы для несовершеннолетних в возрасте от четырнадцати до шестнадцати лет. Например, несовершеннолетние могут оказывать помощь в обучении игре на музыкальных инструментах (возможно под руководством и контролем взрослого педагога), заниматься проведением экскурсий.

Еще одним важным условием заключения трудового договора с работником моложе восемнадцати лет является тот факт, что работа не должна препятствовать получению общего среднего, профессионально-технического и среднего специального образования. Полагаем, что следует закрепить обязанность нанимателя в случае приема на работу несовершеннолетнего работника запросить информацию с места учебы о графике образовательного процесса, чтобы определить, в какое время в учреждении образования каникулы, когда завершаются занятия и т. д., для выбора оптимального режима работы. Введение такой обязанности позволит наилучшим образом гарантировать права несовершеннолетнего на получение образования и реализацию им права на труд.

Предложенные нами изменения будут способствовать более эффективному заключению трудовых договоров с работниками, не достигшими шестнадцати лет. Включение несовершеннолетних в активную трудовую деятельность позволит сформировать социальную ответственность гражданина, ценящего созидательный труд.

---

1. Реализация концепции достойного труда в социально-трудовой сфере Республики Беларусь / А. Г. Апенок [и др.] ; под ред. И. А. Камоцкой, Т. М. Петоченко ; Нац. Центр законодательства и правовых исслед. Респ. Беларусь. Минск : Колорград, 2023. 400 с. Вернуться к статье

2. Трудовой кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 26 июля 1999 г. № 296-З : принят Палатой представителей 8 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 30 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 9 дек. 2025 г. № 110-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». Вернуться к статье

3. Трудовой кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : 30 дек. 2001 г. № 197-ФЗ : принят Гос. Думой 21 дек. 2001 г. : одобр. Советом Федерации

26 дек. 2001 г. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс». Вернуться к статье

4. Карташова Г. Н. Особенности правового регулирования труда лиц в возрасте до 14 лет по законодательству Российской Федерации // Теоретико-прикладные аспекты занятости и эффективной организации труда в современных условиях : сб. науч. ст. / под ред. И. А. Комоцкой, Т. М. Петоченко. Минск : Четыре четверти, 2019. С. 37–47. Вернуться к статье

5. Боровая Е. В. Порядок заключения трудового договора с работником моложе 18 лет // Вестн. Акад. МВД Респ. Беларусь. 2023. № 1. С. 47–52. Вернуться к статье

6. Петоченко Т. М. Отдельные направления совершенствования правового регулирования труда молодежи в Республике Беларусь с учетом межународно-правовых стандартов и зарубежного опыта // Правовые гарантии обеспечения социально-трудовых прав уязвимых категорий работников в Республике Беларусь : сб. науч. ст. / Нац. центр законодательства и правовой информ. Респ. Беларусь ; под ред. И. А. Комоцкой, Т. М. Петоченко. Минск : НЦЗПИ, 2025. С. 198–232. Вернуться к статье

7. Об установлении перечня легких видов работ, которые могут выполнять лица в возрасте от четырнадцати до шестнадцати лет [Электронный ресурс] : постановление М-ва труда и соц. защиты Респ. Беларусь от 15 окт. 2010 г. № 144 : в ред. от 21 марта 2025 г. № 18. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». Вернуться к статье

8. О списке работ, на которых запрещается привлечение к труду лиц моложе восемнадцати лет [Электронный ресурс] : постановление М-ва труда и соц. защиты Респ. Беларусь от 7 февр. 2025 г. № 12. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». Вернуться к статье

9. Об установлении предельных норм подъема и перемещения несовершеннолетними тяжестей вручную [Электронный ресурс] : постановление М-ва здравоохранения Респ. Беларусь от 13 окт. 2010 г. № 134. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». Вернуться к статье

10. Об изменении постановления Министерства труда и социальной защиты Республики Беларусь от 15 октября 2010 г. № 144 [Электронный ресурс] : постановление М-ва труда и соц. защиты от 21 марта 2025 г. № 18. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». Вернуться к статье

УДК 343.3/.7

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРИНЦИПА ЭКОНОМИИ УГОЛОВНОЙ РЕПРЕССИИ ПРИ ОПТИМИЗАЦИИ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННЫХ ВЫЗОВОВ

IMPLEMENTATION OF THE PRINCIPLE OF ECONOMICAL CRIMINAL REPRESSION IN THE OPTIMIZATION OF CRIMINAL-LEGAL PROTECTION OF ECONOMIC RELATIONS IN THE CONTEXT OF MODERN CHALLENGES

Е. С. Бородулькина
Институт правовых исследований Национального центра законодательства и правовой информации Республики Беларусь,
ведущий научный сотрудник,
кандидат юридических наук, доцент

Аннотация. *Исследуется реализация принципа экономии уголовной репрессии в контексте уголовно-правовой охраны экономических отношений. Выявлены как достижения в области либерализации ответственности, так и сохраняющиеся проблемы.*

Ключевые слова: *уголовно-правовая политика, экономические отношения, экономия уголовной репрессии, цифровизация.*

Annotation. *The article examines the implementation of the principle of economy of criminal repression in the context of criminal law protection of economic relations. Both achievements in the field of responsibility liberalization and remaining problems have been identified.*

Keywords: *criminal law policy, economic relations, economy of criminal repression, digitalization.*

Знание законов выполняет роль стимула правомерного поведения лишь тогда, когда оно приобретает для человека личностный смысл, когда он заинтересован в этом знании и выражает готовность действовать в соответствии с требованиями права [1]. В сфере экономики, где правомерное поведение сопряжено с предпринимательской инициативой, инновациями и обоснованным риском, формирование личностного смысла будет зависеть от того, воспринимается ли уголовный закон как легитимный и соразмерный регулятор либо это препятствие, которое следует «умело обходить».

Современная доктрина уголовного права обоснованно исходит из необходимости сбалансированного подхода к регулированию экономических отношений. Вместе с тем само содержание «сбалансированности» остается предметом научной дискуссии. С одной стороны, уголовный закон призван обеспечить адекватную защиту общественных отношений от наиболее опасных

посягательств, не допуская пробелов в охране, с другой — предполагается минимизация рисков избыточной криминализации, способной создать неоправданные барьеры для легитимной предпринимательской деятельности и привести к подмене экономических регуляторов уголовной репрессией.

Проблематика поиска баланса в уголовно-правовом регулировании экономики активно разрабатывается в трудах А. В. Баркова, М. Г. Головенчик, К. С. Захилько, А. В. Денисевича, А. В. Ковальчука, В. В. Лосева, А. И. Лукашова, Ю. Е. Рудени, В. В. Хилюты, В. М. Хомича, Д. В. Шаблинской и др.

Целью настоящей статьи является анализ развития национального уголовного законодательства об ответственности за преступления в сфере экономики, а также определение приоритетных направлений для формирования последовательной и эффективной модели уголовно-правовой охраны хозяйственных отношений.

Анализ динамики изменений национального уголовного законодательства последних лет позволяет утверждать, что одним из его системообразующих начал выступает принцип экономии уголовной репрессии. В широком толковании данный принцип предполагает установление уголовной ответственности лишь тогда, когда цели исправления и предупреждения преступлений недостижимы иными, не уголовно-правовыми средствами. В узком смысле он означает применение наказания как меры исключительной, лишь при невозможности использования иных мер уголовно-правового воздействия, при этом избираемая мера должна быть минимально необходимой и достаточной [2, с. 31]. Как обоснованно указывает Д. В. Шаблинская, решения о криминализации или декриминализации должны основываться на системном подходе, в рамках которого «следует выстроить модель правомерного поведения в экономической сфере… а отклонения от данного поведения категоризировать по степени общественной опасности, где наиболее опасные деяния будут составлять преступления» [3, с. 266].

На практике данный принцип нашел отражение в ряде последовательных шагов по либерализации уголовной ответственности: введен институт уголовно-правовой компенсации, декриминализирован ряд составов (например, нарушение порядка открытия счетов за пределами Республики Беларусь (ст. 224 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее — УК) [4]), воспрепятствование законной предпринимательской деятельности (ст. 232 УК), лжепредпринимательство (ст. 234 УК), нарушение антимонопольного законодательства (ст. 244 УК) и др.), оптимизированы санкции с расширением практики применения наказаний, альтернативных лишению свободы, а также законодательно закреплено право на обоснованный экономический (деловой) риск. Особого

внимания заслуживает положение, закрепленное в примечании к главе 25 УК, которое устанавливает запрет на назначение лишения свободы впервые осуждаемому лицу за совершение не представляющего большой общественной опасности или менее тяжкого преступления против порядка осуществления экономической деятельности (за исключением таких деяний, как контрабанда, легализация преступных доходов и др.).

Вместе с тем при очередной корректировке уголовного закона важно учитывать диалектическое единство таких принципов нормотворческой деятельности, как стабильность правового регулирования общественных отношений и социально-экономическая обусловленность (пп. 8, 10 ст. 6 Закона Республики Беларусь от 17 июля 2018 г. № 130-З (в ред. от 28 июня 2024 г. № 15-З) «О нормативных правовых актах» [5]. Слишком частое изменение норм приводит к обесцениванию правового материала и дестабилизирует правоприменение [6], одновременно нельзя не принимать во внимание и динамику развития экономических отношений в обществе, поэтому оптимальная модель уголовно-правовой охраны экономики должна гармонично сочетать устойчивость правовых предписаний с их адаптацией к меняющимся реалиям.

При этом уголовно-правовая политика, нацеленная на обеспечение экономической безопасности, не может сводиться исключительно к либерализации. Ее неотъемлемой и объективно обусловленной составляющей выступает своевременная криминализация новых общественно опасных деяний, порожденных технологическим прогрессом. Здесь наглядным примером может послужить реформирование ответственности за незаконный оборот платежных инструментов, средств платежа и их реквизитов (ст. 222 УК) Законом Республики Беларусь от 17 февраля 2025 г. № 61-З «Об изменении кодексов по вопросам уголовной ответственности» [7]. Криминализация оборота данных для доступа к виртуальным кошелькам отразила расширение защищаемых цифровых активов, одновременно размещение в разных частях статьи признаков распространения платежных средств (ч. 1 ст. 222 УК) и их изготовление с целью сбыта и сбыт (ч. 2 ст. 222 УК) позволило более дифференцированно, в том числе с точки зрения санкционного обеспечения норм, разграничить различные формы незаконного оборота платежных средств.

В Концепции правовой политики, утвержденной Указом Президента Республики Беларусь от 28 февр. 2023 г. № 196 [8], подчеркивается, что Беларусь одна из первых в мире стала на путь развития цифровой экономики, легализовав в 2017 г. использование технологий блокчейн и обращение криптовалюты (п. 23 указанной Концепции). Как верно отмечается в исследовании М. Г. Головенчик, цифровизация экономики и легализация оборота цифровых активов (токенов) порождают новые виды угроз, которые действующее

уголовное законодательство зачастую не в состоянии нейтрализовать. На примере анализа пробелов в уголовно-правовой охране оборота токенов автор убедительно показывает, что отсутствие криминализации таких деяний, как манипулирование ценой токенов на криптобиржах, несмотря на их доказанную общественную опасность и причинение существенного ущерба, создает пробел в уголовно-правовой охране экономических отношений в условиях цифровизации [9, с. 6]. Полагаем, следует учитывать разработки автора при дальнейшем совершенствовании уголовного законодательства.

Фундаментальной проблемой, осложняющей выработку сбалансированной уголовно-правовой политики, остается отсутствие единых объективных критериев для разграничения уголовно наказуемых преступлений и административных правонарушений в экономической сфере. Как справедливо отмечается в доктрине, традиционный критерий — «общественная опасность» — носит оценочный характер (грань между рядом преступлений и административных правонарушений имеет «конвенциональный характер, являясь продуктом консенсуса» [10, с. 152]), то есть на практике зачастую подменяется усмотрением законодателя, что приводит к непоследовательности в установлении порогов криминализации. Особенно остро эта проблема проявляется в экономических составах, где ключевым формальным разграничением часто выступает размер причиненного ущерба или полученного дохода. По замечанию В. В. Хилюты, отсутствие внятной методологии определения этих пороговых значений (например, почему для одного состава «крупный размер» составляет 250 базовых величин, а для другого — 1 000) ставит под сомнение объективность самого признака общественной опасности и ведет к внутренней противоречивости системы охраны экономического порядка [11]. Это создает «серую зону» в условиях правовой неопределенности, где сходные по сути деяния могут влечь принципиально разные по тяжести последствия.

Нельзя обойти вниманием и следующий аспект: закрепление в УК прогрессивных положений не всегда гарантирует их эффективную реализацию. Ярким примером здесь может являться норма об обоснованном экономическом (деловом) риске (ч. 2^1 ст. 39 УК), остающаяся «мертвой» с момента ее введения. Например, В. М. Хомич подчеркивает, что институт был создан как публично-правовая гарантия для руководителей государственных предприятий, но на практике оценка решений смещается с анализа их экономической обоснованности на проверку формального соблюдения «согласований свыше». Норма, задуманная как защита управленческой инициативы, в силу подмены критериев («интересы службы» вместо экономической целесообразности) блокируется на стадии правоприменения [12, с. 66–74].

При рассмотрении актуальных вопросов формирования сбалансированной модели уголовно-правовой охраны следует учитывать и внешнеполитические процессы. Углубление интеграции в рамках ЕАЭС актуализирует проблему различий в уголовном законодательстве государств-членов в сфере противодействия экономической преступности. Например, несоразмерность наказаний за сходные деяния создает дисбаланс, противоречит принципам единого рынка и формирует неравные условия для хозяйствующих субъектов [13, с. 124]. Гармонизация норм, особенно в сфере киберпреступности и защиты цифровых активов, становится насущной задачей, соответствующей курсу Беларуси на углубление евразийской интеграции.

С учетом изложенного принцип экономии уголовной репрессии выступает системообразующим началом сбалансированной, эффективной и отвечающей современным вызовам уголовно-правовой политики в сфере экономики. Данный доктринальный принцип задает пределы вмешательства государства в экономическую деятельность, предполагая, что охрана соответствующих общественных отношений иными, не уголовно-правовыми средствами, невозможна. Реализованные в последние годы в УК новеллы в русле либерализации уголовной ответственности являются практическим воплощением данного принципа. Вместе с тем важно принимать во внимание, что одним из индикаторов реализации экономии уголовной репрессии является правоприменительная практика: если заложенный в уголовный закон механизм не работает (как в случае с институтом обоснованного экономического риска), требуется либо корректировка положений законодательства, либо выработка подходов к их применению посредством разъяснений Пленума Верховного Суда Республики Беларусь.

При этом полнота содержания уголовно-правовой политики обеспечивается при реализации своевременной (с учетом дальнейшей научной проработки вопроса о критериях разграничения уголовно наказуемых преступлений и административных правонарушений) криминализации деяний, обладающих высокой степенью общественной опасности, в том числе исходя из тенденции цифровой трансформации экономики.

---

1. Демидова А. В. Правовая культура личности как фактор правомерного поведения [Электронный ресурс] // Борьба с преступностью: теория и практика : материалы II Междунар. науч.-практ. конф., Могилев, 27 февр. 2014 г. / М-во внутр. дел Респ. Беларусь, учреждение образования «Могилевский высший колледж Министерства внутренних дел Республики Беларусь» ; редкол.: Ю. П. Шкаплеров (отв. ред.) [и др.]. Могилев : Могилев. высш. колледж МВД Респ. Беларусь, 2014. С. 271–272. URL: https://elib.institutemvd.by/jspui/bitstream/MVD_NAM/4043/1/Demidova.pdf (дата обращения: 10.02.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье

2. Степашин В. М. Содержание принципа экономии репрессии // Lex Russica. 2017. 11 (132). С. 24–37. Вернуться к статье

3. Шаблинская Д. В. Декриминализация преступлений как уголовно-правовой инструмент воздействия на экономические отношения // Проблемы укрепления законности и правопорядка: наука, практика, тенденции. 2020. № 13. С. 261–267. Вернуться к статье

4. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г. № 275-З : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. в ред. от 20 окт. 2025 г. № 101-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». Вернуться к статье

5. О нормативных правовых актах [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь от 17 июля 2018 г. № 130-З : в ред. от 28 июня 2024 г. № 15-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». Вернуться к статье

6. Маркунцов С. А. О масштабах перманентной новеллизации Уголовного кодекса Российской Федерации // Законы России: опыт, анализ, практика. 2018. № 2. С. 18–26. Вернуться к статье

7. Об изменении кодексов по вопросам уголовной ответственности [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь от 17 февр. 2025 г. № 61-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». Вернуться к статье

8. О Концепции правовой политики Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь от 28 июня 2023 г. № 196 : в ред. от 14 марта 2024 г. № 96. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». Вернуться к статье

9. Головенчик М. Г. Экономические преступления в условиях цифровизации: уголовно-правовой анализ и предупреждение : автореф. дис. … канд. юрид. наук : 12.00.08 / Белорус. гос. ун-т. Минск, 2025. 27 с. Вернуться к статье

10. Приколотина Ю. Л., Девятовская К. В. Общественная опасность как критерий разграничения административных правонарушений и преступлений: к постановке проблемы // Вестн. Полоцкого гос. ун-та. Сер. D, Экон. и юрид. науки. 2020. № 14. С. 152–158. Вернуться к статье

11. Хилюта В. В. Объект посягательства и величина ущерба как составляющие общественной опасности при разграничении экономических преступлений и правонарушений : по состоянию на 29 окт. 2018 г. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс». Вернуться к статье

12. Хомич В. М. Извинительная ошибка или деловой риск в экономической деятельности в качестве обстоятельства, исключающего преступность «злоупотребления» профессиональным правом на риск // Урал. журн. правовых исслед. 2023. № 1 (22). С. 66–74. Вернуться к статье

13. Утаров К. А. Понятие и типы экономической преступности: сравнительный анализ уголовного законодательства государств-членов Евразийского экономического союза // Пробелы в рос. законодательстве. 2020. № 2. С. 124–130. Вернуться к статье

УДК 342

О СУБЪЕКТАХ СУДЕБНОГО КОНСТИТУЦИОННОГО КОНТРОЛЯ В БЕЛАРУСИ

ABOUT SUBJECTS OF JUDICIAL CONSTITUTIONAL CONTROL IN BELARUS

Г. А. Василевич
Белорусский государственный университет,
заведующий кафедрой конституционного права,
доктор юридических наук, профессор

Аннотация. *Анализируются конституционно-правовые нормы, касающиеся субъектов судебного конституционного контроля. Обращается внимание, что в предшествующий период среди основных проблем был вопрос о круге субъектов, имеющих право на обращение в Конституционный Суд. Обосновывается вывод, что при решении данного вопроса следует руководствоваться нормами, содержащимися в ст. 116, 116[1], 112, 122 Конституции Республики Беларусь, а также Кодексом о судоустройстве и статусе судей.*
Ключевые слова: *судебный конституционный контроль, субъекты обращения в Конституционный Суд.*

Annotation. *The constitutional and legal norms concerning subjects of judicial constitutional control are analyzed. It is noted that in the previous period, among the main problems was the issue of the range of subjects entitled to appeal to the Constitutional Court. The conclusion is substantiated that when solving this issue, one should be guided by the norms contained in art. 116, 116[1], 112, 122 The Constitution of the Republic of Belarus, as well as the Code on the Judicial System and the Status of Judges.*

Keywords: *judicial constitutional control, subjects of appeals to the Constitutional Court.*

Проблемы современного государственного строительства в последние два-три десятилетия были предметом научного исследования ряда ученых; его результаты внедрялись в законодательство и практику.

Конституционное правосудие является одним из важнейших элементов укрепления и поддержания конституционной законности в обществе и государстве. Изначально, с момента принятия в 1994 г. Конституции Республики Беларусь [1] и создания Конституционного Суда, основной акцент был сделан на обеспечении конституционности всех нормативных правовых актов, проверке их соответствия Основному Закону. Был определен круг субъектов, которые наделены правом обращения в Конституционный Суд. Правом возбуждения производства по делу о конституционности актов с 30 марта 1994 г. по 27 ноября 1996 г. обладал также Конституционный Суд. Этим полномочием он неоднократно пользовался. К сожалению, создавалось ощущение предвзятости Конституционного Суда, когда он реализовывал данное полномочие.

Начиная с 1997 г. были установлены конструктивные взаимоотношения между ветвями власти, была усилена арбитражная функция Главы государства. В таких условиях Конституционный Суд, проявляя разумную активность, сосредоточился на объективном и беспристрастном рассмотрении поступавших к нему предложений от Парламента, на рассмотрении обращений граждан, акцентировавших внимание на проблемах и недостатках в сфере нормотворчества и правоприменения. Ежегодно в Конституционный Суд поступало около двух-трех тысяч обращений граждан, субъектов хозяйственной деятельности. Однако абсолютное большинство обращений касалось правоприменительных актов и они явно не подлежали рассмотрению в Конституционном Суде. Конституционный Суд в тот период выносил решения, то есть акты, имевшие тогда рекомендательный характер. Однако за счет убедительной аргументации и ответственного отношения должностных лиц принятые Судом решения исполнялись.

Среди основных проблемных были вопросы о возможности, помимо Конституции, на законодательном уровне расширять круг субъектов обращения в Конституционный Суд, о предмете его ведения, об особенностях реализации его актов, взаимодействии Конституционного Суда с иными органами государственной власти и др.

Считаем доказанным нами факт формирования с 30 марта 1994 г. смешанной модели судебного конституционного контроля. Этот теоретический тезис предполагает соответствующее функционирование и взаимодействие субъектов судебной власти (его в предшествующий период не доставало) в целях обеспечения конституционной законности. Этот вывод оставался в литературе вне поля зрения длительное время по той причине, на наш взгляд, что суды общей юрисдикции не обращались в Конституционный Суд с запросами, не было какой-либо публичной информации о вынесении судами своих постановлений непосредственно на основе конституционных принципов и норм.

Основываясь на ст. 7, 40, 60, части 1 ст. 116, части 4 ст. 122, ст. 137 Основного Закона, Конституционный Суд рассматривал возникавшие юридические конфликты (споры) по инициативе граждан. В некоторые годы принималось около десяти таких решений. Важно, что благодаря этому в правовой системе утверждались принципы презумпции невиновности, непридания акту, усиливающему или устанавливающему юридическую ответственность, обратной силы, транспарентности нормативных правовых актов (обязательное их доведение до сведения граждан посредством официального опубликования), защиты прав добросовестного приобретателя имущества; обеспечивалось право на судебную защиту и безотлагательную юридическую помощь, свободу передвижения и выбор места жительства, включая право граждан на приобретение

жилья независимо от места жительства, на прием на работу независимо от места прописки (в настоящее время — регистрации), на замену воинской службы альтернативной по религиозным убеждениям, на развитие социального партнерства в рамках действующего законодательства, работу по распределению молодых специалистов на основании такого вида актов, как закон, ответственность за проявление неуважения к одному из государственных языков, о недопустимости одному и тому же судье формулировать обвинение и рассматривать такое дело, о необходимости соблюдать компетенцию при делегировании права устанавливать местные налоги и сборы и др. [2; 3].

В настоящее время после реализации актов Конституционного Суда, совершенствования текущего законодательства многое из утвердившегося на практике кажется само собой разумеющимся, однако если на это посмотреть в исторической динамике, то вклад Конституционного Суда в период с 1997 г. по 2008 г. является однозначно позитивным. Например, помимо перечисленного, сохраняют фундаментальный характер акты Конституционного Суда, принятые в указанный период по вопросам уголовной ответственности (в частности, о необходимости пересмотра уголовных дел в отношении лиц, отбывающих наказание, при изменении санкций в сторону их смягчения), о совершенствовании уголовно-процессуальных, административно-деликтных правоотношений и др.

Качественный скачок в расширении полномочий Конституционного Суда сделан благодаря предложенным Главой государства изменениям Конституции на референдум 2022 г. В Конституции (ст. 116, 116^1) зафиксированы в том числе положения, по поводу которых в 1996 г. автору пришлось вступать в острый конфликт с составом тогдашнего Конституционного Суда, превышавшего свою компетенцию.

В теории существуют различные оценки правовых позиций Конституционного Суда. Прежде всего это связано с тем, что они могут содержаться, в частности, в мотивировочной и резолютивной частях заключения или решения Суда. Следует иметь в виду, что, согласно ст. 3 Гражданского кодекса Республики Беларусь, акты Конституционного Суда являются нормативными правовыми актами [4]. Тогда позиции Конституционного Суда, независимо от того, где они изложены, следует считать обязательными для граждан и организаций. Однако, на наш взгляд, лишь те из них, которые изложены в резолютивной части, имеют императивный характер.

Полагаем, что в качестве источника права как руководства к реализации выступает резолютивная часть заключения, решения: именно в ней содержится правовая позиция, которая обязательна для исполнения. Мотивировочную часть следует, на наш взгляд, рассматривать как источник «мягкого» права;

содержащиеся в этой части акта Конституционного Суда «правовые позиции» играют вспомогательную роль в правильном восприятии резолютивной части.

Правовые позиции Конституционного Суда являются импульсом для развития юридической доктрины, могут определять вектор ее развития [5]. В связи с этим было бы полезным их опубликование в отдельном издании в систематизированном виде. В прежний период автором данной публикации и коллегами это делалось. Однако это было осуществлено в виде книг [3; 6], предпочтительнее все же систематизация правовых позиций по предмету, принципам, которые Конституционный Суд актуализировал либо выявил в ходе своего анализа.

Следует иметь в виду, что статьи Основного Закона необходимо воспринимать во взаимосвязи. Например, основываясь на ст. 116 и ст. 122 Конституции, Конституционный Суд с 1997 по 2008 г. активно развивал институт конституционной жалобы в отношении актов органов местного управления и самоуправления.

В настоящее время в ст. 116^1 Конституции Республики Беларусь предусмотрено полномочие Конституционного Суда давать заключение о конституционности вопросов, выносимых на республиканский референдум. На наш взгляд, можно было бы отнести к предмету рассмотрения Конституционного Суда также вопросы, выносимые на местные референдумы. Возможность проведения таких референдумов предусмотрена Конституцией и Избирательным кодексом Республики Беларусь [7], тем более что предметом рассмотрения в Конституционном Суде могут быть акты органов местного управления и самоуправления.

Логика, анализ статей Конституции Республики Беларусь, Закона «О прокуратуре Республики Беларусь» [8], которые должны рассматриваться, как подчеркнуто, во взаимосвязи, позволяют сделать вывод о праве, если не всех прокуроров, то по крайней мере Генерального прокурора, на обращение в Конституционный Суд. Это касается тех случаев, когда у него, как и у Суда, согласно ст. 112 Конституции Республики Беларусь, возникли сомнения в конституционности акта, в отношении которого намечено принесение протеста либо принесенный протест в отношении нормативного правового акта был отклонен.

Имеется некоторая конкуренция между проверкой конституционности выборов в Конституционном Суде и рассмотрением вопроса о легитимности выборов Всебелорусским народным собранием. У субъектов, наделенных правом такого обращения, есть выбор, куда обращаться. Вместе с тем предпочтительнее с целью исключения конфликта между выводами о конституционности или легитимности выборов сохранить право обращения в Конституционный

Суд или к Всебелорусскому народному собранию за Президиумом Всебелорусского народного собрания.

Основные акты — решения и заключения. В настоящее время нет различия между ними по юридической силе. Сохранение дифференциации названий актов обусловлено апробированной практикой, вытекающей из норм Конституции Республики Беларусь.

Таким образом, деятельность Конституционного Суда в рамках его новых полномочий предполагает укрепление конституционной законности.

Начиная с 1997 г. были установлены конструктивные взаимоотношения между Конституционным Судом и иными ветвями власти. В данный период была усилена арбитражная функция Главы государства. В таких условиях Конституционный Суд, проявляя разумную активность, сосредоточился на объективном и беспристрастном рассмотрении поступавших к нему предложений от Парламента, на рассмотрении обращений граждан, акцентировавших внимание на проблемах и недостатках в сфере нормотворчества и правоприменения.

Качественный скачок в расширении полномочий Конституционного Суда сделан благодаря предложенным Главой государства изменениям Конституции Республики Беларусь на референдум 2022 г.

Считаем, что практика работы Конституционного Суда может быть более рациональной, когда Суд будет меньше повторять уже звучавшие в актах Конституционного Суда аргументы, подкрепляя свою позицию с опорой на вынесенные ранее решения.

---

1. Конституция Республики Беларусь 1994 года [Электронный ресурс] : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г., 17 окт. 2004 г. и 27 февр. 2022 г. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». Вернуться к статье

2. Василевич Г. А., Кеник К. И., Подгруша В. В. Решения Конституционного Суда Республики Беларусь как фактор совершенствования национального законодательства / Конституц. Суд Респ. Беларусь. Минск : Право и экономика, 2007. 74 с. Вернуться к статье

3. Василевич Г. А. Конституционное правосудие на защите прав и свобод человека. Минск : Права и экономика, 2003. 256 с. Вернуться к статье

4. Гражданский кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 7 дек. 1998 г. № 218-З : принят Палатой представителей 28 окт. 1998 г. : одобр. Советом Респ. 19 нояб. 1998 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 16 марта 2026 г. № 134-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». Вернуться к статье

5. Бондарь Н. С. Аксиология судебного конституционализма: конституционные ценности в теории и практике конституционного правосудия. Сер. Библиотечка судебного конституционализма. Вып. 2. 2-е изд., доп. М. : Юрист, 2014. 184 с. Вернуться к статье

6. Конституционное правосудие : учеб. пособие / Г. А. Василевич [и др.] ; под ред. Г. А. Василевича. Минск : Выш. шк., 2019. 367 с. Вернуться к статье

7. Избирательный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 11 февр. 2000 г. № 370-З : принят Палатой представителей 24 янв. 2000 г. : одобр. Советом Респ. 31 янв. 2000 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 16 февр. 2023 г. № 252-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». Вернуться к статье

8. О прокуратуре Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь от 8 мая 2007 г. № 220-З : в ред. от 16 марта 2026 г. № 134-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». Вернуться к статье

УДК 343.9

КУЛЬТУРА ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КИБЕРПРЕСТУПНОСТИ — ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ И КУЛЬТУРАЛЬНАЯ КРИМИНОЛОГИЯ

CYBERCRIME COUNTERACTION CULTURE — DIGITAL TRANSFORMATION AND CULTURAL CRIMINOLOGY

Т. И. Вишневская
Могилевский институт МВД Республики Беларусь,
доцент кафедры общеюридических и уголовно-правовых дисциплин
факультета повышения квалификации и переподготовки кадров,
кандидат юридических наук, доцент

Аннотация. *В статье рассматриваются особенности современной киберпреступности. Автор приводит примеры инновационных киберпреступлений, совершающихся в условиях цифровой трансформации, предлагает перспективные направления по противодействию киберпреступности, обращает внимание на важность развития культуры противодействия киберпреступности.*

Ключевые слова: *культура, цифровизация, киберпреступность, противодействие.*

Annotation. *This article examines the characteristics of modern cybercrime. The author cites examples of innovative cybercrimes occurring amidst digital transformation, proposes promising avenues for combating cybercrime, and highlights the importance of fostering a culture of countering cybercrime.*

Keywords: *culture, digitalization, cybercrime, counteraction.*

Цифровая трансформация окружающего мира, обеспечиваемая внедрением цифровых технологий во все аспекты человеческой жизни, качественно изменяет социальную реальность. Закономерно, что усиливающаяся цифровизация неизбежно порождает как положительные, так и отрицательные последствия — киберпреступность. Приоритетной задачей каждого современного государства является формирование культуры противодействия киберпреступности в условиях расширяющейся технологизации, информатизации, кибернетизации и интернетизации.

Киберпреступность постоянно трансформируется, принимает различные противоправные формы: криминальная активность в интернет-торговле; мошенничество с использованием информационно-коммуникационных технологий; киберворовство как хищение программных продуктов, конфиденциальной информации; киберсталкерство и кибербуллинг, обращенные на преследование, запугивание через цифровые ресурсы; кибертерроризм; кибер-секс-бизнес (виртуальная порнография); цифровая наркопреступность и др. С появлением

новых технологических возможностей киберпреступность становится сложнее и разнообразнее.

В настоящее время в Республике Беларусь уже фиксируются случаи преступлений, совершенных с помощью виртуальных персон (аватаров) в виртуальной реальности компьютерных игр. Примером хищения виртуальных предметов может быть преступление, совершенное белорусским несовершеннолетним геймером, который похитил виртуальный танк в игре World of Tanks и продал его за 30 тыс. белорусских рублей [1]. Подобное преступление совершил и участник игры Counter-Strike, который похитил виртуальный нож [2]. Кроме того, в стране зарегистрированы преступления, основанные на технологии deepfake, когда мошенники с помощью нейросетей генерируют голоса, видеообличия цифровых двойников (родственника, руководителя, представителя бизнеса и др.) и рассылают видеоаудиообращения с целью получения денежных средств [3].

Заметим, что в некоторых зарубежных странах уже есть факты совершения виртуальных изнасилований и цифровых убийств. В Великобритании цифровой персонаж 16-летней девочки-подростка подвергся «групповому изнасилованию» виртуальными героями других игроков в компьютерной игре, и, хотя физического нападения не было, правоохранительные органы посчитали, что она получила такие же психологические травмы, как и жертва реального преступления [4]. Примером цифрового убийства может быть случай в Соединенных Штатах Америки, когда хакеры взломали сервер больницы и изменили алгоритм программы кардиостимулятора, что привело к смерти пациента [5]. Кроме того, вызывает беспокойство появление киберфизических преступных систем (роботов, дронов и прочее), специально созданных в преступных целях, которые могут действовать как под управлением оператора, так и автономно [6, с. 29]. Уместно привести прецедент с «умным роботом», который запрограммирован на действия без связи с оператором. Так, в Ливии боевой робот осуществил выслеживание и уничтожение человека «по собственной инициативе и без участия оператора» [7].

В Республике Беларусь на протяжении последних лет наблюдается снижение преступности в целом [8, с. 135] и киберпреступности в частности [9]. Необходимо обратить внимание на то, что к преступлениям, подлежащим учету подразделениями Министерства внутренних дел Республики Беларусь, осуществляющими противодействие киберпреступности, относятся: хищения путем модификации компьютерной техники (ст. 212 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее — УК)); незаконный оборот платежных инструментов, средств платежа и их реквизитов (ст. 222 УК); преступления против информационной безопасности (ст. 349–355 УК); вымогательство (ст. 208 УК);

мошенничество (ст. 209 УК); заведомо ложные сообщения об опасности (ст. 340 УК), если их совершение сопряжено с использованием информационно-коммуникационных технологий; причинение имущественного ущерба без признаков хищения (ст. 216 УК), если ущерб в результате преступления причинен путем модификации компьютерной информации; принуждение (ст. 185 УК); угроза убийством, причинением тяжких телесных повреждений или уничтожением имущества (ст. 186 УК); насилие либо угроза применения насилия в отношении сотрудника органов внутренних дел (ст. 364 УК); насилие либо уроза в отношении должностного лица, выполняющего служебные обязанности, или иного лица, выполняющего общественный долг (ст. 366 УК); угроза в отношении судьи или народного заседателя (ст. 389 УК), если ее совершение сопряжено с совершением преступлений, предусмотренных главой 31 УК, или с использованием вредоносных программ, несанкционированным доступом к компьютерной информации, модификацией компьютерной информации, приведением компьютерной информации в непригодное для использования состояние, использованием поддельных интернет-ресурсов и ссылок на них, блокированием компьютерной информации, использованием неправомерно полученных платежных реквизитов и (или) реквизитов доступа, использованием устройств для считывания данных банковской платежной карты, использованием программного или аппаратного средства [10; 11].

Анализ структуры зарегистрированных киберпреступлений в 2025 г. в Беларуси показывает, что абсолютное большинство всех киберпреступлений составляют мошенничества, совершаемые с использованием информационно-коммуникационных технологий (55 %), и хищения имущества путем модификации компьютерной информации (36 %) [12]. Более чем 96 % всех киберпреступлений связаны с противоправным завладением денежными средствами или информацией для последующего получения кредитов [9], они осуществляются посредством звонков от имени банковских работников, правоохранительных органов, сотовых операторов, коммунальных служб и т. д. Среди наиболее распространенных мошеннических киберсхем можно выделить подложные продажи товаров, оказание поддельных услуг (декларирование средств, внесение денежных средств на безопасный счет, вклады в криптовалюту и др.).

Уменьшение числа рассматриваемых преступлений связано в первую очередь с эффективной работой правоохранительных органов Республики Беларусь в сфере противодействия киберпреступности. Вместе с тем интенсивные технологические изменения в обозримом будущем требуют дальнейшего непрерывного совершенствования мер национальной и международной кибербезопасности.

Эволюционные изменения порождают необходимость развития культуры противодействия киберпреступности. Культура противодействия преступности представляет способ (тип) правоохранительной деятельности, присущий государству, сложившийся в конкретных социально-исторических условиях [13, с. 119]. Как отмечает С. Я. Лебедев, «по своему содержанию культура противодействия преступности отражает свойственную правоохранительной системе государства стратегию антикриминальной деятельности» [14, с. 16]. В практике антикриминальной деятельности существует два взаимосвязанных и взаимообусловленных типа противодействия преступности, определяющих содержание культуры противодействия преступности. Первый из них образует традиционную форму правоохранительной деятельности, содержанием которой выступает уголовная репрессия. Второй формат составляет предупреждение преступности [13, с. 119–120]. В контексте совершенствования культуры противодействия киберпреступности видим перспективу в развитии цифрового законодательства. Нам представляется интересным опыт принятия Цифрового кодекса Кыргызской Республики, который устанавливает правовые основы создания, использования и функционирования информационных технологий, государственных информационных систем, электронного управления, защиты персональных и биометрических данных, использования искусственного интеллекта [15]. Актуальным направлением считаем развитие цифрового уголовного права, а также принятие Кодекса кибербезопасности [6]. В векторе предупреждения киберпреступности видим необходимость цифровой модернизации, а именно создания и внедрения инновационных достижений современных нано-, био-, информационных, когнитивных и социальных технологий (НБИКС-технологий) в предупредительной деятельности [16, с. 63]. Чрезвычайно важным является снижение рисков цифровой виктимности населения через повышение цифровой грамотности, понимание возможностей современных цифровых угроз, развитие массовой и индивидуальной культуры цифровой безопасности, цифрового этикета.

В условиях масштабных информационно-технологических преобразований мир находится на пороге формирования новой системы противодействия киберпреступности. Культуральная криминология рассматривается как одно из последних достижений криминологической теории, как исходное начало для выработки эффективных мер предупреждения преступности.

---

1. Белорусская милиция две недели искала угонщика виртуального танка [Электронный ресурс] // Татар-информ : [сайт]. URL: https://www.tatar-inform.ru/news/belorusskaya-militsiya-dve-nedeli-iskala-ugonschika-virtualnogo-tanka-359067 (дата обращения: 02.02.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье

2. Кражей виртуального ножа в игре Counter-Strike занялся СК Беларуси. Что произошло [Электронный ресурс] // БрестСити : [сайт]. URL: https://brestcity.com/blog/krazha-virtualnogo-nozha (дата обращения: 02.02.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье

3. Ловушки цифровой эпохи: как мошенники воссоздают голос и внешность ваших знакомых [Электронный ресурс] // Следств. ком. Респ. Беларусь : [сайт]. URL: https://sk.gov.by/ru/news-ru/view/lovushki-tsifrovoj-epoxi-kak-moshenniki-vossozdajut-golos-i-vneshnost-vashix-znakomyx-15467/ (дата обращения: 02.02.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье

4. Полиция Британии расследует первое изнасилование в виртуальной реальности [Электронный ресурс] // Редакция «Российской газеты» : [сайт]. URL: https://rg.ru/amp/2024/01/03/policiia-britanii-rassleduet-pervoe-iznasilovanie-v-virtualnoj-realnosti.html (дата обращения: 02.02.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье

5. Борисов Т. Управление «К»: Интернет начал убивать [Электронный ресурс] // Редакция «Российской газеты» : [сайт]. URL: https://rg.ru/2005/02/08/e-prestupnost.html?utm_referrer=https%3A%2F%2Fwww.google.com%2F (дата обращения: 02.02.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье

6. Лебедев С. Я., Джафарли В. Ф. Цифровое уголовное право : моногр. М. : Проспект. 309 с. Вернуться к статье

7. Отчет ООН: Впервые в истории боевой робот выследил и ликвидировал бойца без команды оператора [Электронный ресурс] // Военное обозрение : [сайт]. URL: https://topwar.ru/183548-otchet-oon-vpervye-v-istorii-boevoj-robot-vysledil-i-likvidiroval-bojca-bez-komandy-operatora.html (дата обращения: 02.02.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье

8. Статистический ежегодник Республики Беларусь / Нац. стат. ком. Респ. Беларусь ; редкол.: И. В. Медведева (пред.) [и др.]. Минск : Нац. стат. ком. Респ. Беларусь, 2025. 305 с. Вернуться к статье

9. МВД: количество киберпреступлений в Беларуси снизилось почти на 6 % в 2025 году [Электронный ресурс] // БЕЛТА : [сайт]. URL: https://belta.by/society/view/mvd-kolichestvo-kiberprestuplenij-v-belarusi-snizilos-pochti-na-6-v-2025-godu-762446-2026/ (дата обращения: 02.02.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье

10. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г. № 275-З : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. в ред. от 20 окт. 2025 г. № 101-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». Вернуться к статье

11. О преступлениях, подлежащих учету по направлениям деятельности органов внутренних дел [Электронный ресурс] : приказ М-ва внутр. дел Респ. Беларусь от 31 марта 2021 г. № 92 : в ред. от 6 февр. 2025 г. № 33. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». Вернуться к статье

12. Киберпреступность — 2025: что происходит на самом деле [Электронный ресурс] // Следств. ком. Респ. Беларусь : [сайт]. URL: https://sk.gov.by/ru/news-ru/view/kiberprestupnost-2025-chto-proisxodit-na-samom-dele-15685/ (дата обращения: 02.02.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье

13. Симоненко А. В., Грибанов Е. В. Культура противодействия преступности в деятельности органов внутренних дел // Вестн. Моск. ун-та МВД России. 2015. № 4. С. 119–124. Вернуться к статье

14. Лебедев С. Я. Стратегия предупреждения преступности органами внутренних дел // Криминол. журн. 2005. № 2 (8). С. 16–20. Вернуться к статье

15. Цифровой кодекс Кыргызской Республики [Электронный ресурс] : 31 июля 2025 г. № 178 // Законодательство стран СНГ : [сайт]. URL: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=168581 (дата обращения: 02.02.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье

16. Стальбовский В. В., Вишневская Т. И. НБИКС-технологии в противодействии преступности эпохи метамодерна // Юстиция Беларуси. 2026. № 2. С. 63–72. Вернуться к статье

УДК 343.3

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ПРАВОВОЙ ОЦЕНКИ СУЩЕСТВЕННОГО ВРЕДА КАК ПРИЗНАКА КОРРУПЦИОННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

ISSUES REGARDING THE LEGAL ASSESSMENT OF SUBSTANTIAL HARM AS AN ELEMENT OF CORRUPTION-RELATED CRIMES

О. Ф. Воспякова
Могилевский институт МВД Республики Беларусь,
старший преподаватель
кафедры общеюридических и уголовно-правовых дисциплин
факультета повышения квалификации и переподготовки кадров

Аннотация. *Статья посвящена отдельным проблемам судебно-следственной практики в установлении существенного вреда как признака коррупционных преступлений.*
Ключевые слова: *существенный вред, конституционные права и интересы граждан, подрыв авторитета власти.*

Annotation. *The article is devoted to certain problems of judicial and investigative practice in establishing significant harm as a sign of corruption crimes.*
Keywords: *significant harm, constitutional rights and interests of citizens, undermining the authority of the authorities.*

Существенный вред выступает в качестве признака объективной стороны ряда коррупционных преступлений, предусмотренных Уголовным кодексом Республики Беларусь (далее — УК), в частности злоупотребления служебными полномочиями (ст. 424 УК), бездействия должностного лица (ст. 425 УК), превышения власти или служебных полномочий (ст. 426 УК) [1]. Законодатель не конкретизирует понятие «существенный вред», поэтому по своей сути оно является оценочным и зависит от конкретных обстоятельств дела, а также от субъективной оценки правоприменителя. Из этого следует, что отсутствие четких критериев нормативной регламентации последствий, которые можно было расценивать как существенный вред, порождает проблемы в квалификации преступных деяний, разграничении преступлений и должностных проступков.

Пленум Верховного Суда Республики Беларусь в п. 20 постановления от 16 декабря 2004 г. № 12 «О судебной практике по делам о преступлениях против интересов службы (статьи 424–428 Уголовного кодекса Республики Беларусь)» (далее — постановление) в качестве существенного вреда предусматривает такие его виды, как нарушение прав граждан, причинение вреда государственным или общественным интересам. Если говорить о причинении существенного вреда гражданам, то в контексте постановления таковым может

быть признан физический, моральный вред, а также нарушение конституционных прав и свобод граждан. В качестве существенного вреда государственным либо общественным интересам в постановлении указывается подрыв авторитета органов власти, государственных, общественных и других организаций, нарушение общественного порядка [2].

Разъяснения, даваемые Верховным Судом Республики Беларусь, носят общий характер, что не способствует единообразному пониманию закона и создает проблемы в правоприменительной деятельности. Только в одном случае в примечании к главе 35 УК законодатель указывает, что совершение должностным лицом с использованием своих служебных полномочий какого-либо преступления, не относящегося к числу должностных (например, хищения), следует оценивать как совокупность преступлений (хищения и должностного преступления). При этом совершение такого деяния расценивается как существенный вред при квалификации должностного преступления [1]. В остальных случаях решение вопроса о наличии или отсутствии существенного вреда возлагается на правоприменителей.

Остановимся на отдельных проблемных вопросах, с которыми сталкивается практика при определении существенности вреда в коррупционных преступлениях. Как уже отмечалось, в постановлении в качестве существенного вреда указано нарушение конституционных прав и свобод граждан. С формальной точки зрения любой причиненный гражданину вред (имущественный, физический, моральный) можно расценивать как существенный, так как нарушаются его права и интересы, гарантированные Конституцией [3]. Но если объективно интересы лица не пострадали, не наступили неблагоприятные последствия, то вред может и не признаваться существенным. Так, вышестоящей судебной инстанцией был изменен приговор Минского областного суда в отношении Г., обвиняемого по ч. 3 ст. 424 УК, которому вменялось незаконное выделение земельного участка сыну, что было расценено как причинение существенного вреда потерпевшим С. и Л., которые не смогли реализовать свое право на получение участка. Вместе с тем из материалов дела следует, что эти лица через короткий промежуток времени получили в пользование земельные участки. На этом основании признак «причинение существенного вреда правам и законным интересам граждан» был исключен из обвинительного приговора [4, с. 81].

На практике имели место случаи привлечения должностных лиц к уголовной ответственности за использование в рабочее время своих подчиненных в личных целях для ремонта, строительства, уборки урожая, что квалифицировалось как злоупотребление служебными полномочиями. В табелях учета рабочего времени указывалось, что они находились на рабочих местах, и им

соответственно начислялась заработная плата. Существенность вреда обосновывалась нарушением конституционного права на труд (в частности, права на выбор вида деятельности в соответствии с профессией, образованием). С подобной правовой оценкой можно было бы согласиться в случаях неоднократного выполнения работ или их длительности (например, при строительстве дома). Представляется, что подобные единичные факты следует рассматривать как дисциплинарный проступок.

Как причинение существенного вреда законным правам и интересам граждан судебно-следственная практика рассматривает составление должностными лицами фиктивных протоколов о якобы совершенных гражданами административных правонарушениях. Мотивом таких деяний, как правило, выступает желание приукрасить действительное положение дел, продемонстрировать якобы имеющуюся эффективность своей деятельности. Имеют место случаи, когда должностные лица даже выплачивали штрафы за мнимых правонарушителей. Предполагается, что подобные действия создают возможность неблагоприятных последствий, в то время как для признания вреда существенным необходимо фактическое наступление конкретных негативных последствий. Так, по одному из уголовных дел было установлено, что сведения о якобы совершенном правонарушении попали в соответствующую специализированную базу данных, что явилось препятствием для трудоустройства гражданина, внесенного в эту базу. Поэтому, на наш взгляд, в случае, если права и интересы гражданина объективно не пострадали, уместнее говорить о причинении вреда государственным интересам, так как подобные действия должностных лиц дискредитируют государственную власть.

В своем постановлении Верховный Суд Республики Беларусь указывает, что существенный вред может выражаться в подрыве авторитета государственных, общественных и иных органов и организаций. Нередко в процессуальных документах при описании существенного вреда просто указывается, что неправомерные действия должностного лица привели к подрыву авторитета власти. Но подрыв авторитета должен подтверждаться реальными показателями. Кроме того, подрыв авторитета конкретного должностного лица не всегда означает подрыв авторитета того органа (организации), где он проходит службу. Немаловажное значение имеет и то обстоятельство, как совершенные деяния воспринимаются гражданами и обществом. Если в каком-либо ведомстве систематически совершаются коррупционные правонарушения и виновные лица остаются безнаказанными, очевидно, что это порождает недоверие к этому ведомству в целом, а не к конкретному должностному лицу. Вместе с тем единичное совершение преступного деяния одним из должностных лиц еще не свидетельствует о подрыве авторитета этого ведомства в целом.

Резюмируя изложенное, приходится констатировать, что закрепить на законодательном уровне все критерии, позволяющие делать вывод о наличии или отсутствии существенного вреда, невозможно с учетом многообразия ситуаций, с которыми может столкнуться судебно-следственная практика при расследовании преступлений, предусмотренных главой 35 УК. Поэтому продолжение дискуссий о содержании этого признака объективной стороны как в теории, так и на практике неизбежно. Безусловно, в основу должны быть положены разъяснения Пленума Верховного Суда. Но, кроме указанных в нем критериев, представляется, что при разграничении должностных преступлений и дисциплинарных проступков по степени «существенности» вреда следует принимать во внимание дополнительные факторы. Это может быть неоднократность действий должностного лица, серьезность причинения вреда правам и интересам граждан, государственным, общественным интересам (о чем свидетельствуют вышеприведенные примеры). Уместно говорить и об учете мнения потерпевшего. Так, примером может служить оправдание сотрудника милиции И., обвиняемого в злоупотреблении служебными полномочиями. И. незаконно получил у оператора сотовой связи сведения о телефонных соединениях своей бывшей жены. В оправдательном приговоре суда было указано, что из показаний потерпевшей следовало, что ее правам и интересам не было причинено существенного вреда [5, с. 82].

Существенный вред как оценочный признак в каждом конкретном случае имеет свое содержание. Поэтому, обосновывая его наличие, необходимо указывать, в чем определенно он выразился, кому именно этот вред причинен и чем обосновывается его существенность.

---

1. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г. № 275-З : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 20 окт. 2025 г. № 101-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». Вернуться к статье

2. О судебной практике по делам о преступлениях против интересов службы (статьи 424–428 Уголовного кодекса Республики Беларусь) : постановление Пленума Верхов. Суда Респ. Беларусь от 16 дек. 2004 г. № 12 : в ред. от 30 сент. 2021 г. № 7. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». Вернуться к статье

3. Конституция Республики Беларусь 1994 года [Электронный ресурс] : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г., 17 окт. 2004 г. и 27 февр. 2022 г. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». Вернуться к статье

4. Конюк А. В., Лосев В. В. Прокурорско-следственная практика по уголовным делам о коррупционных и других преступлениях против интересов службы : практ. пособие / Акад. упр. при Президенте Респ. Беларусь. Минск : Акад. упр. при Президенте Респ. Беларусь, 2018. 336 с. Вернуться к статье

5. Хилюта В. В. Преступления против интересов службы: научно-практический комментарий главы 35 Уголовного кодекса Республики Беларусь. Минск : Амалфея, 2024. 432 с. Вернуться к статье

УДК 342.9

ОСОБЕННОСТИ АДМИНИСТРАТИВНОГО ЗАДЕРЖАНИЯ ФИЗИЧЕСКОГО ЛИЦА НА СРОК СВЫШЕ ТРЕХ ЧАСОВ, НО НЕ БОЛЕЕ ЧЕМ НА СЕМЬДЕСЯТ ДВА ЧАСА

SPECIFICS OF THE ADMINISTRATIVE DETENTION OF AN INDIVIDUAL FOR A PERIOD EXCEEDING THREE HOURS BUT NOT EXCEEDING SEVENTY-TWO HOURS

А. Н. Данилин
Могилевский институт МВД Республики Беларусь,
преподаватель кафедры административной деятельности
факультета милиции

В. А. Шурина
Могилевский институт МВД Республики Беларусь,
курсант факультета милиции

Аннотация. *В статье рассматриваются особенности административного задержания физического лица на срок свыше трех часов, но не более чем на семьдесят два часа, в частности основания и субъекты задержания, категории физических лиц, к которым задержание не применяется, и т. д.*

Ключевые слова: *административное задержание, ограничение свободы, доставление, административный процесс.*

Annotation. *The article analyzes the specifics of administrative detention of individuals for periods exceeding three hours but not exceeding seventy-two hours, in this case the grounds for and the detention of individuals, the categories of individuals to whom detention is not applicable, etc.*

Keywords: *administrative detention, restriction of liberty, delivery, administrative process.*

В настоящее время в процессуально-исполнительном законодательстве Республики Беларусь предусмотрено одиннадцать мер обеспечения административного процесса, среди которых можно выделить такую меру, как административное задержание физического лица. Следует сразу отметить, что административное задержание — одна из важнейших мер принудительного воздействия, которая существует для надлежащей реализации норм административно-деликтного права. Для административного задержания характерен ряд присущих только ему признаков: 1) осуществляется специально уполномоченными должностными лицами; 2) затрагивает законные интересы задержанного в части временного физического задержания; 3) применяется, как правило, в связи с административным правонарушением; 4) регулируется специальными актами административно-правового характера; 5) выделяют общие и специальные сроки административного задержания, которые четко регламентированы

в нормах административно-деликтного и процессуально-исполнительного права [1].

При административном задержании в Республике Беларусь руководствуются рядом принципов, закрепленных в законодательстве, а именно в Кодексе Республики Беларусь об административных правонарушениях (далее — КоАП) и других нормативных актах. По нашему мнению, основным принципом, на котором основывается административное задержание, является принцип законности. Это значит, что задержание должно осуществляться строго в соответствии с законом и никакие действия вне правового поля сотрудников ОВД не допускаются. При этом в процессе задержания должны соблюдаться права задержанного, включая право знать причины задержания и право на защиту. На наш взгляд, составляющей принципа законности являются конкретные сроки, которые четко описаны в законодательстве Республики Беларусь.

Определение понятия «административное задержание» содержится в ч. 1 ст. 8.2 Процессуально-исполнительного кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях (далее — ПИКоАП). Административное задержание определяется как фактическое кратковременное ограничение свободы физического лица, в отношении которого ведется административный процесс, за совершение им административного правонарушения, и доставление его в место, определенное органом, ведущим административный процесс [2]. Наиболее часто задержание происходит при непосредственном обнаружении признаков правонарушения для его пресечения (например, обнаружение гражданина в состоянии алкогольного опьянения в общественном месте; задержание лиц, совершающих хулиганские действия; распитие алкогольных напитков в общественном месте и многое другое).

Необходимо отметить, что неотъемлемой частью административного задержания физического лица является соблюдение сроков, установленных законодательными актами. Соблюдение сроков административного задержания в Республике Беларусь важно по многим причинам. Во-первых, закон гарантирует гражданам свободу и защиту от необоснованных или произвольных ограничений. Поэтому соблюдение сроков предотвращает длительное задержание лица без судебного решения, что является нарушением прав человека и конституционных прав граждан. Во-вторых, установленные законодательными актами сроки задержания предотвращают злоупотребление служебными полномочиями. Соблюдение установленных сроков обеспечивает законность и прозрачность административных процедур, что позволяет задержанному вовремя получить информацию о причинах задержания и воспользоваться правами на защиту [1].

Статья 8.4 ПИКоАП посвящена как общим, так и особым срокам административного задержания. Так, общий срок административного задержания составляет не более трех часов и он исчисляется с момента фактического задержания. Можно сказать, что момент фактического задержания — это момент, когда сотрудник правоохранительных органов фактически ограничивает свободу гражданина и задерживает его, то есть прекращает его свободные движения и занимается применением мер по контролю или изоляции. Можно сделать выводы о том, что кратковременное (до трех часов) ограничение свободы лица осуществляется с целью задокументировать причастность задержанного лица к совершенному правонарушению и составить протокол об административном правонарушении, если сделать это на месте выявления (совершения) административного правонарушения не представляется возможным.

Но даже в процессуально-исполнительном законодательстве есть исключение. Так, в ст. 8.4 ПИКоАП закрепляется возможность задержания лица в определенных случаях на срок свыше трех часов: свыше трех, но не более чем на семьдесят два часа в случаях, оговоренных в ч. 2 этой статьи. ПИКоАП устанавливает пять случаев, когда физическое лицо может быть задержано до семидесяти двух часов.

В первую очередь сюда следует отнести случаи, когда физические лица совершают административные правонарушения, за которые в качестве административного взыскания предусмотрены административный арест или депортация. Например, лицо, совершившее мелкое хулиганство (ст. 19.1 КоАП), может быть задержано до семидесяти двух часов, т. к. в санкции данной статьи предусмотрен административный арест. Однако следует отметить, что ответственность в виде административного ареста или депортации — это всего лишь условие административного задержания на срок свыше трех часов и в случае отсутствия обоснованности и мотивированности данного решения к лицу задержание не может быть применено [3].

В случаях, если возникает необходимость обеспечения исполнения административного взыскания в виде депортации, с санкции прокурора может быть осуществлено задержание лица на срок, необходимый для исполнения постановления о депортации, а в виде административного ареста, назначенного на срок не свыше десяти суток, срок административного задержания не должен превышать срока назначенного административного ареста.

Вторым случаем, когда лицо может быть задержано до семидесяти двух часов, является момент нахождения физического лица в состоянии алкогольного опьянения либо состоянии, вызванном потреблением наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов, а также токсических или других одурманивающих веществ. При этом конкретное физическое лицо своим поведением и

действиями должно оскорблять человеческое достоинство и общественную нравственность. Только в такой ситуации лицо может быть задержано на указанный срок до момента его вытрезвления.

Еще одним случаем выделяют совершение административного правонарушения военнослужащим срочной военной службы. Такое лицо также может быть задержано свыше трех часов до момента передачи его военному патрулю, военному коменданту, командиру (начальнику) военной части и т. д. [2].

Физическое лицо, которое имеет признаки выраженного психического расстройства и своими действиями создает явную опасность как для себя, так и для окружающих, также может быть задержано до семидесяти двух часов. При этом лицо фактически задерживается до момента передачи его в организацию здравоохранения.

Также хотелось бы выделить такой случай, как нарушение правил пребывания в Республике Беларусь. Это значит, что в случае, если лицо нарушило правила пребывания, транзитного проезда или передвижения по территории Республики Беларусь, срок задержания может быть продлен до семидесяти двух часов для установления личности и обстоятельств правонарушения. Также сюда можно отнести случай незаконного пересечения Государственной границы нашей страны [2]. В ситуациях, когда личность задержанного не установлена или вызывает сомнения, требуется проведение дополнительных проверок. Это может включать проверку документов, запросы в соответствующие органы и другие действия, направленные на подтверждение или опровержение представленных данных. Процесс установления личности может занять значительное время, особенно если у задержанного нет документов или они вызывают подозрения.

Прямо в ПИКоАП делается акцент на том, что по истечении вышеуказанных сроков физические лица, задержанные за совершение административного правонарушения, немедленно должны быть освобождены.

Но даже здесь есть исключения. Так, в соответствии с ч. 4 ст. 8.4 ПИКоАП, определенная категория физических лиц не может быть задержана свыше трех часов. К данной категории относят несовершеннолетних (кроме тех, которые совершили административное правонарушение, за которое предусмотрено административное взыскание в виде депортации), а также беременных женщин, инвалидов I и II группы, женщин и одиноких мужчин, имеющих на иждивении несовершеннолетних детей, лиц, имеющих на иждивении инвалидов I группы либо осуществляющих уход за престарелыми, достигшими восьмидесятилетнего возраста, за исключением случаев совершения вышеуказанными лицами административного правонарушения, за которое предусмотрена депортация.

Таким образом, целью особых сроков задержания (в случае задержания на срок свыше трех часов, но не более чем на семьдесят два часа) является обеспечение участия лица, в отношении которого ведется административный процесс, при рассмотрении дела об административном правонарушении. Можно предположить, что особые сроки задержания позволяют предотвратить сокрытие или уничтожение лицом, в отношении которого ведется процесс, доказательств, а также обеспечить исполнение в отношении конкретного лица административного взыскания в виде административного ареста или депортации. Также можно дополнить, что продление срока административного задержания до семидесяти двух часов является исключительной мерой, применяемой только в случаях, когда это действительно необходимо для обеспечения законности и объективности разбирательства по делу об административном правонарушении.

---

1. Крамник А. Н. Административное задержание как важное средство реализации административно-деликтных норм. М. : Юриспруденция, 2007. Вернуться к статье

2. Процессуально-исполнительный кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях [Электронный ресурс] : 6 янв. 2021 г. № 91-З : принят Палатой представителей 18 дек. 2020 г. : одобр. Советом Респ. 18 дек. 2020 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 20 окт. 2025 г. № 101-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». Вернуться к статье

3. Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях [Электронный ресурс] : 6 янв. 2021 г. № 91-З : принят Палатой представителей 18 дек. 2020 г. : одобр. Советом Респ. 18 дек. 2020 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 20 окт. 2025 г. № 101-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». Вернуться к статье

УДК 342.7

ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА ИСПОЛЬЗОВАНИЯ БИОМЕТРИЧЕСКИХ ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ

LEGAL CULTURE OF THE USE OF BIOMETRIC PERSONAL DATA

О. А. Дизер
Белгородский юридический институт
МВД России имени И. Д. Путилина,
заместитель начальника по научной работе,
доктор юридических наук, профессор

А. В. Карпушина
Белгородский юридический институт
МВД России имени И. Д. Путилина,
научный сотрудник отделения организации
научно-исследовательской работы научно-исследовательского отдела

Аннотация. *Правовая культура — это важный общественный институт, который обеспечивает стабильное функционирование государства и его взаимодействие с обществом. В статье авторы рассматривают актуальное направление развития правовой культуры, связанное с регулированием общественных отношений в области биометрических персональных данных.*

Ключевые слова: *правовая культура, биометрические персональные данные, биометрическая идентификация, соблюдение прав и свобод личности, правовая культура сотрудников органов внутренних дел.*

Annotation. *Legal culture is an important social institution that ensures the stable functioning of the state and its interaction with society. In this article, the authors explore the current development of legal culture related to the regulation of public relations in the field of biometric personal data.*

Keywords: *legal culture, biometric personal data, biometric identification, observance of personal rights and freedoms, legal culture of internal affairs officers.*

Вопросы формирования правовой культуры в последние годы приобретают все большую актуальность в обществе. Это связано с тем, что сегодня правовая система представлена колоссальным массивом нормативных правовых актов. Данное обстоятельство обязует граждан постоянно совершенствовать свои знания в области права. Не является исключением и сфера использования биометрических персональных данных.

Биометрия — уникальные сведения о человеке, для которых, как справедливо отмечали М. А. Желудков и А. П. Алексеева, необходима надежная и достоверная система правовых и технических средств [1, с. 168]. В связи с этим сегодня особенно важно развивать правовую культуру граждан в области

регулирования отношений, связанных со сбором, обработкой и хранением биометрических персональных данных.

В широком смысле правовая культура отражает состояние правовой жизни общества, уровень правосознания граждан, качество законодательства и правоприменения, а также степень соблюдения прав и свобод личности [2, с. 184]. Формирование правовой культуры личности непосредственно связано с обеспечением национальной безопасности, сохранением целостности и суверенитета государства [3, с. 49].

Одна из важных проблем, которую необходимо решить государству, — это правовой нигилизм, когда граждане сознательно или ввиду легкомыслия игнорируют правовые нормы, и часто в ущерб себе. Так, результаты опроса, проведенного Всероссийским центром изучения общественного мнения (ВЦИОМ) в 2024 г., показали, что около трети опрошенных (32 %, 2023 г. — 39 %) впервые узнали, что такое биометрия, в ходе опроса ВЦИОМ [4]. Этот результат внушает опасения, так как современное общество характеризуется популяризацией использования биометрической идентификации и практически в каждом телефоне установлена система безопасности в виде распознавания изображения лица или отпечатка пальца. Это наталкивает на мысль, что, используя биометрию, граждане не осознают ее значимость и, соответственно, не интересуются нормативными правовыми нормами, регулирующими данную область. В этом проявляется халатность по отношению к своим правам, возникающим в связи с предоставлением физическими лицами своих биометрических персональных данных. Однако следует понимать, что признание права верховенствующим и интегративным социальным регулятором в социокультурном комплексе правоцентристского типа обусловливает вхождение правовых ценностей в систему общезначимых ценностей [5, с. 31].

Бесспорно, биометрические персональные данные представляют интерес не только для права, но и для других научных отраслей, например социологии, экономики, философии, криминалистики. Следовательно, реализация правовой политики государства должна осуществляться в совокупности с социальным, нравственным, экономическим, международным и другими направлениями государственной деятельности [6, с. 10]. При этом развитие правовой культуры в настоящий момент происходит в условиях активного развития цифровизации.

И. Г. Гасанов отмечал, что в эпоху цифровизации общества правовая культура переживает фазу значительных преобразований, обусловленных внедрением информационных технологий во все сферы человеческой деятельности: изменение способов общения, хранения и передачи информации, а также доступ к правовой информации ставит перед обществом новые вызовы в области формирования и развития правовой культуры, да и сама цифровизация

общества вносит коррективы в правовое сознание и правовое поведение граждан, требуя адаптации традиционных подходов к праву и вопросам его реализации [7, с. 134].

Однако процесс внедрения результатов информационно-технического прогресса часто не гарантирует качества повышения правовой культуры. Несмотря на развитие дистанционного образования, большая часть взрослого населения не имеет доступа к систематическому правовому образованию и получает правовую информацию фрагментарно из средств массовой информации и Интернета, что может приводить к искаженному представлению о праве [8, с. 63]. Эту проблему нам видится возможным решить при помощи государственной поддержки системы бесплатной юридической помощи, когда население может получить квалифицированную юридическую консультацию из достоверного источника. В части, касающейся правовой культуры использования биометрических персональных данных, важно обеспечить качественную юридическую консультацию при их предоставлении в соответствующем органе публичной власти, не допускать формального подхода со стороны сотрудников-операторов биометрических систем.

Особое место в поддержании правовой культуры использования биометрических персональных данных занимают правоохранительные органы, которые своей деятельностью гарантируют устойчивость правовой системы, безопасность граждан и государства в целом.

А. Н. Субботин определял правовую культуру сотрудников органов внутренних дел как систему знаний, умений, навыков, компетенций, возможностей сознательно разумного поведения обучающегося в области права, которые он сможет выстраивать на протяжении своей жизни и в соответствии с постоянно изменяющимися правовыми отношениями [9, с. 58]. В своем определении А. Н. Субботин подчеркнул значимость непрерывного обучения сотрудников органов внутренних дел новеллам правового регулирования.

В Министерстве внутренних дел России законодательно установлены дни государственно-правового информирования сотрудников. Важность этого закреплена в требовании не только восстановить нарушенные права граждан, но и обеспечить неукоснительное соблюдение самими сотрудниками требований законодательства Российской Федерации, нормативных правовых актов Министерства внутренних дел России, приказов и распоряжений руководителей (начальников) при выполнении служебных обязанностей и во внеслужебное время.

Такой опыт может быть применен и для органов публичной власти, коммерческих организаций. Важно формирование правового знания высокого уровня, чтобы не допускалось двусмысленное трактование законодательных

норм, обеспечивались права и свободы граждан, формировалось доверие граждан к правовой системе государства.

Таким образом, можно сделать вывод, что институт правовой культуры использования биометрических персональных данных не лишен проблемных вопросов, требующих своего научного разрешения. Главным видится сегодня в первую очередь осознание самими гражданами важности биометрической идентификации в строгом соответствии с действующим законодательством. Государством разработана достаточно большая база нормативных правовых актов, регулирующих правоотношения в обществе, связанные с биометрией физического лица, однако предстоит работа по разъяснению этого массива правовой информации, что, как следствие, способно повысить правовую грамотность в данной области.

1. Желудков М. А., Алексеева А. П. Обеспечение защищенности биометрических персональных данных от использования в криминальных целях // Вестн. С.-Петерб. ун-та МВД России. 2025. № 2 (106). С. 159–169. Вернуться к статье

2. Гришай А. В. Фактор правовой культуры в процессе формирования Российской правовой личности // Вестн. Юж.-Рос. гос. техн. ун-та (НПИ). Сер. Соц.-экон. науки. 2025. Т. 18, № 3. С. 183–193. Вернуться к статье

3. Макаренко С. Н., Литвинова Ю. И., Курилкина О. А. Коллективное сознание как фактор формирования правовой культуры личности // Философия права. 2025. № 2 (113). С. 44–50. Вернуться к статье

4. Биометрия на марше: лицом к лицу с будущим // Аналитический центр ВЦИОМ : [сайт]. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/biometrija-na-marshe-licom-k-licu-s-budushchim (дата обращения: 25.02.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье

5. Демидова И. А. Соборность как характеристика правовой культуры современного общества // Вестн. С.-Петерб. ун-та МВД России. 2025. № 1 (105). С. 28–38. Вернуться к статье

6. Кущенко А. А. Правовая культура и гражданское общество: взаимосвязь категорий на примере современного Российского государства // Правовая культура. 2025. № 4 (63). С. 7–12. Вернуться к статье

7. Гасанов И. Г. Правовая культура в эпоху цифровых технологий: теоретические аспекты формирования и развития // Вестн. Чечен. гос. ун-та им. А. А. Кадырова. 2025. № 2 (58). С. 131–137. Вернуться к статье

8. Студеникина С. В., Орлова И. В., Юренко А. А. Правовое образование как инструмент формирования правовой культуры // Проектирование. Опыт. Результат. 2025. № 1. С. 60–65. Вернуться к статье

9. Субботин А. Н. Правовое обеспечение информационной безопасности сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации // Педагогическое образование. 2025. Т. 6, № 5. С. 54–59. Вернуться к статье

УДК 343.144.5

СУБЪЕКТ ПРЕСТУПЛЕНИЯ — ПОЛИГРАФОЛОГ
THE SUBJECT OF THE CRIME — THE POLYGRAPH EXAMINER

А. Н. Дрозд
Академия МВД Республики Беларусь,
начальник кафедры психологии и педагогики,
кандидат юридических наук, доцент

Аннотация. *Статья посвящена анализу вариантов квалификации незаконных действий полиграфолога. Делается вывод о том, что уголовно-правовая оценка зависит от ряда обстоятельств, определяющих непосредственный объект посягательства.*

Ключевые слова: *полиграф, клевета, превышение служебных полномочий, служебная халатность, уголовная ответственность.*

Annotation. *This article analyzes the various classifications for a polygraph examiner's illegal actions. It concludes that the criminal assessment depends on a number of circumstances that determine the immediate object of the offense.*

Keywords: *polygraph, slander, abuse of office, official negligence, criminal liability.*

В Республике Беларусь, как и во многих зарубежных странах, многие годы ведутся споры о допустимости результатов психофизиологических исследований в качестве доказательств и надежности метода в целом [1]. При этом одним из аргументов противников данного метода является субъективный фактор, заключающийся в требованиях к компетентности, порядочности и добросовестности полиграфолога. Однако, как представляется, в нашей стране выстроена система охраны наиболее важных общественных отношений, которая создает необходимые границы для обеспечения качественного проведения таких исследований. Как и в отношении других экспертов, уголовная ответственность полиграфолога наступает преимущественно за умышленные действия во вред установлению истины по уголовному делу; дисциплинарная — при нарушении профессиональных обязанностей, не дающих оснований для уголовной ответственности; моральная ответственность — за несоблюдение этических норм профессиональной деятельности [2].

Оставляя за рамками настоящей статьи вопросы моральной и дисциплинарной ответственности, сосредоточим внимание на уголовно-правовых аспектах и соотношении возможных нарушений, допускаемых полиграфологами, с уголовно-правовыми запретами. Ведь, как справедливо отмечал А. Р. Шляхов в отношении судебных экспертов, целью установления уголовной ответственности за дачу заведомо ложного заключения является предупреждение недобросовестного отношения эксперта к своему делу [3, с. 15].

Следует признать, что варианты уголовно-правовой оценки действий полиграфологов являются достаточно разнообразными, как разнообразны и непосредственные объекты, которым в результате некачественного проведения исследования причиняется вред или которые ставятся под угрозу причинения вреда. Квалификация возможных незаконных действий полиграфолога зависит от ряда обстоятельств, важнейшими из которых являются основание проведения исследования, статус полиграфолога и его внутреннее отношение к допускаемым нарушениям.

Сначала рассмотрим вариант проведения психофизиологического исследования, осуществляемого в ходе работы по материалам о преступлениях и уголовным делам. Нормативным основанием для проведения опросов при таких обстоятельствах является в большинстве случаев Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь и Закон Республики Беларусь «Об оперативно-розыскной деятельности» [4; 5].

В рамках данной группы исследований полиграфолог может выступать в качестве эксперта, субъекта оперативно-розыскной деятельности и специалиста. При этом результаты психофизиологического исследования могут быть признаны ложными, если в них подменен объект, неправильно изложены фактические данные или имеет место их прямое отрицание, либо они заведомо неверно оценены экспертом (например, использованы ненадлежащие методики исследования), либо он сделал заведомо неверные выводы. Это может быть выражено в составлении полиграммы по результатам опроса другого человека; составлении вымышленной полиграммы без опроса кого-либо; изъятии части полиграммы; озвучивании вопросов, отличных от внесенных в справку и отраженных в полиграмме; в ручном изменении регистрируемых параметров; в несоблюдении требований методики (представлении теста меньшее или большее количество раз); фиксировании не имевшего в действительности места противодействия со стороны опрашиваемого и т. п.

Если нарушения были допущены экспертом, то для него основанием уголовной ответственности может быть дача заведомо ложного заключения в суде при рассмотрении уголовных и гражданских дел либо при производстве предварительного следствия или дознания (ст. 401 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее — УК)), отказ либо уклонение эксперта без уважительных причин от исполнения возложенных на него обязанностей в судебном заседании при рассмотрении уголовных и гражданских дел либо при производстве предварительного следствия или дознания (ст. 402 УК) и др. С учетом того, что сотрудники государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь являются должностными лицами по признаку отнесения к представителям

власти, их неосторожные действия, повлекшие вынесение ложного заключения, также могут содержать признаки служебной халатности (ст. 428 УК) [6].

В ходе работы по уголовным делам лицо, проводящее психофизиологическое исследование с применением полиграфа, может являться оперуполномоченным, осуществляющим его в ходе оперативно-розыскной деятельности. Результаты таких опросов не признаются доказательством и всегда содержат указание на то, что они носят вероятностный характер, однако это не исключает причинения существенного вреда охраняемым уголовным законом отношениям путем предоставления поддельных результатов. Более всего по своей сущности искажение истины в таких случаях похоже на фальсификацию, однако, как известно, ст. 395 УК предусматривает в качестве обязательного признака специальный субъект преступления — лицо, производящее дознание, следователь, прокурор, судья или защитник. Соответственно, ответственность по данной статье исключается [7]. Умышленные действия оперуполномоченного при таких обстоятельствах могут содержать признаки объективной стороны превышения власти или служебных полномочий (ст. 426 УК). Причем важно обратить внимание, что искажение действительности будет содержать признаки преступления независимо от того, в какую сторону — обвинительную или оправдательную — они направлены. Стоит отметить, что ответственность за превышение наступает в случае, если это повлекло причинение ущерба в крупном размере или существенного вреда правам и законным интересам граждан либо государственным или общественным интересам. Если нет — имеет место служебный подлог (ст. 427 УК). Если в последующем лицо, осуществлявшее проверку на полиграфе, признается свидетелем по уголовному делу, то также возможна дополнительная квалификация и привлечение к ответственности за заведомо ложное показание свидетеля, соединенное с искусственным созданием доказательств обвинения (ч. 2 ст. 401 УК) [6].

Аналогично с экспертами Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь оперуполномоченные как лица, имеющие право в пределах своей компетенции отдавать распоряжения или приказы и принимать решения относительно лиц, не подчиненных им по службе, в случае неосторожного причинения вреда порядку управления своими неквалифицированными действиями могут нести ответственность по ст. 428 УК за неисполнение либо ненадлежащее исполнение должностным лицом своих служебных обязанностей вследствие недобросовестного или небрежного отношения к службе, повлекшие по неосторожности причинение тяжких последствий, к примеру в виде заключения лица под стражу, проведения в отношении него оперативно-розыскных мероприятий, ограничивающих конституционные права, привлечения к уголовной ответственности и др.

Третий вариант проведения опроса с использованием полиграфа связан с привлечением к работе стороннего специалиста, например представителя коммерческой организации, оказывающей соответствующие услуги. Примеры использования результатов исследований специалистов при рассмотрении уголовных дел в суде имеются в зарубежной практике [8]. Действия таких лиц, выдающих ложные справки, могут содержать признаки преступлений против правосудия и квалифицироваться по ст. 400 УК как заведомо ложный донос, по ст. 401 УК — как заведомо ложное показание или по ст. 405 УК, если имело место интеллектуальное укрывательство лица, совершившего тяжкое или особо тяжкое преступление, путем искажения результатов исследования или предоставления по запросу ложных данных. В то же время следует отметить, что действующее законодательство не предусматривает уголовной ответственности за ошибочные выводы специалиста, т. е. ответственность наступает только при наличии умысла.

Как видно, в результате работы по преступлениям варианты квалификации действий полиграфологов зависят от их правового статуса, наличия или отсутствия возбужденного уголовного дела, представления не соответствующих действительности материалов суду, что является принципиальным для правильного определения объекта преступления.

Отдельным направлением применения полиграфа является так называемый кадровый скрининг, проводимый в отношении граждан, принимаемых на службу в государственные органы или другие организации и учреждения, и в отношении их сотрудников и работников при проведении служебных проверок и служебных расследований. Такие опросы проводятся на основании локальных правовых актов (постановление Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь от 2 февраля 2016 г. № 7 [9], приказ Генеральной прокуратуры Республики Беларусь от 20 декабря 2023 г. № 81 [10], постановление Следственного комитета Республики Беларусь от 12 июня 2013 г. № 135 [11] и др.). Здесь очень важно понимать, что в подобных случаях полиграфолог выступает не в качестве представителя власти, а в качестве работника организации, уполномоченного на определенные функции, то есть осуществляет не служебные полномочия, а профессиональные функции, поэтому варианты уголовной ответственности в случае допущения нарушений значительно сужаются. Кроме того, справка о результатах опроса с использованием полиграфа не является официальным документом, предоставляющим права или освобождающим от обязанностей, соответственно, не является предметом служебного подлога, поэтому вариант ст. 427 УК является неприменимым в данном случае. Уголовная ответственность полиграфолога в таких ситуациях теоретически возможна только за клевету, содержащую обвинение в совершении тяжкого

или особо тяжкого преступления (ст. 188 УК «Клевета»), или, например, соучастие в незаконном увольнении лица с работы (ст. 199 УК «Нарушение законодательства о труде»). В иных ситуациях присутствуют признаки дисциплинарных проступков.

Отдельно в качестве основания для проведения исследования может быть выделен частный интерес физических и юридических лиц, которые обращаются в коммерческие организации, оказывающие соответствующие услуги, для предварительной проверки кандидатов на работу или действующих работников, проверки истинных целей замужества, скрываемых болезней и зависимостей, фактов супружеских измен и т. п. В структуре отдельных организаций для аналогичных целей также вводятся должности штатных полиграфологов. Опросы, проводимые в рамках третьего выделенного нами направления, практически находятся вне системного правового регулирования. Это существенно сужает рамки возможной уголовной ответственности за ложные результаты в данной сфере, смещая акцент на гражданско-правовую ответственность за оказание некачественной услуги. В то же время в подобных ситуациях общественная опасность частично характеризует отдельные умышленные действия лица, проводящего опрос, — в тех случаях, когда имеет место уголовно наказуемая клевета (ст. 188 УК) или заведомо ложный донос (ст. 400 УК).

Также необходимо обратить внимание, что если в ходе исследования (например, при предтестовой беседе, при пояснениях о зафиксированных реакциях, при обсчете результатов и т. п.) полиграфологу, независимо от его правового статуса и основания проведения опроса, станет достоверно известно о совершенном особо тяжком преступлении либо о лице, совершившем это преступление, или о месте нахождения такого лица, или о готовящемся тяжком или особо тяжком преступлении, то в случае недонесения этих сведений это будет основанием наступления уголовной ответственности по ст. 406 УК.

Также следует указать, что независимо от основания проверки любые незаконные действия по распространению данных лица или результатов опроса являются не чем иным, как незаконными действиями в отношении информации о частной жизни и персональных данных, что в случае наличия общественно опасных последствий в виде причинения существенного вреда правам, свободам и законным интересам гражданина (например, развод, увольнение, депрессия и др.) влечет ответственность по 203^1 УК.

Таким образом, существующая система ответственности полиграфологов, опирающаяся, безусловно, в первую очередь на личную ответственность и порядочность данных специалистов, но основанная также на нормах УК, является эффективной и достаточной. Вопросы ответственности полиграфолога достаточно сложные и зависят от того, в какой роли (эксперт, субъект

оперативно-розыскной деятельности, сотрудник организации, специалист) выступает полиграфолог, куда и кому предоставляются сведения (органы внутренних дел, частное лицо, суд), по какому основанию (преступление, кадровая работа, иные основания) проводится опрос и какова форма вины. В отношении полиграфологов, работающих в негосударственном секторе, необходима разработка более четкого законодательного определения статуса и требований к их деятельности.

1. Брянская Е. В., Самарин В. И. К вопросу о допустимости применения полиграфа в процессе доказывания по уголовному делу // Журн. Белорус. гос. ун-та. Право. 2018. № 3. С. 108–117. Вернуться к статье

2. Жигалов Н. Ю., Хоменко А. Н. Ответственность в профессиональной деятельности судебного эксперта [Электронный ресурс] // Вестн. Том. гос. ун-та. 2011. № 343. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/otvetstvennost-v-professionalnoy-deyatelnosti-sudebnogo-eksperta (дата обращения: 07.01.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье

3. Шляхов А. Р. Процессуальные и организационные основы криминалистической экспертизы : метод. пособие. М. : ВНИИСЭ, 1972. 121 с. Вернуться к статье

4. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 16 июля 1999 г. № 295-З : принят Палатой представителей 24 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 30 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 17 февр. 2025 г. № 61-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». Вернуться к статье

5. Об оперативно-розыскной деятельности [Электронный ресурс] : Закон Республики Беларусь от 15 июля 2015 г. № 307-З : в ред. от 7 февр. 2023 г. № 248-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». Вернуться к статье

6. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г. № 275-З : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 20 окт. 2025 г. № 101-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». Вернуться к статье

7. Быкова Е. Г., Казаков А. А. Оперативный сотрудник как субъект фальсификации доказательств по уголовному делу [Электронный ресурс] // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 11, Право. 2021. № 4. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/operativnyy-sotrudnik-kak-subekt-falsifikatsii-dokazatelstv-po-ugolovnomu-delu (дата обращения: 15.02.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье

8. Детский омбудсмен изучит громкое дело чиновника Макарова о педофилии [Электронный ресурс] // РИА Новости : [сайт]. URL: https://ria.ru/20111026/471501572.html (дата обращения: 14.02.2025). Перейти к источнику Вернуться к статье

9. О порядке использования полиграфа при приеме на службу (работу) в Государственный комитет судебных экспертиз [Электронный ресурс] : постановление Гос. ком. судеб. экспертиз Респ. Беларусь от 2 февр. 2016 г. № 7 : в ред. от 2 мая 2024 г. № 1. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». Вернуться к статье

10. Об утверждении Инструкции о порядке проведения опроса с использованием технических средств (полиграфа) в прокуратуре [Электронный ресурс] : приказ

Генер. прокуратуры Респ. Беларусь от 20 дек. 2023 г. № 81. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». Вернуться к статье

11. О профессиональном отборе [Электронный ресурс] : постановление Следств. ком. Респ. Беларусь от 12 июня 2013 г. № 135 : в ред. от 22 марта 2024 г. № 53. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». Вернуться к статье

УДК 339.544

ИССЛЕДОВАНИЕ СЕМАНТИКИ ПОНЯТИЯ «СТРАНА ПРОИЗВОДСТВА (ИЗГОТОВЛЕНИЯ) ТОВАРОВ» В КОНТЕКСТЕ ПРИМЕНЕНИЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ ОГРАНИЧИТЕЛЬНЫХ МЕР

A STUDY OF THE SEMANTICS OF THE CONCEPT «COUNTRY OF PRODUCTION (MANUFACTURE) OF GOODS» IN THE CONTEXT OF THE APPLICATION OF SPECIAL RESTRICTIVE MEASURES

Н. А. Дубинский
Государственный институт повышения квалификации
и переподготовки кадров таможенных органов Республики Беларусь,
начальник кафедры тарифного, нетарифного регулирования и информатизации,
кандидат технических наук, доцент

В. М. Гуринович
Государственный институт повышения квалификации
и переподготовки кадров таможенных органов Республики Беларусь,
старший преподаватель кафедры тарифного,
нетарифного регулирования и информатизации

В. В. Прохацкий
Государственный институт повышения квалификации
и переподготовки кадров таможенных органов Республики Беларусь,
старший преподаватель кафедры тарифного,
нетарифного регулирования и информатизации

Аннотация. *В публикации исследована семантика понятия «страна производства (изготовления) товаров» в контексте применения специальных ограничительных мер. Результаты исследования способствуют однозначному пониманию терминологического аппарата действующего законодательства и предупреждают риски его нарушения отдельными участниками внешнеэкономической деятельности.*

Ключевые слова: *защита экономических интересов Республики Беларусь; специальные ограничительные меры; страна производства товара.*

Annotation. *The publication examines the semantics of the concept of country production (manufacture) of goods in the context of the application of special restrictive measures. The results of the study contribute to a clear understanding of the terminology of the current legislation and prevent the risks of its violation by the individual participants in foreign economic activity.*

Keywords: *protection of the economic interests of the Republic of Belarus, special restrictive measures, country of manufacturing of goods.*

Единообразное и точное исполнение законодательства неразрывно связано с пониманием его терминологического аппарата. Следовательно, риски правовой неопределенности могут быть значительно снижены в случаях обеспечения семантической ясности и однозначности положений нормативных правовых актов. Учитывая изложенное, авторами исследована семантика понятия «страна производства товаров» в контексте применения специальных ограничительных мер.

Согласно Концепции национальной безопасности Республики Беларусь, утвержденной решением Всебелорусского народного собрания от 25 апреля 2024 г. № 5, меры по защите от внешних угроз национальной безопасности сосредоточиваются среди прочего на направлении противодействия применению в международной практике экономических, политических и иных мер принудительного характера, направленных на ущемление суверенных прав государств, либо поощрению таких мер [1].

К указанным мерам можно отнести специальные ограничительные меры, применяемые в соответствии с Законом Республики Беларусь от 12 июля 2023 г. № 280-З «О применении специальных ограничительных мер» (далее — Закон № 280-З) [2]. В научной литературе вопросы применения ответных мер на недружественные действия иностранных государств неоднократно рассматривались рядом авторов [3; 4; 5].

Принципы и порядок применения Республикой Беларусь специальных ограничительных мер установлены положениями Закона № 280-З. Согласно ст. 2 Закона № 280-З, под специальными ограничительными мерами понимаются:

1) специальные меры экономического характера;

2) иные меры противодействия, не связанные с применением силы или угрозы силой, принимаемые в порядке, установленном Законом № 280-З, направленные на исключение (минимизацию) негативных последствий недружественных действий иностранных государств в отношении Республики Беларусь, ее граждан и (или) организаций [2].

В соответствии со ст. 8 Закона № 280-З, принятие решений о применении или об отмене специальных ограничительных и специальных мер отнесено к компетенции Совета Министров Республики Беларусь.

В частности, среди прочего специальные ограничительные меры введены постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 31 декабря 2025 г. № 808 «О применении специальной ограничительной меры» (далее — Постановление № 808 [6]), вступившим в силу в 2026 году, которым установлены

два перечня товаров, запрещенных к ввозу и реализации на территории Республики Беларусь:

1. Товары, происходящие из недружественных стран (далее — Перечень 1). *Справочно: перечень иностранных государств, совершающих недружественные действия в отношении белорусских юридических и (или) физических лиц, определены постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 6 апреля 2022 г. № 209 [7]*.

2. Товары, происходящие и (или) произведенные (изготовленные) на территории отдельных недружественных стран (далее — Перечень 2) [6].

То есть применение специальных ограничительных мер обусловлено либо происхождением товаров, либо производством (изготовлением) товаров, указанных в Перечне 2, на территории отдельных недружественных стран.

Отметим, что для таможенных целей понятия «страна, в которой товары произведены» и «страна происхождения товаров» различны. Например, в Решении Коллегии Евразийской экономической комиссии от 30 октября 2012 г. № 202 «О применении методов определения таможенной стоимости товаров по стоимости сделки с идентичными товарами (метод 2) и по стоимости сделки с однородными товарами (метод 3)» указано на необходимость различать понятия «страна, в которой товары произведены» и «страна происхождения товаров», поскольку страна, где товары произведены, может не совпадать со страной происхождения товаров, которая определяется в соответствии с правилами определения страны происхождения товара [8].

Очевидно, что в случае, когда, согласно критериям определения происхождения, товары считаются полностью полученными или произведенными в стране, страна происхождения товара и страна производства (изготовления) товара будут совпадать. Если же товар полностью не произведен на территории одной страны или произведен с использованием материалов, происходящих из разных стран, страна производства (изготовления) товара и страна происхождения товара будут различны.

В свою очередь, определение термина «товары, произведенные (изготовленные) на территории отдельных недружественных стран» в нормативных правовых актах Республики Беларусь отсутствует. Согласно положениям ст. 29 Закона Республики Беларусь от 17 июля 2018 г. № 130-З «О нормативных правовых актах», нормативный правовой акт излагается в том числе с соблюдением норм белорусского и (или) русского языков [9].

В целях исследования семантики понятия «страна производства (изготовления) товара» в соответствии с нормами русского языка обратимся к толковым словарям.

В «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля «производство» определяется как действие по глаголу «производить (произвести)». В более широком смысле это произведение: все, что произведено, создано природой [10].

Согласно «Толковому словарю русского языка» С. И. Ожегова, «производство» — это многозначное слово, имеющее следующие значения:

- общественный процесс создания материальных благ, охватывающий как производительные силы общества, так и производственные отношения людей;
- изготовление, выработка, создание какой-нибудь продукции;
- отрасль деятельности, вырабатывающая какую-нибудь продукцию;
- работа по непосредственному изготовлению продукции [11].

Учитывая изложенное, семантика словосочетания «страна производства (изготовления) товара» означает, что это страна (группа стран, таможенного союза стран, региона или части страны), на территории которой были непосредственно осуществлены производственные либо иные операции, в результате которых был изготовлен или произведен товар. Она отражает:

1. Территориальный принцип, т. е. указывает, что товар был произведен в конкретной стране (на определенной территории).

2. Момент производства, т. е. подчеркивает важность непосредственно самого процесса изготовления товара, а не выполнение критериев достаточной переработки. Так, товар может быть изготовлен на территории государства А из материалов, деталей (узлов, агрегатов), произведенных на территории государства В, при этом доля добавленной стоимости в конечной цене готового товара будет меньше величины, установленной правилами определения страны происхождения товара для государства А. Таким образом, страной происхождения товара будет являться государство В, а страной производства — государство А.

Подводя итог настоящей публикации, отметим, что понятие «страна производства (изготовления) товаров» соответствует положениям Закона «О нормативных правовых актах». Результаты исследования способствуют однозначному пониманию терминологического аппарата действующего законодательства и предупреждают риски нарушения законодательства отдельными участниками внешнеэкономической деятельности.

---

1. Об утверждении Концепции национальной безопасности Республики Беларусь [Электронный ресурс] : решение Всебелорус. нар. собрания от 25 апр. 2024 г. № 5. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс». Вернуться к статье

2. О применении специальных ограничительных мер [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь от 12 июля 2023 г. № 280-З : в ред. от 8 дек. 2025 г. № 109-З. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс». Вернуться к статье

3. Кривенкова М. В. К вопросу о разграничении контрмер и реторсий в современном международном праве // Междунар. публич. и част. право. 2024. № 1. С. 6–9. Вернуться к статье

4. Томилова И. И., Шестакова О. В. Санкции в международном праве: терминологические и типологические подходы // Междунар. публич. и част. право. 2017. № 3. С. 19. Вернуться к статье

5. Lefeber R. Frontiers of International Law: Counteracting the Exercise of Extraterritorial Jurisdiction // Leiden Journal of International Law. 1997. Vol. 10. Iss. 1. P. 1–7. Вернуться к статье

6. О применении специальной ограничительной меры [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь от 31 дек. 2025 г № 808. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс». Вернуться к статье

7. О перечне иностранных государств, совершающих недружественные действия в отношении белорусских юридических и (или) физических лиц [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь от 6 апр. 2022 г. № 209. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс». Вернуться к статье

8. О применении методов определения таможенной стоимости товаров по стоимости сделки с идентичными товарами (метод 2) и по стоимости сделки с однородными товарами (метод 3) [Электронный ресурс] : решение Коллегии Евраз. экон. комиссии от 30 окт. 2012 г. № 202. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс». Вернуться к статье

9. О нормативных правовых актах [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь от 17 июля 2018 г. № 130-З : в ред. от 28 июня 2024 г. № 15-З. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс». Вернуться к статье

10. Производить [Электронный ресурс] // Толковый словарь живого великорусского языка. URL: https://slovardalja.net/word.php?wordid=34142 (дата обращения: 02.02.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье

11. Производство [Электронный ресурс] // Толковый словарь Ожегова. URL: https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=24525 (дата обращения: 02.02.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье

УДК 343.8

УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНАЯ СИСТЕМА КАК СУБЪЕКТ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

THE PENAL SYSTEM AS AN ENTITY ENSURING THE NATIONAL SECURITY OF THE REPUBLIC OF BELARUS

Н. В. Кийко
Академия МВД Республики Беларусь,
начальник уголовно-исполнительного факультета,
кандидат юридических наук, доцент

Аннотация. *В статье раскрывается характеристика уголовно-исполнительной системы Министерства внутренних дел Республики Беларусь как субъекта системы обеспечения национальной безопасности. Проанализированы понятие, структура и ключевые функции уголовно-исполнительной системы государства.*

Ключевые слова: *национальная безопасность, органы внутренних дел, уголовно-исполнительная система, наказание, заключение под стражу, принудительная изоляция и медико-социальная реадаптация.*

Annotation. *This article describes the characteristics of the penal system of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus as a component of the national security system. The concept, structure, and key functions of the state's penal system are analyzed.*

Keywords: *national security, internal affairs agencies, penal system, punishment, detention, forced isolation, and medical and social rehabilitation.*

Решением Всебелорусского народного собрания от 25 апреля 2024 г. № 5 утверждена Концепция национальной безопасности Республики Беларусь (далее — Концепция). Данный стратегический документ представляет собой совокупность официальных взглядов на обеспечение безопасности личности, общества и государства от внешних и внутренних угроз во всех сферах жизнедеятельности нашей страны. Его принятие направлено на формирование единых подходов к реализации государственной политики в сфере обеспечения национальной безопасности. При этом он одновременно выступает методологической основой (фундаментом) для разработки различного спектра документов стратегического планирования функционирования Республики Беларусь. Ключевым аспектом, который учитывался при разработке Концепции, является ясное понимание тесной взаимосвязи степени обеспечения национальной безопасности с уровнем социально-экономического развития страны во взаимосвязи с сохранением преемственности концептуальных идей ранее принятых актов в рассматриваемой сфере, с совершенствованием подходов исходя

из современных тенденций развития ситуации как в Республике Беларусь, так и за ее пределами, стремления белорусского народа к сохранению суверенитета и национальной самобытности [1].

Определяя стратегические национальные интересы, Концепция ставит в приоритет обеспечение благополучия граждан, а также улучшение условий для жизнедеятельности и развития личностного потенциала человека и гражданина с учетом имеющихся объективных возможностей. В этой связи на первое место выходят вопросы законодательного закрепления и создания действенных механизмов реализации конституционных прав и свобод гражданина. Это возможно при условии развития Республики Беларусь как правового, демократического, социально ориентированного государства, обеспечивающего непрерывное взаимодействие с обществом, при котором все государственные институты функционируют исключительно в интересах граждан. Результатом реализации указанных положений будет выступать укрепление, а также дальнейшее совершенствование механизмов обеспечения как национальной, так и коллективной безопасности с участием Республики Беларусь. Приоритетным принципом выступает неделимость международной безопасности, необходимость постоянного межгосударственного взаимодействия в рассматриваемой сфере. Кроме этого, Концепция особо подчеркивает требование к обеспечению общественной безопасности и безопасности жизнедеятельности населения, снижению уровня криминализации общества и преступности, а также коррупции как основным национальным интересам Республики Беларусь в социальной сфере.

Согласно п. 62 Концепции, функционирует система обеспечения национальной безопасности. Данная система представляет собой совокупность взаимодействующих субъектов обеспечения национальной безопасности и средств, используемых для реализации и защиты национальных интересов с целью неукоснительного обеспечения безопасности личности, общества и государства. С учетом этого законодательство Республики Беларусь содержит нормы, регламентирующие полномочия и механизм взаимодействия субъектов обеспечения национальной безопасности, цели, задачи и функции их деятельности и правовой статус.

В структуре системы органов обеспечения национальной безопасности важное значение имеют органы внутренних дел. Необходимо отметить, что, в соответствии со ст. 1 Закона Республики Беларусь от 17 июля 2007 г. № 263-З «Об органах внутренних дел Республики Беларусь» (далее — Закона), составной частью системы обеспечения национальной безопасности Республики Беларусь выступают органы внутренних дел, которые, будучи военизированной организацией, являются государственными правоохранительными органами,

осуществляющими борьбу с преступностью, охрану общественного порядка и обеспечивающими общественную безопасность в соответствии с задачами, возложенными на них в установленном порядке [2]. В широком перечне реализуемых органами внутренних дел направлений деятельности серьезная роль отведена вопросам организации исполнения и отбывания наказания и иных мер уголовной ответственности. В настоящее время указанное направление реализуется в пределах компетенции органов и учреждений уголовно-исполнительной системы.

В структуру Министерства внутренних дел Республики Беларусь входит Департамент исполнения наказаний и подчиненные ему подразделения и учреждения, которые реализуют следующие функции:

– организация исполнения и отбывания предусмотренных Уголовным кодексом Республики Беларусь наказаний (лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью; ограничение свободы с направлением в исправительное учреждение открытого типа; арест; лишение свободы на определенный срок; пожизненное лишение свободы; смертная казнь) [3];

– принудительная изоляция и медико-социальная реадаптация с обязательным привлечением к труду граждан, которые судом направлены в лечебно-трудовые профилактории в соответствии с требованиями Закона Республики Беларусь от 4 января 2010 г. № 104-З «О порядке и условиях направления граждан в лечебно-трудовые профилактории и условиях нахождения в них» [4];

– исполнение меры пресечения в виде заключения под стражу, а также актов амнистии и помилования;

– осуществление розыска лиц, уклоняющихся от отбывания наказаний;

– поиск лиц, в отношении которых осуществляется принудительная изоляция и медико-социальная реадаптация с обязательным привлечением к труду, самовольно оставивших лечебно-трудовые профилактории.

Термин «уголовно-исполнительная система» впервые в законодательство введен Положением о Департаменте исполнения наказаний Министерства внутренних дел Республики Беларусь (далее — Положение о Департаменте), утвержденным Указом Президента Республики Беларусь от 4 июня 2004 г. № 268 [5]. В указанном нормативном правовом акте он применялся для обозначения единой системы учреждений, исполняющих наказание в виде ограничения свободы, ареста, лишения свободы, пожизненного лишения свободы, смертной казни, а также меру пресечения в виде заключения под стражу. Кроме этого, институт принудительной изоляции и медико-социальной реадаптации с обязательным привлечением к труду, несмотря на то, что он к уголовному

наказанию не имеет никакого отношения, также отнесен к компетенции уголовно-исполнительной системы.

В настоящее время уголовно-исполнительная система Республики Беларусь включает в себя: центральный орган управления — Департамент исполнения наказаний; 6 управлений Департамента по областям; 19 исправительных колоний и 1 воспитательную колонию, где отбывают наказание осужденные к лишению свободы на определенный срок; 3 тюрьмы, где отбывают наказание осужденные к пожизненному лишению свободы; лишению свободы на срок свыше пяти лет за совершение особо тяжких преступлений, при особо опасном рецидиве преступлений; осужденные, переведенные в тюрьму из исправительных колоний; осужденные к аресту; 6 следственных изоляторов, реализующих меру пресечения в виде заключения под стражу, а также исполнения наказания в виде ареста; 28 исправительных учреждений открытого типа, в которых отбывают наказание осужденные к ограничению свободы с направлением в исправительные учреждения открытого типа; 9 лечебно-трудовых профилакториев, в которых проходят принудительное лечение граждане, больные хроническим алкоголизмом, наркоманией или токсикоманией.

Подводя итог, необходимо сделать вывод, что уголовно-исполнительная система как субъект обеспечения национальной безопасности Республики Беларусь реализует широкий перечень функций, направленных на защиту интересов личности, общества и государства от противоправных посягательств. При этом, кроме исполнения предусмотренных Уголовным кодексом Республики Беларусь [3] наказаний, обеспечивается принудительная изоляция правонарушителей от общества и осуществляется постоянный контроль и надзор за их поведением. Одновременно с целью нейтрализации негативных противоправных проявлений осуществляется комплексное психолого-педагогическое воздействие, имеющее целью формирование готовности личности вести правопослушный образ жизни, а также предупреждение совершения новых преступлений, снижение постпенитенциарного рецидива. Кроме этого, привлечение осужденных и граждан к трудовой деятельности позволяет, с одной стороны, снизить государственные затраты на их жизнеобеспечение, а с другой стороны, сформировать устойчивые навыки осуществления общественно полезного труда и правомерного поведения.

---

1. Об утверждении Концепции национальной безопасности Республики Беларусь с решение Всебелорус. нар. собрания от 25 апр. 2024 г. № 5 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. URL: https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=P924v0005 (дата обращения: 10.02.2026).
Перейти к источнику Вернуться к статье

2. Об органах внутренних дел Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь от 17 июля 2007 г. № 263-З г. : в ред. от 19 мая 2022 г. № 171-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». Вернуться к статье

3. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г. № 275-З : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 20 окт. 2025 г. № 101-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». Вернуться к статье

4. О порядке и условиях направления граждан в лечебно-трудовые профилактории и условиях нахождения в них [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь от 4 янв. 2010 г. № 104-З : в ред. от 11 марта 2024 г. № 359-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». Вернуться к статье

5. Вопросы органов внутренних дел [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь от 4 июня 2004 г. № 268 : в ред. от 15 апр. 2024 г. № 154. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». Вернуться к статье

УДК 342.9

ГОСУДАРСТВЕННАЯ СИСТЕМА МЕР ПО ПРОФИЛАКТИКЕ ПРАВОНАРУШЕНИЙ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

STATE SYSTEM OF MEASURES FOR THE PREVENTION OF JUVENILE DELINQUENCY

С. Н. Климов
Могилевский институт МВД Республики Беларусь,
старший преподаватель кафедры
административной деятельности факультета милиции

Р. Д. Бутонина
Могилевский институт МВД Республики Беларусь,
курсант факультета милиции

Аннотация. *В статье рассматриваются вопросы функционирования системы государственных органов, занимающихся профилактикой безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних.*

Ключевые слова: *инспекция по делам несовершеннолетних, профилактика безнадзорности и правонарушений, административно-правовые средства, специальные лечебно-воспитательные учреждения.*

Annotation. *The article examines the functioning of the system of state bodies, involved in the prevention of neglect and juvenile delinquency.*

Keywords: *juvenile affairs inspections, prevention of neglect and delinquency, administrative and legal means, special medical and educational institutions.*

В современном мире на фоне глобальной геополитической напряженности отмечается стремление внешних сил вмешиваться во внутригосударственные дела в целях продвижения собственных интересов, минуя нормы и принципы права, признанные международным сообществом. В Концепции национальной безопасности Республики Беларусь в качестве стратегических национальных интересов определены защита и сбережение института традиционной семьи, патриотическое воспитание граждан, сохранение традиционных семейных ценностей [1]. В Республике Беларусь создана многоуровневая система государственных органов, занимающихся профилактикой безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних [2].

В качестве координирующего органа в указанной сфере деятельности определены комиссии по делам несовершеннолетних, наделенные полномочиями по рассмотрению обращений несовершеннолетних и их родителей по вопросам нарушения законных интересов и прав несовершеннолетних, которые рассматривают дела об административных правонарушениях, совершенных

несовершеннолетними, инициируют перед судом вопросы помещения несовершеннолетних в специальные лечебно-воспитательные учреждения, информируют органы прокуратуры о фактах нарушения законных прав и интересов несовершеннолетних.

Важное место в структуре государственных органов отводится органам опеки и попечительства, которые решают вопросы жизнеустройства несовершеннолетних, оставшихся без попечения родителей, защищают имущественные права несовершеннолетних, проводят с ними индивидуальную профилактическую работу. Наибольший охват несовершеннолетних осуществляется учреждениями образования, которые не только участвуют в образовательном процессе, но и оказывают необходимую психологическую помощь своим воспитанникам, выявляют и проводят профилактические мероприятия с несовершеннолетними, находящимися в социально опасном положении.

При возникновении негативных социальных явлений, связанных с употреблением несовершеннолетними алкогольных (слабоалкогольных) напитков или пива, потреблением наркотических средств и психотропных веществ, круглосуточную медицинскую помощь оказывают организации здравоохранения, которые проводят медицинское освидетельствование, осуществляют профилактический и диспансерный учет несовершеннолетних.

Важную функцию в жизнеустройстве несовершеннолетних реализуют органы по труду, занятости и социальной защите, которые осуществляют профессиональную ориентацию и содействуют дальнейшему трудоустройству несовершеннолетних в целях получения собственного заработка, а равно обеспечения трудовых и социальных гарантий.

Наряду с перечисленными субъектами профилактики значительными полномочиями по профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних наделены органы внутренних дел, а именно их специализированные подразделения, одним из которых являются инспекции по делам несовершеннолетних. Перечень административно-правовых средств инспекций по делам несовершеннолетних включает в себя возможность привлечения к административной ответственности родителей несовершеннолетних, которые ненадлежащим образом исполняют обязанности по воспитанию несовершеннолетних (ч. 1 ст. 10.3 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях) [3], принятия мер реагирования к лицам, вовлекающим несовершеннолетних в антиобщественное поведение и употребление алкогольных напитков или пива (ст. 19.4 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях) [3].

В целях профилактики безнадзорности несовершеннолетних предусмотрены меры административной ответственности родителей, не обеспечивающих

контроль за несовершеннолетними в возрасте до шестнадцати лет, находящимися вне жилища в период времени с 23:00 до 06:00 часов без сопровождения взрослого лица (ч. 2 ст. 10.3 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях [3]). В соответствии с общими правилами привлечения несовершеннолетних к уголовной или административной ответственности (с шестнадцати лет), за исключением ряда особо тяжких преступлений и грубых правонарушений (с четырнадцати лет), ст. 14 Закона Республики Беларусь от 31 мая 2003 г. «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» [2] предусмотрен порядок помещения несовершеннолетних в специальные воспитательные учреждения в случае принятия решения об отказе в возбуждении уголовного дела (прекращения производства по уголовному делу) по причине недостижения ими возраста наступления уголовной ответственности, а также в случае привлечения (освобождения) к административной ответственности трех раз в течение года за совершение правонарушений, предусмотренных десятью составами Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях. Несмотря на нахождение в специальных учреждениях, несовершеннолетние продолжают осваивать образовательную программу, участвуют в воспитательном процессе, мероприятиях по устранению последствий употребления алкогольных, слабоалкогольных напитков или пива и потребления наркотических средств, психотропных или других одурманивающих веществ. К иным мерам профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних относится проведение индивидуальной профилактической работы с несовершеннолетними и их родителями. В этом случае основанием для проведения индивидуальной профилактической работы является заявление несовершеннолетнего или его родителей, приговор (решение, определение, постановление) суда, постановление прокурора, следователя, начальника органа внутренних дел или прокурора. При этом эффективность индивидуальной профилактической работы достигается не столько средствами принуждения, сколько гарантией обеспечения соблюдения прав несовершеннолетнего, гуманным обращением, поддержанием связи с членами семьи и предоставлением неограниченного количества свиданий с ними, разрешением на отправление и получение различной корреспонденции, обеспечением несовершеннолетнего бесплатным питанием и предметами первой необходимости.

Таким образом, государственная система мер по профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних содержит широкий спектр социальных, административно-правовых и иных мер, направленных преимущественно на оказание воспитательного воздействия на несовершеннолетнего и его родителей (законных представителей), осуществляемого многочисленными

субъектами профилактики [4], наделенными полномочиями на реализацию мер общей и индивидуальной профилактики правонарушений данного вида.

1. Об утверждении Концепции национальной безопасности Республики Беларусь [Электронный ресурс] : решение Всебелорус. нар. собрания от 25 апр. 2024 г. № 5. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». Вернуться к статье

2. Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь от 31 мая 2003 г. № 200-З : в ред. от 8 июля 2024 г. № 26-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». Вернуться к статье

3. Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях [Электронный ресурс] : 6 янв. 2021 г. № 91-З : принят Палатой представителей 18 дек. 2020 г. : одобр. Советом Респ. 18 дек. 2020 г. : в ред. от 17 февр. 2025 г. № 61-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». Вернуться к статье

4. Об основах деятельности по профилактике правонарушений [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь от 4 янв. 2014 г. № 122-З : в ред. от 8 июля 2024 г. № 26-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». Вернуться к статье

УДК 342.9

РАЗВИТИЕ АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

DEVELOPMENT OF ADMINISTRATIVE AND LEGAL ACTIVITIES OF INTERNAL AFFAIRS BODIES

С. М. Ковалев
Сибирский юридический институт МВД России,
преподаватель кафедры тактико-специальной подготовки

Аннотация. *В статье освещаются понятие и ключевые особенности административно-правовой деятельности как важнейшего компонента государственного и муниципального управления.*

Ключевые слова: *административная юрисдикция, административный процесс, общественный порядок, профилактика правонарушений.*

Annotation. *The article highlights the concept and key features of administrative and legal activities as an essential component of state and municipal administration.*

Keywords: *administrative jurisdiction, administrative process, public order, and crime prevention.*

Административно-правовая деятельность представляет собой разновидность государственной и муниципальной управленческой деятельности, которая регламентируется нормами административного права. Ее сущность заключается в практической организации исполнения законов и реализации государственных функций в ключевых областях общественной жизни: экономике, социальной сфере, культуре, обороне и безопасности.

Характерными чертами административно-правовой деятельности являются:

1. Подзаконность — все действия в рамках этой деятельности должны основываться на существующих законах, решения должны приниматься для их конкретного исполнения.

2. Организационный и перманентный характер — данная деятельность не носит разового характера, а представляет собой постоянный и планомерный процесс управления различными сторонами жизни общества [1, с. 57].

3. Властно-распорядительный характер — уполномоченные субъекты наделены правом принимать обязательные для исполнения решения, а также применять меры административного воздействия и принуждения [2, с. 25].

4. Административное законодательство — кодифицированный нормативный акт, регулирующий общественные отношения по привлечению к ответственности за совершение административного правонарушения.

Административной юрисдикцией является установленная законом специальная деятельность уполномоченных должностных лиц по рассмотрению дел об административных правонарушениях и спорах в сфере государственного управления, а также по применению к виновным предусмотренных законом санкций. По своей природе это правоохранительная деятельность, являющаяся частью государственного управления.

Юрисдикционную деятельность осуществляют строго определенные законом органы и лица в отношении физических лиц.

В отличие от уголовной или гражданской юрисдикции, большая часть дел рассматривается не судами, а административными органами. Однако наиболее серьезные дела разрешаются только судьями.

К основным стадиям административно-юрисдикционного процесса относят:

1. Возбуждение дела — составление протокола об административном правонарушении.

2. Рассмотрение дела — исследование обстоятельств, доказательств, заслушивание сторон. Проводится уполномоченным органом или судьей.

3. Вынесение постановления — принятие решения о признании лица виновным или невиновным и назначении наказания.

4. Исполнение постановления — реальная реализация назначенной меры.

Общественный порядок — это система устойчивых общественных отношений, основанная на соблюдении правовых норм, правил общежития и нравственных устоев, обеспечивающая безопасные и достойные условия жизни граждан. При этом обеспечение общественного порядка является ключевой функцией государства, представляющей собой комплекс организационных, правовых и профилактических мер, направленных на защиту жизни, здоровья, прав и законных интересов граждан и общественной безопасности [3, с. 839].

Можно выделить следующие основные формы и методы деятельности сотрудников Министерства внутренних дел при обеспечении общественного порядка:

1. Патрулирование общественных мест с целью предупреждения и пресечения правонарушений.

2. Применение административно-правовых мер — профилактических (проверка документов, беседы, официальное предостережение), пресекательных (требование прекратить противоправное деяние, административное задержание, доставление в отделение полиции), наказательных (составление протокола об административном правонарушении для последующего привлечения к ответственности).

3. Контроль за соблюдением правил проведения митингов, шествий, пикетов и иных массовых мероприятий.

4. Взаимодействие с населением — прием граждан участковыми, работа с общественными советами, информирование через средства массовой информации.

Профилактикой правонарушений является система государственных и общественных мер, направленных на выявление, устранение или нейтрализацию причин и условий, способствующих совершению преступлений и административных правонарушений, а также на оказание воспитательного воздействия на лиц с отклоняющимся поведением.

Существуют два основных вида профилактики: общесоциальная профилактика (масштабные государственные программы в сфере экономики, социальной политики, образования, культуры, здравоохранения, которые улучшают качество жизни и тем самым снижают криминогенный фон в целом) и специальная профилактика (целенаправленная деятельность субъектов профилактики в отношении конкретных условий, способствующих правонарушениям, и конкретных лиц или групп «социального риска»).

При этом ключевыми субъектами профилактики являются:

− органы внутренних дел (полиция) — патрульно-постовая служба, участковые уполномоченные (главное звено), подразделения по делам несовершеннолетних, которые проводят беседы, ставят на профилактический учет, вручают официальные предостережения;

− комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав (координируют всю профилактическую работу с подростками, рассматривают дела об их правонарушениях);

− органы образования и молодежной политики (осуществляют работу с «трудными» учениками и организуют их досуг);

− органы социальной защиты и занятости (предоставляют социальную помощь неблагополучным семьям и решают вопросы по трудоустройству);

− общественные объединения и граждане — народные дружины, соседские сообщества, которые помогают выявлять очаги напряженности.

К основным мерам и методам профилактики относятся:

− правовое воспитание и просвещение граждан;

− индивидуальная профилактическая работа с лицами группы риска (беседы, социально-психологическая помощь, вовлечение в социально полезную деятельность);

− виктимологическая профилактика (информирование граждан о способах защиты от преступных посягательств (правила личной и имущественной безопасности));

− контроль за соблюдением законодательства в наиболее уязвимых сферах (оборот алкоголя, миграционный учет, правила торговли);

− прогнозирование и мониторинг криминогенной обстановки на конкретных территориях.

Административно-правовая деятельность — это неотъемлемая часть государственного управления, призванная воплощать законы и государственные цели в жизнь. Ее основные черты — нормативность, четкая структура, обязательность и наличие административной юрисдикции, что гарантирует эффективное регулирование и ответственность. В этой системе ключевая роль отведена сотрудникам Министерства внутренних дел, чья работа по поддержанию общественного порядка является фундаментом. Их многогранная деятельность, включающая как рутинные задачи (патрулирование, применение административных мер), так и более сложные (контроль за массовыми собраниями, взаимодействие с населением), в совокупности обеспечивает стабильность, защищает основные права и свободы, а также предотвращает правонарушения, способствуя созданию безопасной и благоприятной среды для всего общества.

---

1. Бабин С. В. Правоохранительная функция в парадигме преобразования системы МВД России на современном этапе // Актуальные проблемы борьбы с преступностью: вопросы теории и практики : материалы XXI междунар. науч.-практ. конф., Красноярск, 5–6 апр. 2018 г. : в 2 ч. / Сиб. юрид. ин-т МВД России. Ч. 1. Красноярск, 2018. С. 57–59. Вернуться к статье

2. Ковалев С. М. Роль уголовно-правовых мер в предупреждении преступлений // Актуальные вопросы борьбы с преступлениями. 2025. № 6. С. 25–29. Вернуться к статье

3. Тарута А. Г. Инновации, применяемые сотрудниками силовых ведомств при обеспечении правопорядка // Направления и перспективы развития образования в военных институтах войск национальной гвардии Российской Федерации : сб. науч. ст. XVII Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием, Новосибирск, 18–19 нояб. 2025 г. / Новосиб. воен. ин-т им. генерала армии И. К. Яковлева войск нац. гвардии Рос. Федерации ; отв. ред. В. В. Косухин. Новосибирск, 2025. С. 839–842. Вернуться к статье

УДК 342.9

ЦИФРОВАЯ ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА КАК ФАКТОР ОБЕСПЕЧЕНИЯ ОБЩЕСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

DIGITAL LEGAL CULTURE AS A FACTOR IN ENSURING PUBLIC SAFETY IN THE REPUBLIC OF BELARUS

С. М. Ковалёв
Могилевский институт МВД Республики Беларусь,
старший преподаватель кафедры административной деятельности
факультета милиции

В. А. Зайцева
Могилевский институт МВД Республики Беларусь,
курсант факультета милиции

Аннотация. *В статье рассматривается концепция цифровой правовой культуры как ключевого элемента современного правосознания граждан Республики Беларусь. Анализируется взаимосвязь между уровнем правовой грамотности населения и динамикой преступности в сфере высоких технологий.*

Ключевые слова: *правовая культура, правосознание, цифровое общество, Республика Беларусь, правовой нигилизм, правовое воспитание, кибербезопасность, информационное право.*

Annotation. *The article considers the concept of digital legal culture as a key element of the modern legal consciousness of citizens of the Republic of Belarus. The relationship between the level of legal literacy of the population and the dynamics of crime in the field of high technologies is analyzed.*

Keywords: *legal culture, legal consciousness, digital society, Republic of Belarus, legal nihilism, legal education, cybersecurity, information law.*

Трансформация современного общества в сторону цифровизации коренным образом меняет парадигму взаимодействия личности, общества и государства. В Республике Беларусь, где развитие ИТ-сектора является одним из приоритетов государственной политики, вопросы формирования адекватной правовой культуры в цифровой среде приобретают стратегическое значение.

Правовая культура — это не только совокупность знаний о законах, но и глубокое внутреннее убеждение в необходимости их соблюдения, а также умение реализовывать свои права и обязанности в повседневной жизни. В условиях, когда значительная часть социальных взаимодействий переносится в виртуальное пространство, традиционные механизмы правового воспитания требуют адаптации. Актуальность темы исследования продиктована необходимостью

минимизации разрыва между технологическим прогрессом и уровнем правосознания граждан.

1. Теоретические основы цифровой правовой культуры.

В юридической науке правовая культура традиционно рассматривается как качественное состояние правовой жизни общества. Применительно к цифровой среде мы можем говорить о «цифровой правовой культуре» как о специфическом срезе общей культуры, включающем в себя:

− информационно-правовую осведомленность: знание норм, регулирующих поведение в Сети (защита персональных данных, авторское право, правила совершения электронных платежей);

− ценностно-нормативный компонент: уважение к правам других пользователей и понимание неотвратимости ответственности за киберпреступления;

− правовую активность: готовность защищать свои интересы законными способами и содействовать правоохранительным органам в выявлении правонарушений [1; 2].

2. Правовой нигилизм в цифровой среде: причины и проявления.

Одной из главных преград на пути формирования высокой правовой культуры является правовой нигилизм — скептическое или отрицательное отношение к закону. В цифровом пространстве он проявляется особенно ярко в силу иллюзии анонимности и безнаказанности.

Основными факторами, способствующими росту правового нигилизма в Сети среди граждан Беларуси, являются:

− дистанционный характер правонарушений: преступник и жертва не видят друг друга, что снижает моральный барьер перед совершением кражи или мошенничества;

− недостаточная информированность о судебной практике: граждане редко слышат о реальных приговорах по статьям за киберпреступления, что порождает ложное чувство безнаказанности у правонарушителей;

− низкий уровень доверия к электронным инструментам защиты: пострадавшие часто не обращаются в милицию, считая ущерб незначительным или расследование — бесперспективным [3].

3. Роль государства в формировании правового сознания.

Республика Беларусь предпринимает системные шаги по повышению правовой культуры населения. Программные документы, такие как Концепция информационной безопасности Республики Беларусь и указы Главы государства по вопросам кибербезопасности, закладывают основу для воспитательной работы [3; 4; 5].

Важным инструментом является Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь Pravo.by и Детский правовой сайт, которые

в доступной форме разъясняют нормы законодательства [6; 7]. Однако правовая культура не может быть навязана только «сверху». Она требует создания интерактивной среды взаимодействия.

В Беларуси активизируется работа субъектов профилактики. Правоохранительные органы перешли к активному просвещению: регулярные СМС-рассылки, выступления в трудовых коллективах, создание специализированных телеграм-каналов. Это примеры формирования правовой культуры через постоянное информационное сопровождение.

4. Правовое воспитание молодежи как приоритет.

Молодежь является наиболее активным пользователем цифровых благ и одновременно наиболее уязвимой категорией в плане вовлечения в противоправную деятельность. Формирование правовой культуры должно начинаться со школьной скамьи.

Правовая культура молодежи — это фундамент, на котором будет строиться общественная безопасность страны.

5. Перспективы развития правовой культуры в современном обществе.

Будущее правовой культуры в Беларуси связано с концепцией «Электронного государства». Чем прозрачнее и понятнее будут государственные процедуры (получение справок, оплата налогов, подача обращений), тем выше будет уровень уважения к закону.

Правовая культура в современном обществе — это динамическая система, которая должна отвечать вызовам времени. Для Республики Беларусь укрепление цифровой правовой культуры является не просто гуманитарной задачей, а элементом национальной безопасности.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод, что только через синергию жестких законодательных мер можно добиться снижения уровня преступности и формирования общества, где закон в цифровой среде воспринимается как естественный регулятор, обеспечивающий свободу и безопасность каждого.

---

1. О концепции правовой политики Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь от 28 июня 2023 г. № 196. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». Вернуться к статье

2. Национальная стратегия устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2030 года [Электронный ресурс]. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». Вернуться к статье

3. Конституция Республики Беларусь 1994 года [Электронный ресурс] : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г., 17 окт. 2004 г. и 27 февр. 2022 г. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». Вернуться к статье

4. О Концепции информационной безопасности Республики Беларусь [Электронный ресурс] : постановление Совета Безопасности Респ. Беларусь от 18 марта 2019 г. № 1. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». Вернуться к статье

5. О мерах по противодействию киберпреступности и повышению уровня цифровой грамотности населения [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь от 10 янв. 2024 г. № 15. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». Вернуться к статье

6. Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь [Электронный ресурс]. URL: https://pravo.by/ (дата обращения: 02.02.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье

7. Детский правовой сайт [Электронный ресурс]. URL: https://mir.pravo.by/ (дата обращения: 02.02.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье

УДК 347

О ПОЛНОМОЧИЯХ СУДА ПО ДЕЛАМ ОБ УРЕГУЛИРОВАНИИ НЕПЛАТЕЖЕСПОСОБНОСТИ (ОПЫТ ИНДИИ)

ON THE POWERS OF THE COURT IN INSOLVENCY RESOLUTION PROCEEDINGS (THE INDIAN EXPERIENCE)

Т. А. Корень
Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова,
заведующий кафедрой юриспруденции факультета экономики и права,
кандидат юридических наук, доцент

Аннотация. *Исследование посвящено актуальным вопросам полномочий и роли суда по делам об урегулировании неплатежеспособности, судебной практики в Индии.*

Ключевые слова: *суд, судебная практика, дискреция суда, неплатежеспособность, несостоятельность, банкротство, Индия.*

Annotation. *The study is devoted to current issues of the powers and role of the court in cases of insolvency resolution, judicial practice in India.*

Keywords: *court, judicial practice, judicial discretion, insolvency, bankruptcy, India.*

Министр связи правительства Индии Дж. Скиндия утверждает, что Индия находится на пути к тому, чтобы превзойти Германию и стать третьей по величине экономикой мира к концу 2027 г., при этом он ссылается на последовательные политические реформы и институциональные изменения, позиционирование страны как крупного глобального производственного центра [1].

Учитывая вышесказанное, заключенный Договор между Республикой Беларусь и Республикой Индия об инвестициях, запланированный в 1,5–2 раза рост взаимного товарооборота и в связи с недавним обновлением белорусского законодательства об урегулировании неплатежеспособности, изменением роли и функций суда в делах о несостоятельности и банкротстве, научный интерес представляет исследование актуальных вопросов компетенции и роли суда по делам о банкротстве, судебной практики в Индии [2].

Судебная процедура банкротства должника играет двойственную роль: как средства защиты коллективного интереса кредиторов, так и стимула должника, уклоняющегося от погашения задолженности, оплатить долг максимально быстро. Процедура банкротства в Индии является мощным инструментом взыскания коммерческого долга, доступным кредиторам, в том числе иностранным.

Кодекс о несостоятельности и банкротстве (далее — Кодекс), принятый в Индии в 2016 г., явился результатом почти двадцатилетней реформы

в финансовой и правовой системах Индии, обеспечив консолидированную основу для решения вопросов несостоятельности и банкротства юридических и физических лиц [3; 4]. До принятия Кодекса система несостоятельности в стране регулировалась множеством законов с длительными процедурами. Кодекс упорядочил эти процессы в единое и согласованное законодательство, направленное на разрешение вопросов несостоятельности в установленные сроки, обеспечивая при этом баланс интересов всех заинтересованных сторон [5].

Отчет Резервного банка Индии «Тенденции и прогресс банковской деятельности в Индии 2023–2024» содержит вывод о том, что применение Кодекса является доминирующим способом взыскания долгов, на который приходится 48,1 % всех взысканий [6, с. 60]. В Экономическом обзоре 2024–2025 гг. высоко оценена роль Кодекса в изменении поведения компаний, находящихся в затруднительном финансовом положении, подчеркнута его роль как сдерживающего фактора, который побудил компании к принятию предупреждающих неплатежеспособность мер, а не к формальной процедуре реструктуризации. Как отмечает доктор Бхушан Кумар Синха, прежний Закон о неплатежеспособных промышленных компаниях (специальные положения) 1985 г. имел ряд существенных недостатков, подвергался критике за неспособность обеспечить своевременное восстановление платежеспособности, поскольку разбирательства часто затягивались на 5–7 лет, что приводило к мизерным суммам возврата долга кредиторам [7, с. 1]. В отчете Doing Business, подготовленном Всемирным банком за 2014–2015 гг., указывается, что в Индии «урегулирование неплатежеспособности занимает в среднем 4,3 года и обходится в 9 % от стоимости имущества должника, при этом наиболее вероятным результатом является продажа компании по частям. Средний коэффициент возврата составляет 25,7 центов на доллар» [7, с. 3].

Правительством Индии были сформулированы принципы Кодекса, которые являются важными инструментами для его толкования и применения. Рассмотрим некоторые из них в контексте компетенции суда по делам об урегулировании неплатежеспособности:

− Раннее выявление финансовых трудностей и упрощение возбуждения процедуры. Согласно Кодексу, основанием возбуждения дела является просрочка исполнения обязательств должника на сумму, превышающую пороговую. Это означает минимальные или нулевые полномочия суда по установлению несостоятельности, в отличие от существовавшей ранее необходимости проверки и оценки судом финансового состояния предприятия путем анализа его бухгалтерских книг, что приводило к противоречивой судебной практике и затяжным судебным разбирательствам.

− Судебное вмешательство, ограниченное вопросами процедуры. Кодекс четко разграничил полномочия суда и комитета кредиторов, которому отводится центральная роль в процедуре урегулирования несостоятельности. Различаются деловые решения, оценивающие жизнеспособность должника (так называемые вопросы бизнеса), и решения, обеспечивающие процессуальную справедливость. Таким образом, по мнению законодателя, роль Национального трибунала по корпоративному праву как судебного органа в рамках процедуры реструктуризации корпоративной несостоятельности ограничивается обеспечением законности и процессуальных норм, поддержанием процессуальной справедливости и рассмотрением заявлений о нарушениях и злоупотреблениях в ходе процесса. Указанное нововведение обусловлено имевшим место ранее чрезмерным вмешательством судебных органов (Кристин ван Цвитен) [8, с. 275].

− Отсутствие предписаний по решениям для урегулирования неплатежеспособности. Комиссия по регулированию банковской деятельности Индии рекомендовала, чтобы закон сначала попытался сохранить проблемную компанию. Если такая попытка не привела к восстановлению платежеспособности, компания должна быть ликвидирована. Выбор решения по восстановлению проблемной компании зависит от решения комитета кредиторов. От суда требуется лишь оценить, соответствует ли план реструктуризации юридическим требованиям (о предоставлении приоритета промежуточному финансированию, соблюдении действующих законов, обеспечении выплат кредиторам, не входящим в комитет кредиторов, и т. д.).

Анализ судебных прецедентов свидетельствует о том, что имеет место быть не в полной мере верное толкование индийскими судами правовых норм без учета цели Кодекса и указанных выше принципов:

1. Так, подход судов, ориентированный на сохранение бизнеса, привел к проведению многочисленных повторных торгов с целью «возрождения» компаний в ходе процедуры реструктуризации, что увеличивает срок и стоимость процедур. Апелляционный трибунал по корпоративным делам в деле Y. Shivam Prasad постановил, что даже в случае вынесения постановления о ликвидации ликвидатор должен сначала попытаться возродить компанию и управлять ею как действующим предприятием, прежде чем продавать активы компании [7, с. 11].

2. В другом случае Верховный суд в решении по делу Vidarbha Industries Power Ltd. против Axis Bank Ltd. постановил, что суд обладает дискреционными полномочиями при оценке того, следует ли принять заявление, независимо от наличия долга и неплатежеспособности, что факторы, касающиеся финансового состояния должника, имеют значение для оценки Национальным

трибуналом по корпоративному праву вопроса о возбуждении процедуры корпоративной несостоятельности [7, с. 9].

3. По делу Fourth Dimension Solutions Ltd. против Ricoh India Ltd. Верховный суд подтвердил непрерывность арбитражного разбирательства между должником и кредитором, несмотря на утверждение плана реструктуризации и в нарушение принципа «чистого листа», согласно которому после утверждения плана реструктуризации предъявление претензий исключается [7, с. 17].

По итогам изучения судебной практики индийскими учеными сформулирован следующий вывод: «Использование широких дискреционных полномочий увеличивает случаи судебного вмешательства в ситуациях, когда оно может быть неоправданным, тем самым усугубляя задержки и подпитывая дальнейшие судебные разбирательства… Это резко контрастирует с общей схемой Кодекса, который направлен на упрощение процедур банкротства путем установления четких руководящих принципов и ограничения судебного вмешательства обстоятельствами, которые считаются необходимыми для справедливого и эффективного разрешения дел о несостоятельности» [7, с. 26]. Соглашаясь со сказанным, дополнительно отметим, что широкое толкование и применение судами дискреционных полномочий могут привести к отклонению от задуманной законодателем цели, потенциально препятствуя быстрому разрешению вопросов несостоятельности. Представляется, что судебные нововведения должны применяться в исключительных случаях. Бесспорно, суды играют решающую роль в толковании и применении законодательства о несостоятельности, разрешении споров и адаптации правовых принципов к новым вызовам. Однако избыточные «новеллы» судебной практики могут привести к неопределенности и противоречиям, подрывая эффективность процедур несостоятельности.

Судебная власть, безусловно, играет значительную роль в формировании единообразного правоприменения и устранении пробелов в нормативном регулировании. Так, в Индии процедура урегулирования банкротства Jet Airways стала первым примером трансграничного сотрудничества, подчеркнув роль судебной власти в обеспечении эффективной координации с конфликтующими зарубежными разбирательствами. Умелое использование Национальным трибуналом по корпоративному праву прецедентов из США и Великобритании для решения сложных вопросов, таких как групповая задолженность, оказалось эффективным в случае Videocon Industries и для многих других последующих компаний группы в рамках процедур, предусмотренных Кодексом [7, с. 26].

Индийские ученые (Шардул С. Шрофф, Айшвария Сатиджа, Критика Поддар и др. [7, с. 27–28]) обращают внимание на отсутствие в Индии законов о трансграничной несостоятельности и групповой несостоятельности, что

вынуждает судебную систему формировать судебную практику при отсутствии соответствующих правовых норм. По их мнению, путь к обеспечению предсказуемости в законодательстве требует соответствующих законодательных поправок с учетом судебных нововведений и толкований. Также ими отмечается острая необходимость в дальнейших поправках, которые будут следовать принципиальному подходу, основанному на верховенстве права.

В заключение нами сформулированы следующие выводы.

Законодательный и правоприменительный опыт Индии по урегулированию неплатежеспособности в свете Кодекса 2016 г. свидетельствует о сужении полномочий суда по сравнению с ранее существующими. Дискреционные полномочия суда, являясь неотъемлемым условием реализации принципа независимости судебной власти, реализуются при наличии неопределенности в праве урегулирования неплатежеспособности, в то же время они должны использоваться в рамках закона и принципов специального законодательства. Судебная практика Индии подтверждает теоретическое положение о важности роли суда в восполнении недостатка правового регулирования, в частности в сфере трансграничной и групповой несостоятельности.

---

1. India set to overtake Germany as third-largest economy by 2027, says Scindia [Electronic resource] // Ministry of External Affairs : [website]. URL: https://indbiz.gov.in/india-set-to-overtake-germany-as-third-largest-economy-by-2027-says-scindia/ (date of access: 18.01.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье

2. Договор между Республикой Беларусь и Республикой Индия об инвестициях [Электронный ресурс] : ратифицирован Законом Респ. Беларусь от 16 июля 2019 г. № 206-З // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. URL: https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=I01800099 (дата обращения: 18.01.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье

3. The Insolvency and Bankruptcy Code, 2016 [Electronic resource] // India Code : [website]. URL: https://www.indiacode.nic.in/handle/123456789/2154?sam_handle=123456789/1362 (date of access: 18.01.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье

4. Законодательство Индии — обзор индийской правовой системы [Electronic resource] // GSL : [website]. URL: https://gsl.org/ru/offshore/offshore-zones/south-southeast-asia/india-r/legislation/ (date of access: 18.01.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье

5. Cramdown under Indian insolvency law [Electronic resource] // GRR : [website]. URL: https://globalrestructuringreview.com/review/asia-pacific-restructuring-review-archived/2025/article/cramdown-under-indian-insolvency-law (date of access: 18.01.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье

6. Report on trend and progress of banking in India 2023–24 [Electronic resource]. URL: https://mucbf.com/wp-content/uploads/Trend-and-Progress-Report/trend-and-progress-report-2023-24.pdf (date of access: 18.01.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье

7. Transforming Insolvency Resolution in India : collection of articles, the 3rd International Research Conference on Insolvency and Bankruptcy, IBBI and the Indian School of Business (ISB), Hyderabad, July 2–3, 2024. New Delhi, 2025. 280 p. Вернуться к статье

8. Ван Цвитен К. Упадок законодательства о корпоративной несостоятельности в Индии [Электронный ресурс] : дис. … д-ра филос. в праве / Оксфорд. ун-т. Оксфорд, 2012. 340 л. URL: https://ora.ox.ac.uk/objects/uuid%3Ab19387d6-1a57-4e60-b46b-ca2c7a469afe (дата обращения 18.01.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье

УДК 342.9

СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ЮРИДИЧЕСКИХ ОСНОВ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ПО ОХРАНЕ ОБЩЕСТВЕННОГО ПОРЯДКА ПРИ ПРОВЕДЕНИИ ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ КАМПАНИЙ

COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS OF THE LEGAL FOUNDATIONS FOR THE ACTIVITIES OF INTERNAL AFFAIRS BODIES OF THE REPUBLIC OF BELARUS AND THE RUSSIAN FEDERATION REGARDING THE MAINTENANCE OF PUBLIC ORDER DURING ELECTION CAMPAIGNS

А. В. Лубенков
Могилевский институт МВД Республики Беларусь,
начальник кафедры административной деятельности факультета милиции,
кандидат юридических наук, доцент

Аннотация. *В статье показано, что, несмотря на определенные нормативные отличия, Республика Беларусь и Российская Федерация стремятся создать оптимальные условия для проведения свободных и справедливых выборов, защищая интересы граждан и укрепляя доверие общества к государственным институтам.*

Ключевые слова: *юридические основы избирательных кампаний, деятельность органов внутренних дел по охране общественного порядка при проведении избирательных кампаний.*

Annotation. *The article shows that despite certain regulatory differences, the Republic of Belarus and the Russian Federation strive to create optimal conditions for holding free and fair elections, protecting the interests of citizens and strengthening public trust in state institutions.*

Keywords: *legal foundations of electoral campaigns, activities of internal affairs bodies in maintaining public order during electoral campaigns.*

Участие граждан в избирательных кампаниях любого уровня, как форма волеизъявления народа имеет большое значение для любого государства. Выборы — это одно из главных общественно-политических событий для любой страны. Отдавая свой голос в пользу того или иного кандидата, граждане определяют судьбу государства, а также дальнейшие пути и направления развития общества и государства. Конституция Российской Федерации, являясь высшим законом России, в ч. 2 ст. 32 закрепляет право граждан Российской Федерации избирать и быть избранными в органы государственной власти и органы местного самоуправления, а также участвовать в референдуме [1]. Конституция Республики Беларусь в ст. 38 определяет, что «граждане Республики Беларусь имеют право свободно избирать и быть избранными в государственные органы

на основе всеобщего, равного, прямого или косвенного избирательного права при тайном голосовании» [2].

Вышеизложенное позволяет прийти к выводу, что право избирать и быть избранным в той или иной формулировке закреплено в основных законах (конституциях) большинства демократических государств и является неотъемлемым правом гражданина. При этом отметим, что государство, признавая данное право, не отказывается от контроля за порядком его реализации, охраняя тем самым права других лиц и обеспечивая их безопасность. И это вполне объяснимо, поскольку при проведении избирательных кампаний не исключается совершение правонарушений и возникновение иных происшествий, что налагает на органы внутренних дел (далее — ОВД) значимые и ответственные задачи, среди которых можно выделить основную — обеспечение общественного порядка и безопасности. Успешному выполнению задач, возложенных на сотрудников ОВД, в период проведения избирательных кампаний способствует знание законодательства и особенностей несения службы в данный период, четкое владение индивидуальными специальными приемами и навыками, слаженность и четкость действий сотрудников ОВД как единолично, так и в составе групп и подразделений. При этом не следует забывать о повышенном внимании к процедурам голосования в целом, и к деятельности ОВД в рамках избирательной кампании в частности со стороны гражданского общества, которое ожидает от них профессионального исполнения обязанностей, строгого соблюдения закона и защиты общественных интересов. Это способствует укреплению доверия к институтам власти и обеспечивает легитимность результатов голосования.

Правовую основу избирательной системы Республики Беларусь составляют Конституция Республики Беларусь, Избирательный кодекс Республики Беларусь и иные акты законодательства, постановления Центральной избирательной комиссии Республики Беларусь [2; 3].

Конституция Республики Беларусь — Основной Закон, имеющий высшую юридическую силу, а также закрепляющий основополагающие принципы и нормы правового регулирования важнейших общественных отношений. Гарантируя основные права и свободы граждан, Конституция допускает их ограничение только в случаях, предусмотренных законом, в интересах национальной безопасности, общественного порядка, защиты нравственности, здоровья населения, прав и свобод других лиц (ст. 23), что согласуется с нормами международного права. Свобода собраний, митингов, уличных шествий, демонстраций и пикетирования, не нарушающих правопорядок и права других граждан, гарантируется государством. Порядок проведения указанных мероприятий определяется законом (ст. 35) [2].

Избирательный кодекс Республики Беларусь регулирует отношения, возникающие при подготовке и проведении выборов, и устанавливает гарантии, обеспечивающие свободное волеизъявление граждан (основные принципы избирательной системы, полномочия госорганов, комиссий, участников избирательной кампании, порядок голосования и т. п.) [3].

Закон Республики Беларусь от 30 декабря 1997 г. № 114-З «О массовых мероприятиях» устанавливает порядок организации и проведения собраний, митингов, уличных шествий, демонстраций, пикетирования и иных массовых мероприятий и направлен на создание условий для реализации конституционных прав и свобод граждан, обеспечения общественной безопасности и порядка при проведении этих мероприятий на улицах, площадях и в иных общественных местах [4]. Следует понимать, что этот Закон не распространяется на собрания коллективов работников, политических партий, профессиональных союзов, иных организаций, проводимые в помещениях в соответствии с законодательством, их уставами (положениями о них); пикетирование для сбора подписей избирателей по выдвижению кандидатов, проводимое в местах, не запрещенных для этой цели местными исполнительными и распорядительными органами; собрания, митинги и пикетирование, организуемые кандидатами в депутаты, их доверенными лицами в порядке, предусмотренном Избирательным кодексом. В иных случаях данный Закон действует на общих основаниях.

Необходимо учитывать, что Закон Республики Беларусь от 18 июля 2011 г. № 300-З «Об обращениях граждан и юридических лиц» не распространяется на обращения граждан и юридических лиц, в отношении которых другими законодательными актами установлен иной порядок их подачи и рассмотрения [5]. Так, в соответствии со ст. 38 Избирательного кодекса Республики Беларусь, избирательные комиссии имеют право обращаться по вопросам, связанным с подготовкой и проведением выборов, в государственные органы, общественные объединения, к руководителям организаций, иным должностным лицам, которые обязаны рассмотреть поставленный вопрос и дать ответ комиссии не позднее чем в трехдневный срок.

ОВД Республики Беларусь, являясь составной частью системы обеспечения национальной безопасности, осуществляют борьбу с преступностью, охрану общественного порядка и обеспечивают общественную безопасность в соответствии с задачами, возложенными на них Законом Республики Беларусь от 17 июля 2007 г. № 263-З «Об органах внутренних дел Республики Беларусь» и иными законодательными актами (ст. 1). К основным задачам ОВД отнесены, в частности, профилактика, выявление, пресечение преступлений и административных правонарушений, производство дознания по уголовным делам,

ведение административного процесса в соответствии с их компетенцией, а также оказание на условиях и в порядке, предусмотренных законодательством, помощи различным субъектам в реализации их прав и возложенных на них обязанностей (ст. 2) [6].

Основными нормативными правовыми актами, устанавливающими порядок проведения референдумов и выборов в Российской Федерации, являются: Конституция Российской Федерации, Федеральный закон от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» [7], Федеральный конституционный закон от 28 июня 2004 г. № 5-ФКЗ «О референдуме Российской Федерации» [8], Федеральный закон от 10 января 2003 г. № 19-ФЗ «О выборах Президента Российской Федерации» [9], Федеральный закон от 22 февраля 2014 г. № 20-ФЗ «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» [10].

Правовую основу проведения выборов в России составляют не только федеральные законы, но и региональные законодательные акты. Субъекты Российской Федерации наделены полномочиями создавать свои нормативные правовые акты, регламентирующие специфические для данного региона аспекты избирательной кампании. Как правило, принимаются во внимание сложившиеся в регионе традиции, особенности этнического населения и другие факторы. Могут быть установлены дополнительные требования к кандидатам на выборные должности, такие как, например, оседлость в регионе, наличие определенного стажа работы. Наиболее часто закрепляются в нормативных правовых актах особые правила проведения агитационной кампании, например, ограничения на использование определенных видов агитации или установление особых сроков для проведения предвыборных мероприятий, либо в региональном законодательстве закрепляется особый порядок создания избирательных комиссий, либо вводятся отдельные требования к процессу голосования, либо вводится особый порядок обжалования результатов выборов.

Согласно п. 12 ст. 66 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации», ч. 15 ст. 8 Федерального закона «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации», п. 15 ст. 69 Федерального закона «О выборах Президента Российской Федерации», правоохранительные органы обеспечивают в соответствии с федеральными законами безопасность граждан и общественный порядок в помещении для голосования и на территории избирательного участка, участка референдума. Принимая во внимание вышеизложенное, п. 31 ч. 1 ст. 12 Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» на полицию возложены обязанности

принимать меры по пресечению в ходе избирательных кампаний противоречащей закону предвыборной агитации; информировать избирательные комиссии о фактах выявленных нарушений и принятых в связи с этим мерах; предоставлять по запросам избирательных комиссий сведения о наличии неснятой или непогашенной судимости у лиц, являющихся кандидатами на должность Президента Российской Федерации; осуществлять охрану помещений, где хранятся бюллетени для голосования на выборах; участвовать в обеспечении безопасности граждан и общественного порядка в помещениях для голосования и на территориях вокруг них; оказывать по запросам избирательных комиссий иное содействие в целях обеспечения беспрепятственного осуществления этими комиссиями полномочий, возложенных на них федеральным законом [11]. Одним из ключевых направлений деятельности сотрудников ОВД Российской Федерации, ориентированных на защиту прав и свобод граждан, поддержание общественного порядка и обеспечение безопасности населения в период проведения избирательных кампаний, является выполнение ими функций, предусмотренных законодательством, по оказанию содействия избирательным комиссиям в выполнении ими обязанностей по организации и проведению выборов.

Таким образом, проведенный анализ норм российского законодательства и законодательства Республики Беларусь, регламентирующих деятельность ОВД при охране общественного порядка и обеспечении общественной безопасности на избирательных участках в день голосования, позволил сделать следующие выводы: охрана общественного порядка и обеспечение общественной безопасности в период проведения выборов являются важнейшими аспектами функционирования государственных институтов. Законодательство Российской Федерации и Республики Беларусь регулирует деятельность ОВД в этой сфере, обеспечивая необходимые правовые рамки для выполнения соответствующих функций; ключевая задача ОВД указанных государств заключается в обеспечении общественного порядка посредством превентивных мер против потенциальных правонарушений. Сотрудники ОВД обладают законным правом осуществлять мониторинг обстановки на территории избирательных участков, оперативно фиксируя и адекватно реагируя на возникновение ситуаций, угрожающих правопорядку и конституционным процедурам голосования, однако при этом не осуществляют непосредственного вмешательства в деятельность соответствующих комиссий. Это обеспечивает независимость и беспристрастность избирательных процессов; законодательство Российской Федерации и Республики Беларусь содержит многоуровневую систему ответственности за нарушения, связанные с избирательным процессом. В обеих странах предусмотрены специализированные статьи, регулирующие ответственность

за различные виды нарушений, включая фальсификацию результатов выборов. В Республике Беларусь ОВД также взаимодействуют с другими государственными органами, но акцент делается на самостоятельное выполнение функций по охране общественного порядка и обеспечению безопасности; несмотря на определенные нормативные отличия, оба государства стремятся создать оптимальные условия для проведения свободных и справедливых выборов, защищая интересы граждан и укрепляя доверие общества к государственным институтам.

1. Конституция Российской Федерации [Электронный ресурс] : принята всенар. голосованием 12 дек. 1993 г. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс». Вернуться к статье

2. Конституция Республики Беларусь [Электронный ресурс] : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г., 17 окт. 2004 г. и 27 февр. 2022 г. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». Вернуться к статье

3. Избирательный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 11 февр. 2000 г. № 370-З : принят Палатой представителей 24 янв. 2000 г. : одобр. Советом Респ. 31 янв. 2000 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 16 февр. 2023 г. № 252-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». Вернуться к статье

4. О массовых мероприятиях [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь от 30 дек. 1997 г. № 114-З : в ред. от 17 июля 2023 г. № 292-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». Вернуться к статье

5. Об обращениях граждан и юридических лиц [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь от 18 июля 2011 г. № 300-З : в ред. от 16 марта 2026 г. № 134-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». Вернуться к статье

6. Об органах внутренних дел Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь от 17 июля 2007 г. № 263-З : в ред. от 19 мая 2022 г. № 171-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». Вернуться к статье

7. Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации [Электронный ресурс] : Федер. закон от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ : в ред. от 29 дек. 2025 г. № 546-ФЗ. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс». Вернуться к статье

8. О референдуме Российской Федерации [Электронный ресурс] : Федер. конституц. закон от 28 июня 2004 года № 5-ФКЗ : в ред. от 30 дек. 2021 г. № 4-ФКЗ. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс». Вернуться к статье

9. О выборах Президента Российской Федерации [Электронный ресурс] : Федер. закон от 10 янв. 2003 г. № 19-ФЗ : в ред. от 8 авг. 2024 г. № 232-ФЗ. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс». Вернуться к статье

10. О выборах депутатов Государственной Думы Федерального собрания Российской Федерации [Электронный ресурс] : Федер. закон от 22 февр. 2014 г. № 20-ФЗ : в ред. от 23 мая 2025 г. № 115-ФЗ. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс». Вернуться к статье

11. О полиции [Электронный ресурс] : Федер. закон от 7 февр. 2011 г. № 3-ФЗ : в ред. от 15 дек. 2025 г. № 486-ФЗ. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс». Вернуться к статье

УДК 004:340

МЕНТАЛИТЕТ В ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ И ИНФОРМАЦИОННОМ ПРАВЕ

MENTALITY IN INFORMATION SECURITY AND INFORMATION LAW

Д. В. Меняйло
Московский ордена Почета университет Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В. Я. Кикотя,
профессор кафедры специальных информационных технологий учебно-научного комплекса информационных технологий,
кандидат юридических наук, доцент

Аннотация. *В статье рассматриваются проявления национального менталитета в информационном праве и системе обеспечения информационной безопасности Российской Федерации. На основе аксиологического подхода исследуется взаимосвязь правового менталитета, национального менталитета. Обращается внимание на закрепление российских духовно-нравственных ценностей в законодательстве.*

Ключевые слова: *информационная безопасность, национальный менталитет, правовой менталитет, информационное право, правовые ценности, деструктивное информационное воздействие, вестернизация, традиционные ценности, национальная безопасность.*

Annotation. *The article examines the manifestations of the national mentality in information law and the information security system of the Russian Federation. Based on the axiological approach, the interrelation of legal mentality and national mentality is investigated. Attention is drawn to the consolidation of Russian spiritual and moral values in legislation.*

Keywords: *information security, national mentality, legal mentality, information law, legal values, destructive information impact, westernization, traditional values, national security.*

Современный этап развития человечества, характеризующийся глобальной цифровизацией и переходом к информационному обществу, обусловливает трансформацию традиционных подходов к обеспечению национальной безопасности. Информация перестала быть лишь ресурсом; она стала средой обитания, инструментом власти и оружием в гибридных конфликтах. В этих условиях категория менталитета, ранее находившаяся преимущественно в поле зрения философии, психологии и культурологии, приобретает выраженное юридическое звучание и рассматривается как правовой менталитет. Возникает закономерный вопрос: насколько эффективно действующее законодательство способно защитить нематериальную сферу человеческого сознания от целенаправленных деструктивных воздействий?

В Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400, защита традиционных российских духовно-нравственных ценностей выделена в качестве стратегического национального приоритета [1]. Однако нормативное закрепление понятия «менталитет» и механизмов его правовой защиты остается дискуссионным. Как справедливо отмечает Н. В. Щербакова, аксиологический подход к праву является важнейшим способом раскрытия природы человека, его менталитета и правосознания, поскольку правовые ценности выступают предпосылками вхождения личности в сферу права [2, с. 49]. В этой связи весьма актуальным будет исследование проявления национального менталитета россиян, их правового менталитета в системе информационного права и информационной безопасности.

Традиционно под национальным менталитетом понимается исторически сложившийся комплекс ценностных представлений о мире, о себе как народе, о должном и недолжном отношении к миру и способах жизнедеятельности. А. А. Ковалев подчеркивает, что национальный менталитет — это глубинный пласт формирования и существования всей нации, довольно стабильный элемент, который формируется веками [3, с. 255].

В контексте информационного права целесообразно различать понятия «национальный менталитет» и «правовой менталитет». Если первый относится к культурно-исторической идентичности этноса, то второй отражает отношение субъектов права к действующему законодательству, правовым идеалам и ценностям. Н. В. Щербакова аргументированно доказывает, что правовые ценности лежат в основе права и правопорядка, выступают как идеальное обоснование норм права и составляют цель права [2, с. 50]. Познание правовых ценностей позволяет человеку приобрести черты субъекта права, осознать свои информационные права, свободы и обязанности.

По нашему мнению, под правовым менталитетом следует понимать «исторически сложившиеся специфические, наиболее типичные и устойчивые для определенной социальной или национально-этнической общности системы мировоззренческих представлений, оцениваний и реагирований на объекты государственно-правовой действительности» [4, с. 24; 5].

Таким образом, информационно-правовая культура личности, заключающаяся в знании того, как работать с информацией и как защитить свои информационные права, становится производной от правового менталитета. В условиях становления информационного общества у лица формируются ценностные правовые оценки, ориентации и установки. Основными информационно-правовыми ценностями являются свобода, равенство, справедливость,

достоинство, выражающиеся в свободном доступе к информации и обмене ею, взаимной терпимости и уважении личности [2, с. 52].

Однако возникает проблема: как защитить эти ценности, когда само информационное пространство становится полем битвы? А. А. Ковалев указывает на взаимосвязь таких категорий, как «информация», «информационная политика», «военная безопасность» и «национальный менталитет». Защита национального менталитета должна являться ключевым направлением информационной политики в области обеспечения военной безопасности [6, с. 127]. Это утверждение расширяет традиционное понимание военной безопасности, включая в нее информационно-психологическую защиту населения.

Ключевые элементы по обеспечению информационной безопасности вкраплены в Конституцию Российской Федерации. Пункт «м» ст. 71 относит к исключительному ведению Российской Федерации обеспечение безопасности личности, общества и государства при применении информационных технологий, обороте цифровых данных [7]. Эта норма призвана обеспечить защиту информационного пространства всех субъектов информационных правоотношений. В целях развития положений Конституции в России принимались и принимаются документы стратегического характера. Одним из основных документов является Доктрина информационной безопасности Российской Федерации, утвержденная Указом Президента Российской Федерации от 5 декабря 2016 г. № 646 [8]. В ней среди национальных интересов в информационной сфере выделяется применение информационных технологий в интересах сохранения культурных, исторических и духовно-нравственных ценностей многонационального народа Российской Федерации.

Ключевым этапом развития законодательства стало принятие Указа Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» [9]. В данном документе дается определение традиционных ценностей как нравственных ориентиров, формирующих мировоззрение граждан России, передаваемых от поколения к поколению. К ним относятся жизнь, достоинство, патриотизм, крепкая семья, приоритет духовного над материальным, коллективизм и др. [7, с. 41].

Анализ данных нормативных актов позволяет сделать вывод, что российский законодатель отошел от сугубо технократического понимания информационной безопасности. Защита менталитета теперь рассматривается не как побочный эффект, а как самостоятельная цель государственной политики. М. И. Паршуков отмечает, что защиту традиционных российских духовно-нравственных ценностей необходимо рассматривать в качестве мер

по прогнозированию, обнаружению, сдерживанию, предотвращению и отражению информационных угроз [7, с. 40].

Тем не менее в системе информационного законодательства, по мнению некоторых отечественных ученых, существует пробел, заключающийся в отсутствии базового федерального закона «Об информационной безопасности», который бы определил базовые нормы, включая нормативное определение понятия «деструктивное информационное воздействие» [7, с. 46]. Возможно, отсутствие такого закона и затрудняет квалификацию правонарушений в информационной сфере, направленных на размывание традиционных ценностей, но если и принимать такой закон, то только как «рамочный». В пользу этого говорит достаточно быстрое технологическое развитие в России, когда появление новых технологий происходит быстрее, чем принимаются регулирующие их реализацию нормативные правовые акты. Кроме того, необходимо до конца осознать роль и функционал искусственного интеллекта, квантовых технологий для определения принципов их применения. На данный момент острой необходимости в принятии такого специального закона, по мнению автора, нет, хотя определенная систематизация законодательства в сфере информационной безопасности назрела.

Важным аспектом является защита детей как наиболее уязвимой группы. В Концепции информационной безопасности детей в Российской Федерации, утвержденной распоряжением Правительства Российской Федерации от 28 апреля 2023 г. № 1105-р [10], законодатель создает правовые условия обеспечения информационной безопасности детей, предлагает совершенствовать формы обеспечения безопасности детей, исключая бесконтрольное использование сети Интернет, ограждать детей от деструктивного контента, формировать навык безопасного пользования информацией, прививать детям традиционные ценности в информационном пространстве и пр.

Деструктивный характер для духовно-нравственной основы россиян присутствует в вестернизации, которая получила свое активное распространение в России в 90-е гг. XX в. Такой образ жизни, навязываемый россиянам, противоречит их «культурному коду», традиционным ценностям, создает угрозу утраты культурного суверенитета, что неминуемо качественно сказывается на содержательной стороне информационной сферы. Чуждая, прививаемая информационная основа призвана была «размыть фундамент» национального менталитета. Осознание пагубности процессов вестернизации для россиян побудило предпринять меры по уходу с этого курса в сторону сохранения исторической памяти и традиционных ценностей. Нормативно такие меры были зафиксированы в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации [11] 2021 г. (например, в ст. 88) и Основах государственной

политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей 2022 г. [12]. Указанные источники составляют принципиальную основу постоянно пребывающего в процессе трансформации информационного права, которое в содержательном плане развивается по пути обеспечения информационного суверенитета, фиксируя информацию о «культурном коде» и национальном менталитете россиян, обеспечивая их национальную безопасность в условиях информационно-психологического влияния враждебных государств.

---

1. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации [Электронный ресурс] : Указ Президента Рос. Федерации от 2 июля 2021 г. № 400. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс». Вернуться к статье

2. Щербакова Н. В. Правосознание и правовой менталитет: ценности в условиях информационного общества // Аграрное и земельное право. 2025. № 8. С. 49–53. Вернуться к статье

3. Ковалев А. А. Вестернизация как угроза российскому национальному менталитету в контексте защиты национальной безопасности государства // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2022. № 4. С. 252–257. Вернуться к статье

4. Меняйло Д. В. Российский правовой менталитет : моногр. Белгород : БелЮИ МВД России, 2005. 120 с. Вернуться к статье

5. Меняйло Д. В. Русский правовой менталитет и правовая культура // Правовая культура в России на рубеже столетий : тез. докл. Всерос. науч.-теорет. конф., Волгоград, 16–17 февр. 2001 г. Волгоград : Издат. группа Волгогр. регион. отделения Молодеж. союза юристов, 2001. С. 69–71. Вернуться к статье

6. Ковалев А. А. Информационная политика в сфере военной безопасности в контексте защиты национального менталитета // Экон. и соц.-гуманитар. исслед. 2022. № 4 (36). С. 127–132. Вернуться к статье

7. Паршуков М. И. Правовые проблемы обеспечение информационной безопасности в условиях деструктивного информационного воздействия на традиционные российские духовно-нравственные ценности // Перспективы продвижения российской модели мировоззренческих ценностей в зарубежной социокультурной среде в условиях информационной безопасности : материалы междунар. науч.-практ. конф., Екатеринбург, 12 апр. 2024 г. Екатеринбург : Урал. гос. юрид. ун-т им. В. Ф. Яковлева, 2024. С. 38–48. Вернуться к статье

8. Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации [Электронный ресурс] : Указ Президента Рос. Федерации от 5 дек. 2016 г. № 646 // ГАРАНТ. URL: https://base.garant.ru/71556224/ (дата обращения 20.02.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье

9. Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей [Электронный ресурс] : Указ Президента Рос. Федерации от 9 нояб. 2022 г. № 809. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс». Вернуться к статье

10. Об утверждении Концепции информационной безопасности детей в РФ и признании утратившим силу распоряжения Правительства Российской Федерации

от 2 декабря 2015 г. № 2471-р [Электронный ресурс] : распоряжение Правительства Рос. Федерации от 28 апр. 2023 г. № 1105-р // ГАРАНТ. URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/406740607/ (дата обращения 20.02.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье

11. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации [Электронный ресурс] : Указ Президента Рос. Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 // ГАРАНТ. URL: https://base.garant.ru/401425792/ (дата обращения 20.02.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье

12. Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей [Электронный ресурс] : Указ Президента Рос. Федерации от 9 нояб. 2022 г. № 809 // ГАРАНТ. URL: https://base.garant.ru/405679061/ (дата обращения 20.02.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье

УДК 340

ИНФОРМАЦИОННО-ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ КАК ОДИН ИЗ ФАКТОРОВ ФОРМИРОВАНИЯ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

INFORMATION AND TELECOMMUNICATION TECHNOLOGIES AS ONE OF THE FACTORS OF FORMATION OF LEGAL CULTURE IN MODERN SOCIETY

Л. Н. Меняйло
Московский ордена Почета университет Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В. Я. Кикотя,
доцент кафедры противодействия преступлениям в сфере информационно-телекоммуникационных технологий,
кандидат политических наук, доцент

В. А. Юнева
Московский ордена Почета университет Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В. Я. Кикотя,
преподаватель кафедры противодействия преступлениям в сфере информационно-телекоммуникационных технологий,
кандидат юридических наук

Аннотация. *В статье проведен анализ влияния информационно-телекоммуникационных технологий на состояние и тенденции развития правовой культуры в России. В статье рассматривается двойственная природа правовой культуры; акцентируется внимание на позитивных гранях (доступность правовой информации, модернизация юридического образования, интерактивность взаимодействия государства и общества), на негативных аспектах (распространение недостоверной правовой информации, подмена правовой культуры информационно-коммуникационной).*

Ключевые слова: *правовая культура, информационно-телекоммуникационные технологии, правосознание, юридическое образование, информационное общество, нормативно-правовое регулирование.*

Annotation. *The article analyzes the impact of information and telecommunication technologies on the state and trends in the development of legal culture in Russia. Examines the dual nature of legal culture, focuses on the positive aspects (accessibility of legal information, modernization of legal education, interactivity of interaction between the state and society), and on the negative aspects (dissemination of false legal information, substitution of legal culture information and communication).*

Keywords: *legal culture, information and telecommunication technologies, legal awareness, legal education, information society, legal regulation.*

Информационно-телекоммуникационные технологии на сегодняшний день приобретают особую востребованность, что характеризует современные тенденции во всем мире в рамках перехода в новую информационную и цифровую реальность. Развитие российской государственности не является исключением, для нее также свойственна глубокая трансформация социальных отношений под воздействием научно-технического прогресса.

Современные технологии становятся источником информации обо всех сферах жизни общества, в том числе и о праве, позволяют формировать правовые ориентиры и правовые установки, способствуют прогрессивно-правовому развитию личности и формированию правовой культуры.

В условиях провозглашения Российской Федерации правовым государством (ст. 1 Конституции Российской Федерации [1]) вопрос формирования высокой правовой культуры населения приобретает стратегическое значение. Однако традиционные механизмы правового воспитания и просвещения претерпевают существенные изменения в условиях развития информационно-телекоммуникационных технологий. В связи с этим своевременность исследования темы определяется необходимостью осмысления роли информационно-телекоммуникационных технологий не только как технического инструмента, но и как социокультурного фактора, способного усиливать, а также деструктивно воздействовать на правовую культуру личности и общества.

Вопрос влияния информационно-телекоммуникационных технологий на развитие правовой культуры стал актуальным для ученых-правоведов не так давно. Несмотря на наличие ряда исследований, посвященных взаимосвязи права и информатизации (например, Н. Н. Лебедевой, Н. Н. Песцовой и др.), проблематика изучена несистемно, особенно в контексте новейших технологических вызовов.

Прежде чем анализировать влияние технологий, необходимо определиться с понятийным аппаратом. Правовая культура в широком смысле обычно рассматривается как совокупность правовых знаний, убеждений и установок человека, которыми он руководствуется в процессе повседневной жизнедеятельности: в труде, общении, а также в отношении к материальным и духовным ценностям. Понимание правовой культуры в данном контексте подчеркивает ее практическую направленность.

Эту позицию развивает и Н. Н. Песцова, отмечая, что правовая культура способствует не только развитию правосознания личности, но и выработке навыков и привычек правового поведения [2, с. 52].

Информационно-телекоммуникационные технологии с этой позиции рассматриваются не просто как средства обработки данных, а как среда существования права. Более того, можно утверждать, что сегодня информационно-

телекоммуникационные технологии становятся средством накопления знаний, убеждений и умений, помогая находить ответы по наиболее значимым вопросам современности.

Н. Н. Лебедева в своих исследованиях подробно рассматривает влияние Интернета на развитие правовой культуры, выделяет следующие аспекты: складываются новые общественные отношения с развитием информационно-телекоммуникационных технологий, которые требуют правового регулирования; происходит трансформация общественных отношений в основных сферах жизни, что ведет к изменению самой правовой культуры; Интернет функционирует как источник правовой информации, организующий двустороннюю связь между государством, организациями и населением [3, с. 12].

Согласимся с автором и отметим, что, действительно роль права в формирующемся цифровом обществе значительно меняется. Это достаточно наглядно проявляется в его источниках, правовых процедурах, прослеживается определенная динамика в источниках права под воздействием информационно-телекоммуникационных технологий; более того, осуществляется постепенная трансформация системы права в условиях цифровизации и развития информационно-телекоммуникационных технологий, что объективно обусловлено институционализацией цифровых объектов и процессов. Например, в гражданском законодательстве закреплено понятие «цифровые права», правовое регулирование цифровых платформ осуществляется в том числе и за счет формирования собственных нормативных режимов, основанных на пользовательских соглашениях и внутренних правилах.

Таким образом, информационно-телекоммуникационные технологии являются определяющим фактором, оказывающим воздействие на формирование правовой культуры личности и выработку навыков правового поведения. Характер этого воздействия обусловлен ценностно-мировоззренческими основаниями духовного мира индивида.

Конечно, информационно-телекоммуникационные технологии с точки зрения оценки их потенциала имеют как положительные, так и отрицательные стороны.

В качестве положительного можно отметить то, что внедрение информационно-телекоммуникационных технологий в образовательный процесс и правовую практику открыло новые возможности для повышения уровня правовой грамотности населения. Это связано с доступностью правовой информации и скоростью поиска необходимых нормативных правовых актов.

Использование компьютерных информационных технологий сделало процесс изучения гуманитарных дисциплин, в частности права, значительно

удобнее. Часть программ и правовых баз находится в свободном доступе, что позволяет ознакомиться с азами юриспруденции любому человеку.

Также намного удобнее стало осуществление информирования о деятельности правовых институтов и государственных органов, что обуславливает формирование правосознания и развитие правовой культуры.

Данное направление активно реализуется посредством официального опубликования нормативных правовых актов, разъяснений к ним, размещения на специальных правовых ресурсах и в поисковых системах научно-практических комментариев к законам; активно осуществляется деятельность по разработке официальных сайтов государственных органов, на которых размещается информация о целях деятельности, полномочиях, порядке обращения граждан и т. д. В последнее время тенденции свидетельствуют о значительном увеличении количества специально ориентированных правовых ресурсов, способных решать задачи по правовому просвещению, формированию правового правосознания и повышению правовой культуры. Например, Центр правовой информации РНБ, который обеспечивает свободный доступ граждан к правовой информации на основе использования современных информационных технологий [4].

С целью реализации политики России в сфере применения информационно-телекоммуникационных технологий Указом Президента Российской Федерации от 9 мая 2017 г. № 203 утверждена Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 гг., где обращено внимание на необходимость формирования в стране информационного пространства знаний, в котором преобладающее значение имеет обеспечение прав граждан на объективную, достоверную, безопасную информацию [5].

Между тем существуют негативные аспекты и риски влияния информационно-телекоммуникационных технологий на правовую культуру. Во-первых, это проблема достоверности информации, актуальности нормативных правовых актов, содержащихся в Интернете. Поэтому для адекватной оценки правовых ситуаций необходимо следить за изменениями законодательства. Как отмечают исследователи этой темы, «…наводнение информацией требует от общества умения критически оценивать источники правовой информации, отличать надежные данные от фальсификата» [6, с. 132]. Отношения, связанные с деятельностью по поиску, получению, передаче, производству и распространению информации в Российской Федерации, регламентирует Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [7].

Во-вторых, это деструктивное влияние противоправного контента, особенно на не сформировавшуюся личность несовершеннолетнего. В результате

происходит нарушение классических механизмов трансляции правового опыта, правовых знаний, формирования правовой культуры. При этом разрушается сложившаяся ранее система взаимодействия между личностью, обществом и государством. Важным инструментом защиты является Федеральный закон от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» [8]. Несмотря на то, что со стороны государства уже предприняты попытки усиления контроля за распространением социально вредной информации в информационных технологиях общего доступа, вопрос усиления контроля остается актуальным.

В-третьих, стремительно развивающиеся цифровые форматы социального взаимодействия, которые постепенно заменяют успешно культивируемые до этого в правоохранительных практиках правовые стандарты. Фактически мы наблюдаем сейчас, как информационно-телекоммуникационная культура объективно замещает собой правовую культуру. Для обычного человека информационно-телекоммуникационная культура становится ценнее в достижении своего жизненного благополучия, нежели правовая культура. Это создает угрозу того, что технологическая эффективность будет ставиться выше законности.

Для преодоления указанных деструктивных процессов необходима комплексная государственная политика, включающая своевременные меры в правотворческой, экономической, социальной, образовательной сфере, направленные на повышение правовой культуры.

Информационно-телекоммуникационные технологии в формировании правовой культуры общества следует рассматривать не только как инструмент повышения юридических знаний, но и как фактор формирования правовой культуры в современном информационном обществе.

Главной задачей информационных технологий должно выступать отражение восприятия права как общественной ценности, степени готовности действовать в соответствии с требованиями правовых норм. Только синергия государственного регулирования, профессионального юридического сообщества и развитого гражданского общества позволит превратить информационные технологии из потенциального источника рисков в надежный фундамент правовой культуры современного российского общества.

---

1. Конституция Российской Федерации [Электронный ресурс] : принята всенар. голосованием 12 дек. 1993 г. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс». Вернуться к статье

2. Песцова Н. Н. Особенности формирования правовой культуры личности в эпоху развития в России информационно-телекоммуникационных технологий // Вопросы развития государства и права: теория, история и практика : сб. науч. ст. по материалам Всерос. науч.-практ. конф. (к 100-летию Верхов. Суда Рос.

Федерации), Симферополь, 9 нояб. 2022 г. / ред.-сост. В. Г. Тур. Симферополь : Ариал, 2023. С. 49–56. Вернуться к статье

3. Лебедева Н. Н. Правовая культура личности и Интернет (теоретический аспект) : автореф. дис. … канд. юрид. наук : 12.00.01 / Рос. правовая акад. МВД России. М., 2004. 21 с. Вернуться к статье

4. Центр правовой информации Российской национальной библиотеки [Электронный ресурс]. URL: https://nlr.ru/lawcenter_rnb (дата обращения: 02.02.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье

5. О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы [Электронный ресурс] : Указ Президента Рос. Федерации от 9 мая 2017 г. № 203. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс». Вернуться к статье

6. Гасанов И. Г. Правовая культура в эпоху цифровых технологий: теоретические аспекты формирования и развития // Вестн. Чечен. гос. ун-та им. А. А. Кадырова. 2025. № 2 (58). С. 131–137. Вернуться к статье

7. Об информации, информационных технологиях и о защите информации [Электронный ресурс] : Федер. закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ : в ред. от 29 дек. 2025 г. № 569-ФЗ. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс». Вернуться к статье

8. О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию [Электронный ресурс] : Федер. закон от 29 дек. 2010 г. № 436-ФЗ : в ред. от 29 дек. 2025 г. № 569-ФЗ. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс». Вернуться к статье

УДК 343.9

БОРЬБА С КРИМИНАЛЬНЫМ РЫНКОМ ВОДНЫХ БИОЛОГИЧЕСКИХ РЕСУРСОВ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

COMBATING THE CRIMINAL MARKET OF AQUATIC BIOLOGICAL RESOURCES: THEORY AND PRACTICE

Ф. Н. Мухамбетов
Астраханский государственный университет им. В. Н. Татищева,
доцент кафедры уголовного права и правоохранительной деятельности,
заместитель прокурора Енотаевского района Астраханской области,
кандидат юридических наук

Аннотация. *В статье исследованы теоретические основы борьбы с рассматриваемым видом преступности, заложенные в международных конвенциях, и проанализирована практика их имплементации в Российской Федерации. Сделан вывод о необходимости перехода от реактивных мер к созданию целостной государственной системы управления рисками, основанной на межведомственной координации, полной прослеживаемости и неотвратимых санкциях.*

Ключевые слова: *водные биологические ресурсы, криминальный рынок, незаконный промысел, организованная преступность, прослеживаемость, уголовная ответственность, ст. 256 Уголовного кодекса Российской Федерации, международные конвенции, цифровизация, блокчейн, генетическая паспортизация, межведомственное взаимодействие.*

Annotation. *The article examines the theoretical foundations for combating this type of crime in question, as laid down in international conventions, and analyzes the practice of their implementation in the Russian Federation. The conclusion is drawn about the necessity of transition from reactive measures to creating a holistic state risk management system based on interdepartmental coordination, full traceability, and inevitable sanctions.*

Keywords: *aquatic biological resources, criminal market, illegal fishing, organized crime, traceability, criminal liability, Article 256 of the Criminal Code of the Russian Federation, international conventions, digitalization, blockchain, genetic passportization, interagency cooperation.*

Водные биологические ресурсы (далее — ВБР) являются стратегическим достоянием, обеспечивающим продовольственную безопасность и экономическое благополучие прибрежных государств. Однако их нерациональное использование, подпитываемое высоким спросом на мировом рынке, привело к формированию масштабного криминального рынка, тесно связанного с транснациональной организованной преступностью, коррупцией и отмыванием доходов [1]. Теоретико-правовые основы противодействия данному виду

преступности заложены в системе международных конвенций, начиная от Конвенции Организации Объединенных Наций по морскому праву (1982) и Конвенции Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности (2000) до отраслевых соглашений, таких как СИТЕС и Соглашение ФАО о мерах государства порта [2; 3; 4; 5]. Эти документы формируют универсальный понятийный аппарат, устанавливают принципы сотрудничества и предписывают государствам криминализировать соответствующие деяния в национальном законодательстве.

Практика реализации международных обязательств на национальном уровне, в частности в Российской Федерации, демонстрирует как наличие развитой нормативной базы, так и системные проблемы правоприменения. Ключевым уголовно-правовым инструментом выступает ст. 256 Уголовного кодекса Российской Федерации «Незаконная добыча водных биологических ресурсов» [6]. Однако ее эффективность ограничивается сложностями в квалификации, прежде всего в установлении размера крупного ущерба и доказывании умысла, что нередко ведет к переквалификации деяний в административные правонарушения [7, с. 23]. Введение ст. 258.1 Уголовного кодекса Российской Федерации, направленной на охрану особо ценных видов, стало важным шагом, но не решило проблему в целом.

Анализ правоприменительной практики выявляет ключевые недостатки, используемые организованными преступными группами (ОПГ): фрагментарность контроля на этапах добычи, транспортировки и сбыта; недостаточная прослеживаемость цепочек поставок; слабая эффективность административных санкций по сравнению со сверхприбылями от незаконного промысла; сложности в доказывании признаков организованной группы [8, с. 51]. Распространены схемы с использованием «удобных флагов», фальсификации таможенных и ветеринарных документов, транзита через третьи страны и легализации доходов через сети подконтрольных юридических лиц.

Сравнительный анализ зарубежного законодательства (Соединенные Штаты Америки, страны Европейского союза, Норвегия, Австралия) указывает на общие тенденции повышения эффективности борьбы: переход к проактивной модели управления рисками; внедрение всеобъемлющих систем документации и электронного мониторинга уловов в режиме реального времени; применение жестких и неотвратимых санкций, включая запреты на заход в порты, конфискацию судов и существенные штрафы, сопоставимые с прибылью от незаконной деятельности [9, с. 105]. Особое значение придается принципу прослеживаемости «от судна до прилавка» и экстерриториальному действию национального законодательства.

В российской практике организационная архитектура противодействия характеризуется распределением полномочий между Министерством внутренних дел, Федеральной службой безопасности Российской Федерации (Пограничная служба), Росрыболовством и Федеральной таможенной службой, что порождает проблему ведомственной разобщенности и слабой координации [10, с. 64]. Несмотря на существование формальных соглашений и проведение совместных операций (например, «Путина»), обмен информацией остается затрудненным, а создаваемая единая государственная информационная система в области рыболовства еще не стала полноценной межведомственной платформой.

В качестве перспективных направлений совершенствования борьбы с криминальным рынком ВБР предлагается концепция, интегрирующая уголовно-правовые, административные, таможенные и технологические механизмы. Ее ключевыми элементами должны стать:

1. Создание национальной системы цифровой прослеживаемости ВБР на основе блокчейн-технологий, обеспечивающей фиксацию всех транзакций от вылова до реализации с использованием электронных ветеринарных сопроводительных документов (ЭВСД) и маркировки ценных видов.

2. Кратное увеличение размеров административных штрафов, привязанных к стоимости незаконно добытых ресурсов, и введение уголовной ответственности для юридических лиц за систематические нарушения.

3. Глубокая имплементация международных стандартов, в частности Соглашения ФАО о мерах государства порта [5], и усиление международного сотрудничества, особенно со странами Азиатско-Тихоокеанского региона, включая взаимное признание систем сертификации и обмен данными о судах-нарушителях.

4. Формирование цифрового криминологического профиля ВБР путем внедрения обязательной генетической паспортизации особо ценных видов и цифровой маркировки всех партий, что позволит достоверно устанавливать происхождение продукции.

Таким образом, эффективное противодействие криминальному рынку ВБР требует системной трансформации от разрозненных, реактивных мер к созданию целостной государственной системы управления рисками. Эта система должна базироваться на интеграции усилий всех контролирующих и правоохранительных органов на единой цифровой платформе, обеспечении полной прослеживаемости цепочек поставок и применении соразмерных, неотвратимых санкций, делающих незаконную деятельность экономически нецелесообразной.

1. Конвенция Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности [Электронный ресурс] : принята резолюцией 55/25 Генер. Ассамблеи ООН от 15 нояб. 2000 г. // Организация Объединенных Наций : [сайт]. URL: https://www.unodc.org/documents/treaties/UNTOC/Publications/TOC%20Convention/TOCebook-r.pdf (дата обращения: 10.01.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье

2. Конвенция Организации Объединенных Наций по морскому праву [Электронный ресурс] : заключена в г. Монтего-Бей 10 дек. 1982 г. URL: https://www.un.org/depts/los/convention_agreements/texts/unclos/unclos_r.pdf (дата обращения: 10.01.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье

3. Конвенция Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности [Электронный ресурс] : принята резолюцией 55/25 Генер. Ассамблеи от 15 нояб. 2000 г. // Организация Объединенных Наций : [сайт]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/orgcrime.shtml (дата обращения: 10.01.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье

4. Конвенция о международной торговле видами дикой фауны и флоры, находящимися под угрозой исчезновения [Электронный ресурс] : принята 3 марта 1973 г. // Организация Объединенных Наций : [сайт]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/cites.shtml (дата обращения: 10.01.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье

5. Соглашение о мерах государства порта по предупреждению, сдерживанию и ликвидации незаконного, несообщаемого и нерегулируемого промысла [Электронный ресурс] : принято в г. Риме 22 нояб. 2009 г. Продовольственная и сельскохозяйственная организация Объединенных Наций. URL: https://openknowledge.fao.org/items/80a5cdd7-9ddb-4a12-8910-b44eb20b0dd2 (дата обращения: 10.01.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье

6. Уголовный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ : принят Гос. Думой 24 мая 1996 г. : одобр. Советом Федерации 5 июня 1996 г. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс». Вернуться к статье

7. Случевская Ю. А. Проблемы определения предмета преступления, предусмотренного статьей 256 Уголовного кодекса Российской Федерации // Вестн. Краснодар. ун-та МВД России. 2018. № 1 (39). С. 23–27. Вернуться к статье

8. Мухамбетов Ф. Н. Социально-экономическое явление в виде криминального рынка водных биоресурсов // Изв. ТулГУ. Экон. и юрид. науки. 2025. № 3. С. 51–57. Вернуться к статье

9. Сидоров С. А., Травкин С. Л. Законодательство США и России о рыболовстве и сохранении водных биологических ресурсов: сходства и различия // Право и государство: теория и практика. 2024. № 1 (229). С. 105–112. Вернуться к статье

10. Васильев Э. А. Вопросы правового регулирования отношений в области рыболовства // Науч. портал МВД России. 2023. № 3 (63). С. 64–68. Вернуться к статье

УДК 338.24:004.8:343.97

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРИМЕНЕНИЯ ИИ-ИНСТРУМЕНТАРИЯ В КИБЕРУЧЕТЕ КАК ФАКТОР ПРЕВЕНЦИИ ПРАВОНАРУШЕНИЙ

METHODOLOGICAL ASPECTS OF USING AI TOOLS IN CYBER-ACCOUNTING AS A FACTOR IN PREVENTING OFFENSES

В. В. Мякинькая
Белорусский государственный университет
пищевых и химических технологий,
декан инженерно-инновационного факультета,
кандидат экономических наук, доцент

Аннотация. *В статье обоснована методология киберучета как интеллектуальной системы, обладающей эмерджентным свойством самоочищения от криминогенных факторов в момент инициации данных и (или) бизнес-процесса.*

Ключевые слова: *киберучет, искусственный интеллект, превенция правонарушений, цифровая трансформация, экономическая безопасность.*

Annotation. *This article substantiates the methodology of cyber-accounting as an intelligent system with the emergent property of self-cleansing from criminogenic factors at the moment of data and/or business process initiation.*

Keywords: *cyber accounting, artificial intelligence, crime prevention, digital transformation, economic security.*

Современная практика бухгалтерского учета в Республике Беларусь опирается на развитое прикладное программное обеспечение (класса 1С и аналоги), обладающее инструментарием ретроспективного контроля. Однако существующий функционал ориентирован преимущественно на верификацию непреднамеренных ошибок. В условиях усложнения экономических отношений традиционный инструментарий демонстрирует свою неэффективность, что выражается в отсутствии возможности выявлять умышленное искажение данных, интегрированное в легитимные бизнес-процессы [1].

Согласно данным правоохранительных органов Республики Беларусь, ключевыми угрозами экономической безопасности остаются латентные схемы: дробление бизнеса, уход от налогов под видом «налоговой оптимизации», подмена трудовых отношений и незаконное использование преференциальных режимов. Статистика подтверждает, что традиционный «постфактум-контроль» не справляется с выявлением таких правонарушений ввиду высокого уровня их маскировки [2]. Решением данной проблемы выступает разрабатываемая нами концепция киберучета, который способен распознать сложные криминальные транзакции там, где классические программы видят обычную проводку.

Киберучет — это интеллектуализированная система непрерывного учета, обладающая «цифровой субъектностью»: она не просто фиксирует факты хозяйственной жизни, а в режиме реального времени анализирует правовую чистоту каждой транзакции. В данной модели за человеком сохраняются функции стратегического уровня (формирование допущений учетной политики), тогда как ИИ-инструментарий обеспечивает непрерывный превентивный мониторинг. В данной модели алгоритмы искусственного интеллекта (далее — ИИ) обеспечивают непрерывную обработку данных о фактах хозяйственной жизни, предиктивную верификацию, рискориентированный мониторинг качества информации и перспективные прогнозы. При этом за человеком закрепляются функции институционального уровня: формирование учетной политики, вынесение окончательного профессионального суждения и несение юридической ответственности за итоговые отчетные показатели.

Развитие киберучета предполагает имплементацию ИИ непосредственно в метод бухгалтерского учета. Интеграция позволяет реализовывать принцип преобладания экономической сущности над правовой формой в автоматическом режиме. Если бухгалтерский учет первичным учетным документом признает документ, то алгоритмы киберучета анализируют контекстуальный слой транзакции — целесообразность и реальность операции, идентифицируют «цифровую тень» преступления еще до момента формирования проводки.

Концептуально киберучет является закономерным развитием теории динамического баланса (И. Шер, Г. Дипи) и рискориентированных учетных систем [3; 4]. Если классический бухгалтерский баланс ориентирован на исчисление финансового результата, то киберучет дополняет эту модель вектором правовой легитимности.

Таким образом, предлагаемый нами киберучет следует рассматривать как адаптивную учетную систему, которая самостоятельно настраивается под меняющиеся паттерны криминогенных угроз. В такой модели двойная запись перестает быть просто математическим равенством. Она становится контрольным фильтром, когда каждое изменение состояния счетов проходит через когнитивный аудит алгоритмов.

В методологии киберучета достоверность становится динамической характеристикой, поддерживаемой непрерывно, в режиме реального времени.

Методологический инструментарий киберучета представлен в таблице 1.

Таблица 1

Технологический инструментарий киберучета в системе превенции правонарушений

Инструмент ИИ / Суть	Механизм работы в киберучете	Связь с экономической преступностью (на примерах практики судов Республики Беларусь)
Семантический анализ (NLP). Автоматизированная обработка текстов на естественном языке и неструктурированных данных	Сверка сути договора и назначения платежа с реальными кодами общегосударственного классификатора экономических видов деятельности, рыночными ценами и производственными мощностями субъекта	Дела о незаконном получении льгот и субсидий в сельской местности. ИИ сопоставляет объемы закупленного топлива и удобрений по данным учета с реальной площадью посевных площадей. Если данные противоречат физическим нормам расхода и мощностям производства, система маркирует это как попытку хищения бюджетных средств или умышленное завышение затрат
Анализ аномалий (Unsupervised Learning). Поиск отклонений от «нормального» поведения без заранее заданных условий	Алгоритмы ML выявляют «микропаттерны» (смурфинг), нетипичную частоту или структуру платежей, выпадающую из кластера обычного поведения субъекта	Схемы по «обналичиванию» через индивидуальных предпринимателей, где сотни мелких транзакций маскируют единый умысел. ИИ выявляет нетипичное снятие наличности сразу после зачисления, предупреждая легализацию доходов (ст. 235 Уголовного кодекса Республики Беларусь) [4; 5]
Графовая детекция (Network Analysis). Математический анализ связей между объектами	Визуализация сетей контрагентов. Поиск общих IP-адресов, телефонов и пересекающихся финансовых потоков. Вычисление коэффициентов аффилированности	Дела о дроблении бизнеса (например, в сфере ритейла или оказания услуг). ИИ выявляет скрытую взаимозависимость десятков «технических» обществ, созданных для искусственного распределения выручки и ухода от налогов (ст. 243 Уголовного кодекса Республики Беларусь) [4; 5]
Предиктивный скоринг (Risk-Scoring). Прогнозирование вероятности правонарушения	Система присваивает каждой операции «индекс криминогенности» на базе исторических данных о выявленных преступных схемах	Предотвращение незаконного возврата НДС. Система предсказывает риск фиктивного экспорта еще на этапе формирования накладных, анализируя нетипичные логистические маршруты и историю контрагента

Окончание табл. 1

Цифровая гигиена (Закон Бенфорда). Математический контроль достоверности данных	Анализ частоты появления цифр в бухгалтерских регистрах. Выявление искусственных манипуляций с отчетностью	Дела о хищениях путем злоупотребления полномочиями (ст. 210 Уголовного кодекса Республики Беларусь) [4; 5]. ИИ находит «подрисованные» цифры в авансовых отчетах или ведомостях, которые не соответствуют естественному математическому распределению цифр
Автоматизированный KYC (Know Your Customer). Интеллектуальная проверка личности	Интеграция с государственными базами данных («черные списки», реестры неблагонадежных субъектов)	Защита от схем с «ИП-менеджерами». При попытке завести в учетную систему договор с бывшим сотрудником, ставшим ИП, ИИ сигнализирует о признаках подмены трудовых отношений
Аудит смарт-контрактов (Blockchain + AI)	Проверка кода исполняемых контрактов на наличие уязвимостей для скрытого вывода активов	Сфера цифровых знаков (токенов) в рамках Декрета № 8 [6]. Предотвращение киберхищений и манипуляций с отчетностью организаций — резидентов Парка высоких технологий

Методологическая ценность описанного ИИ-инструментария заключается в его мультисубъектности. Трансформируясь из узкоспециализированного ИТ-решения в инклюзивный механизм институциональной защиты, киберучет конвертирует алгоритмы детекции в конкретные правовые гарантии. Это обеспечивает сбалансированную защиту интересов на всех уровнях социально-экономической системы (табл. 2).

Таблица 2

Матрица превентивного воздействия системы киберучета на криминогенные факторы

Уровни защиты интересов / Суть проблемы	Механизм реализации (ИИ-инструментарий)	Ожидаемый эффект (правовой и экономический результат)
Граждане и работники. Проблема: неосознанное вовлечение бухгалтеров и менеджеров в схемы «серых» закупок и «подставного» руководства	Использование NLP-анализа входящих договоров и электронных счет-фактур. Идентификация «фирм-пустышек» и блокировка подписания документов с признаками фиктивности в режиме «нулевой точки» (до совершения операции)	Защита добросовестных работников от репутационных рисков, исключение рисков привлечения к уголовной и субсидиарной ответственности за соучастие в преступлении
Субъекты хозяйствования. Проблема: внутреннее мошенничество (кикбэки, откаты), демпинг со стороны недобросовестных конкурентов и вывод активов	Применение графового анализа для обнаружения скрытых аффилированностей. Контроль неизменности учетных данных через цифровые следы, исключающий возможность «подкрутки» баланса	Создание экосистемы доверия. Повышение инвестиционной привлекательности бизнеса. Соблюдение закона становится технологически дешевле и безопаснее, чем поиск лазеек
Государство. Проблема: сложные схемы дробления бизнеса, незаконный возврат НДС, выплата «зарплат в конвертах», манипуляции со льготами	Использование Закона Бенфорда и нейросетевого анализа отклонений для верификации первичных документов. Переход от выездных проверок к дистанционному рискориентированному мониторингу	Формирование гарантированно «чистого» налогового поля. Снижение государственных расходов на содержание громоздкого ревизионного аппарата при одновременном росте собираемости налогов
Правовая среда. Проблема: высокая латентность (скрытость) экономических правонарушений и сложность их обнаружения в бумажных/архаичных массивах данных	Интеграция учета с обучаемыми моделями (ML), способными видеть «цифровую тень» преступления (аномалии транзакций) до момента подачи деклараций	Трансформация правовой культуры: переход от страха перед проверкой к архитектурной невозможности совершения правонарушения в силу прозрачности учетной среды

Синергия ИИ и бухгалтерского учета обеспечивает переход к непрерывному интеллектуальному надзору, позволяет трансформировать традиционный бухгалтерский учет из инструмента ретроспективного наблюдения в механизм активной защиты национальных экономических интересов. Внедрение киберучета лишает экономическую преступность ее главного условия — латентности. Формируемая цифровая среда «неизбежности» выявления следов экономических преступлений обеспечивает эволюцию правовой культуры, где технологическая невозможность нарушения закона становится фундаментом устойчивого развития государства и бизнеса.

1. Криминальный сдвиг: в Беларуси вдвое выросло число экономических правонарушений [Электронный ресурс] // Myfin : [сайт]. URL: https://myfin.by/article/zhizn/kriminalnyj-sdvig-v-belarusi-vdvoe-vyroslo-cislo-ekonomiceskikh-pravonarusenij-37564 (дата обращения: 15.01.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье

2. От дроперов до криптовалют: названы главные финансовые махинации в Беларуси [Электронный ресурс] // Myfin : [сайт]. URL: https://myfin.by/article/biznes/ot-droperov-do-kriptovalut-nazvany-glavnye-finansovye-mahinacii-v-belarusi-38518 (дата обращения: 15.01.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье

3. Дипи Г. В. Введение в теорию бухгалтерского учета. М. : Финансы и статистика, 1988. 208 с. Вернуться к статье

4. Шерр И. Ф. Бухгалтерия и баланс / пер. с нем. С. И. Цедербаума. М. : Экономика и жизнь, 1925. 575 с. Вернуться к статье

5. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г. № 275-З : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 20 окт. 2025 г. № 101-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». Вернуться к статье

6. О развитии цифровой экономики [Электронный ресурс] : Декрет Президента Респ. Беларусь от 21 дек. 2017 г. № 8 : в ред. от 18 марта 2021 г. № 1. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». Вернуться к статье

УДК 347.78

АВТОРСКИЕ ПРАВА НА РЕЗУЛЬТАТЫ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ, СОЗДАННЫЕ ИСКУССТВЕННЫМ ИНТЕЛЛЕКТОМ

COPYRIGHT IN THE RESULTS OF INTELLECTUAL ACTIVITY CREATED BY ARTIFICIAL INTELLIGENCE

П. Ю. Овсянников
Сибирский юридический институт МВД России,
начальник кафедры гражданского права и процесса,
кандидат юридических наук

Аннотация. *В статье исследуется проблематика признания авторских прав на результаты интеллектуальной деятельности, созданные с помощью искусственного интеллекта. Автором рассматриваются различные концепции распределения прав, включая общественное достояние, авторство пользователя или разработчика, а также институт смежных прав. Также внимание уделено проблеме использования охраняемых произведений для обучения нейросетей и новому законодательному регулированию использования генеративных моделей в сфере интеллектуальной собственности.*

Ключевые слова: *авторское право, искусственный интеллект, интеллектуальная собственность, субъект авторского права, автор, правообладатель.*

Annotation. *This article examines the issue of recognizing copyright in intellectual property created using artificial intelligence. The author examines various concepts of rights allocation, including the public domain, user or developer authorship, and the concept of related rights. Attention is also paid to the use of protected works for training neural networks and new legislative regulation of the use of generative models in intellectual property.*

Keywords: *copyright, artificial intelligence, intellectual property, copyright holder, author.*

Стремительное развитие генеративных моделей* привело к тому, что искусственный интеллект стал способен создавать тексты, изображения, программный код и музыку, которые визуально и содержательно неотличимы от человеческого творчества. Однако классическая доктрина авторского права, формировавшаяся столетиями, базируется на антропоцентрическом подходе: автором может быть только физическое лицо, чьим творческим трудом создан результат. Искусственный интеллект размывает традиционные границы

* Генеративная модель — это тип модели машинного обучения, которая учится создавать новые данные, похожие на те, на которых она была обучена.

понятия авторства и ставит перед мировым юридическим сообществом вызов беспрецедентного масштаба.

Возникает фундаментальный вопрос: кто является правообладателем результата, созданного алгоритмом? Сам алгоритм, его разработчик, пользователь, сформулировавший запрос («промпт»), или же такой результат вообще не подлежит охране и должен немедленно перейти в общественное достояние?

Согласно Бернской Конвенции по охране литературных и художественных произведений 1886 года, автором признается физическое лицо, чьим творческим трудом создано произведение [1]. Однако современные нейросети производят контент без прямого человеческого вмешательства, что вызывает споры о возможности применения норм авторского права.

В юридической науке формируется насколько концепций относительно распределения прав на результаты интеллектуальной деятельности, созданные искусственным интеллектом:

1. Концепция общественного достояния. Все, что создано искусственным интеллектом без существенного участия человека, не имеет правообладателя и может использоваться кем угодно. Это стимулирует развитие технологий, но лишает стимула вкладываться в разработку контента.

2. Признание пользователя автором. Сущность этой идеи в том, что составление «промпта» (запроса) — это творческий акт. Однако возникает вопрос о соразмерности: является ли описание, созданное пользователем, достаточным для получения исключительного права, например, на картину?

3. Фикция авторства разработчика. Права закрепляются за компанией — создателем алгоритма (по аналогии со служебными произведениями).

4. Институт смежных прав. Предлагается не признавать искусственный интеллект автором, но наделить созданный им контент защитой, аналогичной правам продюсеров или изготовителей баз данных.

Авторское право, как институт гражданского права, охраняет результаты творческой деятельности человека, выраженные в объективной форме. В российском законодательстве (ст. 1257 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК) [2]) автором признается исключительно гражданин, чьим личным творческим трудом создано произведение. Согласно постановлению Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 апреля 2019 г. № 10 [3], для охраны требуется «творческий характер», подразумевающий интеллектуальный труд человека. Критерий оригинальности подразумевает индивидуальность вклада человека, а не простое копирование. Искусственный интеллект, как комплекс технологий [4, ст. 2], имитирует когнитивные функции, но лишен субъективности: он анализирует данные, генерирует контент на основе алгоритмов, без волевого акта.

Согласно правовой позиции Верховного Суда Российской Федерации «творческий характер создания произведения не зависит от того, создано произведение автором собственноручно или с использованием технических средств» [3, п. 80], «…пока не доказано иное, автором произведения считается лицо, указанное в качестве такового на оригинале или экземпляре произведения либо иным образом в соответствии с учетом пункта 1 статьи 1300 ГК РФ (статья 1257 ГК РФ), в Реестре программ для ЭВМ или в Реестре баз данных (пункт 6 статьи 1262 ГК РФ)» [3, п. 109].

Кроме того, «результаты, созданные с помощью технических средств в отсутствие творческого характера деятельности человека (например, фото- и видеосъемка работающей в автоматическом режиме камерой видеонаблюдения, применяемой для фиксации административных правонарушений), объектами авторского права не являются» [3, п. 80].

Искусственный интеллект функционирует на основе алгоритмов машинного обучения, где создание контента опирается на анализ больших данных, часто содержащих защищенные произведения. Здесь возникает дилемма: является ли запрос пользователя («промпт») достаточным творческим вкладом? Стоит различать «техническое содействие» (искусственный интеллект как инструмент, аналогично фотоаппарату) и «автономное создание». В первом случае права принадлежат человеку, во втором — контент может считаться общественным достоянием.

Современные модели искусственного интеллекта способны генерировать контент без непосредственного участия человека в творческом процессе. Такой алгоритм не обладает правосубъектностью и не может быть признан автором. Получается, что произведение существует, но авторских прав на него нет.

В Российской Федерации Федеральный закон от 7 июля 2025 г. № 214-ФЗ, вступивший в силу 4 января 2026 г., дополнил ГК ст. 1252.1, регулирующей использование искусственного интеллекта в интеллектуальной собственности [5].

Еще одной проблемой в контексте рассматриваемого вопроса являются данные, на которых обучаются генеративные модели. Их развитие основано на миллионах произведений авторов без их согласия. В рамках правовой науки это ставит вопрос о границах добросовестного использования. Является ли обучение искусственного интеллекта нарушением авторского права или это форма «технического чтения», аналогичная чтению литературы человеком? Однозначно ответить на этот вопрос сложно, потому что и человек, обучаясь не всегда использует источники, соблюдая авторские права.

Вместе с тем аналогия с чтением человека имеет ограничения. Человек, читая книгу, формирует субъективный опыт. Он не создает производную

модель, способную коммерчески воспроизводить стиль автора. Искусственный интеллект, обученный на творчестве конкретного художника или писателя, может генерировать контент, конкурирующий с оригиналом.

Возникает коллизия между свободой информации и исследований (ст. 1273–1274 ГК — свободное использование в информационных, научных целях) и экономическими интересами правообладателей.

Таким образом, трансформация правовых норм под влиянием искусственного интеллекта неизбежна. Юридическая наука должна отойти от строгого антропоцентризма в сторону функционального подхода. Определение правового статуса результатов интеллектуальной деятельности, созданных искусственным интеллектом, необходимо для обеспечения стабильности гражданского оборота, однако это не должно приводить к обесцениванию человеческого творчества. Оптимальным путем видится развитие института смежных прав, который защитит инвестиции в технологии, сохранив за «автором» статус творца-человека.

---

1. Бернская Конвенция по охране литературных и художественных произведений [Электронный ресурс] : 9 сент. 1886 г. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс». Вернуться к статье

2. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть 4 [Электронный ресурс] : 18 дек. 2006 г. № 230-ФЗ : принят Гос. Думой 24 нояб. 2006 г. : одобр. Советом Федерации 8 дек. 2006 г. : в ред. Федер. закона от 23 июля 2025 г. № 235-ФЗ. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс». Вернуться к статье

3. О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс] : постановление Пленума Верхов. Суда Рос. Федерации от 23 апр. 2019 г. № 10. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс». Вернуться к статье

4. О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации - городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона «О персональных данных» [Электронный ресурс] : Федер. закон от 24 апр. 2020 г. № 123-ФЗ : в ред. от 8 авг. 2024 г. № 233-ФЗ. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс». Вернуться к статье

5. О внесении изменений в часть четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс] : Федер. закон от 7 июля 2025 г. № 214-ФЗ. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс». Вернуться к статье

УДК 331.108.2

КАДРОВЫЙ ЭЛЕКТРОННЫЙ ДОКУМЕНТООБОРОТ КАК ЭЛЕМЕНТ HRM-СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ ПЕРСОНАЛОМ — ДРАЙВЕР ЭФФЕКТИВНОСТИ И ФАКТОР ПОВЫШЕНИЯ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ

ELECTRONIC HR DOCUMENT MANAGEMENT AS AN ELEMENT OF THE HRM SYSTEM: A DRIVER OF EFFICIENCY AND A FACTOR IN ENHANCING LEGAL CULTURE

Н. В. Пушко
Могилевский институт МВД Республики Беларусь,
доцент кафедры общеюридических и уголовно-правовых дисциплин
факультета повышения квалификации и переподготовки кадров,
кандидат экономических наук, доцент

Аннотация. *В данной статье рассматриваются особенности внедрения кадрового электронного документооборота как элемента HRM-системы управления персоналом в контексте расширения цифровизации бизнес-процессов.*

Ключевые слова: *кадровый электронный документооборот, HRM-система, эффективность, электронный документ.*

Annotation. *This article discusses the features of implementing electronic personnel records as an element of the HRM system in the context of expanding the digitalization of business processes.*

Keywords: *HR electronic document management, HRM system, efficiency, electronic document.*

На текущий момент расширение сферы управления персоналом вызвано таким объективным процессом, как цифровая трансформация, и, как следствие, — появлением новых моделей взаимоотношений с работниками, в том числе и через HRM-системы, которые обеспечивают интеграцию процессов кадрового менеджмента и информационных технологий. Основной целью внедрения HRM-систем (Human Resource Management) является предоставление точной, своевременной и актуальной информации о сотрудниках организации в любой момент времени. HRM-система — это комплексная автоматизированная информационная система, имеющая расширенные функциональные возможности, позволяющие автоматизировать большую часть бизнес-процессов, касающихся персонального менеджмента, а также расчетных и аналитических операций, имеющих отношение к данной сфере. Она позволяет собирать, хранить, обрабатывать, анализировать, извлекать и распространять информацию, хотя при этом и требует довольно высоких инвестиционных вложений организации.

Одним из важных элементов HRM-системы выступает кадровый электронный документооборот (далее — КЭДО), который не только является современным и удобным способом оформления кадровых документов, но и имеет ряд преимуществ перед бумажным документооборотом.

В начале 2024 г. Трудовой кодекс Республики Беларусь (далее — ТК) был дополнен нормой ст. 29^1 ТК [1], позволяющей ввести КЭДО, а в 2025 г. он стал не просто удобной альтернативой, а обязательным элементом документообмена для целого ряда организаций. При том, что в Республике Беларусь достаточно давно применяются технологии электронного документооборота, кадровое делопроизводство было в большей степени ориентировано на работу с документами не в электронном виде, а на бумажных носителях.

В общем виде КЭДО — это создание, подписание, использование и хранение нанимателем документов, оформленных в электронном виде с использованием электронной цифровой подписи (далее — ЭПЦ) (выдается в Национальном центре электронных услуг (НЦЭУ)). Правила по использованию ЭЦП, а также основные моменты, связанные с электронным документооборотом, отражены в Законе Республики Беларусь от 28 декабря 2009 г. № 113-З «Об электронном документе и электронной цифровой подписи» [2]. При этом такие электронные документы не дублируются на бумажном носителе, приравниваются к печатным источникам и принимаются государственными органами. КЭДО особенно актуален для тех организаций, где сотрудники работают в филиалах предприятия или дистанционно (ст. 307^1 ТК [1]).

Преимущества электронного документооборота перед традиционным бумажным представлены на рисунке 1.

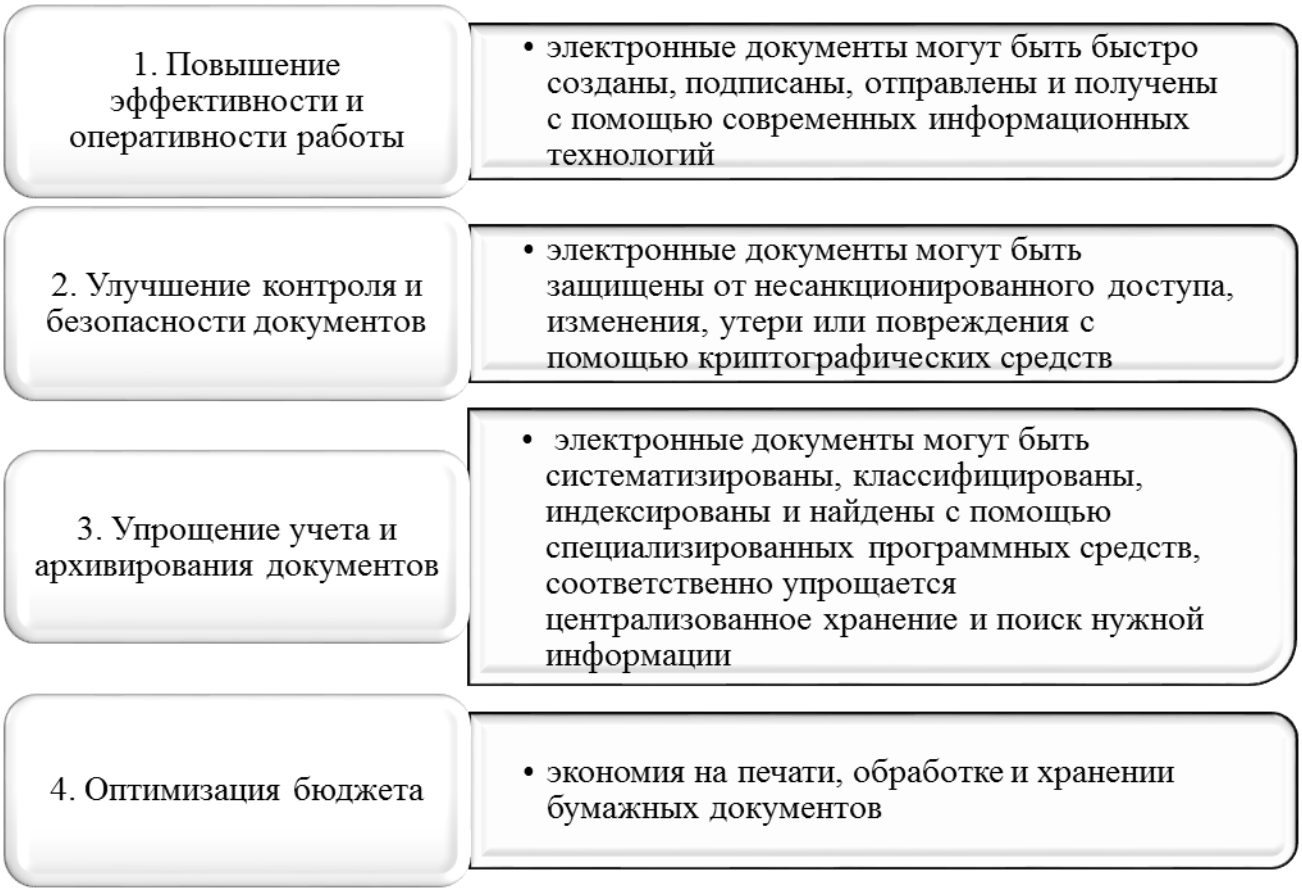


Рис. 1. Преимущества перехода на КЭДО

Наниматель самостоятельно принимает решение о необходимости введения КЭДО. При этом стороны трудовых правоотношений должны установить определенные правила и требования, без соблюдения которых такой документооборот невозможен. Кроме того, не все контрагенты могут быть готовы к КЭДО, возможен в том числе и смешанный документооборот, а также может потребоваться дополнительное обучение сотрудников. Получение ЭЦП и услуги оператора КЭДО — это дополнительные расходы, которые нужно заложить в бюджет организации. При этом надо учитывать тот факт, что при несоблюдении формата ведения КЭДО могут возникать трудности при предоставлении отчетов или прохождении проверок.

КЭДО может применяться при оформлении не всех кадровых документов: так, он не применятся при оформлении заключения, продления и изменения (ст. 29^1 ТК) трудовых договоров и договоров о полной материальной ответственности, а также при оформлении трудовых книжек. Однако посредством КЭДО можно ознакомить работника при приеме на работу с Правилами внутреннего трудового распорядка (далее — ПВТР), другими локальными правовыми актами (далее — ЛПА).

В общем виде алгоритм перехода на КЭДО может быть представлен в виде следующей схемы (рис. 2).

Рис. 2. Алгоритм перехода на КЭДО

Из схемы на рисунке 2 видно, что при введении КЭДО наниматель обязан разработать и утвердить отдельный ЛПА по КЭДО (или выделить в инструкции по делопроизводству организации отдельную главу по работе с электронными документами). В ЛПА должны быть определены следующие положения (рис. 3).

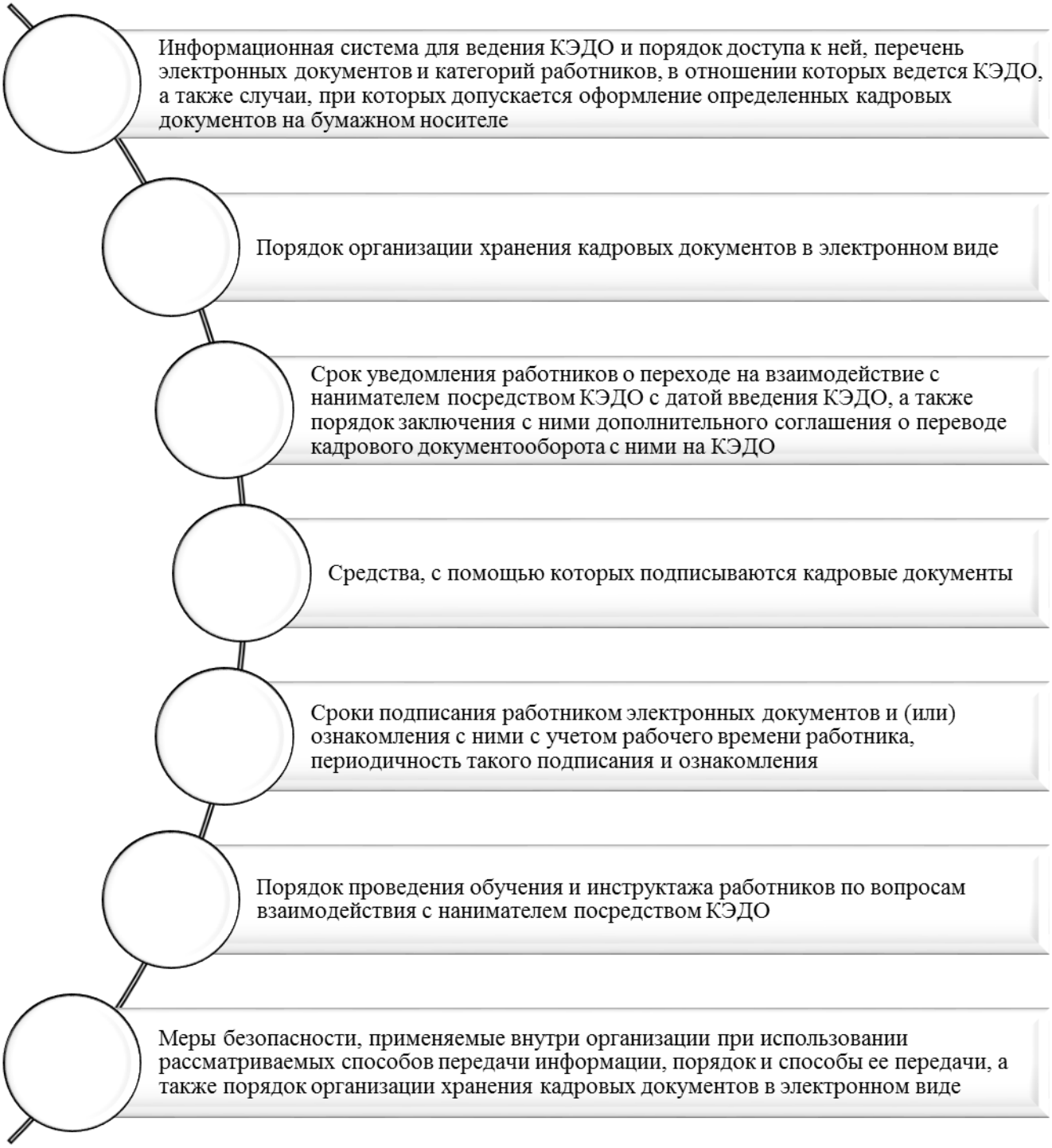


Рис. 3. Положения о КЭДО, которые должны быть закреплены во внутренних документах организации

В ЛПА следует также отразить, какие виды внутренних документов (например, докладная записка) могут подписываться без использования ЭЦП средствами системы электронного документооборота, которые позволяют однозначно идентифицировать работника (например, корпоративный домен,

зарегистрированный через EDI-провайдера), так как получение ЭЦП для каждого сотрудника — это достаточно длительный и дорогостоящий процесс.

ЛПА по КЭДО обычно разрабатывается нанимателем с учетом мнения профсоюзной организации, а затем утверждается руководителем организации после согласования с государственными органами по архивам и делопроизводству по территориальности.

Таким образом, несмотря на активные процессы цифровизации и наращивание темпов внедрения новых моделей современных HRM-систем, значительное число предприятий и организаций только инициируют процедуру трансформации процессов управления персоналом. И первым шагом к этому может являться внедрение КЭДО, к преимуществам которого можно отнести: быстроту в обеспечении процессов кадровой коммуникации; экономию затрат, а следовательно, и повышение эффективности процессов персонального менеджмента, усиление контроля за процессами планирования кадровой деятельности, повышение конкурентоспособности за счет улучшения практики управления персоналом. Логичная система движения кадровой информации внутри организации позволит нанимателю экономить значительные временные ресурсы, а также способствует разрешению конфликтных ситуаций при возникновении различных видов неурегулированных разногласий.

---

1. Трудовой кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 26 июля 1999 г. № 296-З : принят Палатой представителей 8 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 30 июня 1999 г. : в ред. от 9 дек. 2025 г. № 110-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». Вернуться к статье

2. Об электронном документе и электронной цифровой подписи [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь от 28 дек. 2009 г. № 113-З : в ред. от 16 марта 2026 г. № 134-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». Вернуться к статье

УДК 349.22

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ИНКЛЮЗИВНОЙ ЗАНЯТОСТИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

SPECIFICS OF THE LEGAL REGULATION OF INCLUSIVE EMPLOYMENT IN THE REPUBLIC OF BELARUS

Н. В. Пушко
Могилевский институт МВД Республики Беларусь,
доцент кафедры общеюридических и уголовно-правовых дисциплин
факультета повышения квалификации и переподготовки кадров,
кандидат экономических наук, доцент

А. С. Достанко
Могилевский институт МВД Республики Беларусь,
курсант 4 курса факультета милиции

Аннотация. *В данной статье рассматриваются вопросы правового регулирования инклюзивной занятости в контексте влияния трудовой инклюзии на производственную среду организации.*

Ключевые слова: *трудовая инклюзия, инклюзивная занятость, инклюзивное рабочее место, инвалиды.*

Annotation. *This article discusses the legal regulation of inclusive employment in the context of the impact of labor inclusion on the organization's production environment.*

Keywords: *labor inclusion, inclusive employment, inclusive workplace, disabled people.*

В последние годы наблюдается рост интереса не только к вопросам трудовой инклюзии, но и к правовому сопровождению мероприятий по включению лиц с ограниченными возможностями труда в состав трудовых ресурсов. В экономике Республики Беларусь на сегодняшний день работает свыше 71 тыс. человек с инвалидностью — это 61,5 % от общего числа лиц с пониженной трудоспособностью, имеющих рекомендации к трудоустройству. Ежегодно количество таких работников увеличивается на 2–2,5 тыс. чел. [1].

Термин «инклюзивность» чаще всего ассоциируется с социальным подходом к инвалидности, направленным на полноценную интеграцию в жизнь общества людей с нарушениями здоровья, особенностями физического развития, ментальными отклонениями или иными особенностями.

Несмотря на отсутствие официального определения понятия «инклюзивная занятость» в законодательстве Республики Беларусь, под ней понимается организация трудовой деятельности с привлечением работников с ограниченными возможностями здоровья в конкретные производственные процессы. Это форма организации труда, при которой каждому сотруднику, независимо от наличия физических, социальных, эмоциональных, когнитивных, языковых,

интеллектуальных или иных особенностей, предоставляется шанс быть вовлеченным в трудовую деятельность на уровне национальной экономики [2, с. 50].

При этом невозможно изучать инклюзивную занятость без анализа такого понятия, как «инклюзивное рабочее место» — это участок производственной среды, где реализуется инклюзивная занятость, позволяющий лицам с физическими или когнитивными нарушениями развиваться профессионально. Основные характеристики инклюзивного рабочего места представлены на рисунке 1.

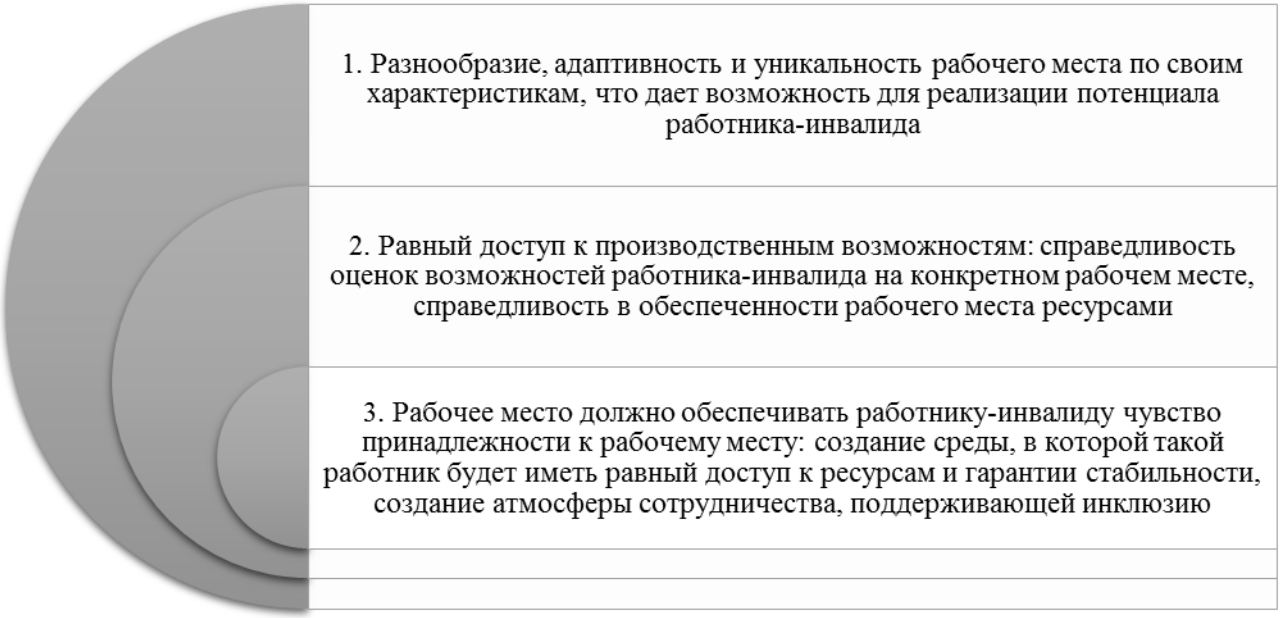


Рис. 1. Характеристики инклюзивного рабочего места

В Республике Беларусь приняты серьезные меры по государственной поддержке создания рабочих мест для лиц с инвалидностью. Так, в соответствии с постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 2 февраля 2009 г. № 128 «Об обеспечении занятости инвалидов» [3], предусмотрено финансирование расходов и компенсация затрат на создание и сохранение рабочих мест для инвалидов. Кроме того, имеется ряд налоговых льгот и преференций для субъектов хозяйствования, привлекающих к труду лиц, имеющих пониженную трудоспособность.

Несмотря на то, что инклюзивная занятость, несомненно, встраивается в концепцию социально-экономического развития страны, у нее, помимо очевидных плюсов, имеются определенные вызовы (рис. 2).

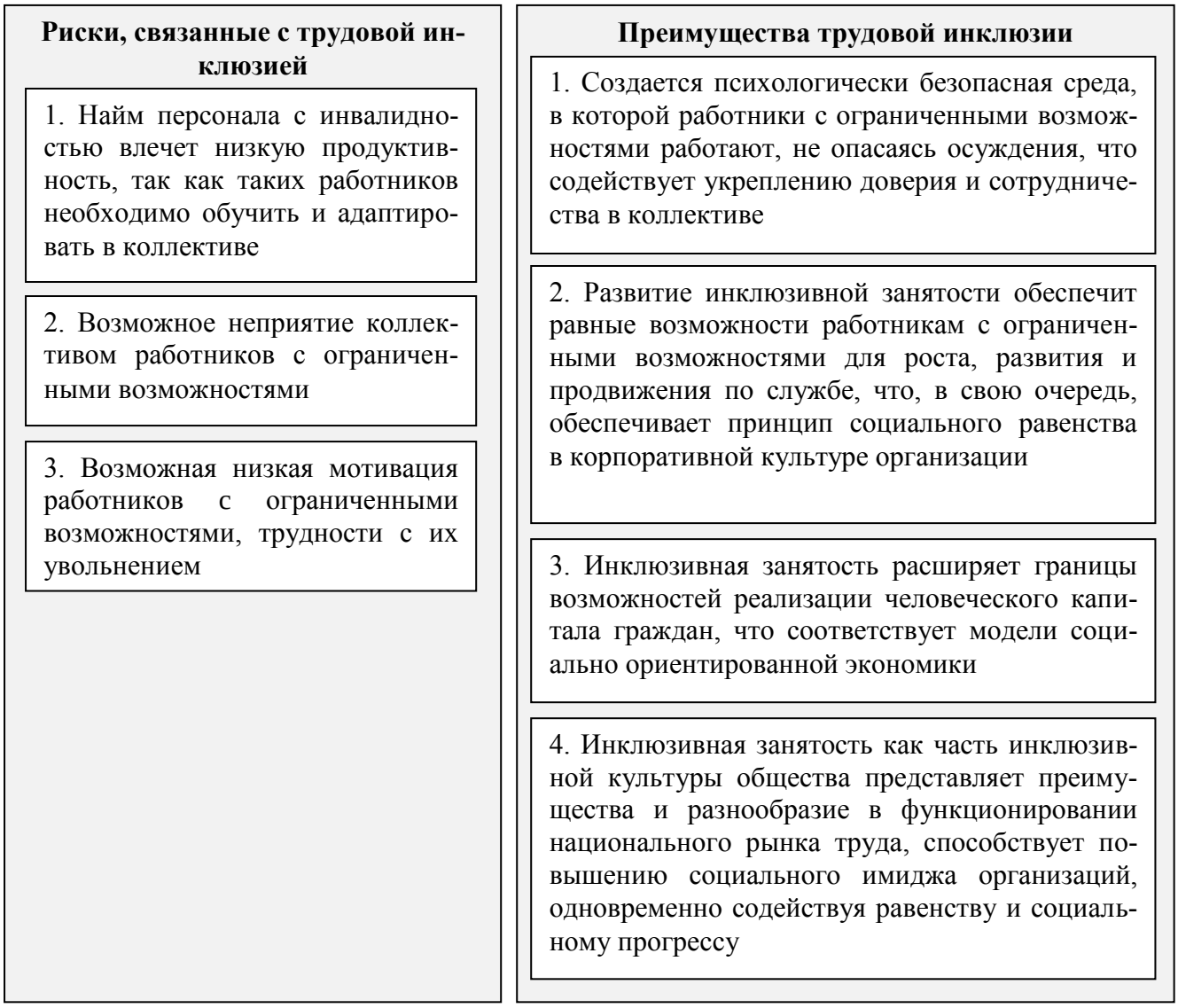


Рис. 2. Трудовая инклюзия: риски и преимущества

Правовое регулирование труда лиц с инвалидностью в Республике Беларусь обеспечивается рядом нормативных правовых актов: Трудовым кодексом Республики Беларусь (далее — ТК) [4], Законом Республики Беларусь от 30 июня 2022 г. № 183-З «О правах инвалидов и их социальной интеграции» (далее — Закон-183) [5], Законом Республики Беларусь от 15 июня 2006 г. № 125-З «О занятости населения» (далее — Закон-125) [6] и иными нормативными правовыми актами (рис. 3).

Рис. 3. Варианты реализации права на труд у лиц с инвалидностью

При этом государство устанавливает определенные дополнительные гарантии для реализации лицами с пониженной трудоспособностью своего права на труд (рис. 4).

1	• Недопустимость отказа в заключении трудового договора по мотивам инвалидности за исключением случаев, когда выполнение трудовых обязанностей противопоказано индивидуальной программой реабилитации инвалида
2	• Сокращенная продолжительность рабочей недели (не более 35 часов) с сохранением уровня оплаты как при полной рабочей неделе (ст. 114 и ст. 287 ТК). • Сокращенная продолжительность ежедневной работы (смены) для инвалидов I и II группы (ежедневная работа (смена) не более 7 часов) (ст. 115 ТК), а также неполный рабочий день или неполная рабочая неделя (ст. 289 ТК)
3	• Сверхурочная работа, работа в ночное время, в государственные праздники и праздничные дни (ч. 1 ст. 147 ТК); служебная командировка (ст. 287 ТК); работа в выходные дни (ст. 287 ТК) и в ночное время допускаются только с согласия лица с ограниченными возможностями только в том случае, если такая работа не запрещена им индивидуальной программой реабилитации
4	• Наниматель обязан создавать необходимые условия труда и отдыха в соответствии с индивидуальными программами реабилитации инвалидов, в том числе путем организации их профессионального обучения на производстве, труда в надомных условиях (ч. 2 ст. 287 ТК)
5	• Разработка и реализация целевых государственных программ для повышения занятости инвалидов, создание дополнительных рабочих мест и специализированных организаций, установление брони для приема на работу, предоставление услуг по профессиональной ориентации

Рис. 4. Законодательные положения по развитию занятости и защите трудовых прав лиц с пониженной трудоспособностью

Существующие нормативные акты указывают на проводимую в Республике Беларусь политику социальной поддержки граждан с ограниченными возможностями, направленную на их вовлечение в социально-экономическую сферу и обеспечение права на труд.

Подводя итог сказанному, отметим, что анализ инклюзивной занятости как процесса интеграции лиц с ограниченными возможностями здоровья в трудовую деятельность через создание инклюзивных рабочих мест позволяет констатировать ее положительное влияние на производственную среду организации. Это выражается в накоплении совокупного социально-экономического результата: трудовая инклюзия способствует адаптации к цифровым условиям функционирования национальной экономики, формируя благоприятные условия для равного доступа к возможностям наименее защищенных групп населения, а также реализуя корпоративную социальную ответственность со стороны предприятий.

Также полагаем, что закрепление в Законе-125 отдельной главы, посвященной инклюзивному труду, с разработкой форм и механизмов инклюзивного трудоустройства, условий занятости лиц с ограниченными возможностями здоровья, созданием специализированных рабочих мест, а также возможность более детального регулирования этих вопросов в локальных нормативных актах организаций позволят предприятиям формировать собственные стратегии развития инклюзивной занятости и окажут стимулирующее воздействие на активное привлечение и найм работников с ограниченными возможностями.

---

1. В экономике Беларуси занято более 71 тысячи людей с инвалидностью [Электронный ресурс] // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. URL: https://pravo.by/novosti/obshchestvenno-politicheskie-i-v-oblasti-prava/2025/december/91207/ (дата обращения: 08.02.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье

2. Маковская Н. В. Инклюзивная занятость в Республике Беларусь: вектор развития // Соц.-трудовые исслед. 2025. № 2. С. 49–60. Вернуться к статье

3. Об обеспечении занятости инвалидов [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь от 2 февр. 2009 г. № 128 : в ред. от 24 марта 2025 г. № 168. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». Вернуться к статье

4. Трудовой кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 26 июля 1999 г. № 296-З : принят Палатой представителей 8 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 30 июня 1999 г. : в ред. от 9 дек. 2025 г. № 110-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». Вернуться к статье

5. О правах инвалидов и их социальной интеграции [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь от 30 июня 2022 г. № 183-З : в ред. от 9 дек. 2025 г. № 110-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». Вернуться к статье

6. О занятости населения [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь от 15 июня 2006 г. № 125-З : в ред. от 11 нояб. 2024 г. № 37-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». Вернуться к статье

УДК 342.951:331.556.4(476)

НАНИМАТЕЛЬ КАК УЧАСТНИК МЕХАНИЗМА МИГРАЦИОННОГО КОНТРОЛЯ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

THE EMPLOYER AS A PARTICIPANT IN THE MIGRATION CONTROL MECHANISM IN THE REPUBLIC OF BELARUS

Н. О. Рамазанова
Белорусский государственный университет,
доцент кафедры государственного управления,
кандидат юридических наук, доцент

Аннотация. *Рассматриваются современные тенденции административно-правового регулирования внешней трудовой миграции. Анализируется включение нанимателя в механизм миграционного контроля. Обосновывается необходимость четкого определения пределов его контрольной функции, разграничения компетенции государства и нанимателя, а также развития дифференцированных режимов миграционного контроля.*

Ключевые слова: *миграционный контроль, внешняя трудовая миграция, наниматель, административно-правовое регулирование, трудящийся-иммигрант.*

Annotation. *This article examines current trends in the administrative and legal regulation of external labor migration. The inclusion of employers in migration control mechanisms is analyzed. The need for a clear definition of the limits of their control functions, delineation of the powers of the state and employers, and the development of differentiated migration control regimes is substantiated.*

Keywords: *migration control, external labor migration, employer, administrative and legal regulation, immigrant worker.*

Современное административно-правовое регулирование миграции в Республике Беларусь все более отчетливо выходит за пределы традиционного понимания миграционного контроля как деятельности исключительно специализированных государственных органов. В условиях демографического спада, кадрового дефицита и роста потребности экономики в дополнительной рабочей силе трудовая миграция приобретает двойственное значение, выступая одновременно ресурсом стабилизации рынка труда и сферой повышенного публично-правового внимания, затрагивающей вопросы законности въезда, условий пребывания, трудоустройства и правовой ответственности иностранных граждан. Неслучайно в современной научной литературе привлечение иностранной рабочей силы связывается уже не только с восполнением нехватки работников,

но и с необходимостью более точного организационно-правового построения процедур допуска, сопровождения и контроля [1, с. 143–145; 2, с. 72–75].

Для Республики Беларусь данная проблема имеет особую актуальность. Концепция миграционной политики Республики Беларусь на 2024–2028 годы ориентирует государство на сочетание задач национальной безопасности, демографической устойчивости и экономического развития [3]. По официальным данным, численность населения Республики Беларусь на 1 января 2025 г. составила 9 109,3 тыс. человек [4], а в 2024 г. количество иностранных граждан, прибывших в страну на работу, увеличилось в 2,5 раза по сравнению с предыдущим годом [5]. В этих условиях миграционная политика объективно смещается от исключительно ограничительного подхода к более сложной модели, в которой допуск иностранной рабочей силы сочетается с усилением требований к контролю за законностью ее использования.

Если раньше миграционный контроль рассматривался прежде всего как специальный метод административно-правового регулирования, связанный с разграничением полномочий и учетом категорий мигрантов, то современное развитие законодательства позволяет уточнить данный вывод. После принятия Указа Президента Республики Беларусь от 21 мая 2025 г. № 202 «О повышении роли нанимателей в области внешней трудовой миграции» [6] в белорусском праве фактически оформляется новая правовая конструкция, в рамках которой наниматель включается в механизм миграционного контроля не как вспомогательный хозяйствующий субъект, а как специальный участник публично-правового обеспечения законности трудовой миграции. На него возлагаются обязанности по заключению трудового договора в установленный срок, ознакомлению иностранного работника с его правами и обязанностями на понятном языке, определению ответственных лиц, контролю фактического проживания, условий пребывания и сроков действия документов, необходимых для законного нахождения и осуществления трудовой деятельности в Республике Беларусь.

С научной точки зрения это означает, что миграционный контроль в современной белорусской модели приобретает распределенный характер. Его осуществление уже не сводится к внешней проверочной деятельности органов внутренних дел либо подразделений по гражданству и миграции, а включает элементы предварительного, текущего и сопровождающего контроля, часть которых переносится на уровень нанимателя. Подобная трансформация в определенной мере соответствует более широкой для современного регулирования трудовой миграции тенденции, при которой возрастает значение работодателя как участника механизма отбора, допуска, адаптации и организационного сопровождения иностранной рабочей силы [2, с. 83–84]. В то же время белорусская модель имеет собственную специфику, поскольку речь идет не просто

о кадровом посредничестве, а о нормативно закрепленном участии нанимателя в обеспечении режима законного пребывания иностранца.

При этом участие нанимателя в механизме миграционного контроля не должно толковаться как подмена компетенции государства. Напротив, его правовая роль должна пониматься как производная от публичного интереса и ограниченная законом. Наниматель не вправе осуществлять контрольные действия, по своей природе относящиеся к компетенции государственных органов, либо вмешиваться в частную сферу иностранного работника вне рамок прямо установленных обязанностей. Его функция состоит в обеспечении правовой связанности между фактом въезда, законностью трудоустройства, наличием необходимых документов, соблюдением условий проживания и сохранением оснований для пребывания на территории Республики Беларусь. В этом отношении показателен сравнительно-правовой материал о регулировании трудовой деятельности мигрантов в Союзном государстве Республики Беларусь и Российской Федерации: даже при сохранении общих интеграционных ориентиров национальные модели различаются по степени жесткости разрешительного режима, по объему обязанностей работодателя и по набору категорий иностранцев, на которых распространяются упрощенные правила трудоустройства [7, с. 98–100].

Особое значение имеет и то обстоятельство, что белорусское законодательство в последние годы пошло по пути более тонкой дифференциации правовых режимов трудовой миграции. Как показывает научный анализ, после изменений 2023 г. существенно расширился круг категорий трудящихся-иммигрантов, для которых не требуется получение специальных разрешений, а также был упрощен порядок привлечения отдельных иностранных работников. Вместе с тем сохранены специальные разрешения для иных категорий иностранцев, а также уведомительные и контрольные механизмы, позволяющие государству сохранять управляемость миграционных потоков [7, с. 98–101]. Следовательно, усиление роли нанимателя следует рассматривать не изолированно, а как элемент более общей модели дифференцированного миграционного контроля, в которой объем обязанностей зависит от правового статуса мигранта, целей въезда, характера трудовой деятельности и степени миграционного риска.

В этих условиях эффективность административно-правового регулирования трудовой миграции должна оцениваться не по формальному числу проведенных проверок и не по самому факту возложения новых обязанностей на нанимателя. Более точным критерием выступает достижение юридически устойчивого результата, при котором обеспечиваются законность пребывания иностранного работника, прозрачность его трудоустройства,

воспроизводимость учетных и контрольных данных, а также возможность последующей проверки действий как государства, так и нанимателя. Именно поэтому в современной литературе подчеркивается, что привлечение иностранной рабочей силы дает положительный эффект лишь тогда, когда сопровождается институционально выстроенными процедурами, межведомственной координацией, понятным алгоритмом действий работодателя и снижением правовой неопределенности в отношениях между государством, нанимателем и мигрантом [1, с. 153–155; 2, с. 83–84].

Таким образом, современное развитие белорусского законодательства позволяет уточнить одно из перспективных направлений дальнейшего развития данной сферы: миграционный контроль следует рассматривать не только как специальный метод административно-правового регулирования, реализуемый государственными органами, но и как распределенный правовой механизм, в который в нормативно определенных пределах включается наниматель. Это требует дальнейшего научного осмысления его административно-правового статуса, пределов контрольной функции, гарантий прав иностранного работника и критериев эффективности такой модели. Наиболее значимыми направлениями совершенствования представляются четкое разграничение компетенции государства и нанимателя, нормативное закрепление исчерпывающего перечня обязанностей последнего, возможность последовательного контроля за исполнением таких обязанностей с использованием цифровых средств и развитие дифференцированных режимов миграционного контроля в зависимости от категории трудящегося-иммигранта.

---

1. Ванкевич Е. В., Гуторова Е. В. Привлечение иностранной рабочей силы как способ преодоления дефицита кадров: возможности и риски // Вестн. Витеб. гос. технол. ун-та. 2025. № 2 (52). С. 138–160. Вернуться к статье

2. Государственное регулирование внешней трудовой миграции в условиях дефицита кадров на рынке труда / А. Э. Евтушенко [и др.] // Вопросы упр. 2024. Т. 18, № 5. С. 69–87. Вернуться к статье

3. Об утверждении Концепции миграционной политики Республики Беларусь на 2024–2028 годы [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Республики Беларусь от 23 янв. 2024 г. № 48 : в ред. от 21 нояб. 2025 г. № 658. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». Вернуться к статье

4. Численность населения на 1 января 2025 г. и среднегодовая численность населения за 2024 год по Республике Беларусь в разрезе областей, районов, городов, поселков городского типа [Электронный ресурс] // Национальный статистический комитет Республики Беларусь : [сайт]. URL: https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/publications/izdania/public_bulletin/index_148167/ (дата обращения: 20.02.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье

5. Увеличилось число въехавших в Беларусь трудовых мигрантов [Электронный ресурс] // М-во внутр. дел Респ. Беларусь : [сайт]. URL:

https://mvd.gov.by/ru/news/14554 (дата обращения: 20.02.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье

6. О повышении роли нанимателей в области внешней трудовой миграции [Электронный ресурс] : Указ Президента Республики Беларусь от 21 мая 2025 г. № 202. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». Вернуться к статье

7. Смашникова Т. Б. Особенности правового регулирования трудовой деятельности мигрантов в Союзном государстве Республики Беларусь и Российской Федерации // Вестн. Юж.-Урал. гос. ун-та. Сер. Право. 2024. Т. 24, № 3. С. 94–103. Вернуться к статье

УДК 343.35

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО ОПРЕДЕЛЕНИЯ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ ВЛАСТЬЮ ИЛИ СЛУЖЕБНЫМИ ПОЛНОМОЧИЯМИ

REFINING THE LEGISLATIVE DEFINITION OF ABUSE OF POWER OR OFFICIAL AUTHORITY

Д. А. Свиридов
Могилевский институт МВД Республики Беларусь,
начальник кафедры общеюридических и уголовно-правовых дисциплин
факультета повышения квалификации и переподготовки кадров

Аннотация. *В статье проводится анализ такого состава преступления, как злоупотребления властью или служебными полномочиями, предусмотренного ст. 424 Уголовного кодекса Республики Беларусь. Осуществлен анализ таких его признаков, как значительный ущерб, существенный вред. На основе сравнительного анализа с уголовным законодательством Российской Федерации предлагается проект новой редакции ст. 424 и примечания к главе 35 Уголовного кодекса Республики Беларусь.*

Ключевые слова: *преступление, злоупотребление властью, служебные полномочия, существенный вред, уголовное законодательство.*

Annotation. *This article analyzes the crime of abuse of power or official authority, as defined by Article 424 of the Criminal Code of the Republic of Belarus. Its characteristics, such as significant damage and substantial harm, are analyzed. Based on a comparative analysis with Russian criminal legislation, a draft new version of Article 424 and a note to Chapter 35 of the Criminal Code of the Republic of Belarus are proposed.*

Keywords: *crime, abuse of power, official authority, significant harm, criminal law.*

Уголовный кодекс Республики Беларусь (далее — УК Республики Беларусь) в статье 424 определяет злоупотребление должностными полномочиями как умышленное деяние, совершаемое лицом, занимающим должность, с целью получения личной выгоды, будь то материальная или другая. Это действие, основанное на использовании служебного статуса, наносит существенный ущерб правам граждан, государственным интересам или общественному благосостоянию [1].

Юридическая наука определяет злоупотребление служебными полномочиями как неправомерное использование предоставленных полномочий, когда действия сотрудника, хотя формально и соответствуют его служебным обязанностям, противоречат духу и букве закона, а также интересам, ради которых он был назначен на эту должность. Это может проявляться как в совершении незаконных действий в рамках своих полномочий, так и в умышленном

неисполнении обязанностей, предусмотренных занимаемой должностью. Злоупотребление властью, когда должностное лицо использует свои полномочия, полученные в связи с занимаемой должностью, для действий, нарушающих служебные интересы и причиняющих вред общественным благам, квалифицируется как злоупотребление правом. К таким случаям относится и умышленное неисполнение служебных обязанностей, предусмотренных законом для обеспечения законной деятельности, направленной на благо службы, государства и общества, что подрывает ее основную цель.

В современном мире все более остро стоит вопрос о точном определении злоупотребления властью и должностными обязанностями. В Беларуси УК усилил противодействие коррупции, включив в себя самые опасные виды коррупционных преступлений и уточнив формулировки статей, касающихся подобных правонарушений. Особое внимание в этом контексте уделяется составу преступления, предусмотренному ст. 424 УК Республики Беларусь, который играет важную роль в борьбе с коррупцией. Коррупция, по своей сути, определяется именно применением служебных полномочий, что и составляет ее объективную сторону. Этот фактор является определяющим и при квалификации других составов злоупотреблений должностными полномочиями, включая преступления, предусмотренные ст. 425 и 430 УК Республики Беларусь.

Энциклопедический словарь определяет коррупцию как преступление, при совершении которого лица, занимающие государственные должности, используют свои права в личных интересах, стремясь к обогащению [2, с. 642]. Н. И. Хохлов же рассматривает коррупцию как сознательное использование служебного статуса представителями власти или госслужащими с целью получения незаконных благ, будь то материальные ценности или привилегии, независимо от их формы [3].

По мнению Е. О. Коваленко, коррупция представляет собой совокупность правонарушений, совершаемых лицами, облеченными государственными полномочиями. Эти лица используют свое служебное положение, привилегии и возможности, полученные в связи с занимаемой функцией, для личной выгоды. Данные деяния противоречат законным правам и интересам граждан, общества в целом, государства, государственных структур, органов местного управления, а также коммерческих и иных организаций. Их мотивом является личное обогащение или удовлетворение узкоспецифических интересов, будь то личных, групповых или корпоративных [4]. В Республике Беларусь 15 июля 2015 г. был принят Закон № 305-З, который направлен на комплексное регулирование и противодействие коррупции, предоставляя правовую основу для ее определения [5].

Когда сотрудники, злоупотребляя своими полномочиями, служебным положением, государственной властью или авторитетом, наносят ущерб законным правам граждан, компаний, общества и государства, руководствуясь при этом собственными интересами или другими личными целями, их действия признаются злоупотреблением властью и служебными обязанностями.

Понятие «злоупотребление» в буквальном смысле означает использование чего-либо с намерением нанести вред, будь то человеку или объекту [6, с. 836]. Суть этого термина заключается в том, что нечто применяется с целью разрушения или нанесения убытков [6, с. 230]. Когда речь идет о злоупотреблении должностными полномочиями, это означает, что человек использует свои привилегии, власть и права не в интересах, для которых они ему были доверены, а для личных, часто корыстных, целей. В данной ситуации действия сотрудника противоречат общественным и государственным интересам, которые должны стоять на первом месте при выполнении служебных обязанностей и распоряжении предоставленными полномочиями. Государственная служба не должна рассматриваться чиновником как конечная цель. Ее главная задача — приносить максимальную выгоду гражданам, а также стоять на защите общественных интересов. В качестве инструмента для достижения своих целей должностные лица прибегают к использованию своих полномочий, влияния и авторитета. Злоупотребление этими инструментами проявляется в действиях государственных служащих, которые, руководствуясь личными или корпоративными интересами, не всегда совпадающими с общественными, злоупотребляют своим положением, влиянием и авторитетом. Это поведение влечет за собой нарушение норм законодательства, определяющих правила служебной деятельности и применения полномочий. Такое поведение должностного лица квалифицируется как незаконное, неэтичное и вредное для интересов службы. Злоупотребление властью также выражается в нецелесообразном использовании полномочий, предоставленных законодательством для выполнения своих служебных функций. Незаконное или нецелесообразное применение власти и влияния может привести к серьезным негативным последствиям для правоохранительной деятельности, нарушению прав и законных интересов граждан, а также причинению вреда государственным и общественным интересам, что ставит под угрозу стабильность и безопасность общества.

Проведенный анализ показывает, что в научной и правовой сферах существуют разногласия в понимании, формулировке и толковании важных терминов, таких как «служебные полномочия», «служебное положение» и «государственная власть». Эти понятия играют ключевую роль в определении признаков рассматриваемого правонарушения.

Полномочия представляют собой право, которое предоставляется определенному лицу для выполнения конкретных действий или ведения определенных процессов [6, с. 554]. Злоупотребление этими полномочиями, по нашему мнению, выражается в использовании субъективных прав, полученных в рамках занимаемой должности, с целью достижения личных целей, которые противоречат общественным, государственным интересам, а также нарушают нормальную деятельность организаций, предприятий, учреждений или индивидуальных предпринимателей. Данное действие приводит к серьезным, а порой и катастрофическим повреждениям объектов, охраняемых уголовным правом. Злоупотребление правом в этой ситуации становится средством совершения уголовно наказуемого деяния.

Приверженцы широкой интерпретации термина «служебные полномочия» полагают, что под ним подразумевается не просто исполнение должностных обязанностей, но и умелое применение авторитета и профессиональных связей для достижения целей, связанных с работой [7].

Должностное лицо действует в рамках своих полномочий, когда его действия и решения прямо связаны с выполнением служебных обязанностей, предусмотренных его должностью, и выражают волю соответствующего государственного или муниципального органа. В противном случае, ответственность за совершенные действия возлагается на само должностное лицо. Злоупотребление полномочиями возникает тогда, когда лицо, занимающее определенную должность и осуществляющее свои служебные обязанности, выходит за рамки допустимого. Если сотрудник использует свой авторитет и связи с коллегами для нанесения вреда охраняемым законом интересам, его действия могут быть признаны злоупотреблением служебным положением или влиянием.

Статья 424 УК Республики Беларусь определяет злоупотребление властью, а также использование служебного положения и связей, полученных в связи с занимаемой должностью, как неприемлемое с моральной точки зрения действие [1]. В качестве наказания за подобные поступки предусмотрены только дисциплинарные взыскания. Применение служебного статуса для личной выгоды, которая вредит общественным интересам, и причинение существенного вреда таким образом представляют собой угрозу обществу не меньшую, чем злоупотребление властью, предоставленной должностью.

Термин «злоупотребление властью» включает в себя более обширную категорию действий, чем узкоспециализированные понятия «злоупотребление полномочиями», «злоупотребление служебным положением» или «злоупотребление авторитетом». Под злоупотреблением властью понимается использование государственных функций для личных целей, которое может выходить

за рамки официально закрепленных полномочий и охватывать все доступные должностному лицу ресурсы, вытекающие из его статуса и влияния. В число таких возможностей входят также отношения, сформированные в результате служебной позиции или авторитета занимаемой должности.

Согласиться с позицией авторов, считающих, что злоупотребление властью, основанное на авторитете, не подпадает под уголовную ответственность, поскольку не влечет за собой нарушения прав и обязанностей, представляется невозможным [7]. Важно понимать, что даже в рамках формальных полномочий должностные лица могут злоупотреблять своими правами и обязанностями, являющимися неотъемлемой частью их служебной позиции и связанной с ней власти. Такая деятельность, наносящая ущерб интересам службы и защищаемым ценностям, может иметь катастрофические последствия, ставя под вопрос судьбу огромного числа людей — от десятков до миллионов. Важно отметить, что речь идет не о воздействии, которое исходит от личного авторитета, а о власти, присущей занимаемой должности. Занимая должность, человек приобретает возможность влиять на окружающих, даже на тех, кто не находится в его прямом подчинении.

Одним из конструктивных признаков объективной стороны злоупотребления служебными полномочиями является причинение преступными действиями существенного вреда правам и законным интересам физических и юридических лиц, а также общественным и государственным благам, имеющим правовую защиту. Отсутствие в ст. 424 УК Республики Беларусь четкого определения понятия «существенный вред» является серьезной погрешностью, которая может привести к неоднозначному толкованию и применению данной нормы. Что такое «существенность» в контексте злоупотребления, определяется индивидуально в каждой ситуации и не поддается однозначной объективной оценке. Понятие «существенного вреда» предполагает комплексный анализ, включающий как количественные, так и качественные показатели, выраженные в финансовых единицах. В уголовном законодательстве оно рассматривается как оценочный элемент, требующий субъективной интерпретации. Применение этих критериев, безусловно, имеет свои преимущества, но одновременно несет в себе опасность судебных погрешностей и чрезмерного вмешательства судебной власти, что может нарушить принцип законности. Это обстоятельство отмечалось в литературе [8, с. 38–41].

Согласно ст. 424 УК Республики Беларусь, преступление квалифицируется как тяжкое, если оно привело к значительным материальным потерям или серьезному нарушению прав и законных интересов граждан, общественных организаций, государственных структур. В то же время закон не устанавливает конкретных параметров, по которым можно было бы определить степень

значимости таких нарушений. Отсутствуют четкие критерии для определения, что можно считать существенным вредом, а что — тяжкими последствиями.

Влияние злоупотребления на права и законные интересы, а также на возникающие в результате этого негативные последствия определяется характером и масштабами этого злоупотребления. Оценка материального ущерба производится с учетом его вида и величины, в то время как нематериальный вред оценивается на основе тяжести причиненных моральных или физических страданий, включая повреждения здоровья и другие аналогичные обстоятельства.

УК Республики Беларусь, в частности ст. 424, подчеркивает важность мотива при квалификации преступлений. Законодательство справедливо относит к низменным мотивам те, которые возникают из корыстных или личных интересов. Важно понимать, что злоупотребление должностными полномочиями не всегда является преступлением. Если действия совершены без личной выгоды, без стремления получить материальную или иную выгоду, то мотивы не имеют личного характера и не соответствуют критериям, установленным ст. 424. Иногда злоупотребление совершается под предлогом защиты, которая, по мнению виновного, необходима для других людей, общества или государства, хотя на самом деле таковой необходимости нет.

Учитывая изложенные аргументы, полагаем целесообразным рассмотреть вариант изменения формулировки ст. 424 УК Республики Беларусь следующим образом:

«Статья 424. Неправомерное использование государственных и муниципальных полномочий.

Деяния должностного лица, совершенные умышленно и вопреки интересам службы, обусловленные корыстной или иной личной выгодой, при использовании служебных полномочий, возможностей, статуса и власти, которые привели к причинению значительного ущерба или существенному нарушению прав и законных интересов граждан, а также государственных или общественных интересов, —

наказываются…».

К главе 35 УК Республики Беларусь необходимо добавить примечание 5 в следующей редакции:

«5. Использование властных или служебных полномочий для совершения преступления наносит существенный вред, если он выражается в имущественном ущербе особо крупного размера, причинении потерпевшему менее тяжкого телесного повреждения, нарушении конституционных прав и свобод граждан, а также в помехе нормальной работе государственных, коммерческих и других организаций. Также к существенному вреду относится ситуация, когда злоупотребление властью способствовало совершению другого преступления».

1. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г. № 275-З : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. от 20 окт. 2025 г. № 101-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». Вернуться к статье

2. Советский энциклопедический словарь / науч.-ред. совет: А. М. Прохоров (пред.) [и др.]. М. : Сов. энцикл., 1982. 1600 с. Вернуться к статье

3. Хохлов Н. И. Коррупция: сущность, меры борьбы, проблемы совершенствования законодательства // Вестн. экономики, права и социологии. 2008. № 1. С. 102–108. Вернуться к статье

4. Коваленко Е. О. Этико-культурные детерминанты коррупции: российский опыт // Организованная преступность и коррупция: результаты криминально-социологических исследований / под ред. Н. А. Лопашенко. Саратов, 2005. Вып. 1. С. 34–42. Вернуться к статье

5. О борьбе с коррупцией [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь от 15 июля 2015 г. № 305-З : в ред. от 16 марта 2026 г. № 134-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». Вернуться к статье

6. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. 4-е изд., доп. М. : Азбуковник, 1997. 944 с. Вернуться к статье

7. Голубев В. В. Злоупотребление должностными полномочиями как основа отечественной коррупции // Законодательство. 2002. № 6. С. 48–54. Вернуться к статье

8. Гаухман Л. Д., Максимов С. В. Уголовный кодекс Российской Федерации. Общий комментарий. Сравнительная таблица : науч.-практ. пособие. М. : Форум, 1996. 416 с. Вернуться к статье

УДК 347.9(476)

СПОРЫ О ДЕТЯХ И СПОРЫ О ВОЗВРАЩЕНИИ ДЕТЕЙ ИЛИ ОБ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ В ОТНОШЕНИИ ДЕТЕЙ ПРАВ ДОСТУПА: О ПРОБЛЕМАХ ОТРАЖЕНИЯ В ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ СУЩЕСТВУЮЩЕЙ МЕЖДУ НИМИ ВЗАИМОСВЯЗИ

DISPUTES ABOUT CHILDREN AND DISPUTES ABOUT THE RETURN OF CHILDREN OR THE EXERCISE OF ACCESS RIGHTS IN RELATION TO CHILDREN: ON THE PROBLEMS OF REFLECTING THE EXISTING RELATIONSHIP BETWEEN THEM IN PROCEDURAL LEGISLATION

В. П. Скобелев
Белорусский государственный университет,
заместитель декана по учебной работе и образовательным инновациям юридического факультета,
кандидат юридических наук, доцент

Аннотация. *Показаны недостатки ст. 551 «Отложение судебного разбирательства и приостановление производства по делу, связанному со спором о детях (ребенке)» Кодекса гражданского судопроизводства Республики Беларусь, предложена новая редакция данной статьи.*

Ключевые слова: *гражданское судопроизводство, споры о детях, споры о возвращении детей, споры об осуществлении в отношении детей прав доступа, отложение судебного разбирательства, приостановление производства по делу.*

Annotation. *The shortcomings of Article 551 «Deferral of a trial and suspension of proceedings in a case related to a dispute over children (a child)» of the Code of Civil Procedure of the Republic of Belarus are shown and a new version of this article is proposed.*

Keywords: *civil proceedings, disputes concerning children, disputes concerning the return of children, disputes concerning the exercise of access rights in relation to children, adjournment of court proceedings, suspension of proceedings.*

В целях имплементации положений Конвенции о гражданских аспектах международного похищения детей, заключенной в Гааге 25 октября 1980 г. (далее — Конвенция) [1], и в связи с появлением в практике отечественных судов общей юрисдикции все большего количества дел соответствующей категории Законом Республики Беларусь от 18 декабря 2019 г. № 277-З «Об изменении законов» [2], Гражданский процессуальный кодекс Республики Беларусь (далее — ГПК) был дополнен новой главой 28^2 «Производство по делам о возвращении ребенка или об осуществлении прав доступа» [3].

Положения главы 28^2 ГПК получили почти дословное отражение в главе 54 «Производство по делам о возвращении ребенка или об осуществлении

прав доступа» Кодекса гражданского судопроизводства Республики Беларусь (далее — КГС), начавшего действовать с 1 января 2026 г. (текстуальные расхождения между главой 54 КГС и главой 28^2 ГПК единичны и принципиального характера не имеют) [4].

К сожалению, при разработке текста главы 28^2 ГПК был допущен целый ряд нормотворческих огрехов, в том числе крайне неудачно был урегулирован вопрос о взаимосвязи, существующей между спорами о детях и спорами о возвращении детей или об осуществлении в отношении детей прав доступа, а также о процессуальных последствиях данной взаимосвязи. Как итог, все соответствующие недостатки по инерции перешли и в КГС.

Так, в ст. 334^{11} «Отложение и приостановление производства по делу, связанному со спором о детях (ребенке)» ГПК было закреплено:

«Суд, в производстве которого находится дело, связанное со спором о детях (ребенке), обязан отложить на тридцать дней разбирательство данного дела в случае поступления письменного уведомления от Министерства юстиции о получении им заявления о неправомерном перемещении этих детей (ребенка) в Республику Беларусь или их (его) неправомерном удержании в Республике Беларусь с приложением копии такого заявления.

Производство по делу, связанному со спором о детях (ребенке), приостанавливается до вступления в законную силу решения суда по делу о возвращении ребенка или об осуществлении прав доступа, или определения суда о прекращении производства по этому делу, или определения суда об оставлении заявления без рассмотрения» [3].

Точно такое же содержание имеет и ст. 551 КГС, отличие только в том, что наименование данной статьи несколько иное — «Отложение судебного разбирательства и приостановление производства по делу, связанному со спором о детях (ребенке)». Подобное наименование является более точным, потому что соответствующий процессуальный институт называется «отложение судебного разбирательства» (ст. 137 КГС) или «отложение разбирательства дела» (ст. 159 ГПК), но не «отложение производства по делу», как это следовало из названия ст. 334^{11} ГПК.

Правила ст. 334^{11} ГПК, нашедшие затем отражение в ст. 551 КГС, по всей видимости, приняты в развитие положений ст. 16 Конвенции, которые гласят: «После получения уведомления о неправомерном перемещении или удержании ребенка по смыслу статьи 3, судебные или административные органы Договаривающегося государства, в которое был перемещен или в котором удерживается ребенок, не принимают решение по существу права на проживание до тех пор, пока не будет установлено, что ребенок не должен быть возвращен в соответствии с настоящей Конвенцией или пока не подано заявление в соответствии

с Конвенцией…» [1]. Тем не менее, несмотря на отмеченное обстоятельство, ст. 334[11] ГПК и ст. 551 КГС заслуживают ряда критических замечаний.

Во-первых, обе указанные статьи имеют неверное структурное размещение в процессуальном регламенте: ведь в данных статьях отражены не процессуальные особенности разбирательства дел о возвращении ребенка или об осуществлении прав доступа, которым (особенностям) посвящены глава 28[2] ГПК и глава 54 КГС, а процессуальные особенности рассмотрения споров, связанных с воспитанием детей (в терминологии ст. 16 Конвенции — споров относительно прав опеки). Но, видимо, по причине того, что специальных структурных элементов (параграфов или глав), освещающих процессуальные особенности рассмотрения споров о воспитании детей, в ГПК и КГС нет, а положения ст. 16 Конвенции законодатель посчитал крайне необходимым на уровне процессуального регламента отразить, не было придумано ничего лучшего, чем поместить соответствующие правила в ст. 334[11] главы 28[2] ГПК и ст. 551 главы 54 КГС.

Во-вторых, из содержания ч. 1 ст. 334[11] ГПК, ч. 1 ст. 551 КГС следует, что на результаты разбирательства судом спора о воспитании детей (ребенка) способно оказать влияние только дело о возвращении этих детей (ребенка), потому что в ч. 1 ст. 334[11] ГПК, ч.1 ст. 551 КГС говорится о поступлении в суд уведомления «о неправомерном перемещении этих детей (ребенка) в Республику Беларусь или их (его) неправомерном удержании в Республике Беларусь» [3; 4], про уведомления о нарушении прав доступа в отношении ребенка там ничего не упоминается.

Действительно, в ст. 16 Конвенции речь идет о получении судебными органами только «уведомления о неправомерном перемещении или удержании ребенка по смыслу статьи 3» [1]. Но все дело в том, что по смыслу абз. 1 ст. 21 Конвенции (он гласит, что «заявление о принятии мер по организации или обеспечению эффективного осуществления прав доступа может быть представлено в Центральные органы Договаривающихся государств таким же образом, как и заявление о возвращении ребенка») все положения главы III «Возвращение детей» Конвенции, в том числе, думается, и положения ст. 16 Конвенции, в равной степени актуальны для случаев, когда стоит вопрос об обеспечении реализации прав доступа.

Поэтому дело об осуществлении прав доступа тоже может оказать влияние на результаты разбирательства спора о воспитании детей (ребенка). И в этом плане весьма показательно, что ч. 2 ст. 334[11] ГПК, ч. 2 ст. 551 КГС предписывают приостанавливать разбирательство спора о детях (ребенке) до вступления в законную силу итогового судебного постановления не только по делу о возвращении ребенка, но и по делу об осуществлении прав доступа [3; 4].

В-третьих, при конструировании нормы ч. 1 ст. 334[11] ГПК, ч. 1 ст. 551 КГС не совсем верно была понята суть уведомления, о котором говорится в ст. 16 Конвенции. По нашему мнению, в ст. 16 Конвенции под уведомлением «о неправомерном перемещении или удержании ребенка по смыслу статьи 3» подразумевается любая информация о неправомерном перемещении или удержании ребенка, полученная судебным (или административным) органом из любых источников, не обязательно из центрального органа (она может быть получена в том числе от участников рассматриваемого судом спора о воспитании детей (ребенка)), но полученная в тот период, когда само заявление о возвращении ребенка в соответствии с Конвенцией еще подано не было.

Значит, установленное ст. 16 Конвенции условие, при соблюдении которого судебный (или административный) орган, получивший указанное уведомление, вправе продолжить рассмотрение спора о воспитании детей (ребенка), — «пока не будет установлено, что ребенок не подлежит возвращению в соответствии с настоящей Конвенцией» [1], — нужно понимать следующим образом: Конвенция априори не подлежит применению к возникшей ситуации (например, потому, что неправомерного перемещения или удержания ребенка не было, или ребенок достиг возраста 16 лет, или государство, чей судебный или административный орган получил уведомление, не является членом Конвенции и пр.), а если и подлежит, то в разумный срок после поступления указанного уведомления заявление о возвращении ребенка в соответствии с Конвенцией не было подано.

Между тем в ч. 1 ст. 334[11] ГПК, ч. 1 ст. 551 КГС речь идет об уведомлении, исходящем только из одного источника — из Министерства юстиции Республики Беларусь, причем об уведомлении строго определенного содержания – о получении Министерством юстиции Республики Беларусь заявления о неправомерном перемещении детей (ребенка) в Республику Беларусь или их (его) неправомерном удержании в Республике Беларусь. Однако, согласно ст. 16 Конвенции, подача в центральный орган государства — участника Конвенции заявления о возвращении ребенка является самостоятельным (наравне с фактом получения судебным (или административным) органом, рассматривающим спор о воспитании детей, указанного в ст. 16 Конвенции уведомления) основанием для того, чтобы судебный (или административный) орган не выносил решение по спору о воспитании детей.

В-четвертых, отложение, в соответствии с ч. 1 ст. 334[11] ГПК, ч. 1 ст. 551 КГС, судебного разбирательства спора о воспитании детей на 30 дней, скорее всего, приведет к тому, что общий двухмесячный срок рассмотрения гражданских дел, установленный ч. 1 ст. 158 ГПК, ч. 1 ст. 122 КГС, будет нарушен (констатируя это, мы исходим из того, что в споре о воспитании детей нет

иностранного элемента и потому продолжительность рассмотрения спора судом определяется по ч. 1 ст. 158 ГПК, ч. 1 ст. 122 КГС, однако, если иностранный элемент в данном споре все-таки есть, то срок рассмотрения дела, согласно ч. 3 ст. 158 ГПК, ч. 3 ст. 122 КГС, будет составлять один год и вероятность его нарушения будет минимальна). Кроме того, 30 дней — это слишком длительный срок для того, чтобы использовать институт отложения судебного разбирательства дела. В целях оформления временной остановки совершения процессуальных действий по гражданскому делу на продолжительные сроки более правильно применять правила о приостановлении производства по делу.

В-пятых, не совсем понятно, почему при поступлении письменного уведомления Министерства юстиции Республики Беларусь о получении им заявления о неправомерном перемещении детей (ребенка) в Республику Беларусь или их (его) неправомерном удержании в Республике Беларусь суд должен производить именно отложение разбирательства спора о воспитании детей, причем производить это отложение на срок именно 30 дней. Ведь подача данного заявления в Министерство юстиции Республики Беларусь как в центральный орган, назначенный для реализации положений Конвенции, означает, что административные и (или) судебные процедуры, направленные на возвращение ребенка в страну места его постоянного проживания, фактически стартовали. При этом заранее неизвестно, через какой период времени эти процедуры будут завершены.

А коль скоро это так, то в ситуации, описанной в ч. 1 ст. 334^{11} ГПК, ч. 1 ст. 551 КГС, суд должен не откладывать разбирательство спора о воспитании детей, а приостанавливать по нему производство согласно п. 4 ч. 1 ст. 160 ГПК (т. е. ввиду «невозможности рассмотрения данного дела до разрешения другого дела, рассматриваемого в гражданском, уголовном судопроизводстве или административном порядке») и п. 4 ч. 1 ст. 132 КГС (т. е. по причине «невозможности рассмотрения дела до принятия решения по другому делу, рассматриваемому в порядке конституционного, гражданского, уголовного судопроизводства или судопроизводства по делам об административных правонарушениях либо находящемуся в процедуре урегулирования спора в целях заключения международного медиативного соглашения») [3; 4]. Причем корректировка нормы ч. 1 ст. 334^{11} ГПК, ч. 1 ст. 551 КГС в подобном ключе приведет к тому, что в правиле ч. 2 ст. 334^{11} ГПК, ч. 2 ст. 551 КГС (предписывающем приостанавливать рассмотрение спора о воспитании детей (ребенка) в случае возбуждения дела о возвращении этих детей (ребенка) или об осуществлении в отношении их (его) прав доступа) будет утрачена всякая необходимость.

Отложение судебного разбирательства, согласно ч. 1 ст. 334[11] ГПК, ч. 1 ст. 551 КГС, было бы оправданно в том случае, если бы содержащиеся в данных статьях нормы преследовали цель точной имплементации в национальное процессуальное законодательство положений ст. 16 Конвенции. Тогда отложение судебного разбирательства было бы необходимо для решения указанной в ст. 16 Конвенции задачи — установить, что «ребенок не должен быть возвращен в соответствии с настоящей Конвенцией», в том числе дождаться того, что в разумный срок после поступления информации (по тексту ст. 16 Конвенции — уведомления) о неправомерном перемещении или удержании ребенка иск о его возвращении предъявлен не будет. Однако, поскольку ч. 1 ст. 334[11] ГПК, ч. 1 ст. 551 КГС, как было показано выше, произвольным образом интерпретируют содержание ст. 16 Конвенции (а именно искажают суть упоминаемого в ней уведомления), то, соответственно, и смысл положений ч. 1 ст. 334[11] ГПК, ч. 1 ст. 551 КГС (в отличие от положений ст. 16 Конвенции) утрачивается или становится крайне неясным.

В-шестых, не понятно, откуда вдруг в ч. 2 ст. 334[11] ГПК, ч. 2 ст. 551 КГС появляется указание на дело о возвращении ребенка или об осуществлении прав доступа. Ведь в ч.1 ст. 334[11] ГПК, ч. 1 ст. 551 КГС речь идет только о получении Министерством юстиции Республики Беларусь заявления о неправомерном перемещении детей (ребенка) в Республику Беларусь или их (его) неправомерном удержании в Республике Беларусь, и само по себе получение Министерством юстиции Республики Беларусь такого заявления еще не свидетельствует о предъявлении иска о возвращении ребенка или об осуществлении прав доступа и появлении в суде соответствующего дела.

По-видимому, ч. 2 ст. 334[11] ГПК, ч. 2 ст. 551 КГС должны были бы иметь совсем другую редакцию: «В случае предъявления иска о возвращении ребенка или об осуществлении в отношении ребенка прав доступа производство по делу, связанному со спором о данном ребенке, приостанавливается до вступления в законную силу вынесенного по указанному иску итогового судебного постановления». Как вариант, здесь допустима и другая редакция ч. 2 ст. 334[11] ГПК, ч. 2 ст. 551 КГС: «В случае предъявления иска о возвращении ребенка или об осуществлении в отношении ребенка прав доступа производство по делу, связанному со спором о данном ребенке, приостанавливается в соответствии с пунктом 4 части 1 статьи 160 настоящего Кодекса» (для КГС — в соответствии с пунктом 4 части 1 статьи 132 настоящего Кодекса). Однако, если ч. 1 ст. 334[11] ГПК, ч. 1 ст. 551 КГС будут скорректированы описанным выше образом, то какая-либо потребность во второй части данных статей (и соответственно, в придании ей новой редакции) отпадет. Кроме того, потребуется изменить также наименование (на «Последствия предъявления иска о возвращении

ребенка или об осуществлении прав доступа») и структурное расположение (поместив сразу после ст. 334^8 ГПК и ст. 548 КГС соответственно) данных статей.

Таким образом, проведенное исследование показывает, что ст. 551 КГС, включая ее наименование, необходимо изложить в следующей новой редакции:

«Статья 551. Последствия предъявления иска о возвращении ребенка или об осуществлении прав доступа

В случае предъявления иска о возвращении ребенка или об осуществлении в отношении ребенка прав доступа производство по делу, связанному со спором о данном ребенке, приостанавливается в соответствии с пунктом 4 части 1 статьи 132 настоящего Кодекса».

При этом целесообразно изменить и структурное расположение указанной статьи, поместив ее сразу после ст. 548 КГС.

---

1. Конвенция о гражданских аспектах международного похищения детей [Электронный ресурс] : заключена в Гааге 25 окт. 1980 г. // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. URL: https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=i08000001 (дата обращения: 03.02.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье

2. Гражданский процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 11 янв. 1999 г. № 238-З : принят Палатой представителей 10 дек. 1998 г. : одобр. Советом Респ. 18 дек. 1998 г. : утратил силу. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». Вернуться к статье

3. Об изменении законов [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь от 18 дек. 2019 г. № 277-З : в ред. от 11 марта 2024 г. № 359-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». Вернуться к статье

4. Кодекс гражданского судопроизводства Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 11 марта 2024 г. № 359-З : принят Палатой представителей 31 янв. 2024 г. : одобр. Советом Респ. 19 февр. 2024 г. : в ред. от 30 дек. 2025 г. № 126-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». Вернуться к статье

УДК 342.4

КОНСТИТУЦИОННЫЕ ОСНОВЫ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ ГРАЖДАН РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

CONSTITUTIONAL FOUNDATIONS OF THE LEGAL CULTURE OF CITIZENS OF THE REPUBLIC OF BELARUS

И. Г. Скороход
Белорусский государственный экономический университет,
доцент кафедры теории и истории права,
кандидат юридических наук, доцент

Аннотация. *В статье исследуются конституционные основы правовой культуры граждан Республики Беларусь как системы знаний о праве, ценностных установок уважения к Конституции и закону, а также практических навыков правомерного поведения и защиты прав. Обосновывается, что Конституция Республики Беларусь формирует правовую культуру посредством закрепления человека, его прав и свобод в качестве высшей ценности и цели общества и государства.*

Ключевые слова: *правовая культура, Конституция Республики Беларусь, правовое государство, верховенство Конституции, законность, равенство, судебная защита, юридическая помощь, обращения граждан, презумпция невиновности, правовое просвещение.*

Annotation. *The article examines the constitutional foundations of the law of culture of citizens of the Republic of Belarus as a system of knowledge about the law, value systems, support for the Constitution and the law, as well as practical skills of lawful behavior and protection of rights. It is substantiated that the Constitution of the Republic of Belarus forms a legal culture by securing a person, his rights and freedoms as the highest values and goals of society and the state.*

Keywords: *legal culture, Constitution of the Republic of Belarus, rule of law, supremacy of the Constitution, legality, equality, judicial protection, legal assistance, citizens' appeals, presumption of innocence, legal education.*

Правовая культура граждан представляет собой один из основополагающих факторов, обеспечивающих стабильность конституционного строя, эффективность правового регулирования и доверие к государственным институтам. Несмотря на наличие развитой системы законодательства, уровень правовой культуры может оставаться недостаточным, если граждане не признают право в качестве справедливого и предсказуемого регулятора, не осознают механизмы защиты прав или не имеют реального доступа к правосудию и юридической помощи. В подобных условиях наблюдается правовой нигилизм, распространение неформальных практик, повышение уровня конфликтности и снижение легитимности правовых институтов.

Конституция Республики Беларусь как акт высшей юридической силы выступает нормативным основанием правовой культуры [1]. Она фиксирует базовые ценности и принципы, определяет правовой статус личности, устанавливает рамки деятельности государства и гарантии защиты прав. Следовательно, анализ конституционных основ правовой культуры позволяет, во-первых, выявить нормативные предпосылки формирования правомерного поведения; во-вторых, определить институциональные условия, при которых конституционные установки становятся реальностью; в-третьих, предложить направления совершенствования правовой политики и правового просвещения.

Цель статьи — раскрыть конституционные основы правовой культуры граждан Республики Беларусь и показать, какие конституционные принципы и гарантии выступают ключевыми условиями ее формирования и укрепления.

Правовая культура граждан в конституционно-правовом аспекте может быть определена как совокупность правовых знаний (в том числе знания конституционных прав, обязанностей и процедур); ценностных установок (признание достоинства личности, уважение к Конституции, закону и правам других); поведенческих практик (готовность действовать правомерно, использовать законные средства защиты прав); институционального опыта (доверие к правовым институтам и реальная доступность механизмов защиты).

Указанная структура позволяет различать правовую культуру как характеристику индивидуального поведения и правовую культуру как характеристику правового порядка. Для целей данной статьи важен двусторонний характер явления. Правовая культура граждан формируется и поддерживается не только воспитанием и образованием, но и качеством правовой системы, прежде всего — практикой применения конституционных гарантий.

Конституция Республики Беларусь закрепляет, что человек, его права, свободы и гарантии их реализации являются высшей ценностью и целью общества и государства (ст. 2) [1]. Данная норма задает аксиологический стандарт правовой культуры. Право рассматривается не как инструмент принуждения, а как механизм обеспечения достоинства, свободы и безопасности личности. Именно из ст. 2 Конституции Республики Беларусь следует требование ориентировать правовую культуру на уважение прав человека и на осознание гражданином собственной правосубъектности.

Конституция определяет Республику Беларусь как унитарное демократическое социальное правовое государство (ст. 1). Принцип правового государства в прикладном смысле означает связанность власти правом, приоритет юридической процедуры, ответственность государства за нарушения прав, наличие независимого суда. Следовательно, правовая культура граждан

предполагает не только знание прав, но и уверенность в том, что право реально действует, а государство ограничено конституционными рамками.

Конституция Республики Беларусь обладает высшей юридической силой, а государство, его органы и должностные лица действуют в пределах Конституции и принятых в соответствии с ней актов (ст. 7). Эта норма формирует ядро правовой культуры, поскольку утверждает предсказуемость и иерархию правового регулирования; закрепляет обязанность публичной власти действовать «по праву», а не по усмотрению; задает ориентир для граждан; правомерность поведения определяется не личной волей должностного лица, а законом и Конституцией.

Правовая культура граждан укрепляется при условии, что принцип законности воспринимается как взаимный: граждане соблюдают закон, а государство обеспечивает законность своей деятельности.

Важнейшим условием правовой культуры является убеждение гражданина, что право применяется ко всем одинаково. Конституция Республики Беларусь закрепляет, что все равны перед законом и имеют право без всякой дискриминации на равную защиту прав и законных интересов (ст. 22). Равенство в данном контексте выполняет две функции: ценностную (право воспринимается как справедливое); практическую (гражданин предпочитает правовые способы защиты, если ожидает равного отношения).

Селективность правоприменения, напротив, ведет к деформации правовой культуры и снижению доверия к праву.

Правовая культура предполагает способность гражданина свободно формировать и выражать мнение, получать и распространять информацию, обсуждать общественно значимые вопросы. Конституция Республики Беларусь закрепляет соответствующие гарантии (ст. 33). В правокультурном измерении это означает, что общественная коммуникация должна быть ориентирована на правовые аргументы, а гражданин должен обладать навыками критической оценки информации и использования правовых процедур для защиты своей репутации и прав.

Правовая культура не ограничивается частноправовыми отношениями. Она включает осознание гражданином собственной роли в публичной сфере. Конституция Республики Беларусь предусматривает право граждан участвовать в решении государственных дел как непосредственно, так и через представителей, в том числе через выборы (ст. 37), а также закрепляет избирательные права (ст. 38). Эти нормы формируют модель активного гражданина, для которого участие в публичной жизни — правовая форма реализации суверенитета народа.

Наличие понятного и доступного канала коммуникации с государством является практической основой правовой культуры. Конституция Республики Беларусь гарантирует право направлять личные и коллективные обращения в государственные органы и получать ответ (ст. 40). Это право формирует навыки правового взаимодействия с публичной властью, культуру «процедурного разрешения» конфликтов и понимание ответственности государства перед гражданином.

Центральным элементом правовой культуры является вера в возможность юридической защиты. Конституция Республики Беларусь закрепляет, что каждому гарантируется защита его прав и свобод компетентным, независимым и беспристрастным судом в установленные законом сроки (ст. 60). Значение этой нормы имеет профилактическое и воспитательное значение. Если гражданин знает, что есть эффективный суд, он чаще выбирает правовые способы разрешения споров. Судебная процедура приучает к доказательности, аргументации, уважению к правилам, что прямо влияет на правовую культуру.

При этом реальная эффективность ст. 60 Конституции Республики Беларусь определяется качеством процессуальных гарантий и практикой работы судов. При формальном доступе и низкой эффективности правовая культура граждан неизбежно снижается.

Конституция Республики Беларусь закрепляет право каждого на юридическую помощь для осуществления и защиты прав и свобод (ст. 62). В контексте правовой культуры юридическая помощь выполняет функцию «институционального переводчика» между гражданином и правовой системой. Она превращает абстрактное право в практическое действие — жалобу, иск, ходатайство.

Доступность юридической помощи (включая бесплатную помощь в социально уязвимых ситуациях) является существенным условием повышения правовой активности граждан и снижения правового нигилизма.

Правовая культура включает уважение к процедуре установления истины и недопустимость «обвинительного подхода» без доказательств. Конституция Республики Беларусь закрепляет презумпцию невиновности (ст. 26). Эта норма формирует важнейшие элементы правовой культуры: отказ от стигматизации и «самосуда»; уважение к судебному решению как юридическому факту; понимание ценности процессуальных гарантий.

Конституция Республики Беларусь предусматривает ряд обязанностей, которые дополняют правовой статус гражданина и формируют поведенческую сторону правовой культуры. Принципиально, чтобы обязанности воспринимались не как одностороннее требование государства, а как элемент взаимной

ответственности. Гражданин соблюдает закон, а государство, в свою очередь, обеспечивает реализацию прав и гарантии их защиты.

Конституционные основы правовой культуры могут не реализовываться должным образом, если возникает разрыв между нормой и практикой. С точки зрения теории конституционализма наиболее значимыми являются расплывчатые нормы и широкое усмотрение органов власти. Это ослабляет предсказуемость права и снижает доверие к нему.

Селективность правоприменения подрывает ст. 22 и формирует у граждан убеждение, что право не универсальный регулятор, а инструмент.

При снижении практической действенности ст. 60 Конституции Республики Беларусь граждане переходят к неформальным способам решения проблем, что влечет ограниченную эффективность судебной защиты.

При формальной гарантии ст. 62 Конституции Республики Беларусь гражданин может не иметь реальной возможности получить квалифицированную юридическую помощь.

Граждане не всегда используют конституционные механизмы (например, право на обращения по ст. 40 Конституции Республики Беларусь). Это происходит не потому, что они отсутствуют, а потому что не освоены как социальная практика и наблюдается недостаточный уровень правового просвещения.

Данные факторы взаимосвязаны. Слабость институтов снижает правовую активность граждан, а низкая активность уменьшает общественный запрос на качество закона и процедур.

Конституционные основы правовой культуры граждан Республики Беларусь образуют целостную систему норм, принципов и гарантий. Ее ценностное ядро закреплено в ст. 1 и 2 Конституции, где определены признаки правового государства и приоритет прав и свобод человека. Нормативный каркас правовой культуры обеспечивается принципом законности и верховенства Конституции, равенством перед законом, гарантиями свободы выражения и доступа к информации, участия в управлении государством, права на обращения. Практическая реализация правовой культуры напрямую зависит от действенности конституционных механизмов защиты — судебной защиты и юридической помощи, а также от соблюдения презумпции невиновности. Конституционные обязанности граждан дополняют правовой статус, формируя ответственность и уважение к правам других.

Вместе с тем правовая культура — это не только результат правового воспитания, но и производная качества правовой системы. При недостаточной правовой определенности, селективности правоприменения и ограниченной эффективности правосудия конституционные нормы рискуют оставаться декларативными. Следовательно, укрепление правовой культуры требует

комплексной реализации конституционных установлений в законодательстве, институциональной практике и правовом просвещении.

---

1. Конституция Республики Беларусь 1994 года [Электронный ресурс] : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г., 17 окт. 2004 г. и 27 февр. 2022 г. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». Вернуться к статье

УДК 343.976:341.12

ГОСУДАРСТВЕННОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ВСЕХ ВИДОВ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ, СВЯЗАННОЙ С ЛЕГАЛЬНЫМ ОБОРОТОМ НАРКОТИКОВ, КАК ОСНОВНОЙ ПРИНЦИП АНТИНАРКОТИЧЕСКОЙ СТРАТЕГИИ ГОСУДАРСТВ — ЧЛЕНОВ ОРГАНИЗАЦИИ ДОГОВОРА О КОЛЛЕКТИВНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ НА 2026–2030 ГОДЫ

STATE REGULATION OF ALL ACTIVITIES RELATED TO THE LEGAL CIRCULATION OF NARCOTIC DRUGS AS A KEY PRINCIPLE OF THE ANTI-DRUG STRATEGY OF THE COLLECTIVE SECURITY TREATY ORGANIZATION MEMBER STATES FOR 2026–2030

П. В. Тепляшин
Сибирский юридический институт МВД России,
профессор кафедры уголовного права и криминологии,
доктор юридических наук, профессор

Аннотация. *Анализируется принцип государственного регулирования легального оборота наркотиков в Антинаркотической стратегии Организации Договора о коллективной безопасности. На основе криминологических концепций раскрывается его роль в предотвращении криминализации легальных рынков оборота наркотиков. Выделены ключевые проблемы реализации данного принципа. В качестве решения предложено развитие модельного законодательства организации в целях гармонизации контроля и внедрения предиктивных механизмов.*

Ключевые слова: *гармонизация права, легальные препараты, межгосударственное регулирование, модельное законодательство, правовые традиции, IT-наркотехнологии.*

Annotation. *The principle of state regulation of legal drug trafficking in the Collective Security Treaty Organization's Anti-Drug Strategy is analyzed. Drawing on criminological concepts, its role in preventing the criminalization of legal drug markets is explored. Key challenges in implementing this principle are identified. As a solution, the development of model legislation for the organization is proposed to harmonize controls and implement predictive mechanisms.*

Keywords: *harmonization of law, legal drugs, interstate regulation, model legislation, legal traditions, IT drug technologies.*

Введение принципа государственного регулирования всех видов деятельности, связанной с легальным оборотом наркотических средств и психотропных веществ, в качестве базового положения Антинаркотической стратегии государств — членов Организации Договора о коллективной безопасности на 2026–2030 годы (далее — Стратегия) отражает согласованный подход к противодействию наркоугрозам в рамках парадигмы жесткого контроля. Этот

принцип (п. 4 Стратегии) не является лишь декларацией, а представляет собой системообразующий элемент, направленный на минимизацию рисков утечки легально производимых и используемых веществ в незаконный оборот, который, согласно Стратегии, остается серьезной угрозой безопасности [1].

С позиций теоретико-криминологического основания идей межгосударственного регулирования обозначенный принцип может быть осмыслен через две взаимодополняющие криминологические концепции. Во-первых, это теория возможностей (рутинной деятельности), разработанная Лоуренсом Коэном и Маркусом Фелсоном, суть которой сводится к тому, что посягательство на соответствующее лицо происходит при совпадении трех взаимосвязанных факторов: мотивированного правонарушителя, склонной к криминальному воздействию жертвы и отсутствия эффективной защиты (способного защитника). Легальный оборот наркотиков (фармацевтическое производство, медицинское применение, научные исследования) создает обилие «подходящих целей» — сами вещества, прекурсоры, технологии. Государственное регулирование выступает здесь в роли «способного защитника», призванного через систему лицензирования, квот, учета, контроля и отчетности максимально затруднить доступ мотивированных правонарушителей (наркопреступных групп, недобросовестных участников рынка) к этим целям. Стратегия прямо указывает на риски, связанные с утечкой прекурсоров и сильнодействующих веществ из легального оборота (задачи, предусмотренные подп. «з», «о» п. 3 Стратегии), что подтверждает актуальность данного теоретического подхода [1].

Во-вторых, концепция регулирующих государств в криминологической интерпретации, которая сводится к контролю над преступностью в глобальном мире. В рамках данной концепции государство выступает не только как карающий институт, но и как сложный регулятор, устанавливающий «правила игры» для легальных рынков с целью предотвращения их криминализации. Думается, что исследуемый принцип является квинтэссенцией такого подхода. Он предполагает создание всеобъемлющей системы административно-правовых барьеров, делающей любое отклонение от разрешенной деятельности легко обнаруживаемым и наказуемым. Это согласуется с задачей, зафиксированной в подп. «п» п. 3 Стратегии, — своевременное установление мер контроля над новыми химическими веществами, что требует гибкого и технологичного регуляторного аппарата [1].

Несмотря на закрепление, реализация принципа всеобъемлющего государственного регулирования сталкивается с рядом прогностических вызовов и проблемных полей, которые Стратегия лишь отчасти затрагивает. Представляется возможным обозначить основные из них.

1. Вызов технологической трансформации наркопроизводства. В Стратегии верно отмечается рост оборота синтетических наркотиков, использование новейших финансовых инструментов и IT-технологий. Однако прогностический анализ указывает на углубление этой тенденции: распространение «дизайнерских» наркотиков (катиноны, синтетические каннабиноиды), молекулярную модификацию для обхода списков контролируемых веществ, использование криптовалют и темного Интернета для организации незаконного оборота наркотиков. Существующие системы государственного регулирования, ориентированные на классические вещества и традиционные цепочки поставок, могут оказаться неэффективными. Задача по раннему выявлению новых видов наркотиков (подп. «и» п. 3 Стратегии [1]) требует не ответного, а опережающего, прогнозного научно-аналитического обеспечения регуляторной деятельности.

2. Проблема гармонизации национальных законодательств. Стратегия провозглашает необходимость совершенствования и гармонизации законодательств, но не раскрывает глубины проблемы. Так, государства — члены Организации Договора о коллективной безопасности (далее — ОДКБ) (Россия, Беларусь, Казахстан, Киргизия, Таджикистан, Армения) имеют разные правовые традиции, административные возможности, уровень коррупционных рисков. Применяя данный тезис, можно констатировать, что значимые правовые противоречия между государствами — членами ОДКБ существуют во всех отношениях, так или иначе связанных с оборотом наркотических средств. Наиболее критичными для коллективной безопасности являются расхождения в: 1) перечнях контролируемых веществ и прекурсоров; 2) правилах лицензирования фармацевтической деятельности; 3) мерах административной и уголовной ответственности за нарушения в сфере легального оборота наркотиков; 4) системах учета и отчетности.

3. Конфликт регуляторных и рыночных логик в фармацевтике. Так, жесткое государственное регулирование должно балансировать с необходимостью обеспечения населения жизненно важными лекарственными средствами (например, опиоидными анальгетиками для паллиативной помощи). Избыточное, бюрократически громоздкое регулирование может привести к дефициту таких препаратов, развитию черного рынка уже внутри медицинской системы и, как следствие, к росту немедицинского потребления именно легальных препаратов, о чем также предупреждает Стратегия.

Для преодоления указанных проблемных полей и эффективной реализации рассматриваемого принципа необходимо развитие модельного законодательства ОДКБ, выходящего за рамки рамочных положений Стратегии. Так, рассуждая о приоритетных направлениях и задачах модельного законотворчества

в Организации Договора о коллективной безопасности на 2025–2030 годы, А. А. Колесник справедливо отмечает, что «модельное законотворчество в настоящее время является эффективным механизмом интеграции и создает необходимую правовую основу для формирования современной системы коллективной безопасности в регионе» [2, с. 31].

Считаем возможным предложить следующие основные меры законотворческого характера. Например, целесообразна разработка и принятие Модельного закона ОДКБ «О государственном регулировании оборота наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров». Данный акт должен детализировать общий принцип, установив: а) единый базовый перечень контролируемых веществ и прекурсоров для государств-членов с механизмом его оперативного обновления на основе общего научного мониторинга (создание сети референс-лабораторий ОДКБ); б) стандартизированные процедуры лицензирования всех видов деятельности (производство, хранение, перевозка, реализация, уничтожение), включая требования к технической защищенности объектов, квалификации персонала и системам контроля с удаленным доступом для регулятора; в) унифицированную систему учета на основе сквозной цифровой маркировки (например, на основе блокчейн-технологий) каждой единицы вещества от производства до потребления (пациента/лаборатории), интегрированную на пространстве ОДКБ; г) модельные составы административных правонарушений и преступлений, связанных с нарушением правил легального оборота, с учетом степени их вредоносности и общественной опасности. Также необходимо нормативное усиление контроля над «цифровым следом». Учитывая акцент Стратегии на противодействие использованию IT-наркотехнологий (в частности, подп. «д», «е» п. 3 Стратегии), модельное законодательство должно предусматривать обязанности интернет-провайдеров, хостинг-компаний и операторов финансовых услуг, работающих в государствах — членах ОДКБ, по выявлению и блокировке ресурсов, пропагандирующих наркопотребление или предлагающих инструменты для обхода регулирования (например, онлайн-инструкции по синтезу), а также по сотрудничеству с финансовой разведкой в отслеживании подозрительных транзакций, связанных с легальным бизнесом.

Таким образом, принцип государственного регулирования всех видов деятельности, связанной с легальным оборотом наркотиков, закрепленный в Стратегии, представляет собой концептуально верный ответ на гибридные наркоугрозы. Его теоретическое обоснование лежит в плоскостях теории возможностей и концепции регулирующего государства. Однако эффективная реализация данного принципа в государствах — членах ОДКБ невозможна без перехода от деклараций к глубокой и технологически оснащенной гармонизации законодательств. Прогностический подход диктует необходимость

опережающего правового моделирования, направленного на нейтрализацию рисков, связанных с синтетическими наркотиками, цифровизацией преступности и внутренними уязвимостями регуляторных систем. Предложенные законотворческие инициативы в рамках модельного законодательства ОДКБ призваны трансформировать данный принцип из политической установки в работающий правовой механизм, способный стать реальным барьером на пути криминализации легальных рынков и обеспечить достижение целей, обозначенных в Стратегии.

---

1. Антинаркотическая стратегия государств — членов Организации Договора о коллективной безопасности на 2026–2030 годы [Электронный ресурс] : утв. Решением Совета коллективной безопасности Организации Договора о коллективной безопасности от 27 нояб. 2025 г. // Организация Договора о коллективной безопасности : [сайт]. URL: https://ksopn.odkb-csto.org/news/antinarkoticheskaya-strategiya-gosudarstv-chlenov-organizatsii-dogovora-o-kollektivnoy-bezopasnosti-/#loaded (дата обращения: 02.02.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье

2. Колесник А. А. О приоритетных направлениях и задачах модельного законотворчества в Организации Договора о коллективной безопасности на 2025–2030 гг. // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. 2024. № 3. С. 30–38. Вернуться к статье

УДК 343.2

ВОССТАНОВИТЕЛЬНОЕ ПРАВОСУДИЕ КАК ПАРАДИГМА УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

RESTORATIVE JUSTICE AS A PARADIGM OF CRIMINAL LIABILITY IN THE REPUBLIC OF BELARUS

А. А. Тит
Академия МВД Республики Беларусь,
доцент кафедры уголовно-исполнительного права и криминологии
уголовно-исполнительного факультета,
кандидат юридических наук, доцент

Аннотация. *Проведен анализ института уголовной ответственности в Республике Беларусь и ее влияния на процессы социального взаимодействия в обществе. Автором показано и доказано, что преступность оказывает разрушительное воздействие на общественные отношения, при этом существующая модель реализации уголовной ответственности не позволяет в полной мере сформировать компенсирующий для общественных отношений механизм и восстановление последних, по возможности, в допреступное состояние. Данное обстоятельство свидетельствует о целесообразности разработки и формировании в кодексах об уголовной ответственности механизма восстановительного правосудия.*

Ключевые слова: *преступность, уголовная ответственность, наказание, восстановительное правосудие, социальная справедливость, общественные отношения.*

Annotation. *The article analyzes the institution of criminal responsibility in the Republic of Belarus and its impact on the processes of social interaction in society. The author has shown and proved that crime has a devastating effect on public relations, while the existing model of criminal liability implementation does not fully allow for the formation of a compensating mechanism for public relations and the restoration of the latter to a pre-criminal state. This circumstance indicates the expediency of developing and forming a mechanism of restorative justice in the codes of criminal responsibility.*

Keywords: *crime, criminal responsibility, restorative justice, social justice, public relations.*

Преступность как негативное социолого-правовое явление наносит ущерб общественным отношениям, попавшим в сферу ее разрушительного воздействия. Следствием существования преступности является социальное напряжение, возникающее в обществе, которое, как правильно отмечается в научной литературе, обусловлено серьезными социальными проблемами [1, с. 71]. В данном случае, рассматривая преступность с позиций социологического знания, следует отметить, что в научном сообществе феномен преступности

в своем исходном значении видится как отражение социальных противоречий, формирующихся в обществе, совершаемые преступления выступают проводниками конфликта, возникающего в процессе установления общественных отношений и в какой-то степени разрешения противоречий в отдельно взятом частном случае [2, с. 41]. Соответственно, чем выше уровень преступности, тем выше уровень социальных противоречий, накопившихся в обществе, и логичным выглядит умозаключение о том, что разрешение последних возможно, только если законодатель установит такие основы реализации уголовной ответственности, которые позволят не просто наказать преступника. Для разрешения социальных противоречий модель уголовной ответственности должна подразумевать, помимо такого стержневого элемента, как наказание лица, совершившего преступление, не менее важный элемент — гармонизацию общественных отношений и, по возможности, восстановление общественных отношений, приведение их в допреступное состояние. Таким образом, совершенствование модели реализации уголовной ответственности предполагает концепт последней, содержащий восстановительную сентенцию, основной задачей которого будет восстановление и гармонизация общественных отношений.

Концепция реализации уголовной ответственности, видящая конечной целью восстановление разрушенных преступным деянием общественных отношений, в научной среде получила название восстановительного (реституционного) правосудия. Имплементация в национальное законодательство и правоприменительную практику восстановительных, по своей сущности, уголовно-правовых механизмов позволит вывести на качественно иной уровень эффективность реализации уголовной ответственности. Эффективность восстановительного правосудия обусловлена содержательным наполнением процесса ее реализации мерами уголовно-правового характера, которые позволяют не просто восстанавливать общественные отношения в допреступное состояние. Реализация восстановительного правосудия позволит посредством выстраивания системы уголовно-правовых мер, содержащих восстановительную сентенцию для восстановления прав потерпевших, гармонизировать общественные отношения, снизив таким образом социальное напряжение, возникшее как следствие существования преступности в обществе.

Таким образом, можно говорить о том, что модель реализации уголовной ответственности, содержащая в себе основы восстановительного правосудия, выступит фундаментом, на основе которого будет сформирована новая уголовно-правовая парадигма воздействия на общественные отношения. Формирование модели восстановительного правосудия позволит оказывать воздействие на глубинные процессы общественных отношений, снимая социальное напряжение, возникающее вследствие совершаемых преступлений. Снижение

социального напряжения будет способствовать гармонизации общественных отношений, что позволит нивелировать негативные факторы, способствующие формированию преступности.

Отталкиваясь от сказанного, необходимо отметить, что существующая на сегодня в ст. 44 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее — УК) модель уголовной ответственности определяет цели ее реализации, заключающиеся в воздействии на сознание лица, осужденного за преступление (исправление лица, совершившего преступление) и установление мер частной и общей превенции для недопущения совершения новых преступлений (предупреждение совершения новых преступлений как осужденным, так и другими лицами) [3]. Таким образом, цели уголовной ответственности корреспондируют с принудительной сущностью последней. В. М. Хомич отмечает: «Ответственность, как и акт ее реализации, самым непосредственным образом связаны с правовой нормой (санкцией правовой нормы). Однако концепция “ответственность — реализация санкции” лишь в системно-нормативном аспекте определяет суть ответственности, она далеко не вскрывает ее современное социальное содержание как акта (скорее системы актов) осуждающего, карательно-исправительного воздействия на преступника» [4, с. 286]. В связи со сказанным в научном сообществе справедливо высказывается мнение о том, что совершенствование способов реализации уголовной ответственности следует искать в интегративном поиске права. Учитывая то обстоятельство, что реализации уголовной ответственности предполагает синтез гуманитарных ценностей с техническими свойствами права [5, с. 6–7], восстановление социальной справедливости посредством применения уголовно-правовых мер сложно осуществить без привлечения социально-гуманитарного знания.

Отталкиваясь от сказанного, можно констатировать, что фокусирование законодателя на целях в виде исправления осужденного и предупреждения последним и иными лицами преступлений недостаточно для построения системы, фокус реализации которой будет направлен на гармонизацию общественных отношений, нарушенных в результате совершения общественно опасного деяния. В данном случае необходимо говорить об интеграции в кодексы об уголовной ответственности такого направления, как восстановление социальных отношений. То есть сместить фокус реализации уголовной ответственности, как уже было сказано выше, с осуждающего карательно-исправительного воздействия на осужденного на выстраивание механизма восстановительно-социально-интегративной направленности. Именно этот механизм, по мнению Дж. Ролза, является фундаментом справедливого общества, поскольку создает основы справедливости посредством установления для членов общества равенства социальной кооперации [6, с. 93]. В данном случае можно сделать

промежуточный вывод о том, что установление гармоничных общественных отношений выступает основой справедливого общества. Восстановительное правосудие выступает средством для достижения гармоничного развития общественных отношений, нарушенных вследствие совершенного преступления (либо преступности в целом).

Контент-анализ уголовного законодательства Республики Беларусь показывает, что законодателем уделено определенное внимание вопросам восстановления общественных отношений. Так, положения ч. 3 ст. 44 УК закрепляют: «Уголовная ответственность призвана способствовать восстановлению социальной справедливости. Осуждение лица, совершившего преступление, является основанием для взыскания с него как имущественного ущерба, дохода, полученного преступным путем, так и материального возмещения морального вреда» [3]. Закрепление указанной нормы выступает основой, которая задает направленность уголовной ответственности, но наряду с этим не раскрывает критерии и механизм восстановления социальной справедливости. Косвенно на это указывает возможность возмещения ущерба, материального возмещения морального вреда, а также взыскание с осужденного дохода, который получен преступным путем. Ряд ученых согласны с такой точкой зрения. Например, А. Э. Жалинский указывает, что восстановление социальной справедливости «должно обеспечить возможность возмещения причиненного вреда и в реальных пределах — соразмерность лишения и ограничения прав и свобод осужденного страданиям потерпевшего, которые ему были причинены вследствие совершенного преступления» [7, с. 376]. Уголовное законодательство в части установления правовых основ восстановления социальной справедливости при реализации уголовной ответственности, помимо положений, содержащихся в ч. 3 ст. 44 УК, не разъясняет далее, что понимать под социальной справедливостью. Не находит разъяснения дефиниция «восстановление социальной справедливости» и в постановлении Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 26 марта 2002 г. № 1 «О назначении судами уголовного наказания», где в п. 2 закреплено: «Наказание определяется на основе убежденного суда в его необходимости и достаточности для исправления лица, совершившего преступление, предупреждения новых общественно опасных деяний как со стороны осужденного, так и других лиц, а также восстановления социальной справедливости. Только справедливое наказание виновного способствует эффективному осуществлению целей уголовной ответственности» [8].

Таким образом, существующая модель реализации уголовной ответственности не закрепляет восстановительно-примирительной направленности как цели своей реализации. Указанная направленность реализована лишь частично — в ч. 3 ст. 44 УК, призывающей правоприменителя к восстановлению

социальной справедливости посредством применения мер уголовно-правового воздействия. Закрепленное в данной норме положение о возможности взыскания материального ущерба либо вреда по логике нормы является одним из элементов, посредством чего должно осуществляться восстановление социальной справедливости. Однако, если вести речь о гармонизации общественных отношений, нарушенных в результате совершенного преступления, то возможности возмещения ущерба для восстановления социальной справедливости будет недостаточно. Это обусловлено процедурой возмещения вреда или ущерба, так как предполагает достаточно длительный процесс взыскания ущерба посредством применения мер принудительного исполнения. Особенно актуален указанный тезис, если у осужденного нет возможности возместить ущерб или моральный вред, причиненный преступлением, по решению суда ввиду отсутствия денежных средств и иного имущества, что может растянуть процесс полного возмещения ущерба (морального вреда) на годы. В данном случае сложно говорить о гармонизации общественных отношений, когда потерпевшая сторона не получила должного возмещения ущерба в результате совершенного преступления, что уже в самом корне препятствует формированию конструкта восстановительного правосудия, предполагающего восстановление в полном объеме прав, которые были нарушены вследствие совершенного преступления.

Таким образом, подводя итог, необходимо отметить, что преступность как негативное социально-правовое явление является отражением социальных противоречий, накопленных в обществе. Преступление в данном случае выступает проводником конфликта и совершается для разрешения накопившихся социальных противоречий. Исходя из этого, реализация уголовной ответственности должна содержать меры восстановительного воздействия на общественные отношения и приведения их по возможности в допреступное состояние, а также нивелирования детерминант социальных противоречий. Это позволит создать предпосылки для гармоничного развития общества и сформировать устойчивый фундамент справедливого общества. Несмотря на то, что существующая на сегодня модель реализации уголовной ответственности предполагает восстановление социальной справедливости, дальнейшая дефиниция, как и критерии ее достижения, не находят своего отражения в нормативных правовых актах, что требует формирования института восстановительного правосудия как средства достижения социальной справедливости в обществе.

---

1. Ищук Я. Г. Соотношение социальной напряженности и преступности. Роль органов внутренних дел в контроле над уровнем социальной напряженности // Академ. мысль. 2023. № 2 (23). С. 70–80. Вернуться к статье

2. Антонченко В. В. Содержание уголовной политики как средства противодействия криминальной экспансии // Мониторинг правоприменения. 2023. № 4 (49). С. 39–48. Вернуться к статье

3. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г. № 275-З : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. в ред. от 20 окт. 2025 г. № 101-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». Вернуться к статье

4. Хомич В. М. Уголовная ответственность: правовое и социальное содержание // Актуальные проблемы сравнительного правоведения: теория и практика : сб. науч. ст., Витебск, 21–22 апр. 2017 г. / редкол.: В. С. Елисеев [и др.] ; Витеб. гос. ун-т им. П. М. Машерова. Витебск, 2017. С. 282–288. Вернуться к статье

5. Лазарев В. В. Интеграция права и имплементация интегративных подходов к праву в решении суда // Журн. рос. права. 2017. № 7. С. 5–18. Вернуться к статье

6. Ролз Д. Теория справедливости : пер. с англ. / науч. ред. и предисл. В. В. Целищева. Изд. 2-е. М. : ЛКИ, 2010. 536 с. Вернуться к статье

7. Жалинский А. Э. Понятие, виды и цели наказания // Уголовное право России : в 2 т. М., 1999. Т. 1 : Общая часть / под ред. А. Н. Игнатова, Ю. А. Красикова. 864 с. Вернуться к статье

8. О назначении судами уголовного наказания [Электронный ресурс] : постановление Пленума Верхов. Суда Респ. Беларусь от 26 марта 2002 г. № 1 : в ред. от 28 сент. 2023 г. № 7. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». Вернуться к статье

УДК 343.01

ЮРИДИКО-ТЕХНИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО ДЕФИНИРОВАНИЯ: ОТРАСЛЕВОЙ АСПЕКТ

LEGAL AND TECHNICAL CULTURE OF LEGISLATIVE DEFINITION: THE SECTORAL DIMENSION

С. С. Тихонова
Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, доцент кафедры уголовного права и процесса, кандидат юридических наук, доцент

Д. А. Батраков
Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, старший преподаватель кафедры уголовного права и процесса, кандидат юридических наук, доцент

Аннотация. *В статье отражены результаты исследования современных подходов к определению количества дефиниций в пределах законодательного акта в российской правовой науке, а также качества их формулировки, раскрыта роль юридико-технических нормативов, существующих в Республике Беларусь на законодательном уровне, в России — на уровне подзаконных рекомендаций для формирования стандартов законодательного дефинирования.*

Ключевые слова: *дефиниция, законотворчество, правовая культура, уголовный закон, формальная определенность, юридическая техника.*

Annotation. *The article presents the results of a study on contemporary approaches to determining the number of legal definitions within a legislative act in Russian legal scholarship, as well as the quality of their formulation. It also examines the role of juridico-technical norms — which are codified at the legislative level in the Republic of Belarus, while in Russia they exist as subordinate guidelines — in shaping standards for legislative definition.*

Keywords: *definition, lawmaking, legal culture, criminal law, formal certainty, legal technique.*

В российской теории права принято считать, что одним из показателей правовой культуры выступает использование субъектами законотворческого процесса юридико-технического инструментария [1, с. 65], в состав которого входит законодательная дефиниция — универсальное юридико-техническое средство (прием) конструирования в законодательном акте определения юридических понятий, выраженных юридическим термином.

В ч. 1 ст. 30 гл. 4 «Требования нормотворческой техники» Закона Республики Беларусь от 17 июля 2018 г. № 130-З «О нормативных правовых актах» (далее — Закон) (в ред. 28.06.2024 г.) установлено, что определения терминов должны быть понятными и однозначными, чтобы исключать возможность их различного толкования, а в ч. 1 ст. 29 Закона — что «нормативный правовой акт излагается ясным… и доступным языком» [2] (в российской правовой науке термины «понятность», «ясность» и «доступность» являются синонимичными). Подобный белорусскому закон в России отсутствует, и вопрос об оптимальном качестве дефинируемых юридических терминов в законодательных актах фактически официально решается только на уровне Конституционного Суда Российской Федерации, которым косвенно формулируются универсальные языковые юридико-технические требования (правила) *однозначности* и *понятности (ясности, доступности)* любых нормативных предписаний. То, что данные требования (правила) могут распространяться на законодательные дефиниции, подтверждается включенностью последних в нормативные предписания. При этом соотношение объема законодательной дефиниции и нормативного предписания, в которое она включается, в российских законодательных актах может быть различным. Во-первых, нормативное предписание может быть полностью заполнено одной законодательной дефиницией. Видимо, именно такое нормативное предписание именуется в п. 3.27.5 ст. 1 Рекомендаций по подготовке и оформлению проектов федеральных законов, утвержденных письмом Министерства юстиции Российской Федерации от 23 февраля 2000 г. № 1187-ЭР, как «предписание-дефиниция». Во-вторых, нормативное предписание может включать одновременно несколько законодательных дефиниций. В-третьих, нормативное предписание может включать как законодательную дефиницию, так и иную информацию (для уголовного законодательства типичный пример — совмещение в одном нормативном предписании наряду с законодательной дефиницией также законодательной конструкции состава преступления и санкции). Однако представляется, что совмещение информации различного назначения в одном нормативном предписании понижает его коммуникативную эффективность, в связи с чем от подобного размещения законодательных дефиниций целесообразно отказываться [3, с. 129].

Рассматривая вопросы качественной формулировки законодательных дефиниций, мы неизбежно выходим на проблематику их унифицированного конструирования. До настоящего времени в российской правовой науке существует настоятельная потребность в создании универсального юридико-технического требования (правила) конструирования законодательных дефиниций, определяющего как состав, так и композицию соответствующей конструкции. При этом наиболее логичной и последовательной (исключающей

понятийно-логические дефекты) выглядит стандартная композиция: дефиниендум — логическая связка — дефиниенс.

Несмотря на то, что логическая связка в конструкции законодательной дефиниции выступает вспомогательным элементом, ее использование, в свою очередь, является определенным показателем наличия правовой — юридико-технической культуры субъекта законотворчества. Поэтому в целях повышения коммуникативной эффективности дефинитивных предписаний логической связке в законодательных дефинициях целесообразно придавать вид речевого стереотипа, постепенно минимизируя в процессе вторичного (текущего) законотворчества возможную ранее допущенную вариативность (синтаксическую синонимию) логических связок в пределах одного законодательного акта (например, «заключается в», «есть», «могут быть признаны», «понимается», «признается», «состоит в», «то есть» и т. д.).

Центральным элементом конструкции законодательной дефиниции выступает дефиниенс. В случае создания его классическим юридико-техническим способом (методом) в нем должны последовательно указываться родовые и видовые признаки определяемого юридического понятия. При этом в зависимости от того, что представляет собой видовой признак, законодательные дефиниции делятся на следующие разновидности: предметная, в которой видовой признак указывает на сущность, содержание определяемого объекта; функциональная (операциональная), в которой видовой признак указывает на функцию (операцию), выполняемую определяемым объектом; номинальная, в которой видовой признак указывает на количественное соотношение определяемого объекта с иным, содержит некие цифровые показатели.

Как мы уже отмечали выше, нормативное предписание может включать одновременно несколько законодательных дефиниций. Иллюстрацией к подобной компоновке дефиниций могут служить случаи, когда несколько номинальных дефиниций как бы сливаются воедино в нормативном предписании, содержащемся в примечании к какой-либо статье Уголовного кодекса Российской Федерации [4]. Причем основанием для их слияния выступает именно тождественность видового признака, т. е. единство цифрового показателя. Так, например, в примечаниях к ст. 170.2, 185.6 Уголовного кодекса Российской Федерации указано, что крупным размером, ущербом, доходом либо задолженностью признается некая стоимость в указанной сумме. Подобное слияние, безусловно, экономит текст уголовного закона, однако одновременно с этим понижается его формальная определенность. И вопрос о целесообразности использования подобного юридико-технического способа (метода) изложения законодательных дефиниций заслуживает оценки правоприменителя.

Наряду с вопросами качества не менее важными с позиции законотворческой техники представляются и вопросы количества дефинируемых юридических терминов в границах законодательного акта.

Согласно ст. 30 гл. 4 «Требования нормотворческой техники» Закона, «в нормативном правовом акте не должно содержаться чрезмерное количество определений терминов» (ч. 4), при этом «введение новых… определений возможно, если… термин по-разному трактуется юридической наукой и в практике правоприменения» (ч. 3) [1]. В России вопрос об оптимальном количестве дефинируемых терминов в законодательных актах официально решается на уровне подзаконного акта вышеуказанных Рекомендаций. В соответствии с п. 3.24 данного документа, «целесообразно давать определения малоизвестным терминам». Однако суть данной универсальной рекомендательной установки не вполне понятна, в связи с чем в российской правовой науке вопрос об общем количестве дефинируемых юридических терминов в законодательном акте продолжает оставаться дискуссионным. Решение данного вопроса во многом зависит от мировоззренческих предпочтений ученых при оценке юридико-технических проблем.

Сторонники примата юридико-технического принципа формальной определенности закона отстаивают идею увеличения количества дефиниций в законодательных актах, указывая, что дефинируемые юридические термины повышают их понятийно-терминологическую определенность, улучшая тем самым действие всего механизма правового регулирования. При этом применительно к уголовному законодательству ряд российских ученых считают целесообразной ориентацию в конструировании законодательных дефиниций в процессе вторичного (текущего) уголовного законотворчества на правоинтерпретационную практику Пленума Верховного Суда Российской Федерации [5, с. 274]. Однако с последней позицией сложно согласиться: поскольку судебные дефиниции из постановлений высшей судебной инстанции России обязательны для адресатов уголовного закона, подобное дублирование представляется нецелесообразным.

Сторонники примата юридико-технического принципа экономии текста закона отстаивают идею ограничения законодательного дефинирования, считая, что «обилие норм-дефиниций… снижает качество законов» [6, с. 8]. Данный принцип, уже упоминавшийся нами выше, встречающийся в специальной литературе под наименованиями принципа «емкости», «лаконичности», «компактности», «минимизации» и «максимальной экономичности», выступает составной частью универсального юридико-технического принципа количественного упрощения права, касающегося не только законодательных актов, но и других источников права и сформулированного одним из родоначальников теории

юридической техники Р. Иерингом в XIX в. в качестве так называемого закона бережливости: чем меньше правового материала, тем легче им пользоваться [7, с. 23]. Ради того, чтобы Уголовный кодекс Российской Федерации стал «короче», последователи рассматриваемого принципа готовы пожертвовать законодательной дефиницией наказания [8, с. 124], а на заседании Международного научного клуба профессора Н. А. Лопашенко от 24 февраля 2021 г., объединившем более 100 участников из Российской Федерации, Республики Беларусь, Республики Казахстан, Республики Таджикистан, Украины и Федеративной Республики Германия, нижегородскими учеными А. С. Александровым и И. А. Александровой были выдвинуты категоричные предложения о необходимости полного исключения законодательных дефиниций из Уголовного кодекса Российской Федерации.

Не являясь сторонниками «крайних» решений, мы присоединяемся к коллегам, пытающимся найти золотую середину при реализации юридико-технических принципов формальной определенности и экономии текста закона. Применительно к уголовному законодательству, на наш взгляд, имеет смысл вводить в текст Уголовного кодекса Российской Федерации определения юридических понятий только в случаях, когда их отсутствие повлекло в процессе правоприменения сложности с уяснением содержания уголовно-правовых предписаний из-за множественных доктринальных дефиниций, дезориентирующих правоприменителя и порождающих разнообразие судебно-следственной практики по однотипным уголовным делам. Таким образом, прав белорусский законодатель, ориентирующий субъектов законотворчества на конструирование законодательных дефиниций юридических терминов спорного содержания и формирующий тем самым стандарт юридико-технической культуры законодательного дефинирования.

---

1. Юридическая техника : курс лекций / под ред. В. М. Баранова. Н. Новгород : Изд-во НА МВД России, 2015. 830 с. Вернуться к статье

2. О нормативных правовых актах [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь от 17 июля 2018 г. № 130-З : в ред. от 28 июня 2024 г. № 15-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». Вернуться к статье

3. Тихонова С. С. Законодательные дефиниции как технические нормативные предписания, обеспечивающие эффективность уголовно-правовых запретов: формы и перспективы // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке. 2024. № 1. С. 128–136. Вернуться к статье

4. Уголовный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ : принят Гос. Думой 24 мая 1996 г. : одобр. Советом Федерации 5 июня 1996 года : в ред. Федер. закона от 20 февр. 2026 г. № 38-ФЗ. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс». Вернуться к статье

5. Панченко П. Н., Быкадорова Л. В. Уголовный кодекс Российской Федерации как новое достижение законодательной техники и как предмет критического

внимания // Вестн. Нижегор. гос. ун-та им. Н. И. Лобачевского. Сер. Право. 2000. № 1 (2). С. 268–276. Вернуться к статье

6. Пузиков Р. В. Доктрина права: понятие, этапы становления и перспективы развития // Доктрина права: понятие, сущность, национальные особенности : моногр. / под общ. ред. Р. В. Пузикова, Я. Зелинского. Тамбов : Издат. дом ТГУ, 2016. 300 с. Вернуться к статье

7. Иеринг Р. Юридическая техника / пер. с нем. Ф. С. Шендорфа. СПб., 1905. 130 с. Вернуться к статье

8. Качество уголовного закона: проблемы Общей части : моногр. / отв. ред. А. И. Рарог. М. : Проспект, 2023. 288 с. Вернуться к статье

УДК 34.01

ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА И ИНТЕГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В ЗАЩИТЕ ПРАВ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ

LEGAL CULTURE AND INTEGRATION PROCESSES IN CONSUMER PROTECTION

Н. А. Шелегова
Могилевский институт МВД Республики Беларусь,
доцент кафедры административной деятельности факультета милиции,
кандидат технических наук, доцент

В. Д. Нехаева
Могилевский институт МВД Республики Беларусь,
курсант факультета милиции

Аннотация. *В статье рассматриваются аспекты интеграционных процессов в защите прав потребителей: вопросы обеспечения защиты прав человека, социальной справедливости, равенства стартовых возможностей в условиях цифровой экономики, требующие существенной перестройки государственного регулирования.*
Ключевые слова: *права потребителей, интеграционные процессы, цифровая экономика.*

Annotation. *The article examines aspects of integration processes in consumer protection: issues of ensuring the protection of human rights, social justice, and equality of starting opportunities in the digital economy, which require a significant restructuring of government regulation.*

Keywords: *consumer rights, integration processes, digital economy.*

На состояние экономики нашей страны значительное влияние оказывает научно-практический прогресс, состояние техники и технологии, а также практическая реализация этих достижений, причем на всех уровнях и во всех регионах Республики Беларусь. Именно это — одно из требований современных экономических мировых процессов, в то время как этот же факт является предпосылкой и объективной причиной дальнейшей эволюции экономики. Одним из таких требований и одновременно предпосылок является такая тенденция современной экономики, отвечающая требованиям времени и нового технологического уклада, как стремительная цифровизация белорусского общества и мирового сообщества в целом. В свою очередь, цифровизация современного общества обуславливает развитие цифровой экономики в масштабах мировой макроэкономики.

Становление, формирование и развитие цифровой экономики требуют реализации научного и интеллектуального потенциала, усовершенствования

кадровой политики, развития инициатив в научно-технической отрасли и бизнес-сферах. Цифровые технологии имеют место, оказывают влияние, в той или иной степени затрагивая всю цепочку, весь жизненный цикл товара, начиная от проектирования продукции, ее производства и потребления и заканчивая утилизацией, находя при этом и прикладное использование.

Таким образом, вместе со стремительной модернизацией цифровой экономики развивается и такая ее сфера, как электронная торговля (электронная коммерция), что является весьма актуальной предпосылкой для усовершенствования правовых аспектов обеспечения прав потребителей именно в сфере электронной торговли, которая, несомненно, имеет множество особенностей и отличий от традиционных форм и методов торговли.

Республика Беларусь, являясь современным правовым государством, в должной мере обеспечивает права и законные интересы граждан — потребителей в сфере электронной торговли, тем не менее в современных реалиях видится актуальным изучение правовой культуры в разрезе интеграционных процессов нашей страны в отношении международного права.

Современный потребитель, являясь активным участником сферы торговли и потребления, формирует свою особую, уникальную микросреду, в которой у него есть возможность быстрого, легкого и удобного удовлетворения практически любой своей потребности. Эту микросреду создает для потребителя производитель, учитывая свои задачи, обеспечивая для себя максимально комфортное ведение бизнеса. В таком формате взаимодействия «потребитель — производитель» существует необходимость соблюдать баланс в инфраструктуре этого взаимодействия. Необходимо отметить, что в обеспечении этого баланса значима роль так называемого посредника между производителем и потребителем, то есть продавца.

Рассматривая проблематику интеграции потребительского законодательства Республики Беларусь, прежде всего необходимо отметить факт принятия 21 мая 2013 г. Европейским парламентом и Европейским советом таких основополагающих нормативных правовых актов, как Регламент № 524/2013 по онлайн-спорам с участием потребителей и Директива № 2013/11 о вопросах альтернативного разрешения потребительских споров [1; 2]. Это обстоятельство позволило выстроить достаточно эффективные электронные платформы для разрешения (в альтернативном порядке) споров «продавец — потребитель» в сфере электронной торговли с возможностью использования несудебных инструментов разрешения конфликтов, простых и быстрых.

Что касается непосредственно трансграничных интернет-покупок в международных маркетплейсах, необходимым является соблюдение ключевых требований, обеспечивающих рабочий механизм разрешения потребительских

споров. Так, одной из таких позиций является право потребителя на отказ (*Right of Withdrawal*), аналогично реализованное в белорусском потребительском законодательстве. В соответствии с этой нормой, в течение 14 дней после покупки потребитель вправе вернуть приобретенный товар надлежащего качества, причем без объяснения причин. Распространяется это правило на товары, приобретенные как на реальном торговом рынке, так и на виртуальном.

Еще одной значимой международной нормой потребительского законодательства является прозрачность и достоверность преддоговорной информации о товаре. Любой ритейлер, в том числе электронный, обязан предоставить потребителю полную и достоверную информацию как о самом товаре (отдельные потребительские характеристики, полная стоимость, наличие товара, условия доставки и т. д.), так и о самом себе, то есть свои данные (наименование организации, юридический адрес, наименование и номер разрешительных документов и т. д.) [3].

С другой стороны, дополняет информационную норму еще одна позиция, имеющая место как в международном законодательстве, так и в правовом обеспечении прав потребителей Республики Беларусь. Это весьма актуальный сегодня организационно-правовой аспект, гарантирующий защиту персональных данных как потребителю, так и продавцу и предусматривающий контроль пользователей транснациональных маркетплейсов над своими персональными данными в соответствии со строгими правилами *GDPR* (General Data Protection Regulation — Общий регламент по защите данных) [4].

Унификация белорусского законодательства с международным делает акцент на прозрачном обеспечении прав потребителей, гарантирует значительное повышение уровня защиты этих прав, в том числе в цифровой торговой среде.

Несмотря на все вышесказанное, в современных макроэкономических условиях по-прежнему достаточно велики риски нарушения потребительских прав, как и законодательства в целом. Эти риски обусловлены прежде всего определенной анонимностью в сфере электронной торговли, делающей потребителя уязвимым и ослабляющей его связь в рамках взаимодействия «продавец — потребитель». К сожалению, все чаще интернет-пространство выступает в качестве своеобразной платформы для недобросовестных торговых практик. И, как закономерное следствие, особую значимость и актуальность для эффективного продолжающегося развития электронной торговли приобретает такая ключевая проблема, как поддержание доверия к цифровому рынку.

Итак, в качестве критических аспектов в рамках интеграционных процессов обеспечения прав потребителей могут быть отмечены следующие риски для потребителей: намеренное введение недобросовестным продавцом

в заблуждение относительно характеристик товара; намеренное предоставление искаженной или ложной информации о товаре, а также использование в своей торговой практике методов агрессивного маркетинга. Все перечисленные факторы требуют повышенного уровня защиты, коррелирующего с международным законодательством и действующего в традиционной «реальной» торговле.

В связи с актуальностью рассмотренных проблемных аспектов обеспечения прав потребителей в сфере электронной торговли особое значение приобретает деятельность Консультативных советов по защите прав потребителей, осуществляющих свою деятельность на разных уровнях. Так, следует отметить Консультативный Совет по защите прав потребителей стран Содружества Независимых Государств (СНГ), Консультативный совет по защите прав потребителей государств — членов Евразийского экономического союза (ЕАЭС), а также Консультативный совет по защите прав потребителей, созданный в 2024 г. в Союзном государстве [5].

Сегодня в центре внимания указанных организаций – комплексное решение проблем, возникающих в сфере обеспечения прав потребителей на межгосударственном уровне с учетом стремительно развивающейся тенденции цифровизации экономики и продолжающихся интеграционных процессов.

Эти и другие правовые и организационные аспекты защиты прав потребителей в электронной торговле должны быть учтены при совершенствовании национального законодательства и формировании правоприменительной практики обеспечения прав потребителей в государствах — участниках Содружества Независимых Государств в рамках интеграционных процессов.

---

1. Directive 2013/11/EU of the European Parliament and of the Council of 21 May 2013 on alternative dispute resolution for consumer disputes and amending Regulation (EC) № 2006/2004 and Directive 2009/22/EC [Electronic resource] // EUR-Lex : [website]. URL: https://eur-lex.europa.eu/eli/dir/2013/11/oj (date of access: 24.02.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье

2. Regulation (EU) № 524/2013 of the European Parliament and of the Council of 21 May 2013 on online dispute resolution for consumer disputes and amending Regulation (EC) № 2006/2004 and Directive 2009/22/EC (Regulation on consumer ODR) [Electronic resource] // EUR-Lex : [website]. URL: https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2013/524/oj/eng (date of access: 24.02.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье

3. Сергеева О. В. Онлайн-разрешение споров как фактор развития торгового оборота: модели правового регулирования // Lex russica. 2026. Т. 79, № 4. С. 91–104. Вернуться к статье

4. Общий регламент защиты персональных данных (GDPR) Европейского союза [Электронный ресурс] // GDPR : [сайт]. URL: https://gdpr-text.com/ru (дата обращения: 24.02.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье

5. Консультативный совет по защите прав потребителей создадут в Союзном государстве [Электронный ресурс] // БЕЛТА : [сайт]. URL: https://belta.by/society/view/konsultativnyj-sovet-po-zaschite-prav-potrebitelej-sozdadut-v-

sojuznom-gosudarstve-683186-2024 (дата обращения: 24.02.2026). Перейти к источнику
Вернуться к статье

УДК 343.97:316.77

ВЛИЯНИЕ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ НА ПРЕСТУПНОСТЬ: КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ДЕТЕРМИНИЗМА

THE IMPACT OF MASS MEDIA ON CRIME: A CULTURAL ANALYSIS OF DETERMINISM

Д. В. Яковчик
Могилевский институт МВД Республики Беларусь,
преподаватель кафедры общеюридических и уголовно-правовых дисциплин
факультета повышения квалификации и переподготовки кадров,
магистр юридических наук

Аннотация. *В статье рассматривается роль массовой информации как элемента детерминизма преступного поведения в условиях цифровой эпохи.*
Ключевые слова: *массовая информация, детерминизм преступности, криминогенное влияние, медианасилие, социализация, культурологический подход, виктимизация, подростковая преступность, цифровое общество.*

Annotation. *The article examines the role of mass information as an element of the determinism of criminal behavior in the digital era.*
Keywords: *mass information, determinism of crime, criminogenic influence, media violence, socialization, culturological approach, victimization, juvenile delinquency, digital society.*

Современное общество характеризуется беспрецедентным уровнем доступности и влияния массовой информации. В контексте детерминизма преступности — системы причинно-следственных связей, порождающих противоправное поведение, — массовая информация перестает быть нейтральным фоном и превращается в активный фактор социальной регуляции. Актуальность исследования обусловлена необходимостью переосмысления традиционных криминологических подходов в условиях цифровизации, когда медиасреда становится ключевым пространством формирования поведенческих паттернов, ценностных ориентаций и восприятия социальных норм. Цель статьи — проанализировать механизмы и формы влияния массовой информации на детерминацию преступного поведения, используя культурологический и социопсихологический подходы.

Под детерминизмом (от лат. determinare — «определять») преступления (причинным комплексом) понимают совокупность социальных, экономических, демографических, психологических, политических, организационно-управленческих и иных явлений и процессов, которые непосредственно порождают преступность как свое закономерное следствие [1, с. 11].

Является очевидным тот факт, что в условиях постоянного прогресса и эволюции общества видоизменяется и преступность. Логично предположить,

что также изменяются и дополняются сами детерминанты этой преступности. Соответственно, рассмотрение детерминант противоправного поведения также должно быть актуализировано с учетом новых причин и условий противоправного поведения. В этом контексте массовая информация выступает не просто фоном, а активным фактором, способным детерминировать преступное поведение через механизмы подражания, внушения и формирования девиантных социальных норм. В современном мультимедийном пространстве культурологический подход к анализу причинности преступности приобретает особую актуальность, фокусируясь на роли символического и ценностного воздействия продуктов массовой культуры на формирование поведенческих моделей. Кинематограф и компьютерные игры как доминирующие формы культурного потребления создают мощный символический ресурс для конструирования социальных представлений о нормах, девиациях и допустимых способах разрешения конфликтов. В рамках культурологического подхода акцент смещается с индивидуально-психологических эффектов на анализ культурных кодов, нарративных структур и символических значений, которые опосредуют взаимосвязь между медиаконтентом и социальным поведением.

XXI век — век цифровой — может быть охарактеризован как время, напрямую зависящее от информации. При рассмотрении видов информации по общественному значению (личная, специальная, массовая) логичным является вывод о том, что наибольшую доступность для широкого круга лиц имеет информация массовая (а соответственно, и оказывает наибольшее влияние на общество).

Законом Республики Беларусь от 17 июля 2008 г. № 427-З «О средствах массовой информации» массовая информация рассматривается как предназначенные для неопределенного круга лиц печатные, аудио-, аудиовизуальные и другие информационные сообщения и (или) материалы, опубликованные в печати, сообщения посредством вещания теле- или радиопрограммы, интернет-ресурса или в иной форме распространения [2]. Таким образом, определяем, что к массовой информации может быть отнесена информация из Интернета, кинематограф, книги, газеты и т. д.

Особенность современного общества заключается в том, что подавляющее большинство его членов имеют доступ к массовой информации в том или ином виде. Количество пользователей сети Интернет неумолимо растет с каждым днем. Остается высоким спрос и на печатные СМИ, что подтверждается большим наличием газет, журналов и др. (862 отечественных печатных СМИ, а также 1,7 тыс. зарубежных [3]). Безусловно, данные показатели свидетельствуют о высоком уровне доступа населения к массовой информации.

Различными исследованиями отмечается также и влияние массовой информации на процесс социализации, а также на психические качества человека. Так, Интернет определяется как культурный инструмент подрастающего поколения, влияющий на развитие высших психических процессов, памяти, мышления, восприятия, речи и внимания [4, с. 154–155]. Интернет также рассматривается как так называемый мегафактор социализации, т. е. фактор, прямо или опосредованно влияющий на социализацию всех жителей планеты, а традиционные СМИ (телевидение, радио, печать) — как «мезофактор», т. е. влияющий на большую группу, объединенную по национальной, этнической принадлежности, местности или другому дифференцирующему фактору [5, с. 166]. В рамках исследования, проведенного в 2023 г. Институтом социологии НАН Беларуси и Санкт-Петербургским политехническим университетом Петра Великого, высокую роль влияния социальных сетей на формирование личности современного молодого человека отметили 69,4 % белорусских студентов и 71,6 % российских (от числа опрошенных), высокую роль влияния СМИ в формировании личности — 40,1 % и 40,9 % соответственно [6, с. 95].

Этот мощный социализирующий потенциал массовой информации имеет и обратную, криминогенную, сторону. Исследователи выделяют массовую информацию как фактор массовой виктимизации, то есть процесс, в котором распространение определенного контента повышает уязвимость широкого круга лиц к преступным посягательствам. Это происходит как через прямую пропаганду насилия, так и через косвенное влияние: регулярное освещение особо жестоких преступлений, детальное описание методов их совершения, а также демонстрация социального неравенства и безнаказанности могут формировать у аудитории ощущение привыкания к преступности, чувство страха и убежденности в отсутствии защиты [7].

Почему же массовая информация является элементом детерминизма противоправного поведения? Она, завладевая вниманием человека, безусловно, влияет на его поведенческие паттерны. Если в транслируемой массовой информации содержится образовательный, эстетический, идеологический контексты, человек, с ней взаимодействующий, получит положительное влияние на свое поведение, но если же человек сталкивается с образами насилия, вседозволенности — последует влияние негативное. При этом сам человек, взаимодействующий с массовой информацией, невольно для себя нормализирует то поведение, которое наблюдает. Наиболее отчетливо это наблюдается у подростков: их уровень внушения паттернов поведения выше и в этом возрасте они ищут себе кумиров, которыми могут стать герои массовой информации. Небезызвестное высказывание В. И. Ленина «Из всех искусств для нас важнейшим является кино» применимо и в данном случае. Так, отмечаются случаи

совершения подростками насильственных преступлений ввиду подражания их героям фильма «Слово пацана. Кровь на асфальте» [8, с. 257–258], преступлений в сфере незаконного оборота наркотических веществ по мотивам сериала Breaking Bad [9, с. 185] и др.

Существует немало примеров совершения преступлений, мотивированных подражанием тем или иным киногероям или героям компьютерных игр. Так, в Таиланде фанат популярной во всем мире компьютерной игры Grand Theft Auto совершил ограбление, убийство и угон автомобиля, подражая ее персонажу, что стало основанием для изъятия игры из продажи в стране. Образ мафии также поддерживается в рекламе, сериалах и СМИ [10, с. 180–181]. Современные исследования демонстрируют, что кино и компьютерные игры функционируют как элементы сложной системы культурного воспроизводства, где символические ресурсы используются для конструирования идентичности, нормативных ориентиров и способов интерпретации социальных конфликтов. Отмечается также, что художественный текст и отражает реальность, и преобразует ее [11, с. 32], тем самым можно предположить, что и художественная литература, отражающая преступное поведение (например, «Преступление и наказание» Ф. М. Достоевского, «Драма на охоте» А. П. Чехова, «Петлистые уши» И. А. Бунина и др.), также может послужить в качестве детерминанты преступности.

Исследования постоянно показывают, что воздействие насилия в СМИ (например, упоминания преступной деятельности в газете или сети Интернет) может привести к росту агрессивного поведения среди детей и подростков. Это связано с тем, что насилие в СМИ может привлекать людей к насилию, делая его более приемлемым и менее шокирующим. Кроме того, насилие в СМИ может привести к имитации агрессивного поведения, так как дети и подростки могут моделировать свое поведение в соответствии с тем, что они видят в СМИ [12, с. 124]. Отмечается также и негативное влияние СМИ на сексуальное поведение девушек путем смещения их интересов, формирования негативных паттернов [13, с. 114], что также может способствовать совершению преступлений.

Таким образом, массовая информация выступает значимым элементом детерминизма преступного поведения, оказывая многомерное влияние на индивидуальное и коллективное сознание. Через механизмы подражания, нормализации девиаций, виктимизации и формирования агрессивных поведенческих моделей медиасреда способна как усиливать криминогенные тенденции, так и выступать инструментом профилактики. Особую уязвимость демонстрирует подростковая аудитория, чья социализация все чаще происходит в цифровом пространстве. Культурологический подход позволяет глубже понять символические и нарративные механизмы опосредования между медиаконтентом и

поведением. В условиях роста медиапотребления необходимы дальнейшие междисциплинарные исследования, а также разработка регуляторных и воспитательных мер, направленных на минимизацию криминогенного потенциала массовой информации при сохранении ее позитивной социальной функции.

1. Стаценко В. Г. Криминология : учеб. Минск : Адукацыя і выхаванне, 2025. 383 с. Вернуться к статье

2. О средствах массовой информации [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь от 17 июля 2008 г. № 427-З : в ред. от 30 июня 2023 г. № 274-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». Вернуться к статье

3. Средства массовой информации в Республике [Электронный ресурс] // Belarus.by. Официальный сайт Республики Беларусь. URL: https://www.belarus.by/ru/about-belarus/mass-media-in-belarus (дата обращения: 21.01.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье

4. Влияние интернета на формирование личности в современном обществе / В. Н. Лутошкина [и др.] // Социология. 2025. № 4. С. 154–158. Вернуться к статье

5. Нейман К. П. СМИ как фактор социализации молодежи // Современный мир и национальные интересы Республики Беларусь : сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф., г. Могилев, 31 марта 2022 г. / под общ. ред. С. Н. Лихачевой, В. В. Табунова ; МГУ им. А. А. Кулешова. Могилев, 2022. С. 165–169. Вернуться к статье

6. Нейман К. П. Социализирующее воздействие традиционных СМИ и новых медиа на студенческую молодежь Союзного государства // Беларус. думка. 2024. № 8. С. 94–101. Вернуться к статье

7. Горшенков А. Г. Виктимологический аспект предупредительного воздействия на преступность в сфере массовой информации : дис. … канд. юрид. наук : 12.00.08 / Нижегор. юрид. ин-т М-ва внутр. дел Рос. Федерации. Н. Новгород, 1999. 185 с. Вернуться к статье

8. Авдеева С. И., Шпота Е. А. Исследование негативного влияния кинематографа на подростковую и юношескую аудиторию на примере сериала «Слово пацана. Кровь на асфальте» // Противодействие экстремизму и терроризму: философские, социологические и политологические аспекты : материалы XI Междунар. науч.-практ. конф., 21 нояб. 2024 г. / Краснодар. ун-т МВД России. Краснодар, 2024. С. 255–261. Вернуться к статье

9. Трофимов В. Е. Актуальные особенности влияния киноиндустрии на преступность в современном российском обществе // Философия права. 2024. № 4 (11). С. 184–188. Вернуться к статье

10. Бибик О. Н. Культурологический подход в криминологии // Вестн. Ом. ун-та. Сер. Право. 2010. № 3. С. 179–190. Вернуться к статье

11. Фазылзянова Г. И. Понимание художественного текста как креативно-онтологический феномен : дис. … д-ра культурологии : 24.00.01 / С.-Петерб. гуманитар. ун-т профсоюзов. СПб., 2009. 417 с. Вернуться к статье

12. Жидяева Т. П., Козин С. В. Медианасилие в современном цифровом пространстве // Предупреждение и преодоление дезадаптации несовершеннолетних — центральная проблема социальной педагогики : сб. материалов 4-й Всерос. науч.-практ. онлайн-конф., 7 апр. 2023 г. / Таганрог. ин-т им. А. П. Чехова (фил.) ФГБОУ ВО «РГЭУ (РИНХ)». Ростов н/Д : Издат.-полигр. комплекс РГУЭ (РИНХ), 2023. С. 123–126. Вернуться к статье

13. Невидимова В. М. Влияние средств массовой информации на сексуальное поведение девушек (16–18 лет) // Актуальные вопросы науки и практики : в 3 т. : материалы VII Междунар. науч.-практ. конф. курсантов, слушателей и студентов, г. Краснодар, 4–5 апр. 2019 г. / Краснодар. ун-т МВД России. Краснодар, 2019. Т. 2. С. 110–114. Вернуться к статье

УДК 343.9:141

ОСЦИЛЛЯЦИЯ МЕТАМОДЕРНА КАК КОМПРОМИСС В УЧЕНИИ О ЛИЧНОСТИ ПРЕСТУПНИКА

METAMODERN OSCILLATION AS A COMPROMISE IN THE THEORY OF THE CRIMINAL PERSONALITY

Д. В. Яковчик
Могилевский институт МВД Республики Беларусь,
преподаватель кафедры общеюридических и уголовно-правовых дисциплин
факультета повышения квалификации и переподготовки кадров,
магистр юридических наук

Аннотация. *Статья посвящена анализу эволюции криминологического знания в контексте смены философско-культурных парадигм. Рассматривается классическое эссенциалистское понимание личности преступника, его радикальная деконструкция в рамках криминологии постмодерна (неокриминологии) и потенциальный компромиссный подход, предлагаемый перспективой метамодерна.*

Ключевые слова: *личность преступника, криминология, постмодерн, метамодерн, неокриминология, осцилляция, социальный конструкт, интегральный профиль, нарратив пути.*

Annotation. *The article analyzes the evolution of criminological knowledge in the context of changing philosophical and cultural paradigms. It examines the classical essentialist understanding of the criminal personality, its radical deconstruction within postmodern criminology (neocriminology), and the potential compromise approach offered by the metamodern perspective.*

Keywords: *criminal personality, criminology, postmodernism, metamodernism, neocriminology, oscillation, social construct, integral profile, narrative of the path.*

Одно из основных явлений криминологии на протяжении долгого времени — личность преступника — подверглось сомнению в результате появления новых течений науки. С одной стороны, неокриминология постмодерна деконструирует его, определяя, что «преступник» не более чем ярлык, накладываемый властными институтами в процессе социального конструирования девиации. С другой стороны, практика правоохранительной и пенитенциарной систем по-прежнему требует анализа конкретной личности, совершившей общественно опасное деяние. Таким образом, возникает насущная необходимость в поиске нового теоретического подхода, способного преодолеть это противоречие. Целью данной статьи является анализ потенциала формирующейся парадигмы метамодерна для разработки такого компромиссного подхода к пониманию личности в криминологическом контексте.

Развитие общества, появление новых технологий, эволюция и модернизация всех сфер жизнедеятельности, безусловно, меняют и научную картину

мира. Нарративы, которые претендовали на объяснение мира, заменяются нарративами новыми. В попытках нахождения объяснений тех или иных явлений формируются новые парадигмы. К таковым можно отнести постмодерн и метамодерн.

Постмодерн как явление имеет размытое определение, и создается впечатление, что оно «свободно плавает и не имеет четкого смысла» [1, с. 3]. Словари предлагают следующие трактовки: «совокупность наметившихся в посл. четв. XX в. тенденций в западной культуре, которые в философском плане характеризуются отрицанием взглядов, основывающихся на преобразовании действительности, к установке на преобразование действительности, к возможностям систематизации знаний о ней» [2, с. 221]; «духовный феномен, непосредственно и акцентированно замещающий культуру модернизма» [3, с. 425] и др. Ж.-Ф. Лиотар определяет постмодерн как «модернизм в стадии очередного обновления» [4], И. П. Ильин — как «способ ориентации в современном мире, новый метод познания природной и социальной действительности, выражающий совокупность специфических взглядов на мир [5, с. 6]. В методологическом плане для постмодерна характерен перенос центра тяжести с поиска объективной истины на анализ дискурсов, языковых игр и релятивизм познания. Хронологическое измерение постмодерна также вызывает дискуссии. По мнению А. Тойнби, постмодерн зародился в 1875 г., с точки зрения И. Хассана — в 1939 г. с появлением произведения «Поминки по Финнегану», другие исследователи постмодерна (их большинство) называют 1968 г., время студенческих митингов во Франции [6, с. 98]. Охарактеризовать постмодерн можно как отрицание старого, отжившего, уходящего в прошлое, отказ от объективной реальности, целостности, детерминизма, центрированности [1, с. 4]. Иными словами, постмодерн радикально деконструирует, разбирает на части все, что считалось абсолютным и истинным.

Метамодерн — реакция и развитие постмодерна. Это не возвращение к наивной вере модерна, а «осознанная наивность». Это колебание (oscillation) между искренностью и иронией, надеждой и меланхолией, вовлеченностью и отстраненностью. Термин ввели голландский философ Робин ван ден Аккер и теоретик медиа Тимотеус Вермюлен в своем эссе «Заметки о метамодернизме», опубликованном в 2015 г., где отмечали основную характеристику зарождающегося течения — «осцилляцию» [7, с. 6], т. е. пограничное, компромиссное состояние между модерном и постмодерном. Авторы отмечают следующее: «Онтологически метамодерн раскачивается между модерном и постмодерном. Он осциллирует между энтузиазмом модернизма и постмодернистской насмешкой, между надеждой и меланхолией, между простодушием и осведомленностью, эмпатией и апатией, единством и множеством, цельностью и

расщеплением, ясностью и неоднозначностью» [8]. Сказать довольно точно о метамодерне невозможно, ведь он «специфический образ мышления в науке и культуре, который пока еще только приживается в современном обществе» [9, с. 41].

Поскольку постмодерн — явление, «замещающее» или «обновляющее» модерн, создающее новый метод познания, он требует пересмотра существующих вещей. Наука всеобъемлема, и, соответственно, пересмотр положений будет касаться всех наук, в том числе и тех, которые ставят перед собой в той или иной степени изучение преступности и личности преступника. Конечно, это будет относиться и к криминологии, в рамках которой в эпоху постмодерна зарождается новый этап развития, называемый в литературе криминологией постмодерна (неокриминологией) [10, с. 176].

Как и предыдущие периоды криминологии (классическая школа уголовного права и позитивизм), неокриминология предлагает концептуально новые подходы к изучению предмета этой науки. Однако криминология постмодерна предлагает не просто пересмотреть те или иные элементы предмета криминологии, а полностью отказаться от некоторых категорий, иногда — чрезмерно радикально, порождая реакции, имеющие здравый смысл и обоснованный скепсис, а также откровенно контрпродуктивные, деструктивные смыслы [11, с. 60]

Традиционно одним из элементов изучения криминологии является личность преступника. Попытки определения специфических черт, присущих только преступнику, начались еще с древних времен, когда уже имелось представление о том, кто и по какой причине становится (либо рождается) преступником (безусловно, многие версии уже давно считаются научно необоснованными) [12, с. 64].

Под личностью преступника в классическом понимании принято определять:

− личность человека, который совершил преступление вследствие присущих ему психологических особенностей, антиобщественных взглядов, отрицательного отношения к нравственным ценностям и выбора общественно опасного пути для удовлетворения своих потребностей или непроявления необходимой активности в предотвращении отрицательного результата [13, с. 12];

− совокупность социально-политических, психических и физических признаков лица, совершившего преступление, имеющая уголовно-правовое значение [14, с. 309].

Криминология постмодерна кардинально пересматривает классическое понятие «личность преступника». Ее основной тезис: специфической «личности преступника» не существует; преступление — это не проявление особых

личностных черт, а результат социального конструирования, когда власть через закон определяет, что является преступным. Касательно личности преступника представители неокриминологии утверждают, что ее как таковой попросту не существует и «в криминологии… нужно окончательно, категорически отказаться от учения о личности преступника» [15, с. 239]. Говорят об этом Ю. Д. Блувштейн, Я. И. Гилинский, И. И. Карпец, А. З. Рыбак, А. М. Яковлев и др., ссылаясь на различие в законодательствах различных стран (в одном государстве деяние считается преступным, а значит, человек, его совершивший, обладает качествами, которые делают его преступником, а в другой стране это же явление не считается преступлением, а соответственно, о личности преступника речи быть не может), изменения законодательства (появление новых видов преступлений, декриминализация некоторых деяний), отсутствие выделения качеств, присущих только преступнику и др. [16].

В свете рассмотрения полярных позиций классической и постмодернистской криминологии становится очевидной необходимость выработки компромиссного подхода к изучению личности преступника. Радикальный отказ от этого понятия, предлагаемый крайними версиями неокриминологии, чреват практическим нигилизмом, оставляя правоохранительные и пенитенциарные системы без какого-либо инструментария для работы с конкретным человеком, совершившим общественно опасное деяние. С другой стороны, сохранение в неизменном виде эссенциалистских представлений о наличии устойчивых «типов» преступников, игнорирующее властный контекст криминализации, ведет к догматизму и стигматизации, воспроизводя социальное неравенство, на которое справедливо указывают критики.

Криминология метамодерна, оставаясь пока теоретической перспективой, могла бы предложить потенциальный компромиссный путь. Этот путь не является простым синтезом или возвратом к прошлому, но реализуется через принципиальную осцилляцию — методическое колебание между, казалось бы, взаимоисключающими установками. В сфере изучения личности, причинившей вред, это выражается в одновременном удержании двух перспектив: с одной стороны, признания эмпирической реальности индивида, совершившего общественно опасное деяние, с его уникальной биографией, мотивацией и психологическими чертами (что было предметом классической криминологии), а с другой — критического понимания того, что его стигматизация как «преступника» есть продукт социального конструирования (ключевой тезис неокриминологии). Таким образом, метамодернистский подход снимает жесткую бинарность, допуская, что личность может изучаться не как статичная «сущность», а как динамичный нарратив, который формируется как объективными социальными обстоятельствами и личным выбором, так и последующим актом

криминализации и навешивания ярлыка. Такой компромиссный подход позволяет избежать как биологизаторского детерминизма, так и крайнего релятивизма, открывая пространство для более целостного и прагматичного анализа, ориентированного не только на критику, но и на восстановительные практики и поиск новых форм социальной реинтеграции.

В рамках компромиссного подхода, синтезирующего эмпирическую строгость классической школы и критическую рефлексию постмодерна, личность преступника должна пониматься не как особая сущность или тип, а как динамическая, контекстуально обусловленная проекция. Это аналитическая конструкция, применяемая к индивиду в момент и в результате его попадания в поле действия уголовного закона. Она фиксирует не кто он есть, а какие характеристики и обстоятельства его жизненной ситуации, взаимодействуя с социальными структурами, привели к акту криминализации. Таким образом, акцент должен быть смещен с изучения «преступной личности» на изучение личности в контексте преступного события и последующей социальной реакции.

Ключевые аспекты этого понимания могут быть раскрыты через следующие положения:

1. Классическая структура личности преступника замещается понятием интегрального профиля. Этот профиль включает в себя не иерархию обязательных признаков, а уникальную конфигурацию переменных, которые могут повышать вероятность девиантного поведения и последующей стигматизации.

2. Личность преступника перестает восприниматься как качественно иная. Вместо этого признается континуум поведенческих стратегий и жизненных обстоятельств. Индивид оказывается «преступником» не в силу внутренней сущности, а в точке пересечения: а) совершения деяния, нарушающего актуальную норму; б) успешного применения к нему формальных процедур криминализации. Это делает фокусом анализа не статичный «портрет», а нарратив пути — биографическую историю, в которой криминальный эпизод является одним из возможных, но не фатально предопределенных исходов.

Таким образом, криминология метамодерна представляет собой перспективное теоретическое направление, способное обогатить научный инструментарий и предложить новые ответы на вызовы, с которыми сталкивается современное общество в сфере контроля над девиацией. Противостояние между эссенциалистской трактовкой «личности преступника» в классической школе и ее тотальной деконструкцией в неокриминологии постмодерна выявило теоретический и практический тупик, требующий выхода за рамки этой дихотомии. Криминология метамодерна, понимаемая как теоретическая перспектива, предлагает такой выход через принцип осцилляции — методическое колебание

между признанием agency индивида и критикой структур криминализации. В рамках этого подхода «личность преступника» переосмысливается как динамическая проекция, интегральный профиль, возникающий в точке пересечения жизненного пути человека и формальных процедур социального контроля.

1. Волков В. Н. Постмодерн и его основные характеристики // Культурное наследие России. 2014. № 2. С. 3–8. Вернуться к статье

2. Философский словарь студента / В. Ф. Берков [и др.] ; под общ. ред. В. Ф. Беркова, Ю. А. Харина. Минск : ТетраСистемс, 2003. 351 с. Вернуться к статье

3. Новейший философский словарь. Постмодернизм / гл. науч. ред. и сост. А. А. Грицанов. Минск : Соврем. литератор, 2007. 816 с. Вернуться к статье

4. Лиотар Ж.-Ф. Состояние Постмодерна [Электронный ресурс]. URL: https://psychoanalysis.by/wp-content/uploads/2019/07/sostoyaniye_postmoderna-лиотар.pdf?189db0&189db0 (дата обращения: 17.02.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье

5. Ильин И. П. Постмодернизм от истоков до конца столетия: эволюция научного мифа. М. : Интрада, 1998. 227 с. Вернуться к статье

6. Бронзино Л. Ю. Постмодернизм: сущностные идеи и их представители // Вестн. МГИМО. 2010. № 3. С. 97–105. Вернуться к статье

7. Павлов А. Образы современности в XXI веке: метамодернизм // Логос. 2018. Т. 28. № 6 (127). С. 1–19. Вернуться к статье

8. Заметки о метамодернизме [Электронный ресурс]. URL: https://metamodernizm.ru/notes-on-metamodernism/ (дата обращения: 17.02.2026). Вернуться к статье

9. Афанасьева А. П. Осциллография ситуации метамодерна // Изв. Самар. науч. центра Рос. акад. наук. Соц., гуманитар., медико-биол. науки. 2024. Т. 26. № 94. С. 40–45. Вернуться к статье

10. Гилинский Я. И. Криминология и девиантология постмодерна. СПб. : Алетейя, 2024. 242 с. Вернуться к статье

11. Стальбовский В. В., Вишневская Т. И. Метамодерн в криминологии. Кейс трендов, конструирующих преступность // Юстиция Беларуси = Юстыцыя Беларусі. 2024. № 10. С. 59–65. Вернуться к статье

12. Яковчик Д. В. К вопросу о понятии «личность преступника»: история, подходы к изучению // Вестн. Могилев. ин-та МВД. 2024. № 2 (10). С. 64–69. Вернуться к статье

13. Антонян Ю. М., Эминов В. Е. Личность преступника. Криминолого-психологическое исследование. М. : Норма — ИНФРА-М, 2010. 368 с. Вернуться к статье

14. Цеева С. К. Личность преступника: понятие, структура и типология // Вестн. Адыгейс. гос. ун-та. Сер. Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2015. № 2 (158). С. 308–311. Вернуться к статье

15. Рыбак А. З. Криминология в человеческом измерении. М. : Юрлитинформ, 2020. 294 с. Вернуться к статье

16. Гилинский Я. И. Неокриминология. Криминология постмодерна. СПб. : Алетейя, 2025. 234 с. Вернуться к статье

УДК 343.13

О ВОПРОСАХ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВ ЗАИНТЕРЕСОВАННЫХ ЛИЦ ПРИ ВЫНЕСЕНИИ РЕШЕНИЯ ОБ ОТКАЗЕ В ВОЗБУЖДЕНИИ УГОЛОВНОГО ДЕЛА

ABOUT QUESTIONS OF ENSURING THE RIGHTS OF INTERESTED PARTIES HAVING MADE THE DECISION OF REFUSAL TO INITIATE CRIMINAL PROCEEDINGS

В. В. Якубук
Государственный пограничный комитет Республики Беларусь,
заместитель начальника юридического управления

Аннотация. *В статье исследованы предписания, определяющие лиц, имеющих право на получение копии решения об отказе в возбуждении уголовного дела; предложен механизм уточнения круга таких лиц.*
Ключевые слова: *отказ в возбуждении уголовного дела, направление копии постановления, заинтересованные лица.*

Annotation. *The article studies the norms, defining persons entitled to receive a copy of the decision of refusal to initiate criminal proceedings; proposes some measures to specify the number of such persons.*
Keywords: *refusal to initiate criminal proceedings, sending a copy of the decision, interested parties.*

Основным предназначением правовых предписаний является регулирование общественных отношений. При этом Т. И. Вишневской и А. В. Григорьевым отмечается, что «качественное состояние правовой организации общества, реального функционирования его правовой системы, отражающее достигнутый уровень развития в сфере правового регулирования социальных отношений» [1, с. 22], в целом определяет правовую культуру общества, а организация высококвалифицированного разрешения правоохранительными органами «различных юридических вопросов демонстрирует эффективность правового регулирования общественных отношений, формирует доверие и почтение со стороны населения к представителям государственной власти» [1, с. 23]. В свою очередь, И. А. Демидовой справедливо подчеркивается, что для конструирования идеальной модели правовой культуры необходим такой параметр, как «качество национального законодательства» [2, с. 24].

Следует отметить, что непосредственное разрешение уголовно-правовых отношений, возникающих при совершении преступных деяний, осуществляется в ходе уголовно-процессуальной деятельности. При этом стадия возбуждения уголовного дела выполняет функцию оперативного проведения проверки первоначально полученной информации и рассмотрения вопроса о наличии оснований для возбуждения уголовного дела или отказа в этом. Предписаниями ст. 178 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь

(далее — УПК) предусматривается направление копии вынесенного решения об отказе в возбуждении уголовного дела «заявителю, лицу, в отношении которого принято решение» с разъяснением им права и порядка обжалования решения, а также прокурору [3]. По мнению Н. Н. Гапановича, обязанность направления копии указанного решения гражданам и разъяснения их прав предусматривается законом для осуществления общественного контроля над уголовно-процессуальной деятельностью, предоставления им возможности «своевременно обжаловать принятое решение», составить обоснованную жалобу в связи с получением информации о мотивах вынесения решения [4, с. 55–56]. В свою очередь, А. П. Рыжаковым отмечена необходимость направления копии этого решения не только указанным в законе лицам, но и в определенных законодательством случаях другим лицам, например, должностным лицам в целях осуществления ими своих полномочий [5, с. 289–290]. При этом А. П. Рыжаковым, наряду с такими обязательными случаями, определяется также возможность направления этой копии иным частным лицам: пострадавшему лицу, не являющемуся заявителем; указанному в первоначальном заявлении лицу; любому лицу, в отношении которого выводы (решения) постановления связаны с какими-либо негативными последствиями (например, о передаче материалов для его привлечения к административной ответственности) [5, с. 194, 228, 290–291].

По нашему мнению, с целью определения надлежащего круга лиц, которые вправе получить копию рассматриваемого решения, необходимо принять во внимание положения ст. 138 УПК, определяющей, что решения органа, ведущего уголовный процесс, могут быть обжалованы как участниками уголовного процесса, так и иными физическими и юридическими лицами, если эти решения «затрагивают их интересы» [3]. При этом необходимо подчеркнуть явное несоответствие регламентированного узкого круга указанных непрофессиональных участников этого уголовного процесса, имеющих право на получение такой копии для обжалования решения, и множества иных лиц, наделенных правом его обжалования (что, по нашему мнению, также фактически определяет их одновременное право обладания содержащейся в нем информацией), но в силу неполучения его копии и возможного неучастия в уголовном процессе неосведомленных о самом факте его завершения (ведения) и тем самым лишенных возможности всесторонней реализации своего права (например, лица, несущие материальную ответственность за действия причинителя вреда, либо владельцы источника повышенной опасности; близкие заявителя или пострадавшего, умерших в силу естественных причин после подачи заявления (происшествия), которые без получения копии решения (ознакомления с ним) и реализации иных прав в уголовном процессе (в частности, изучения материалов

проверки) не имеют полноценной возможности реализации прав умершего, в т. ч. на восстановление социальной справедливости). При этом из-за отсутствия в законе обязательного требования о предоставлении заинтересованным «третьим» лицам возможности своевременного участия в ходе ведения уголовного процесса (например, для выражения ими своего мнения по существу рассматриваемого деяния и предоставления соответствующей информации в подтверждение своих доводов) таких лиц, как правило, в судопроизводство не привлекают, что не позволяет своевременно реализовать их права, в связи с чем незримо для этих «заинтересованных» лиц в отношении их интересов (фактически в их отношении) принимаются существенные и в некоторых случаях судьбоносные решения (например, определяющие возможность дальнейшего возложения на владельцев источников повышенной опасности обязательств по выплатам крупных денежных сумм). Кроме того, в силу проведения процессуальной деятельности по всестороннему исследованию рассматриваемого деяния и его последствий, отражению в решении их ясной наглядной картины и дачи им объективной правовой оценки вынесенное решение непосредственно оказывает влияние на все иные последующие решения по этому же поводу в других процессах. В некоторых случаях имеется возможность только первоначального однократного получения фактических данных (например, осмотр места дорожно-транспортного происшествия; экспертное исследование следов происшествия, повлекшее их уничтожение; получение объяснения у впоследствии умершего лица), поэтому результаты уголовного процесса напрямую используются в последующих иных отраслевых процессах (процедурах) и фактически предопределяют в них все итоговые решения, являясь их существенной, а в некоторых случаях единственной основой.

Также следует указать, что случаи непосредственного использования результатов уголовно-процессуальной деятельности в других процессах (процедурах) в отношении таких «заинтересованных» лиц при их неосведомленности ставят их «перед фактом» наличия указанного постановления с фактически негативными для них выводами, что приводит к затягиванию последующей процессуальной деятельности при их несогласии с выводами уголовного процесса и реализации единственной возможности ревизионного воздействия в отношении затрагивающего их интересы решения путем использования права на его обжалование. Таким образом, в этих ситуациях через длительный период после завершения уголовного процесса может возникать объективная необходимость его возобновления путем активного привлечения «новыми» участниками процессуальной деятельности проверяющих органов с помощью наглядной демонстрации им своей позиции, например, с целью убеждения уполномоченных лиц в поспешности решения в силу неполноты проведенного

процесса. При этом дальнейшая познавательная деятельность в этом процессе к этому времени может быть затруднена или вовсе невозможна в связи с утратой следов происшествия, потерей материалов проверки и т. д., что будет препятствовать возможности опровержения выводов ранее вынесенного решения.

Разрешение указанной ситуации, по нашему мнению, возможно путем указания в законе лиц, действительно фактически имеющих право своевременного получения копии процессуального решения для возможной реализации своего права на его обжалование. Следует отметить, что в силу множества разноплановых правовых последствий вынесенного процессуального решения об отказе в возбуждении уголовного дела круг таких лиц, по нашему мнению, не может быть обозначен в конкретном поименном ограниченном перечне и в общем они могут быть определены только как «заинтересованные лица» (именно в связи с непосредственным воздействием решения на их законные интересы). Тем самым в связи с разнообразием процессуальных ситуаций при непосредственном ограничении (ущемлении) указанным решением прав и законных интересов достоверно известных органу уголовного преследования индивидуально-определенных физических или юридических лиц (помимо указанных в УПК) с целью реализации их права на его обжалование в каждом конкретном случае необходимо рассмотрение вопроса о направлении таким лицам (их представителям) копии вынесенного решения и ознакомления с материалами проверки, что будет способствовать всесторонней реализации их прав и в целом дебюрократизации деятельности государственного аппарата. На основании изложенного нами предлагается внести следующие коррективы в УПК: в ч. 2 ст. 178 первое – третье предложения после слов «лицу, в отношении которого принято решение,» дополнить словами «иным заинтересованным лицам», четвертое предложение после слов «лицо, в отношении которого принято решение» дополнить словами «иные заинтересованные лица»; ч. 1 ст. 178^1 перед словами «вправе обратиться» дополнить словами «иные заинтересованные лица».

Кроме того, в настоящем исследовании, по нашему мнению, также следует отметить, что указанная ситуация неучастия в уголовном процессе всех лиц, любым образом связываемых законодательством с рассматриваемым деянием и его последствиями, также одновременно создает информационную неопределенность, фактически препятствует полноценному познанию объективной истины и всесторонности выводов органов уголовного преследования. При этом непосредственное выполнение в таком процессе задач только уголовно-процессуальной деятельности с одновременным заведомым оставлением без разрешения обозначенных, но не устраненных иных явных проблемных вопросов (например, возмещение причиненного вреда), т. е. незавершенность

процессуальной деятельности, приводит к необходимости дальнейшей организации иных процессов (процедур), законодательно напрямую не связанных с уголовным судопроизводством и формально не являющихся его продолжением или следствием, т. е. к новому, фактически повторному осуществлению познавательной деятельности. При этом регламентация в законодательстве раздельного, обособленного и, как правило, процессуально независимого друг от друга осуществления отраслевых процессов (процедур) в указанном случае, на наш взгляд, фактически способствует возникновению множественности дублирующих друг друга повторных производств по одному и тому же поводу, чрезмерной трате ресурсов государства и вовлекаемых в эти процессы частных лиц, в некоторой степени порождает бюрократизм государственной деятельности в связи с неоднократным исследованием (доказыванием) в разных процессах вопросов одного и того же деяния с целью разрешения в каждом производстве только строго определенной отраслевой проблематики. В связи с этим, по нашему мнению, также необходимо рассмотрение законодателем и научным сообществом возможности одновременного разрешения в целом всех рассматриваемых проблемных вопросов, решение которых входит в функции государственных органов, непосредственно в ходе первоначально проводимой уголовно-процессуальной деятельности по принципу одного окна при вынесении итоговых решений, в т. ч. рассматриваемого нами решения, с целью полного исключения необходимости иной процессуальной деятельности, что позволит предупредить возникновение рассматриваемых проблемных ситуаций, послужит мерой формирования высокой правовой культуры.

Результаты проведенного исследования могут быть использованы как в целях совершенствования положений законодательства, так и в качестве основы для дальнейших правовых исследований или непосредственно в правоприменительной деятельности. Реализация представленных предложений послужит более полному обеспечению прав и законных интересов физических и юридических лиц в уголовном процессе и в общем дебюрократизации государственной деятельности.

---

1. Вишневская Т. И., Григорьев А. В. Состояние правопорядка как показатель правовой культуры современного белорусского общества [Электронный ресурс] // Правовая культура в современном обществе : сб. науч. ст. VII Междунар. науч.-практ. конф., г. Могилев, 17 мая 2024 г. / М-во внутр. дел Респ. Беларусь, учреждение образования «Могилевский институт Министерства внутренних дел Республики Беларусь» ; редкол.: И. А. Демидова (отв. ред.) [и др.]. Могилев, 2024. С. 21–24. URL: https://elib.institutemvd.by/jspui/handle/MVD_NAM/8180 (дата обращения: 09.01.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье

2. Демидова И. А. Правовая культура общества: теоретическая модель в контексте системного подхода // Правовая культура в современном обществе : сб. науч.

ст. VIII Междунар. науч.-практ. конф., г. Могилев, 23 мая 2025 г. / М-во внутр. дел Респ. Беларусь, учреждение образования «Могилевский институт Министерства внутренних дел Республики Беларусь» ; редкол.: И. А. Демидова (отв. ред.) [и др.]. Могилев, 2025. С. 21–25. URL: https://www.elib.institutemvd.by/jspui/handle/MVD_NAM/8901 (дата обращения: 09.01.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье

3. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 16 июля 1999 г. № 295-З : принят Палатой представителей 24 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 30 июня 1999 г. : в ред. от 17 февр. 2025 г. № 61-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». Вернуться к статье

4. Гапанович Н. Н. Отказ в возбуждении уголовного дела. Минск : Выш. шк., 1967. 124 с. Вернуться к статье

5. Рыжаков А. П. Возбуждение и отказ в возбуждении уголовного дела. 5-е изд. М. : Дело и Сервис, 2011. 320 с. Вернуться к статье

УДК 342.5

ЛЕГИТИМНОСТЬ И ДОВЕРИЕ КАК СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВАЯ ОСНОВА ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ

LEGITIMACY AND TRUST AS A SOCIAL AND LEGAL BASIS FOR STATE POWER

Е. Н. Ярмоц
Брестский государственный университет им. А. С. Пушкина,
доцент кафедры теории и истории государства и права,
кандидат юридических наук, доцент

Аннотация. *Анализируется этимология слов «доверие» и «недоверие». Подчеркивается, что категория «доверие» лежит в основе понятия «легитимность». Делается вывод, что обе категории образуют социально-правовую основу существования и функционирования как государственной власти в целом, так и отдельных ее институтов.*
Ключевые слова: *доверие, легитимность, власть, государственная власть.*

Annotation. *The etymology of the words «trust» and «mistrust» is analyzed. It is emphasized that the category of «trust» underlies the concept of «legitimacy». It is concluded that both categories form the socio-legal basis for the existence and functioning of both state power as a whole and its individual institutions.*

Keywords: *trust, legitimacy, power, state authority.*

Понятие «легитимность» основывается на категории «доверие». Доверие («уверенность в чьей-н. добросовестности, искренности, в правильности чего-н. и основанное на этом отношение к кому-чему-н.» [1, с. 138]) может рассматриваться в различных аспектах: социально-психологическом, этическом, философском, правовом, политологическом и т. п.

Феномен доверия носит универсальный характер, но его природа лежит в сфере нравственности [2, с. 11]. Этимологически слово «доверие» происходит от слова «вера». Часть «до» в данном случае обозначает не временные рамки, а процесс, ведущий к вере, причем процесс постоянный: «Доверие объективированное нуждается в постоянном подкреплении неформальным доверием в наличном взаимодействии людей» [3, с. 29]. По мнению Ю. Н. Копылова, категория «вера» характеризуется элементом безусловности, в ее основе «лежит акт принятия чего-либо за истинное без достаточного основания», а категория «доверие» характеризуется субъективным специфическим отношением к чему-либо [4, с. 14]. В противоположность доверию недоверие — форма неверия, отсутствия веры: «Если доверие… есть вид приятия, солидарности, лояльности, открытости, то недоверие, будучи проявлением неверия, выступает видом социального отчуждения» [3, с. 37].

В философии категория «доверие» рассматривается, как правило, с позиций этико-нравственных отношений, в которых доверие выступает регулятором данных отношений и базисным условием функционирования общества [5, с. 100]. В аспекте философии культуры доверие представляет собой «ориентацию, выражающую позитивное отношение к культуре, способ передачи культурного опыта» [6, с. 8].

Категория «доверие» может рассматриваться также в политико-правовом аспекте и выступать базисом так называемой институциональной легитимности, то есть общественного доверия к государственной власти и ее институциям. Согласно п. 29 Концепции национальной безопасности Республики Беларусь, резкое либо масштабное снижение доверия граждан к основным государственным и прогосударственным общественным институтам является основной угрозой национальной безопасности [7]. По мнению И. М. Напольских, доверие в современном обществе становится элементом действующего права и критерием оценки его эффективности [2, с. 11].

Несмотря на то, что государство обладает соответствующими инструментами, позволяющими ему осуществлять и сохранять свою власть (суверенитет, аппарат управления и принуждения, правовая система и т.д.), без общественного одобрения и легитимации своих действий ни одна власть не сможет долго существовать: «Неправильно представлять себе государственную власть как волю. <…> Однако построить понятие о государственной власти на одной силе так же трудно, как на одной воле» [8, с. 223–224]. Общественное доверие, в свою очередь, является системообразующим элементом, обеспечивающим верховенство права и закона: легитимность — «структурный императив, от которого зависит верховенство права» [9, p. 1817].

Легитимность — довольно широкое понятие, которое часто соотносят с легальностью. Действительно, как отмечает В. Н. Бибило, изначально понятие «легитимность» было связано с движением легитимистов во Франции [10, с. 12]. Однако легитимность необходимо отграничивать от легальности — формального соответствия законодательству. Это разнопорядковые категории. По наблюдениям Д. Кола, легитимность опирается на более высокий по своему значению порядок [11, с. 83]. Легитимность права, «будучи совокупным результатом многочисленных интеракций, представляет собой характеристику того уровня правовой культуры, которого достигло в своем развитии то или иное конкретное общество» [12, с. 206].

Легитимность, согласно В. В. Денисенко, включает в себя огромный пласт социально-психологических представлений, связанных с историей, традицией, представлениями о будущем [12, с. 73]. Так, предпосылками доверия или недоверия к государственным институтам могут выступать культурные

стереотипы, социально-политические архетипы, традиции, передаваемые из поколения в поколение. В. Е. Резанова называет такой тип доверия «интуитивным» доверием, основанным на стереотипах «восприятия, заимствованных из прошлого жизненного опыта и интуитивного знания» [13, с. 120].

При оценке уровня институциональной легитимности следует учитывать факт общественного восприятия государственных структур, а именно «перенос суждений, представлений и оценок, связанных с одним институтом, на другие» [14, с. 18–19]. Доверие к государственным институтам может быть также связано с наличием (отсутствием) непосредственного опыта взаимодействия с ними (бытовой уровень восприятия властных структур).

Понимание категории «легитимность» в юриспруденции может зависеть в том числе от традиций той или иной школы права. Так, для представителей позитивистского направления в праве правовая норма будет обладать юридической легитимностью, если она явилась следствием надлежащего правотворческого процесса (due process). Приоритет в данном случае отдается формальным признакам права, что соответствует скорее понятию легальности (законности) в праве. И. Е. Марочкин отмечает: «Взаимоотношения судебной власти с субъектами судопроизводства традиционно оцениваются с точки зрения законности. Если судебная власть осуществляется в соответствии с законом, считается, что для несогласия с ней нет оснований» [15, с. 571]. Сторонники теории естественного права в качестве основы юридической легитимности рассматривают категорию «мораль» [16, с. 182]. Согласно взглядам Н. Макиавелли, власть и политические отношения основаны на конфликте, который можно нивелировать посредством идеологии, мифологии и ритуализации определенных действий, «тем самым укрепив правление народной поддержкой, то есть сделав правление морально легитимным» [16, с. 186–187]. Моральная легитимность — это форма легитимности, условно находящаяся за пределами правового поля. Ее сущность можно выразить высказыванием римского юриста Ульпиана: «Несправедливый закон не является законом» (Lex injusta non est lex).

Доверие и легитимность, таким образом, выступают в качестве социально-правовой основы существования и функционирования как государственной власти в целом, так и отдельных ее институтов.

---

1. Ожегов С. И. Словарь русского языка : около 57 000 слов / под ред. Н. Ю. Шведовой. 20-е изд., стер. М. : Рус. яз., 1988. 750 с. Вернуться к статье
2. Напольских И. М. Доверие как условие эффективности действия права : автореф. дис. … канд. юрид. наук : 5.1.1 / Рос. акад. гос. службы при Президенте Рос. Федерации. М., 2024. 49 с. Вернуться к статье
3. Кокотов А. Н. Доверие. Недоверие. Право. М. : Юрист, 2004. 192 с. Вернуться к статье

4. Копылова Ю. Н. Доверие населения как фактор повышения социального статуса органов государственной власти : автореф. дис. … канд. филос. наук : 19.00.05 / Рос. акад. гос. службы при Президенте Рос. Федерации. М., 2003. 25 с. Вернуться к статье

5. Развейкина Н. А. Доверие населения к судебной власти // Юрид. вестн. Самар. ун-та. 2016. Т. 2. № 3. С. 99–105. Вернуться к статье

6. Попков С. М. Доверие и недоверие как типы ориентаций в формах трансляции культуры : автореф. дис. … канд. филос. наук : 09.00.13 / Курган. гос. ун-т. Волгоград, 2013. 23 с. Вернуться к статье

7. Об утверждении Концепции национальной безопасности Республики Беларусь [Электронный ресурс] : решение Всебелорус. нар. собрания от 25 апр. 2024 г. № 5. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс». Вернуться к статье

8. Шершеневич Г. Ф. Общая теория права. М. : Изд-во Бр. Башмаковых. 1910. 806 с. Вернуться к статье

9. Nunn G. A. Introduction: Perceived Legitimacy and the State Judiciary // Vanderbilt Law Review. 2017. Vol. 70, № 11. P. 1813–1817. Вернуться к статье

10. Бибило В. Н. Теория и история права, судоустройства и уголовного процесса : сб. науч. ст. Минск : Право и экономика, 2020. 510 с. Вернуться к статье

11. Кола Д. Политическая социология : учеб. М. : Весь мир : ИНФРА-М, 2001. 406 с. Вернуться к статье

12. Денисенко В. В. Легитимность права (теоретико-правовое исследование) : моногр. М. : Проспект, 2022. 240 с. Вернуться к статье

13. Резанова В. Е. Доверие как фактор успешного регулирующего воздействия государства на развитие предпринимательства: социологический аспект // Весн. Брэсц. дзярж. ун-та. Сер. 1, Філасофія. Паліталогія. Сацыялогія. 2018. № 2. С. 112–121. Вернуться к статье

14. Тищенко А. В. Доверие к полиции: значение, факторы, перспективы формирования : автореф. дис. … канд. социол. наук : 5.4.4 / Адыгейс. гос. ун-т. Ставрополь, 2022. 28 с. Вернуться к статье

15. Марочкин И. Е. Легитимность судебной власти // Уголовно-правовые науки. 2013. № 5. С. 571–578. Вернуться к статье

16. Ли Т. Понимание легитимности через легальность правовых норм и моральные основы политической власти // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 11, Право. 2023. № 4. С. 179–194. Вернуться к статье

ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА БЕЛОРУССКОГО ОБЩЕСТВА В ИСТОРИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

УДК 347(091)

РЕЦЕПЦИЯ РИМСКОГО ПРАВА В СОВРЕМЕННЫХ КОДИФИКАЦИЯХ: ЖИВ ЛИ ДУХ РИМСКОГО ПРАВА В ГРАЖДАНСКОМ КОДЕКСЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ?

RECEPTION OF ROMAN LAW IN MODERN CODIFICATIONS: IS THE SPIRIT OF ROMAN LAW ALIVE IN THE CIVIL CODE OF THE REPUBLIC OF BELARUS?

Ж. М. Азарова
Белорусская государственная орденов Октябрьской Революции и Трудового Красного Знамени сельскохозяйственная академия, старший преподаватель, магистр кафедры общепрофессиональных и специальных юридических дисциплин

Аннотация. *В статье исследуется проблема рецепции римского частного права в современном белорусском законодательстве. Автор анализирует структуру, понятийный аппарат и ключевые институты Гражданского кодекса Республики Беларусь, выявляя в них элементы римской правовой традиции. Делается вывод о том, что, несмотря на формальный разрыв с римской правовой системой, ее «дух» — системность, понятийная строгость и фундаментальные принципы — продолжают определять сущность белорусского гражданского права.*

Ключевые слова: *рецепция римского права, Гражданский кодекс Республики Беларусь, пандектная система, обязательственное право, право собственности, правовая традиция.*

Annotation. *This article examines the reception of Roman private law in contemporary Belarusian legislation. The author analyzes the structure, conceptual framework, and key institutions of the Civil Code of the Republic of Belarus, identifying elements of the Roman legal tradition. The author concludes that, despite the formal break with the Roman legal system, its «spirit» — systematicity, conceptual rigor, and fundamental principles — continue to define the essence of Belarusian civil law.*

Keywords: *reception of Roman law, Civil Code of the Republic of Belarus, pandectic system, law of obligations, property law, legal tradition.*

История права знает немного примеров столь масштабного и долговременного влияния одной правовой системы на развитие других, какое оказало римское частное право. Его рецепция в Европе, начавшаяся в XI–XII вв. и

достигшая апогея в кодификациях XIX–XX вв., заложила фундамент современной континентальной правовой семьи.

Гражданский кодекс Республики Беларусь (далее — ГК), принятый в 1998 г. и вступивший в силу в 1999 г., является прямым наследником этой традиции [1]. Однако возникает закономерный вопрос: является ли это наследие чисто музейным, архаичным, или же дух римского права продолжает жить в нормах белорусского кодекса, определяя логику регулирования современных общественных отношений?

ГК принадлежит к семье романо-германского права. Его структура и ключевые идеи были восприняты через ряд исторических кодификаций: прежде всего через Гражданский кодекс Наполеона 1804 г. и, что более важно, через Германское гражданское уложение (BGB) 1896 г., основанное на трудах немецких пандектистов [2, с. 45].

Пандектная система, впервые последовательно примененная в саксонском кодексе и затем в Германском гражданском уложении, стала результатом глубокой переработки источников римского права (Дигест Юстиниана) [3, с. 112].

Именно эту систему воспринял и ГК, что уже является первым и главным свидетельством рецепции. Он построен по пандектному принципу: Общая часть (раздел I) содержит нормы, имеющие значение для всех институтов (субъекты, объекты, сделки, исковая давность), а Особенная часть делится на вещное, обязательственное, наследственное и интеллектуальное право. Такая структура, как отмечает профессор В. Ф. Чигир, позволила избежать повторений и создать стройную логическую систему регулирования [4, с. 10].

Сама юридическая терминология ГК пронизана понятиями, разработанными еще римскими юристами:

− Конструкция юридического лица как субъекта, обладающего обособленным имуществом и выступающего в обороте от своего имени, берет начало в римских корпорациях (universitates) [5, с. 89].

− Понятие вещи (res) и ее классификация (движимые/недвижимые, делимые/неделимые, потребляемые/непотребляемые) практически в неизменном виде перешли из римского права в ст. 128–130 ГК. Римское деление на res corporales (телесные) и res incorporales (бестелесные) трансформировалось в современное понимание имущественных прав как объекта оборота.

− Институт исковой давности, закрепленный в ст. 196–205 ГК, несет на себе печать римского praescriptio. Даже правило о перерыве течения срока исковой давности предъявлением иска основано на римской максиме «actio nondum nata non praescribitur» (иск, который еще не возник, не погашается давностью).

Римское право создало классическую триаду правомочий собственника: владение, пользование и распоряжение (dominium). Эта триада в полном объеме закреплена в п. 1 ст. 210 ГК. Более того, само понятие права собственности как наиболее полного господства над вещью, хотя и ограниченного законом, является прямой рецепцией римского понимания.

Особого внимания заслуживает институт защиты владения. В ГК выделены две группы исков:

1. Виндикационный иск (ст. 282–285 ГК) для защиты права собственности (истребование вещи из чужого незаконного владения), истоки которого в римском rei vindicatio.

2. Негаторный иск (ст. 286 ГК) для устранения препятствий в пользовании, аналогичный римскому actio negatoria.

Однако в римском праве существовала и особая защита самого факта владения (possessio), независимо от наличия права собственности (посессорная защита). ГК в ст. 285 допускает защиту владения для титульных владельцев (например, арендаторов), что отражает римскую идею о том, что владение — это самостоятельное благо, подлежащее охране. Как справедливо замечает И. А. Покровский, римское право завещало современности не только систему норм, но и саму технику юридического мышления, позволяющую защищать интерес там, где ещё не возникло право в полном объеме [6, с. 68].

Римское право заложило основы современного договорного права, разработав классификацию контрактов (вербальные, литеральные, реальные, консенсуальные). В ГК эта логика прослеживается в разделении договоров на реальные (считаются заключенными с момента передачи вещи, например, договор займа) и консенсуальные (с момента достижения согласия).

Ключевые принципы исполнения обязательств также имеют римское происхождение:

1. Принцип надлежащего исполнения: обязательства должны исполняться в точном соответствии с условиями (ст. 290 ГК). Это перефразирование римского «pacta sunt servanda».

2. Недопустимость одностороннего отказа от исполнения обязательства (ст. 291 ГК).

3. Институт обеспечения исполнения обязательств: задаток (ст. 351–353 ГК) восходит к римскому термину arra, поручительство (sponsio) и залог (pignus, hypotheca) также были детально разработаны римскими юристами [7, с. 203].

Особую роль играет категория неосновательного обогащения (ст. 971–978 ГК). Римский юрист Секст Помпоний сформулировал знаменитый принцип: «Iure naturae aequum est neminem cum alterius detrimento et iniuria fieri

locupletiorem» (По естественному праву справедливо, чтобы никто не обогащался за счет другого). Этот принцип condictio indebiti лег в основу современных норм о кондикционных обязательствах, которые применяются там, где нет специального договора или деликта, демонстрируя гибкость римской правовой мысли.

Жив ли дух римского права в ГК? Ответ однозначен — да. Этот дух проявляется не в прямом действии устаревших норм, а в системе юридического мышления, заложенной римскими юристами.

Современный Гражданский кодекс Республики Беларусь — это плоть от плоти романо-германской правовой семьи. Его внутренняя логика, пандектная структура, стройная система вещных и обязательственных прав, понятийный аппарат и даже способы толкования норм являются результатом двухтысячелетнего развития римской правовой традиции.

Как верно отмечает М. Н. Марченко, рецепция римского права стала основой для формирования единого европейского правового пространства, частью которого является и Беларусь [8, с. 220].

Римское право не просто сохранилось в статьях ГК как архаизм; оно продолжает служить тем фундаментом, на котором строятся новые правовые конструкции, отвечающие вызовам XXI в. Дух римского права жив, поскольку живет сама потребность в порядке, справедливости и точности юридических формулировок.

---

1. Гражданский кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 7 дек. 1998 г. № 218-З : принят Палатой представителей 28 окт. 1998 г. : одобр. Советом Респ. 19 нояб. 1998 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 16 марта 2026 г. № 134-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». Вернуться к статье

2. Савельев В. А. Германское гражданское уложение: история, система, институты. М. : Юристъ, 2002. 320 с. Вернуться к статье

3. Гарсиа Гарридо М. Х. Римское частное право: казусы, иски, институты : пер. с исп. М. : Статут, 2005. 812 с. Вернуться к статье

4. Чигир В. Ф. Гражданское право : в 3 т. Минск : Амалфея, 2008. Т. 1 : Общая часть. 864 с. Вернуться к статье

5. Новицкий И. Б. Римское частное право. М. : Юристъ, 2004. 544 с. Вернуться к статье

6. Покровский И. А. История римского права. СПб. : Летний сад, 1999. 533 с. Вернуться к статье

7. Дождев Д. В. Римское частное право. М. : Инфра-М, 2006. 784 с. Вернуться к статье

8. Марченко М. Н. Источники права. М. : Проспект, 2008. 768 с. Вернуться к статье

УДК 94(47).083

ВОЕННЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ ГЕРМАНСКИХ ВОЙСК В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ В КОНТЕКСТЕ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ

WAR CRIMES COMMITTED BY GERMAN TROOPS DURING WORLD WAR I IN THE CONTEXT OF LEGAL CULTURE

А. А. Воробьев
Могилевский институт МВД Республики Беларусь,
доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин,
кандидат исторических наук, доцент

Аннотация. *Публикация посвящена изучению деятельности Чрезвычайной следственной комиссии, созданной в Российской империи в годы Первой мировой войны. Эта комиссия должна была собирать факты, свидетельствующие о совершении военных преступлений войсками Четверного союза (Германии, Австро-Венгрии, Турции и Болгарии), для последующей организации Международного военного трибунала, который должен был наказать всех тех, кто совершил подобные преступления.*

Ключевые слова: *Россия, Германия, Австро-Венгрия, Турция, Болгария, Чрезвычайная следственная комиссия, военные преступления.*

Annotation. *This publication examines the activities of the Extraordinary Commission of Inquiry established in the Russian Empire during World War I. The Commission was tasked with gathering evidence of war crimes committed by the forces of the Quadruple Alliance (Germany, Austria-Hungary, Turkey, and Bulgaria) to facilitate the subsequent organization of an international military tribunal intended to punish the perpetrators of such crimes.*

Keywords: *Russia, Germany, emergency investigation commission, war crimes.*

На всем протяжении существования человечества проблема гуманных, человечных взаимоотношений между войсками противоборствующих сторон была чрезвычайно актуальной. С течением времени отношение победителей к побежденным противникам постепенно становилось гораздо более взвешенным и терпимым, по сравнению с древнейшим периодом истории и ранним Средневековьем, когда побежденные просто уничтожались до последнего человека. В этом отношении достаточно вспомнить уничтожение римлянами карфагенян, германских племен тевтонов и кимвров, было немало и других примеров крайне жестокого отношения победителей к побежденным. Недаром в латинском языке появилось крылатое выражение «vae victis», что переводится как «горе побежденным».

Однако еще во второй половине XIX ст. ведущие государства мира, в число которых входила и Российская империя, стали разрабатывать

международные договоренности, которые обеспечивали бы цивилизованные правила ведения боевых действий. В 1864 г. была разработана Женевская конвенция, в которой основное внимание уделялось раненым и больным воинам [1]. Эта конвенция появилась на свет после того, как во время войны Франции и Королевства Пьемонт против Австрийской империи в битве при Сольферино на поле боя умерло от ран большое количество солдат противоборствующих сторон.

Последующая разработка договоренностей о правилах ведения войн была связана с тем, что на рубеже XIX–XX вв. появились два военно-политических блока. Первым (в 1879–1882 гг.) оформился Тройственный союз в составе Германии, Австро-Венгрии и Италии. Позже (в 1915 г.) Тройственный союз превратился в Четверной в составе Германии, Австро-Венгрии, Турции и Болгарии, а Италия перешла на сторону Антанты. Тройственное согласие (или Антанта) оформилось позже (в 1891–1907 гг.) и состояло первоначально из России, Франции и Великобритании.

Два этих блока были направлены друг против друга. В 1914 году между этими военно-политическими блоками началась Первая мировая война. Инициатором заключения международных военных соглашений выступила именно Российская империя, о чем речь шла в одной из предшествующих публикаций [2]. Законы и обычаи войны регулировали две международные Гаагские конвенции (1899 и 1907 гг.) [3; 4]. Эти конвенции были направлены в числе прочего на обеспечение прав военнопленных и отмечали, что убивать военнопленных было запрещено. Было запрещено также лишать военнопленных их имущества без наличия на то военной необходимости и применять к ним какие-либо действия, которые вызывали бы у военнопленных страдания. В предшествующей публикации [2] основной упор делался на запрещение, согласно Гаагским конвенциям, использования при проведении боевых действий оружия массового поражения и оружия, наносящего тяжелые ранения. В данной публикации речь пойдет о нарушении германскими войсками прав военнопленных.

При этом следует отметить, что вскоре после начала Первой мировой войны страны Четверного союза и страны Антанты совершили отход от соблюдения Гаагских конвенций, несмотря на то, что они их ранее подписали и обязались соблюдать. Первой отошла от их соблюдения Германия, руководство которой первым стало использовать запрещенные виды вооружения (разрывные пули и химические отравляющие вещества), а также пошло по пути нарушения прав военнопленных. Сбором информации о нарушениях военных конвенций занималась Чрезвычайная следственная комиссия Российской империи (далее — ЧСК). Председателем ЧСК являлся сенатор Кривцов, а ее постоянными членами были генерал-лейтенант Креховецкий-Ющенко, член

Государственного Совета Шебеко, прикомандированный от дипломатической канцелярии Боткин, генерал-майор Семашко, следователь по особо важным делам Машкевич, секретарем комиссии являлся товарищ (т. е. заместитель) прокурора Костромского окружного суда Соболев [2, с. 65].

Немцы, несмотря на то, что они первыми стали нарушать международные военные конвенции, еще во время Первой мировой войны активно занимались дезинформацией населения как своей страны, так и других стран мира. Так, председатель ЧСК сенатор Кривцов внимательно следил за публикациями в немецких газетах. Он отметил, что немецкая газета «Норддойче альгемайн-цайтунг» клеветнически обвиняла русских в нарушении Гаагской и Женевской конвенций о пленных, тогда как именно немцы совершали больше всех военных преступлений, совершенно замалчивая эти факты [2, с. 65].

В данной статье речь пойдет о нарушениях прав русских военнопленных в период Первой мировой войны представителями вооруженных сил Германской империи. В ЧСК летом 1915 г. поступило письмо от побывавшего в немецком плену фельдфебеля Коршунова. В письме он написал о том, что немцы применяли пытки к русским военнопленным, в ходе которых сдирали с пленных кожу [5]. Русская военная газета «Дозор» часто публиковала заметки бывших русских военнопленных, которым либо удалось бежать из плена, либо им повезло быть обмененными на немецких пленных. Так, все бывшие пленные рассказывали, что первым делом немецкие военнослужащие отбирали у русских, попавших в плен, деньги и все более-менее ценное, включая хлеб, платье (т. е. обмундирование), сапоги и белье. За малейшее непослушание русских военнопленных били прикладами, кололи штыками, привязывали за руки к столбам. Пленных русских заставляли много работать, при этом очень плохо кормили, давали один суп из картофельной шелухи (т. е. очистков). Кроме того, часто использовали русских пленных вместо лошадей, запрягали в плуг по пять-шесть человек и пахали землю [6].

В местечке Хиров немцы сожгли несколько сотен русских больных солдат вместе с медицинским персоналом. Нередкими были случаи, когда немецкие солдаты и офицеры отрезали у пленных русских языки, уши, ломали или отрезали носы, русские раненые солдаты часто добивались прикладами, штыками и заживо сжигались [7]. Взятые в плен солдаты австро-венгерской армии утверждали, что около местечка Рава немцы расстреляли пять тысяч русских пленных [8]. В ряде случаев, после того, как русские войска сумели отбросить немцев со своих позиций после применения ими отравляющих газов, в русских окопах часто находили русских раненых, которые были жестоко добиты немцами. У многих русских раненых были раздроблены черепа, у некоторых

в глазницы были вбиты патроны, разрезаны животы и выворочены внутренности [9].

Особенно жестоким было отношение немецких военнослужащих к попавшим в плен русским казакам, так как казаки редко брали в плен немцев, предпочитая их убивать. Так, разведывательный дозор русской армии, пытаясь определить расположение немецких войск, обнаружил в лесу распятого на дереве пленного казака, которого перед распятием жестоко пытали. Под трупом была обнаружена записка, в которой немецкие военнослужащие написали, что так будет со всеми попавшими в плен казаками [10].

По сведениям, представленным в ЧСК побывавшим в немецком плену рядового Крещенко-Кравченко, у него на глазах немцы расстреляли взятых в плен солдат из его роты. Одного солдата-грузина за попытку бежать немцы посадили на цепь и две недели держали в собачьей конуре, где нельзя было ни лечь, ни встать [11]. Русские пленные получали помощь от своих сослуживцев и властей России за то, что мужественно вели себя в плену. Так, в газете «Дозор» сообщалось, что император Николай II пожаловал за верность воинской присяге персональные пенсии (правильнее — единовременные выплаты) двум пленным. Первым был младший унтер-офицер (т. е. младший сержант) Алексей Макуха, а вторым — унтер-офицер (сержант) Панасюк. В немецком плену первому после пыток отрезали язык, а второму — уши и нос. Единовременные выплаты составили 518 рублей и 40 копеек каждому [12].

Подводя итоги всему изложенному, можно сделать следующие выводы. Страны Четверного союза первыми в ходе Первой мировой войны стали нарушать Гаагскую и Женевскую конвенции, грубейшим образом попирая права русских военнопленных. На первом месте среди всех стран Четверного союза по числу преступлений против русских военнопленных находилась Германия, военнослужащие которой в годы Первой мировой войны в значительной степени утратили гуманность по отношению к противостоящим им войскам других стран.

Зверства и жестокости, которые совершали немцы по отношению к пленным русским солдатам в годы Первой мировой войны, стали своеобразным прологом к поистине чудовищному тотальному уничтожению солдатами и офицерами гитлеровского вермахта пленных военнослужащих Красной армии в период Великой Отечественной войны. В годы Первой мировой войны отношение к военнопленным в России было совершенно иным, нежели в период Великой Отечественной войны, когда их объявляли изменниками Родины.

ЧСК действовала весьма активно и часто предавала международной гласности зверства немцев по отношению к русским военнопленным. Так, председатель ЧСК Кривцов еще летом 1915 г. собрал 500 экземпляров портретов

(т. е. фотографий) русских пленных, пострадавших от зверств немцев, и передал их послу России в Вашингтоне (т. е. США) [13]. Данные действия председателя ЧСК способствовали распространению симпатий к России и ее солдатам среди населения Соединенных Штатов Америки и привели в конечном итоге к вступлению США в 1917 г. в Первую мировую войну на стороне военного блока Антанта, в который входила Россия. Германия же еще в период Первой мировой войны встала на путь полного отрицания правовой культуры ведения военных действий, что было ей продолжено в годы Второй мировой войны.

---

1. Женевская конвенция 10/22 августа 1864 г. Положительный международный закон об участи больных и раненых воинов во время войны [Электронный ресурс]. Киев : Университет. тип., 1884 . 191 с. URL: https://www.prlib.ru/item/408348 (дата обращения: 02.02.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье
2. Воробьев А. А. Чрезвычайная следственная комиссия (ЧСК) России — организация для борьбы против военных преступлений в годы Первой мировой войны // Чт. им. А. С. Дембовецкого. 755-летию Могилева посвящается : сб. ст. I Междунар. науч.-практ. конф.: в 2 ч. / М-во образования Респ. Беларусь, М-во науки и высш. образования Рос. Федерации, Белорус.-Рос. ун-т ; редкол.: М. Е. Лустенков (гл. ред.) [и др.]. Могилев : Белорус.-Рос. ун-т, 2022. Ч. 1. С. 64–67. Вернуться к статье
3. Конвенция 1899 г. о мирном решении международных столкновений [Электронный ресурс]. URL: https://docs.pca-cpa.org/2016/01/b01cad1e-1899-convention-for-the-pacific-resolution-of-international-disputes-russian-version.pdf (дата обращения: 02.02.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье
4. Конвенция 1907 г. о мирном решении международных столкновений [Электронный ресурс]. URL: https://docs.pca-cpa.org/2016/01/176be7b1-1907-convention-for-the-pacific-resolution-of-international-disputes-russian-version.pdf (дата обращения: 02.02.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье
5. Дозор. 1915. 3 июня. Вернуться к статье
6. Дозор. 1915. 6 июня. Вернуться к статье
7. Дозор. 1915. 17 июня. Вернуться к статье
8. Дозор. 1915. 9 июля. Вернуться к статье
9. Дозор. 1915. 19 июля. Вернуться к статье
10. Дозор. 1915. 31 июля. Вернуться к статье
11. Армейский вестник. 1915. 22 сентября. Вернуться к статье
12. Дозор. 1915. 5 июня. Вернуться к статье
13. Дозор. 1915. 18 июня. Вернуться к статье

УДК 94(476.4)

СТАТУТ ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОГО 1529 Г. КАК ЗАКОНОДАТЕЛЬНАЯ РЕГЛАМЕНТАЦИЯ НЕСЕНИЯ ВОИНСКОЙ СЛУЖБЫ В НАЧАЛЕ XVI В. НА БЕЛОРУССКИХ ЗЕМЛЯХ

THE STATUTE OF THE GRAND DUCHY OF LITHUANIA OF 1529 AS A LEGISLATIVE REGULATION OF MILITARY SERVICE IN THE EARLY 16TH CENTURY IN BELARUSIAN LANDS

Р. Д. Галынский
Могилевский институт МВД Республики Беларусь,
доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин,
кандидат исторических наук

Аннотация. *В статье рассматриваются условия несения военной службы на территории Беларуси в начале XVI в., а также ее регламентация на законодательном уровне.*
Ключевые слова: *закон, военная служба, военное дело, обязанность, штраф, земельное имение.*

Annotation. *The article examines the conditions of military service in Belarus at the beginning of the 16th century, as well as its regulation at the legislative level.*
Keywords: *law, military service, military affairs, duty, fine, land estate.*

Изучая военное дело, всегда необходимо обращаться к законодательным актам рассматриваемой эпохи, так как многие аспекты такого общественного, экономического и политического явления, как война, находят в них свое отражение.

В качестве изучаемого документа нами выбран Статут Великого княжества Литовского 1529 г. (далее — Статут ВКЛ 1529 г.) как основополагающий документ начала XVI в. На его страницах нашли отражение различные аспекты несения военной службы. Среди них вопросы комплектования, снаряжения, содержания войска, условий несения военной службы, а также наказания за различные воинские провинности. Сам факт необходимости законодательной регламентации нарушения воинской службы указывает на достаточно частые и систематичные нарушения в обеспечении обороноспособности государства со стороны землевладельцев и землепользователей того времени.

Привлекает внимание в данном случае фон эпохи — начало XVI в. Это период достаточно длительных войн в рамках непрекращающегося противостояния Великого княжества Литовского (далее — ВКЛ) с Великим княжеством Московским (далее — ВКМ) на востоке и Крымским ханством на юге государства. Осложнялась ситуация еще и юридическим правом выхода поместных

князей из подчинения своему сюзерену. Вассал мог покинуть своего господина при неисполнении патроном своих обязанностей по отношению к своему подопечному. А как само собой разумеющееся, с самими удельными князьями на сторону противника переходили и их воинские контингенты и земельные территории. Все это подрывало обороноспособность ВКЛ.

Данной проблеме посвящен весь второй раздел в Статуте ВКЛ 1529 г.

Согласно Статуту 1529 г., обеспечивать обороноспособность должно было все население, владевшее или пользовавшееся (на правах аренды/выкупа) землей (невзирая на пол и возраст). Земельный собственник обязан был той или иной военной службой, а в первую очередь — предоставлением комбатанта (воина или вооруженного человека) по требованию. Требования к нему были следующие: «*…пахолка на добром кни, штобы конь стоял за чотыри копы грошей, а на нем бы панцэр, прилбыца а корд, павезка а древце с прапором*» [1, с. 42, 142] («…пахолка на хорошем коне, стоимостью от 4 коп <1 копа равна числительному 60>, а на нем был панцирь <кольчатый нательный доспех>, прилбица <шлем>, корд <длинноклинковое однолезвийное оружие, напоминавшее очень длинный нож>, павезка <кавалерийский сложнопрофилированный щит> и кавалерийское рыцарское копье с флажком»). В случае же невозможности снарядить необходимое, заранее регламентированное в момент мобилизации количество комбатантов, землевладелец/землепользователь сам снаряжался и ехал на театр боевых действий в оговоренный пункт сбора.

Мобилизация должна была осуществляться согласно регламенту (мобилизационному листу), и сбор осуществлялся в рамках повета и далее — всего государства. Вызывает в этом случае интерес и система предписания — военная организация. Все комбатанты обязаны были быть приписаны к поветовым хоругвям: «*…абы вси подданые наши военную сужбу повинни не инде бы ся шиховати ани ся инде становили персунами своими, толко под хороговю своею поветовою, в котором повете суть осели, кром особого росказаня гетманского*» [1, с. 43, 143]. Оговаривался также механизм действий на случай несения службы у другого феодала и ряд иных нестандартных ситуаций: «*А естли бы который з них службу мел в неякого с панов рад наших або врадников, або тэж в кого иного, тот будеть повинен местца своего подле пана своего, которому прислугуеть, ким иным, войны не повинным, осадити, а местца своего хоругвного, яко повиннейшого, жадною мерою опустити и омешкати не смел…*» [1, с. 43, 143]. Кроме того, будучи больным на момент мобилизации, военнообязанный должен был подтвердить свое состояние здоровья лично либо через свидетелей и выставить вместо себя другого комбатанта.

Призывной возраст для участия в боевых действиях и военных смотрах наступал с семнадцати лет: «*Пак ли бы хто был здоров а имел сына, который*

ся от него не отделил, ани тэж служить у двора нашого господарского, а будеть тому от семнадцати <в некоторых редакциях — восемнадцать> *лет, он можеть за отца на войну ехати…*» [1, с. 45, 144].

Под контролем находился также и конский состав: «*…А пописавши кождого коня маеть в шерсть написати и клейно его маеть на рейстр намалевати*» [1, с. 44, 144].

Статутом ВКЛ 1529 г. четко фиксировался запрет на грабеж и разорение владений иных шляхтичей (подданных великого князя) во время военного похода или военных смотров. Также запрещалось разбирать на дрова дома и постройки, осуществлять потраву, ловить рыбу в прудах и спускать пруды. Также запрещались драки [1, с. 45–47, 145–147].

Отметим, что основным видом наказания было лишение земельных владений, за владение/пользование которыми комбатант был обязан военной службой. Это представляется вполне логичным, так как невыполнение военных обязанностей и уклонение от военной службы выступало нарушением вассального договора [1, с. 42–47, 142–147].

Обращает на себя внимание и регламентация наказаний за взяточничество и превышение полномочий в военное время и в условиях похода или смотра войск. Так, карались должностные лица (писари и даже гетманы) за внесение в войсковой реестр опоздавших, либо явившихся без должной экипировки, или неявившихся вообще и т. д. В этих случаях, как и в ряде других, выплачивался штраф в пользу государства и возвращались деньги, выплаченные пострадавшим. Предусматривалось также наказание для дезертиров, нерасторопных гонцов, заснувших на посту часовых и т. д. В большинстве случаев это было лишение земельных владений, в некоторых — заключение под стражу (унижение чести для благородных) и даже смерть [1, с. 45–47, 144–147].

Подводя общий итог анализу Статута ВКЛ 1529 г., мы видим следующее:

Войско комплектуется в виде посполитого рушения (ополчения).

Комбатанты вооружаются, снаряжаются и обеспечиваются в походе за свой счет (за счет средств, получаемых со своих земельных владений).

В некоторых случаях затраты на военные нужды могли компенсироваться за счет государства.

Призывной возраст — 17 (18) лет.

Все землевладельцы обязаны были нести военную службу, проходить перепись. В случае невозможности лично участвовать (болезнь, нахождение на иных видах службы, малолетство, вдовство и т. д.) вместо себя землевладелец/пользователь выставлял другого человека.

Запрещался грабеж (а также потравы полей, разбор построек на дрова, ловля рыбы в прудах и т. д.) государственных и частных имений подданных великого князя.

Финансово карались приписки на смотрах, взяточничество и вымогательство с превышением служебных полномочий.

Финансово и физически карались дезертирство, уклонение от военной службы, опоздание на мобилизационные сборы и иные преступления в военное время.

Четко регламентировался необходимый минимум комплекса боевых средств для комбатантов.

Таким образом, Статут ВКЛ 1529 года был передовым документом для своего времени в вопросе обеспечения государственной безопасности.

---

1. Статут 1529 года / Акад. наук Белорус. ССР, Отдел правовых наук ; под ред. К. И. Яблонскиса. Минск : Изд-во Акад. наук БССР, 1960. 253 с. // Нац. правовой Интернет-портал Респ. Беларусь. URL: https://pravo.by/pravovaya-informatsiya/pomniki-gistoryi-prava-belarusi/kanstytutsyynae-prava-belarusi/statuty-vyalikaga-knyastva-lito-skaga/statut-1529-goda/ (дата обращения: 02.02.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье

УДК 340.121

ИДЕЯ СЛУЖЕНИЯ В ДРЕВНЕРУССКИХ КОНЦЕПЦИЯХ ВЛАСТИ

THE IDEA OF SERVICE IN OLD RUSSIAN CONCEPTS OF POWER

Н. В. Еремеева
Могилевский институт МВД Республики Беларусь,
старший преподаватель кафедры социально-гуманитарных дисциплин,
кандидат философских наук

Аннотация. *Представления об общем благе в белорусской политико-правовой культуре опираются на идею служения в древнерусских концепциях власти. Наряду с пониманием власти как бремени, несовместимого с монашеским идеалом святости, формируется идеология власти как дара мирского служения, которая и становится в итоге мировоззренческой доминантой восточнославянских мыслителей.*

Ключевые слова: *служение, власть, общее благо, Древняя Русь, белорусский Ренессанс, православие.*

Annotation. *Concepts of the common good in Belarusian political and legal culture are based on the idea of service in ancient Russian concepts of power. Along with the understanding of power as a burden incompatible with the monastic ideal of holiness, an ideology of power as a gift of secular service is formed, which ultimately becomes the ideological dominant of East Slavic thinkers.*

Keywords: *service, power, common good, Ancient Rus', Belarusian Renaissance, Orthodoxy.*

Понятие общего блага является одним из ключевых в белорусской политико-правовой культуре. С. А. Подокшин отмечает его появление в белорусской ренессансной мысли, указывая, что в эпоху Возрождения особенное внимание уделяется не индивидуалистическому пониманию человека, его свободы и счастья, а общему благу [1, с. 51]. В понятии общего блага отражена, как считает С. А. Подокшин, древнерусская традиция социального строительства [1, с. 51]. Можно согласиться также и с В. М. Кононом, который отмечает «возрожденческие» черты в культуре Беларуси многими веками раньше, еще во времена Кирилла Туровского [2, с. 50]. Общий для восточных славян опыт государственного устройства как нельзя лучше подходил и многонациональному Великому княжеству Литовскому, а его нахождение между Востоком и Западом обеспечило сходное с Киевской Русью положение на перекрестке культур и традиций. Во многом Великое княжество Литовское необходимо рассматривать как продолжение Киевской Руси, и в этом мнении М. К. Любавского, а вслед за ним и В. И. Пичеты [2, с. 56], отражена та высокая роль древнерусского социально-политического уклада с его вечевыми традициями, самоуправлением и федерализмом, а также отношением к праву. И если А. С. Майхрович высказал идею о наличии мировоззренческой доминанты народа в ту или иную эпоху, то

в данном случае можно отметить сходство такой доминанты в эпоху Киевской Руси и белорусского Ренессанса — согласно В. С. Горскому, это господство духовно-практичных ценностных форм освоения бытия [2, с. 416]. К наследию, доставшемуся новому государству от Киевской Руси, можно отнести и эгалитаризм, и внимание к просвещению, и особую социальную этику, в которой идея общего блага занимает центральное место. Действительно, представления об общем благе напрямую коррелируют с древнерусскими социально-правовыми концепциями служения. Особенный интерес представляет развитие концепции служения в теории власти.

Фигура правителя осмысливается уже в эпических произведениях языческой культуры, при этом на первый план как ключевая характеристика личности правителя выступает воля [3, с. 164–165]. Воля правителя в данном случае означает возможность дерзновенно присваивать себе божественные права на управление [3, с. 168]. Князь-предводитель воинской дружины требовал от своих подчиненных безусловной верности в бою вплоть до смерти [3, с. 168], которая и становилась апофеозом божественности правителя и его прорывом за пределы человеческой природы, пропуском в чертог пирующих богов. При ряде общих для языческих народов мотивов осмысления правителя — дружинная верность, героизация князя, представления о связи смерти и бессмертия [3, с. 165–166] — модель власти в Древней Руси и ее политическое пространство трансформировалось в связи с принятием Русью христианства. Фигура властителя в древнерусском тексте приобретала христианскую мораль и, наряду с традиционными воинскими доблестями, наделялась такими добродетелями, как кротость, смирение, мудрость, благочестие. Целеполаганием такого правителя становилось не только благоденствие подданных, но и сохранение их в истинной вере, что рассматривалось как приоритетный национальный интерес и залог безопасности государства. Таким образом, открытию представлений о социально-политическом измерении блага способствовало осмысление древнерусскими политическими деятелями и книжниками христианства как идеологии, дающей возможность заложить прочный фундамент власти в молодом государстве.

Известный исследователь русской мысли А. Ф. Замалеев, уделявший большое внимание ее политической и правовой составляющей, отмечал, что создание одной из первых политических идеологий на Руси принадлежало монахам Киево-Печерской обители, «печерцам», и она носила выраженный ветхозаветный характер. Ветхозаветное представление концентрировалось на богоизбранности отдельно взятого народа, государства или правителя [4, с. 48–49]. На примере «Повести временных лет» А. Ф. Замалеев поясняет свою мысль, оправдывая ветхозаветный провиденциализм Нестора

стремлением обосновать политические права прежде всего церкви, а отнюдь не светского властителя-князя [4, с. 50]. Богоизбранность славянского народа позволяет Нестору теологизировать социальное бытие славян, включить историю славян в контекст церковной истории [4, с. 48], таким образом, давая последней приоритет и делая ее мерилом праведности светской истории. Следовательно, оценка земного правителя всегда будет исходить из меры его «богоугодности», а она в данной парадигме определяется церковью [4, с. 52]. А. Ф. Замалеев отмечает, что впервые на русской земле концепция богоугодного властителя появляется у Феодосия Печерского и знаменует собой формирование адекватной идеологии периода раздробленности, когда попечение о единстве русской земли ложится на плечи церкви, а не светской власти, силой же церкви являются хранители истинной веры — монахи [4, с. 45]. Очевидно, что в рамках такой идеологии конфликт между княжеской и церковной властью был неизбежен, но нередко и сами князья, чтобы склонить церковь на свою сторону в междоусобной борьбе, передавали ей ряд собственных полномочий [4, с. 35]. Наметился разрыв между желаемым образом сотрудничества церкви и власти и реальной реализацией этих отношений, что и выразилось, например, в сентенциях Нестора Летописца о несчастьях Руси как наказании за грехи правителей [4, с. 51]. Поэтому требование подчиняться Богу и церкви относится и к простому народу, и еще больше к князьям, которым тем более нужно божественное водительство для успешной борьбы с врагами [4, с. 52]. Таким образом, определяется круг задач светской власти и власти духовной. Монахи сохраняют истинную веру, а князья оберегают монахов, чтобы вера могла распространяться [4, с. 44], при этом мир и благоденствие во владениях князя являются наградой, а несчастья — наказанием от Бога за отступление князя от установленного божественного порядка вещей [4, с. 54]. В такой социально-политической модели власти действуют прежде всего божественные или бесовские силы, земные события являются их знамениями [4, с. 54], и на острие борьбы добра и зла стоит не княжеское, а Христово воинство — монахи [1, с. 44]. Таким образом, права монашества на контроль над светской властью поддерживались фактической слабостью этой власти, вступившей в эпоху династического кризиса, и ветхозаветной идеологией богоизбранного народа, в истории которого непосредственную роль играет сам Бог, и, как следствие, духовные авторитеты должны играть более значимую политическую роль, нежели светские.

Но в древнерусской литературе присутствуют и другие мотивы, в которых власть земного правителя служит основанием для его возвышения и уподобления властителю небесному со всеми его атрибутами, такими как мудрость, воля, святость и единодержавие. Очевидно, что в этих воззрениях проявляются тенденции осмыслить этико-правовую концепцию власти через понятия свободы и

ответственности за благо подданного народа и государства. Как подчеркивает Т. В. Бузина, дарованная Богом власть предполагает ответ в форме верности: у правителя это верность Богу, вере и долгу, у народа — самому правителю в форме послушания словно бы самому Богу [3, с. 167–168]. Свобода и воля, таким образом, становятся искушением для правителя, которое он преодолевает, претворяя власть в служение, за которое он несет ответственность прежде всего перед Богом. Отмечая наличие этих явно противостоящих друг другу идеологий, А. Ф. Замалеев снова аргументирует данным фактом противоборство монашеской культуры и секулярных тенденций в Древней Руси. Несколькими годами позже он корректирует свою позицию, отмечая, что речь идет скорее о противоборствующих тенденциях в самом русском христианстве — это церковный схематизм византийской традиции и общехристианский духовный универсализм [5, с. 4–5].

Образ сильного и мудрого христианского властелина, заботящегося о благе подданных, который в основном закрепился в эпоху великих киевских князей, особенно Ярослава Мудрого, еще раньше появляется на Руси в творениях болгарских просветителей: Кирилла (Константина) Философа, ученых Орхидской школы, богослова и философа Иоанна Экзарха и многих других. В «Шестодневе» Иоанна Экзарха (X век), как видно из названия, рассматриваются в основном вопросы творения, для понимания которых привлекается философская аргументация. Стиль трактата Иоанна Экзарха оптимистичен, проникнут радостью от возможности познания и вообще жизни, причастности бытию [6, с. 127]. Он говорит, что мысль Бога — творящая сила и Своей волей как орудием и трудом он творит все, «ибо Божие желание сопряжено с силой сотворения того, что хочется» [6, с. 129]. Слово Бога (логос) — упорядочивающая сила, инструмент гармонизации и сохранения мира — в человеке представлено как ум. Ум бестелесен, но пользуется телесными чувствами и так обозревает весь мир [6, с. 135]. Такой ум Иоанн Экзарх сравнивает с царем — не подчиняясь никому, то есть чувствам, он, напротив, господствует над ними, чтобы решать и судить, что хорошо и полезно, то есть, что является благом, а что злом [4, с. 102]. Образ христианского царя возвышен и в «Житии Константина-Кирилла» — именно царь устраивает жизнь философа, а затем определяет его проповедовать хазарам Святую Троицу, говоря: «…помня о цесарской власти и чести, с почетом иди с цесарской помощью» [7, с. 35]. Наконец, особенно значимым для понимания образа властителя у древнерусских книжников является «Слово о законе и благодати» митрополита Илариона. Князь Владимир, креститель Руси, назван в нем учителем и наставником, получившим «свет ведения» [8, с. 43–45]. Князь именуется другом правды, вместилищем разума, средоточием милости, поскольку милосердно помогает всем нуждающимся и заботится

о народе [8, с. 47–49]. Иларион подчеркивает факты служения правителя своему народу — милостыней, мудростью, проповедью, работой «со смирением» по составлению законодательства — и делает вывод, что этим служением он стал угоден Богу [8, с. 49, 53]. Таким образом, похвала правителю сосредоточена прежде всего в сфере его социальной ответственности, а эта ответственность полностью обусловлена христианской верой, поскольку прежние князья, Игорь и Святослав, хотя и также были славны, но в большей степени воинскими доблестями [8, с. 43]. Христианский правитель и после смерти продолжает свое служение уже как небесный заступник, к которому обращаются в молитвах [8, с. 53]. Образ правителя становится сакральным вместилищем добродетелей, прежде свойственных только монахам или святым, а его имя прославляется рядом с именем Бога именно по причине той работы, которую он совершил во благо людям: «…нас воскресивший… тобою приблизилось мы к Богу… тобою исправлены… поспешением твоим прозрели… тобою возвращен нам дар слова» [8, с. 53]. Как ни кощунственно это звучит, но похвала правителю практически приравнивает его к Христу, что свидетельствует, во-первых, о приверженности киевского митрополита идее единовластия, а во-вторых, как утверждает А. Ф. Замалеев, доказывает его близость к арианскому учению [4, с. 114]. Ариане — последователи александрийского священника Ария (III–IV вв.) — были антитринитариями, считавшими Христа человеком, и эта версия А. Ф. Замалеева более чем любопытна в свете той роли, которую впоследствии сыграют мыслители-антитринитарии эпохи Великого княжества Литовского в развитии социально-политических учений на белорусских землях. Арианство было осуждено как ересь в эпоху первых Вселенских соборов, тем не менее оно успело пустить глубокие корни на окраинах христианского мира, бытовало и на Руси. Однако допустить сравнение князя с Христом в прямом, онтологическом смысле для митрополита невозможно даже в риторическом запале — он, безусловно, имеет в виду лишь похвалу и награду от Бога «за труды пастьбы народа своего» [8, с. 53], и это больше напоминает вышеупомянутые языческие мотивы обожения героя-правителя, нежели антитринитарную ересь.

Очевидно, что в двух различных образах властителя — богоугодном правителе «печерцев» и христианском властелине книжников-софийцев — заключены две идеологии власти как таковой. В первом случае власть воспринимается правителем как тяжкое бремя мирской работы, несовместимой с идеалом человеческой святости [5, с. 30–32]. Во втором случае власть — это дар и призвание от Бога, максимальная возможность для мирского служения на благо подданных и во славу Божью. Именно последнее понимание с его рационалистическим подходом, синтезом религиозной и светской духовности, рецепцией

философского наследия становится в итоге мировоззренческой доминантой восточнославянских мыслителей.

1. Падокшын С. А. Філасофская думка эпохі Адраджэння ў Беларусі: ад Францыска Скарыны да Сімяона Полацкага / пад рэд. А. С. Майхровіча. Мінск : Навука і тэхніка, 1990. 285 с. Вернуться к статье

2. Гісторыя філасофскай грамадска-палітычнай думкі Беларусі : у 6 т. / Нац. акад. навук Беларусі, Ін-т філасофіі. Мінск : Беларус. навука, 2010. – Т. 2. Протарэнесанс і Адраджэнне / С. І. Санько [і інш.]. 840 с. Вернуться к статье

3. Бузина Т. В. Представления о свободе, воле, обожении и самообожении в древнерусской литературе // Вестн. Бурят. гос. ун-та. 2010. № 10. С. 164–169. Вернуться к статье

4. Замалеев А. Ф. Философская мысль в Средневековой Руси (XI–XVI вв.). Л. : Наука, 1987. 249 с. Вернуться к статье

5. Замалеев А. Ф. Еретики и ортодоксы. Очерки древнерусской духовности. Л. : Лениздат, 1991. 207 с. Вернуться к статье

6. Из «Шестоднева» Иоанна Экзарха Болгарского // Библиотека литературы Древней Руси : в 20 т. СПб. : Наука, 1997–2020. Т. 2 / под ред. Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексеева, Н. В. Понырко. 1999. С. 124–135. Вернуться к статье

7. Житие Константина-Кирилла // Библиотека литературы Древней Руси : в 20 т. СПб. : Наука, 1997–2020. Т. 2 / под ред. Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексеева, Н. В. Понырко. 1999. С. 22–65. Вернуться к статье

8. Слово о законе и благодати митрополита Киевского Илариона / Библиотека литературы Древней Руси : в 20 т. СПб. : Наука, 1997–2020. Т. 1 / под ред. Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексеева, Н. В. Понырко. 1997. С. 26–61. Вернуться к статье

УДК 347.91

ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ ИНСТИТУТА ПЕРЕГОВОРОВ ПРИ СОДЕЙСТВИИ ПОСРЕДНИКА В ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ (НА ПРИМЕРЕ США)

THE HISTORY OF THE DEVELOPMENT OF MEDIATED NEGOTIATION IN FOREIGN COUNTRIES (A CASE STUDY OF THE USA)

А. А. Маслакова
Могилевский институт МВД Республики Беларусь,
преподаватель кафедры общеюридических и уголовно-правовых дисциплин
факультета повышения квалификации и переподготовки кадров

Аннотация. *В статье рассматривается трансформация института альтернативного разрешения споров в США. Отмечается, что анализ американского опыта позволит обеспечить более эффективное внедрение примирительных процедур в отечественную правовую систему.*

Ключевые слова: *партисипативная процедура, альтернативное урегулирование споров, посредничество, адвокат, правовой конфликт.*

Annotation. *This article examines the transformation of alternative dispute resolution in the United States. It notes that an analysis of the American experience will help ensure a more effective implementation of conciliation procedures in the domestic legal system.*

Keywords: *participatory procedure, alternative dispute resolution, mediation, lawyer, legal conflict.*

На протяжении всей истории человечества конфликты и споры были неизбежны во всех сферах общественной жизни. Когда стороны не в состоянии разрешить разногласия самостоятельно, они обращаются в суд или же ищут помощи у посредника. В Республике Беларусь большинство споров разрешаются через судебную систему, что приводит к ее чрезмерной загруженности и дефициту судей. Это, в свою очередь, вызывает затягивание сроков рассмотрения дел и идет вразрез с фундаментальным принципом гражданского процесса — принципом процессуальной экономии. В связи с этим альтернативные способы разрешения споров (далее — АРС) приобретают особую важность. Одним из таких способов выступают переговоры сторон при содействии их адвокатов (партисипативная процедура). Его суть заключается в том, что профессиональные юристы помогают сторонам найти такое решение конфликта, которое будет максимально выгодным для всех участников. В Беларуси данная примирительная процедура в настоящее время находится на стадии развития, т. к. до 2026 г. формально ее не существовало. Расширение спектра примирительных процедур в нашей стране связано с унификацией процессуального законодательства и принятием Кодекса гражданского судопроизводства Республики Беларусь [1].

Примирение при содействии посредника давно зарекомендовало себя как эффективный внесудебный инструмент разрешения конфликтов во многих западных странах, в том числе Соединенных Штатах Америки (далее — США). Американская практика впоследствии послужила основой для имплементации партисипативной процедуры в цивилистический процесс Франции, Канады, Казахстана и других стран. Анализ американского опыта позволит обеспечить более эффективное, прозрачное и современное внедрение примирительных процедур в отечественной правовой системе.

В Америке трансформация идеи примирения и примирительных процедур происходила путем расширения в рамках не только юрисдикционного, но и неюрисдикционного процесса. В 1906 г. юрист Роско Паунд, выступая на ежегодной встрече Американской ассоциации адвокатов, говорил о необходимости уменьшения зависимости от традиционных судебных процессов, что стало толчком для разработки и внедрения альтернативных методов урегулирования юридических конфликтов. Согласно точке зрения Р. Паунда, предоставление судьям значительной свободы действий является необходимым условием для эффективного правосудия. Эта свобода, по его мнению, служит инструментом для адаптации судебных решений к эволюционирующим моральным, социальным и политическим реалиям [2, с. 243].

Основоположником идеи альтернативного разрешения споров считается американец Фрэнк Сандер. В 70-е гг. XX в. им была сформулирована концепция гармонизации государственного судопроизводства и механизмов альтернативного урегулирования споров. Ф. Сандер предложил концепцию «суда с множеством дверей», которая подразумевала комбинацию и взаимодействие механизмов альтернативного разрешения и урегулирования споров судом. Ученый полагал, что эффективное правосудие проявляется в соблюдении совокупности следующих критериев: «…стоимость, скорость, точность, достоверность (для общественности и сторон) и работоспособность, а в ряде случаев — предсказуемость» [3, с. 43]. Он также считал, что развитие АРС должно привести к тому, чтобы государственные суды занимались только самыми сложными делами, требующими высокого уровня экспертизы [4, с. 94].

В период с 1970 по 1980 г. судебная система США столкнулась с серьезным кризисом, вызванным резким ростом числа судебных исков, увеличением сроков рассмотрения дел и ростом судебных издержек [5, с. 133]. А. Миллер, работавший над поправками Правил гражданского судопроизводства США, указывал, что неспособность американской судебной системы разрешать гражданские споры экономично и эффективно является одной из наиболее значимых проблем, с которой ежедневно сталкиваются американские суды. При этом

А. Миллер писал о том, что отсрочка правосудия равносильна отказу в правосудии [6].

В ответ на это в 1976 г. на конференции судей была выдвинута идея о внедрении государственными судами альтернативных методов разрешения споров. Основной тезис звучал следующим образом: «Должен быть найден лучший способ разрешения споров, нежели суд» [7, с. 164], что подразумевало под собой поиск более эффективных путей урегулирования конфликтов, чем традиционное судебное разбирательство.

Получившая распространение в 80-е гг. XX в. концепция восстановительного правосудия также оказала влияние на развитие института примирения. Одним из ее основателей являлся Дж. Брейтуэйт, который в книге «Восстановительное правосудие ради лучшего будущего» утверждал, что восстановительные традиции принесут больше пользы, чем карательные [8]. Н. Рулан, будучи теоретиком идеи восстановительного правосудия, в книге «Юридическая антропология» утверждает, что исходной формой решения конфликтов были переговоры, примирение и возмещение ущерба, а иные формы разрешения конфликта использовались как крайняя мера, к которой прибегали довольно редко [9, с. 172].

Принятие Акта о реформе гражданского судопроизводства в 1990 г. стало ключевым моментом в распространении примирительных процедур в гражданском процессе США. Данный документ предусматривал создание рекомендательных комитетов в каждом штате, зоной ответственности которых являлась разработка подходов к альтернативному разрешению споров [10, с. 269].

Непосредственно идея сотрудничества в праве была разработана в конце XX в. в США. В 1990 г. юрист Стюарт Уэбб, взяв за основу положительный опыт работы юристов по семейному праву, разработал подход, при котором работа юриста заключалась в способствовании мирному урегулированию конфликта до суда, а не в представительстве на судебном разбирательстве [11]. Данный подход получил название collaborative law и в дальнейшем лег в основу многих примирительных процедур, в частности партисипативной процедуры. Collaborative Law представляет собой альтернативный метод урегулирования конфликтов, который строится на основе переговоров между юристами (адвокатами) и их клиентами с возможным привлечением других специалистов, включая медиаторов. Главная задача такого взаимодействия — достижение взаимоприемлемого соглашения между сторонами спора.

В настоящее время в США практика примирения трансформировалась в самостоятельную индустрию, породившую множество структур (в том числе частных), предлагающих услуги по урегулированию правовых конфликтов [12, с. 186]. Например, Американская арбитражная ассоциация, являющаяся

ведущей мировой некоммерческой организацией, специализирующейся на альтернативном разрешении споров, включая коммерческие, трудовые, строительные и потребительские дела. Международный институт предотвращения и разрешения конфликтов (CPR Institute) является ведущей независимой некоммерческой организацией для продвижения АРС. CPR Institute разрабатывает инновационные процедуры, правила и инструменты, ориентированные на снижение затрат при разрешении сложных коммерческих конфликтов (например, им было разработано Руководство по предотвращению и разрешению конфликтов по медиации и АРС в Европе) [13]. JAMS (Служба судебного арбитража и посредничества) является крупнейшей частной организацией по АРС не только в США, но и во всем мире. Кроме того, местные адвокатские объединения, отдельные юристы и бывшие судьи активно предлагают посреднические услуги на всех уровнях юридического рынка. Объявления о посредниках повсеместно встречаются в телефонных справочниках и юридических изданиях, а некоторые юридические фирмы активно подчеркивают свой опыт в представлении интересов клиентов в процессе примирения. Представляется, что подобная практика могла бы способствовать популяризации примирительных процедур в Республике Беларусь.

Отмечается, что правовая система США характеризуется тотальной монополизацией юридической деятельности со стороны ассоциаций юристов [14]. Тем не менее в рамках данной системы активно функционируют и развиваются механизмы альтернативного разрешения споров. Подтверждением тому служит наличие специализированных секций по примирению сторон спорного правоотношения в большинстве адвокатских ассоциаций штатов, а также значительная роль Секции разрешения споров Американской ассоциации юристов. Более того, курсы по альтернативным формам примирения интегрированы в учебные программы юридических факультетов, а отдельные образовательные учреждения предлагают программы сертификации по АРС.

Итак, положительный опыт способствовал тому, что из Америки популярные примирительные процедуры быстро проникли в другие страны англосаксонского права и в конце XX в. начали стремительно распространяться по всей Европе, сместив акцент с государственного суда на альтернативное урегулирование споров. Американская практика демонстрирует, что использование посредничества в примирении позволяет не только оперативно и результативно улаживать конфликты, но и значительно улучшить работу судебной системы, в частности сократить нагрузку на суды, упростить судебные процессы и ускорить рассмотрение дел. В контексте дальнейшего развития цивилистического процесса в Республике Беларусь видится возможность по примеру США внедрять в юридическое образование специализированные курсы и

программы по АРС, а также повышать информированность граждан о возможности примирения при содействии адвокатов и иных примирительных процедурах. Представляется, что данные меры будут способствовать повышению качества и распространенности посреднических примирительных процедур.

---

1. Кодекс гражданского судопроизводства Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 11 марта 2024 г. № 359-З : принят Палатой представителей 31 янв. 2024 г. : одобр. Советом Респ. 19 февр. 2024 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 30 дек. 2025 г. № 126-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». Вернуться к статье

2. Марьенков И. Д. Роско Паунд: через социологию к критике формального подхода в судебной аргументации // Молодой ученый. 2022. № 24 (419). С. 243–245. Вернуться к статье

3. Сандер Ф. О различных способах рассмотрения споров // Медиация и право. 2016. № 1 (39). С. 31–69. Вернуться к статье

4. Розе М. А. Внедрение публично-правовых механизмов альтернативного разрешения споров в контексте обеспечения доступности правосудия // Сибир. юрид. вестн. 2024. № 3 (106). С. 93–99. Вернуться к статье

5. Князев Д. В. Основные причины кризиса судопроизводства по гражданским делам в США второй половины XX – начала XXI в. // Lex russica. 2020. № 1. С. 132–143. Вернуться к статье

6. Miller R. The Adversary System: Dinosaur or Phoneix [Electronic resource] // The Open University : [website]. URL: https://core.ac.uk/download/pdf/217205541.pdf (date of access: 10.01.2026). Вернуться к статье

7. Кулапов Д. С. К вопросу об истории зарождения института медиации // Вестн. Сарат. гос. юрид. акад. 2013. № 5 (94). С. 160–165. Вернуться к статье

8. Брейтуэйт Дж. Восстановительное правосудие ради лучшего будущего [Электронный ресурс] // Неволя. 2005. № 4. С. 93–98. URL: http://index.org.ru/nevol/pdf/nevol-4-2005.pdf (date of access: 10.01.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье

9. Рулан Н. Юридическая антропология : учеб. для вузов. М. : Норма, 2000. 301 с. Вернуться к статье

10. Коломытцева В. В. Этапы становления медиации в современных странах // Вестн. Тамбов. ун-та. Сер. Гуманитар. науки. 2013. № 1. С. 268–272. Вернуться к статье

11. Forrest B. Introduction: participation agreements and the team approach [Electronic resource] // Manitoba Law Journal. Vol. 44, Iss. 2. P. 121–133. URL: https://journals.library.ualberta.ca/themanitobalawjournal/index.php/mlj/article/view/1265/1241 (date of access: 16.01.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье

12. Лошкарев А. В., Мараховский И. В. История развития института медиации в зарубежных страна (на примере США) // Междунар. журн. гуманитар. и естеств. наук. 2021. № 6 (57). С. 184–187. Вернуться к статье

13. Руководство по предотвращению и разрешению конфликтов по медиации и АРС в Европе [Электронный ресурс] / Нью-Йорк : Междунар. ин-т по предотвращению и разрешению конфликтов, 2015. URL: https://static.cpradr.org/docs/CPR-Russian-Mediation-and-ADR-Guide.pdf (дата обращения: 27.01.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье

14. Шварц О. В большинстве юрисдикций вопрос уже давно решен. О профессионализации судебного представительства на базе адвокатуры за рубежом [Электронный ресурс] // Федер. палата адвокатов Рос. Федерации : [сайт]. URL: https://fparf.ru/polemic/opinions/v-bolshinstve-yurisdiktsiy-vopros-uzhe-davno-reshen/ (дата обращения: 27.01.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье

УДК 94(476):331.108

РЭЗАНАНСНЫЯ СПРАВЫ Ў САВЕЦКАЙ БЕЛАРУСІ ЯК ВЫНІК ПАСПЯХОВАЙ ДЗЕЙНАСЦІ ПРАВААХОЎНЫХ СТРУКТУР (1970–1980-Я ГГ.)

HIGH-PROFILE CASES IN SOVIET BELARUS AS A RESULT OF THE SUCCESSFUL WORK OF LAW ENFORCEMENT AGENCIES (1970S–1980S)

І. А. Пушкін
Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт харчовых і хімічных тэхналогій,
дацэнт кафедры сацыяльна-гуманітарных дысцыплін і фізічнай культуры,
кандыдат гістарычных навук, дацэнт

Анатацыя. *У артыкуле асветлены вынікі паспяховай дзейнасці праваахоўных структур у расследаванні неправамерных дзеянняў кіраўнікоў некаторых прадпрыемстваў Савецкай Беларусі, якія мелі шырокі грамадскі рэзананс у 1970–1980-я гг.*

Ключавыя словы: *Савецкая Беларусь, БССР, праваахоўныя структуры, злачыннасць, неправамерная дзейнасць.*

Annotation. *The article highlights the results of successful activities of law enforcement agencies in investigating illegal actions of the heads of enterprises of Soviet Belarus that had a wide public resonance in the 1970–1980s.*

Keywords: *Soviet Belarus, BSSR, law enforcement agencies, crime, illegal activities.*

Вытокі прававой культуры сучаснага беларускага грамадства непарыўна звязаны з перыядам існавання СССР і БССР. У апошнія два дзесяцігоддзі савецкай мадэрнізацыі (1970–1980-я гг.) былі выяўлены факты арганізаванай і карумпаванай злачыннасці, якія атрымалі шырокі грамадскі рэзананс. Варта ўзгадаць найбольш гучныя справы: шматлікія факты хабарніцтва сярод работнікаў кіравання Краснадарскага краю (1982 г.), у гандлёвай арганізацыі «Гастраном» Галоўнага ўпраўлення гандлю Маскоўскага гарвыканкама (1983 г.), у Дзяржаўным камітэце СССР па эканамічных сувязях і Міністэрстве знешняга гандлю СССР пры заключэнні здзелак з замежнымі фірмамі (1986 г.); злоўжыванні і парушэнні законнасці ў органах унутраных спраў Іркуцкай вобласці (1986 г.) і інш. [1, арк. 1; 2, арк. 1; 3, арк. 1; 4, арк. 1–4].

У Савецкай Беларусі ў 1970-я гг. можна ўзгадаць так званыя мінскую і аршанскую справы, у якія былі ўцягнуты як гаспадарнікі, так і партыйныя, савецкія работнікі, а таксама некаторыя супрацоўнікі праваахоўнай сістэмы [5, с. 71; 6, с. 225]. Шырокавядомымі сталі факты злоўжыванняў уладаю і неправамерных дзеянняў кіруючымі работнікамі шэрагу прадпрыемстваў Гродзенскай вобласці [7, арк. 44, 55; 8, арк. 280]; нафтаздабываючага ўпраўлення «Рэчыцанафта» аб’яднання «Беларуснафта», у якім, на думку пракуратуры

БССР, прыпіскі да дзяржаўнага плана здабычы нафты былі арганізаваны начальнікам аб'яднання «Беларуснафта», а выканаўцамі сталі начальнік і галоўны інжынер «Рэчыцанафта» [9, арк. 18–20]. У Магілёўскай вобласці крадзяжамі дзяржаўных сродкаў з выкарыстаннем службовага становішча займаліся ў вытворчым аб'яднанні «Бабруйсксельмаш», дзе ініцыятарамі былі намеснік генеральнага дырэктара аб'яднання, начальнікі планавага і вытворчага аддзелаў, выконваючы абавязкі галоўнага бухгалтара [10, арк. 44]. Доўгі час у будаўнічым упраўленні № 58 трэста «Лаўсанбуд» (Магілёў) дзейнічала група раскрадальнікаў, якая займалася крадзяжом будаўнічых матэрыялаў. Адным з актыўных яе ўдзельнікаў з'яўляўся начальнік гэтага ўпраўлення [11, арк. 183, 200].

Безумоўна, парушальнікаў закона прыцягнулі да адказнасці. Але ў праваахоўных органаў савецкага часу былі пэўныя складанасці пры правядзенні следчых мерапрыемстваў, асабліва ў дачыненні да прадстаўнікоў партыйна-савецкай і гаспадарчай наменклатуры. Каб вонкава захоўваць перавагі сацыялістычнага ладу, партыйна-савецкае кіраўніцтва стварала перашкоды ў дзейнасці праваахоўных структур пры расследаванні неправамерных дзеянняў пэўных гаспадарчых кіраўнікоў, замоўчвала факты парушэнняў і абмяжоўвалася часцей партыйнымі спагнаннямі [6, с. 224–234; 12, с. 519–524; 13, с. 328–345]. Толькі прынцыповасць і прафесіяналізм работнікаў праваахоўных структур дазвалялі рэалізоўваць прынцыпы «справядлівасці і роўнасці перад законам» у грамадстве. У якасці прыкладаў разгледзім некалькі рэзанансных спраў на Магілёўшчыне, характэрных для 1970–1980-х гг.

На пасяджэнні бюро Магілёўскага абласнога камітэта КПБ 9 сакавіка 1972 г. разглядалася пытанне «Аб выніках праверкі камітэтам партыйнага кантролю пры ЦК КПСС лістоў аб фактах крадзяжоў сацыялістычнай уласнасці ў г. Бабруйску» [14, арк. 41–46]. На пасяджэнні бюро прагучала: «На протяжении ряда лет уровень хищений в г. Бобруйске стабилен, наблюдается тенденция к увеличению групповых хищений в крупных размерах…» [14, арк. 44]. Пад уплывам указанняў «зверху» мясцовае партыйнае кіраўніцтва прыняла рашэнне: кіраўнікоў, дзе былі выяўлены крадзяжы, зняць з пасад. Але адзін з іх адразу быў прызначаны дырэктарам таксаматорнага парка, другі — намеснікам дырэктара тэатра драмы і камедыі ў Бабруйску і г. д., прычым па іх віне былі дапушчаны крадзяжы. Цалкам верагодна, што менавіта таму з году ў год пастаянна расла колькасць злачынстваў у Бабруйску. Асабліва ўскладнілася сітуацыя ў 1979 г. Мясцовыя ўлады нават звярнуліся ў вышэйстаячыя органы з просьбамі аб стварэнні ў Бабруйску замест аднаго двух аддзяленняў міліцыі, структурна падначаленых гарадскому аддзелу ўнутраных спраў, і аб павелічэнні штатнай колькасці міліцыі [15, арк. 9].

У крадзяжах дзяржаўнай маёмасці актыўна ўдзельнічалі работнікі адміністрацыйна-кіраўнічага апарату вытворчага аб'яднання «Бабруйскшына». У 1981–1983 гг. за здзяйсненне крадзяжу прадукцыі і іншых матэрыяльных каштоўнасцей на аб'яднанні да крымінальнай адказнасці прыцягнулі 15 кіруючых работнікаў і службовых асоб аб'яднання [16, арк. 4]. Генеральнаму дырэктару (працаваў на пасадзе са жніўня 1978 па люты 1982 г., член КПСС з 1971 г.) бюро Бабруйскага гаркама КПБ абвясціла строгую вымову «за непринятие надлежащих мер по обеспечению сохранности социалистической собственности, злоупотребление служебным положением в корыстных целях» і прапанавала вызваліць яго з пасады [17, арк. 74]. Пасля звальнення яго прызначылі намеснікам дырэктара па капітальнаму будаўніцтву Бабруйскага гарбарнага камбіната. З падобным не пагадзіліся праваахоўнікі, у прыватнасці пракуратура.

Пракуратура БССР абвінавачвала былога генеральнага дырэктара ў прысваенні камплектаў футбольнай формы, падараваных фірмай «Круп» (ФРГ) футбольнай камандзе «Шыннік», крадзяжы сумесна з іншымі асобамі спірту, прысваенні паліраваных шчытоў, абліцовачнай пліткі, атрыманне ад падначаленых асоб (незаконна прэміраваных) грашовых сродкаў і інш. Вінаватасць у здзяйсненні названых злачынстваў пацвярджалася актамі дакументальных рэвізій, бухгалтарскімі і іншымі дакументамі, рэчавымі доказамі, паказаннямі сведак [6, с. 232; 18, арк. 80]. Быў выяўлены склад злачынства, прадугледжаны п. 4.3 арт. 91 Крымінальнага кодэкса БССР, — крадзёж дзяржаўнай і грамадскай маёмасці ў буйных памерах.

Каб пазбегнуць адказнасці, былы генеральны дырэктар паспрабаваў выкарыстаць свае сваяцкія і сяброўскія сувязі. Праз свайго брата — лаўрэата дзяржаўнай прэміі з Масквы — звярнуўся з лістом у Магілёўскі абкам КПБ, каб партыйныя ўлады ўмяшаліся ў расследаванне пракуратуры. Даслаў лісты ў ЦК КПСС К. Чарненку, А. Аксёнаву, Ц. Кісялёву. Свае дзеянні тлумачыў прамернам даверам да падначаленых, на якіх ніякага націску не аказваў, паказваў свае ранейшыя працоўныя заслугі і дасягненні, прасіў быць аб'ектыўнымі і не ганьбіць яго імя [19, арк. 85–91]. Але гэта не дапамагло, 16 красавіка 1982 г. Бабруйскі гарвыканкам, разгледзеўшы на сваім пасяджэнні прадстаўленне пракуратуры БССР, даў згоду (дэпутат гарадскога савета) на прыцягненне яго да крымінальнай адказнасці [20, арк. 77].

Па выніках аператыўна-вышуковай дзейнасці праваахоўных структур стала рэзананснай у 1989 г. справа аб грубых парушэннях дзяржаўнай і фінансавай дысцыпліны ў аграгандлёвай фірме «Дняпро» (Магілёў) пры ажыццяўленні гандлёва-абменных аперацый, растранжыраванні плодаагародніннай прадукцыі і яе стратах, залішняй выплаце кіруючым работнікам,

служачым і спецыялістам грашовага ўзнагароджвання [21, арк. 68]. Магілёўскі абласны выканаўчы камітэт паведаміў, што 7 ліпеня 1989 г. на сесіі абласнога Савета дэпутатаў было прынята рашэнне за невыкананне планаў паставак гародніны і парушэнні фінансавай дысцыпліны генеральным дырэктарам аграгандлёвай фірмы «Дняпро» вызваліць яго з пасады ва ўстаноўленым парадку (генеральны дырэктар быў дэпутатам сельскага і раённага саветаў). Магілёўскі райвыканкам 16 жніўня 1989 г. даў згоду на вызваленне дэпутата раённага савета ад абавязкаў генеральнага дырэктара. На сходзе прадстаўнікоў працоўнага калектыву аграгандлёвай фірмы «Дняпро» 18 жніўня 1989 г. было вырашана правесці выбары генеральнага дырэктара на альтэрнатыўнай аснове. У выніку 20 верасня 1989 г. адбылася канферэнцыя працоўнага калектыву і генеральным дырэктарам выбралі звольненага [22, арк. 60]. Падобны факт сведчыць аб няздольнасці партыйна-савецкага кіраўніцтва ў апошнія гады існавання СССР забяспечваць прынцыпы законнасці і сацыялістычнай справядлівасці.

У сувязі з пагаршэннем сітуацыі ў другой палове 1980-х гг. (хуткі рост злачыннасці, у тым ліку арганізаванай, распаўсюджванне п’янства, наркаманіі, дармаедства, правапарушэнняў сярод непаўналетніх) Вярхоўны Савет СССР 4 жніўня 1989 г. прыняў пастанову «Аб рашучым узмацненні барацьбы са злачыннасцю». Быў створаны Часовы камітэт па барацьбе са злачыннасцю ў СССР [23, арк. 562]. Адпаведна для каардынацыі дзеянняў праваахоўных і дзяржаўных органаў, грамадскіх арганізацый у барацьбе са злачыннасцю Часовыя камітэты па барацьбе са злачыннасцю ствараліся ў абласцях і гарадах БССР [24, арк. 565]. Але, як і раней, асноўны цяжар барацьбы са злачыннасцю ўскладаўся на праваахоўныя структуры.

Такім чынам, падчас савецкай мадэрнізацыі важная роля адводзілася праваахоўным і адміністрацыйным органам, якія, абапіраючыся на грамадскія арганізацыі, павінны былі рэалізоўваць сваю дзейнасць праз прававое выхаванне працаўнікоў, умацаванне сацыялістычнай законнасці і правапарадку, спыненне злачынных праяў, узмацненне папераджальна-прафілактычнай працы ва ўсіх яе формах. Але гэта ў поўным аб’ёме не атрымалася. Становішча са злачыннасцю напрыканцы 1980 – у пачатку 1990-х гг. не паляпшалася. Рэальныя захады па паспяховай барацьбе са злачыннасцю, у тым ліку арганізаванай, і карупцыяй пачаліся ў Беларусі толькі на пачатку станаўлення і развіцця прэзідэнцкай формы кіравання.

1. Записка КПК при ЦК КПСС от 16.03.1982 г. // Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 89. Оп. 11. Д. 134. Л. 1. Вярнуцца да артыкула

2. Выписка из протокола № 131/10с от 23.11.1983 г. заседания Секретариата ЦК КПСС // РГАНИ. Ф. 89. Оп. 11. Д. 135. Л. 1. Вярнуцца да артыкула

3. Записка от 02.01.1986 г. министра внутренних дел СССР // РГАНИ. Ф. 89. Оп. 11. Д. 136. Л. 1. Вярнуцца да артыкула

4. Записка председателя КГБ СССР в ЦК КПСС (1986 г.) в связи з массовыми фактами взяточничества // РГАНИ. Ф. 89. Оп. 11. Д. 85. Л. 1–4. Вярнуцца да артыкула

5. Барвінок К. І., Саракавік І. А. Кадравая палітыка ў сістэме МУС Беларусі ў 60–80-х гадах XX ст. // Весці НАНБ. Сер. гуманітар. навук. 2005. № 4. С. 69–75. Вярнуцца да артыкула

6. Пушкін І. А., Агееў А. Р. Кадравы патэнцыял прамысловасці ўсходніх рэгіёнаў БССР (1944–1991) : манагр. Магілёў : БДУТ, 2022. 302 с. Вярнуцца да артыкула

7. Протокол XVI Гродненской областной партийной конференции 18–19.12.1975 г. // Государственный архив общественных объединений Гродненской области. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1098. Л. 44, 55. Вярнуцца да артыкула

8. Справка для доклада о фактах нарушения закона при рассмотрении заявлений и жалоб граждан от 12.06.1975 г. // Государственный архив Гродненской области. Ф. 1171. Оп. 5. Д. 160. Л. 280. Вярнуцца да артыкула

9. Письмо Прокуратуры БССР в Гомельский ОК КПБ от 30.08.1974 г. // Государственный архив общественных объединений Гомельской области. Ф. 144. Оп. 142. Д. 36. Л. 18–20. Вярнуцца да артыкула

10. Отчетный доклад Могилевского обкома КПБ XIX областной партийной конференции (23–24.12.1975 г.) // Государственный архив общественных объединений Могилевской области (ГАООМог). Ф. 9. Оп. 155. Д. 1. Л. 44. Вярнуцца да артыкула

11. Протокол заседания пленума Могилевского обкома КПБ от 04.07.1972 г. // ГАООМог. Ф. 9. Оп. 149. Д. 3. Л. 183, 200. Вярнуцца да артыкула

12. Пушкін І. А. Неправамерныя дзеянні пасадавых асоб Савецкай Беларусі ў 1970–1980-я гг. // Правовая культура в современном обществе : сб. науч. ст. / М-во внутр. дел Респ. Беларусь, учреждение образования «Могилевский институт Министерства внутренних дел Республики Беларусь» ; редкол.: И. А. Демидова (отв. ред.) [и др.]. Могилев : Могилев. ин-т МВД, 2022. С. 519–524. Вярнуцца да артыкула

13. Пушкин И. А. Неправомерные действия и злоупотребления служебным положением в советский период модернизации Беларуси, 1970–1991 гг. // Советский опыт: взгляд из XXI века (к 100-летию образования Союза Советских Социалистических Республик) : сб. ст. / редкол.: А. А. Коваленя [и др.]. М. : Фонд «Историческая память», 2023. С. 328–345. Вярнуцца да артыкула

14. Протокол № 28 заседания бюро Могилевского ОК КПБ от 09.03.1972 г. // ГАООМог. Ф. 9. Оп. 149. Д. 12. Л. 41–46. Вярнуцца да артыкула

15. Письмо Могилевского ОК КПБ от 03.01.1980 г. Министру МВД СССР «О создании при Бобруйском городском отделе внутренних дел двух отделений милиции» // ГАООМог. Ф. 9. Оп. 165. Д. 71. Л. 9. Вярнуцца да артыкула

16. Решение КПК при ЦК КПСС от 20.04.1984 «О серьезных недостатках в хозяйственной деятельности ПО “Бобруйскшина”» // ГАООМог. Ф. 9. Оп. 178. Д. 65. Л. 4. Вярнуцца да артыкула

17. Справка от 18.08.1982 г. партийной комиссии при Могилевском обкоме КПБ // ГАООМог. Ф. 9. Оп. 170. Д. 80а. Л. 74. Вярнуцца да артыкула

18. Информация прокурора БССР в исполком Бобруйского городского совета народных депутатов // ГАООМог. Ф. 9. Оп. 170. Д. 80а. Л. 80. Вярнуцца да артыкула

19. Копия письма в прокуратуру БССР // ГАООМог. Ф. 9. Оп. 170. Д. 80а. Л. 85–91. Вярнуцца да артыкула

20. Решение № 36-16 от 16.04.1982 Бобруйского горисполкома // ГАООМог. Ф. 9. Оп. 170. Д. 80а. Л. 77. Вярнуцца да артыкула

21. Постановление КНК БССР от 20.09.1989 г. о фактах нарушения государственной дисциплины в агроторговой фирме «Днепр» // Государственный архив Могилевской области (ГАМог). Ф. 7. Оп. 5. Д. 3862. Л. 68. Вярнуцца да артыкула

22. Информация исполкома Могилевского областного совета от 15.11.1989 г. // ГАМог. Ф. 7. Оп. 5. Д. 3862. Л. 60. Вярнуцца да артыкула

23. Письмо Президиума ВС СССР от 18.08.1989 г. // ГАМог. Ф. 7. Оп. 5. Д. 3861. Л. 562. Вярнуцца да артыкула

24. Письмо Могилевского облисполкома от 31.08.1989 г. в Президиум ВС СССР // ГАМог. Ф. 7. Оп. 5. Д. 3861. Л. 565. Вярнуцца да артыкула

УДК 340.1

РУССКОЕ ЮРИДИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В ЕВРОПЕ (1918–1939)

RUSSIAN LEGAL EDUCATION IN EUROPE (1918–1939)

Г. С. Стародубцев
Российский государственный университет правосудия
имени В. М. Лебедева,
профессор кафедры международного права,
доктор юридических наук, профессор

Аннотация. *В статье освещается образовательная, учебно-методическая и научная деятельность центров русского юридического образования в Европе. Констатируется уникальность этих центров в истории высшего образования. Блестящая плеяда маститых ученых, длинная череда научных трудов, сотни выпускников — доказательство этого.*

Ключевые слова: *русское зарубежье, ююридическое образование, эмиграция первой волны, Русский юридический факультет, ученые-эмигранты, интеллектуальное наследие, Берлин, Париж, правовая наука.*

Annotation. *The article highlights the educational, methodological and scientific activities of the centers of Russian legal education in Europe. The uniqueness of these centers in the history of higher education is stated. A brilliant galaxy of venerable scientists, a long series of scientific works, hundreds of graduates are proof of this.*

Keywords: *Russia abroad, legal education, first-wave emigration, Russian Law Faculty, émigré scholars, intellectual heritage, Berlin, Paris, legal scholarship.*

Представители российской интеллектуальной традиции, оказавшиеся за рубежом по разнообразным обстоятельствам, внесли весомый вклад в формирование международного имиджа страны. Особый исследовательский интерес вызывает вопрос распространения и развития русского юридического образования в европейском пространстве [1, с. 12–15]. Анализируя данный феномен через призму пространственных характеристик, политико-географических факторов и внутренней системы координат, свойственной правовым явлениям, можно определить роль и место русского юридического образования в Европе в контексте общероссийского правового наследия [2, с. 57].

Исследование устанавливает взаимосвязь между ключевыми тенденциями развития юридического образования в Европе в 1920-е гг. в среде русского зарубежья и актуальными задачами современной отечественной юридической школы. Особое внимание уделяется анализу международного опыта педагогической работы российских правоведов-эмигрантов. Кроме того, работа способствует восстановлению исторической справедливости, возвращая в научный

оборот имена выдающихся деятелей российского юридического образования, оказавшихся в эмиграции и незаслуженно забытых.

В рамках советской правовой науки изучение проблематики русского юридического образования в Европе на протяжении десятилетий находилось под негласным запретом. Вследствие этого в советский период не появилось ни одного научного труда, посвященного юридическому образованию российской эмиграции. Первопроходцем в исследовании данной темы в рамках зарубежной русской юридической науки выступил И. А. Исаев [3, с. 166–173].

К 1922 г. процесс формирования Зарубежной России в основном завершился. В этот период российские эмигранты создали ряд центров русского зарубежного юридического образования. В Азиатском регионе ключевым центром стал Харбин, сохранявший ярко выраженную русскую культурную и социальную идентичность и фактически остававшийся русским городом. В Европе аналогичные образовательные центры сложились в Берлине, Софии, Праге, Париже, а на начальном этапе — в Константинополе.

В течение первых послереволюционных лет российские эмигранты активно создавали научные организации за рубежом. Уже к 1922 г. действовали академические группы в Харбине, Константинополе, Болгарии, Германии, Париже, Чехословакии, Англии, Италии, Эстонии и Югославии; позднее сформировалась и североамериканская группа. Координацию этой сети взял на себя Союз русских академических организаций за границей, призванный сохранить традиции российского образования в эмиграции.

Первым пристанищем российской правовой интеллигенции в Европе стал Константинополь. В марте 1921 г. эмигранты создали там Русскую академическую группу. Ее члены организовали систематические лекции по гуманитарным наукам.

В годы эмиграции на территории Болгарии разрабатывались проекты по созданию Русской высшей школы: предполагалось, что она получит все права высшего учебного заведения и будет обслуживать потребности российской диаспоры [4, с. 303].

Берлин в 1920–1924 гг. стал интеллектуальным центром русского зарубежья. Важным этапом стало учредительное собрание русских учёных 3 июня 1920 г., организованное по инициативе Академической группы в Белграде. В нем активно участвовал профессор международного права А. С. Ященко. Собрание положило начало Русской академической группе в Берлине. Поначалу ее деятельность ограничивалась лекциями для русских студентов в Париже, но уже в 1921 г. группа расширила формат: состоялись лекции Б. Э. Нольде, Г. Д. Гурвича и М. Я. Лазерсона на актуальные темы права и политики [5, с. 40, 42, 43].

Париж на протяжении всего межвоенного периода сохранял статус одного из ключевых центров русского юридического образования в Европе. Представители российской научной школы активно занимались преподавательской деятельностью: они вели курсы по юридическим дисциплинам как в учебных заведениях русской эмиграции, так и во французских высших учебных заведениях, способствуя интеграции российского правового наследия в европейское академическое пространство.

Однако настоящей «столицей» русского зарубежного юридического образования в Европе в 1920-е гг. стала Прага [6, с. 483–491]. В Париже эмигрантским сообществом был учрежден Русский юридический факультет, на котором обучение выходцев из России велось на русском языке по образовательным программам, унаследованным от российских дореволюционных университетов. Преподаватели факультета активно вели курсы по различным юридическим дисциплинам. Стремление обеспечить высокий уровень учебного процесса стимулировало научно-педагогическую деятельность: были разработаны многочисленные учебники, учебно-методические пособия к лекциям, монографии и научные статьи, которые заложили основу академической базы факультета.

К 1922 г. русская эмиграция в Европе создала устойчивую сеть центров юридического образования. Активное преподавание права, выпуск научных трудов, оживленные дискуссии на форумах эмигрантской интеллигенции, а также заметное участие российских юристов в работе Лиги Наций и международных организаций наглядно показали: удалось не только институционально оформить юридическое образование за рубежом, но и сохранить связь с дореволюционной научной традицией.

Анализ центров русского юридического образования в Европе позволяет сделать ряд существенных выводов: в 1920–1930-е гг. российские ученые-юристы успешно создали в Европе систему юридического образования для российской эмиграции, сумев воспроизвести за рубежом академические традиции дореволюционной России. Созданные образовательные центры по богатству идей, глубине научного анализа и фундаментальности преподавания не уступали лучшим учебным заведениям дооктябрьского периода — преподаватели тщательно сохраняли высокие стандарты образования и поддерживали уровень, сопоставимый с признанными отечественными юридическими школами, что подтверждалось содержанием учебных программ, методиками преподавания и научной продуктивностью профессорско-преподавательского состава.

Ведущей идеей, определявшей учебно-педагогическую работу русских ученых-эмигрантов, выступала защита национальных интересов России — это определяло выбор тематики исследований, содержание учебных курсов и общую направленность научной работы. Деятельность российских юристов

в эмиграции развивалась в двух взаимосвязанных направлениях, определивших ее особую историческую роль. Прежде всего, специалисты, получившие приют в зарубежных странах, стремились выразить благодарность принимающим обществам не на словах, а через профессиональную практику. Они не ограничивались формальным соблюдением местных законов, а глубоко погружались в национальные правовые традиции, осознанно адаптируя свои подходы к особенностям зарубежных систем. Это проявлялось в активном участии в работе профессиональных юридических ассоциаций; разработке практических рекомендаций с учетом специфики местного законодательства; проведении совместных исследований с зарубежными коллегами и создании образовательных программ, органично интегрированных в национальные правовые системы. Благодаря такому подходу российские правоведы не только встраивались в новую среду, но и обогащали ее, способствуя развитию правовой культуры, формированию гибких механизмов взаимодействия между различными правовыми традициями и стимулируя системный обмен опытом на институциональном уровне.

В то же время географическая и институциональная оторванность от исторической родины создавала серьезные препятствия для долгосрочного развития эмигрантских образовательных инициатив. Отсутствие устойчивых связей с академическими центрами России, ограниченный доступ к научным ресурсам, постепенное сокращение числа активных участников и разрыв преемственности поколений неизбежно сказывались на устойчивости этих проектов. Даже высокий профессиональный уровень преподавателей и первоначальная динамика развития не могли компенсировать отсутствие единой научной среды. В результате уже в 1930-е гг. многие образовательные структуры русской эмиграции начали постепенно сворачиваться, теряя организационную и интеллектуальную опору.

Тем не менее интеллектуальное наследие эмигрантских юристов оказалось значительно шире рамок их непосредственной деятельности и вышло далеко за пределы локальных инициатив. Созданные ими научные труды, педагогические методики и практические наработки сыграли важную роль в развитии мировой юридической мысли. Эмигрантские юристы не только расширили понимание взаимодействия правовых систем, но и продемонстрировали возможности адаптации юридических концепций к разным культурным контекстам, став связующим звеном между российской традицией и мировым сообществом.

Сегодня критически важно не просто заимствовать, а продуманно адаптировать наработки — методологические подходы межкультурной коммуникации и проверенные педагогические практики. Такой подход создаст основу для развития отечественной юриспруденции: сохранит историческую

преемственность и поможет укрепить позиции российской правовой школы в условиях современных глобальных вызовов.

1. Сигалов К. Е. Взаимосвязь моральных и правовых ценностей // Гражданское общество в России и за рубежом. 2013. № 2. С. 12–15. Вернуться к статье

2. Малахов В. П., Суханов В. В. Правовое пространство : моногр. М. : Изд-во Моск. ун-та МВД России, 2024. Вернуться к статье

3. Исаев И. А. Русская юридическая наука за рубежом (20-е – начало 30-х годов) // Государство и право. 1994. № 7. С. 166–173. Вернуться к статье

4. Стародубцев Г. С. Русская международно-правовая мысль в Болгарии // Право, управление и медии през XXI век. Юбилеен сборник. Т. I. Благоевград : Югозападен университет «Неофит Лилски», 2012. С. 303–310. Вернуться к статье

5. Съезды Русских академических организаций за границей. Прага, 1923. С. 40, 42, 43. Вернуться к статье

6. Стародубцев Г. С. Русский юридический факультет в Праге (1922–1933 гг.) // Гармонизация подходов в исследованиях и обучении праву. Жидковские чтения : материалы Всерос. науч. конф., Москва, 27–28 марта 2015 г. / отв. ред. М. В. Немытина. М. : РУДН, 2015. С. 483–491. Вернуться к статье

УДК 340.1

К ВОПРОСУ О РОЛИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В РАЗВИТИИ ЮРИДИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ

ON THE QUESTION OF THE ROLE OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN THE DEVELOPMENT OF LEGAL KNOWLEDGE

О. В. Степанов
Учреждение образования Федерации профсоюзов Беларуси
«Международный университет «МИТСО»,
доцент кафедры международного права,
кандидат юридических наук, доцент

Аннотация. *В статье анализируются роль искусственного интеллекта в развитии юридического знания и его возможности в правоприменении.*
Ключевые слова: *искусственный интеллект, государственный сектор, цифровая юриспруденция, правоприменение.*

Annotation. *The article analyzes the role of artificial intelligence in the development of legal knowledge and law enforcement.*
Keywords: *artificial intelligence, public sector, digital jurisprudence, law enforcement.*

В современном мире тема цифровизации в теории права приобретает все большую значимость. Как указывают А. С. Горелый, А. Курлыпо, К. В. Романенко, О. В. Степанов, Д. Г. Цыганков и другие авторы, широкое применение цифровых технологий кардинально меняет современное общество и мир, происходит процесс их внедрения в самые различные его сферы деятельности: государственный сектор, транспортные беспилотные системы, предпринимательскую деятельность, промышленное производство, электронное судопроизводство, образование, здравоохранение, юридическую практику и т. д. [1; 2; 3; 4; 5; 6]. Следует констатировать, что цифровая эпоха приводит к необходимости осмысления со стороны ученых и практиков новых технических подходов в информационно-коммуникационной среде и потребности разработки ими научно обоснованных рекомендаций, которые обстоятельно затронут не только разные сферы общественной жизни белорусского государства, но и цифровую юриспруденцию, формируя современный тренд развития общетеоретического юридического знания в XXI в.

Говоря о цифровой юриспруденции, используем подход, предложенный Л. А. Андреевой в ее работе «К вопросу о “цифровой” юриспруденции». В соответствии с ним, под цифровой юриспруденцией понимается широкое внедрение в правотворчество и правоприменение компьютерной техники, специального программного обеспечения и математических методов [6, с. 32]. В этой связи, как указывают Н. В. Володина, М. А. Комарова, Т. А. Климова,

Э. С. Польская и иные исследователи, в настоящее время применяются такие механизмы цифровизации, как электронные правовые базы данных, системы электронного документооборота, электронные суды, искусственный интеллект (далее — ИИ) и машинное обучение, блокчейн, цифровые подписи, онлайн-консультации и юридическая помощь, правовые чат-боты, цифровые судебные архивы, виртуальная реальность (VR) и дополненная реальность (AR), умные контракты [7; 8; 9; 10].

Говоря о роли искусственного интеллекта в развитии современного юридического знания, рассмотрим некоторые аспекты влияния ИИ на правоприменение, перспективы развития этой области. При этом, апеллируя к технической терминологии «искусственный интеллект», приведем точку зрения Е. Н. Старикова и А. И. Тютюнника, согласно которой современные технологии ИИ включают в себя множество специализированных методов и алгоритмов, таких как машинное обучение, нейронные сети, компьютерное зрение, обработка естественного языка и иные технические приемы [11, с. 33]. Говоря иными словами, это технология, которая позволяет компьютерам имитировать человеческие способности: обучаться, рассуждать и принимать решения.

Совершенно очевидным представляется тот факт, что развитие ИИ и цифровых технологий существенным образом меняет способы создания, применения норм права, открывая возможности для более эффективного правосудия, оптимизации юридических процессов, обеспечивая быстрый и открытый доступ к правовой информации. Ведь влияние ИИ на государственное управление продолжает увеличиваться с учетом предоставления новых возможностей для субъектов применения права в правоотношениях. Для аргументации сказанного можно привести суждение А. В. Кузьминой, которая полагает, что в качестве таковых субъектов могут быть все признаваемые данной правовой системой субъекты права: как органы государства и должностные лица (представители власти), так и граждане, и общественные организации. Далее она конкретизирует мысль о том, что во всех случаях, когда анализируемые субъекты, руководствуясь общей нормой, представляющей им в конкретной ситуации определенные субъективные права и возлагающей на других субъектов соответствующие обязанности по отношению к ним, являются инициаторами осуществления своих субъективных прав, они применяют нормы права [12, с. 89]. Однако тут следует сделать оговорку, что при этом важно учитывать потенциальные риски, включая вопросы защиты личных данных и этические дилеммы, связанные с применением технологий. Эффективная интеграция возможностей ИИ в правоприменении предполагает комплексный подход и сотрудничество различных заинтересованных сторон. Ведь правоприменение выступает неотъемлемой частью всего механизма осуществления государственной власти.

В этом отношении применение права является, наряду с законотворчеством, важнейшим способом регулирования общественных отношений.

В этой связи ИИ занимает важное место в правоприменении, открывая множество возможностей для улучшения эффективности деятельности госорганов по рассмотрению и разрешению различных правовых вопросов. В свете сказанного ИИ стремительно входит в различные сферы человеческой деятельности, и юриспруденция не является исключением. Поэтому в последние годы XXI в. технологии его применения начали активно использоваться в правовой практике, и это открывает новые возможности для юристов, прокуроров, судей и других участников правовой системы.

Применение ИИ в юридической практике, по нашему мнению, может быть разделено на несколько ключевых направлений. Первое и наиболее распространенное — автоматизация рутинных задач. Например, программы, основанные на множестве технических специализированных методов и алгоритмов, могут использоваться для обработки правовой документации, поиска требуемой нормативной информации и систематизации иных сведений, имеющих отношение к конкретному правоотношению.

Другим важным направлением является аналитика больших данных. Субъекты юридических правоотношений могут использовать ИИ для анализа судебных решений, изложения алгоритма предоставления суду судебных доказательств и прогнозирования судебной перспективы исходов дел. При этом создание и анализ текстов контрактов, исков, жалоб и других документов требует значительных временных и человеческих ресурсов. Нейросети способны значительно ускорить эти процессы. Кроме того, можно выделить и такие направления использования ИИ в правоприменении, как улучшение качества подготовки правовых документов, управление информацией, анализ и прогнозирование.

Подводя итог, следует отметить, что, с одной стороны, цифровая эпоха обуславливает необходимость дальнейшего творческого развития современного общеюридического знания, формируя междисциплинарное направление на стыке права и IT-технологий, с другой стороны, использование возможностей ИИ в правоприменении — это необходимость, которая уже меняет облик правовой системы.

---

1. Горелый А. С. Цифровизация и искусственный интеллект в юриспруденции: проблемы и перспективы // Актуальные проблемы теории и практики уголовного права и процесса в современных условиях : сб. материалов V междунар. науч.-практ. конф. Донецк, 2025. С. 94–102. Вернуться к статье

2. Сычевич В. Что дает цифровая трансформация отраслей экономики в Беларуси — аналитический обзор [Электронный ресурс] // SB.BY. Беларусь Сегодня : [сайт]. URL: https://www.sb.by/articles/zaglyanut-v-tsifrovoe-zavtra.html (дата обращения: 02.02.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье

3. Романенко К. В. Актуальность вопроса стандартизации искусственного интеллекта для его применения в государственном секторе и критически важных отраслях экономики Республики Беларусь // Актуальные вопросы теории и практики применения административного, административно-деликтного и административно-процессуального законодательства в правоохранительной деятельности : сб. ст. / М-во внутр. дел Респ. Беларусь, учреждение образования «Могилевский институт Министерства внутренних дел Республики Беларусь» ; редкол.: К. Д. Сазон (пред.) [и др.]. Могилев : Могилев. ин-т МВД, 2025. 1 CD-ROM. С. 140–144. Вернуться к статье

4. Степанов О. В., Цыганков Д. Г. Правовая природа электронного судопроизводства // Вестн. Белорус. гос. экон. ун-та. 2018. № 4. С. 73–80. Вернуться к статье

5. Лю Сюаньцзя. Особенности развития цифровой экономики в странах БРИКС // Теоретические и практические аспекты цифровизации российской экономики : сб. тр. VII Междунар. науч.-практ. конф., г. Ярославль, 28–29 нояб. 2024 г. / под общ. ред. С. В. Шкиотова, В. А. Гордеева. Ярославль : Изд-во ЯГТУ, 2024. С. 351–358. Вернуться к статье

6. Андреева Л. А. К вопросу о «цифровой» юриспруденции // Актуальные проблемы юриспруденции : сб. ст. I Междунар. науч.-практ. конф. Новосибирск : СибАК, 2017. С. 32–41. URL: https://sibac.info/conf/jurisprudence/i/82430 (дата обращения: 21.11.2025). Перейти к источнику Вернуться к статье

7. Володина Н. В. Современная «интеллектуальная юриспруденция» при цифровизации правовой деятельности // Современное право. 2025. № 2. С. 20–25. Вернуться к статье

8. Комарова М. А. Цифровизация юриспруденции // Современные проблемы экономики и качества в аэрокосмической промышленности : тр. Междунар. науч.-практ. конф. Курск, 2024. С. 120–123. Вернуться к статье

9. Польская Э. С. Цифровизация как тренд развития современной юриспруденции // Наука и просвещение: актуальные вопросы, достижения и инновации : сб. ст. XI Междунар. науч.-практ. конф. Пенза, 2023. С. 102–104. Вернуться к статье

10. Климова Т. А. Тенденции развития адвокатуры в условиях цифровизации юриспруденции // Студенческий. 2024. № 22-6 (276). С. 48–50. Вернуться к статье

11. Стариков Е. Н., Тютюнник А. И. Сильный искусственный интеллект как интегратор отдельных технологий искусственного интеллекта в систему технологий // Тенденции развития науки и образования. 2024. № 112-7. С. 31–36. Вернуться к статье

12. Кузьмина А. В. Субъектность правоприменительной деятельности и ее современное понимание // Берегиня. Сова. 2010. № 5 (7). С. 88–94. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/subektnost-pravoprimenitelnoy-deyatelnosti-i-ee-sovremennoe-ponimanie (дата обращения: 01.02.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье

УДК 343.4

АНТИКОРРУПЦИОННАЯ КУЛЬТУРА ЗАКОНОТВОРЧЕСТВА НА ПРИМЕРЕ КОНСТИТУЦИИ РЕЧИ ПОСПОЛИТОЙ 1791 ГОДА

ANTI-CORRUPTION CULTURE OF LAWMAKING USING THE EXAMPLE OF THE CONSTITUTION OF THE POLISH-LITHUANIAN COMMONWEALTH OF 1791

Т. Г. Терещенко
Академия МВД Республики Беларусь,
докторант научно-педагогического факультета,
кандидат юридических наук, доцент

Аннотация. *В статье автор обращается к истории формирования правовых норм в контексте определения и научного осмысления криминологической антикоррупционной политики государства. В силу этого анализируется один из исторических памятников права нашего государства — Конституция Речи Посполитой 3 мая 1791 г. Автор посредством историко-компаративистского метода исследования выявляет генетические закономерности в эволюции норм права с позиции формирования сущностной основы политики противодействия коррупции в соответствующем акте государства.*

Ключевые слова: *антикоррупционная политика государства, коррупция, правовая культура, развитие права.*

Annotation. *In this article, the author examines the history of the formation of legal norms in the context of defining and scientifically understanding the state's criminological anti-corruption policy. Therefore, one of the historical legal monuments of our state — the Constitution of the Polish-Lithuanian Commonwealth May 3, 1791, is analyzed. Using a historical-comparatist research method, the author identifies genetic patterns in the evolution of legal norms from the perspective of the formation of the essential basis of anti-corruption policy in the relevant state act.*

Keywords: *anti-corruption policy of the state, corruption, legal culture, development of law.*

Вопрос научного осмысления исторической памяти и исследования преемственности права представляет особый интерес для белорусской нации. Обращение к нашему правовому наследию позволяет выявить и определить сущностные генетические особенности в формировании и трансформации правовой регламентации отдельных сфер жизнедеятельности, включая противодействие преступности. Немаловажным в этой связи видится и рассмотрение отдельных аспектов предупреждения коррупционных проявлений в государстве в различные исторические периоды. В рамках такого исследования представляет интерес принятие основополагающих актов нашим государством, одним из которых и является Конституция Речи Посполитой 3 мая 1791 г. (далее — Конституция 1791 г.) [1]. Учитывая сложный и противоречивый характер утверждения

данного акта, отметим стремление прогрессивных реформаторов своего времени к урегулированию общественных отношений в системе государственного устройства, в том числе с позиции превенции коррупционных рисков и угроз. Тем самым закладывалась сущностная основа для формирования соответствующей антикоррупционной политики государства в контексте закрепления норм-принципов, норм-превенций и норм-деклараций, что имеет немаловажное значение для современной криминологической политики предупреждения преступности в Республике Беларусь.

Так, историческая обусловленность государственных реформ после первого раздела Речи Посполитой в 1772 г. отразилась не только на развитии городов, упрощении получения шляхетства (например, для тех, кто отслужил в армии до определенных званий), но и на праве продажи собственности. Длительное время существовал подобный запрет. Кроме того, постепенно и представители мещанства включились в процесс наделения должностей в государственных учреждениях и судах, что ранее составляло исключительную прерогативу шляхетства [2, s. 203–204]. В конечном итоге консолидация патриотических сил поспособствовала поступательному продвижению и иных реформ с принятием Ustawa Rzadowa, или Конституции 1791 г.

Обращаясь к положениям указанного документа, можно увидеть закрепление отдельных положений, *имеющих превентивный антикоррупционный потенциал* для политики государства, которая выражалась в централизации власти, формировании соответствующих органов управления государства, определении их политико-правового статуса, с наличием системы контроля деятельности, тем самым ограничивая полномочия влиятельных феодалов-землевладельцев. Вместе с тем, согласно Конституции 1791 г., землевладельческая шляхта по-прежнему оставалась в приоритете в «…отношении получения должностей и оказания услуг отечеству, честь, славу и выгоду приносящих, но также в отношении равного пользования привилегиями и прерогативами, принадлежащими шляхетскому сословию» (p. 2) [3, с. 791–798]. При этом конституционно в акте определялись виды публичной власти в виде «законодательной власти в (руках) соединенных станов палаты послов и палаты сенаторов под председательством короля; высшей исполнительной власти в (руках) короля и стражи (министров) и власти судебной у юрисдикционных (органов) (p. 5) Тем самым закреплялся антикоррупционный принцип разделения властей.

Законодательные органы обязались рассматривать все проекты, включая уголовные законы, установление налогов, распределение расходов, отчеты органов исполнительной власти и т. п. Принятый в палате послов проект передавался на рассмотрение в палату сенаторов, включавшую в себя епископов, воевод, каштелянов и министров под председательством короля. Решение

принималось большинством голосов обеих палат, что препятствовало субъективному принятию решений.

Делегированные представители от сеймиков на вальный сейм представляли собой «средоточие всеобщего доверия… как представители всего народа». Тем самым закладывались конституционные принципы и гарантии законного и справедливого принятия решений, выборности должностных лиц с представительством института парламентаризма, основанные на антикоррупционных началах. В этой связи и отменялось право liberum veto, которым ранее злоупотребляли отдельные представители шляхты, подкупая делегатов для участия в сеймах и лоббирования принятия или непринятия отдельных решений [4].

Представителями исполнительной власти в государстве выступали стражи законов, в которую входил король и магистратуры с министрами (р. 7). Последние не имели право принимать законы и следили за неукоснительным исполнением утвержденных решений. Тем самым декларировался антикоррупционный принцип невмешательства в деятельность других органов. Также нормами Конституции 1791 г. отменялось право выборности короля; последний становился передаваемой по наследству в пределах одной династии должностью, обладая значительными правомочиями с некоторыми ограничениями по принятию решений [2, s. 223]. Так, король имел право назначать командующих войсками, при этом заручаясь волей народа с возможностью смены представителей военной службы; присваивал офицерские звания, назначал должностных лиц государства, включая епископов и сенаторов, а также министров как первых должностных лиц исполнительной власти (полиции, печати, войны, финансов, печати (канцлера) для иностранных дел).

Вместе с тем принятое решение короля подписывалось и одним из министров, тем самым ограничивая его личное усмотрение. Если же никто из министров не подписывал решение, то таковое переносилось на рассмотрение сейма, где могло быть утверждено только большинством членов. При этом нормами закона допускалось и смещение любого министра. Данное решение могло быть принято тайным голосованием обеих палат сейма — требовалось согласие большинства (⅔ членов). Это предполагало незамедлительное назначение нового министра королем.

В состав исполнительной власти включались четыре постоянно действующие комиссии (просвещения, полиции, армии, финансов), членов которых избирали представители сейма на определенный срок. Тем самым закладывались принципы выборности и темпоральности деятельности соответствующих должностных лиц. Последние, в свою очередь, были подконтрольны страже законов.

Судебную власть могли осуществлять только установленные и выбираемые для этой цели магистратуры (р. 8). Тем самым запрещалось вмешиваться законодательным и исполнительным органам в отправление правосудия. Антикоррупционная норма выборности судей на сеймиках обуславливала справедливое разрешение дела по существу, определяя доступность судебных органов первой инстанции в каждом воеводстве, земле и повете (уезде). Обжалование принятого судебного решения также предусматривалось путем подачи соответствующей апелляции в главные трибуналы, образованные в каждой провинции. В состав трибуналов включались выборные на сеймиках судьи, которые рассматривали и уголовные дела в отношении должностных лиц. В то же время норма закона определила и порядок функционирования верховного суда — сеймового суда, в компетенцию которого входило рассмотрение наиболее тяжких уголовных дел, включая разбирательства в отношении высших должностных лиц государства. Сеймовый суд избирался при открытии каждого сейма. Предполагалось, что представители от сейма в будущем составят новый уголовный кодекс. Вместе с тем реакционные силы в государстве и интервенция зарубежных государств воспрепятствовали полной реализации положений конституционного акта.

Таким образом, антикоррупционные начала криминологической политики государства, заложенные изначально в статутном законодательстве Великого княжества Литовского, регулировались впоследствии положениями Конституции 1791 г. Речи Посполитой. Это, в свою очередь, позволило развить правовые принципы-декларации в деятельности представительных, судебных и контролирующих органов государства, определяя властные полномочия соответствующих государственных должностных лиц с позиции законности, сменяемости, темпоральности и подконтрольности их деятельности. Современные коррупционные правонарушения в виде вмешательства в деятельность других органов власти и должностных лиц, субъективного усмотрения при принятии решений, создания неправомерного предпочтения иным субъектам превентивно ограничивались нормами конституционного акта. Это способствовало развитию культуры правореализации, что имеет немаловажное значение для современного правотворчества в контексте предупреждения коррупции.

---

1. Канстытуцыя Рэчы Паспалітай 3 мая 1791 г. («Ustawa Rzadowa») [Электронны рэсурс] // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. URL: https://pravo.by/pravovaya-informatsiya/pomniki-gistoryi-prava-belarusi/kanstytutsyynae-prava-belarusi/akty-rechy-paspalitay/kanstytutsyya-rechy-paspalitay-3-maya-1791-g-ustawa-rzadowa-/ (дата обращения: 01.02.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье

2. Volumina Legum : prawa, konstytucje y przywileie Krolewstwa Polskiego, Wielkiego xiestwa Litewskiego y wszystkich prowincyi nalezacych na walnych seymiech

koronnych od seymu wislickiego roku panskiego 1347 az do ostatniego seymu. T. 9. Krakow. 1889. 503 s. Вернуться к статье

3. Хрестоматия памятников феодального государства и права стран Европы / под ред. В. М. Корецкого. М. : ГИЗ Юрид. лит., 1961. 965 с. Вернуться к статье

4. Осипов М. Марзалюк — о том, почему конституционные шаги Речи Посполитой грозили уничтожить белорусов как нацию [Электронный ресурс] // SB.BY. Беларусь Сегодня : [сайт]. URL: https://www.sb.by/articles/tribunal-s-dekretom-radzivill-s-mushketom.html?ysclid=mj2nlnvn1s704551665 (дата обращения: 12.12.2025). Перейти к источнику Вернуться к статье

УДК 94(476)«1935»

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СОВЕТСКО-ПАРТИЙНЫХ ШКОЛ ПО ПЕРЕПОДГОТОВКЕ ПРЕДСЕДАТЕЛЕЙ СЕЛЬСКИХ СОВЕТОВ В 1935 ГОДУ (НА ПРИМЕРЕ МОГИЛЕВСКОЙ СОВЕТСКО-ПАРТИЙНОЙ ШКОЛЫ ИМЕНИ К. Е. ВОРОШИЛОВА)

THE ACTIVITIES OF SOVIET-PARTY SCHOOLS TO RETRAIN CHAIRMEN OF VILLAGE COUNCILS IN 1935 (ON THE EXAMPLE OF THE MOGILEV SOVIET-PARTY SCHOOL NAMED AFTER K. E. VOROSHILOV)

А. Н. Тютюнков
Могилевский институт МВД Республики Беларусь,
доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин,
кандидат исторических наук

Аннотация. *В статье рассматривается опыт организации курсов председателей сельских советов на базе советско-партийных школ (на примере Могилевской школы имени К. Е. Ворошилова). Обосновывается тезис о том, что данная форма обучения позволила в короткие сроки повысить уровень образования и правовой культуры значительного количества руководителей среднего звена.*

Ключевые слова: *Могилевская советско-партийная школа, сельский совет, коллективизация, обучение.*

Annotation. *This article examines the experience of organizing courses for village council chairmen at Soviet-Party schools (using the K.E. Voroshilov School in Mogilev as an example). It argues that this form of training has enabled a significant number of mid-level managers to quickly improve their educational level and legal awareness.*

Keywords: *Mogilev Soviet-Party School, village council, collectivization, training.*

Вопрос подготовки руководящих кадров в период проведения коллективизации и индустриализации в Советском Союзе являлся одним из важнейших. Подтверждением огромного значения кадровых вопросов в деле государственного строительства являлась речь И. В. Сталина перед выпускниками военных академий 4 мая 1935 г.: «…если мы хотим изжить с успехом голод в области людей и добиться того, чтобы наша страна имела достаточное количество кадров, способных двигать вперед технику и пустить ее в действие, мы должны прежде всего научиться ценить людей, ценить кадры, ценить каждого работника, способного принести пользу нашему общему делу. Надо, наконец, понять, что из всех ценных капиталов, имеющихся в мире, самым ценным и самым решающим капиталом являются люди, кадры. Надо понять, что при наших нынешних условиях “кадры решают все”. Будут у нас хорошие и многочисленные кадры в промышленности, в сельском хозяйстве, на транспорте, в армии, наша

страна будет непобедима» [1]. Данный тезис был принят как посыл к действию на всех уровнях системы образования, и в том числе, в советско-партийных школах (далее — СПШ), на которые были возложены задачи по обеспечению народного хозяйства квалифицированными специалистами по советскому строительству для последующего назначения их на руководящие должности [2]. О большой роли данного вида учебных заведений свидетельствует то, что в 1933 году в СССР на дневной форме обучения в 230 СПШ обучалось 40 000 человек. В настоящее время изучение опыта функционирования СПШ может быть полезно при организации переподготовки руководителей всех уровней и отраслей народного хозяйства.

Развитию и становлению системы учебных заведений такого типа и партийного образования посвятили свои труды ряд белорусских и российских ученых, такие как Д. А. Хомич [3], В. И. Яковчук [4], Т. С. Иларионова [5], М. Ю. Ширяева [2], В. А. Острога [6], Е. П. Мамышева [7]. Однако, как правило, ими рассматривалась деятельность такого вида учебных заведений в послевоенный период либо в контексте развития всей системы образования взрослых, в то время как многие аспекты деятельности СПШ в межвоенный период остаются малоизученными.

Во второй половине 1930-х гг. советскому государству требовались специалисты, способные не только руководить производством, но и обладающие высоким уровнем политической подготовки, максимально лояльные к действующей системе власти. Именно такие кадры должны были быть подготовлены в СПШ. Организацию данного процесса мы исследуем на примере двухмесячных курсов переподготовки председателей сельских советов на базе Могилевской советско-партийной школы имени К. Е. Ворошилова (далее — МСПШ) в период с 14 февраля по 31 марта 1935 года.

Требуется отметить, что указанные курсы были организованы по распоряжению организационного отдела Центрального исполнительного комитета БССР (далее — Орготдел) [8, л. 6], что свидетельствует о большом внимании руководства республики к повышению уровня подготовки руководящих кадров. Всего в рамках одних курсов планировалось обучение 150 человек из 69 районов [9, л. 139], однако прибыло только 127, из которых председателей сельсоветов было 109 (85,8 %), заместителей председателей и членов сельсоветов — 11 (8,6 %), иных — 7 (5,5 %). Доля мужчин среди прибывших составляла 77 % (99 человек), женщин — 23 % (28 человек). Прибывшие были разделены на 4 группы и приступили к обучению 14 февраля 1935 года [10, л. 151]. Интересно, что при формировании групп преподавательским составом МСПШ был отмечен достаточно высокий уровень понимания обучающимися вопросов внутренней и внешней политики Советского Союза, но как недостаток, было

отражено, что значительная часть курсантов владеет отрывочными сведениями об истории ВКПБ(б) до октябрьского периода и весьма слабые знания по математике и белорусскому языку [10, л. 151].

По национальному признаку набор февраля 1935 г. мы можем уверенно назвать белорусским, так как представители государствообразующей нации составляли 83,4 %. Обобщенные сведения о национальности и социальном происхождении курсантов представлены в таблице 1.

Таблица 1

Сведения о национальности и социальном происхождении курсантов МСПШ [10, л. 151]

Национальность	**Количество человек**	**% от общего количества**
Белорусы	106	83,4
Евреи	7	5,5
Русские	4	3,1
Поляки	4	3,1
Украинцы	4	3,1
Латыши	2	1,5
Социальное происхождение		
Колхозники	91	71,6
Рабочие	30	23,6
Батраки	3	2,3
Служащие	2	1,5
Кустари-ремесленники	1	0,7

Как мы видим, евреи, русские, поляки, латыши и украинцы представлены всего лишь 21 (16,6 %) обучающимися, а также, что вполне логично, в основном курсанты, в силу своего социального происхождения, имели опыт работы в сельском хозяйстве. Данные цифры свидетельствуют о том, что руководство республики старалось опираться на национальные кадры, которым не требовалось значительное количество времени для изучения особенностей ведения сельского хозяйства.

Примечательны данные по степени вовлеченности курсантов в общественно-политическую жизнь. Информация о партийной принадлежности курсантов представлена в таблице 2.

Таблица 2

Сведения о партийной принадлежности курсантов МСПШ [10, л. 151]

Партийная принадлежность	Количество человек	% от общего количества
Член ВКП(б)Б	58	45,66
Кандидат в члены ВКП(б)Б	33	25,98
Член ВЛКСМ	20	15,74
Беспартийный	16	12,59

Анализ партийной принадлежности показывает, что члены и кандидаты в члены партии составляли 71,64 % (91 человек), а вместе с комсомольцами — 87,38 % (111 человек). На наш взгляд, это свидетельствует о том, что в первую очередь целью данных курсов было повышение общеобразовательного уровня, в том числе и правовой культуры руководителей, обеспечивающих проведение в стране масштабных преобразований в сельском хозяйстве. Их политическая благонадежность в глазах власти уже была бесспорна.

Перед началом работы курсов коллективом МСПШ была проведена значительная подготовительная работа, в первую очередь по бытовому обеспечению обучающихся, для того чтобы они могли сосредоточиться на учебе. Так, все курсанты были обеспечены жильем, постельными принадлежностями, аудиториями, коммунальным обслуживанием, канцелярскими принадлежностями, учебными пособиями [10, л. 151]. Распорядок дня обучающихся был весьма насыщенным и выглядел следующим образом: 08:30–09:00 — чтение газет, 09:00–15:00 — занятия в аудиториях, 15:00–18:00 — обед и личное время, 18:00–20:00 — занятия в аудиториях, 20:00–24:00 — самостоятельная подготовка. Программа обучения по 15 предметам в объеме 400 часов была утверждена Орготделом. Основными предметами были белорусский язык, советское строительство, решения 17-го партийного съезда ВКПБ(б), агрономия, военное дело, математика, животноводство, решения съездов Советов и т. д. [11, л. 161–162]. Также курс обучения включал в себя прохождение практики перед итоговой аттестацией в виде участия в проведении посевной кампании 1935 г. по основному месту работы [10, л. 151].

Однако обучение не ограничивалось только учебными занятиями. В духе времени было организовано социалистическое соревнование между группами, изучено постановление пленума Ленинградского областного комитета партии «Об организационно-массовой и политико-воспитательной работе», проведены три лекции по чтению художественной литературы и ее роли в социалистическом воспитании масс, лектории в войсковой части, посещения театра и кино [10, л. 152].

Итоговая аттестация проходила в виде заключительной конференции под руководством председателя Центрального исполнительного комитета БССР

А. Г. Червякова, что в очередной раз свидетельствовало о том, какое огромное внимание руководством республики уделялось повышению уровня образования и правовой культуры руководителями среднего звена. По итогам обучения 124 человека (97,6 %) успешно усвоили содержание курса, из них 23 (18,1 %) обучающихся окончили с отличием, и всего лишь 3 человека (2,3 %) получили по итогам аттестации неудовлетворительные отметки [10, л. 152]. В то же время примечательно, что в силу занятости по основному месту работы на заключительную конференцию с участием главы правительства прибыло только 78 человек (61,4 %), что было отмечено как недостаток, который следовало устранить в будущем [10, л. 152].

Исходя из вышесказанного, можно утверждать, что, несмотря на ряд трудностей, связанных с дефицитом в БССР кадров с высоким уровнем образованности, опытом практической работы, достаточной политической подготовкой, организация и проведение курсов председателей сельских советов на базе МСПШ позволили в короткие сроки повысить уровень образования и правовой культуры значительного количества руководителей среднего звена. При этом основной акцент в работе с данной категорией руководителей делался на приобретении ими реальных знаний и навыков, что обеспечивало успешную реализацию ими масштабных преобразований, проводимых в сельском хозяйстве БССР в середине 1930-х гг.

---

1. Речь в Кремлевском дворце на выпуске академиков Красной Армии 4 мая 1935 года. И. В. Сталин [Электронный ресурс] // Марксистский международный архив : [сайт]. URL: https://www.marxists.org/russkij/stalin/t14/t14_16.htm (дата обращения: 06.02.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье

2. Ширяева М. Ю. К вопросу о становлении образования взрослых в Беларуси в советский период [Электронный ресурс] // Белорусский государственный медицинский университет : [сайт]. URL: https://www.bsmu.by/upload/iblock/be3/9t9jpf3p6pbkxvkah31xb97vfy6gcof0/20140506124619.pdf (дата обращения: 10.12.2025). Перейти к источнику Вернуться к статье

3. Хомич Д. А. Вклад Республиканской партийной школы в подготовку руководящих кадров БССР в 1946–1948 гг. // Пичетовские чтения — 2024. История: наука, образование, память : материалы междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 90-летию ист. фак. Белорус. гос. ун-та, Минск, 25 окт. 2024 г. / Белорус. гос. ун-т ; редкол.: А. Г. Кохановский (гл. ред.) [и др.]. Минск : БГУ, 2024. С. 400–403. Вернуться к статье

4. Яковчук В. И. Подготовка управленческих кадров в БССР в 1940–1970-е гг. // Вышэйшая школа. 2020. № 6. С. 47–51. Вернуться к статье

5. Иларионова Т. С. Высшая партийная школа при ЦК КПСС — кузница послевоенных партийных кадров (1946–1991 гг.) // Вестн. гос. и муницип. упр. 2024. № 1 (51). С. 81–101. Вернуться к статье

6. Острога В. А. Исследовательская и образовательная деятельность в сфере новой и новейшей истории зарубежных стран в Минской высшей партийной школе при ЦК КПБ (1941–1991 гг.) // Тр. БГТУ. 2008. № 5. С. 137–140. Вернуться к статье

7. Мамышева Е. П. Материально-бытовые условия жизни учащихся советской партийной школы в 1930-е гг. (на материалах Хакасской автономной области) // Ист. и соц.-образоват. мысль. 2014. № 6. Ч. 2. С. 121–123. Вернуться к статье

8. Даведка Пацёмкіна А. І. ад 14.02.1935 года // Государственный архив Могилевской области (ГАМгО). Ф. 6625. Оп. 1. Д. 92. Л. 6. Вернуться к статье

9. Развёрстка па раёнам БССР на 2-х месячныя курсы па перападрыхтоўцы старшынь сельсаветаў // ГАМгО. Ф. 6625. Оп. 1. Д. 92. Л. 139. Вернуться к статье

10. Справаздача па рабоце 2-х месячных курсаў па перападрыхтоўцы старшынь с/саветаў, правадзімых Оргаддзелам ЦВК пры Магілёўскай Совпартшколе // ГАМгО. Ф. 6625. Оп. 1. Д. 92. Л. 151–152. Вернуться к статье

11. Расклад заняткаў для курсантаў курсаў Ц.В.К. БССР на сакавік месяц 1935 года // ГАМгО. Ф. 6625. Оп. 1. Д. 92. Л. 161–162. Вернуться к статье

УДК 340.1

ГЛАВА ГОСУДАРСТВА КАК ГАРАНТ КОНСТИТУЦИИ В ПЯТОЙ РЕСПУБЛИКЕ ВО ФРАНЦИИ: ИДЕЙНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ

HEAD OF STATE AS GUARANTOR OF THE CONSTITUTION IN THE FIFTH FRENCH REPUBLIC: IDEOLOGICAL AND POLITICAL JUSTIFICATION

Д. В. Щербик
Белорусский государственный университет,
доцент кафедры теории и истории государства и права
юридического факультета,
кандидат юридических наук, доцент

Аннотация. *В публикации анализируется идейно-политическое обоснование роли главы государства как гаранта конституции и национального арбитра в Пятой республике во Франции. Отмечается роль генерала Ш. де Голля и М. Дебре в формировании новой модели гаранта конституции. Она соотносится с концепциями Б. Констана и К. Шмитта.*

Ключевые слова: *глава государства, гарант конституции, арбитральная власть, нейтральная власть, президент, Пятая республика.*

Annotation. *The publication analyzes the ideological and political justification of the role of the head of state as guarantor of the constitution and national arbiter in the Fifth Republic in France. It highlights the role of General de Gaulle and M. Debré in shaping a new model of the guarantor of the constitution. This model is correlated with the concepts of B. Constant and C. Schmitt.*

Keywords: *head of state, guarantor of the constitution, arbitral power, neutral power, president, Fifth Republic.*

Первая половина XX в. дискредитировала шмиттеанскую модель определения главы государства как гаранта конституции. Взгляды К. Шмитта, популярные в авторитарных пиренейских или латиноамериканских государствах, после падения данных режимов не могли восприниматься в послевоенных условиях консенсуса в осуждении фашизма и его сателлитов.

Дискредитация авторитаризма, однако, не разрешала проблему кризиса парламентской демократии. Ускоряющееся и чреватое кризисами развитие социальных и экономических процессов как в достигших пика индустриального развития странах Запада, так и в проходящих сложный процесс индустриальной модернизации иных странах, усложнение постколониальной геополитической ситуации довольно быстро снова поставили вопрос о гаранте конституции. Возрождение кельзеновских идей об участии всех органов, в том числе важной роли конституционного суда, в разрешении конституционных и государственных кризисов, как и идеи прошлого века о верховенстве и господстве

парламента, вступали в конфликт с реалиями политической жизни. Прежде всего это касалось стран с отсутствием укоренившихся традиций демократии (например, стран Латинской Америки либо новообразовавшихся государств после крушения колониализма), а равно государств, сталкивающихся с острыми политическими кризисами. Так, парламентская демократия Четвертой республики во Франции весьма быстро исчерпала себя, будучи не способной разрешить как внутриполитический, так и тесно с ним связанный колониальный кризис в Алжире.

Являвшийся символом Сопротивления и выступавший как лидер политически расколотой к 1958 г. Франции генерал Ш. де Голль и его соратник юрист-идеолог голлизма М. Дебре в решении проблемы эффективности государственной системы при сохранении свободы и демократии пытались найти путь между верховенством и «абсолютизмом» парламента в системе разделения властей и шмиттеанским отторжением парламентаризма. Практика Третьей и Четвертой республик, в которых парламент фактически (особенно в случае с Третьей республикой после поражения П. де Мак-Магона в 1877 г. и самоустранения института президента из активной политики) становился центральным органом власти, но при этом крайне подозрительно относился к формируемому им же правительству, дисциплинировал его отставками и угрозами отставки, не могла удовлетворить голлистов. По их мнению, она в совокупности с господством партий и их сиюминутных интересов привела французское государство к краху. С другой стороны, коллаборационистский режим Ф. Петена, покончивший со свободами и разделением властей, установивший шмиттеанское персоналистское правление, также по очевидным причинам был для них неприемлем.

В подобных условиях происходит возрождение идей главы государства как гаранта конституции и сохранения конституционного строя. Для обоснование данной идеи французские политики и юристы снова обратились к идеям Б. Констана и других англоманов XIX в. [1]. Не обращаясь прямо к не вполне удовлетворявшей их констановской модели «пассивного» главы государства, они позаимствовали его аргументацию «нейтральности» и арбитража, сочетав ее с вновь ставшими для них актуальными представлениями французских авторов XVIII–XIX вв. об английской монархии как модели обеспечения свободы в государстве, в которой правительство управляет страной и парламентом, будучи при этом подотчетным последнему [1, с. 360–362]. При этом ими активно использовалась и подобная шмиттеанской критика всевластия парламента и партий. Новое государство, по их мнению, должно было стать альтернативой «ложному парламентаризму, где собрания... поглощают правительство, администрацию, и правосудие» [1, с. 362].

Так, в своей знаменитой речи 16 июня 1946 г. в Байе Ш. де Голль отмечает необходимость соответствия политических институтов интересам страны и их опоре на доверие граждан, в шмиттеанском стиле критикует партийное соперничество и его разрушительный для страны характер, но при этом отмечает пагубность внешне привлекательных идей о диктатуре [2]. Выход он видит в уже ставших к тому времени привычными для французских политиков и юристов идеях Л. Дюги о сбалансированности и гармонии властей при сохранении принципа их разделения [3, с. 263–288]. В речи в Эпине в сентябре этого же года он уточняет: «Нам представляется необходимым, чтобы парламент был подлинным парламентом, то есть чтобы он принимал законы и контролировал правительство, не управляя им напрямую или через посредников. Это существенный момент, который, конечно же, подразумевает, что исполнительная власть не должна исходить от законодательной власти, даже косвенно, что неизбежно привело бы к посягательствам и торгу» [4]. Правительство он видит независимым сплоченным коллективом единомышленников, при этом сохраняющим ответственность перед парламентом за управление страной [4]. Позднее он уточняет, что «правительство и парламент должны сотрудничать, но оставаться раздельными в своих обязанностях, и ни один член одного не должен одновременно быть членом другого» [5]. И, чтобы обеспечить данную сбалансированность органов, надпартийность управления, нормальное функционирование государственных органов, голлисты требуют введения института опирающегося на общественный мандат доверия национального арбитра [5].

Апологетика национального арбитража Ш. де Голля и его приверженцев, очевидно, напоминает концепцию Б. Констана, однако, они расширяют компетенцию арбитра, наделяют его правомочиями по активному участию в управлении страной. Как представляется Ш. де Голлю, президент должен быть гарантом независимости и заключенных международных соглашений, должен согласовывать общие интересы при выборе кадров с направлением, исходящим из парламента, он должен обладать правом назначения премьер-министра и министров, через заседание обеспечивать преемственность развития страны, иметь возможность в случае кризиса обратиться к народу за суверенным решением [2]. Он должен иметь право подписывать правительственные указы, распускать парламент [4]. В 1964 г. Ш. де Голль еще более подробно высказывается о роли президента в уже функционирующей Пятой республике, отмечая в еще более шмиттеанском стиле, что выборный глава государства является источником и носителем государственной власти, исходящей от народа [6]. Президент выбирает и назначает премьер-министра и министров, может их сменить, председательствует на заседаниях совета министров, утверждает его решения, промульгирует законы, подписывает договоры, издает или не издает

декреты, является главнокомандующим, назначает на государственные должности и «в случае опасности обязан взять на себя сделать все, что нужно» [6]. Но при этом, занимая столь важную роль, он передает текущее управление своему заместителю — премьер-министру [6].

Именно такая конструкция власти, по мнению Ш. де Голля, способна, в отличие от «чистого» разделения властей в духе американской модели или правления парламента, предотвратить исторически присущую Франции партийную анархию и ее следствие — «паралич» государства. Идейное усиление роли главы государства во Франции произошло и после выигранного Ш. де Голлем референдума о прямых выборах президента, когда последний стал получать непосредственный мандат доверия от народа.

В юридизированном ключе детализировал идеи Ш. де Голля его соратник и первый премьер-министр Пятой республики М. Дебре, который, указывая на сохранение значительных полномочий парламента (бюджетных, контрольных, зарезервированной сферы законодательствования), также видел в президенте «краеугольный камень» республики, арбитра и судью национальных интересов (при акценте на расколотости электората) [7]. М. Дебре при этом, особенно в период агитации за новую Конституцию, описывал роль президента скорее в духе Б. Констана, отмечая его стабилизирующие (роспуск парламента и отставка кабинета, запрос повторного обсуждения законопроекта, обращение по его поводу в Конституционный совет, апелляция к народу через референдум и др.) и исключительные полномочия [7]. Он также стремился показать, что реальные полномочия президента скорее реализуются через другие органы, которые он «просит» (парламент, народ, Конституционный совет), а не единолично. По его мнению, президент скорее инициирует и арбитражирует, а не напрямую руководит [7].

В результате принятая на референдуме в 1958 г. Конституция Пятой республики указывала, что президент следит за соблюдением Конституции, своим арбитражем он обеспечивает нормальное функционирование публичных властей, а также преемственность государства, он является гарантом национальной независимости, территориальной целостности и соблюдения международных договоров (ст. 5), является гарантом независимости судебной власти (ст. 64) [8].

В последующем развитии Пятой республики идейно-политическое и конституционно-правовое положение президента как гаранта конституции, арбитра нации не было поколеблено. Конечно, в периоды сосуществования (антипрезидентского большинства в Национальном собрании и оппозиционного ему премьер-министра и правительства) глава государства теряет влияние во внутренней политике, но даже в этом случае сохраняет за собой ведущее слово в сфере обороны и внешней политике, а главное, символическую и медийную роль,

позволяющую ему опосредованно влиять на управление страной через апелляцию к избирателям. Даже президентура социалиста Ф. Миттерана не изменила данного положения, фактически признав полезность голлистской модели системы власти.

Конституционный закон 2000 г. (вступил в силу с 2002 г.), сократив срок полномочий до 5 лет, при этом усилил позицию президента как лидера страны, изменив избирательный график таким образом, что он имеет больше возможностей получить парламентское большинство, а значит, сохранить свое активное влияние на исполнительную и законодательную власть. В современных условиях развития медийного влияния на политический процесс и политтехнологии это привело к усилению («президенциализму») системы власти во Франции, в которой президент определяет стратегию развития страны, а правительство и парламент во многом следуют его позиции, сохраняя при этом возможности оппозиции осуществлять парламентский контроль.

Таким образом, французский вариант выхода из социального и политического кризиса, устранения кризиса парламентаризма являлся промежуточным вариантом между констановской моделью главы-арбитра с негативными (сдерживающими) полномочиями и шмиттеанской моделью авторитарного главы государства. Голлистский гарант конституции и государственного строя, сохраняя институты демократии, парламентаризма, ответственного правительства, приобрел полномочия по активному вмешательству в деятельность исполнительной и законодательной властей. Данная модель с учетом местных модификаций оказалась очень привлекательной для стран, переживающих политическую нестабильность, ищущих выход из социального и экономического кризиса, но не желающих отказываться от демократических институтов.

---

1. Rouvillois F. Se choisir un modèle : Michel Debré et le parlementarisme anglais en 1958 [Ressource électronique] // Revue Française d'Histoire des Idées Politiques : [site web]. № 12. 2e semestre 2000. P. 347–366. URL: https://www.jstor.org/stable/24610528 (date d'accès: 17.02.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье

2. De Gaulle Ch. Discours de Bayeux. 16 juin 1946 [Ressource électronique] // Digithèque MJP : [site web]. URL: https://mjp.univ-perp.fr/textes/degaulle16061946.htm (date d'accès: 17.02.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье

3. Vile M. J. C. Constitutionalism and the Separation of Powers. 2nd edition. Indianapolis : Liberty fund, 1998. 455 p. Вернуться к статье

4. De Gaulle Ch. Discours prononcé à Épinal. 29 septembre 1946 [Ressource électronique] // Digithèque MJP : [site web]. URL: https://mjp.univ-perp.fr/textes/degaulle29091946.htm (date d'accès: 17.02.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье

5. De Gaulle Ch. Discours prononcé par le général de Gaulle, président du Conseil, Place de la République à Paris, 4 septembre 1958. Publié le 4 septembre 1958 [Ressource électronique] // La Maison Élysée : [site web]. URL: https://www.elysee.fr/charles-de-

gaulle/1958/09/04/discours-prononce-par-le-general-de-gaulle-president-du-conseil-place-de-la-republique-a-paris-4-septembre-1958 (date d'accès: 17.02.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье

6. De Gaulle Ch. Une Constitution, c'est un esprit, des institutions, une pratique : Conférence de presse du 31 janvier 1964 [Ressource électronique] // Digithèque MJP : [site web]. URL: https://mjp.univ-perp.fr/textes/degaulle31011964.htm (date d'accès: 17.02.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье

7. Debré M. Discours devant le Conseil d'État, 27 août 1958 [Ressource électronique] // Digithèque MJP : [site web]. URL: https://mjp.univ-perp.fr/textes/debre1958.htm (дата обращения: 17.02.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье

8. Конституция, принятая 04.10.1958 г. (с изменениями, внесенными Конституционным законом № 2008-724 от 23.07.2008 г. о модернизации учреждений Пятой Республики), Франция [Электронный ресурс]. URL: https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/5560 (дата обращения: 17.02.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье

ПРАВОВОЕ ВОСПИТАНИЕ И ПРАВОВОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В ФОРМИРОВАНИИ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ ЛИЧНОСТИ И ОБЩЕСТВА

УДК 378

ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА КАК ДЕТЕРМИНАНТА ОРГАНИЗАЦИИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА В УЧРЕЖДЕНИИ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ МВД РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

LEGAL CULTURE AS A DETERMINANT OF THE ORGANIZATION OF THE EDUCATIONAL PROCESS IN THE INSTITUTION OF HIGHER EDUCATION OF THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS OF THE REPUBLIC OF BELARUS

А. С. Андрианова
Могилевский институт МВД Республики Беларусь,
старший преподаватель кафедры
общеюридических и уголовно-правовых дисциплин
факультета повышения квалификации и переподготовки кадров

Аннотация. *В статье предлагается рассматривать в качестве детерминант для совершенствования организации образовательного процесса в учреждении высшего образования МВД Республики Беларусь гносеологический, ценностно-мотивационный, деятельностный компоненты правовой культуры курсантов.*

Ключевые слова: *курсант, правовая культура, образовательный процесс, органы внутренних дел.*

Annotation. *The article suggests considering the epistemological, value-motivational, and activity-based components of cadets' legal culture as determinants for improving the organization of the educational process at a higher education institution of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus.*

Keywords: *cadet, legal culture, educational process, internal affairs bodies.*

Эффективность организации образовательного процесса в учреждении высшего образования Министерства внутренних дел Республики Беларусь (далее — УВО МВД) во многом определяется целями, достижение которых обеспечивает удовлетворение потребностей общества и государства в квалифицированных сотрудниках органов внутренних дел (далее — ОВД), способных оперативно решать поставленные перед ними задачи. Перечень данных целей нормативно установлен в Концепции национальной безопасности [1], Концепции развития системы образования Республики Беларусь до 2030 года [2],

Стратегии развития системы образования Республики Беларусь до 2035 года [3]. Представляется обоснованным рассмотрение в качестве одной из основных целей подготовки курсантов УВО МВД формирование у них профессионального уровня правовой культуры.

Традиционно в общей теории государства и права под правовой культурой понимается вид культуры общества, характеризующий «уровень правосознания, совершенства законодательства и юридической практики, охватывающий все ценности, созданные людьми в области права» [4, с. 289–290].

В структуре правовой культуры можно выделить три компонента.

1. Гносеологический компонент включает в себя совокупность знаний и представлений о действующем и желаемом праве. Показателями для оценки уровня развития данного компонента выступают объем и качество правовых знаний, доступность правовой информации, степень сформированности профессиональных компетенций у обучающихся учреждений образования юридического профиля и т. д.

2. Ценностно-ориентационный представляет собой комплекс ценностей и установок, основанных на положительном отношении к содержанию правовых норм, уверенности в необходимости и целесообразности принятия нормативных правовых актов. Индикаторами проявления данного компонента являются уважительное отношение к праву и правам человека, готовность реализовывать правовые предписания и др.

3. Деятельностный компонент — совокупность признаков, характеризующих уровень правомерного поведения в обществе. Критериями для оценки степени его развития выступают количество совершенных правонарушений, эффективность деятельности правоохранительных органов и др. [5, с. 411]. Профессиональная правовая культура сотрудников ОВД помимо наличия достаточного объема правовых знаний предполагает убежденность в их целесообразности и необходимости реализации положений нормативных правовых актов в правомерном поведении, нетерпимость к совершению противоправных деяний, соблюдение этических норм в ходе взаимодействия с коллегами, гражданами, представителями иных государственных органов, негосударственных организаций, правонарушителями.

Конкретизируя выше указанные общетеоретические положения относительно структурных компонентов правовой культуры курсантов, определим направления по совершенствованию организации образовательного процесса в УВО МВД.

Образовательными стандартами общего высшего образования и учебными планами УВО МВД предусмотрено изучение курсантами достаточно

большого объема юридических дисциплин, которые условно можно разделить на четыре блока:

1. Историко-правовые дисциплины (история государства и права Беларуси, история белорусской государственности, история государства и права зарубежных стран и др.).

2. Общетеоретические юридические дисциплины (общая теория государства и права).

3. Отраслевые юридические дисциплины:

3.1. общеюридический блок (конституционное право, гражданское право, трудовое право, семейное право, экологическое право и др.);

3.2. административно-правовой блок (административное право, административно-деликтное и процессуально-исполнительное право и др.);

3.3. уголовно-правовой блок (уголовное право, уголовный процесс, уголовно-исполнительное право, противодействие коррупции, квалификация преступлений и др.).

4. Прикладные юридические дисциплины (криминалистика, судебная бухгалтерия, судебная медицина и судебная психиатрия и др.).

Изучение обучающимися УВО МВД юридических дисциплин в рамках аудиторных и внеаудиторных занятий, а также в ходе производственных практик позволяет сформировать у курсантов профессиональный уровень гносеологического компонента правовой культуры курсантов, основу которого составляют систематизированные правовые знания и умения их применения. Успешность усвоения теоретического материала определяется применяемыми методами и формами обучения: методы визуализации информации (презентации, инфографика, фишбоуны и др.), практические методы (проведение занятий в форме деловых игр, учений, коучинг, кейс-стади, консалдинг, образовательные тренажеры и др.), геймификация, наставничество и др.

Ценностно-ориентационный компонент правовой культуры курсантов выступает в качестве детерминанты их правомерного поведения. Факторами, оказывающими определяющее влияние на развитие данного компонента, выступают уровень правовой культуры постоянного состава УВО МВД, а также идеологическая и воспитательная работа в УВО МВД. Трансфер позитивного отношения к праву как важнейшему регулятору общественных отношений, нетерпимости к противоправному поведению осуществляется в ходе взаимодействия обучающихся (курсантов) и обучающих (профессорско-преподавательского состава, курсовых офицеров).

Задачи, принципы, порядок осуществления идеологической и воспитательной работы в УВО МВД нормативно регламентированы приказами Министерства внутренних дел Республики Беларусь. Целью идеологической и

воспитательной работы является формирование у курсантов чувства патриотизма, системы ценностей, мотивов и установок, необходимых для решения стоящих перед ОВД задач по защите прав и свобод человека, интересов общества и государства от противоправных посягательств [6]. Идеологическая и воспитательная работа, осуществляемая в УВО МВД, имеет плановый характер и включает в себя такие мероприятия, как восстановление и поддержание в надлежащем состоянии знаковых для сотрудников ОВД мест, например, памятника батальону милиции капитана К. Г. Владимирова, проведение туристических праздников, встреч с ветеранами ОВД, оказание помощи ветеранам ОВД и членам их семей, семьям погибших сотрудников и др. Все эти мероприятия способствуют развитию патриотизма, поддержанию традиций в УВО МВД, сохранению памяти о сотрудниках ОВД, погибших при исполнении служебного долга, формированию ответственного отношения к выполнению поставленных задач.

Деятельностный компонент правовой культуры курсантов с одной стороны выступает в качестве способа объективизации сформированных у курсантов в процессе обучения в УВО МВД правовых знаний, ценностей, установок, а с другой — является индикатором для оценки уровня развития правовой культуры обучающихся УВО МВД.

В образовательном процессе УВО МВД формирование деятельностного компонента правовой культуры обучающихся обеспечивается посредством системы мер стимулирования правомерного поведения курсантов: поощрения за успешную учебу, занятия научно-исследовательской деятельностью, активного участия в спортивных и культурно-массовых мероприятиях, в том числе и пропаганде правовых знаний среди обучающихся иных учебных заведений Республики Беларусь.

Таким образом, анализ особенностей правовой культуры сотрудников ОВД позволяет определить два вектора в организации образовательного процесса в УВО МВД — формирование правосознания и правомерного поведения курсантов. Повышению уровня правосознания курсантов способствует последовательное изучение учебных дисциплин, предусмотренных образовательным стандартом, учебными планами и учебными программами. Планомерная идеологическая и воспитательная работа с обучающимися УВО МВД обеспечивает реализацию полученных правовых знаний, установок, ценностей в правомерном поведении курсантов.

---

1. Об утверждении Концепции национальной безопасности Республики Беларусь [Электронный ресурс] : решение Всебелорус. нар. собр. от 25 апр. 2024 г. № 5. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». Вернуться к статье

2. О Концепции развития системы образования Республики Беларусь до 2030 года [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь от 30 нояб. 2021 г. № 683. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». Вернуться к статье

3. Стратегия развития системы образования Республики Беларусь до 2035 года [Электронный ресурс] : решение коллегии М-ва образования Респ. Беларусь от 12 дек. 2024 г. № 19.33. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». Вернуться к статье

4. Цечоев В. К., Швандерова А. Р. Теория государства и права : учеб. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Прометей, 2021. 330 с. Вернуться к статье

5. Теория государства и права : учеб. / М. Б. Смоленский [и др.]. 2-е изд., стер. Ростов н/Д : Феникс, 2012. 480 с. Вернуться к статье

6. История создания идеологических подразделений ОВД [Электронный ресурс] // МВД Республики Беларусь : [сайт]. URL: https://www.mvd.gov.by/ru/page/glavnoe-upravlenie-ideologicheskoj-raboty/istoriya-sozdaniya-ideologicheskih-podrazdelenij-ovd#! (дата обращения: 23.01.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье

УДК 34:378.147

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ МЕХАНИЗМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ БУДУЩИХ ЮРИСТОВ В УСЛОВИЯХ ТРАНСФОРМАЦИИ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

INSTITUTIONAL MECHANISMS FOR THE FORMATION OF THE PROFESSIONAL LEGAL CULTURE OF FUTURE LAWYERS IN THE CONTEXT OF THE TRANSFORMATION OF HIGHER EDUCATION

Е. В. Бабошина
Пятигорский государственный университет,
доцент кафедры государственно-правовых и частно-правовых дисциплин,
кандидат юридических наук, доцент

Аннотация. *Статья посвящена комплексному анализу институциональных механизмов формирования профессиональной правовой культуры студентов юридических направлений подготовки в условиях структурной трансформации высшего образования и цифровизации правовой сферы. На основе различных научных подходов раскрывается сущность правовой культуры как многоуровневого социально-правового феномена, анализируются противоречия современного юридического образования, выявляются институциональные деформации, препятствующие формированию устойчивого правосознания и профессиональной идентичности. В работе предложены направления совершенствования подготовки студентов-юристов, ориентированные на усиление ценностно-нормативного компонента, развитие правового мышления и институциональное обновление образовательной среды.*

Ключевые слова: *правовая культура, юридическое образование, правосознание, профессиональная идентичность, институциональные механизмы, цифровизация права, образовательная трансформация.*

Annotation. *The article is devoted to a comprehensive analysis of the institutional mechanisms for the formation of the professional legal culture of law students in the context of the structural transformation of higher education and the digitalization of the legal sphere. Based on various scientific approaches, the essence of legal culture as a multilevel socio-legal phenomenon is revealed, the contradictions of modern legal education are analyzed, and institutional deformations that hinder the formation of a stable legal awareness and professional identity are identified. The paper suggests ways to improve the training of law students, focused on strengthening the value-normative component, the development of legal thinking and the institutional renewal of the educational environment.*

Keywords: *legal culture, legal education, legal awareness, professional identity, institutional mechanisms, digitalization of law, educational transformation.*

Современный этап развития правовой системы характеризуется глубинными институциональными изменениями, связанными с цифровизацией публичного управления, усложнением правового регулирования и трансформацией профессиональной юридической деятельности. В этих условиях особую значимость приобретает проблема формирования профессиональной правовой культуры студентов юридических направлений подготовки как основы их будущей правоприменительной и правотворческой деятельности. Правовая культура выступает не только как совокупность знаний и навыков, но и как интегральное качество личности, отражающее уровень правосознания, ценностных установок и профессиональной ответственности.

В научной литературе правовая культура трактуется неоднозначно. С. С. Алексеев рассматривал ее как важнейший показатель зрелости правовой системы, связывая уровень правовой культуры с состоянием правопорядка и эффективностью юридической практики [1, с. 134]. В контексте подготовки юристов данная позиция позволяет рассматривать образовательный процесс как пространство воспроизводства правовых ценностей и норм профессионального поведения. Иной акцент делает В. Д. Зорькин, подчеркивающий, что правовая культура не может формироваться вне конституционных ценностей и принципа верховенства права, поскольку именно они задают нормативный вектор профессиональной деятельности юриста [2, с. 56].

Современные исследователи обращают внимание на институциональную природу правовой культуры. По мнению М. Н. Марченко, правовая культура формируется в системе взаимодействия социальных институтов, включая образовательные организации, судебную систему и органы публичной власти, что предопределяет необходимость комплексного подхода к ее развитию [3, с. 245]. В условиях трансформации высшего образования усиливается влияние институциональной среды на формирование профессиональной идентичности обучающихся. Л. А. Микешина отмечает, что образование является не только каналом передачи знаний, но и механизмом социализации, формирующим ценностно-нормативную структуру личности [4, с. 105].

В последние годы усилилось внимание к проблеме цифровизации юридической профессии. И. Л. Бачило указывает, что цифровая трансформация правовой сферы требует от юриста не только знания традиционных норм, но и способности работать в условиях электронного правосудия, больших данных и алгоритмизированного регулирования [5, с. 89]. Однако образовательные программы зачастую не успевают адаптироваться к данным изменениям, что создает разрыв между профессиональными требованиями и уровнем подготовки выпускников.

Серьезной проблемой остается формализация юридического образования, выражающаяся в доминировании нормативистского подхода и ориентации на запоминание законодательных положений. Р. А. Ромашов подчеркивает, что подобная модель обучения формирует «текстуальное правосознание», при котором право воспринимается исключительно как совокупность предписаний, лишенных ценностного содержания [6, с. 90].

Отдельного внимания заслуживает проблема кризиса профессиональной идентичности будущих юристов. По мнению О. Е. Кутафина, юридическая профессия требует не только специальной подготовки, но и осознания своей миссии в обеспечении баланса интересов личности, общества и государства [7, с. 304]. Однако массовизация юридического образования и коммерциализация образовательных услуг приводят к снижению мотивации обучающихся и утрате представлений о социальной значимости профессии.

Институциональные механизмы формирования правовой культуры должны учитывать данные вызовы. Прежде всего требуется обновление образовательной среды, предполагающее интеграцию научных исследований в учебный процесс. А. А. Малько подчеркивает, что формирование правовой культуры невозможно без развития правовой политики, ориентированной на укрепление правовых ценностей и повышение качества юридической подготовки [8, с. 72]. В этой связи образовательные организации должны выступать активными субъектами правовой политики, формируя у студентов уважение к праву как к высшей социальной ценности.

Значительную роль играет развитие клинического юридического образования. Зарубежные исследователи, в частности Ф. Блох, рассматривают правовые клиники как эффективный инструмент формирования профессиональной ответственности и навыков практической работы с клиентами [9, с. 142]. Интеграция клинического обучения в российскую образовательную практику способствует формированию не только профессиональных компетенций, но и эмпатии, социальной ответственности и понимания правовых проблем уязвимых групп населения.

Важным направлением институционального обновления является развитие междисциплинарности. По мнению Н. И. Матузова, правовая культура формируется в контексте взаимодействия права с моралью, политикой и экономикой, что требует комплексного анализа общественных процессов [10, с. 98]. Ограничение подготовки рамками узкоспециализированных дисциплин препятствует формированию системного правового мышления.

Анализ различных научных подходов позволяет сделать вывод о необходимости перехода к интегративной модели формирования правовой культуры, основанной на синтезе нормативного, аксиологического и деятельностного

компонентов. Такая модель предполагает отказ от одностороннего нормативизма и усиление ценностно-смыслового содержания юридического образования. В условиях цифровой трансформации особое значение приобретает формирование цифровой правовой культуры, включающей навыки работы с электронными правовыми системами, понимание алгоритмического регулирования и соблюдение информационной безопасности.

Развернутый анализ институциональных механизмов формирования профессиональной правовой культуры студентов юридических направлений подготовки позволяет сформулировать комплекс предложений по совершенствованию системы подготовки будущих юристов:

1. Обеспечить структурную модернизацию образовательных программ путем интеграции цифровых компетенций, клинического обучения и исследовательской деятельности в базовую модель подготовки.

2. Целесообразно разработать институциональные механизмы оценки уровня правовой культуры обучающихся, включающие диагностику ценностных установок, правового мышления и профессиональной ответственности.

3. Укрепить взаимодействия образовательных организаций с органами судебной власти и профессиональными объединениями юристов с целью формирования устойчивой профессиональной среды социализации.

4. Развивать систему наставничества и сопровождения профессионального становления студентов, что позволит укрепить их профессиональную идентичность и мотивацию.

Кроме того, представляется необходимым формирование единой стратегии правовой политики в сфере юридического образования, направленной на повышение стандартов подготовки и предотвращение снижения качества образовательных услуг. Усиление научно-методического обеспечения образовательного процесса, внедрение механизмов академической мобильности и развитие международного сотрудничества позволят адаптировать подготовку студентов к глобальным вызовам.

Таким образом, институциональные механизмы формирования профессиональной правовой культуры студентов юридических направлений подготовки должны рассматриваться как комплексная система взаимосвязанных мер, охватывающих нормативные, организационные и ценностные аспекты образовательного процесса. Только при условии последовательной реализации предложенных направлений возможно обеспечить подготовку специалистов, обладающих высоким уровнем правосознания, профессиональной ответственности и готовности к деятельности в условиях трансформирующегося правового пространства.

1. Алексеев С. С. Теория права. М. : БЕК, 1995. 320 с. Вернуться к статье
2. Зорькин В. Д. Конституционно правовое развитие России : моногр. 2-е изд., испр. и доп. М. : Норма, 2019. 448 с. Вернуться к статье
3. Теория государства и права : учеб. для вузов / А. Г. Бережнов [и др.] ; под ред. М. Н. Марченко. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Зерцало, 2004. 800 с. Вернуться к статье
4. Микешина Л. А. Философия науки : учеб. пособие. М. : Гардарики, 2005. 352 с. Вернуться к статье
5. Бачило И. Л. Цифровое право: проблемы теории и практики : моногр. М. : Юрайт, 2020. 309 с. Вернуться к статье
6. Ромашов Р. А. Правосознание и правовая культура: теоретико-методологический анализ : моногр. СПб. : Юрид. центр Пресс, 2018. 272 с. Вернуться к статье
7. Кутафин О. Е. Конституционное право Российской Федерации : учеб. 5-е изд., перераб. и доп. М. : Норма : ИНФРА-М, 2017. 592 с. Вернуться к статье
8. Малько А. В. Правовая политика современной России : моногр. Саратов : Сарат. гос. юрид. акад., 2021. 288 с. Вернуться к статье
9. Bloch F. The Global Clinical Movement: Educating Lawyers for Social Justice. Oxford : Oxford University Press, 2011. 336 p. Вернуться к статье
10. Матузов Н. И., Малько А. В. Теория государства и права : учеб. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Норма : ИНФРА-М, 2022. 544 с. Вернуться к статье

УДК 316.334.22

СОЦИАЛЬНО ПОЛЕЗНЫЙ ТРУД КАК ФОРМА ПРАВОСОЗНАНИЯ И ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ ГРАЖДАН РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

SOCIO-USEFUL WORK AS A FORM OF LEGAL CONSCIOUSNESS AND LEGAL CULTURE OF CITIZENS OF THE RUSSIAN FEDERATION

Е. А. Белов
Казанский институт МВД России,
начальник кафедры государственно-правовых
и гражданско-правовых дисциплин,
кандидат социологических наук, доцент

Аннотация. *В статье раскрывается обусловленность правосознания и правовой культуры от социально полезной деятельности граждан; акцентируется внимание на том, что именно такая деятельность является трудом в его истиннном понимании; анализируются некоторые нормативные правовые акты сквозь призму формирования правосознания россиян посредством популяризации социально полезного труда.*

Ключевые слова: *труд, общество, правосознание, правовая культура, традиционная ценность.*

Annotation. *The article reveals the dependence of legal consciousness and legal culture on socially useful activities of citizens; it emphasizes that such activities are labor in its true sense; and it analyzes certain regulatory legal acts through the prism of shaping the legal consciousness of Russians by promoting socially useful labor.*

Keywords: *work, society, legal awareness, legal culture, and traditional values.*

Труд сопровождает человека на протяжении всего периода его существования. Посредством труда произошла эволюция человека разумного. Также труд позволил зародиться общественным отношениям и постоянно присутствует в них. В социальном понимании труд — это высшая форма человеческой деятельности, т. к. труд осуществляется ради общества. Этимологически труд может быть только социально полезным. Следует согласиться с мнением К. Маркса и Ф. Энгельса, полагающими, что труд — это вечное естественное условие человеческой жизни, и потому он не зависит от какой бы то ни было формы этой жизни, а напротив, носит одинаково общий характер со всеми ее общественными формами [1, с. 195]. В целях правильного понимания сути вопроса целесообразно различать некоторые понятия:

- труд — это социально полезное и поощряемое обществом явление;
- работа — это процесс делания, который оценивается другими людьми (со стороны);
- занятость — это юридически определенная форма отношений между работником и работодателем;

− дело — это совокупность последовательных действий [2, с. 78].

Правосознание является сравнительно молодым для общества явлением (социальным процессом). Изначально примитивные правовые формы закреплялись в традициях, обычаях, ритуалах, обрядах и т. п. Следующий этап связан со взаимно обусловливающим развитием государства и права. Трансформировавшиеся в право обычаи, ритуалы, моральные нормы и т. п. предопределили возникновение государства, которое их детализировало и формализовало. По мнению сотрудников кафедры педагогики и психологии Академии повышения квалификации и переподготовки работников образования под руководством доктора педагогических наук, профессора И. Д. Демакова в юридической науке понятие «правосознание» закрепилось только после 1917 г. Ранее исследователи отрицали рациональность правосознания и рассматривали его на уровне инстинктов и подсознательных рефлексов. На сегодняшний день правосознание принято определять через совокупность таких элементов, как теория, чувство, привычка. В них выражается отношение человека (группы) к праву в целом [3, с. 274].

В первой статье Конституции Российской Федерации прописано, что Россия есть правовое государство. Это подразумевает то, что государство несет перед народом политическую, правовую и моральную ответственность за полное выполнение взятых на себя обязательств, а граждане, в свою очередь, ответственны перед государством и обществом. Кроме того, данная норма вместе с тем, что в этой же главе (Основы конституционного строя) отмечено, что в Российской Федерации охраняется труд (ст. 7), дает основание полагать, что сам труд включен в систему социальных ценностей государства и является основой его конституционного строя. Соответственно, рассматривается в качестве элемента правосознания.

Правовое сознание наряду с правовыми отношениями, правопорядком, законом и правовой деятельностью включено в такое социально-правовое явление как правовая культура. Доктор юридических наук, профессор А. П. Альбов отмечает, что определенному историческому периоду правовой культуры свойственно одно характерное для него «лицо», отличное от других периодов, и определенный тип правосознания. В качестве основных тенденций в развитии правосознания современного общества он выделяет следующие:

− унификация и интеграция правосознания и национальных правовых ценностей;

− направленность общественного развития в правовой сфере на формирование и сохранение уникальной правовой системы российского общества [4, с.18].

Анализируя правовую культуру в современном российском обществе, И. А. Фризен отмечает, что пока не достигнуто полное признание закона как социокультурной ценности. В то же время уровень правовой культуры граждан Российской Федерации постепенно растет, укрепляется понимание, в какие органы можно обратиться для защиты своих прав, что является позитивным индикатором увеличения правовой культуры среди граждан. По результатам исследования автор работы делает вывод о том, что на современном этапе развития уровень «правового бескультурья» снижается, хотя и небольшими темпами, все больше людей понимают необходимость изучения основ законодательства своей страны для дальнейшей жизни [5, с. 7].

На основании опроса, проведенного в июле 2023 г. всероссийским центром изучения общественного мнения (ВЦИОМ), **к**аждый третий россиянин (36 %) видит социальную справедливость в равенстве всех перед законом. Еще 20 % считают, что социальная справедливость заключается в том, чтобы положение каждого определялось результатами его труда. При этом в группе лиц в возрасте от 18 до 25 лет доверие к правовой системе выражает 62 % населения, тогда как в возрастной категории 50+ данный показатель падает до 45 %. В качестве особенностей российской культуры определено доминирование этической регуляции над правовой, подчиненный статус правосудия по отношению к государственной власти [6].

Результат труда является хорошим критерием для закрепления индивида в привлекательной для него социальной нише. Результат оценивает само общество, формируя совместно с государством критерии оценки социальной значимости труда. В целях формирования правого сознания было бы целесообразно данные показатели сделать максимально прозрачными и понятными. К примеру, однозначно осудив неформальную и теневую занятость, не одобрять деятельность, направленную на личное обогащение в ущерб общественным интересам и принципам социальной справедливости.

Роль государства в укреплении правого сознания и культуры можно проследить посредством ряда Указов Президента Российской Федерации [7; 8; 9]. Как отмечено в Указе Президента Российской Федерации № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» [7], созидательный труд, наряду с жизнью, достоинством, правами и свободами человека, патриотизмом, гражданственностью, служением Отечеству и ответственностью за его судьбу, высокими нравственными идеалами, крепкой семьей, отнесен к традиционным ценностям. Важно, что труд встроился в систему государственно образующих основ миропонимания. Отказ от деятельности в тени, ориентация на продуктивный труд по созданию важных для общества товаров и услуг,

осознание себя частью множества являются ориентирами правильного развития личности. В п. 14 выше отмеченного Указа Президента Российской Федерации прописано, что идеологическое и психологическое воздействие на граждан ведет к насаждению чуждой российскому народу и разрушительной для российского общества системы идей и ценностей. В широких массах приобретают значение идеи Поля Лафарга о «праве на леность» (человек деградирует и закабаляется, подчиняясь верховенству «права на труд»), Боба Блэка об «упразднении работы» (человечество может стать свободным лишь после того, как оно вернет себе уходящее на труд и занятость время), Франко Берарди об «автономистской традиции» (не надо ориентироваться на продвижение по службе, а нужно саботировать логику конкуренции и отдать свое время занятиям, из которых невозможно извлечь прибавочную стоимость). Российскому обществу не характерны такие ценности, как эгоизм и эгоцентризм, вседозволенность и безнравственность (деньги любой ценой), бесчеловечная конкуренция за ресурсы и т. п. Все это так или иначе приводит к рискам, отмеченным в п. 17 данного Указа: усиление социокультурного расслоения общества, снижение роли социального партнерства, обесценивание идей созидательного труда и взаимопомощи. В Указе Президента Российской Федерации от 7 мая 2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» [8] уделяется внимание обеспечению надлежащего темпа роста валового внутреннего продукта страны за счет роста производительности труда.

Труд в интересах общества является высшей формой правовой культуры. Жизненно необходимо для нормального развития общественных отношений включать в образ мышления, нормы и стандарты и т. п. правильное отношение к труду. Сам труд является мотиватором, т. е. внутренним побудителем к деятельности. Необходимо максимально повысить ценность социально значимого, производительного труда. Статус индивида важно соотносить с его трудом. Принятие труда в качестве персональной ценности должно стать важнейшим элементом правового сознания.

1. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. М., 1960. Т 23. 907 с. Вернуться к статье

2. Белов Е. А. Социально-психологическая природа труда как фактор формирования государственных институтов // Философия, социология, право в системе обеспечения национальной безопасности : материалы всерос. науч.-практ. конф., посвящ. памяти д-ра социол. наук, проф. Д. Д. Невирко, Красноярск, 17 нояб. 2022 г. / Сиб. юрид. ин-т МВД России. Красноярск, 2022. С. 77–80. Вернуться к статье

3. Тишина И. В. Понятие «правосознание» в исторической ретроспективе и современной науке // Изв. РГПУ им. А. И. Герцена, 2018. № 67. С. 273–278. Вернуться к статье

4. Альбов А. П. Тенденции развития правосознания (историко-динамический аспект) // Ученые тр. Рос. акад. адвокатуры и нотариата. 2022. № 4 (67). С. 15–20. Вернуться к статье

5. Фризен И. А. О правовой культуре в Российской Федерации // Вестн. Моск. ун-та им. С. Ю. Витте. Сер. 2, Юрид. науки. 2024. № 1 (41). С. 5–11. Вернуться к статье

6. Социальную справедливость в равенстве всех перед законом видит 36 % опрошенных россиян [Электронный ресурс] // ТАСС : [сайт]. URL: https://tass.ru/obschestvo/18426339 (дата обращения: 03.03.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье

7. Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей [Электронный ресурс] : Указ Президента Рос. Федерации от 9 нояб. 2022 г. № 809 : в ред. от 4 марта 2026 г. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс». Вернуться к статье

8. О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года [Электронный ресурс] : Указ Президента Рос. Федерации от 7 мая 2024 г. № 309. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс». Вернуться к статье

9. Основы государственной политики Российской Федерации в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан [Электронный ресурс] : утв. Президентом Рос. Федерации от 28 апр. 2011 г. № Пр-1168. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс». Вернуться к статье

УДК 378.1

МЕСТО ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБУЧЕНИЯ В СИСТЕМЕ ОБРАЗОВАНИЯ МВД РОССИИ ПРИ ФОРМИРОВАНИИ И РАЗВИТИИ ПРАВОВОГО ОБРАЗОВАНИЯ

THE PLACE OF ADDITIONAL PROFESSIONAL TRAINING IN THE EDUCATION SYSTEM OF THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS OF RUSSIA IN THE FORMATION AND DEVELOPMENT OF LEGAL EDUCATION

С. Н. Белова
Академия управления МВД России,
заместитель начальника кафедры организации финансово-экономического, материально-технического и медицинского обеспечения,
кандидат экономических наук, доцент

Аннотация. *В статье рассмотрено место дополнительного профессионального обучения в системе образования МВД России при формировании новых знаний и развитии имеющихся в сфере правового образования и воспитания обучающихся, предложены мероприятия по совершенствованию исследуемой деятельности.*

Ключевые слова: *правовое образование, дополнительное профессиональное обучение, образовательные организации, повышение квалификации, переподготовка.*

Annotation. *The article examines the place of additional professional training in the education system of the Ministry of Internal Affairs of Russia in the formation of new knowledge and the development of existing knowledge in the field of legal education and upbringing of students, and proposes measures to improve the activity under study.*

Keywords: *legal education, additional professional training, educational organizations, advanced training, retraining.*

В современных экономических условиях особую значимость имеют вопросы формирования у обучающихся правового образования. Например, актуальными являются вопросы, касающиеся системы нормативного правового регулирования социальных гарантий сотрудникам органов внутренних дел Российской Федерации, включая порядок формирования и использования фонда денежного довольствия. Фонд денежного довольствия, заработной платы, пенсий, пособий и компенсаций является основной составляющей бюджетных назначений, предусмотренных для финансирования МВД России, его доля составляет порядка 80 % от общего объема бюджета министерства.

Актуальность исследования нормативного правового регулирования социальных гарантий сотрудникам органов внутренних дел Российской Федерации определена особым статусом указанной категории граждан, наличием

значительной нормативной базы, включающей в том числе специфичные права, обязанности, ограничения, условия и порядок выплат.

Наряду с экономическими преобразованиями в практическую деятельность организаций государственного сектора внедряются цифровые технологии, обуславливающие организацию эффективной подготовки кадрового звена, повышение уровня преподавания в образовательных организациях России [1]. В связи с этим возрастает значение национальной системы образования, в том числе в Министерстве внутренних дел (далее — МВД) России.

Ведомственная система подготовки кадров в МВД России представлена 28 образовательными организациями, в том числе наибольший удельный вес составляют образовательные организации высшего образования — 20 (4 академии, 3 университета, 13 институтов (с 17 филиалами в последних)), а также 2 школы подготовки специалистов-кинологов, 6 общеобразовательных организаций (порядка 89 % выпускников общеобразовательных организаций МВД России поступают в ведомственные вузы). Кроме того, в системе подготовки кадров имеется 29 центров профессиональной подготовки.

Приоритетный профиль подготовки образовательных организаций МВД России утвержден ведомственным приказом. Так, согласно приказу МВД России от 29 августа 2012 г. № 820 «О профилизации образовательных организаций МВД России» в МВД России учебно-научным центром по реализации приоритетного профиля подготовки «Деятельность правовых подразделений» является Нижегородская академия МВД России, на Академию управления МВД России возложена подготовка руководящих кадров для органов внутренних дел, на Московский университет имени В. Я. Кикотя — международно-правовая деятельность органов внутренних дел.

По данным ГУРЛС МВД России, в образовательных организациях системы МВД ежегодно проходят обучение по программам повышения квалификации и переподготовки около 43 тыс. сотрудников, ФГГС и работников МВД России (порядка 30 % обучающихся по всем образовательным программам).

Вопросам формирования и развития правового образования и воспитания в образовательных организациях системы МВД России уделяется повышенное внимание, что подтверждается удельным весом указанной формы подготовки и ее местом и значением в системе образования МВД России.

Обучение по программам повышения квалификации и переподготовки при формировании правового образования и воспитания может быть организовано как внутри, так и вне ведомства.

Внутриведомственная подготовка (организована в системе МВД России) включает в себя подготовку в таких сферах, как:

− руководители и члены комиссий по осуществлению закупок для обеспечения нужд МВД России, контрактных служб;

− руководители оперативных групп по противодействию экстремизму и терроризму;

− руководители и специалисты, осуществляющие работы в области охраны труда;

− основы судовождения и тактика действий подразделений полиции с использованием служебных плавсредств и др.

Подготовка вне системы МВД России включает в себя подготовку по направлениям:

− полицейские (водители) ИВС и подразделений охраны и конвоирования для управления оперативно-служебными автомобилями для перевозки подозреваемых и обвиняемых «А3-категории “D”»;

− сотрудники, задействованные в противодействии IT-преступлениям и др.

Межведомственное взаимодействие по вопросам подготовки сотрудников органов внутренних дел организуется на основании соглашений о взаимодействии с федеральными государственными органами по вопросам подготовки кадров, такими как: ФСБ России, Минобороны России, ФСО России, Росгвардия, Следственный комитет Российской Федерации, ФСИН России, ФТС России, Банк России.

Роль дополнительного профессионального обучения в формировании правового образования и воспитания в образовательных организациях системы МВД России не вызывает сомнений. Это подтверждается ежегодно определяемыми приоритетными задачами МВД России, касающимися кадровой политики, ресурсного обеспечения органов внутренних дел, рационального использования трудовых, финансовых и материальных ресурсов [2].

Поскольку все реализуемые программы повышения квалификации и переподготовки в образовательных организациях системы МВД России содержат вопросы нормативного правового регулирования, поэтому формирование и развитие правового образования и воспитания осуществляется комплексно на системной основе с учетом изменений, вносимых в законодательство Российской Федерации.

При формировании и развитии правового образования и воспитания, в том числе в процессе реализации дополнительного профессионального

обучения в образовательных организациях системы МВД России профессорско-преподавательскому составу и обучаемым предлагается:

− использовать материалы Сервиса деятельности правового обеспечения МВД России при подготовке к учебным занятиям, рассмотреть вопрос о возможности доступа к нему как педагогических работников, так и обучаемых;

− перенимать положительный опыт в части, касающейся организации правового образования и использования передовых информационных технологий, в том числе: выступление с докладами в научно-представительских мероприятиях, выступление на заседаниях учебно-методической секции по гражданско-правовым, семейно-правовым и гражданско-процессуальным учебным дисциплинам (модулям) на базе Санкт-Петербургского университета МВД России;

− участвовать во всероссийских, внутриведомственных, межвузовских и международных конкурсно-оценочных мероприятиях, касающихся вопросов правового образования и правового воспитания;

− организовывать проведение практико-ориентированных учебных занятий с погружением обучаемых в обстановку, приближенную к реальным, например, обстановку судебных заседаний с подготовкой всех необходимых документов.

---

1. Белова С. Н. Роль дистанционного обучения при формировании правового образования в образовательных организациях России // Правовая культура в современном обществе : сб. науч. ст. VIII Междунар. науч.-практ. конф., Могилев, 23 мая 2025 г. / Могилев. ин-т М-ва внутр. дел Респ. Беларусь. Могилев, 2025. С. 415–420. Вернуться к статье

2. Цвилий-Букланова А. А., Белова С. Н., Самолысов П. В. Вопросы формирования профессиональных компетенций выпускников образовательных организаций МВД России в постковидный период // Экономическая безопасность России : сб. науч. ст. Т. 1. Волгоград : ИП Черняева Ю. И., 2022. С. 223–233. Вернуться к статье

УДК 342.8

К ВОПРОСУ О ПРОБЛЕМАХ СОЦИАЛИЗАЦИИ МОЛОДЕЖИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

THE ISSUE OF YOUTH SOCIALIZATION PROBLEMS IN MODERN RUSSIA

Н. Р. Борисова
Нижнекамский филиал Казанского инновационного университета
имени В. Г. Тимирясова,
старший преподаватель кафедры теории и истории
государства и права и публично-правовых дисциплин

К. М. Тухватуллина
Нижнекамский филиал Казанского инновационного университета
имени В. Г. Тимирясова,
студент

Аннотация. *Проблема социализации молодежи в современной России остается приоритетным направлением государственной политики. Основные вопросы касаются проблем преодоления социально-экономических барьеров, трансформации взглядов молодых людей на институт семьи и брака, а также снижения рождаемости в стране.*

Ключевые слова: *проблемы социализации молодежи, социально-экономические проблемы, институт семьи и брака, демография, государственная политика.*

Annotation. *The problem of youth socialization in modern Russia remains a priority area of state policy. The main issues concern overcoming socio-economic barriers, the transformation of young people's views on the institution of family and marriage, as well as the decline in the birth rate in the country.*

Keywords: *youth socialization problems, socio-economic problems, institution of family and marriage, demography, state policy.*

Забота о молодежи всегда находилась в фокусе общественного внимания. И сегодня «в российском государстве… молодежная политика относится к одному из приоритетов в деятельности государства, особенно в свете политической, экономической и социальной трансформации общества» [1].

При этом не вызывает сомнения тот факт, что решить проблемы, которые стоят перед современным российским обществом в целом и молодежью нашей страны в частности, до настоящего времени окончательно не удалось. Сказанное определяет актуальность темы исследования.

Обращаясь к проблемам социализации молодежи в современной России, следует уяснить легальное содержание дефиниции «молодежь». Особенно это

важно в контексте того, что представления о содержании данного понятия претерпели за последнее время значительные изменения. Так, в настоящее время в соответствии с положениями Федерального закона № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации», «…молодежь, молодые граждане — социально-демографическая группа лиц в возрасте от 14 до 35 лет включительно, имеющих гражданство Российской Федерации» [2].

Проведенный нами анализ позволил выделить следующие группы проблем современной российской молодежи:

– проблемы социальной интеграции и образования (к ним относятся проблемы отношения к институту семьи и брака, повышения среднего возраста вступления в брак, проблемы нравственного воспитания и сохранения традиционных ценностей, проблемы низкой вовлеченности молодежи в общественную жизнь, проблемы патриотического воспитания, проблемы образования, проблемы негативного влияния Интернета и социальных сетей и т. п.);

– социально-экономические проблемы молодежи (к ним относятся проблемы трудоустройства, проблемы обеспечения жильем, проблемы, связанные с финансовой нестабильностью, и т. п.).

Остановимся на основных проблемах социализации современной российской молодежи. Так, по данным ВЦИОМ, в 2025 г. в России проживало 146,1 миллиона человек, из них около 16,5 % составляет [3]. В Стратегии молодежной политики в Российской Федерации до 2030 года говорится о том, что «…к 2030 году доля молодежи в возрасте от 14 до 24 лет увеличится примерно на 2,7 млн человек, а доля молодежи в возрасте от 25 до 35 лет снизится примерно на 3,7 млн человек» [4]. В этой связи среди основных проблем социализации современной российской молодежи следует особо отметить проблему отношения молодых людей к институту семьи и брака и повышение среднего возраста вступления в брак, что, в конечном итоге, негативно сказывается на демографии нашей страны в целом.

Анализ статистических данных показал, что «…отнюдь не малая доля современной молодежи считает для себя более предпочтительным не вступать в гражданский брак посредством его регистрации в установленном порядке, а жить без юридического засвидетельствования общности своего бытования друг с другом. Во след осознанному отказу от вступления в гражданский брак молодые девушки и парни заявляют об отложенном родительстве или вовсе разделяют идеи бездетности, нередко подкрепляя свой выбор аргументацией амплитудной изменчивости социально-экономического благополучия на уровне региона их проживания и (или) страны в целом» [5, с. 101].

Так, по данным ВЦИОМ, основанных на данных реестра органов ЗАГС, «В 2021 году средний возраст жениха составлял 32,8 года, а в 2025 году —

35,2 года. Средний возраст невест увеличился с 30,7 до 33,1 года» [6]. За 2025 год средний возраст матерей в России, родивших первенцев, составляет 29,8 лет, средний возраст мужчин, впервые ставших отцами, составил 29,5 года, что подтверждает устойчивую тенденцию к отсрочке рождения первых детей на более поздний срок [7]. Обычно это связывается с получением образования, построением карьеры и укреплением экономической стабильности семьи.

Как результат, Россия, как и многие развитые страны, сталкивается с депопуляцией населения, т. е. сокращением его численности, вызванной демографическим переходом, в заключительной фазе которого рождаемость падает ниже уровня воспроизводства населения. Среди проблем, сдерживающих рост коэффициента рождаемости, исследователи в первую очередь называют проблемы трудоустройства, проблемы обеспечения жильем, проблемы, связанные с финансовой нестабильностью. Так, несмотря на дефицит кадров и низкий уровень безработицы в стране, проблема трудоустройства молодежи стоит достаточно остро. В частности, дефицит практического опыта работы выступает значительным барьером, поскольку работодатели отдают предпочтение в пользу сотрудников с подтвержденным профессиональным опытом, что ставит молодых сотрудников в невыгодное конкурентное положение. Кроме того, по данным ВЦИОМ, молодые специалисты отличаются неоправданно завышенными требованиями к величине оплаты труда, что зачастую не соответствует уровню их квалификации.

Это, в свою очередь, порождает финансовую нестабильность, что наряду с ростом инфляции и высоким уровнем кредитного обременения приводит к низкому уровню удовлетворенности молодых людей своим финансовым положением. В этой связи приобретение жилья группами населения, находящимися на старте своей самостоятельной жизни, становится острой социальной и демографической проблемой, особенно для молодых людей, для которых арендная плата в традиционном жилом фонде и приобретение жилья в ипотеку недоступны в силу комплекса причин.

Какие же пути предлагаются для решения проблем социализации современной молодежи? Рассмотрим основные из предлагаемых:

– проблемы отношения к институту семьи и брака, повышения среднего возраста вступления в брак (пути решения данной проблемы требуют изменения государственной политики в сфере поддержки молодых семей и семей с детьми, направленной на формирование положительного восприятия института брака, сохранения традиционных ценностей и т. п.).

– проблемы нравственного воспитания и сохранения традиционных ценностей (пути решения данной проблемы представлены в основах государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских

духовно-нравственных ценностей, которые реализуются «…в области образования и воспитания, работы с молодежью, культуры, науки, межнациональных и межрелигиозных отношений, средств массовой информации и массовых коммуникаций, международного сотрудничества. В реализации такой государственной политики участвуют федеральные органы исполнительной власти, ведающие вопросами обороны, безопасности государства, внутренних дел, общественной безопасности, и иные органы публичной власти в пределах своих полномочий» [8]);

– проблемы трудоустройства и финансовой нестабильности (для решения этой проблемы «важно развивать экономику и создавать новые рабочие места, государственные программы поддержки молодежного предпринимательства и образования, а также содействие предприятиям, способствующим созданию новых рабочих мест» [9]);

– Для решения проблемы обеспечения жильем (в настоящее время в России действуют различные государственные программы, направленные на обеспечение жильем молодежи, в частности, государственная программа «Молодая семья», льготная «Семейная ипотека», федеральные мероприятия по обеспечению жильем молодых семей и т. п.).

Эффективность осуществляемой государством молодежной политики определяется базовыми показателями, которые подтверждаются проводимыми ВЦИОМ социальными мониторингами. Так, по результатам исследований, проводимых в 2024–2025 гг., оценка респондентами эффективности молодежной политики показала следующие результаты:

«– 81 % молодых людей либо уже добились успехов, либо уверены в возможности получить в России качественное образование;

– 74–76 % уверены в возможности найти хорошую работу и продвинуться по карьерной лестнице;

– 22 % респондентов заявили о том, что они принимали за последний год участие в молодежных проектах и программах, 73 % удовлетворены опытом своего участия;

– лишь 8 % хотели бы уехать из России (в то время как в 2022 году показатель составлял 12 %» [10].

Проведенный нами анализ показал, что наряду со значительной положительной динамикой в развитии социализации российской молодежи, «…современные исследователи связывают недостаточную эффективность российской молодежной политики, прежде всего, с отсутствием в ней системного подхода, а также с тем, что финансирование данной сферы производится по остаточному принципу» [11].

Таким образом, для решения проблем социализации молодежи в современной России необходимо повысить эффективность комплексного воздействия со стороны государства, общественных организаций, образовательных организаций и родителей. Основными направлениями работы в данной сфере являются создание условий для активного участия молодежи в общественной жизни, обеспечение доступа к качественному образованию, формирование ценностных ориентаций на здоровый образ жизни, трудовую деятельность и гражданскую позицию.

1. Калугина Т. С., Нестерова О. В. Состояние молодежной сферы на муниципальном уровне [Электронный ресурс] // Наука и образование. 2023. № 1. С. 216. https://cyberleninka.ru/article/n/sostoyanie-molodezhnoy-sfery-na-munitsipalnom-urovne/viewer (дата обращения: 15.02.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье

2. О молодежной политике в Российской Федерации [Электронный ресурс] : Федер. закон от 30 дек. 2020 г. № 489-ФЗ : в ред. от 23 июля 2025 г. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс». Вернуться к статье

3. Демография России [Электронный ресурс] // Спроси : [сайт]. URL: https://спроси.дом.рф/instructions/demografiya-rossii/?utm_referrer (дата обращения: 15.02.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье

4. Стратегия молодежной политики в Российской Федерации на период до 2030 года [Электронный ресурс] // Минобрнауки России : [сайт]. URL: https://minobrnauki.gov.ru/upload/iblock/28d/hyihn9b0mm2iafi1yfokx52xyn3us4ky.pdf (дата обращения: 15.02.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье

5. Довнар А. Н. Роль права в сохранении традиционных семейных ценностей в современной России // Юрид. журн. 2025. Т. 17. № 3. С. 96–104. Вернуться к статье

6. Глава ВЦИОМА назвал причину позднего вступления россиян в брак [Электронный ресурс] // РБК : [сайт]. URL: https://www.rbc.ru/life/news/68b55b069a794755896631a1 (дата обращения: 15.02.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье

7. В России средний возраст матери, родившей первого ребенка, приблизился к 30 годам [Электронный ресурс] // Обозрение : [сайт]. URL: https://oboz.info/v-rossii-srednij-vozrast-materi-rodivshej-pervogo-rebenka-priblizilsya-k-30-godam/ (дата обращения: 19.02.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье

8. Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей [Электронный ресурс] : Указ Президента Рос. Федерации от 9 нояб. 2022 г. № 809 : в ред. от 4 марта 2026 г. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс». Вернуться к статье

9. Головина Т. А., Меркулов П. А., Полянин А. В. Государственная поддержка молодежного предпринимательства в России // Экон. политика. 2017. № 5. С. 42–61. Вернуться к статье

10. ВЦИОМ: 82 % молодых людей считают, что могут реализовать себя в России [Электронный ресурс] // Экспертный институт социальных исследований : [сайт]. URL: https://eisr.ru/news-and-announcements/vtsiom-82-molodykh-lyudey-schitayut-chto-mogut-realizovat-sebya-v-rossii/?sphrase_id=5292#:~:text (дата обращения: 15.02.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье

11. Се Тяньюй. Математическое моделирование как инструмент развития социоэкономики // Молодой ученый. 2022. № 36 (431). С. 53–57. Вернуться к статье

УДК 340

ПРАВОВОЕ ВОСПИТАНИЕ КАК СРЕДСТВО КОРРЕКЦИИ ПРАВОВОГО СОЗНАНИЯ ОСУЖДЕННЫХ К ЛИШЕНИЮ СВОБОДЫ НА ОПРЕДЕЛЕННЫЙ СРОК

LEGAL EDUCATION AS A MEANS OF CORRECTING THE LEGAL AWARENESS OF THOSE SENTENCED TO PRISON FOR A SPECIFIC TERM

Н. В. Горинович
исправительное учреждение «Исправительная колония № 14»
управления ДИН МВД по г. Минску и Минской области,
начальник отряда отдела исправительного процесса,
магистрант Академии МВД Республики Беларусь

Аннотация. *В статье рассматривается правовое воспитание как средство коррекции деформированного правового сознания осужденных к лишению свободы на определенный срок.*
Ключевые слова: *правовое воспитание, правосознание, осужденные, уголовно-исполнительная система, ресоциализация, коррекция личности.*

Annotation. *The article examines legal education as a method of correcting the distorted legal consciousness of convicts sentenced to imprisonment for a fixed term.*
Keywords: *legal education, legal consciousness, convicts, penal system, resocialization, personality correction.*

Правовое воспитание, целью которого является формирование правового сознания как одной из форм общественного сознания, представляет собой непрерывный процесс формирования и развития у личности общепризнанных правовых ценностей. В свою очередь, индивидуальное правовое сознание связано с морально-нравственными и правовыми установками социума, в котором она существует и с которым взаимодействует. Индивидуальное правосознание претерпевает изменения под влиянием социальных условий, правовой среды и жизненных обстоятельств. В случаях, когда индивид сталкивается с уголовно-правовой ответственностью и направляется в исправительные учреждения уголовно-исполнительной системы, его правовое сознание подвергается особым трансформациям.

Оказавшись в исправительных учреждениях, осужденные к лишению свободы на определенный срок (далее — осужденные) сталкиваются с существенными различиями между условиями пребывания в них и условиями жизни в привычной социальной среде. Ограничение свободы действий, строгая регламентация поведения, необходимость подчинения внутреннему распорядку учреждения и постоянный контроль со стороны администрации создают специфическую среду, которая оказывает значительное влияние на психику

и правосознание личности. В этих условиях правовое сознание осужденных может проявляться в различных вариантах поведения: от сопротивления установленным нормам до постепенного принятия правил и осознания необходимости их соблюдения для поддержания правопорядка.

Таким образом, исправительные учреждения становятся своеобразным пространством, где правовое сознание осужденного выходит на первый план. Здесь выявляются слабые стороны правовой культуры личности, формируются новые социально значимые установки и ценности, которые могут иметь как положительный характер, так и негативный, а также закладываются основы для дальнейшей ресоциализации. Именно поэтому процесс воспитательного воздействия в данных учреждениях должен быть направлен не только на поддержание дисциплины, но и на целенаправленное формирование положительного отношения к правовым нормам, развитие правовой культуры и укрепление правосознания осужденных.

Полагаем возможным привести следующие наиболее существенные внешние новые для личности осужденного факторы, с которыми она сталкивается, попадая в учреждение, исполняющее уголовное наказание в виде лишения свободы на определенный срок:

− во-первых, нахождение в специализированном учреждении, где также отбывают наказания лица как с низким уровнем правового сознания, так и лица, для которых отсутствие и неприемлемость соблюдения правовых норм является обыденным;

− во-вторых, существенное ограничение некоторых прав и свобод, которые четко регламентированы правилами внутреннего распорядка исправительных учреждений;

− в-третьих, постоянный надзор и контроль за поведением осужденного к лишению свободы в течение всего срока отбывания наказания;

− в-четвертых, первоначальное социальное положение до вынесения приговора осужденного не имеет значения в процессе отбывания наказания, иными словами, все лица не относятся ни к одной из существующих социальных групп, их социальное и правовое положение уравнивается по отношению друг к другу.

Вышеприведенные факторы оказывают значительное влияние на процесс адаптации осужденного к новым условиям, которые сопровождают его в процессе отбывания уголовного наказания. Пребывание в закрытом учреждении под постоянным контролем сотрудников исправительного учреждения, а также постоянное нахождение с лицами, имеющим те же признаки, оказывает существенное влияние на личность осужденного.

По мнению Ш. К. Хасанова, «правосознание лиц, совершивших преступление и отбывающих уголовное наказание в виде лишения свободы, деформировано в силу превалирования в сознании осужденных корыстных мотивов, их стремления к выгоде и наживе, противопоставления своих личных амбиционных интересов интересам других людей, общества и государства, деградации личности, атрофии нравственных, правовых, эстетических и иных чувств и т. д.» [1, с. 62].

Исходя из вышеизложенного, следует, что в процессе отбывания наказания результатом адаптации зачастую становится значительная деформация ценностных ориентаций личности, которая в дальнейшем выступает негативным фактором для ее успешной ресоциализации. В этой связи Министерством внутренних дел Республики Беларусь выработаны меры по предотвращению вышеописанной ситуации путем проведения воспитательных мероприятий с осужденными.

В Инструкции о порядке организации и проведения воспитательной работы с осужденными к наказаниям в виде ареста, ограничения свободы с направлением в исправительное учреждение открытого типа и лишения свободы на определенный срок, утвержденной приказом Министерства внутренних дел Республики Беларусь от 24 июня 2024 г. № 207 «О воспитательной работе с осужденными» отражается деление воспитательных мероприятий с осужденными на индивидуальные воспитательные мероприятия и коллективные [2]. Коллективные мероприятия, в свою очередь, по своему содержанию и поставленным целям подразделяются на направления, одним из которых является правовое воспитание.

Особенность коллективных воспитательных мероприятий заключается в том, что они проводятся сразу с коллективом осужденных на определенную тематику с достижением конкретных поставленных целей. Полагаем, что увеличение количества лиц, на которых исправительный процесс оказывает влияние, напрямую связан и с качеством его отражения на психоэмоциональном уровне. Цели проводимых мероприятий будут достигнуты только при условии понимания и в дальнейшем отражения на действиях осужденных подавляющего большинства, потому как меньшие криминогенные группы в данном случае будут склонны к адаптации с мнением большего количества людей, что может перерасти в «здоровую деформацию».

В рассматриваемом локальном правовом акте указано, что правовое направление имеет своей целью формирование у осужденных понимания исключительной важности правовых норм для регулирования общественных отношений, убеждение их в необходимости строгого соблюдения данных норм в любых жизненных обстоятельствах [2].

Следует отметить, что индивидуальные мероприятия, проводимые с конкретным осужденным, имеют другую специфику в их содержании. Так, индивидуальные беседы с осужденным проводятся с целью проработки трех сфер жизнедеятельности человека, а именно: материального обеспечения жизнедеятельности; взаимодействия с другими людьми; потребления и досуга [2].

Учитывая индивидуально-психологические особенности личности каждого осужденного, сотрудником исправительного учреждения при составлении индивидуальной исправительной программы в основной период его исправления формируется целостное представление о характере, мотивах и поведенческих установках конкретного лица. На основе анализа этих показателей также определяется тот круг осужденных, в отношении которых требуется проведение углубленной корректировки (формирования) необходимого положительного отношения к соблюдению правовых норм. Такая работа предполагает не только разъяснения осужденным значения законопослушного поведения, но и формирование устойчивых ценностных ориентаций, направленных на уважение прав и свобод других лиц, а также на осознание личной ответственности за собственные поступки.

Особое внимание уделяется осужденным, которые систематически нарушают правила внутреннего распорядка. В данном случае проводится беседа относительно допущенного осужденным дисциплинарного нарушения, его причинах и последствиях. Возможно проведение индивидуальной беседы с осужденным на совете воспитателей отряда, основной задачей которой является недопущение дальнейшего противоправного поведения. Полагаем, что сотрудниками исправительного учреждения также следует проводить более углубленную работу с определенной группой осужденных, за которыми установлен усиленный контроль со стороны работников администрации учреждения в силу их более выраженного девиантного поведения.

Проведение вышеуказанных мероприятий объединяет достижение следующей цели — постепенное снижение уровня конфликтности, формирование навыков самоконтроля и развитие способности к конструктивному взаимодействию с сотрудниками администрации учреждения и другими осужденными.

Рассмотрение особенностей проведения коллективных и индивидуальных воспитательных мероприятий с осужденными позволяет усмотреть, что их сочетание сотрудниками исправительных учреждений при осуществлении работы, направленной на формирование и коррекцию правового сознания осужденных, является наиболее эффективным методом правового воспитания. Полагаем, что коллективные формы воспитательной работы способствуют повышению эффективности проводимых индивидуальных воспитательных мероприятий, направленных на углубленную работу с конкретными

индивидуальными особенностями отдельного индивида. Сочетание рассматриваемых методов в процессе ресоциализации осужденных к лишению свободы на определенный срок будет иметь куда более положительный эффект при одновременной корректировке модели как индивидуального, так и коллективного поведения, что будет способствовать формированию положительного отношения осужденных лиц к правовым нормам, к необходимости их соблюдения как в процессе отбывания наказания, так и после освобождения.

1. Мамонько М. М. Правовая культура и правовое сознание осужденных // Право и государство: теория и практика. 2024. № 10 (238). С. 61–63. Вернуться к статье

2. О воспитательной работе с осужденными [Электронный ресурс] : приказ М-ва внутр. дел Респ. Беларусь от 24 июня 2024 г. № 207. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». Вернуться к статье

УДК 340.232

ПРАВОВОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ КАК СРЕДСТВО ФОРМИРОВАНИЯ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ ГРАЖДАН, НАХОДЯЩИХСЯ В ЛЕЧЕБНО-ТРУДОВЫХ ПРОФИЛАКТОРИЯХ

LEGAL INFLUENCE AS A MEANS OF SHAPING THE LEGAL CULTURE OF CITIZENS IN MEDICAL-LABOR REHABILITATION CENTERS

С. В. Грицкевич
Учреждение «Лечебно-трудовой профилакторий № 8»
управления ДИН МВД по Брестской области,
начальник отряда отдела исправительного процесса

Аннотация. *В статье рассматриваются такие юридические категории как правовое воздействие, правовая культура, правомерное поведение. Отмечается существенная роль правового воздействия в формировании правовой культуры граждан, находящихся в лечебно-трудовых профилакториях.*

Ключевые слова: *правовое воздействие, правовая культура, правомерное поведение, лечебно-трудовой профилакторий.*

Annotation. *The article considers such juridical categories as legal impact, legal culture, lawful behavior. The significant role of legal impact in the formation of the legal culture of citizens in medical and labor dispensary.*

Keywords: *legal impact, legal culture, lawful behavior, medical and labor dispensary.*

В настоящее время прослеживается тенденция отсутствия должного уровня правовой культуры у граждан, ведущих асоциальный образ жизни, в частности страдающих алкоголизмом, наркоманией или токсикоманией. Одним из наиболее радикальных средств борьбы с проявлениями низкой правовой культуры либо формами девиации данной категории граждан является их направление в лечебно-трудовые профилактории (далее — ЛТП). В то же время следует отметить, что основным, по сути, показателем достижения цели функционирования ЛТП является исключение повторного направления в него граждан. Однако, как показывает практика, даже в ЛТП для лиц, впервые направленных в ЛТП, с участком работы для лиц, повторно направленных в ЛТП, лиц второй категории на порядок больше.

На наш взгляд, одним из факторов повторного направления граждан в ЛТП является не в полной мере сформированный уровень их правовой культуры после освобождения. В связи с этим видится необходимость поиска и совершенствования средств, позволяющих сформировать ее необходимый уровень у этой категории граждан в период их принудительной изоляции и

медико-социальной реадаптации в целях недопущения их повторного направления в ЛТП.

Правовая культура в юридической литературе зачастую связывается с уровнем развитости правовых ценностей как общества в целом, так и отдельных индивидов, уровнем их способности качественно создавать и эффективно применять правовые средства для достижения своих целей [1, с. 26].

В рамках нашей работы под формированием правовой культуры граждан, находящихся в ЛТП, понимается целенаправленный процесс их воспитания, направленный на разъяснение и усвоение правовых знаний, искоренение правового нигилизма, коррекцию ценностных ориентиров, а также формирование устойчивых навыков правомерного поведения, необходимых для успешной ресоциализации и законопослушного образа жизни, после освобождения.

По нашему мнению, одним из наиболее универсальных и эффективных средств, позволяющих в полной мере сформировать должный уровень правовой культуры у граждан, находящихся в ЛТП, выступает правовое воздействие.

Понятие «воздействие» в большинстве словарей определяется как оказание влияния на что-либо с целью достижения необходимого результата. В толковом словаре русского языка Д. Н. Ушаков определяет воздействие в качестве системы действий, имеющих целью повлиять на кого-нибудь или что-нибудь [2, с. 89].

Относительно рассматриваемой категории «правового воздействия» Б. М. Емельянов и С. А. Правкин отмечают, что правовое воздействие обозначает единство общего влияния права на социальную жизнь и поведение людей, выступает как нормативно-организационное влияние права на социальные процессы, включая влияние правовых и неправовых средств [3, с. 118].

Определяя место правового воздействия среди иных юридических категорий, необходимо отметить, что оно, по сути, является инструментом, с помощью которого индивид усваивает одобряемые позитивным правом модели поведения, правовые ценности, сформированные в соответствующем обществе и государстве.

В свою очередь, осуществление правового воздействия в отношении граждан, находящихся в ЛТП, предполагает применение соответствующих средств. При оказании правового воздействия в отношении данной категории лиц необходимо выделить наличие как юридических, так и неюридических средств, которые оказывают упорядочивающее воздействие на общественные отношения, возникающие в процессе прохождения гражданами медико-социальной реадаптации.

На наш взгляд, наиболее эффективное влияние на формирование правовой культуры граждан оказывает использование неюридических средств

правового воздействия. В связи с этим рассмотрим наиболее значимые, по нашему мнению, средства неюридического правового воздействия на институциональном уровне, которые непосредственно направлены на формирование правовой культуры и стимулирование правомерного поведения граждан, находящихся в ЛТП.

Первым институтом в структуре неюридических средств правового воздействия следует выделить средства массовой информации. Непосредственно с их помощью осуществляется диалог государства с обществом в целом и с отдельным гражданином в частности.

К средствам массовой информации относятся печатные издания (газеты, журналы), радиовещание, телевидение, сеть Интернет и др. Важно отметить, что посредством СМИ транслируется правовая идеология государства, отражающая как правовые, так и национальные патриотические ценности, что является неотъемлемой составляющей в формировании правовой культуры граждан, находящихся в ЛТП. Следует отметить, что в настоящее время не в полной мере реализуется использование СМИ в деятельности ЛТП, например, не во всех учреждениях имеются средства радиовещания. В связи с этим предлагается рассмотреть вопрос установки во всех учреждениях, особенно в местах массового нахождения граждан (столовая, клуб и др.) систем радиовещания, а также более свободного использования гражданами, находящимися в ЛТП, сети Интернет для получения информации правовой и идеологической направленности.

Следующим неюридическим средством правового воздействия на граждан, находящихся в ЛТП, следует выделить религиозные нормы. В настоящее время достаточно весомый вклад в оказание правового воздействия в отношении вышеуказанных лиц вносят религиозные институты. На протяжении всей истории человечества религия объединяла людей, являлась средством воспитания как взрослых, так и подрастающего поколения. Она не только формирует религиозные чувства и убеждения человека, его взаимоотношения с религиозными организациями, но и оказывает положительное влияние на структуру его личных ценностей и убеждений, что неразрывно связано с правовой культурой личности. В связи с этим предлагается развивать участие данного института в формировании правовой культуры и правомерного поведения граждан, находящихся в ЛТП.

Еще одним из немаловажных институтов оказания правового воздействия выступают учреждения культуры. Правовые ценности прививаются посредством трансляции правовой идеологии в кинокартинах, театральных постановках, музеях, при чтении художественной литературы. Особую роль в данном перечне играет кинематограф, т. к. любая кинокартина формирует определенные модели как правового, так и неправового поведения. Посредством

прочтения литературных источников художественной и научной направленности прослеживается становление и развитие знания о правовых ценностях. Важно отметить, что воздействие оказывается с учетом того, как сам автор произведения воспринимает правовые явления и правовую действительность на конкретном этапе развития государства. Работа данного института правового воздействия, безусловно, является важным элементом в формировании должного уровня правовой культуры личности гражданина. В связи с этим предлагается развивать участие учреждений культуры в процессе оказания правового воздействия, в отношении граждан, находящихся в ЛТП, а именно с большей периодичностью посещать театры, музеи и другие учреждения культуры.

Таким образом, под формированием правовой культуры граждан, находящихся в ЛТП, понимается целенаправленный процесс их воспитания, направленный на разъяснение и усвоение правовых знаний, искоренение правового нигилизма, коррекцию ценностных ориентиров, а также формирование устойчивых навыков правомерного поведения, необходимых для успешной ресоциализации и законопослушного образа жизни, после освобождения. Использование неюридических средств правового воздействия выступает универсальным и эффективным инструментом, позволяющим на достаточном уровне сформировать должный уровень правовой культуры граждан, находящихся в ЛТП. В связи с этим предлагается, во-первых, развивать участие религиозных институтов, учреждений культуры, средств массовой информации в оказании правового воздействия в отношении вышеуказанных лиц; во-вторых, рассмотреть вопрос более свободного использования гражданами, находящимися в ЛТП, сети Интернет для получения информации правовой и идеологической направленности; в-третьих, во всех ЛТП в местах массового нахождения граждан (столовая, клуб и др.) установить системы радиовещания.

1. Ахметов А. С. Правовое воспитание как важнейшее условие формирования правовой культуры // Юрид. образование и наука. 2014. № 3. С. 25–27. Вернуться к статье

2. Ушаков Д. Н. Толковый словарь современного русского языка. М. : Аделант, 2014. 800 с. Вернуться к статье

3. Емельянов Б. М., Правкин С. А. Теория государства и права : конспект лекций. М. : Эксмо, 2004. 289 с. Вернуться к статье

УДК 340.1

ПРАВОВОЕ ВОСПИТАНИЕ КАК ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПО ТРАНСЛЯЦИИ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ (ОПЫТ НОВОРОССИЙСКОГО МЕСТНОГО ОТДЕЛЕНИЯ АССОЦИАЦИИ ЮРИСТОВ РОССИИ)

LEGAL EDUCATION AS AN ACTIVITY TO TRANSMIT LEGAL CULTURE (EXPERIENCE OF THE NOVOROSSIYSK LOCAL BRANCH OF THE ASSOCIATION OF LAWYERS OF RUSSIA

Е. И. Грузинская
филиал Кубанского государственного университета в г. Новороссийске,
заведующий кафедрой гуманитарных дисциплин,
кандидат юридических наук, доцент

Аннотация. *В статье представлено видение смыслового содержания базовых понятий «правовая культура» и «правовое воспитание», а также представлен подход к их формированию, выработанный Новороссийским местным отделением Ассоциации юристов России.*

Ключевые слова: *правовое воспитание, правовая культура, Ассоциация юристов России.*

Annotation. *The article presents a vision of the semantic content of the basic concepts of «legal culture» and «legal education», and also presents an approach to their formation, developed by the Novorossiysk local branch of the Association of Lawyers of Russia.*

Keywords: *legal education, legal culture, Association of Lawyers of Russia*

«Получить знания — это не просто, но это все-таки вторично по сравнению с воспитанием человека, с тем, чтобы он должным образом относился и к себе самому, и к своим друзьям, к семье, к родине — это абсолютно фундаментальные вещи и только на этой базе можно рассчитывать на то, чтобы человек стал полноценным», — слова Президента Российской Федерации стали определяющим фактором в становлении воспитательной работы как приоритета в образовании [1].

В настоящее время понятие воспитания закреплено на нормативном уровне и подразумевает деятельность, направленную на развитие личности, формирование у обучающихся трудолюбия, ответственного отношения к труду и его результатам, создание условий для самоопределения и социализации обучающихся на основе социокультурных, традиционных российских духовно-нравственных ценностей и принятых в российском обществе правил и норм поведения в интересах человека, семьи, общества и государства, формирование у обучающихся чувства патриотизма, гражданственности, уважения к памяти защитников Отечества и подвигам Героев Отечества, закону и правопорядку,

человеку труда и старшему поколению, взаимного уважения, бережного отношения к культурному наследию и традициям многонационального народа Российской Федерации, природе и окружающей среде [2].

Данное понятие дает основание выделить такие виды воспитания, как семейное, общественное, трудовое, нравственное, интеллектуальное, а также правовое.

Правовое воспитание, по мнению В. К. Бабаева, — это целенаправленная деятельность по трансляции (передаче) правовой культуры, правового опыта, правовых идеалов и механизмов разрешения конфликтов в обществе от одного поколения к другому. Правовое воспитание имеет целью развитие правового сознания человека и правовой культуры общества в целом.

По его мнению, о правовом воспитании следует говорить в широком и узком смысле. В первом случае речь идет скорее не о правовом воспитании, а о правовой социализации человека, когда он «воспитывается» окружающей обстановкой в целом, всей юридической практикой и поведением людей, должностных лиц — представителей государственного аппарата в правовой сфере. При этом у людей, должностных лиц, государственных органов, осуществляющих правовую деятельность, нет прямой цели оказать на других правовоспитательное воздействие. Однако такое воздействие на окружающих все-таки оказывается. Что касается правового воспитания в узком смысле, то оно отличается своей целенаправленностью на повышение правовой культуры человека, группы людей и общества в целом.

О правовом воспитании лишь фрагментарно указывается в нормативно-правовой базе, причем на самых разных уровнях.

Так, в законе, регламентирующем отношения по защите государственной границы, указано, что Федеральный орган исполнительной власти, уполномоченный в области внутренних дел, участвует в правовом воспитании населения приграничных районов Российской Федерации, профилактике совместно с пограничными органами правонарушений на Государственной границе и в пунктах пропуска через нее [3]. В военном законодательстве правовое обучение и воспитание используются как идентичные [4; 5; 6]. Правовое воспитание обозначено как один их элементов концепции правовой реформы в соответствующем Указе Президента [7].

Правовое воспитание тесно связано с правовым обучением: воспитание не может происходить без обучения, а обучение так или иначе оказывает и воспитательный эффект. Различие здесь можно провести, причем весьма условно, по сфере воздействия: воспитание влияет в основном на эмоционально-волевую, ценностную, мировоззренческую сторону сознания, а обучение —

на когнитивно-рациональную, с целью информационно-ознакомительного воздействия на человека.

В качестве целей правового воспитания следует выделить повышение уровня правовой культуры как отдельного человека, общественных организаций, так и общества в целом [8, с. 112]. Как нам представляется, основной упор в деле повышения правовой культуры общества должен быть сделан на информирование населения о существующих юридических предписаниях.

Общероссийская общественная организация «Ассоциация юристов России» (далее — Ассоциация) представляет собой объединение региональных и федеральных юристов России, инициаторами создания которого в 2005 г. выступили глава Счетной палаты России Сергей Степашин, ректор Московской государственной юридической академии Олег Кутафин и советник Президента по правовым вопросам Вениамин Яковлев.

Согласно уставным документам, Ассоциация ведет свою деятельность, ориентируя ее в том числе и на повышение правовой культуры и правового просвещения граждан посредством деятельности региональных отделений. Последние создаются в каждом субъекте Российской Федерации и приобретают права юридических лиц в порядке действующего национального законодательства и действуют на основании Устава и Положения о региональных и местных отделениях.

На территории Краснодарского края с 2008 г. действует Краснодарское региональное отделение, имеющее в своем составе 44 местных отделения. Новороссийское местное отделение, функционирующее на площадке города-героя Новороссийска, занимает лидирующее положение по итогам рейтингования местных отделений.

Одной из специфических черт, позволяющих данному местному отделению удерживать лидирующие позиции, является комплексное содержание работы, включающее правовое воспитание студентов-юристов высших учебных заведений через трансляцию правовой культуры населению города-героя.

Следует отметить, что в настоящее время в сфере юридического образования действует Федеральный государственный образовательный стандарт поколения 3++, который не содержит такого обязательного требования, как наличие юридической клиники в образовательной организации. Создание подобного структурного объединения теперь происходит по усмотрению руководства вуза, что в целом является неудачным решением.

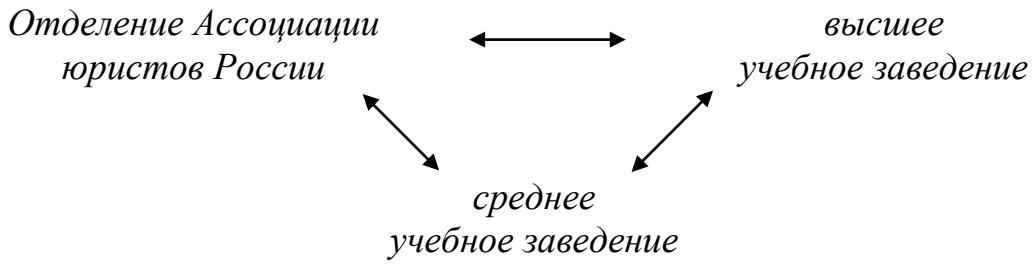
Тем не менее данный пробел позволяют компенсировать возможности Ассоциации, членство которой имеет определенные положительные моменты. Так, примкнуть к ее деятельности может как гражданин Российской Федерации, достигший 18-летнего возраста и имеющий юридическое образование, так и

кандидат в члены Ассоциации, статус которого может быть присвоен студентам учреждений высшего образования, осуществляющих подготовку юридических кадров. Консолидация вышеобозначенных лиц осуществляется через деятельность Молодежного движения Ассоциации юристов России, не являющегося самостоятельным юридическим лицом, но действующего в рамках целей и направлений Ассоциации в целом и преследующего целью проведение работы по повышению правовой культуры и преодолению нигилизма в молодежной среде.

Взаимодействие между конкретным вузом и Ассоциацией осуществляется посредством заключения соглашения о сотрудничестве, форма которого, как правило, разрабатывается на уровне того или иного регионального отделения.

Таким образом, на основании заключения локальных актов с учетом развитой структуры региональных отделений возникает цепочка взаимодействия «*юридический вуз ↔ Ассоциация юристов России (в лице регионального/местного отделения)*».

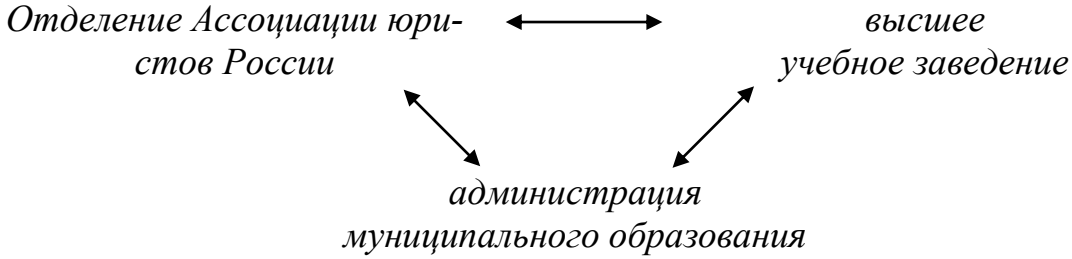
В настоящее время в работе образовательных организаций наравне с учебной, научной и воспитательной работой активно ведется и профориентационная деятельность. Последняя связана как с работой с потенциальными абитуриентами, что сказывается на контингенте, так и со студентами в аспекте их будущего трудоустройства по направлению обучения, что сказывается на критериях эффективности вуза. Последний, в свою очередь, обладает правомочиями на заключение соглашения о сотрудничестве и взаимодействии со средними образовательными учреждениями, что расширяет вышеобозначенную цепочку взаимодействия:



Таким образом, в рамках данного взаимодействия студенты, обучающиеся по юридическим направлениям, получая правовые знания и впитывая правовые традиции и ценности, приобретая навыки профессионального общения при непосредственном взаимодействии с профессорско-преподавательским составом в рамках образовательного процесса, имеют возможность транслировать переданное им широкому кругу более младшего поколения через проводимые вузом профориентационные мероприятия, повышая тем самым, с одной

стороны, уровень правовой грамотности молодежи, формируя у них азы правовой культуры, и, с другой стороны, развивая свое ораторское искусство и навыки применения практических знаний на практике.

Еще одним направлением по повышению уровня правовой культуры населения является взаимодействие с администрацией муниципалитета, на территории которого располагаются как отделение Ассоциации, так и юридический вуз.



В рамках подобного взаимодействия могут успешно проводиться дни оказания бесплатной юридической помощи гражданам со стороны членов Ассоциации с обязательным привлечением к участию представителей Молодежного крыла Отделения. Как представляется, подобное мероприятие обладает разносторонним потенциалом: во-первых, обратившиеся граждане получают разъяснение по возникшим правовым казусам, что закладывает в том числе и потенциал правового воспитания, во-вторых, кандидаты в члены Ассоциации получают профессиональные навыки; в-третьих, совместное участие студентов с представителями администрации дает возможность последним подобрать себе кадры и обеспечить отток молодых специалистов в другие регионы, предоставив им трудовые гарантии.

В качестве опыта взаимодействия представляем выдержку из отчета Новороссийского местного отделения при Краснодарском региональном отделении Ассоциации юристов России.

№	Название мероприятия	Ссылка на новость
1.	Эфир на радио «Новая Россия» по вопросам наследства	https://t.me/NR_novosti/41526
2.	Всероссийский правовой диктант для школьников #ВПРАВЕ	https://admnvrsk.ru/o-gorode/novosti/glavnye-novosti/news-28112024122803-141780/
3.	Интерактивная лекция «Возраст в праве»	https://admnvrsk.ru/o-gorode/novosti/glavnye-novosti/news-02112024110632-140908/
4.	Антинаркотический квест для молодежи	https://admnvrsk.ru/o-gorode/novosti/glavnye-novosti/news-18102024104951-140248/
5.	Встреча с представителями «Молодой Гвардии»	https://admnvrsk.ru/o-gorode/novosti/glavnye-novosti/news-27062024130811-136123/

6.	Участие в торжественной линейке «Последний звонок»	https://admnvrsk.ru/o-gorode/novosti/glavnye-novosti/news-24052024152254-134679/
7.	День оказания бесплатной юридической помощи	https://admnvrsk.ru/o-gorode/novosti/glavnye-novosti/news-25032024093511-132211/
8.	Лекторий по вопросам противодействия коррупции	https://admnvrsk.ru/o-gorode/novosti/glavnye-novosti/news-24042024151852-133555/
9.	Марафон «Молодежь в праве»	https://admnvrsk.ru/o-gorode/novosti/glavnye-novosti/news-10042024163019-133007/
10.	Дискуссия по поводу ограничения применения смертной казни	https://www.kommersant.ru/doc/6593190
11.	Комментарий по поводу целесообразности введения уголовной ответственности за инфобизнес	https://www.vedomosti.ru/media/articles/2024/03/21/1027132-v-mvd-ne-podderzhali
12.	Профориентационная встреча со старшеклассниками	https://admnvrsk.ru/o-gorode/novosti/glavnye-novosti/news-17022024183648-130943/
13.	Профориентационный семинар «Труд. Профессия и свое дело»	https://admnvrsk.ru/o-gorode/novosti/glavnye-novosti/news-10012024151529-129413/
14.	Неделя правового информирования	https://admnvrsk.ru/o-gorode/novosti/glavnye-novosti/news-11122023164254-128485/
15.	Научно-практический круглый стол «Защита прав инвалидов»	https://admnvrsk.ru/gorozhanam/obschestvennaya-palata/novosti/news-05122023164428-128217/
16.	Всероссийский правовой диктант для школьников «Будь в праве»	https://admnvrsk.ru/o-gorode/novosti/glavnye-novosti/news-01122023112047-128016/
17.	Межвузовский научно-практический симпозиум «Права бесправных животных»	https://admnvrsk.ru/o-gorode/novosti/glavnye-novosti/news-09102023112527-126302/
18.	Уроки юного пешехода	https://admnvrsk.ru/o-gorode/novosti/glavnye-novosti/news-22092023115506-125657/
19.	Мероприятия по профилактике дистанционных мошенничеств	https://admnvrsk.ru/podrazdeleniya/upravleniya/upravlenie-po-vzaimodeystviyu-s-pravookhranitelnymi-organami/novosti/news-26072023115808-123867/
20.	Встреча с пенсионерами по профилактике дистанционного мошенничества	https://admnvrsk.ru/podrazdeleniya/upravleniya/upravlenie-po-vzaimodeystviyu-s-pravookhranitelnymi-organami/novosti/news-22062023094550-122504/
21.	Профориентационные мастер-классы для студентов юридических направлений	https://admnvrsk.ru/podrazdeleniya/upravleniya/upravlenie-po-vzaimodeystviyu-s-pravookhranitelnymi-organami/novosti/news-14042023094139-120390/
22.	Мероприятия, посвященные профилактике наркомании	https://admnvrsk.ru/podrazdeleniya/upravleniya/upravlenie-po-vzaimodeystviyu-s-pravookhranitelnymi-organami/novosti/news-03032023141603-118831/

Таким образом, считаем целесообразным вернуть в федеральные государственные образовательные стандарты по юридическим направлениям положение об обязательном наличии на базе организации, реализующей данный стандарт, юридической клиники, как это было в ранее действующих документах, поскольку в настоящее время указанные возможности взаимодействия формируются на принципе диспозитивности и инициативе представителей юридического сообщества.

---

1. Путин считает воспитание первичным фактором полноценного развития человека [Электронный ресурс] // ТАСС : [сайт]. URL: https://tass.ru/obschestvo/4356650 (дата обращения: 19.02.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье

2. Об образовании в Российской Федерации [Электронный ресурс] : Федер. закон от 29 дек. 2012 г. № 273-ФЗ : в ред. от 29 дек. 2025 г. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс». Вернуться к статье

3. О Государственной границе Российской Федерации [Электронный ресурс] : Закон Рос. Федерации от 1 апр. 1993 г. № 4730-1 : в ред. от 23 июля 2025 г. № 257-ФЗ. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс». Вернуться к статье

4. Об утверждении общевоинских уставов Вооруженных Сил Российской Федерации [Электронный ресурс] : Указ Президента Рос. Федерации от 10 нояб. 2007 г. № 1495 : в ред. от 24 июня 2025 г. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс». Вернуться к статье

5. О юридической службе Вооруженных Сил Российской Федерации [Электронный ресурс] : приказ Министра обороны Рос. Федерации от 14 нояб. 2017 г. № 700 : в ред. от 8 нояб. 2018 г. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс». Вернуться к статье

6. Об утверждении Положения об организации работы с личным составом в войсках национальной гвардии Российской Федерации [Электронный ресурс] : приказ Росгвардии от 14 нояб. 2017 г. № 487 : утратил силу. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс». Вернуться к статье

7. О разработке концепции правовой реформы в Российской Федерации [Электронный ресурс] : Указ Президента Рос. Федерации от 6 июля 1995 г. № 673. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс». Вернуться к статье

8. Пеструилов А. С. Понятие и значение правового воспитания для современной России // Вестн. КРУ МВД России. 2020. № 3 (49). С. 109–113. Вернуться к статье

УДК 316.624

ПРОЯВЛЕНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ ДЕВИАЦИЙ В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ

MANIFESTATIONS OF SOCIAL DEVIANCE AMONG YOUTH

А. А. Дыжова
Могилевский институт МВД Республики Беларусь,
профессор кафедры общеюридических и уголовно-правовых дисциплин
факультета повышения квалификации и переподготовки кадров,
кандидат сельскохозяйственных наук, доцент

Аннотация. *Девиантное (отклоняющееся) поведение представляет собой поведение, нарушающее социальные нормы общества, выражающееся в поступках как отдельных индивидов, так и социальных групп, отступающих от установленных общепринятых норм, правил, обычаев и традиций. В статье анализируются особенности и формы проявления девиантного поведения среди молодежи.*

Ключевые слова: *молодежь, юноши и девушки, правовое воспитание, девиация, девиантное поведение, правовой нигилизм, анализ данных.*

Annotation. *Deviant behavior is behavior that violates social norms, expressed in the actions of both individuals and social groups that deviate from established, generally accepted norms, rules, customs, and traditions. This article analyzes the characteristics and forms of deviant behavior among young people.*

Keywords: *youth, boys and girls, legal education, deviation, deviant behavior, legal nihilism, data analysis.*

Проблемы социальной девиации в молодежной среде и пути их решения выступают актуальной темой для изучения. Молодые люди достаточно остро реагируют на происходящие в обществе изменения. Причиной социальной девиации являются те проблемы, с которыми сталкиваются молодые люди в различных сферах своей жизни, т. к. именно молодежь в силу возраста, физической, психической и социальной неустойчивости наиболее восприимчива к деструктивным внешним влияниям. Несмотря на то, что особенности проявления девиантного поведения в молодежной среде изучаются уже не одно десятилетие, до настоящего времени дискуссионным остается вопрос о том, чем именно являются социальные девиации молодежи — проблемой или способом адаптации юношей и девушек в обществе.

Говоря об устойчиво отклоняющемся от общепризнанных, наиболее распространенных общественных норм поведении, мы понимаем девиантное (отклоняющееся) поведение. Синонимичным понятию «девиантное поведение» является понятие «социальная девиация». В наших исследованиях мы исходили из социологического понимания девиантного поведения и относили к нему

правовую девиацию (преступления и иные правонарушения (гражданско-правовые деликты, дисциплинарные проступки и т. д.) и социальную девиацию (нарушение социальных норм (безбилетный проезд, алкоголизм, наркомания, аморальное поведение и т. п.) [1, с. 70].

У истоков социологии девиантного поведения стоял французский ученый Эмиль Дюркгейм (1858–1917 гг.), им была основана французская социологическая школа. По мнению Дюркгейма, вероятность девиации существенно возрастает при ослаблении нормативного контроля на уровне социума. В своей работе «Самоубийство» он описал результаты исследований влияния социальных факторов на уровень самоубийства. Им был выделен такой вид, как «аномическое» самоубийство, причиной которого он считал возникновение разногласий между человеком и его окружением [2].

Согласно концепции социализации, девиантному поведению люди обучаются в процессе усвоения культуры определенных социальных групп. И здесь важное значение отводится правовому воспитанию. При этом правовое воспитание представляет собой специфическое средство регулирования поведения человека. И речь здесь идет о правовой социализации, которая представляет собой процесс развития способностей личности к осознанию норм права и уважительному к нему отношению [3, с. 480–481].

Американский социолог Роберт Мертон отмечал, что если индивиды имеют общие цели, то они должны иметь и схожие условия для их достижения, если же для ряда индивидов условия для достижения целей недоступны, то в обществе возникает высокий уровень девиантного поведения [4].

Тем не менее стоит отметить не только негативные, но и позитивные девиации личности. Под позитивной девиацией понимают отклоняющиеся от нормы явления в поведении личности, которые имеют благие намерения, но все равно отклоняющиеся от общепризнанных норм. Например, самопожертвование, чрезмерная щедрость, обостренное чувство жалости и т. д.

В чем же заключаются основные признаки девиантного поведения? Данное поведение не соответствует общепринятым социальным нормам, имеет негативную оценку со стороны других лиц, оказывает отрицательное влияние на иных участников правоотношений, определяется стойким, постоянно повторяющимся действием, имеет выраженное индивидуальное своеобразие.

В настоящее время поводом для появления склонности к деструктивному поведению в молодежной среде могут выступать изменения в обществе, рост уровня жизни, повышение социально-культурных и профессиональных требований к молодым людям, и, если юноша или девушка не могут соответствовать данным «стандартам», они становятся девиантами.

Особенности проявления девиантного поведения в молодежной среде были проанализированы нами в ходе осуществления социологического опроса, проводимого в рамках научно-исследовательской темы «Правовая культура молодежи в контексте формирования единого социально-правового пространства России и Беларуси». Объектом исследования являлась студенческая молодежь в возрасте от 18 до 31 года, обучающаяся в высших учебных заведениях г. Могилева и Могилевской области (Республика Беларусь) и г. Москвы (Российская Федерация). Число опрошенных составило 655 респондентов, 320 из них — студенты высших учебных заведений России и 335 — Беларуси.

В ходе исследования осуществлялось изучение показателей деструктивной девиантности молодежи путем анализа данных о совершении девиантных поступков различной степени тяжести. Мы проанализируем результаты социологического опроса молодежи Республики Беларусь. В таблице 1 приведены результаты исследования об участии молодых людей в наиболее распространенных, как мы считаем, видах действий, в различной степени нарушающих социальные и правовые нормы.

Таблица 1

Возможность совершения девиантных поступков различной степен тяжести, в процентах

Виды девиации	Да	Нет
Сквернословие	59,2	40,8
Распитие спиртных напитков в общественных местах	9,6	90,4
Курение в неустановленных местах	27,9	72,1
Пропуск занятий по неуважительной причине (прогул)	54,8	45,2
Проезд в общественном транспорте без билета	22,8	77,2
Нарушение ПДД	24,3	75,7
Участие в драках	10,7	89,3

Из приведенных данных социологического опроса видно, что наиболее распространенными видами девиантных поступков являются сквернословие (его указали 59,2 % опрошенных), пропуски занятий без уважительной причины (54,8 % респондентов), курение в неустановленных местах (27,9 % опрошенных). Также 24,3 % юношей и девушек, принявших участие в опросе, считают для себя возможным нарушить правила дорожного движения и 22,8 % — осуществлять проезд в общественном транспорте без билета.

В качестве сравнения приведем результаты социологического опроса, проводимого в 2016–2018 гг. в рамках научно-исследовательской темы «Правовая культура и правовой нигилизм студенческой молодежи: проблемы и пути их решения». Так, по данным анализа анкетного опроса, позволяли себе сквернословить 70,5 % опрошенных (на 11,3 % больше по сравнению с последними

результатами исследований), на возможность прогуливать занятия без уважительной причины указали 67 % респондентов (на 12,2 % больше), курить в неустановленных местах — 33,1 % (на 5,2 % больше), нарушить правила дорожного движения — 36,9 % (на 12,6 % больше).

В ходе проводимого анкетного опроса мы решили узнать мнение молодых людей о том, какие меры профилактики противоправных действий они считают наиболее эффективными. Результаты распределения ответов отражены в таблице 2.

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос «Какие формы мероприятий по профилактике противоправных действий среди молодежи Вы считаете наиболее эффективными?», в процентах

Варианты ответа	% респондентов
Лекции и беседы со специалистами	73,9
Просмотр кино-, видеофильмов / видеороликов	58,8
Участив в добровольных/волонтерских акциях	23,9
Участие в деятельности молодежных организаций	17,3
Участие в деятельности спортивных/творческих коллективов	7,0

Примечание: в вопросе можно было отметить несколько вариантов, поэтому сумма может составлять более 100 %.

Как видно из таблицы, самыми эффективными формами мероприятий молодые люди считают лекции и беседы со специалистами, данный вариант отметили 73,9 % опрошенных, на необходимость просмотра кино- и видеофильмов указали 58,8 % респондентов. К сожалению, всего 17,3 % юношей и девушек отметили эффективность деятельности молодежных организаций по профилактике противоправных действий как форму мероприятий по профилактике проявления деструктивной девиации в молодежной среде. Участие в добровольных акциях помощи, призванное способствовать формированию гражданственности и социальной ответственности, оценивают как эффективное в профилактике противоправных действий 23,9 % от общего числа молодых людей, принявших участие в опросе.

Исходя из анализа таблицы 2, становится ясным, что необходимо активизировать работу молодежных организаций по участию в их деятельности юношей и девушек. Именно молодежные организации помогают молодым людям выработать лидерские качества и умение работать в коллективе, способствуют защите прав и социальной поддержке юношей и девушек, их участию в общественной жизни.

В заключение хотелось бы отметить, что девиантное поведение основано на противоречиях, существующих в обществе, социальных группах между личностями и, наконец, внутри самой личности. Зачастую причины девиантного поведения современной молодежи лежат в особенностях взаимосвязи и взаимодействия человека с окружающим миром, социальной средой и самим собой, оно является результатом конкретного стечения обстоятельств рождения и социализации человека. Среди причин девиантного поведения многие исследователи выделяют наследственность, социальную среду, правовое воспитание и правовое сознание, и не следует забывать про социальную активность самого человека. Для того, чтобы деструктивная девиация не получила широкого распространения, необходимо соблюдать социальное равенство молодежи, активизировать деятельность общественных организаций с привлечением молодежи, постоянно совершенствовать законодательство. Социальный контроль в учебных заведениях следует рассматривать как единый комплексный процесс, включающий в себя оптимизацию воспитательной и профилактической деятельности, совершенствование социальных норм, развитие самоконтроля юношей и девушек.

---

1. Дыжова А. А., Демидова А. В. Правовая культура и правовое сознание учащейся молодежи: социолого-правовой анализ : моногр. Могилев : МГУП, 2013. 165 с. Вернуться к статье

2. Девиантное поведение [Электронный ресурс] // Знание. Вики : [сайт]. URL: https://znanierussia.ru/articles/Девиантное_поведение?ysclid=mk9u7f31la290990743/ (дата обращения: 11.01.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье

3. Дыжова А. А., Демидова А. В. Особенности правового воспитания студенческой молодежи [Электронный ресурс] // Правовая культура в современном обществе : сб. науч. ст. / Могилев. ин-т МВД ; редкол.: И. А. Демидова (отв. ред.) [и др.]. Могилев, 2025. 1 электрон. опт. диск (CD-R). С. 480–484. Вернуться к статье

4. Мертон Роберт Кинг [Электронный ресурс] // Большая российская энциклопедия : [сайт]. URL: https://bigenc.ru/c/merton-robert-king-587424?ysclid=mk9waqr8jw725287857 (дата обращения: 11.01.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье

УДК 37.014

ФОРМИРОВАНИЕ МОЛОДЕЖНОЙ ПОЛИТИКИ СОЮЗНОГО ГОСУДАРСТВА

FORMULATING THE YOUTH POLICY OF THE UNION STATE

А. А. Дыжова
Могилевский институт МВД Республики Беларусь,
профессор кафедры общеюридических и уголовно-правовых дисциплин
факультета повышения квалификации и переподготовки кадров,
кандидат сельскохозяйственных наук, доцент

А. В. Демидова
МГТУ им. Н. Э. Баумана (г. Москва),
доцент кафедры социологии и культурологии,
кандидат социологических наук, доцент

Аннотация. *Государственная молодежная политика представляет собой систему социальных, экономических, политических, организационных, правовых и иных мер, направленных на поддержку молодых граждан. В статье анализируются опыт и дальнейшие перспективы развития сотрудничества Республики Беларусь и Российской Федерации в области молодежной политики.*

Ключевые слова: *государство, молодежь, молодежная политика, Союзное государство, формирование, сотрудничество.*

Annotation. *State youth policy is a system of social, economic, political, organizational, legal, and other measures aimed at supporting young citizens. The article analyzes the experience and future prospects of cooperation between the Republic of Belarus and the Russian Federation in the field of youth policy.*

Keywords: *state, youth, youth policy, Union State, formation, cooperation.*

Молодежная политика оказывает прямое воздействие на молодое поколение, в частности на образование, трудоустройство, досуг, проживание, участие в политической жизни страны. Первые молодежные общественные объединения были созданы в Европе, так в 1844 г. в Лондоне был образован Христианский союз молодых людей, в 1845 г. в Германии создается Союз евангелической молодежи, в Бельгии в 80-х гг. XIX в. создается Союз молодой гвардии. В начале XX в. в Китае начинает осуществлять свою деятельность Китайский революционный объединенный союз. Со временем молодежные объединения стали создаваться в Индии, Латинской Америке, Японии и других странах [1].

На V Всебелорусском народном собрании Александр Григорьевич Лукашенко отметил: «Мотивированная, образованная, активная молодежь — это,

по сути, стратегический ресурс развития любой страны. Ведь от того, какую смену мы воспитаем, насколько подготовим к самостоятельной жизни, зависит будущее государства, прогресс или деградация общества» [2]. Президент Российской Федерации Владимир Владимирович Путин на своем выступлении, приуроченном ко Дню молодежи, определил, что молодежь задает общий темп движения страны вперед, и именно благодаря молодежи страна динамично развивается, строит и реализует планы на десятилетия вперед [3].

В Республике Беларусь и Российской Федерации действует перечень нормативных правовых актов, регулирующих государственную молодежную политику, среди них Закон Республики Беларусь от 7 декабря 2009 г. № 65-З «Об основах государственной молодежной политики» [4], постановление Совета Министров Республики Беларусь от 19 июня 2021 г. № 349 «О Стратегии развития государственной молодежной политики Республики Беларусь до 2030 года» [5], Федеральный закон от 30 декабря 2020 г. № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации» [6], распоряжение Правительства Российской Федерации от 17 августа 2024 г. № 2233-р «Об утверждении Стратегии реализации молодежной политики в Российской Федерации на период до 2030 года» [7], постановление Правительства Российской Федерации от 15 октября 2022 г. № 1840 «Об утверждении Правил осуществления мониторинга реализации молодежной политики в Российской Федерации, Правил подготовки доклада о положении молодежи в Российской Федерации, перечня обязательной информации, подлежащей мониторингу реализации молодежной политики в Российской Федерации, и перечня обязательной информации, подлежащей включению в доклад о положении молодежи в Российской Федерации» [8] и ряд других законодательных актов.

Что касается совместной деятельности государств в области молодежной политики, то рассмотрим особенности осуществления молодежной политики в рамках Союзного государства. В июле 2023 г. в Москве проходило расширенное совещание по вопросам молодежной политики Союзного государства. В совещании приняло участие более 180 представителей России и Беларуси. Во время проведения круглых столов и семинаров были разработаны рекомендации по взаимодействию стран в сфере молодежной политики, деятельности молодежных организаций и объединений [9].

В 2025 г. была завершена разработка проекта Стратегии развития молодежной политики Союзного государства (далее — Стратегия Союзного государства), который планируется внести на утверждение Высшего Государственного Совета Союзного государства в 2026 г. Акцент в Стратегии Союзного государства будет сделан на патриотическое воспитание молодежи, поддержку образования и трудоустройства юношей и девушек, развитие потенциала

одаренной молодежи, а также вовлечение молодых людей в социально-экономическое и общественно-политическое развитие Союзного государства. Основная цель стратегии — повышение духовно-нравственного развития молодых людей, сохранение исторической памяти народов, личностный рост молодежи Союзного государства [10].

Важным ежегодным международным мероприятием в рамках развития молодежной политики является проводимый фестиваль «Молодежь — за Союзное государство». Так, с 4 по 8 сентября 2025 г. данное мероприятие проходило в г. Могилеве. Фестиваль был приурочен к 80-летию Победы в Великой Отечественной войне. Были проведены музыкальные и хореографические конкурсы, мастер-классы жюри, экскурсии по историческим местам и многое другое. В 2024 г. в рамках фестиваля в Смоленске впервые проводился Форум молодых историков Союзного государства, на котором были выработаны подходы по преподаванию истории в Республике Беларусь и Российской Федерации. Важным патриотическим мероприятием также стал проект «Поезд Памяти», который представляет собой двухнедельное путешествие на специальном поезде по местам, связанным с историей Великой Отечественной войны. Впервые данный проект был реализован в 2022 г. В 2024 г. проект объединил участников из 8 стран, которые посетили 13 городов, в 2025 г. в проекте приняло участие уже 15 стран, было посещено 15 городов Беларуси [11]. Именно благодаря проведению таких мероприятий происходит сближение и укрепление связей молодежи Беларуси и России. Планомерно проводится совместная политика по самореализации молодежи на родине. Особый акцент сделан на патриотическое воспитание путем обеспечения сбора и поддержки молодежных инициатив, нацеленных на сохранение исторической памяти и противодействие фальсификации исторических фактов.

Также отметим, что при Парламентском Собрании Союза Беларуси и России действует Молодежная палата, в которую входит 40 представителей, по 20 от государства. В состав Молодежной палаты входят комиссия Молодежной палаты по образованию и науке, комиссия Молодежной палаты по вопросам туризма и экологии, комиссия Молодежной палаты по спорту и здравоохранению, комиссия Молодежной палаты по предпринимательству и работающей молодежи, комиссия Молодежной палаты по патриотическому воспитанию и культурному наследию [12]. В рамках деятельности Молодежной палаты проводились и осуществлялись совместные проекты, среди которых Вахта Памяти «Никто не забыт, ничто не забыто», направленная на благоустройство захоронений ветеранов Великой Отечественной войны, акции «Голос Победы», «Время Помнить» и другие мероприятия.

В 2025 г. исполнилось 30 лет Соглашению между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Беларусь о сотрудничестве в области молодежной политики, которое было подписано 30 июня 1995 г. Согласно данному Соглашению, деятельность государств направлена на поощрение сотрудничества между молодежными организациями двух стран в форме тематических семинаров, конференций и консультаций, обмена опытом, оказания психологической, юридической и иной помощи молодым людям, реализации программ по оздоровлению и обеспечению экологической безопасности. Главы государств неоднократно отмечали, что все, что делается в рамках Союзного государства, в первую очередь направлено на развитие молодежи.

В Республике Беларусь действует «Стратегия развития государственной молодежной политики Республики Беларусь до 2030 года» [5] (далее — Стратегия), которая направлена на дальнейшее построение и развитие государственной молодежной политики республики. Данная Стратегия учитывает принципы и нормы международных соглашений, подписанных в том числе и в рамках деятельности Союзного государства. В Стратегии отмечается, что в последние годы наращивается международное сотрудничество Республики Беларусь в сфере молодежной политики, организована работа белорусских молодежных парламентариев в составе Молодежной палаты при Парламентском Собрании Союза Беларуси и России [5].

В Российской Федерации действует «Стратегия реализации молодежной политики в Российской Федерации на период до 2030» года, которая включает в себя планирование в сфере молодежной политики и направлена на консолидацию усилий федеральных государственных органов по реализации молодежной политики. Одним из важнейших направлений является развитие международного и регионального сотрудничества в рамках Союзного государства, Содружества Независимых Государств и иные виды деятельности [7].

В границах деятельности Союзного государства в области молодежной политики принята «Дорожная карта органов исполнительной власти Республики Беларусь, федеральных органов исполнительной власти Российской Федерации и национальных общественных объединений двух стран в сфере молодежной политики на 2025–2027 годы» [13], которая включает региональные, международные, республиканские и федеральные мероприятия, проводимые в рамках Стратегии Союзного государства. Основные направления деятельности, указанные в дорожной карте, включают науку, образование, культуру, занятость, повышение квалификации, волонтерское движение.

Исходя из вышеизложенного, необходимо отметить, что несмотря на объем проводимой работы, неуклонно возрастает необходимость усиления гражданского и патриотического воспитания молодых людей, усиление поддержки

талантливой и одаренной молодежи, повышения уровня политической культуры юношей и девушек. Отметим также, что проводимые совместные программы и мероприятия в рамках молодежной политики требуют системной информационной поддержки, которая позволит расширить круг молодежи Беларуси и России, знающей о проводимых проектах и мероприятиях и имеющих возможность участия в них.

1. Соколова В. И. Зарождение молодежного движения в мире (вторая половина XIX начало XX веков) [Электронный ресурс] // Вестн. Чуваш. ун-та. 2014. № 4. С. 85–90. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/zarozhdenie-molodezhnogo-dvizheniya-v-mire-vtoraya-polovina-hih-nachalo-hh-vekov-1/viewer (дата обращения: 10.01.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье

2. О молодежи [Электронный ресурс] // Президент Республики Беларусь : [сайт]. URL: https://president.gov.by/ru/quotes/category/o-molodyozhi (дата обращения: 10.01.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье

3. Путин: будущее России зависит от молодежи [Электронный ресурс] // Профиль : [сайт]. URL: https://profile.ru/news/politics/putin-budushhee-rossii-zavisit-ot-molodezhi-1722229/?ysclid=mk6qy390uz588058527 (дата обращения: 10.01.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье

4. Об основах государственной молодежной политики [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь от 7 дек. 2009 г. № 65-З : в ред. от 11 окт. 2024 г. № 36-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». Вернуться к статье

5. О Стратегии развития государственной молодежной политики Республики Беларусь до 2030 года [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь от 19 июня 2021 г. № 349 : в ред. от 5 дек. 2024 г. № 906. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». Вернуться к статье

6. О молодежной политике в Российской Федерации [Электронный ресурс] : Федер. закон от 30 дек. 2020 г. № 489-ФЗ : в ред. от 23 июля 2025 г. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс». Вернуться к статье

7. Об утверждении Стратегии реализации молодежной политики в Российской Федерации на период до 2030 года [Электронный ресурс] : распоряжение Правительства Рос. Федерации от 17 авг. 2024 г. № 2233-р. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс». Вернуться к статье

8. Об утверждении Правил осуществления мониторинга реализации молодежной политики в Российской Федерации, Правил подготовки доклада о положении молодежи в Российской Федерации, перечня обязательной информации, подлежащей мониторингу реализации молодежной политики в Российской Федерации, и перечня обязательной информации, подлежащей включению в доклад о положении молодежи в Российской Федерации [Электронный ресурс] : постановление Правительства Рос. Федерации от 15 окт. 2022 г. № 1840 : в ред. от 17 июля 2025 г. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс». Вернуться к статье

9. Вопросы молодежной политики России и Белоруссии обсуждают на полях расширенного совещания Союзного государства [Электронный ресурс] // Минобрнауки России : [сайт]. URL: https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/mezhdunarodnoe-sotrudnichestvo/70159// (дата обращения: 10.01.2026). Вернуться к статье

10. Парламентарии инициируют разработку Стратегии развития молодежной политики в Союзном государстве [Электронный ресурс] // Парламентское собрание Союза Беларуси и России : [сайт]. URL: https://belrus.ru/info/parlamentarii-iniciiruyut-razrabotku-strategii-razvitiya-molodezhnoj-politiki-v-soyuznom-gosudarstve/ (дата обращения: 11.01.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье

11. «Поезд Памяти» [Электронный ресурс] // БЕЛТА : [сайт]. URL: https://belta.by/infographica/view/poezd-pamjati-42968/#:~:text="Поезд%20Памяти"%20"Поезд%20Памяти"%20-,приурочен%20к%2080-летию%20Великой%20Победы (дата обращения: 11.01.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье

12. Молодежная палата при Парламентском Собрании Союза Беларуси и России [Электронный ресурс] // Парламентское собрание Союза Беларуси и России : [сайт]. URL: https://belrus.ru/content/molodejnaa_palata/ (дата обращения: 11.01.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье

13. Дорожная карта органов исполнительной власти Республики Беларусь, федеральных органов исполнительной власти Российской Федерации и национальных общественных объединений двух стран в сфере молодежной политики на 2025–2027 годы [Электронный ресурс]. URL: https://intermol.su/upload/iblock/5e4/hmoy51nk0ctk2b7i7gzew8tc9vqmxfth.pdf (дата обращения: 18.02.2026) Перейти к источнику Вернуться к статье

УДК 37.017.4

МЕТАФОРИЧЕСКИЕ АССОЦИАТИВНЫЕ КАРТЫ КАК ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ОПОРА ДЛЯ РАЗВИТИЯ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ СТУДЕНТОВ

METAPHORICAL ASSOCIATIVE CARDS AS A PEDAGOGICAL CUES FOR DEVELOPING STUDENTS' LEGAL CULTURE

Е. М. Зорина
Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики,
доцент кафедры гражданского права и процесса,
кандидат педагогических наук

Л. В. Тихонравов
Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики,
старший преподаватель кафедры гражданского права и процесса

Аннотация. *В статье рассматривается применение метафорических ассоциативных карт как педагогического инструмента для развития правовой культуры студентов-юристов. Авторы предлагают использовать ситуативные метафорические ассоциативные карты для формирования «правового зрения», эмпатии и навыков анализа неоднозначных ситуаций. Метод позволяет преодолеть формальность правовых знаний и развить критическое мышление.*

Ключевые слова: *метафорические ассоциативные карты, правовая культура, педагогические опоры, интерактивные методы обучения.*

Annotation. *The article examines the use of metaphorical associative cards as a pedagogical tool for developing the legal culture of law students. The authors propose using situational metaphorical associative cards to develop «legal vision», empathy, and skills for analyzing ambiguous situations. The method helps overcome the formality of legal knowledge and fosters critical thinking.*

Keywords: *metaphorical associative cards, legal culture, pedagogical cues, interactive teaching methods.*

Современное государство и общество выдвигают высокие требования к уровню правовой культуры, нравственно-правовому сознанию, этическому и социально активному поведению молодежи, особенно студентов-юристов как будущих потенциальных сотрудников силовых структур. Однако существует противоречие между формальным знанием права и внутренней готовностью действовать в правовом поле, особенно в стрессовых и неоднозначных ситуациях. Именно это обуславливает необходимость внедрения интерактивных, личностно-ориентированных педагогических технологий. На наш взгляд, для этого подходят различные педагогические опоры, в том числе и

метафорические ассоциативные карты, которые чаще всего используются в психологическом консультировании, а не в образовательном процессе.

Термин «правовая культура» достаточно часто употребляется в различных государственных документах, в научной и учебной литературе, но нет согласия во взглядах на содержание, объем данной дефиниции и связи с гражданско-правовым и нравственно-правовым обучением и воспитанием. Имеются многочисленные, порой прямо противоположные, определения данного понятия.

В нашем исследовании мы будем понимать правовую культуру как «совокупность ценностей и норм, необходимых для эффективной социализации в обществе, а также знание прав и обязанностей… как важнейший и обязательный компонент современного образования, который лежит в основе подготовки востребованных специалистов и патриотически настроенных граждан» [1, с. 103].

На наш взгляд, педагогическая опора — это «адаптированный для образовательных целей универсальный педагогический инструмент организации образовательного процесса в вузе в условиях цифровизации для выделения ведущих понятий, логических рассуждений, систематизации потоков научной и учебной информации и подготовки обучающихся к самооценке и самоконтролю знаний, реализующий образовательно-развивающую функцию по формированию метапредметной компетенции» [2, с. 179].

Мы будем рассматривать метафорические ассоциативные карты (далее — МАК) как невербальную педагогическую опору, которая может быть выполнена и в цифровом формате.

Известный психолог Н. Ю. Балаян указывает на то, что «ассоциативный принцип работы психики известен давно, но научную трактовку и объяснение приобрел в конце XIX – начале XX в. благодаря авторам концептуальных моделей психоанализа. Как все помнят, известные эксперименты К. Юнга, связанные с «техникой свободных ассоциаций», уже легли в основу принципа работы современного полиграфа (детектора лжи)» [3, с. 19].

Считается, что первая колода МАК появилась в 1975 г. в Канаде, но применять ее в психотерапевтической практике стали лишь в 1983 г. в Германии. Официально в России такая методика появилась лишь в 1991 г. Однако стоит вспомнить учебники по русскому языку, которые содержали в себе иллюстрации для так называемых сочинений по картине. Они были направлены не только и не столько на описание самой картины, сколько на креативное взаимодействие, т. к. требовалось определить, что на ней происходит, описать эмоции, возможное развитие событий. И такие задания присутствовали в учебниках, которые издавали в СССР с середины XX в. Главное отличие от МАК —

за основу брались уже существующие картины русских художников, а не специально прорисованные изображения.

Мы рассматриваем ситуативные МАК как педагогическую опору для развития «правового зрения» в рамках правовой культуры, а не как психотерапевтический инструмент, базируясь на менталитете и правосознании именно российских граждан, т. к. при другом наборе базовых ценностей те же самые картинки будут вызывать другие ассоциации.

При этом стоит учесть, что правоприменение — это не работа с шаблонами, а анализ уникальных ситуаций и человеческих поступков. У будущих сотрудников силовых ведомств существует дефицит навыков ситуационного анализа, эмпатии и понимания субъективности восприятия. Традиционные методы учат знанию норм, но не развивают «правовое зрение» — умение считывать ситуацию, видеть ее предысторию и возможные пути развития.

Мы считаем, что ситуативные колоды МАК — это изображения неоднозначных взаимодействий между людьми (спор, просьба, неловкость, сотрудничество, конфронтация, переговоры). На них также отсутствуют четкие указания на «хороших» и «плохих». Это помогает развитию «правовой эмпатии» — способности понять внутреннюю логику и эмоциональное состояние другого участника правоотношений, не отождествляясь с ним.

Карта выступает «пустым экраном», на котором человек проявляет свой способ видения социальных ситуаций. Стоит отметить, что у студентов чаще всего возникает фундаментальная ошибка атрибуции (объяснение поступков других их личностью, а своих — обстоятельствами), предвзятость подтверждения, стереотипизация.

Педагогическая ценность таких ситуативных МАК — безопасный способ столкнуть разные точки зрения в группе, наглядно доказать существование иных интерпретаций, отработать навык формулировки и аргументации своей версии. В современных общественных и педагогических практиках эффективность групповой работы наиболее ярко подтверждена системой инклюзии: когда в группе собираются для работы или обучения разные по уровню и способностям участники, общая эффективность и результативность каждого возрастает [3, с. 30].

Рассмотрим алгоритмы и техники работы с такими ситуативными МАК.

− Контекстуализация: «Что происходит на этой картинке? Опишите ситуацию одним-двумя предложениями» (включает логическое мышление).

− Интерпретация «до»: «Что могло привести к этой ситуации? Какая была предыстория?» (развивает причинно-следственное мышление, понимание, что у действий есть контекст).

− Эмоциональная диагностика: «Какие эмоции испытывает каждый из персонажей? Почему?» (тренирует эмоциональный интеллект и эмпатию).

− Словесная резюмизация: «Каким одним словом/фразой можно охарактеризовать эту ситуацию? (Конфликт? Договоренность? Непонимание?)» (развивает способность к категоризации и выделению сути).

− Прогнозирование и правовая оценка: «Как могут развиваться события дальше? К каким правовым последствиям это может привести? (Административное правонарушение? Гражданский спор? Преступление?)» (формирует правовое прогнозирование).

− Упражнение «Следователь и Защитник». Группа делится на две ролевые позиции. Одна группа описывает ситуацию на карте как «следователь» (ищет признаки правонарушения, вину, угрозу), другая — как «защитник» (ищет смягчающие обстоятельства, мотивы, провокации). Затем сопоставляются взгляды.

− Упражнение «Монолог каждого». Участники по очереди «озвучивают» мысли одного из персонажей на карте от первого лица. Это смещает фокус с внешней оценки на внутренний мир.

− Рефлексия после обсуждения. Вопрос педагога: «Почему, глядя на ОДНУ и ту же картинку, мы предложили РАЗНЫЕ, а иногда и противоположные версии произошедшего?» Подведение к выводу о роли личного опыта, профессиональной деформации, ценностей.

− Связь с профессиональными задачами:

1. Для составления протокола: Как разные наблюдатели описали бы одно событие? Что объективно, а что — интерпретация?

2. Для ведения допроса: Какие вопросы вы зададите, исходя из своей версии? А какие вопросы задал бы тот, кто видит ситуацию иначе?

3. Для разрешения конфликтов на службе / в коллективе: Как с помощью карты можно проработать реальный служебный конфликт, увидев его глазами другой стороны?

Метод развивает навыки анализа и рефлексии, но не дает правовых знаний. Обязательно необходимо связывать итоги обсуждения с конкретными нормами права («Если бы это было действительно правонарушение Х, то какие статьи бы вступили в силу?»).

Ситуативные МАК — это эффективный «микротренажер» для отработки ключевых навыков правовой культуры: сбора «улик» (деталей на карте), построения гипотез, понимания мотивов, осознания собственных когнитивных искажений. Преимущества МАК перед традиционными методами в контексте развития правовой культуры: работа с ценностями и эмоциями, создание

«ситуации выбора без давления, развитие soft skills (эмпатия, коммуникация, креативность).

Главный педагогический результат не «найти ответ», а сформировать у будущего специалиста установку: «Любая ситуация может быть увидена иначе. Мой первый взгляд не истина в последней инстанции. Мне нужно проверить свои интерпретации».

Возможная перспектива — создание специализированной колоды ситуативных карт, основанной на реальных служебных дилеммах и казусах из практики силовых структур.

1. Зорина Е. М. Развитие правовой культуры как метапредметной компетенции студентов // Человек и образование. 2023. № 4 (77). С. 103–109. Вернуться к статье

2. Зорина Е. М. Модели обучения с использованием педагогических опор в условиях цифровизации // Человек и образование. 2023. № 1 (74). С. 178–188. Вернуться к статье

3. Балаян Н. Ю. Психология и метафорические карты от А до Я: теория и практики использования плюс полное руководство к созданию собственной колоды. М. : Эксмо, 2026. 288 с. Вернуться к статье

УДК 81’373.4:340.113

ЯВЛЕНИЕ ВАРИАТИВНОСТИ В ЮРИДИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ РУССКОГО ЯЗЫКА

VARIATION IN RUSSIAN LEGAL TERMINOLOGY

Е. Е. Иванов
Могилевский институт МВД Республики Беларусь,
преподаватель кафедры социально-гуманитарных дисциплин

Аннотация. *В статье рассмотрена вариативность юридической терминологии русского языка на материале терминоведческих описаний и действующей редакции Гражданского кодекса Республики Беларусь. При последовательном разграничении вариантов и смежных явлений по тождеству корневой морфемы большинство описываемых в литературе «вариантных пар» квалифицируются как синонимия, полисемия, аббревиация или омонимия; в кодифицированном тексте собственно вариантных пар не обнаружено, что объясняется кодификационной нормой.*

Ключевые слова: *терминологическая вариативность, юридическая терминология, термин, синонимия, полисемия, кодификация, Гражданский кодекс.*

Annotatoin. *This paper addresses variation in Russian legal terminology, drawing on terminological studies and the current text of the Civil Code of the Republic of Belarus. When variants and related phenomena are consistently distinguished by the identity of the root morpheme, most pairs described in the literature as «variants» qualify as synonymy, polysemy, abbreviation or homonymy; a complete sampling of the codified text reveals no genuine variant pair, which is consistent with the established codification norm.*

Keywords: *terminological variation, legal terminology, term, synonymy, polysemy, codification, Civil Code.*

Терминологическая вариативность остается одной из нерешенных проблем теории термина: со времени работ О. С. Ахмановой операциональные критерии разграничения вариантов, синонимов и смежных лексических явлений по-прежнему обсуждаются [1, с. 3–4]. В описаниях юридической терминологии русского языка — наиболее регулируемого и кодифицируемого специального пласта лексики — корпус «вариантных пар» нередко формируется по разнородным основаниям: в один ряд попадают орфографические дублеты, словообразовательные параллелизмы, разнокорневые синонимы, полисемия и аббревиация. Такое смешение маскирует собственно вариативность и затрудняет упорядочение терминологии [2, с. 102–103]. Целью статьи является демонстрация работы формального критерия разграничения и его следствий применительно к действующему нормативному тексту. При последовательном применении критерия большинство описываемых в литературе «вариантных пар» не квалифицируется как собственно вариативность; сплошная же выборка

по Гражданскому кодексу Республики Беларусь не выявляет ни одной собственно вариантной пары.

В отечественном терминоведении сложился ряд позиций о соотношении терминологической вариативности и синонимии. С. В. Гринев-Гриневич рассматривает вариантность как частный случай абсолютной синонимии [2, с. 105]; С. Д. Шелов, напротив, обосновывает, что вариативность и синонимия терминов не связаны родовидовыми отношениями [1, с. 15]. В настоящей статье принимается узкое понимание вариативности вслед за Г. А. Ивановой. Согласно предложенному ею формальному критерию, к вариантам относятся семантически тождественные термины, характеризующиеся тождеством корневой части, а разнокоренные единицы той же семантики квалифицируются как синонимы [3, с. 30]. Критерий тождества корневой морфемы позволяет разграничить собственно вариативность и синонимию, а также отделить их от межотраслевой полисемии, аббревиации и омонимии. Продуктивность строгого разграничения подтверждается исследованием Н. В. Сандаловой, в котором по терминографическим источникам проанализировано 470 вариантных пар и 370 синонимических пар русских юридических терминов [4, с. 17–18].

Названный критерий сужает типологический ряд формальных вариантов, описанных в научных работах: собственно вариантными остаются фонетико-орфографические, морфологические, словообразовательные, синтаксические и эллиптические типы. Аббревиация, составляющая, по данным Н. В. Сандаловой, 44 % формальных вариантов русских юридических терминов [4, с. 17], представляет собой скорее самостоятельный способ номинации, нежели вариант полной формы.

Применение формально-корневого критерия к примерам, указанным в научных работах, позволяет установить существенное сужение этого класса. Из двадцати пар юридических терминов, извлеченных из работ С. П. Хижняка и Н. В. Сандаловой [4, с. 16–18; 5, с. 70], критерий тождества корневой морфемы проходят лишь три: словообразовательная пара *баллотирование — баллотировка* (часть слова *баллот-*, различие суффиксов), квалифицируемая С. П. Хижняком как проявление словообразовательной вариативности [5, с. 70]; *оприходование — оприходывание* (общая часть слова *оприход-*, различие суффиксов *-ование*/*-ывание*), отнесенная Н. В. Сандаловой к словообразовательным вариантам и составляющая около 9 % от общего числа вариантных пар [4, с. 17]; фонетико-орфографическая пара *оферта — офферта* (корень *оферт-*, различие в удвоении согласной), представляющая варьирование графической формы заимствованного термина гражданского права [4, с. 16]. Показательно, что выявленные пары представляют лишь два типа — словообразовательный и фонетико-орфографический; ни синтаксических, ни эллиптических,

ни морфологических вариантов юридических терминов в качестве примеров авторы работ не приводили.

Остальные примеры при применении критерия распределяются между смежными явлениями: разнокорневой синонимией (*правонарушение — деликт*, *случай — казус*), межотраслевой полисемией (*залог* в гражданском и уголовно-процессуальном значениях), аббревиацией (*УК — Уголовный кодекс*, составляющей, по данным Н. В. Сандаловой, 44 % всех описанных ею пар [4, с. 17]) и омонимией (*брак* ‘союз’ и *брак* ‘продукция’). Таким образом, при строгом разграничении по тождеству корневой морфемы собственно вариантные пары в юридической терминологии русского языка оказываются исключением, а подавляющее большинство того, что авторы работ квалифицируют как «вариативность», представляет собой иные лексико-семантические явления.

При анализе кодифицированного текста был получен следующий результат. Сплошная выборка по действующей редакции Гражданского кодекса Республики Беларусь [6], при которой анализировались все типы вариантов (фонетико-орфографические, морфологические, словообразовательные, синтаксические, эллиптические), а также пояснения в скобках в заголовках и тексте статей кодекса, не выявила ни одной собственно вариантной пары. Из трех пар, описанных выше, *оферта* функционирует в тексте кодекса исключительно в нормативной форме (гл. 28, ст. 405 и далее), историческая форма *офферта* не зафиксирована; пары *баллотирование — баллотировка* и *оприходование — оприходывание* в Гражданском кодексе Республики Беларусь не представлены.

Вместе с тем в тексте кодекса встречаются парные номинации, квалифицируемые в литературе как проявления вариативности, но при последовательном применении формально-корневого критерия представляющие собой смежные явления. Так, термин *залог* в Гражданском кодексе обозначает способ обеспечения обязательства (гл. 23, § 3, ст. 315–339); в уголовно-процессуальном праве тот же термин используется в значении меры пресечения. Таким образом, перед нами не вариативность, а межотраслевая полисемия: тождество формы при различии плана содержания [5, с. 70]. Соотношение полного и сокращенного термина (*УК — Уголовный кодекс*) квалифицируется как аббревиация. Это самостоятельный способ номинации, не являющийся варьированием полной формы. Пара *брак* ‘союз’ и *брак* ‘продукция’ представляет собой омонимию [5, с. 69].

Наиболее показательна пара *наем* (*аренда*) / *наниматель — арендатор*. В п. 3 ст. 35 и в ст. 471 Гражданского кодекса Республики Беларусь законодатель эксплицитно признает эквивалентность двух номинаций через пояснения в скобках: «сдаче его в аренду (в наем)», «нанимателем (арендатором)».

Формально-корневой критерий [3, с. 30], однако, разводит эту пару с собственно вариативностью: части слова *нае[м]-* и *аренд-* различны, что позволяет квалифицировать пару как дублетную синонимию, а не варьирование формы одного термина. В основном тексте кодекса доминирует форма *аренда*/*арендатор*; пояснение в скобках фиксирует синонимическое отношение двух разнокоренных номинаций, но не порождает собственно варьирования.

Отсутствие собственно вариантных пар в кодифицированном тексте вполне закономерно. Е. А. Иванникова подчеркивала, что вариантность принадлежит сфере материальной формы слова, тогда как синонимия — сфере семантических отношений [7, с. 141]; кодификационная норма на практике учитывает это разграничение. Нормативный текст проходит правку, ориентированную на единообразие: фонетико-орфографические и словообразовательные параллелизмы устраняются как избыточные средства называния [2, с. 108], тогда как полисемия, аббревиация и дублетность, будучи свойствами терминосистемы, такой правке не подлежат и в действующем тексте сохраняются.

Собственно вариативность и смежные лексико-семантические явления в юридической терминологии русского языка разграничиваются при последовательном применении формального критерия тождества корневой морфемы. На материале терминоведческих описаний критерию отвечают лишь три пары из двадцати, представляя словообразовательный и фонетико-орфографический типы; остальные квалифицируются как синонимия, полисемия, аббревиация или омонимия. Сплошная выборка по действующей редакции Гражданского кодекса Республики Беларусь не выявила ни одной собственно вариантной пары: кодификационная норма устраняет формальные параллелизмы, тогда как полисемия, аббревиация и дублетная синонимия, будучи свойствами терминосистемы, сохраняются.

Результаты подтверждают необходимость последовательного разграничения вариативности и смежных явлений при описании юридической терминологии и подготовке терминологических словарей. Вариативность свидетельствует о недостаточной упорядоченности правовой терминологии [5, с. 70], а синонимы, по выражению Г. Х. Шамсеевой, «всегда наносят вред четкости и однозначности законодательного акта» [8, с. 137]. Терминологическая точность нормативного текста — необходимое условие правовой определенности и, как следствие, элемент правовой культуры.

---

1. Шелов С. Д. О вариативности и синонимии в терминологии // Изв. РАН. Сер. лит. и яз. 2014. Т. 73, № 5. С. 3–17. Вернуться к статье

2. Гринев-Гриневич С. В. Терминоведение : учеб. пособие для студентов высш. учеб. заведений. М. : Акад., 2008. 304 с. Вернуться к статье

3. Иванова Г. А. Синонимия и вариантность терминов: проблема разграничения // Вестн. Нижегород. ун-та им. Н. И. Лобачевского. Сер. Филология. 2006. № 1. С. 28–32. Вернуться к статье

4. Сандалова Н. В. Вариологические аспекты юридических терминов в русском и английском языках (по терминографическим источникам) : автореф. дис. … канд. филол. наук : 10.02.20 / Урал. гос. пед. ун-т. Екатеринбург, 2010. 25 с. Вернуться к статье

5. Хижняк С. П. Правовая терминология и проблемы ее упорядочения // Правоведение. 1990. № 6. С. 67–71. Вернуться к статье

6. Гражданский кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 7 дек. 1998 г. № 218-З : принят Палатой представителей 28 окт. 1998 г. : одобр. Советом Респ. 19 нояб. 1998 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 16 марта 2026 г. № 134-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». Вернуться к статье

7. Иванникова Е. А. К вопросу о взаимоотношении понятия варианта с понятием синонима // Синонимы русского языка и их особенности : сб. ст. / АН СССР, Ин-т рус. яз. ; отв. ред. А. П. Евгеньева. Л. : Наука, 1972. С. 138–153. Вернуться к статье

8. Шамсеева Г. Х. К проблеме синонимии терминов права (на материале юридических терминов английского и татарского языков) // Вестн. Челяб. гос. ун-та. Филология. Искусствоведение. 2012. № 21 (275). С. 137–142. Вернуться к статье

УДК 340.11:94(47):74.01/.09

ПЛАКАТ КАК СРЕДСТВО ФОРМИРОВАНИЯ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ В СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД (1950–1980-Е ГГ.)

THE POSTER AS A MEANS OF SHAPING LEGAL CULTURE IN THE SOVIET PERIOD (1950S–1980S)

А. Е. Игнатович
Могилевский институт МВД Республики Беларусь,
доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин,
кандидат исторических наук, доцент

Аннотация. *В статье рассматриваются особенности советских плакатов правовой тематики, транслирующих идею связи прав граждан с обязанностями перед государством.*
Ключевые слова: *плакат, правовая культура, СССР, Конституция, закон.*

Annotation. *The article examines the characteristics of Soviet legal posters that convey the idea of the connection between citizens' rights and their responsibilities to the state.*
Keywords: *poster, legal culture, USSR, Constitution, law.*

Плакат активно использовался в советский период как средство агитации и пропаганды. Важно, что образы, связанные с правом, также нашли отражение в данном виде искусства. Анализ работ 1950-х – 1980-х гг., представленных в рассматриваемой подборке [1], позволяет выделить ключевые аспекты формирования правовой культуры средствами плаката.

Плакат в советский период рассматривался не просто как средство информирования, а как инструмент просвещения, формирования гражданской идентичности и внедрения идеологических установок в массовое сознание [2]. В контексте данной статьи речь идет о трансляции определенных образов и представлений о праве. Предоставленная подборка из 29 плакатов представляет собой репрезентативный срез советской официальной правовой пропаганды периода 1950-х – 1980-х гг. В этой связи стоит отметить и массовый характер данных плакатов: все они печатались тиражами не менее 100 000 экземпляров [1].

Наиболее многочисленная группа плакатов посвящена Конституции. Анализ показывает, что Основной Закон подавался не только как юридический документ, но и как политический символ. Образ праздника «День Конституции» был связан с использованием торжественной, иногда поэтической лексики («Кодекс Счастья», «великая хартия мира», «знамя»), что создавало эмоциональную привязанность к документу. При этом плакаты регулярно воспроизводят ключевые формулировки из преамбул и статей конституций: акцент делается на роль пролетариата («государство рабочих и крестьян», «власть принадлежит трудящимся») в соответствии с Конституцией СССР 1936 г.,

а в соответствии с текстом 1977 г. — на концепцию «общенародного государства». То есть плакат выполнял и функцию визуальной фиксации изменения официальной доктрины. Риторика ряда плакатов («Граждане СССР обладают всей полнотой социально-экономических, политических и личных прав и свобод, провозглашенных и гарантируемых Конституцией СССР и советскими законами. Советский человек — хозяин своей страны. Он — единственный создатель могущества и богатства общества», «Главная гарантия всех прав советского человека — мощь и процветание социалистической Отчизны», «Защищать права и интересы граждан, утверждать социальную справедливость») формирует модель правосознания, в которой права человека тесно связаны с сильным государством-гарантом. Подчеркивается и характер государственной идеологии («Знамя прав и свобод человека — знамя социализма!», «Конституция СССР служит делу коммунистического созидания»).

Еще одной ключевой характеристикой советского правосознания, транслируемого через плакаты, является неразрывная связь прав с обязанностями. Лозунг «Большие права нам Отчизной даны — ответим трудом на заботу страны!» — это формула социального контракта в советском идеологическом исполнении. Государство предоставляет социально-экономические права (право на труд, отдых, обеспечение и т. д.), а гражданин отвечает ударным трудом. При этом подчеркивается и активная роль граждан в обеспечении законности («Советский закон — народная воля, нарушать никому не позволим!»). Особо выделяется роль милиции и добровольных народных дружин («Защищать права и интересы граждан, утверждать социальную справедливость», «Честно стоять на страже революционной законности»).

Часть рассматриваемых плакатов связаны с конкретными законодательными актами (Закон «О народном контроле» 1979 г., Закон «О трудовых коллективах и повышении их роли в управлении предприятиями, учреждениями, организациями» 1983 г.). Лозунги «Крепи дисциплину труда!» и «Наши успехи — в наших руках!» связывают правовые нормы с производственными задачами. Это отражает попытку государства использовать правовые рычаги для повышения эффективности экономики в период «развитого социализма». В плакате «Контролер — противник всякой нечисти» право предстает не только как набор запретов, но и как сфера гражданского участия.

Анализ визуального ряда плакатов позволяет дополнить выводы о механизмах формирования правовой культуры в СССР в данный период. Если вербальные лозунги задавали идеологическую программу, то изобразительный ряд выполнял функцию эмоционального «кодирования» и закрепления этих смыслов в массовом сознании через узнаваемые символы, цветовые решения и композиционные приемы [3, с. 90].

Визуальное оформление плакатов, посвященных Конституции, последовательно формировало образ Основного закона как основы советского права и государства. Красный цвет и государственная символика выступают доминантой. Плакаты часто выполнялись на бордовом или красном фоне, что традиционно ассоциировалось с революционной борьбой и государственной властью в советской стране. Изображение герба СССР, выполненное золотым или желтым цветом, добавляло плакатам торжественности. Конституция изображалась не просто как брошюра, а как объемный том в красном переплете. Композиция плакатов создавала визуальную метафору: Конституция — это основа миропорядка, «кодекс счастья» (в одном из плакатов), который можно и нужно демонстрировать, которым нужно гордиться.

В этой связи важной визуальной стратегией было создание обобщенных образов носителей прав и обязанностей. Образ труженика-созидателя является основным, он создается через изображение рабочих у станков, строителей, колхозниц, врачей и инженеров. Композиционно фигуры трудящихся часто размещались на фоне промышленных объектов, создавая неразрывную связь «человек труда — производство — закон». Это визуально закрепляло тезис о том, что права производны от вклада гражданина в общее дело развития страны. Важным в этой связи является собирательный образ народного контролера (обычно использовался образ рядового рабочего), что подчеркивало тезис о значимости трудящегося человека, указывало на характер самого советского государства.

Цвет в советских правовых плакатах выполнял четко определенные функции. Красный — доминирующий для плакатов о Конституции, где он символизировал государственность, революционные завоевания, власть трудящихся. Желтый (золотой) цвет использовался для изображения герба, названия Конституции, важнейших цитат, что придавало этим элементам особую значимость, торжественность. В плакатах также часто присутствуют яркие, контрастные цвета для привлечения внимания и создания энергичного, мобилизующего настроения.

Таким образом, в советский период (1950–1980-е гг.) плакат служил не просто средством информирования о праве, а мощным инструментом идеологического воздействия. Он формировал модель правосознания, в которой право было неразрывно связано с государственной идеологией, а права человека напрямую зависели от мощи и процветания социалистического государства. Центральное место в правовой пропаганде занимала Конституция. Ключевой характеристикой транслируемого правосознания являлась идея социального контракта: государство гарантирует широкие социально-экономические права, а гражданин отвечает на эту «заботу» ударным трудом и соблюдением дисциплины. Плакат последовательно формировал образ гражданина не столько как

носителя индивидуальных прав, сколько как труженика-созидателя, чьи права производны от его вклада в общее дело. Правовая тематика в плакате была тесно интегрирована с текущими хозяйственно-политическими задачами государства. Агитация за выполнение законов использовалась как рычаг для повышения эффективности экономики, а само право представлялось не только системой запретов, но и сферой гражданского участия (например, через образ народного контролера). Визуальный ряд плаката выполнял ключевую функцию эмоционального закрепления идеологических установок. Создавалась устойчивая визуальная метафора: закон — это фундамент государства, а советский человек — его главная опора.

---

1. Советские плакаты о юриспруденции, букве Закона, хищениях и воровстве на производстве [Электронный ресурс] // Плакаты галереи СССР : [сайт]. URL: https://www.plakat-sssr.ru/rus_version/plakat_1/sovetskie_plakatyi_o_yurisprudencii.html#content (дата обращения: 15.02.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье

2. Андреева В. О. Просветительский плакат как средство выражения советской идентичности // Terra Linguistica. 2022. Т. 13. № 2. С. 75–83. Вернуться к статье

3. Коровин К. С. Визуальные источники в изучении политических и правовых учений // Социально-политические науки. 2021. Т. 11. № 6. С. 88–92. Вернуться к статье

УДК 340.114

ВЛИЯНИЕ ПРАВОВОГО ВОСПИТАНИЯ И ОБРАЗОВАНИЯ НА ФОРМИРОВАНИЕ ОБЩЕСТВЕННОЙ И ИНДИВИДУАЛЬНОЙ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ

THE INFLUENCE OF LEGAL UPBRINGING AND EDUCATION ON THE FORMATION OF PUBLIC AND INDIVIDUAL LEGAL CULTURE

О. С. Искра
Азовский государственный педагогический университет,
ассистент кафедры права
факультета гуманитарных наук, экономики и права

Аннотация. *В статье рассматриваются вопросы формирования правовой культуры личности и общества посредством правового воспитания и правового просвещения. Анализируются основные подходы к определению правовой культуры, ее структурные элементы и функции. Исследуются методы и формы правового воспитания в образовательном процессе. Обосновывается необходимость системного подхода к формированию правовой культуры на всех уровнях образования. Делается вывод о том, что повысить уровень правовой культуры общества можно только при комплексном использовании механизмов правового воспитания и просвещения.*

Ключевые слова: *правовая культура, правовое воспитание, правовое образование, правосознание, образовательный процесс, личность, общество, правовое государство, правомерное поведение.*

Annotation. *The article examines the issues of forming the legal culture of the individual and society through legal education and legal upbringing. The main approaches to defining legal culture, its structural elements and functions are analyzed. Methods and forms of legal education in the educational process are investigated. The necessity of a systematic approach to the formation of legal culture at all levels of education is substantiated. It is concluded that raising the level of legal culture of society is possible only with the integrated use of mechanisms of legal education and upbringing.*

Keywords: *legal culture, legal education, legal upbringing, legal consciousness, educational process, personality, society, rule of law, lawful behavior.*

В условиях, в которых происходит построение правового государства и формирование гражданского общества в Российской Федерации, особую актуальность приобретает проблема, связанная с правовой культурой личности и общества. Конституция Российской Федерации закрепляет основополагающие принципы правового статуса человека и гражданина [1], а Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» определяет воспитание у подрастающего поколения правовой культуры как одно из приоритетных направлений

государственной политики в сфере образования [2; 3]. Радикальные изменения в социальной, экономической, политической и информационной сферах жизни обусловливают изменение правового мышления и правового поведения уже взрослого человека, что, в свою очередь, порождает необходимость повышения уровня правовой культуры для дальнейшего воспитания подрастающего поколения уже сформированными способами правовой культуры [3].

Правовую культуру можно охарактеризовать как сложноструктурированное явление, показателями которого выступают развитость общественного правосознания, реальное соблюдение юридических предписаний гражданами, а также состояние защищенности их прав и свобод [4, с. 23]. По мнению А. А. Керимова, качество правовой жизни социума напрямую определяется состоянием его правовой культуры, структурными компонентами которой выступают господствующая правовая идеология, уровень правовой психологии населения и сложившаяся юридическая практика. Это особое социальное явление, взятое в единстве составляющих его элементов: объективного и субъективного права, правовых отношений, законности и правопорядка, правовой деятельности, правовой информированности, уважения к праву и активной жизненной позиции в сфере права [4, с. 25].

Принято выделять три основных уровня правовой культуры: индивидуальный (уровень отдельной личности), групповой (социальные общности) и общесоциальный (уровень всего социума). При этом фундаментом для формирования культуры всего общества служит именно уровень развития правосознания отдельной личности, т. к. оно, на мой взгляд, отражает внутреннюю установку на уважение, справедливость, а также готовность действовать в рамках правового поля. Каждый из этих уровней обладает специфическими особенностями, но все они взаимосвязаны и взаимообусловлены [5, с. 148]. Из правовой культуры личности складывается правовая культура государства и общества в целом [5, с. 148–149].

Под правовым воспитанием сегодня понимают не просто сухое усвоение информации, а активный многоступенчатый процесс формирования правовой культуры личности. Его главная идея — дать человеку не только набор знаний о нормах и законах, но и помочь осознать ценность правопорядка, превратив социально одобряемые поступки в естественную норму повседневной жизни. Этот процесс включает правовое просвещение, воспитание ценностного восприятия правовых норм и принципов, развитие практических навыков, формирование ответственности и гражданской позиции.

В сегодняшних реалиях, когда цифровизация и рост информационной угрозы имеют стремительный рост, особое значение приобретают новые формы правового воспитания, такие как: интерактивные онлайн-курсы, симуляции

правовых ситуаций, различные просветительские проекты в социальных сетях. Например, симуляции позволяют «прожить» определенный юридический конфликт — от защиты прав потребителя до взаимодействия с правоохранительными органами — без реальных последствий, которые могли возникнуть в жизни. Если обратить внимание на онлайн-курсы, то они дают возможность изучать основы законодательства в удобное время и в удобном темпе, что имеет большое значение при текущем ритме жизни. Социальные сети помогают нам вовремя и оперативно получать всю необходимую правовую информацию, что повышает уровень осознанности и восприятия ситуаций здесь и сейчас. К ним также можно отнести мобильные приложения с игровыми механиками, чат-боты для консультаций по базовым правовым вопросам, подкасты и вебинары с участием юристов, а также VR-тренажеры для отработки навыков поведения в различных юридических ситуациях. Благодаря внедрению технологий искусственного интеллекта и персонализированных обучающих алгоритмов образовательные инструменты становятся доступнее для пользователей различных возрастных категорий. Деятельность новых форм способствует формированию у молодежи критического мышления, умению распознавать фейки в правовой сфере, а также осознанно включаться в правовую жизнь общества.

Система правового воспитания включает в себя комплекс мероприятий, проводимых государством и общественными организациями. Существует ряд методов, которые воздействуют на сознание и поведение личности. К основным способам формирования правовой грамотности относятся разнообразные приемы эмоционального и педагогического воздействия: убеждение, предупреждение, поощрение, личный пример, наблюдение, соревнование и принуждение. Образовательный процесс играет ключевую роль в формировании правовой культуры личности. Как показывает исследование З. Н. Ибрагимовой и ее коллег, правовое воспитание должно начинаться с раннего возраста и продолжаться на всех уровнях образования — от дошкольного до высшего профессионального.

Формирование правовой культуры личности начинается с раннего детства, в семье, это первый и очень важный этап, потому что родители формируют первоначальное отношение к нормам и правилам через повседневное воспитание. Я считаю, что дефицит должного внимания в семье к правовому воспитанию может привести к негативным последствиям уже на начальном этапе становления личности. Далее правовое воспитание продолжается в детском саду. В дошкольных учреждениях правовое воспитание осуществляется через различные игровые формы: разыгрывание всевозможных ситуаций, чтение сказок с обсуждением поступков героев, их анализ, обязательное формирование навыков разрешения конфликтных ситуаций мирным путем, а также

понимание элементарных прав ребенка (отдых, прогулки и т. д.). Далее идет процесс формирования правовой культуры в школе. Именно школа, на мой взгляд, играет ключевую роль в осваивании правовых ценностей и норм. Окружение в школе играет ключевую роль в правовом воспитании подрастающего поколения, т. к. оно формирует его правосознание, навыки правомерного поведения и ценностные ориентиры. На данный процесс влияют многие аспекты школьной среды: педагоги, сверстники, образовательная программа и психологический климат. Влияние коллектива в подростковом возрасте часто становится более значимым, чем оценка со стороны более старшего поколения. Группа сверстников может оказывать как положительное, так и отрицательное влияние на правовое воспитание личности. Взгляды коллектива по важным вопросам формируют общую систему ценностей, влияющую на оценку поступков. Поддержание в группе уважительного отношения к нормам и законам играет важную роль в становлении правосознания подрастающего поколения. Волонтерская деятельность и участие в социальной жизни общества дают подростку ощутить свою ценность и обрести чувство ответственности. Систематическое и последовательное приобщение учащихся к изучению правовых и обществоведческих дисциплин поможет вырастить сознательное поколение, которое знает закон, умеет отстаивать свои права и с уважением относится к правам окружающих. И закрепляется формирование правовой культуры в вузе, на этапе высшего образования, т. е. в рамках непрерывного образовательного процесса. Этот этап является ключевым, поскольку именно в студенческие годы происходит не только усвоение основополагающих правовых знаний, но и формируется осознанное отношение к законопослушанию. Развитая правовая культура становится основой для будущей профессиональной грамотности, позволяет выпускникам принимать взвешенные решения в своей деятельности, а также способствует подготовке ответственных граждан, готовых активно участвовать в жизни общества.

Во время осуществления своей педагогической профессиональной деятельности специалисты неизбежно сталкиваются со стремительно меняющимися социальными, правовыми вызовами и новыми жизненными обстоятельствами, продиктованными трансформацией общественных отношений. Своевременное и эффективное реагирование на данные вызовы требует не только профессионализма, но и высокого уровня правовой культуры, который позволит действовать строго в рамках правового поля и свести к минимуму вероятность правовых противоречий. Я считаю, что педагогам важно систематически проходить курсы повышения правовой грамотности, т. к. сама профессия педагога подразумевает под собой постоянное пребывание в режиме самообразования. Думаю, что целесообразно внедрять в образовательных организациях

системы правовой поддержки педагогов, учитывающие последние изменения в законодательстве, что в конечном счете обеспечит защиту прав и интересов всех участников образовательного процесса, а это особенно важно в условиях усиленного контроля за соблюдением законодательства в сфере образования.

На сегодняшний день государственная стратегия направлена на формирование правовой культуры у подрастающего поколения, а именно на воспитание и развитие духовно-нравственных ценностей.

Указ Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» [6], на мой взгляд, определил вектор будущего поколения России и цель как для педагогов, так и для общества в целом в формировании правовой культуры.

Задача этого Указа проста и масштабна — вырастить будущие поколения, для которых соблюдение законов будет естественной нормой жизни.

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы о том, что формирование правовой культуры личности представляет собой непрерывный, многоэтапный процесс, который начинается в семье, с познания базовых норм поведения и продолжается на протяжении всего образовательного пути — от дошкольного учреждения до вуза. Каждый из этих этапов вносит свой вклад: семья закладывает начальные ценностные ориентиры, дошкольные учреждения развивают навыки социального взаимодействия через игру, а школа становится ключевым институтом, формирующим правосознание и навыки правомерного поведения под пристальным вниманием педагогов, влиянием сверстников и образовательной среды. Завершающим этапом этой цепи выступает высшее образование, где происходит не только углубленное усвоение правовых знаний, но и формируется осознанное, ответственное отношение к закону как к будущей профессиональной основе. Современные условия, которые характеризуются динамичными социальными изменениями, высокий уровень правовой культуры становятся неотъемлемым условием для успешной профессиональной деятельности и минимизации правовых рисков. Государственная политика, в частности Указ Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809, определяет стратегическую цель этого процесса — воспитание поколения, для которого уважение к закону и ответственное гражданское поведение являются естественными и основными нормами жизни. Его успешная реализация станет фундаментом для построения правового государства, укрепления гражданского общества и воспитания ответственных, юридически грамотных граждан России.

1. Конституция Российской Федерации [Электронный ресурс] : принята всенар. голосованием 12 дек. 1993 г. : с изм., одобр. в ходе общерос. голосования 1 июля 2020 г. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс». Вернуться к статье

2. Об образовании в Российской Федерации [Электронный ресурс] : Федер. закон от 29 дек. 2012 г. № 273-ФЗ : в ред. от 17 нояб. 2025 г. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс». Вернуться к статье

3. О внесении изменений в Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» по вопросам воспитания обучающихся [Электронный ресурс] : Федер. закон от 31 июля 2020 г. № 304-ФЗ. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс». Вернуться к статье

4. Бирюков С. В. Правовая культура : учеб. пособие для вузов. М. : Юрайт, 2020. 126 с. Вернуться к статье

5. Бондаренко С. В. Правовая культура: понятие и признаки // Национальное правосознание, правовая культура и современное юридическое образование : сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф., Ставрополь, 20 окт. 2023 г. / Сев.-Кавказ. федер. ун-т ; Межрегион. ассоциация теоретиков государства и права, Ставропол. регион. отделение. Ставрополь, 2023. С. 148–150. Вернуться к статье

6. Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей [Электронный ресурс] : Указ Президента Рос. Федерации от 9 нояб. 2022 г. № 809 : в ред. от 4 марта 2026 г. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс». Вернуться к статье

УДК 004.8

МОДЕЛЬНЫЙ ЗАКОН СНГ «О ТЕХНОЛОГИЯХ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА» И ФОРМИРОВАНИЕ ЦИФРОВОГО ПРАВОСОЗНАНИЯ

THE CIS LAW MODEL «ON ARTIFICIAL INTELLIGENCE TECHNOLOGIES» AND THE FORMATION OF DIGITAL LEGAL CONSCIOUSNESS

Д. А. Канашевич
Белорусско-Российский университет,
старший преподаватель кафедры гуманитарных дисциплин,
магистр экономических наук

Н. М. Канашевич
Могилевский институт МВД Республики Беларусь,
профессор кафедры социально-гуманитарных дисциплин,
кандидат исторических наук, профессор

Аннотация. *Нормы модельного закона СНГ «О технологиях искусственного интеллекта» рассматриваются в ценностном контексте как ориентир для формирования нового типа правосознания — цифровой правовой культуры, основанной на принципах антропоцентричности, этичности, безопасности и прозрачности алгоритмов, обязательной маркировки синтетического контента, правового просвещения.*

Ключевые слова: *модельный закон, СНГ, искусственный интеллект, цифровое правосознание, цифровая правовая культура, антропоцентризм, дипфейки, маркировка контента.*

Annotation. *The provisions of the CIS model law «On Artificial Intelligence Technologies» are considered in a value context, as a guideline for the formation of a new type of legal consciousness — a digital legal culture based on the principles of anthropocentrism, ethics, security and transparency of algorithms, mandatory labeling of synthetic content, and legal education.*

Keywords: *model law, CIS, artificial intelligence, digital legal culture, anthropocentrism, deepfakes, content labeling.*

Стремительное развитие искусственного интеллекта (далее — ИИ) в современном мире происходит при неконтролируемом использовании его возможностей, недостатке действенных инструментов эффективного организационного и нормативно-правового регулирования в данной сфере, отсутствия цифровой правовой культуры как в массовом сознании, так и у разработчиков ИИ-технологий, появлении на этой основе нового вида вызовов.

Законы, регулирующие ИИ, во всем мире еще только формируются. В этой связи важным шагом в обеспечении цифрового суверенитета

государств — участников Содружества Независимых Государств (далее — СНГ) и формировании регионального пространства безопасного использования нейросетевых технологий, стало принятие на 58-м пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи СНГ в апреле 2025 г. модельного закона «О технологиях искусственного интеллекта», который как и все законодательные акты подобного типа носит рекомендательный характер и при этом содержит некие типовые нормы, своего рода ориентиры для законодателей соответствующих стран [1].

Цель статьи состоит в анализе того влияния, которое нормы модельного закона СНГ «О технологиях искусственного интеллекта» при их имплементации в национальные законодательства будут оказывать на поведение государства, бизнеса, граждан, а также на трансформацию общественного правосознания, подтягивая его к современному уровню технологического прогресса

Необходимость принятия такого модельного закона обусловлена стремительным внедрением ИИ-технологий во все сферы жизни государств-участников СНГ и отсутствием единой комплексной правовой базы регулирования этих процессов. В странах региона существовали лишь отдельные нормы, регулирующие частные аспекты. Важно отметить, что ключевая роль в разработке «правового каркаса» модельного закона была отведена Объединенному институту проблем информатики НАН Беларуси (ОИПИ), что является данью признания достижений республики в развитии цифровой экономики и ее правового регулирования. Среди них Декрет Президента Республики Беларусь от 21 декабря 2017 г. № 8 «О развитии цифровой экономики» [2], который стал первым действующим актом, разрешившим резидентам Парка высоких технологий разработку ИИ, и послужил отправной точкой при уточнении в рассматриваемом модельном законе СНГ правил маркировки в рамках ИТ-сектора. Разработки Парка высоких технологий, практика цифровизации госуправления в Беларуси, а также обобщение международного и регионального опыта послужили основой для работы экспертов ОИПИ.

Изучение норм, заложенных в модельный закон «О технологиях искусственного интеллекта», свидетельствует, что он создавался не только как нормативно-правовой акт, регламентирующий новую область правоотношений, но и является ценностным ориентиром для формирования нового типа правосознания — цифровой правовой культуры, что и стало предметом настоящего исследования.

Считаем, что главный вклад модельного закона СНГ в разработку регулирования правоотношений в ИТ-секторе заключается в утверждении в качестве его ключевого принципа антропоцентрического подхода [1, ст. 10], что стало ответом на главный мировоззренческий вопрос современности.

Как известно, чат-бот ChatGPT-4 уже успешно справился с тестом Тьюринга для определения способности компьютера имитировать работу человеческого мозга [3]. Модельный закон закладывает гуманистический морально-правовой фундамент культуры использования ИИ: любая технология в том числе самая «умная» является лишь инструментом, но не обладает человеческой мудростью и эмпатией для принятия сложных стратегических решений. Модельный закон закрепляет понимание антропоцентричности в сфере ИИ-технологий как установление приоритета прав человека над технологической эффективностью [1, ст. 5]: любая работа по развитию этих технологий должна осуществляться с учетом приоритетности конституционных прав и свобод, жизни, здоровья, благосостояния граждан, отсутствия социальной дискриминации на любом ее основании [1, ст. 11].

Отличительной особенностью модельного закона является внедрение в правовое поле системы морально-этических норм нового типа правосознания — правосознания цифровой эпохи — и определение функции государственного регулирования в этой сфере как «содействие внедрению этики искусственного интеллекта» [1, ст. 5]. Модельный закон закрепляет этические стандарты культуры работы с цифровыми технологиями. Рассмотрим этот тезис через такие этические требования к правовому регулированию технологий ИИ, содержащиеся в ст. 10 закона, как содействие обеспечению их безопасности, объяснимости и прозрачности, повышению уровня справедливости решений, принятых на основе нейросетей, контроль за их функционированием, маркировка синтетического контента, правовое просвещение и обучение. На реализацию этих принципов непосредственно направлены ст. 17, 19, 25–27.

Значимым достижением законодателей является глубокое обоснование в модельном законе необходимости комплексного подхода к обеспечению безопасности ИИ-технологий [1, ст. 25], включая четыре ее составляющие — техническую, правовую, этическую, социальную. Если техническая безопасность технологий ИИ означает их надежность и устойчивость, а правовая — соответствие национальному законодательству, включая область защиты данных и прав человека, то этическая безопасность подразумевает обеспечение справедливости и непредвзятости алгоритмов работы технологий ИИ, социальная же безопасность понимается как эффективность их влияния на рынок труда, приватность и защиту данных, повышение осведомленности граждан о рисках этих технологий.

Требования закона к соблюдению этической и социальной безопасности при использовании ИИ обусловлены тем, что нейросетевые технологии все активнее используются для анализа медицинских данных и постановки диагнозов, принятия решений в банковской и других сферах деятельности. Однако

есть опасность сбора и незаконного оборота персональных данных, предвзятости и нарушения конфиденциальности. Поэтому в ряде статей закона дана конкретизация механизмов обеспечения этической безопасности. В их числе принцип прозрачности функционирования технологий ИИ [1, ст. 17], принцип защиты персональных данных [1, ст. 19], принцип прозрачности и доступности информации об этих технологиях для пользователей [1, ст. 23], принцип ответственности разработчиков [1, ст. 26, 27]. Решение системы не должно быть «черным ящиком», пользователь или проверяющий орган имеет право получить объяснение, почему ей принято именно такое решение (особенно в медицине, праве, банковской сфере). Норма, закрепленная в ст. 26 (п. 2), обязывает разработчиков ИИ-технологий делать работу алгоритмов понятной и объяснимой, обеспечивать возможность отслеживания результатов выполненных операций, предоставления ответов на запросы.

Важную роль в предотвращении манипулирования и формирования культуры прозрачности, доверия и ответственности при взаимодействии с ИИ-технологиями играет также ст. 27 (п. 2), в которой в числе специальных обязанностей для разработчиков вводится требование маркировки контента искусственного происхождения. Это не просто техническое требование, а своего рода принцип «информационной гигиены». По мере развития нейросетевых технологий становится все сложнее отличить сгенерированный контент. Считаем, что эта статья закона решает фундаментальную юридическую и философскую проблему современности — «проблему заблуждения». Если решение (о покупке, голосовании) принимается, основываясь на синтетическом контенте, который воспринимается как реальный, то воля человека будет искажена. Маркировка ИИ контента («Создано ИИ», логотип робота, «Иллюстрация сгенерирована нейросетью», др.) защищает право пользователя на получение достоверной информации и на понимание возможных рисков, если он взаимодействует с алгоритмом.

Согласно логике модельного закона, маркировке должны подлежать три типа цифровых продуктов: дипфейки — изображения, аудио и видео, которые имитируют реальных людей, их голоса или действия; генеративные тексты, если они подаются как официальные сообщения или экспертные мнения; синтетический медиаконтент — вымышленные сцены, фотографии или видеосъемки. Реализация этой нормы на практике, вероятно, потребует закрепления в Кодексе Республики Беларусь об административных правонарушениях [4] или в Законах «О рекламе» [5], «О защите прав потребителей» [6] новых видов правонарушений, связанных с распространением немаркированного ИИ-контента.

Модельный закон создает условия для развития ИИ-технологий, обеспечивая при этом государственную поддержку соблюдения этических норм

при их использовании. В этой связи отметим, что требования закона прямо предписывают государству обязанность формировать среду, обеспечивающую обучение потребителей безопасной эксплуатации ИИ-технологий, качество и доступность таких ресурсов и сервисов, прозрачность информации, формирование культуры доверия к автоматизированным решениям (ст. 65), и одновременно осведомленность граждан о рисках взаимодействия с такими технологиями (ст. 17, 23) [1].

Принятие модельного закона СНГ «О технологиях искусственного интеллекта» свидетельствует об объективной потребности перехода от точечного реагирования на вызовы ИИ к системному обеспечению этичной и безопасной правовой среды его использования, создания региональных правил защиты цифрового суверенитета, не противоречащих национальным законодательствам. Инкорпорация этических принципов (прозрачности, справедливости, недискриминации, ответственности) в текст модельного закона превращает их в юридически значимые рекомендации для государств СНГ, закладывает ориентиры формирования нового типа правосознания — правовой культуры, цифровой эпохи.

Достижения Беларуси в области цифровой экономики позволили ей стать своего рода «интеллектуальным донором» при разработке этого сложнейшего, по оценкам специалистов, модельного закона СНГ, который может стать действенным инструментом развития технологий ИИ и формирования единой цифровой правовой культуры региона, основанной на государственной поддержке соблюдения этических норм при взаимодействии с такими ресурсами, поиске баланса между инновационным развитием и защитой прав человека.

---

1. О технологиях искусственного интеллекта [Электронный ресурс] : модельный закон : принят на пятьдесят восьмом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств — участников СНГ (постановление № 58-8 от 18 апр. 2025 г.). URL: https://iacis.ru/mod_file/p_file/1292 (дата обращения: 18.02.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье

2. О развитии цифровой экономики [Электронный ресурс] : Декрет Президента Респ. Беларусь от 21 дек. 2017 г. № 8 : в ред. от 18 марта 2021 г. № 1. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». Вернуться к статье

3. В Беларуси разрабатывается законодательная основа для активного внедрения систем искусственного интеллекта // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. URL: https://pravo.by/novosti/obshchestvenno-politicheskie-i-v-oblasti-prava/2025/september/90188// (дата обращения: 18.02.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье

4. Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях [Электронный ресурс] : 6 янв. 2021 г. № 91-З : принят Палатой представителей 18 дек. 2020 г. : одобр. Советом Респ. 18 дек. 2020 г. : в ред. от 20 окт. 2025 г. № 101-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». Вернуться к статье

5. О рекламе [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь от 10 мая 2007 г. № 225-З : в ред. от 30 дек. 2025 г. № 126-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». Вернуться к статье

6. О защите прав потребителей [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь от 9 янв. 2002 г. № 90-З : в ред. от 16 марта 2026 г. № 134-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». Вернуться к статье

УДК 34.01

МАССОВАЯ КУЛЬТУРА И ПРАВОВОЕ ВОСПИТАНИЕ: ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ПРАВОСОЗНАНИЯ МОЛОДЕЖИ

MASS CULTURE AND LEGAL EDUCATION: PROBLEMS OF FORMING YOUTH LEGAL CONSCIOUSNESS

А. В. Костючик
Белорусский государственный экономический университет,
преподаватель кафедры международного экономического права

Е. К. Попутьева
Белорусский государственный экономический университет,
студент 1 курса

Аннотация. *В статье рассматриваются вопросы формирования правовой культуры молодежи как средства противодействия криминализации. Раскрывается содержание понятия «правовое воспитание» и структура правовой культуры личности. Анализируются статистические данные о состоянии и динамике подростковой преступности в Республике Беларусь. Особое внимание уделяется влиянию массовой культуры и цифровых платформ на деформацию правосознания и рост наркотизации в молодежной среде. Обосновывается необходимость системного правового воспитания для формирования у подростков устойчивого иммунитета к деструктивным влияниям.*

Ключевые слова: *правовое воспитание, правовая культура, правосознание, молодежь, подростковая преступность, криминальная субкультура, профилактика, наркотизация.*

Annotation. *The article examines the issues of forming the legal culture of young people as a means of countering criminalization. The content of the concept of «legal education» and the structure of an individual's legal culture are revealed. Statistical data on the state and dynamics of juvenile delinquency in the Republic of Belarus are analyzed. Special attention is paid to the influence of mass culture and digital platforms on the deformation of legal consciousness and the growth of drug addiction among the youth. The necessity of systemic legal education to form a stable immunity in adolescents to destructive influences is substantiated.*

Keywords: *legal education, legal culture, legal consciousness, youth, juvenile delinquency, criminal subculture, prevention, drug addiction.*

Основным способом формирования правовой культуры выступает правовое воспитание, и его эффективность непосредственно обусловлена сущностью права как социального регулятора. А. Н. Пугачев отмечает: «Право и правосознание связаны неразрывно. Действительно, право есть интеллектуально-волевой регулятор поведения, у которого как формирование, так и

функционирование должны быть опосредствованы сознанием и волей людей» [1, с. 168]. Из этого вытекает важный вывод для теории правового воспитания: поскольку право невозможно вне правосознания, то формирование последнего является его ключевой задачей. Правовое воспитание целенаправленно работает с сознанием и волей человека, превращая внешние правовые нормы в его внутренние убеждения. Перед переходом к анализу механизма влияния правового воспитания на молодежь необходимо уточнить содержание понятия правовой культуры личности и ее структуру.

Правовая культура личности — это сложное системное образование, в которое входит не только знание правовых норм, но и их полное усвоение при условии полного преобразования внешних требований во внутренние регуляторы поведения. В структуре традиционно выделяют три компонента: когнитивный (правовые знания), аксиологический (правовые ценности, установки) и поведенческий (правомерное поведение). Данное понимание приобретает особую важность, когда речь идет о наиболее уязвимой группе — подростках.

Как подчеркивает Е. С. Кулешова, правовое воспитание «является не некой изолированной сферой воспитательного воздействия, а пронизывает все социальные связи человека, поэтому оно многофункционально, многофакторно и существует как идеологический фактор формирования не только правовой, но и политической, экономической, религиозной, информационной культуры, нравственных, эстетических, семейных, трудовых и других ценностей правовыми средствами» [2, с. 33].

Особое значение формирование правовой культуры имеет для подростков, проходящих через процесс становления мировоззрения, однако критическое восприятие информации еще недостаточно развито. Как отмечает В. А. Рябцева, «молодежь представляет собой особую социальную группу, имеющую свои идеалы и ценности, которые формируются под воздействием разных факторов. Эти ценности довольно часто расходятся с общепризнанными нормами, могут служить поводом к негативным отклонениям в поведении молодежи и приводить ее к преступлениям» [3, с. 142–144]. Данное наблюдение подчеркивает уязвимость молодежной среды перед внешними деструктивными влияниями. Насколько серьезна эта уязвимость, демонстрируют официальные статистические данные о состоянии подростковой преступности.

Анализ статистических данных о преступности несовершеннолетних в Республике Беларусь за последние пять лет (2020–2024 гг.) демонстрирует неоднозначную, но в целом стабильную картину [4]. Общее число преступлений, совершенных подростками или при их соучастии, колеблется в диапазоне с 1 350 до 1 550 ежегодно, без явной тенденции к резкому снижению. В 2024 г. зафиксирован незначительный рост по сравнению с предыдущим годом —

с 1 353 до 1 436 преступлений, что возвращает показатель на уровень 2020–2021 гг. (1 393) [4].

Структура подростковой преступности претерпевает качественные изменения. С одной стороны, сохраняется высокая доля имущественных преступлений: хотя количество краж сократилось практически в два раза по сравнению с 2020 годом (с 645 до 369 в 2024 г.), они по-прежнему остаются самым распространенным деянием [4]. С другой стороны, наблюдается рост отдельных видов преступлений. Существенно возросло число зарегистрированных мошенничеств — с 32 в 2020 г. до 91 в 2024 г. [4], что обусловлено цифровизацией преступности и вовлечением подростков в схемы с использованием информационных технологий. Также фиксируется устойчивый рост тяжких насильственных преступлений: количество изнасилований и покушений на изнасилование выросло с 3 случаев в 2020–2021 гг. до 24 в 2023 г. и 12 в 2024 г. [4]. Показатели по грабежам, разбоям и хулиганству остаются стабильно высокими, без выраженной динамики к сокращению [4].

Наибольшее число подростковых преступлений в 2024 г. зафиксировано в г. Минске, Гомельской и Минской областях, резкий рост — в Могилевской области (со 159 до 205) [4].

Данная статистика коррелирует с позицией О. Е. Томазовой: «общесистемный кризис… создал ситуацию аномии (ситуацию напряженности и дезорганизации), обусловившую духовную маргинальность молодого поколения, деформацию мировоззрения, дезориентацию в отношениях» [5, с. 93].

Современная массовая культура, транслируемая через глобальные цифровые платформы, кино, музыку и социальные сети, все чаще выступает проводником ценностей, вступающих в противоречие с традиционными социокультурными установками белорусского общества. Гедонизм, эскапизм, культ потребления, романтизация девиантного поведения и правовой нигилизм становятся не просто допустимыми, но и привлекательными моделями для подражания в подростковой среде. Данный феномен впоследствии отражается в криминализации, наркотизации и духовном разложении части молодежи.

Механизм этого влияния раскрывают Т. И. Липич и Э. Н. Лыков: «При просмотре телепередач и/или художественных фильмов, которые пропагандируют криминальную деятельность, при прослушивании “блатной” музыки или соприкосновении какими-либо другими способами с криминальной субкультурой человек начинает “врастать” в нее, признавать ценности этой субкультуры. Иными словами, человек становится полноценным субъектом данной субкультуры, причем намного раньше, чем он совершит преступление» [6, с. 37]. Этот вывод принципиально важен для понимания профилактической

функции правового воспитания: оно должно работать до того, как подросток окажется вовлеченным в криминальную субкультуру.

Т. И. Липич отмечает: «И массовая культура, и средства массмедиа, и религия, и художественная литература, и этническая культура, и криминальная субкультура являются лишь инструментом, с помощью которого формируются мировоззрение молодежи, ее моральные принципы и ценностные ориентации. В зависимости от того, как будет использоваться этот инструмент, могут быть получены как позитивные, так и негативные результаты» [6, с. 37].

Наиболее ярким показателем деформирующегося правосознания молодежи, обусловленным влиянием массовой культуры, стал рост наркотизации. По данным Верховного Суда Республики Беларусь, в 2025 г. за преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков, осуждены 68 несовершеннолетних [7]. По сравнению с 1997 г. количество подростков, пробовавших наркотики, выросло почти в 4 раза, а с 1995 г. в 4 раза увеличилось число зарегистрированных наркозависимых. Согласно статистике, две трети наркопотребителей в Беларуси — это молодые люди от 15 до 25 лет [8]. 44 % мальчиков и 25 % девочек хотя бы раз пробовали психоактивные вещества [8]. Внешнее влияние формирует новое мировоззрение, в котором противоправное поведение воспринимается как норма. Ролевые модели также трансформируются, вследствие чего подростки отдают предпочтение деструктивным поведенческим привычкам. 50,3 % опрошенных учащихся считают, что наркотики можно свободно купить на дискотеке, 23,9 % гомельских школьников указывают на их доступность в учебных заведениях [8]. Исследование в Минском городском наркологическом диспансере показывает: в 69 % случаев в семьях респондентов наркотики не употреблялись [8]. Основной источник деструктивных жизненных установок и решений — внешняя среда, ключевым элементом которой сегодня являются массмедиа и цифровые платформы.

О. Е. Томазова констатирует: «Отсутствие нравственно-духовных основ привело к тому, что удовлетворение материальных потребностей нередко становится главной, едва ли не единственной целью… Образовался вакуум, который заполняется стихийно формирующейся субкультурой, берущей в качестве ориентиров примитивные образцы массовой культуры или ценности уголовной субкультуры» [5, с. 93].

Происходит разрушение «культурного слоя права», что чревато невосполнимыми потерями в государственно-политическом самосознании нации, способно породить хаос и произвол в общественных отношениях.

Только целенаправленное формирование правосознания способно выработать у подростка иммунитет к деструктивному контенту, транслируемому через экраны гаджетов. Важно отметить, что именно формирование иммунитета

к внешней среде, а не изоляция, имеет смысл. Системная работа, направленная на совершенствование культуры правового воспитания и формирование устойчивых нравственно-правовых ориентиров, способна эффективно противостоять экспансии криминальной субкультуры и наркотизации молодежи, обеспечить социализацию подрастающего поколения на основе закона и уважения к обществу.

1. Пугачев А. Н. Общая теория права : учеб.-метод. комплекс для студентов юрид. специальностей / М-во образования Респ. Беларусь, Полоц. гос. ун-т ; сост. и общ. ред. А. Н. Пугачева. Новополоцк : ПГУ, 2007. 423 с. Вернуться к статье

2. Кулешова Е. С. Место правового воспитания в образовательном процессе // Государство и право во времени и пространстве : сб. тез. докл. Респ. науч.-практ. конф. с междунар. участием студентов, магистрантов, аспирантов, Минск, 3 дек. 2021 г. / Белорус. гос. экон. ун-т ; под ред. Д. В. Петроченкова. Мн., 2022. С. 33–35. Вернуться к статье

3. Рябцева В. А. Правонарушения и преступления в молодежной среде: причины и методы профилактики // Вестн. науч. конф. 2017. № 3-6 (19). С. 142–144. Вернуться к статье

4. Статистика о детях. Число преступлений, совершенных несовершеннолетними или при их соучастии по территории Республики Беларусь [Электронный ресурс] // Нац. стат. ком. Респ. Беларусь : [сайт]. URL: https://dataportal.belstat.gov.by/osids/indicator-info/10108000005?thematic_section_code=40&viewType=TABLE (дата обращения: 16.02.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье

5. Томазова О. Е. Правовая социализация молодежи в современном российском обществе : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01. Ростов н/Д, 2003. 190 с. Вернуться к статье

6. Липич Т. И., Лыков Э. Н. Молодежная преступность: культурологический аспект (общий обзор причин молодежной преступности) // Вестн. Белгород. юрид. ин-та МВД России им. И. Д. Путилина. 2019. № 2. С. 34–38. Вернуться к статье

7. Лопасина Ю. Л. Факты о наркомании [Электронный ресурс] // Учреждение здравоохранения «Чериковская центральная районная больница» : [сайт]. URL: https://cherikovcrb.by/novosti/1230-fakty-o-narkomanii (дата обращения: 19.02.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье

8. Лагун Д. А. Общая теория права : курс лекций. Мн. : БГУ, 2010. 184 с. Вернуться к статье

УДК 340.1

О РАЗВИТИИ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ В КОНТЕКСТЕ ОБЕПЕЧЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ОКАЗАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ УСЛУГ

ON THE DEVELOPMENT OF LEGAL CULTURE IN THE CONTEXT OF ENSURING INFORMATION SECURITY IN THE PROVISION OF PUBLIC SERVICES

И. И. Костян
Институт правовых исследований Национального центра законодательства и правовой информации Республики Беларусь,
аспирант, старший научный сотрудник

Аннотация. *Наряду с принятием технических и административных мер по противостоянию информационным угрозам при оказании государственных услуг гражданам видится необходимым развитие их правовой культуры. Автором выделяется ряд проблем в сфере обеспечения информационной безопасности в рамках оказания государственных услуг населению в электронной форме, а также предлагаются и анализируются направления развития правовой культуры, способствующие решению обозначенных проблем в Республике Беларусь.*

Ключевые слова: *государственные услуги, информационная безопасность, правовая культура, правовая культура в сфере информационной безопасности, цифровизация, электронные государственные услуги.*

Annotation. *Along with the adoption of technical and administrative measures to counter information threats in the provision of public services to citizens, it is considered necessary to develop their legal culture. The author identifies a number of problems in the field of information security in the provision of electronic public services, and also suggests and analyzes the directions of development of the legal culture of citizens that contribute to solving these problems in the Republic of Belarus.*

Keywords: *public services, information security, legal culture, legal culture in the field of information security, digitalization, electronic public services.*

Актуальность обеспечения информационной безопасности граждан в процессе оказания и получения государственных услуг вызвана стремительной цифровизацией данной сферы.

За последние годы в Республике Беларусь можно отметить рост цифрового доверия граждан к электронной форме оказания и получения государственных услуг, основу которого составляют их представления об информационной безопасности соответствующего процесса.

Вместе с тем, помимо принятия технических и административных мер противостояния информационным угрозам в рамках оказания государственных услуг, необходимо этико-правовое осмысление соответствующей сферы сквозь призму правовой культуры.

Развитие правовой культуры граждан может способствовать разрешению ряда проблем, связанных с безопасностью оказания и получения электронных государственных услуг в Республике Беларусь, среди которых:

1) утечка персональных данных;

2) риски, связанные с удаленной авторизацией;

3) нарушения в использовании атрибутов доступа пользователя, а также в работе с электронной документацией;

4) нивелирование личностно-правовых свойств человека;

5) отсутствие уверенности в надлежащем правовом обеспечении оказания и получения электронных государственных услуг как негативный фактор формирования цифрового доверия.

Предлагается выделить и проанализировать ряд направлений развития правовой культуры, призванных содействовать решению указанных выше проблем в Республике Беларусь.

1. *Формирование ответственного отношения и правомерного поведения граждан при обращении с персональными данными.*

Национальным центром защиты персональных данных Республики Беларусь в данном направлении проводится значительная работа. Вопросы обработки персональных данных в белорусском государстве получили конституционное закрепление и законодательную регламентацию. При этом важным аспектом остается интериоризация процедур обработки персональных данных в процессе оказания государственных услуг в правовом сознании и правовом поведении граждан.

Необходимо привитие гражданам широкого понимания персональных данных как «истории жизни», включающей, помимо анкетной информации, увлечения, цели, мечты их носителя и др. Именно такой комплекс информации обрабатывается в качестве персональных данных граждан в процессе предоставления им электронных государственных услуг.

Сознательно-поведенческие компоненты правовой культуры потребителей электронных государственных услуг, отражающие практику обработки персональных данных, должны подводиться под уровень развития соответствующих процедур.

Важным аспектом правокультурного отношения граждан к своим персональным данным с точки зрения информационной безопасности является

осознание юридических последствий, влекущих их обработку, что приводит к формированию правомерного поведения при обращении с ними.

Помимо этого, у граждан должны быть сформированы представления о собственных правах в этой сфере (право на отзыв согласия субъекта персональных данных, право на получение информации о предоставлении персональных данных третьим лицам и др.).

Таким образом, правовая культура граждан в сфере информационной безопасности персональных данных при оказании им государственных услуг проявляется:

− в осознании природы персональных данных, основ соответствующей области правового регулирования;

− в соответствии данных представлений уровню установленных процедур обработки персональных данных при оказании электронных государственных услуг;

− в понимании юридических последствий обработки персональных данных при оказании электронных государственных услуг;

− в знании своих прав в сфере защиты персональных данных;

− в формировании правомерного поведения на основании юридически ответственного отношения к персональным данным.

Так, в ходе получения государственных услуг посредством портала «Е-паслуга», гражданам следует понимать, что, выражая согласие на соответствующие запросы, в качестве персональных данных обработке они подвергают не только свои паспортные или анкетные данные, но и интересы и предпочтения в виде файлов cookie [1]. Обращение с теми и с другими персональными данными неразрывно связано с наступлением юридических последствий — получение либо неполучение услуги, желательная либо нежелательная обработка личной информации и т. д. Во избежание наступления неблагоприятных юридических последствий поведение граждан при обращении с персональными данными должно выстраиваться на основании осознания возможности наступления таких последствий, а также соответствовать правовым нормам и установленным процедурам.

Формирование у граждан соответствующих сознательно-поведенческих установок должно формироваться непрерывно: как в рамках текущих просветительских и обучающих мероприятий в органах и учреждениях, оказывающих государственные услуги, так и на ранних этапах социализации в рамках образовательно-воспитательного процесса, включая работу с детьми, преподавательским и родительским сообществом.

2. *Привитие представлений о безопасной авторизации.*

Угрозы в сфере информационной безопасности носят трансграничный характер. Использование гражданами иностранных технологий и информационных ресурсов существенно затрудняет не только их техническую, но и правовую защиту со стороны государства. Авторизация потребителя электронных государственных услуг на базе зарубежных цифровых платформ ставит под угрозу конфиденциальность информации, используемой в процессе их оказания.

Именно поэтому развитие правового сознания граждан должно формироваться с учетом понимания специфики механизмов международно-правовых основ обеспечения информационной безопасности по сравнению с возможностями защиты прав и законных интересов граждан на национальном уровне. Сознательно-поведенческий компонент правовой культуры граждан в сфере информационной безопасности государственных услуг должен соответствовать общим тенденциям государственной правовой политики по обеспечению суверенитета Республики Беларусь в сфере цифрового развития. Ее основные направления зафиксированы в соответствующей Концепции на период до 2030 г. [2].

Авторизация потребителя электронных государственных услуг с помощью механизмов, в полной мере подверженных правовому воздействию в рамках национальной системы законодательства, сегодня возможна с помощью ID-карты или ключа электронной цифровой подписи.

Цифровизация оказала прямое влияние на совершенствование форм удостоверения личности. Электронное удостоверение личности применяется во многих зарубежных государствах и обладает рядом существенных преимуществ перед бумажным документом, удостоверяющим личность (удобство, безопасность, сложность фальсификации и повреждения).

При таких обстоятельствах в правовом сознании граждан необходимо формировать представления о легальности и безопасности данной формы удостоверения личности, а также ее правовой адаптированности к действующей практике административных процедур.

3. *Этическая адаптация представлений о биометрической идентификации к правовой действительности.*

Аутентификация пользователя на основе биометрических персональных данных предполагает минимизацию рисков нарушения прав граждан при оказании им электронных государственных услуг, которые могут проявляться в подмене лица, фальсификации электронной документации и т. д.

Биометрическая идентификация широко применяется за рубежом, при этом объем персональных данных, относящихся к биометрическим, а также

порядок их правового регулирования в разных странах могут варьироваться. Закон Республики Беларусь «О защите персональных данных» под биометрическими персональными данными подразумевает информацию, характеризующую физиологические и биологические особенности человека, которая используется для его уникальной идентификации (отпечатки пальцев рук, ладоней, радужная оболочка глаза, характеристики лица и его изображение и др.). Их обработка осуществляется по правилам, установленным для специальных персональных данных [3].

Несмотря на то, что технологически система оказания электронных государственных услуг по многим параметрам способна реализовать механизм биометрической идентификации пользователей, правовая действительность (актуальное состояние правовой реальности) белорусского общества, на наш взгляд, не готово полностью принять соответствующие тенденции.

В настоящее время не приходится говорить о полном слиянии правовой реальности с цифровой. Если в правовую реальность человек как член социума погружается автоматически и пребывает в ней в течение всей жизни, то его погружение в цифровую реальность и выход из нее во многом остаются связанными с его собственным волеизъявлением.

В такой ситуации в правовой культуре современного общества значительное место занимают представления о цифровых правах человека. По мнению С. Д. Афанасьева, И. А. Терещенко, Д. А. Яцкевич, необходимо проведение «демаркационной линии» между технологией биометрической идентификации и правами человека, такими как «право на информационное самоопределение» (способность каждого человека самостоятельно определять, как раскрывать и использовать личные данные), «право на перенос данных», «право на забвение» (возможность удаления данных), «право на неприкосновенность частной жизни» и др. Путь к применению технологий биометрической идентификации в гармонии с соблюдением цифровых прав человека исследователи видят в необходимости предоставления гражданам альтернативных форм доступа к услугам, единства требований к формату собираемых биометрических данных, возможности их переноса, удаления, минимизации, ограничения и т. д. [4].

Таким образом, необходимо постепенное принятие представлений о возможностях технологий биометрической идентификации в сфере оказания государственных услуг и только сквозь призму развитого правового сознания граждан. При этом полный переход к биометрической аутентификации пользователей государственных услуг, по нашему мнению, возможен лишь в результате глобальной социальной трансформации, предполагающей замещение правовой реальности цифровой. Высокий уровень правовой культуры граждан

является гарантией стабильного общественного развития и этически осознанной адаптации новейших технологий к социальной действительности.

4. *Поддержание в правовом сознании граждан связи между объектом правовой реальности и его «цифровым двойником».*

Ряд объектов социальной реальности имеют «цифрового двойника». Для представления человека в виртуальной правовой реальности используются теоретическая модель и соответствующее ей понятие «цифровой личности», в структуру которой, как правило, включают:

− цифровой профиль (совокупность всех подлинных данных о человеке, аккумулированных на соответствующих цифровых ресурсах и платформах (как правило, государственных));

− цифровой образ (произвольно сконструированная человеком в виртуальной среде собственная личностная информационно-цифровая проекция);

− цифровой след (цифровая картина деятельности лица в виртуальной реальности).

Однако право как социальный институт немыслимо без поддержки корреляции между живым человеком и его цифровой формой. Отсутствие ориентации на человека в развитии виртуальной правовой реальности может привести к искажению целей права [5, с. 416–417, 430].

В правосознании граждан должны быть устойчивые представления о связи человека и его цифровой формы, понимание, что за каждым «цифровым двойником» (применительно к институту государства) и цифровой личностью (применительно к гражданам) стоит живой человек, личностно-правовые свойства которого отражаются в том числе в соответствующих цифровых параллелях.

Безопасному и доверительному взаимодействию граждан и государства в процессе оказания им электронных государственных услуг будет способствовать осознание наступления правовых последствий для конкретного человека в результате активности «цифрового двойника» (в т. ч. цифровой личности).

Граждане, обладающие высокой правовой культурой в сфере информационной безопасности, не допускают полного погружения в цифровую матрицу, поддерживая постоянную связь цифровой личности со своими личностно-правовыми свойствами, соотносят цифровые алгоритмы с правовыми реалиями, предвидят юридические последствия цифрового взаимодействия, выстраивая тем самым сугубо правомерное поведение в процессе оказания им электронных государственных услуг.

5. *Формирование правового доверия граждан как фактора повышения их цифрового доверия в сфере оказания электронных государственных услуг.*

В сфере оказания электронных государственных услуг уровень цифрового доверия граждан напрямую связан с их правовым доверием к соответствующим процедурам.

Правовое доверие является многомерным и сложным феноменом и определяется не только эффективностью работы правовых механизмов, но и условиями и факторами, присущими конкретному обществу. Оно выступает ключевым ресурсом, объективно определяющим динамику правового сознания и поведения [6, с. 37].

По мнению П. М. Козыревой, концепция правового сознания содержит в себе две важнейшие идеи: во-первых, надежности закона, права и доверия к ним, и, во-вторых, доверия между людьми. Развитое правовое сознание предполагает уважительное отношение к праву и признание верховенства закона, неприятие произвола и злоупотреблений, нарушающих права граждан. При этом оно опирается на доверие, т. е. ощущение ответственности, обязанности, долга по отношению к другим людям. Это доверие означает уверенность или, по крайней мере, надежду, что другие люди тоже будут законопослушны, будут вести себя столь же нравственно, предсказуемо и ответственно, уважая интересы и права других людей [7, с. 96].

Таким образом выделяется правовое доверие межличностного и институционального типов [6, с. 39].

В рамках цифровизации государственных услуг, когда личностно-правовое восприятие затмевается восприятием «цифрового двойника», существенно возрастает роль институционального правового доверия, проявленного как уверенность в эффективности законодательства, неотвратимости юридической ответственности, результативности работы государственных органов и т. д.

Убежденность граждан в эффективности правового обеспечения процесса оказания им электронных государственных услуг снимает барьеры большинства информационных угроз в данной области.

Поэтому важно развивать сознательно-поведенческий компонент правой культуры в контесте привития гражданам доверительного отношения к электронной форме оказания государственных услуг. В данном направлении видятся эффективными такие меры, как:

− поступательное и стабильное развитие законодательства в данной сфере;

− выработка лексически выверенного терминологического аппарата, ориентированного на минимизацию сложных технических и иностранных терминов;

− привитие гражданам представлений об общетеоретических основах права с целью формирования у них нужных ориентиров для безопасного поведения в ситуации правовой неопределенности по тем или иным вопросам;

− формирование у граждан и сотрудников государственных учреждений, обеспечивающих предоставление электронных государственных услуг, понимания связи цифровой и правовой реальности, осознания своей личной ответственности при использовании технологий;

− при необходимости предоставление обратной связи гражданам (живое общение) в ходе проведения операций по оказанию государственных услуг в электронной форме;

− сохранение пиетета государства в правовом сознании граждан, развитие классических представлений о нем как о гаранте обеспечения прав и свобод человека, а не как об организации, предоставляющей услуги.

Анализ всех перечисленных направлений развития правовой культуры граждан показывает, что их последовательная и системная реализация в рамках проводимой белорусским государством правовой политики способна помочь в решении ряда проблем в сфере информационной безопасности при оказании государственных услуг населению, когда технические и административные механизмы являются недостаточными.

---

1. Единый портал электронных услуг [Электронный ресурс] // НЦЭУ. URL: https://nces.by/o-nas/news/epeu/ (дата обращения: 01.02.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье

2. О Концепции обеспечения суверенитета Республики Беларусь в сфере цифрового развития до 2030 года [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь от 21 дек. 2024 г. № 1074. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». Вернуться к статье

3. О защите персональных данных [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь от 7 мая 2021 г. № 99-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». Вернуться к статье

4. Афанасьев С. Д., Терещенко И. А., Яцкевич Д. А. Биометрическая идентификация и права человека: демаркационная линия // Закон. 2022. № 3. С. 33–46. Вернуться к статье

5. Павлов В. И. Антропологическая концепция права в современном фундаментальном правоведении: теоретико-методологическое содержание и инструментальное значение : монография / Акад. М-ва внутр. Дел Респ. Беларусь. Мн. : Акад. МВД, 2025. 622 с. Вернуться к статье

6. Володина С. В. Правовое доверие как основа устойчивости правовой системы общества: российское измерение // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 7 (92). С. 37–42. Вернуться к статье

7. Козырева П. М. Правовое сознание и доверие // Полис. Полит. исслед. 2008. № 4. С. 86–101. Вернуться к статье

УДК 316.013

ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ КАК ИНСТРУМЕНТ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ

PUBLIC OPINION AS A TOOL FOR COUNTERING CORRUPTION

С. Н. Лихачева
Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова,
заведующий кафедрой теории права и социально-политических дисциплин,
кандидат социологических наук, доцент

Аннотация. *Изучается феномен коррупции и восприятие его обществом. На основе социологического исследования, проведенного в Могилевской области, анализируются основные проявления коррупции и возможности снижения уровня ее распространения путем изменения общественного мнения.*

Ключевые слова: *коррупция, общественное мнение, информирование.*

Annotation. *The phenomenon of corruption and its public perception are examined. Based on a sociological study conducted in the Mogilev region, the main manifestations of corruption and the possibilities for reducing its prevalence through changing public opinion are analyzed.*

Keywords: *corruption, public opinion, information.*

В настоящее время имеется большое разнообразие трактовок понятия «коррупция» (экономическая, социологическая, правовая, социально-политическая и пр.), что, с одной стороны, отражает многоаспектность этого феномена, а с другой — затрудняет концептуализацию и выработку профилактических мероприятий. Анализ развития этого явления, а также специфических проявлений в формировании общественного мнения о нем, особенности соотнесения в массовом сознании того или иного действия как коррупционного позволяют определить, какие причины способствуют участию в коррупционном взаимодействии, их количество, связь между возможностью участия в такого рода преступлениях и информированностью о них. Исследование, проведенное в Могилевской области управлением социологических исследований и информационно-аналитической работы КИУП «Информационное агентство “Могилевские ведомости”» в 2023 г. на тему «Исследование коррупционных проявлений в Могилевской области», показывает вовлеченность общественного мнения в рассматриваемую проблему и возможные пути противодействия такой преступности через воздействие на правовое сознание.

В настоящее время Концепция национальной безопасности Республики Беларусь, утвержденная решением Всебелорусского народного собрания Республики Беларусь от 25 апреля 2024 г. № 5, определяет борьбу с коррупцией в качестве важнейшего направления нейтрализации внутренних источников

угроз национальной безопасности [1]. Проблема коррупции является широко обсуждаемой темой в средствах массовой информации (далее — СМИ), Интернете, а также на уровне межличностного общения и т. д. Социологическое исследование позволяет выявить, насколько эффективно идет информирование населения о распространенности таких преступлений, ответственности за них и о профилактической работе. При ответе на вопрос «Откуда Вы узнаете о случаях коррупции?» было определено, что лидирующее место в информировании населения по вопросам коррупции занимают традиционные СМИ (69,7 %). В Интернете такого рода сообщения находят примерно на треть меньше респондентов (41,1 %). Многие получают такие сведения из общения с окружающими людьми (28,7 %), от знакомых работников органов власти (4,3 %) или из их официальных выступлений (15,1 %), а 15,7 % опрошенных сослались на свой личный опыт. Можно утверждать, что такая информация не является скрытой от широких масс.

Коррупционные преступления могут иметь очень разнообразные проявления: от символических «благодарностей» за услугу до масштабных коррупционных схем, ставящих под угрозу стабильное развитие государства (рис.1).

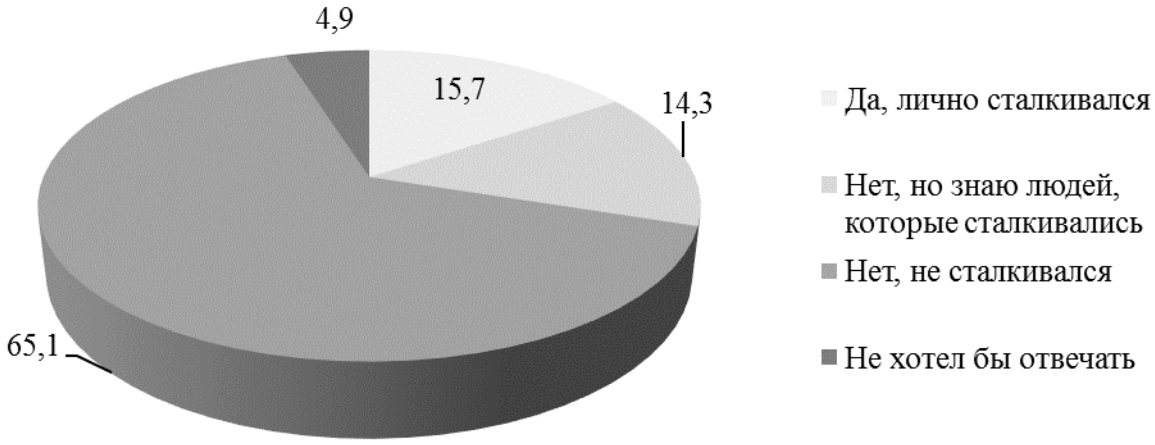


Рис. 1. Распределение ответов на вопрос «Приходилось ли Вам в течение последних 2–3 лет сталкиваться с коррупцией?», %

Большинство ответивших на вопрос в последние несколько лет при решении своих проблем с коррупцией не сталкивались, однако около трети утверждают противоположное. Выяснилось, что в большинстве случаев у респондентов, вступавших в коррупционные отношения, была возможность решать свои проблемы, не нарушая закон. На вопрос «Как Вы полагаете, смогли бы Вы решить свою проблему, не прибегая к вручению заинтересованному лицу подношения, взятки или нет?» были получены следующие ответы: «да, смог бы, но для этого потребовалось бы больше времени, нервов и т. д.» — 8,6 %

опрошенных, «да, смог бы, но решение было бы менее эффективно» — 2,5 % опрошенных, «нет, мою проблему можно было решить только таким путем» — 1,3 % опрошенных, «да, смог бы, но мне было неудобно, что человек останется без вознаграждения» — 1,1 % опрошенных, «я всегда так поступаю» — 1 % опрошенных. Можно отметить, что многие процедуры оказания услуг потребителям требуют усовершенствования в плане ускорения или упрощения. Однако и вопрос о так называемой человеческой натуре, невозможности избежать соблазна получить вознаграждение не стоит отбрасывать. При ответе на вопрос «Согласны ли Вы с мнением, что почти каждый человек будет брать взятки, если ему будут их давать?» почти 60 % участников исследования не согласились с предположением, что любой человек брал бы взятки, если бы у него была такая возможность, например, занимаемая им должность и т. д. Это еще одно указание на то, что разного рода «благодарности» общественное мнение признает коррупционными преступлениями. Многие затруднились однозначно определиться по данной проблеме (29,5 %), несмотря на то, что за такие действия можно понести наказание, лишиться работы, утратить репутацию в глазах окружающих.

Классик мировой литературы Н. В. Гоголь навсегда вошел в историю иллюстрацией способа взяточничества борзыми щенками, в котором отражена безуспешная попытка литературного героя оправдать свои преступные действия тем, что он не берет взятки деньгами. В чем именно выражается взятка согласно общественному мнению, отражает распределение ответов на следующий вопрос (рис. 2).

Рис. 2. Распределение ответов на вопрос
«Как Вы полагаете, что можно назвать взяткой должностному лицу или работнику для положительного решения какой-либо проблемы?», %

Безусловным воплощением взятки в общественном мнении является денежная сумма, которую сложно интерпретировать как подарок должностному лицу. Также многие считают взятками дорогостоящие вещи. Но встречные услуги рассматриваются коррупционными проявлениями только третью участников опроса, остальные, как можно предположить, рассматривают такие злоупотребления как «дружеские» отношения. Большинство также не рассматривает как взятку сувениры и какие-либо угощения за возможность решить свои вопросы незаконным путем. Очевидно, что борьбу с такими символическими благодарностями нельзя игнорировать, т. к. они создают негативную репутацию оказывающим услуги органам власти, учреждениям, распространяют неуважение к закону.

Коррупция с одной стороны выражается в использовании лицом, осуществляющим те или иные государственные функции, своего официального статуса в целях получения незаконных преимуществ, а с другой — в предоставлении лицу таких преимуществ заинтересованным субъектом. Население в некоторых ситуациях допускает использование такого способа решения своих вопросов (таблица).

Таблица

Распределение ответов на вопрос: «Как Вы относитесь к тому, что для решения своих проблем гражданам приходится давать взятки?», общее и по уровню образования, %

Варианты ответов	**Общее распределение**	**Образование**			
		Среднее	**Среднее профессиональное**	**Среднее специальное**	**Высшее**
Если вопрос решен положительно, то я считаю себя обязанным «отблагодарить»	6,9	8	10,8	6,5	6
Материальное вознаграждение допустимо, но в разумных пределах	12,8	16	14	15	11
Приходится это делать в силу сложившихся традиций, иначе ничего не добьешься	30	28	26,9	41,1	24,2
Это не допустимо ни в каком случае	41,5	34	37,6	30,8	50
Безразлично	10,7	12	12,9	9,8	10,4
Затруднились ответить	1,4	4	0	1,9	1,1

Общее распределение ответов показывает, что только 41,5 % видят в коррупции зло, с которым нельзя мириться. Около трети ссылаются на традицию и

склонны прибегать к даче взятки для решения своих вопросов. Также немало тех, кто считает это правильным при определенных обстоятельствах. Безразличие по изучаемому вопросу также не говорит о готовности противостоять коррупции. Распределение ответов на вопрос по уровню образования говорит о том, что в каждой из групп достаточно людей, готовых пойти на незаконные действия ради своих интересов. Нередко предлагающие взятку ссылаются на то, что не считают это преступлением и ничего об антикоррупционном законодательстве не знают. Результаты показывают, что среди людей с высшим образованием больше принципиально настроенных против взяточничества. Можно предположить, что это влияние более высокого уровня правовой грамотности. Однако ссылка на традицию оказалась ведущей причиной существования коррупции по всем категориям респондентов. В этой связи был задан уточняющий вопрос: «Лично вы готовы материально «благодарить» работника за оказанную помощь в каком-либо учреждении?», при ответе на который необходимо было более точно описать свои действия. Ответ на этот вопрос были следующими:

- Нет, ему уже платит государство — 48,4 % опрошенных.
- Да, я считаю, что иногда стоит благодарить — 29 % опрошенных.
- Считаю, что благодарить стоит всегда — 2,5 % опрошенных.
- Не хотел(а) бы отвечать — 18,4 % опрошенных.
- Затруднились ответить — 1,7 % опрошенных.

Таким образом, только половина жителей области находится на позиции гражданина, соблюдающего законы страны, остальные демонстрируют явную или скрытую готовность пойти на преступление сами и спровоцировать других.

К сожалению, можно констатировать, что коррупция пока не находит в нашем обществе должного противодействия как со стороны должностных лиц, так и со стороны СМИ и общественного мнения. Как свидетельствует опыт других стран, современная коррупция способна проникать в новые сферы общественной жизни, что негативно сказывается на политической стабильности и экономической безопасности государства, подрывая их изнутри и создавая реальные угрозы национальной безопасности. Среди социальных методов борьбы с коррупцией можно выделить активизацию работы СМИ, которая включает в себя озвучивание и распространение фактов коррупции и мер по ее пресечению, а также создание телефонов доверия для граждан, столкнувшихся с коррупционными проявлениями.

---

1. Об утверждении Концепции национальной безопасности Республики Беларусь [Электронный ресурс] : решение Всебелорус. нар. собр. от 25 апр. 2024 г. № 5. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». Вернуться к статье

УДК 340.114

РЕЛИГИОЗНЫЕ ПОСТУЛАТЫ КАК ОДИН ИЗ ЭЛЕМЕНТОВ ПРАВОВОГО ВОСПИТАНИЯ СОВРЕМЕННОЙ ЛИЧНОСТИ

RELIGIOUS POSTULATES AS AN ELEMENT OF LEGAL EDUCATION FOR THE MODERN INDIVIDUAL

Р. Р. Мазитов
Дальневосточный юридический институт
МВД России имени И. Ф. Шилова,
старший преподаватель кафедры правовых дисциплин

Аннотация. *В статье анализируется роль религиозных постулатов традиционных религиозных конфессий — православия и ислама в правовом воспитании граждан, формировании гражданской позиции и ценностных нравственных ориентиров достойных членов российского общества.*

Ключевые слова: *православие, ислам, правовое воспитание, закон, право, религиозные постулаты.*

Annotation. *The article analyzes the role of religious postulates of traditional religious denominations — Orthodoxy and Islam in the legal education of citizens, the formation of a civic position and moral values of worthy members of Russian society.*

Keywords: *Orthodoxy, Islam, legal education, law, religion, religious postulates.*

Правовые и религиозные нормы играют фундаментальную роль в организации и регулировании жизни общества и государства, отражая современную действительность и оказывая значительное влияние на правовое воспитание граждан.

Регулируя взаимоотношения личности с государством и другими членами общества, право, как система общеобязательных, формально определенных норм, созданных государством для качественного функционирования, находит свое выражение в законодательных и иных правовых актах, не проникая во внутренний мир человека, его мотивы и убеждения. Религия, создавая свою систему ценностей и мироощущений, определяет смысл человеческого существования, формируя его мировоззрение и нравственные ориентиры. Религиозные постулаты обозначают положение человека в мироздании, определяя его этические обязанности и задавая систему координат для принятия решений.

Человек, не обладающий должным уровнем правосознания и сознательности, может нарушить какие-либо законы в своих корыстных интересах, будучи уверенным в том, что может избежать наказания. Религиозный же человек на это смотрит по-другому — нарушая заповеди, моральные принципы и законы, он понимает, что вредит своей душе, лишает себя благодати и будущего.

То есть религия дает строго дифференцированную систему ценностей, меняет мироощущение человека. Право не влияет на внутреннюю жизнь человека, а лишь регулирует его внешние отношения с обществом и государством. Также религиозные и правовые нормы являются правилами поведения людей и имеют обязательное значение для них. Правовые нормы являются необходимыми для исполнения в государстве. В свою очередь, религиозные нормы не являются обязательными, но обеспечивают нравственность общества. Нравственность же влияет на поведение человека в обществе, что приводит к лучшему исполнению правовых норм людьми.

Окружающая нас действительность характеризуется столкновением гражданского общества с серьезным вызовом: знание правовых норм не всегда гарантирует правомерное поведение личности. В условиях правового нигилизма со стороны отдельных представителей общества, когда закон воспринимается как внешнее ограничение, «принудитель» к соблюдению правил и запретов, возникает острая необходимость поиска внутренних регуляторов поведения, на которые можно опираться при решении сложных жизненных задач. Одним из таких мощных регуляторов выступают религиозные постулаты традиционных религиозных учений.

Для многонациональной России православие и ислам на всем протяжении ее истории выступают не только как системы верований, но и как источники этико-правового порядка. Современное правовое воспитание, учитывая опыт предыдущих поколений, рассматривает религиозные нормы как один из элементов светской правовой культуры.

Правовое воспитание традиционно определяется как процесс формирования правового сознания и культуры. Религиозные постулаты вносят в правовое образование определенную систему ценностей, определяющую направленность личности, культуры и всего общества в целом. Различая «право как писанный закон» и «право как справедливость», религиозные системы тяготеют к «праву как справедливости», рассматривая юридические нормы как земное проявление высшего Божественного порядка. Это создает уникальную психологическую установку: соблюдение закона становится не просто вопросом гражданской лояльности, но вопросом чести, совести и даже духовного спасения.

Православная традиция рассматривает право через призму человеческого достоинства и ответственности. Ключевым источником здесь являются «Основы социальной концепции Русской Православной Церкви» [1], определившие базовые положения учения Церкви по вопросам церковно-государственных отношений и по ряду современных общественно значимых проблем и отражающие официальную позицию Московского патриархата в сфере взаимоотношений с государством и светским обществом.

В православии совесть считается голосом Бога в человеке. С точки зрения правового воспитания это означает, что человек должен соблюдать закон не из страха перед властью, а из внутреннего убеждения. В Послании к Римлянам апостол Павел пишет: «...дела закона написаны в сердцах их, о чем свидетельствует совесть их и мысли их» [2]. Этот постулат говорит о том, что правовое воспитание должно начинаться с воспитания нравственного. Если у личности нет внутреннего нравственного закона, внешний закон всегда будет восприниматься как враждебный.

Православие учит почтительному отношению к государственному порядку. Догмат о том, что «нет власти не от Бога» [3], в современном правовом образовании интерпретируется не как слепая покорность, а как осознание ценности общественного порядка.

В отличие от западного либерального подхода, православный постулат гласит: права человека неразрывно связаны с его обязанностями перед Богом и ближним. Воспитание личности в этом ключе позволяет избежать отрицания права и закона.

Ислам — это религия права в самом прямом смысле. Мусульманская концепция Шариата охватывает все стороны жизни верующего от молитвы до решения правовых вопросов.

Одним из центральных постулатов ислама является концепция Амана-та — все, чем владеет человек (жизнь, семья, власть, имущество), дано ему Богом во временное пользование под ответственность, и распоряжаться им необходимо рачительно в соответствии с установленным порядком [4]. В Коране сказано: «Воистину, Аллах повелевает вам возвращать вверенное на хранение имущество его владельцам и судить по справедливости, когда вы судите людей» [5].

В контексте правового воспитания это означает, что исполнение должностных обязанностей или соблюдение договора — это выполнение долга перед Всевышним.

Для правового образования также важна концепция, определяющая высшие цели исламского права — Макасид аш-Шариа, включающие защиту пяти ценностей: религии, жизни, разума, чести, имущества [6], которые практически полностью совпадают с объектами правовой защиты в уголовном и гражданском праве светских государств. Обучение молодежи этим целям через религиозные источники создает прочную мотивацию к правомерному поведению.

Еще одним постулатом, важным для правового воспитания, является Адль (социальная справедливость) — самая фундаментальная, моральная ценность, которая поддерживает общество и вселяет уверенность в людей.

При несоблюдении справедливости общество охватит жестокость, беззаконие, неуверенность, хаос и смута [7].

Считается, что личность, воспитанная на аяте Корана («О те, которые уверовали! Свидетельствуя перед Аллахом, отстаивайте справедливость, если даже свидетельство будет против вас самих...» [8]), будет обладать иммунитетом к правовому нигилизму.

Несмотря на догматические различия, православие и ислам в вопросах правового воспитания по ряду направлений выступают «единым фронтом». К этим направлениям относят защиту традиционных семейных ценностей как основы стабильности государства; священности человеческой жизни и абсолютный запрет на нелегитимное насилие; честности в труде как осуждения обмана и эксплуатации.

Правовое воспитание через постулаты традиционных религиозных ценностей — это лучшая прививка от экстремизма. Радикальные течения часто используют юридическую безграмотность молодежи, подменяя подлинные религиозные нормы искаженными трактовками. Глубокое образование в области традиционного ислама и православия учит уважению к закону светского государства как к форме общественного договора. Однако религиозные постулаты не должны подменять собой нормы позитивного права, они призваны стать их основой. Для современной личности правовое воспитание, лишенное этического фундамента, остается внешней декорацией. Интеграция православных и мусульманских ценностей в образовательный процесс позволяет сформировать целостную личность, для которой «Закон» и «Правда» являются синонимами. Взаимодействие государства и традиционных конфессий в этой сфере — это инвестиция в социальную стабильность и правовую безопасность будущего.

---

1. Основы социальной концепции Русской Православной Церкви [Электронный ресурс] // Азбука веры : [сайт]. URL: https://azbyka.ru/otechnik/dokumenty/osnovy-sotsialnoj-kontseptsii-russkoj-pravoslavnoj-tserkvi/ (дата обращения: 10.02.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье

2. Толкования на Апостола Павла послание к римлянам глава 2, стих 15 [Электронный ресурс] // Азбука веры : [сайт]. URL: https://azbyka.ru/biblia/in/?Rom.2:15&r (дата обращения: 10.02.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье

3. Толковая Библия. Толкование на Послание Святого Апостола Павла к Римлянам [Электронный ресурс] // Азбука веры : [сайт]. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Lopuhin/tolkovaja_biblija_63/13 (дата обращения: 10.02.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье

4. Виды аманата у мусульман [Электронный ресурс] // Islam.global : [сайт]. URL: https://islam.global/verouchenie/glossariy/vidy-amanata/ (дата обращения: 10.02.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье

5. Сура 4 «Ан-Ниса». Аят 58 [Электронный ресурс] // Azan.ru — исламский информационно-образовательный портал. URL: https://azan.ru/tafsir/an-Nisa/58_(дата обращения: 10.02.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье

6. Исламский кодекс применения искусственного интеллекта [Электронный ресурс] // Междисциплинарные исследования: ИИ в исламском контексте : [сайт]. URL: https://islamicaicode.com/code-ru/ (дата обращения: 10.02.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье

7. Справедливость: фундаментальная и моральная ценность с точки зрения ислама [Электронный ресурс] // Информационно-аналитический федеральный портал «Ислам Сегодня». URL: https://islam-today.ru/veroucenie/spravedlivost-fundamentalnaa-i-moralnaa-cennost-s-tocki-zrenia-islama/ (дата обращения: 10.02.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье

8. Сура 4 «Ан-Ниса». Аят 135 [Электронный ресурс] // Azan.ru — исламский информационно-образовательный портал. URL: https://azan.ru/tafsir/an-Nisa/135 (дата обращения: 10.02.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье

УДК 343.8:340

ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА ОСУЖДЕННЫХ В КОНТЕКСТЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ДОСТУПНОСТИ

THE LEGAL CULTURE OF CONVICTS IN THE CONTEXT OF EDUCATIONAL ACCESSIBILITY

О. В. Макарова
Институт законодательства и сравнительного правоведения
при Правительстве Российской Федерации,
ведущий научный сотрудник центра уголовного
и уголовно-процессуального законодательства,
кандидат юридических наук

Аннотация. *Статья посвящена анализу правовой культуры осужденных в условиях обеспечения доступности образования в учреждениях исполнения наказаний. Анализируется влияние образования на формирование правосознания и успешность ресоциализации. Делается вывод о значении образовательной доступности как фактора предупреждения рецидивной преступности.*

Ключевые слова: *правовая культура осужденных, образовательная доступность, исполнение наказаний, ресоциализация.*

Annotation. *The article is devoted to the analysis of the legal culture of convicts in conditions of ensuring access to education in penitentiary institutions. The influence of education on the formation of legal awareness and the success of resocialization is analyzed. The conclusion is made about the importance of educational accessibility as a factor in preventing recidivism.*

Keywords: *legal culture of convicted persons, educational accessibility, execution of sentences, legal awareness, resocialization.*

Правовая культура как качественная характеристика состояния правосознания личности и общества отражает степень усвоения правовых ценностей, уважение к закону и готовность действовать в соответствии с нормативными предписаниями. В теоретико-правовой науке она рассматривается как составной элемент общей культуры общества, включающий правовые знания, установки и модели поведения, соответствующие требованиям закона. В условиях трансформации социальных институтов и усложнения общественных отношений проблема формирования правовой культуры приобретает особую значимость. В отношении лиц, отбывающих наказание в виде лишения свободы, данный вопрос имеет не только теоретическое, но и прикладное измерение, поскольку деформация правовых установок зачастую предшествует совершению преступления [1].

Как подчеркивается в исследованиях по уголовно-исполнительному праву, изоляция осужденного не исключает необходимости его правового

воспитания и социальной подготовки к освобождению. Напротив, именно в период отбывания наказания создаются условия для целенаправленного воспитательного и образовательного воздействия, способного изменить ценностные ориентации личности. В этом контексте образование выступает не вспомогательным элементом режима, а самостоятельным инструментом формирования правовой культуры [2].

Правовая культура осужденного формируется в специфической социальной среде, характеризующейся ограниченностью социальных ролей, регламентированностью поведения и воздействием неформальных норм тюремной субкультуры. При отсутствии позитивных каналов социализации возрастает риск закрепления антисоциальных установок. Следовательно, обеспечение доступа к образованию приобретает значение механизма нейтрализации криминогенных факторов внутренней среды исправительного учреждения.

Современная уголовно-исполнительная политика ориентирована на достижение целей исправления и предупреждения рецидива. Однако их реализация невозможна без формирования у осужденного устойчивых правовых убеждений. Образовательный процесс способствует развитию способности к критическому осмыслению собственных действий, пониманию социальных последствий правонарушений и принятию правовых норм как внутренней ценности, а не внешнего ограничения.

Анализ актуальных статистических данных показывает, что значительная часть лиц, содержащихся в учреждениях уголовно-исполнительной системы Российской Федерации, имеет невысокий уровень образования. Это обстоятельство осложняет их последующую интеграцию в общество и ограничивает возможности легального трудоустройства. В научных исследованиях неоднократно подчеркивалась взаимосвязь между образовательным уровнем и вероятностью повторной преступности: повышение образовательного статуса коррелирует со снижением рецидива [3]. Следовательно, образовательная доступность в местах лишения свободы обладает выраженным превентивным потенциалом.

Нормативные положения российского законодательства предусматривают возможность получения осужденными общего, среднего профессионального и высшего образования преимущественно в заочной форме. Вместе с тем практическая реализация данного права во многом зависит от материально-технических ресурсов конкретного учреждения и уровня межведомственного взаимодействия. Отсутствие унифицированных стандартов организации образовательного процесса приводит к дифференциации условий и, как следствие, к неравномерности образовательной доступности.

Особую актуальность приобретает использование дистанционных образовательных технологий. Цифровизация образовательной среды позволяет минимизировать пространственные ограничения и расширить спектр доступных программ [4]. При этом внедрение дистанционного обучения в исправительных учреждениях требует разработки специальных регламентов, обеспечивающих защиту информации и соблюдение режимных требований. Вопрос заключается не только в техническом оснащении, но и в создании правового механизма, позволяющего сочетать задачи безопасности с реализацией права на образование.

Образование в пенитенциарной системе выполняет многомерную функцию. Помимо передачи знаний и профессиональных навыков, оно способствует формированию правовой идентичности, укреплению уважения к закону и развитию навыков правомерного поведения. Включенность в образовательный процесс формирует у осужденного долгосрочные цели, расширяет горизонт жизненного планирования и снижает влияние криминальной субкультуры. Таким образом, образовательная деятельность выступает средством трансформации правового сознания и ценностных установок личности.

Вместе с тем проблема образовательной доступности сохраняет системный характер. Среди ключевых барьеров можно выделить ограниченность цифровой инфраструктуры, недостаточное финансирование, а также преобладание платной формы высшего образования. Для значительной части осужденных финансовый фактор становится существенным препятствием к получению квалификации. Отсутствие гарантированного механизма перевода обучающихся на дистанционную форму в случае осуждения также негативно отражается на непрерывности образовательного процесса [5].

Повышение уровня правовой культуры осужденных предполагает комплексный подход, включающий нормативное совершенствование, организационные меры и методическое сопровождение образовательных программ. Необходима разработка единой стратегии развития образовательной деятельности в учреждениях уголовно-исполнительной системы, ориентированной на расширение дистанционных форм обучения, создание защищенной цифровой среды и обеспечение равного доступа к образовательным ресурсам.

В перспективе образовательная политика в местах лишения свободы должна рассматриваться как инвестиция в общественную безопасность. Формирование правовой культуры посредством образования способствует снижению рецидива, укреплению правопорядка и повышению уровня социальной стабильности. Тем самым образовательная доступность в пенитенциарной системе выходит за рамки индивидуального права осужденного и становится элементом государственной стратегии по развитию правового государства.

Таким образом, правовая культура осужденных не может быть сформирована исключительно средствами дисциплинарного воздействия. Она требует системной образовательной поддержки, направленной на развитие правосознания, ценностной переориентации и социальной ответственности личности. Расширение образовательных возможностей в условиях изоляции выступает необходимым условием эффективной ресоциализации и устойчивого развития современного общества.

---

1. Бирюков И. И. Социальная обусловленность пробации в современной России // Юрид. исслед. 2025. № 9. С. 61–74. Вернуться к статье

2. Макарова О. В. Ресоциализация осужденных путем повышения доступности дистанционного образования в местах лишения свободы // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2021. № 6. С. 13–17. Вернуться к статье

3. Овчинников С. Н. Особенности социальной работы с осужденными, состоящими на учете в уголовно-исполнительных инспекциях // Социально-политические науки. 2018. № 4. С. 171–174. Вернуться к статье

4. Уголовно-юрисдикционная деятельность в условиях цифровизации : моногр. / Н. А. Голованова [и др.]. М. : Контракт, 2019. 212 с. Вернуться к статье

5. Юнусов Э. А., Умари Х. А. Теоретико-правовая модель правового положения осужденного: соотношение прав, обязанностей и законных интересов // Государственное управление. 2025. № 3 (74). С. 434–441. Вернуться к статье

УДК 656.1

ФОРМИРОВАНИЕ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ УЧАСТНИКОВ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ ПРИ ПРОЕЗДЕ ПЕРЕКРЕСТКОВ

FORMATION OF LEGAL CULTURE OF ROAD USERS DURING CROSSROADS

Д. Ю. Макацария
Могилевский институт МВД Республики Беларусь,
заместитель начальника кафедры административной деятельности
факультета милиции,
кандидат технических наук, доцент

Аннотация. *При проезде перекрестков возникают конфликты между различными участниками дорожного движения. Формирование правовой культуры позволит уменьшить количество конфликтов и повысить безопасность дорожного движения на перекрестках автомобильных дорог.*

Ключевые слова: *безопасность, водитель, дорога, движение, перекресток, поворот, пешеход.*

Annotation. *When crossing intersections, conflicts arise between various road users. The formation of a legal culture will reduce the number of conflicts and improve road safety at road intersections.*

Keywords: *safety, driver, road, traffic, intersection, turn, pedestrian.*

Рост интенсивности дорожного движения на улицах и дорогах во многом определяется автомобилизацией населения и увеличением численности автопарка организаций и предприятий. В современном обществе автомобиль стал транспортным средством, которое используется ежедневно для поездок и транспортных перевозок. Однако автомобильный транспорт является источником повышенной опасности, а нарушение условий безопасности его эксплуатации и несоблюдение требований правил дорожного движения (далее — ПДД) приводит к возникновению дорожной аварийности [1].

Конфликты между участниками дорожного движения наиболее часто возникают в местах пересечения различных транспортных потоков, а также при пересечении транспортных потоков с пешеходными потоками. Одним из таких мест на улицах и автомобильных дорогах являются перекрестки. Транспортные средства, пересекая перекресток, могут изменять траекторию своего движения. При этом возникают точки, в которых возможны столкновения транспортных средств. На перекрестке пешеходы могут пересекать проезжую часть дороги по направлениям обочин или тротуаров. Здесь конфликты между движением автомобилей и пешеходов могут закончиться наездом на последних.

Формирование правовой культуры участников дорожного движения при пересечении перекрестков начинается с изучения требований ПДД и дальнейшего их соблюдения при участии в движении на дорогах. Водители автомобилей как транспортных средств, являющихся источником повышенной опасности, должны быть вежливыми и внимательными к другим участникам дорожного движения, особенно пешеходам, в случаях отсутствия приоритета — уступать дорогу автомобилям и пешеходам, не допуская создания аварийной обстановки, а также столкновений и наездов. Выполнение маневров на перекрестках при поворотах направо, налево или при выполнении разворота должны осуществляться безопасно. При выполнении правого поворота могут возникнуть конфликтные точки с автомобилями, движущимися по пересекаемой полосе движения или осуществляющими въезд на нее. С пешеходами, осуществляющими пересечение проезжей части дороги, возникает еще одна конфликтная точка. Согласно требованиям ПДД, при осуществлении правого поворота водитель автомобиля должен предоставить преимущество пешеходам, осуществляющим пересечение проезжей части дороги [1]. По отношению к другим участникам дорожного движения у водителей транспортных средств, осуществляющих правый поворот на перекрестке, имеется преимущество.

Правовая культура водителей будет проявляться в стремлении избегать конфликтов с другими участниками дорожного движения. При необходимости выполнить правый поворот водитель автомобильного транспорта, приближающегося к перекрестку, заблаговременно предупредит других участников дорожного движения о предстоящем маневре, включив указатель правого поворота. При отсутствии или неисправности указателей поворота такой водитель не проигнорирует данную неисправность, а подаст сигнал поворота жестом руки. Даже имея преимущество перед водителями других транспортных средств, необходимо оценить направление и скорость их движения, возможные нарушения требований ПДД и создание аварийной ситуации. И если возможна аварийная обстановка, необходимо уменьшить скорость или остановиться.

При осуществлении левого поворота водитель автомобильного транспорта, выполняющего данный маневр, должен уступить не только пешеходам, выполняющим пересечение проезжей части дороги, но и прочим автомобилям, движущимся с других направлений. При этом недопустимо создание аварийной обстановки. Необходимо заблаговременно включить указатель левого поворота или подать сигнал о повороте рукой. Выбрать безопасную дистанцию и боковой интервал, снизить скоростной режим и остановиться, уступая дорогу.

Порядок проезда перекрестка в прямом направлении отличается от выполнения поворотов. В данном случае автомобили, движущиеся прямо, имеют преимущество перед пешеходами, осуществляющими пересечение проезжей

части по направлению обочин или тротуаров. Недостаточные знания у пешеходов о порядке перехода проезжей части дороги в данной ситуации могут привести к созданию ими аварийной ситуации. Водитель должен предусмотреть такое развитие событий и заблаговременно выбрать безопасный скоростной режим движения, чтобы в случае выхода пешехода на проезжую часть дороги осуществить безопасную остановку транспортного средства.

Для снижения дорожной аварийности в конфликтных точках на перекрестках применяют разделение различных транспортных потоков, а также транспортных и пешеходных потоков во времени. При этом могут использоваться технические средства организации дорожного движения, такие как светофоры. Оборудованный светофором перекресток является регулируемым [1]. Применение разрешающих и запрещающих сигналов светофора позволяют предоставить преимущество в движении транспортным или пешеходным потокам одного направления и сдерживать потоки других направлений.

Формирование правовой культуры участников дорожного движения — это важное направление снижения дорожной аварийности при проезде перекрестков. Соблюдение требований ПДД, вежливое и внимательное отношение к другим участникам дорожного движения, недопущение возникновения аварийных ситуаций позволят снизить аварийность и обеспечить безопасное и эффективное дорожное движение на улицах и автомобильных дорогах.

---

1. О мерах по повышению безопасности дорожного движения [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь от 28 нояб. 2005 г. № 551 : в ред. Указа Президента Респ. Беларусь от 4 авг. 2025 г. № 295. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». Вернуться к статье

УДК 343

СВЯЗЬ ПОКОЛЕНИЙ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

GENERATIONAL CONNECTION AS A FACTOR IN THE FORMATION OF LEGAL CULTURE AMONG POLICE OFFICERS

В. В. Меркушин
Белорусский государственный экономический университет,
доцент кафедры государственно-правовых дисциплин,
кандидат юридических наук, доцент

В. Д. Аниськова
Белорусский государственный экономический университет,
студент

Е. М. Рацкевич
Белорусский государственный экономический университет,
студент

Аннотация. *В статье исследуется роль преемственности поколений в формировании правовой культуры сотрудников органов внутренних дел. Обосновывается трехуровневая модель передачи правового опыта: семейно-ценностный, профессионально-ориентированный и аналитико-трансляционный этапы. Сделан вывод, что устойчивая правовая культура сотрудников формируется именно через механизмы межпоколенческого взаимодействия.*

Ключевые слова: *правовая культура, правовое воспитание, органы внутренних дел, преемственность поколений.*

Annotation. *This article examines the role of intergenerational continuity in shaping the legal culture of law enforcement officers. It substantiates a three-tiered model for transmitting legal experience: family-based, professional-oriented, and analytical-translational. It concludes that a sustainable legal culture among officers is formed through intergenerational interaction.*

Keywords: *legal culture, legal education, internal affairs bodies, continuity of generations.*

В условиях современных социально-политических трансформаций, сопровождающихся переоценкой ценностных ориентиров, особое значение приобретает проблема формирования устойчивой правовой культуры сотрудников органов внутренних дел (далее — ОВД).

Деятельность ОВД предъявляет повышенные требования к уровню правосознания сотрудников, поскольку именно они выступают непосредственными проводниками государственной политики в сфере охраны правопорядка.

От того, насколько глубоко усвоены правовые ценности и профессиональные традиции, зависит не только качество выполнения служебных обязанностей, но и авторитет правоохранительной системы в целом [1, с. 48].

Правовая культура сотрудника ОВД представляет собой сложное структурное образование, включающее когнитивный (знание права), ценностно-ориентационный (отношение к праву) и поведенческий (правомерное поведение) компоненты [2, с. 81]. Формирование данных компонентов не ограничивается периодом профессионального обучения, а представляет собой длительный процесс, в котором значительную роль играет преемственность поколений.

Категория «связь поколений» в юридическом дискурсе приобретает особое звучание, поскольку правоохранительная деятельность в значительной степени основывается на профессиональных традициях, образцах поведения и этических стандартах, выработанных предшествующими поколениями сотрудников. Трансляция правового опыта от старшего поколения к младшему выступает необходимым условием сохранения целостности профессиональной культуры и предотвращения разрыва в понимании фундаментальных правовых ценностей.

Анализ процесса формирования правовой культуры сотрудников ОВД позволяет выделить три взаимосвязанных этапа передачи правового опыта, образующих единую систему межпоколенческого взаимодействия [3, с. 11].

Первый этап — семейно-ценностный — связан с первоначальной социализацией личности, в ходе которой закладываются основы правосознания и формируется отношение к праву и правоохранительной деятельности. В рамках семьи происходит усвоение базовых нравственных категорий: справедливости, долга, ответственности, уважения к закону. Наличие в семье родственников, имеющих опыт службы в ОВД, создает особую среду, в которой профессиональные традиции транслируются через семейные нарративы, формируя у будущего сотрудника чувство сопричастности к правоохранительной деятельности еще на досознательном уровне. Именно в этот период закладывается тот ценностный фундамент, на котором впоследствии выстраивается профессиональная правовая культура.

Второй этап — профессионально-ориентированный — реализуется в процессе взаимодействия будущих и действующих сотрудников ОВД в ходе обучения и практической подготовки. На данном этапе происходит углубление правовых знаний и их практическое освоение через наблюдение за деятельностью опытных сотрудников, усвоение образцов профессионального поведения и этических стандартов. Особую роль здесь приобретает институт наставничества, который выступает организационной формой межпоколенческой передачи опыта. Наставник не просто передает знания и навыки, но и транслирует

определенное отношение к праву, к службе, к гражданам, что в конечном итоге формирует профессиональное правосознание молодого сотрудника. Именно в непосредственном взаимодействии с носителями сложившейся правовой культуры происходит усвоение таких профессионально значимых качеств, как чувство долга, дисциплинированность, правовая принципиальность и уважение к достоинству личности.

Третий этап — аналитико-трансляционный — характеризуется осмыслением накопленного правового опыта и формированием готовности к его передаче последующим поколениям. На этом уровне правовая культура сотрудника достигает наивысшего развития, когда внешние поведенческие образцы переходят во внутренние убеждения, а следование правовым предписаниям становится осознанной потребностью. Сотрудник, достигший данного уровня, сам выступает носителем и транслятором правовой культуры, передавая свой опыт молодым коллегам. Тем самым замыкается цикл межпоколенческого взаимодействия: усвоенный опыт, обогащенный личностным смыслом, возвращается в профессиональную среду в обновленном качестве.

Важно подчеркнуть, что все три этапа находятся в тесной взаимосвязи [4, с. 29]. Семейно-ценностный фундамент определяет восприимчивость к профессиональному обучению; профессионально-ориентированный этап актуализирует и обогащает семейные ценности; аналитико-трансляционный этап обеспечивает сохранение и развитие профессиональной правовой культуры в исторической перспективе. Разрыв или ослабление любого из звеньев этой цепи ведет к деформации правосознания, утрате профессиональных традиций и снижению общего уровня правовой культуры в системе ОВД.

Следует отметить, что проблема преемственности поколений приобретает особую остроту в современный период, характеризующийся ускорением социальных изменений и сменой ценностных ориентаций [2, с. 80]. В этих условиях сохранение механизмов передачи правового опыта становится не просто педагогической или кадровой задачей, но и фактором обеспечения стабильности правоохранительной системы и поддержания ее авторитета в обществе.

Формирование правовой культуры через механизмы межпоколенческого взаимодействия способствует решению ряда важнейших задач: во-первых, обеспечивается сохранение лучших профессиональных традиций, накопленных предшествующими поколениями сотрудников; во-вторых, создаются условия для критического осмысления опыта и его адаптации к современным условиям; в-третьих, формируется устойчивая система ценностей, противостоящая деструктивным влияниям и правовому нигилизму.

Таким образом, проведенный анализ позволяет утверждать, что связь поколений выступает фундаментальным основанием формирования правовой

культуры сотрудников ОВД. Трансляция правового опыта от старшего поколения к младшему реализуется через три последовательных этапа: семейно-ценностный, закладывающий базовые ориентиры правосознания; профессионально-ориентированный, обеспечивающий усвоение правовых знаний и образцов профессионального поведения в процессе взаимодействия с опытными сотрудниками; аналитико-трансляционный, на котором сформированная правовая культура становится основой для передачи опыта следующим поколениям.

Устойчивость правовой культуры в ОВД достигается именно через непрерывность межпоколенческого взаимодействия, обеспечивающего сохранение профессиональных традиций при одновременном их обогащении новым опытом. В этом смысле связь поколений выступает не просто фактором профессиональной социализации, но необходимым условием поддержания высокого уровня правосознания и правовой культуры в системе правоохранительных органов.

---

1. Титаренко Т. А. Формирование правовой культуры сотрудников ОВД // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2011. № 3 (46). С. 48–52. Вернуться к статье

2. Канунников Р. И., Савич И. И. Особенности формирования правовой культуры у сотрудников органов внутренних дел // Образование и право. 2023. № 2. С. 80–83. Вернуться к статье

3. Мазур М. А. Формирование патриотической культуры у сотрудников органов внутренних дел : автореф. дис. … канд. пед. наук : 13.00.08 / Шадрин. гос. пед. ин-т. Челябинск, 2013. 26 с. Вернуться к статье

4. Жаворонков Д. А. Правовая культура сотрудников органов внутренних дел // Вестн. магистратуры. 2022. № 11-3 (134). С. 28–31. Вернуться к статье

УДК 340.1

РОЛЬ ПРАВОСОЗНАНИЯ В РЕАЛИЗАЦИИ ИДЕИ СОЛИДАРНОСТИ МЕЖДУ ЛИЧНОСТЬЮ, ОБЩЕСТВОМ И ГОСУДАРСТВОМ

THE ROLE OF LEGAL CONSCIOUSNESS IN REALIZING THE IDEA OF SOLIDARITY AMONG THE INDIVIDUAL, SOCIETY AND THE STATE

Г. Е. Москаленко
Омская академия МВД России,
доцент кафедры теории и истории права и государства,
кандидат юридических наук

Аннотация. *В статье на основе анализа теоретического наследия российских правоведов второй половины XIX – начала XX в. (М. М. Ковалевского, С. А. Котляревского, Б. А. Кистяковского, П. И. Новгородцева) раскрывается роль правосознания как фундаментального условия реализации идеи солидарности между личностью, обществом и государством. Обосновывается, что правосознание обеспечивает осознание взаимной зависимости, легитимацию власти, согласование интересов и трансляцию правовых ценностей. Делается вывод о необходимости правового просвещения для формирования зрелого правосознания как основы современного правового социального государства.*

Ключевые слова: *правосознание, солидарность, личность, общество, государство, правовое государство, правовое воспитание.*

Annotation. *This article, based on an analysis of the theoretical legacy of Russian legal scholars of the second half of the 19th and early 20th centuries (M. M. Kovalevsky, S. A. Kotlyarevsky, B. A. Kistyakovsky, P. I. Novgorodtsev), explores the role of legal consciousness as a fundamental condition for realizing the idea of solidarity between the individual, society, and the state. It argues that legal consciousness ensures an understanding of mutual dependence, the legitimization of power, the coordination of interests, and the transmission of legal values. It concludes that legal education is essential for the development of a mature legal consciousness as the foundation of a modern, rule-of-law social state.*

Keywords: *legal consciousness, solidarity, personality, society, state, legal state, legal education.*

Проблема достижения общественного единства является одной из фундаментальных для теории права и государства. В эпоху социальных трансформаций, международной нестабильности и мировоззренческого кризиса поиск эффективных механизмов консолидации общества приобретает особую остроту. В этой связи исключительно ценным представляется обращение к теоретическому наследию российских правоведов второй половины XIX – начала XX в. (М. М. Ковалевского, С. А. Котляревского, Б. А. Кистяковского, П. И. Новгородцева), которые, осмысливая европейский солидаризм, разработали

оригинальные концепции общественного единства [1, с. 3–4]. Центральным звеном, обеспечивающим переход идеи солидарности из плоскости абстрактного долженствования в реальную социальную и правовую практику, выступает правосознание.

Правосознание, понимаемое как совокупность идей, чувств, оценок и настроений, выражающих отношение людей к праву и правовым явлениям, является не просто пассивным отражением юридической действительности, но активным фактором ее формирования. Именно уровень и качество правосознания определяют, станут ли провозглашенные законом нормы реальными регуляторами общественных отношений, будет ли государственная власть восприниматься как легитимная, а права и обязанности — как взаимные и справедливые. В контексте идеи солидарности правосознание выполняет функцию своеобразного «моста», соединяющего автономную волю индивида с интересами общества и предписаниями государства [2, с. 341]. Без зрелого правосознания солидарность неизбежно вырождается либо в тоталитарное принуждение, либо в атомизированный индивидуализм, исключающий какое-либо единство.

Обращение к трудам российских правоведов позволяет проследить, как категория правосознания органично вплетается в ткань солидаристских теорий. Особое место в этом ряду принадлежит Б. А. Кистяковскому, который рассматривал повышение уровня общественного правосознания в качестве ключевого фактора, необходимого для развития как социальной, так и других форм солидарности [3, с. 115]. Ученый констатировал трагический разрыв в российском обществе начала XX в.: правовой нигилизм, ставший, по его выражению, «застарелым злом» отечественной действительности, пронизывал все слои населения, включая интеллигенцию. «В таких условиях у нашей интеллигенции не могло создаться прочного правосознания, напротив, последнее стоит на крайне низком уровне», — с горечью писал Кистяковский [3, с. 116]. Отсутствие уважения к праву, недисциплинированность индивидуального и социального сознания делали, с его точки зрения, практически невозможным достижение высшей формы единства — солидарности власти и народа. Правосознание, таким образом, выступало у него не просто сопутствующим, а необходимым условием, предпосылкой самой возможности солидарного существования [4, с. 8–9].

Сходные идеи развивал и П. И. Новгородцев, чья концепция «свободного универсализма» напрямую связывала общественный идеал с нравственным развитием личности. Правовед различал два аспекта солидарности: солидарность-факт, естественно складывающуюся в процессе жизнедеятельности на основе общности интересов, и солидарность-долг, являющуюся требованием

нравственного сознания. Если первая существует объективно, в силу разделения труда и взаимозависимости, то вторая требует целенаправленных усилий. «Этот долг надо внушать при помощи воспитания и разъяснять путем доктрины», — утверждал философ [5, с. 373]. Переход от солидарности-факта к солидарности-долгу, к осознанному единству свободных и равных личностей невозможен без глубокой внутренней работы человека над собой, без усвоения им нравственных основ права. Правосознание здесь выступает как сфера, где встречаются и синтезируются внешнее правовое требование и внутреннее нравственное убеждение. Право, по П. И. Новгородцеву, является важнейшим средством социального прогресса именно потому, что оно способно выражать и закреплять результаты этого синтеза, «примиряя личность и общество» [5].

Важно подчеркнуть, что российские юристы рассматривали правосознание не как статичную данность, а как динамичную категорию, тесно связанную с общим культурным и духовным развитием общества. Они были убеждены, что формальное закрепление прав и свобод, создание представительных учреждений и даже провозглашение принципа верховенства права не будут иметь значения, если они не будут иметь в качестве фундамента должный уровень правовой культуры граждан. Не случайно в программных документах политических партий того времени (Конституционно-демократической и Партии демократических реформ) [6; 7] вопросы образования и народного просвещения занимали одно из ключевых мест. Правоведы выступали за увеличение числа образовательных учреждений, введение всеобщего бесплатного обучения, расширение сети народных библиотек и университетов. Это была не просто забота о распространении грамотности, а осознанная политика, направленная на формирование человека, способного осознанно пользоваться своими правами и выполнять свои обязанности, человека, для которого свобода другого является естественным ограничителем собственной свободы. В этом контексте образование понималось как фундаментальная основа для взращивания зрелого правосознания, без которого солидарность останется лишь благим пожеланием.

С. А. Котляревский, развивая свою теорию, также придавал большое значение «субъективным предпосылкам» правового государства. Он считал, что для развития солидарности недостаточно одного механического повиновения граждан закону. От них требуется большее — такая степень солидарности и подчинения своих интересов общему благу, которая не может быть охвачена никакой правовой нормой. Эта «сверхправовая» солидарность коренится именно в правосознании, в чувстве коллективной связи, заставляющем человека переживать чужое страдание как свое собственное. С. А. Котляревский подчеркивал, что идея солидарности основывается на коллективной связи всех живущих, живших и имеющих жить, что выводит ее за пределы чисто эмпирической

области [8, с. 329]. Формирование такой связи требует не только правового, но и нравственного воспитания, развития в человеке чувства ответственности перед прошлым и будущим.

Особого внимания заслуживает мысль о том, что правосознание играет ключевую роль в легитимации государственной власти. Как отмечал С. А. Котляревский, следуя за Н. М. Коркуновым, основа повиновения коренится не столько в физическом принуждении, сколько в сознании зависимости, в психологическом восприятии власти. Когда это восприятие основано на идее солидарности, когда личность, подчиняясь государственным законам, повинуется, по сути, своей воле, власть обретает подлинную устойчивость [9, с. 15]. Формирование такого отношения к власти — прямая задача правосознания. Оно превращает власть из внешней и враждебной силы в необходимый элемент собственного существования и развития. В этом смысле можно говорить о том, что зрелое правосознание «очеловечивает» государство, наполняя его деятельность нравственным смыслом и превращая его из аппарата принуждения в форму общественного служения.

Взаимосвязь правосознания и солидарности отчетливо проявляется и в учении М. М. Ковалевского, который рассматривал общественную солидарность как главную движущую силу развития общества [10]. Хотя М. М. Ковалевский не акцентировал внимание на категории «правосознание», вся его концепция происхождения и развития права и государства имплицитно содержит представление о его важнейшей роли. Право, по М. М. Ковалевскому, возникает из осознания людьми общности интересов и взаимной зависимости. Само это осознание есть не что иное, как акт правосознания, переход от инстинктивного чувства самосохранения к рациональному пониманию необходимости «замиренной среды» [10]. По мере перехода от механической солидарности к органической, основанной на разделении труда и автономии личности, роль индивидуального правосознания неизмеримо возрастает. В сложном, дифференцированном обществе единство уже не может поддерживаться лишь внешним сходством и репрессивными нормами. Оно требует от каждого индивида осознанного признания ценности другого, уважения к его правам как условия собственной свободы.

Анализ теоретического наследия российских либеральных правоведов позволяет сделать вывод о том, что правосознание является не просто одним из факторов, а фундаментальным условием реализации идеи солидарности. Оно выполняет по отношению к ней несколько ключевых функций. Именно в правосознании происходит осознание взаимной зависимости и общности интересов, которое лежит в основе возникновения любых форм социального единства.

Без этого первичного акта осознания солидарность остается лишь внешней связью, не имеющей внутренней опоры.

Правосознание обеспечивает добровольное признание государственной власти и правовых норм, превращая подчинение из акта принуждения в акт свободного волеизъявления. Там, где закон воспринимается как справедливый и выражающий общие интересы (благодаря сформированному правосознанию), возникает «солидарность гражданина и закона», которую сформулировал С. А. Котляревский. Это превращает закон из внешнего ограничителя во внутренний регулятор поведения. Также правосознание осуществляет интегративную функцию, т. к. служит тем общим полем, где встречаются и согласуются интересы личности, общества и государства. Оно позволяет человеку воспринимать общественные цели как свои собственные, а государственные установления — как необходимые для их достижения.

Очень важно, что правосознание усваивает и транслирует фундаментальные правовые ценности — свободу, равенство, справедливость, достоинство личности. Эти ценности являются тем содержательным ядром, вокруг которого только и может формироваться подлинная, а не мнимая солидарность. Как убедительно показал П. И. Новгородцев, «свобода, отрицающая начала общей связи и солидарности всех членов общения, приходит к самоуничтожению» [11, с. 67]. Только развитое правосознание, впитавшее идею самоценности личности, способно удержать эту тонкую грань, не позволяя солидарности выродиться ни в коллективистский деспотизм, ни в анархический индивидуализм.

В заключение следует отметить, что идеи, высказанные российскими правоведами более ста лет назад, не утратили своей актуальности. В современных государствах, провозгласивших себя правовыми и социальными, проблема формирования зрелого правосознания стоит не менее остро, чем в России начала XX в. Правовой нигилизм и инструментальное отношение к закону остаются серьезными препятствиями на пути к общественной консолидации. Преодоление этих негативных явлений невозможно без целенаправленной работы по правовому просвещению и воспитанию, без создания условий, в которых уважение к праву станет не просто формальной обязанностью, а внутренней потребностью каждого гражданина. Понимание правосознания как ключевого механизма реализации идеи солидарности, обоснованное в трудах М. М. Ковалевского, С. А. Котляревского, Б. А. Кистяковского и П. И. Новгородцева, дает нам теоретический фундамент для решения этой насущной практической задачи. Путь к солидарному обществу лежит не только через совершенствование законодательства, но и через развитие личности, через формирование человека, для которого права и свободы другого являются

безусловной ценностью, а собственные обязанности перед обществом и государством — естественным продолжением его свободы.

1. Москаленко Г. Е. Идея солидарности в российской либеральной правовой мысли второй половины XIX – начала XX вв. : автореф. дис. … канд. юрид. наук : 12.00.01 / Омский гос. ун-т им. Ф. М. Достоевского. Омск, 2020. 26 с. Вернуться к статье

2. Москаленко Г. Е. Развитие доктрины солидаризма во французской политико-правовой мысли XIX – начала XX вв. // Науч. вестн. Омской акад. МВД России. 2024. Т. 30, № 4 (95). С. 340–345. Вернуться к статье

3. Кистяковский Б. А. В защиту права // Вехи. Интеллигенция в России : сб. ст. 1909–1910. М. : Молодая гвардия, 1991. 467 с. Вернуться к статье

4. Грязнова Т. Е., Москаленко Г. Е. Учение о солидарности власти и народа Б. А. Кистяковского // Алтайс. юрид. вестн. 2019. № 1 (25). С. 7–10. Вернуться к статье

5. Новгородцев П. И. Кризис современного правосознания. М. : Типо-литогр. тов-ва И. Н. Купшерев и Ко, 1909. 407 с. Вернуться к статье

6. Программа конституционно-демократической партии. [1905 г.] [Электронный ресурс] // Электронная библиотека исторических документов : [сайт]. URL: https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/74929-programma-konstitutsionno-demokraticheskoy-partii-1905-g (дата обращения: 11.02.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье

7. Программа партии демократических реформ. [1906 г.] [Электронный ресурс] // Электронная библиотека исторических документов : [сайт]. URL: https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/74930-programma-partii-demokraticheskih-reform-1906-g (дата обращения: 11.02.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье

8. Котляревский С. А. Предпосылки демократии // Опыт российского либерализма. Антология. М. : Канон, 1997. Вернуться к статье

9. Котляревский С. А. Власть и право. Проблема правового государства. М. : Мысль, 1915. 417 с. Вернуться к статье

10. Ковалевский М. М. Социология. Сочинения : в 2 т. М. : Юрайт, 2025. Т. 1. 272 с. Вернуться к статье

11. Бердяев Н. А. София. Проблемы духовной культуры и религиозной философии // Новгородцев П. И. Демократия на распутье. Берлин : Обелискъ, 1923. 190 с. Вернуться к статье

УДК 37.035.7:340

К ВОПРОСУ О ЗАЩИТЕ ТРАДИЦИОННЫХ СЕМЕЙНЫХ ЦЕННОСТЕЙ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

ON THE ISSUE OF PROTECTING TRADITIONAL FAMILY VALUES IN THE REPUBLIC OF BELARUS

А. Э. Набатова
Гомельский государственный университет им. Ф. Скорины,
доцент кафедры уголовного права и процесса,
кандидат юридических наук, доцент

Аннотация. *В статье рассматриваются проблемные вопросы, связанные формированием правой культуры личности в контексте защиты традиционных семейных ценностей, с учетом современных вызовов*
Ключевые слова: *традиционные семейные ценности, правовая культура, гендерная идеология.*

Annotation. *The article discusses problematic issues related to the formation of a right-oriented personality culture in the context of protecting traditional family values, taking into account modern challenges.*
Keywords: *traditional family values, legal culture, gender ideology.*

В настоящее время человечество развивается в условиях полномасштабных трансформаций философского, социального, политического, идеологического, культурного укладов, происходящих под воздействием множества факторов. В сложившихся условиях основополагающее значение приобретают социально-гуманитарное знание и право, призванные разрешать кризисные явления в формировании идеологий и смыслов в деле полноценного развития человечества, отдельных государств и общностей, личности. Одним из драйверов в формировании правовой культуры гражданина являются традиционные семейные ценности и их защита от деструктивных воздействий.

Как отмечается в Концепции национальной безопасности Республики Беларусь, утвержденной решением Всебелорусского народного собрания от 25 апреля 2024 г. № 5 (далее — Концепция), мы наблюдаем множество негативных процессов, среди которых разрушение сложившегося мирового порядка; передел сфер влияния основных центров силы; политическое насилие и экстремизм, международный терроризм, религиозная нетерпимость, ксенофобия, агрессивный национализм, сепаратизм; противостояние в информационной сфере между государствами и др. (Раздел II) [1]. Приходится констатировать, что некоторыми государствами умышленно искажается историческая правда, фальсифицируются исторические факты, обесцениваются культурное наследие человечества, традиционные духовно-нравственные постулаты народов, их

национальная идентичность, институт семьи как базис существования любого государства.

Республика Беларусь декларирует приверженность традиционным семейным ценностям, что отражено в нашем законодательстве в различных сферах правового регулирования. Не вдаваясь в серьезный анализ, в связи с ограниченным объемом публикации отметим ключевые аспекты законодательства, влияющие на формирование правовой культуры личности в деле защиты традиционных семейных ценностей и института семьи. Так, в ст. 32 Конституции Республики Беларусь определено, что брак — это союз женщины и мужчины [2]. Именно женщина и мужчина по достижении брачного возраста имеют право на добровольной основе вступить в брак и создать семью. Концепция указывает на необходимость всесторонней защиты и сбережение института традиционной семьи как союза между женщиной и мужчиной по рождению (абз. 5 п. 8). Крепкая семья декларируется как один из главных постулатов белорусской самобытности (ч. 3 п. 20) [1].

О том, что белорусы остаются верными традиционным семейным ценностям, а традиционная семья обусловливает гармоничное формирование нравственной, интеллектуальной и физически развитой личности, указано в основах идеологии белорусского государства, утвержденных Директивой Президента Республики Беларусь от 9 апреля 2025 г. № 12 [3]. В соответствии с Указом Президента Республики Беларусь от 21 января 1998 г. № 46, основными целями государственной семейной политики выступают обеспечение улучшения социально-экономических условий жизнедеятельности семьи и выполнения ею репродуктивной, экономической и воспитательной функций; укрепление нравственных основ семьи и повышение ее престижа в обществе [4].

Закон Республики Беларусь от 4 января 2014 г. № 122-З «Об основах деятельности по профилактике правонарушений» [5] и Национальный план действий по обеспечению гендерного равенства в Республике Беларусь на 2021–2025 гг., утвержденный Постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 30 декабря 2020 г. № 793 (далее — План) [6], выступают инструментом защиты по недопущению правонарушений и преступлений в семейной сфере. В ближайшей перспективе нас ждут новеллы административного законодательства. Целый комплекс уголовно-правовых мер охраны традиционных семейных ценностей содержится в уголовном законодательстве (Гл. 21 «Преступления против уклада семейных отношений и интересов несовершеннолетних») [7], им посвящены исследования в научной печати таких авторов, как Д. Л. Гулякевич, Н. И. Козелецкая, Д. В. Шаблинская, А. А. Примаченок, Т. Г. Хатеневич и др.

Однако есть страны с иными подходами к институту семьи (речь идет о «гендерном разнообразии»), продвигающие их в общества с традиционными семейными ценностями через цифровое пространство, произведения искусства, киноиндустрию, литературу, научные исследования, нанося тем самым существенный вред национальным интересам. Глобальная цифровизация сфер общения, потребления, государственного регулирования и обеспечения повседневной жизнедеятельности привела к изменению восприятия человека и окружающей действительности, нестабильности экономической и геополитической ситуации, усилению влияния корпораций на сознание индивида, созданию новых «мифологий», межпоколенческому конфликту, возникновению симбиотической связи человека с гаджетами и стремительному развитию нанотехнологий, которое в совокупности с биоморфологической свободой человека способно киборгизировать его тело [8, с. 128]. К сожалению, через Интернет, социальные сети, мессенджеры проникает деструктивная информация, способная менять взгляды, представления о традиционно устоявшихся концепциях, исторических фактах, событиях.

В таких условиях нормы этики и морали принимаются и интерпретируются индивидом во взаимосвязи с личностной шкалой ценностей и в текущем моменте. Все реже такие нравственно-этические категории, как честь, достоинство, благородство, эмпатия, становятся превыше индивидуального существования. В современной действительности на первом месте находятся собственное физическое тело человека и необходимость сохранить его любой ценой. Достижения в области генетики, медицины и эстетической косметологии таковы, что индивид, имея желание, возможность и средства, может заново «пересоздать» себя, следуя своим представлениям о поле, внешности. Человек современности ставит под сомнение нормы этики и морали, правовые запреты, руководствуется своими личными желаниями в угоду самому себе. В результате распространенность получил *постгендеризм* — течение новейшего времени, захватившее большую часть «прогрессивного» мира, нанесшее существенный вред исторически сложившейся традиционной системе семейных гендерных отношений [8, с. 129]. Он выступает в качестве либеральной идеологии при злоупотреблении доктриной «прав человека», разрушает традиционную бинарную систему ценностей, является общественно-политическим, культурным движением, обосновывающим нивелирование гендера и биологического пола у человека, устраняющим его половую идентичность, агрессивно навязываемая в медийном, политическом, правовом пространстве форма общественных отношений, способных полностью переформатировать традиционный институт семьи, поставить его существование под угрозу.

Как результат, бинарная гендерная система «обогатилась» множеством гендерных идентичностей. Помимо мужского и женского гендера возникли небинарная идентичность, гендерквир, бигендер, тригендер, гендер-флюид и др. В странах Европейского Союза и США руководствуются списком из 72 гендерных идентичностей [9], а защита прав меньшинств и уязвимых групп стала частью политической повестки. За несколько десятилетий была проделана «огромная работа» по воздействию на сознание людей, навязыванию гендерного мейнстриминга, трансформации самого понимания гендера и пола, легализации однополых браков (в большинстве стран Западной и Северной Европы легализация началась с 1986 г.; в 7 штатах США; в Мексике штате Мехико; из постсоветских государств — в Эстонии), снижению возраста согласия (например, в Германии, Италии — с 14 лет, в Японии с 2023 г. возраст согласия был повышен с 13 до 16 лет), предоставлению права гражданам самостоятельно определять свою гендерную идентичность (гендерная самоидентификация без участия судьи или медицинского эксперта являются частью законодательства во многих странах Европы. Среди них, например, Бельгия, Финляндия, Германия, Норвегия, Испания, Швейцария и др.), добровольная бездетность (движение распространено в США и странах Европейского Союза) [10].

Исследуя институт семьи, некоторые авторы отмечают две тенденции: возврат к традиционной патриархальной семье; создание нетрадиционной семьи с большим количеством альтернативных браков [11, с. 73–74]. Причем реципиентом второго подхода чаще выступает молодежь, ориентированная на использование социальных сетей и мессенджеров, именно они формируют мировоззрение молодого поколения. В TikTok, Instagram визуализируется контент, способный воздействовать на сознание и поведение индивидуума (например, распространяется информация о жизни однополых пар, воспитании последними детей, о знакомствах с партнерами одного и того же пола для построения взаимоотношений, демонстрируются церемонии бракосочетаний однополых пар и т. д.). В мессенджерах активно используются «иконки» для обозначения однополых партнеров и гендерных предпочтений (например, используются схематические изображения «жених — жених», «невеста — невеста», «мама 1 — мама 2», «папа 1 — папа 2»). Тем самым создается иллюзия нормальности, правомерности подобных гендерных отношений. Нет сомнений в том, что попытки навязывания либеральной гендерной идеологии в общества с традиционными семейными ценностями будут продолжены и инструментом для проникновения данной повестки выступает Интернет.

В сложившейся ситуации общества с традиционными ценностями должны быть готовы к подобным вызовам. Так, одним из 12 условий вступления Грузии в ЕС стало разрешение однополых браков, ЛГБТ-акций, обеспечение

этим группам государственной защиты [12], что вызвало в большей части грузинского общества полное отторжение, в результате был принят закон о запрете пропаганды ЛГБТ. Введение запрета на пропаганду ЛГБТ поддерживают и другие страны: Азербайджан, Болгария, Венгрия, Египет, Иран, Казахстан, Китай, Кыргызстан, ОАЭ, Саудовская Аравия, Таджикистан и др.

В Российской Федерации с 2022 г. введен запрет на пропаганду ЛГБТ, педофилии, а также демонстрации ЛГБТ-информации и информации, побуждающей к смене пола среди подростков, к отказу от деторождения, предусмотрена административная ответственность. В Туркменистане, Узбекистане уголовно наказуемо мужеложство. В Республике Беларусь запрещена литература, пропагандирующая нетрадиционные сексуальные отношения. Министерством информации страны она вносится в республиканский список печатных изданий, содержащих информационные сообщения и (или) материалы, распространение которых способно нанести вред национальным интересам Республики Беларусь. В случае реализации данной литературы распространитель печатных изданий лишается свидетельства о государственной регистрации. 9 июля 2025 г. в Палату представителей Национального собрания Республики Беларусь Советом Министров внесен проект Закона Республики Беларусь «Об изменении кодексов по вопросам административной ответственности», 3 октября 2025 г. он принят Палатой представителей в первом чтении. Закон предусматривает введение административной ответственности за пропаганду гомосексуальных отношений, смены пола, бездетности, педофилии (ст. 19.16 КоАП).

Таким образом, можно констатировать следующее: 1) брак в нашей стране возможен только между женщиной и мужчиной; 2) вступление в брак — это право, реализуемое на добровольной основе; 3) институт традиционной семьи — один из национальных интересов, находящийся под всесторонней защитой; 4) семья — это союз женщины и мужчины по рождению, один из главных институтов белорусской самобытности; 5) традиционные семейные ценности включены в идеологию белорусского государства; 6) традиционная семья — основа для нравственного, интеллектуального и физического развития личности и подлежит всесторонней правовой защите; 7) формирование правовой культуры личности в сегменте защиты традиционных семейных ценностей включает в себя несколько компонентов: доведение до широкого круга общественности правовых и идеологических постулатов, исторически сложившихся традиционных семейных ценностей белорусского народа; привитие критического мышления по оценке содержания навязываемой либеральной гендерной идеологии, ее пагубного влияния на традиционные семейные ценности; разъяснения норм законодательства о правовом запрете на пропаганду гомосексуальных отношений, смены пола, бездетности, педофилии как форм

девиантного поведения, влекущих административную и (или) уголовную ответственность.

1. Об утверждении Концепции национальной безопасности Республики Беларусь [Электронный ресурс] : решение Всебелорус. нар. собр. от 25 апр. 2024 г. № 5. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». Вернуться к статье

2. Конституция Республики Беларусь 1994 года [Электронный ресурс] : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г., 17 окт. 2004 г. и 27 февр. 2022 г. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». Вернуться к статье

3. О реализации основ идеологии белорусского государства [Электронный ресурс] : Директива Президента Респ. Беларусь от 9 апр. 2025 г. № 12. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». Вернуться к статье

4. Об утверждении Основных направлений государственной семейной политики Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь от 21 янв. 1998 г. № 46 : в ред. от 28 дек. 2007 г. № 676. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». Вернуться к статье

5. Об основах деятельности по профилактике правонарушений [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь от 4 янв. 2014 г. № 122-З : в ред. от 30 декабря 2025 г. № 126-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». Вернуться к статье

6. О Национальном плане действий по обеспечению гендерного равенства в Республике Беларусь на 2021–2025 годы [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь от 30 дек. 2020 г. № 793 : в ред. от 13 июля 2023 г. № 457. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». Вернуться к статье

7. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г. № 275-З : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. 20 окт. 2025 г. № 101-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». Вернуться к статье

8. Рецова К. М. Трансгуманизм: закат эры гуманизма и культурная парадигма метамодерна // Вестн. РХГА. 2022. № 3-2. С. 127–135. Вернуться к статье

9. Allarakha S. What Are the 72 Other Genders? [Electronic resource] // MedicineNet : [website]. URL: https://www.medicinenet.com/what_are_the_72_other_genders/article.htm (date of access: 06.02.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье

10. Gender self-identification [Electronic resource] // Wikipedia : [website]. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Gender_self-identification (date of access: 02.02.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье

11. Гутковская И. В. Традиционные семейные ценности в свете глобальных вызовов современности // Формирование у учащихся семейных ценностей на основе народных традиций : материалы XXI Респ. Свято-Евфросиниев. пед. чтений, Минск, 30 нояб. 2022 г. Минск : АПО, 2023. С. 73–77. Вернуться к статье

12. Еврокомиссия выставила Грузии 12 условий для получения статуса кандидата в ЕС: что это за условия? [Электронный ресурс] // Дзен. URL: https://dzen.ru/a/YradbTy7VyKSx1nH (дата обращения: 06.02.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье

УДК 340.114.5

ХАРАКТЕРИСТИКА ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ПРАВОСОЗНАНИЯ СОТРУДНИКОВ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ, ОПРЕДЕЛЯЮЩАЯ ЗАДАЧИ ЕГО ФОРМИРОВАНИЯ

CHARACTERISTICS OF THE PROFESSIONAL LEGAL CONSCIOUSNESS OF LAW ENFORCEMENT OFFICERS DEFINING THE TASKS OF ITS FORMATION

А. Н. Пастушеня
Академия МВД Республики Беларусь,
профессор кафедры психологии и педагогики,
доктор психологических наук, профессор

Аннотация. *В статье рассматривается психологическая сущность профессионального правосознания сотрудников правоохранительных органов, его проявление в правособлюдающей позиции. Отмечается необходимость его структурно-содержательной характеристики, которая позволяет конкретизировать психолого-педагогические задачи его формирования в образовательном процессе, при управлении сотрудниками и проведении с ними идеологической работы. Приводятся наиболее существенные его составляющие.*

Ключевые слова: *профессиональное правосознание личности, сотрудники правоохранительных органов, правособлюдающая позиция личности, структурно-содержательная характеристика правосознания.*

Annotation. *This paper defines the psychological essence of professional legal awareness among heads of governing bodies and its role in legal compliance. It emphasizes the need for a structural and substantive characterization of this awareness, which allows for a more specific definition of the psychological and pedagogical objectives of its development in the educational process, employee management, and, consequently, ideological work with them. When developing its most important components.*

Keywords: *professional legal awareness of an individual, law enforcement officers, legal compliance, structural and substantive characterization of legal awareness.*

Одной из основ обеспечения правопорядка в стране является квалифицированная и добросовестная деятельность сотрудников правоохранительных органов, охватывающая многообразие их профессиональных функций и задач. Для такой деятельности важное значение имеет, наряду с качественными знаниями и иными компетенциями, приверженность законности и принципам обеспечения правопорядка, декларированным в законодательстве. Такая приверженность имеет свое конкретизированное содержание и степень устойчивости, проявляющуюся при воздействии факторов, противоречащих мотивации ее соблюдения. Для системного понимания такой приверженности и ее степени

устойчивости необходимо отметить ее противоположность, которая выражается в субъективной приемлемости (допустимости) нарушить законность при определенных обстоятельствах.

Для обозначения различных аспектов личностной приверженности в научном тезаурусе используется ряд понятий, а именно: «правосознание личности», «правовая культура личности», «правовая позиция личности», «правовая направленность личности», «правовая устойчивость личности» с возможными конкретизированными проявлениями, например, «антикоррупционная устойчивость». Также имеются понятия, выражающие антиподы такой приверженности: «правовой нигилизм», «криминальная предрасположенность» с указанием, к каким видам противоправных деяний она проявляется.

Научное раскрытие приверженности личности к соблюдению законности базируется на структурно-функциональном подходе, когда обосновывается совокупность образующих ее психологических свойств, существенных в детерминации правового содержания деятельности, а именно соблюдения законности, включая правовые принципы и нормы профессиональной этики. Их обоснование предусматривает указание видовой принадлежности свойств (знания, убеждения, ценности, отношения, личные принципы, идеалы, ожидания, деятельностные и поведенческие установки и др.), а также содержательных характеристик, выражающих, в чем они заключаются. При этом важно учитывать, что такие свойства имеют у конкретной личности определенную степень выраженности, которую можно охарактеризовать как ясность содержания и уверенность в нем (например, ясность знаний, убеждений, ценностей, личных принципов, идеалов и уверенность в них), а также решимость в реализации правособлюдающей позиции и ее устойчивость при влиянии факторов, препятствующих реализации.

Наиболее активно в правовой психологии исследовалась структура правосознания личности. Она моделировалась теоретически, посредством учета и систематизации личностных свойств, наиболее существенных в детерминации правомерного поведения, отсутствие которых не будет обеспечивать достаточную готовность к нему [1].

Рассматривая проблему профессионального правосознания сотрудников правоохранительных органов, необходимо определить его наиболее важные составляющие и деятельностные проявления, которые должны выступать содержательными целями его воспитания в образовательном процессе, а также укрепления в процессе управления деятельностью сотрудников и при проведении идеологической работы с ними. Ориентируясь на требования законодательства к правоохранительной деятельности, установленные для сотрудников обязанности, полномочия и запреты, а также учитывая полученные экспертные

мнения руководителей и ветеранов органов внутренних дел, можно сформулировать конкретные проявления правособлюдающей личной позиции, которые выражаются в следующем:

1) приверженность соблюдению прав и законных интересов граждан, включая лиц, совершивших противоправные деяния, что также выражается в недопустимости незаконных воздействий на них, ограничения возможности их правовой защиты и обжалования действий сотрудников;

2) неукоснительное выполнение требований процессуального законодательства при проведении дознания, предварительного расследования преступлений, сбора доказательств в порядке административного процесса, недопущение их фальсификации и нарушений документирования;

3) проявление добросовестной старательности в выявлении, раскрытии, расследовании противоправных деяний и недопущение формализма, непринятия возможных мер, привлечения к ответственности невиновных для формального выполнения показателей деятельности;

4) недопущение коррупционных деяний, а также действий, которые могут давать повод для подозрения в приготовлении к их совершению, в частности как подстрекательство к даче взятки и др.;

5) недопущение злоупотреблений служебным положением, совершения правонарушающих действий, не связанных с выполнением должностных обязанностей, непристойного поведения вне службы;

6) готовность к принятию возможных мер по предотвращению и пресечению противоправных деяний, свидетелем которых сотрудник стал не зависимо от нахождения его при исполнении служебных обязанностей, а также мер по оказанию помощи потерпевшим;

7) способствование соблюдению законности коллегами и иными должностными лицами, осуществляющими правоохранительную деятельность, недопущение попустительства в ее нарушении;

8) приверженность законности и справедливости при принятии мер юридической ответственности и при их исполнении.

Основываясь на этих теоретических предпосылках, можно представить следующую структуру профессионального правосознания личности (правособлюдающей позиции личности):

− знания правовых и этических норм, касающихся требований к осуществлению правоохранительной деятельности, а также запретов, нарушение которых ведет к юридической ответственности, и убежденность в их правильности и полезности;

− приверженность соблюдению правовых норм и недопущению нарушений законности и иных недостойных проявлений в деятельности и поведении вне службы;

− уважение правоохраняемых ценностей и приверженность принципам правоохранительной деятельности: законности, гуманизма, справедливости, добросовестности, неподкупности, профессиональной этики, приоритета интересов службы;

− высокая ценностная значимость профессионального достоинства, проявляемого в соблюдении законности, добросовестном выполнении служебного долга, преодолении трудностей и в этически достойном поведении;

− отрицательное отношение к антиподам добросовестного осуществления служебной деятельности и соблюдения законности, устойчивость перед их проявлениями;

− высокая ценностная значимость и гордость за успешное и юридически безупречное осуществление профессиональной деятельности во благо правопорядка и защиты правоохраняемых социальных ценностей, а также общественного уважения.

Формирование указанных свойств профессионального правосознания сотрудников требует использования комплекса методов, наиболее эффективными из которых являются формирующие влияния уважаемых наставников, руководителей и коллег, освещение их личного примера, использование оценочных критериев в образовательном и управленческом стимулировании, возвышающих добросовестную деятельность и достойное поведение, а также интерактивные (недирективнные) методы в форме коллективной беседы-дискуссии, основанной на фасилитации общения сотрудников (курсантов) по вопросам и проблемам, значимым для формирования указанных составляющих профессионального правосознания.

---

1. Пастушеня А. Н. Психологическая характеристика индивидуального и общественного правосознания: структурно-содержательный аспект [Электронный ресурс] // Психология и право. 2012. Том 2. № 1. URL: https://psyjournals.ru/journals/psylaw/archive/2012_n1/50322 (дата обращения: 20.02.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье

УДК 37.013

УЧЕБНАЯ АВТОНОМИЯ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ БУДУЩЕГО СПЕЦИАЛИСТА ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ

LEARNER AUTONOMY AS A FACTOR OF THE FORMATION OF THE LEGAL CULTURE OF FUTURE LAW ENFORCEMENT SPECIALISTS

А. В. Перунова
Могилевский институт МВД Республики Беларусь,
преподаватель кафедры социально-гуманитарных дисциплин

Е. Н. Лаппо
Могилевский институт МВД Республики Беларусь,
преподаватель кафедры социально-гуманитарных дисциплин

Аннотация. *В статье рассматривается проблема формирования правовой культуры будущих специалистов правоохранительных органов, обосновывается роль учебной автономии как ключевого педагогического условия. Анализируются понятийные категории «учебная автономия» и «правовая культура», раскрывается механизм их взаимосвязи в контексте профессиональной подготовки.*

Ключевые слова: *учебная автономия, правовая культура, правоохранительные органы, профессиональная подготовка.*

Annotation. *This article examines the development of legal culture of future law enforcement professionals and substantiates the role of learner autonomy as a key pedagogical condition. The conceptual categories of «learner autonomy» and «legal culture» are analyzed, revealing the mechanism of their interrelationship in the context of professional training.*

Keywords: *learner autonomy, legal culture, law enforcement agencies, professional training.*

В современных условиях деятельность правоохранительных органов находится в центре общественного внимания. Необходимость поиска новых педагогических подходов, способных обеспечить не просто правовую грамотность, а глубокую, личностно принятую правовую культуру сотрудника актуализируют проблему профессиональной подготовки будущих специалистов. Ключевым фактором в этом процессе выступает учебная автономия обучающегося. В условиях профессионального образования учебная автономия может способствовать самостоятельному осмыслению правовых норм, критической оценке ситуации и принятию ответственных решений, что выступает важными характеристиками высокопрофессионального специалиста.

Рассматривая проблему формирования правовой культуры будущего специалиста правоохранительных органов, необходимо операционализировать ключевые понятия. В педагогической науке ряд исследователей (А. Холлек, Д. Литтл, Д. Трим, Е. Н. Соловова, Н. Ф. Коряковцева и др.) рассматривают учебную автономию как многокомпонентное явление, отражающее единство ценностей, знаний, деятельности и рефлексии, которые взаимосвязаны и обеспечивают осознанный и ответственный подход обучающихся к собственному образовательному процессу [1; 2; 3; 4; 5]. Однако в контексте подготовки будущих сотрудников органов внутренних дел учебная автономия — это интегративное качество личности курсанта, проявляющееся в способности к самоорганизации учебно-познавательной деятельности, критическому анализу информации, самостоятельному поиску решений учебных и профессиональных задач, рефлексии собственных действий в рамках учебного процесса. Автономный курсант не ждет указаний от преподавателя для начала изучения образовательной проблемы, он способен самостоятельно инициировать собственную познавательную деятельность, осознавая социальную значимость своей будущей профессии [6].

В научной литературе правовая культура личности означает «не только знание и понимание права, но и правовые суждения о нем как о социальной ценности, а главное — активную работу по его осуществлению, по укреплению законности и правопорядка» [7]. Таким образом, правовая культура будущего специалиста правоохранительных органов выступает характеристикой его профессионализма, отражающей меру усвоения с последующей реализацией правовых ценностей в служебной деятельности [8; 9]. Связующим звеном между знанием закона и уважением к нему выступает активность самого субъекта, т. е. его автономия.

Взаимосвязь учебной автономии и правовой культуры носит диалектический характер. Формирование учебной автономии создает психолого-педагогические условия для перехода внешних правовых требований во внутренние убеждения.

Учебная автономия способствует освоению правовых норм через учебно-практический опыт. Когда обучающийся самостоятельно работает с правовыми источниками, разбирает кейсы, моделирует конфликтные ситуации и участвует в дискуссиях, он на практике видит, к чему приводит нарушение закона, какие существуют последствия. Именно такой личный опыт меняет отношение к праву. Оно перестает быть просто сухим сводом законов и становится важным инструментом защиты справедливости.

Развитие учебной автономии позволяет перейти к субъектной позиции «мне необходимо знать закон для эффективного осуществления своей будущей профессиональной деятельности».

Учебная автономия способствует развитию критического правового мышления. Часто возникают ситуации правовой неопределенности.

Автономный специалист способен самостоятельно анализировать контекст, взвешивать аргументы и принимать решение, опираясь на букву закона. Способность к критическому мышлению позволяет не просто запоминать правовые нормы, а глубоко анализировать их, оценивать правомерность действий и формировать осознанную внутреннюю убежденность в необходимости соблюдения закона, что является фундаментом высокой правовой культуры [10].

Учебная автономия позволяет сформировать чувство личной ответственности. Правовая культура невозможна без ответственности. Формирование и развитие учебной автономии в учебном процессе через систему самооценки, самоконтроля, индивидуального выбора траектории организации и реализации учебной деятельности воспитывает в будущем специалисте то, что за каждое решение отвечает он лично. Обучающийся, привыкший самостоятельно управлять собственным обучением, проецирует эту модель поведения на свою жизнь в целом. Это напрямую связано с профессиональной ответственностью за осуществление профессиональной деятельности. Автономный обучающийся привыкает нести ответственность за свои учебные ошибки, что в будущем трансформируется в понимание того, что каждое действие имеет юридические последствия и неприятие служебных правонарушений.

Учебная автономия препятствует профессиональной деформации. Учебная автономия, предполагающая свободу суждений в рамках академической дискуссии, поддерживает в специалисте живое восприятие права, гуманистические ориентиры. Возможность самостоятельно выбирать темы исследований, связанные с защитой прав граждан, позволяет закрепить ценность человека как высший приоритет правоохранительной деятельности.

Следует отметить, что для того, чтобы учебная автономия действительно выступала связующим звеном и способствовала формированию правовой культуры, необходимо создание специальных педагогических условий в учреждениях высшего образования, осуществляющих подготовку специалистов для правоохранительных органов. В первую очередь хотелось бы акцентировать внимание на выстраивании субъект-субъектного взаимодействия между обучающимся и преподавателем, которое основывается на переходе от главенствующей роли преподавателя в образовательном процессе к партнерству, где преподаватель оказывает помощь и выступает консультантом, направляющим самостоятельный поиск.

Педагогические технологии, формы и методы активного обучения, к которым можно отнести, например, проблемное обучение, проектную деятельность, анализ конкретных ситуаций (case-study), просмотр видеофрагментов, блиц, метод «правда или ложь», групповую дискуссию, составление вопросов [11, с. 85], ставят курсанта в позицию субъекта, берущего ответственность на себя за выбор правового решения.

Использование активных методов обучения не требует строгой привязки к определенному этапу учебного занятия, что делает его более гибким. Подготовка к таким занятиям требует от преподавателя серьезных временных затрат, но это позволяет избавиться от шаблонности образовательного процесса, в связи с чем вовлеченность аудитории возрастает [11, с. 88]. Данный факт важен для формирования правовой культуры, курсант начинает понимать право через собственный практический опыт, пусть и смоделированный в аудитории.

Важным условием формирования правовой культуры становится академическая свобода курсанта. Ему предоставляется право самостоятельного выбора: факультативов, тем эссе, рефератов, исследовательских и выпускных работ или форматов презентаций своих результатов. На первый взгляд, это лишь организационные детали, но именно в них отрабатываются ключевые правовые компетенции. Отстаивая выбранную тему, курсанты учатся аргументировать свои позиции и вписывать личные интересы в строгие нормативные рамки, неся при этом ответственность за результат. Практика такого выбора позволяет обучающемуся на собственном опыте осознать ценность установленных правил и норм. Уважение к нормам и правилам в дальнейшем напрямую переносится в служебную деятельность.

Через механизмы самооценки и взаимооценки (дневники рефлексии, оценочные листы, анкеты) учебная автономия перестает быть просто теорией и переходит в практику. Анализируя свои шаги, обучающийся перестает быть пассивным исполнителем, становясь полноценным субъектом обучения, что позволяет развиваться рефлексии, вырабатывается внутреннее понимание правомерности любых действий.

Формирование правовой культуры будущего сотрудника правоохранительных органов — задача, которую нельзя свести к заучиванию нормативной базы. В этом смысле учебная автономия выступает главным психолого-педагогическим ресурсом. Она делает обучающегося активным участником процесса, заставляя на практике осознавать границы своих прав и обязанностей в образовательном пространстве. Благодаря этому правовая культура перестает быть внешним ограничителем и перерастает во внутреннюю убежденность, на которой теоретические знания окончательно переходят в разряд устойчивых профессиональных компетенций.

1. Holec H. Autonomy and Foreign Language Learning. Oxford : Pergamon, 1981. 87 p. Вернуться к статье

2. Little D. Learner Autonomy: Definition, Issues and Problems. Dublin : Autenthic, 1991. 175 p. Вернуться к статье

3. Trim J., Holec H. Autonomy and Self-directed Learning: Present Fields of Application. Strasbourg : Council of Europe, 1988. 149 p. Вернуться к статье

4. Соловова Е. Н. Автономия учащихся как основа развития современного непрерывного образования личности // Иностранные языки в школе. 2004. № 2. С. 11–17. Вернуться к статье

5. Коряковцева Н. Ф. Теория обучения иностранным языкам: продуктивные образовательные технологии : учеб. пособие для студентов лингвист. фак. высш. учеб. заведений. М. : Акад., 2010. 192 с. Вернуться к статье

6. Перунова А. В. Понятие учебной автономии в проблемном поле научных исследований // Весн. Магілёўс. дзярж. ун-та імя А. А. Куляшова. Сер. С, Псіхолага-педагагічныя навукі (педагогіка, псіхалогія, методыка). 2021. № 1 (57). С. 47–52. Вернуться к статье

7. Мартысюк П. Г. Формирование правовой культуры сотрудников органов внутренних дел в контексте общественных процессов // Науч. портал МВД России. 2024. № 2 (66). С. 35–40. Вернуться к статье

8. Славова Н. А. Правовая культура: понятие и функции // Вестн. Волж. ун-та им. В. Н. Татищева. 2020. № 3 (96). С. 48–55. Вернуться к статье

9. Коржиков О. Н. Правовая культура сотрудников правоохранительных органов // Правовая культура. 2007. № 2 (3). С. 74–79. Вернуться к статье

10. Лаппо Е. Н. Метакогниция как ключевой компонент развития универсальных учебных действий обучающихся // Актуальные вопросы права, образования и психологии : сб. науч. тр. / Могилев. ин-т МВД. Могилев, 2025. Вып. 13. С. 168–173. Вернуться к статье

11. Шатова А. В. Использование активных форм и методов обучения в процессе формирования учебной автономии курсантов // Филологические и педагогические аспекты гуманитарного образования в неязыковых вузах : сб. материалов V Междунар. науч.-практ. конф., Рязань, 26 мая 2023 г. / Акад. ФСИН России ; под общ. ред. Г. Б. Андреевой. Рязань, 2023. С. 84–88. Вернуться к статье

УДК 37

ОРГАНИЗАЦИОННО-МЕТОДИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ В ПРОФИЛАКТИКЕ СОВЕРШЕНИЯ ПОЛОВЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В ОТНОШЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ: ПРАКТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

ORGANIZATIONAL AND METHODOLOGICAL FEATURES OF LEGAL EDUCATION IN THE PREVENTION OF SEXUAL CRIMES AGAINST MINORS: A PRACTICAL ASPECT

Е. А. Петранис
Могилевский институт МВД Республики Беларусь,
преподаватель кафедры административной деятельности
факультета милиции

Д. А. Бельчин
Могилевский институт МВД Республики Беларусь,
курсант 3 курса факультета милиции

Аннотация. *Статья посвящена организационно-методическим основам правового просвещения как ключевого элемента профилактики половых преступлений в отношении несовершеннолетних. Рассмотрены практические подходы к повышению правовой грамотности детей и их законных представителей.*

Ключевые слова: *несовершеннолетний, половая неприкосновенность, половая свобода, профилактика, правовое просвещение.*

Annotation. *The article is devoted to the organizational and methodological foundations of legal education as a key element of the prevention of sexual crimes against minors. Practical approaches to improving the legal literacy of children and their legal representatives are considered.*

Keywords: *minor, sexual integrity, sexual freedom, prevention, legal education.*

Защита прав и интересов детей является одной из ключевых задач правовой политики каждого государства. На сегодняшний день злободневным вопросом остается защита половой свободы и половой неприкосновенности несовершеннолетних.

Одним из основных детерминантов совершения преступлений против половой свободы и половой неприкосновенности личности выделяют недостаток нравственно-полового воспитания личности, а также пропаганда развязного сексуального поведения и извращенного представления о межполовых отношениях в Интернете и телевидении [1].

Определенной предпосылкой к сексуальному насилию над детьми могут быть возрастные особенности психики несовершеннолетних и малолетних потерпевших: подчиняемость авторитету взрослых, небольшой жизненный опыт и низкая осведомленность в вопросах половых отношений, незрелость, невозможность критично и полно оценивать ситуацию и спрогнозировать последующие действия других лиц, доверчивость [2, с. 8].

Учитывая высокую латентность преступлений против половой свободы и половой неприкосновенности несовершеннолетних, профилактика данных преступлений требует грамотного и системного подхода со стороны всех субъектов профилактики.

Одной из мер общей профилактики правонарушений, согласно Закону Республики Беларусь от 4 января 2014 г. № 122-З «Об основах деятельности по профилактике правонарушений» (далее — Закон), является правовое просвещение граждан. Закон определяет правовое просвещение граждан как формирование и повышение уровня правового сознания и правовой культуры граждан, осуществляемые субъектами профилактики правонарушений в пределах своей компетенции [3].

Органы внутренних дел в лице инспекции по делам несовершеннолетних (далее — ИДН) выступают одним из субъектов профилактики правонарушений. Зачастую инспектора ИДН осуществляют общую профилактику правонарушений путем выступления в школьных коллективах, а также на родительских собраниях.

Выступление на тему половой свободы и половой неприкосновенности с учащимися требует от инспектора ИДН не только хорошей подготовки в части знания действующего законодательства, но и базовых знаний об особенностях возрастной психологии детей. Выступление сотрудника милиции в учреждениях образования по данной тематике должно быть тщательно подготовлено.

Изначально необходимо согласовать с администрацией и психологом учреждения образования вопрос о распределении учащихся по группам, исходя из возраста, познавательных и эмоциональных возможностей в плане восприятия действительной реальности и установленных в ней правил и норм поведения, например: 1 группа — учащиеся начальных классов; 2 группа — учащиеся средних классов; 3 группа — учащиеся старших классов. При необходимости можно также разделить данные группы на подгруппы, например: группу учащихся начальных классов можно разделить на 1–2 классы, 3–4 классы; группу учащихся средних классов — на 5–7 классы, 8–9 классы; старшие классы целесообразно разделить на подгруппы по половому признаку. Накануне выступления инспектор ИДН при необходимости должен изучить соответствующую

литературу о половом воспитании детей. Все это необходимо для того, чтобы сотрудник мог уверенно и спокойно, без стеснения и доступно для восприятия рассказать как младшим школьникам, так и учащимся средних и старших классов о половом воспитании, о правилах личной безопасности, о предусмотренной законом ответственности за посягательства на половую неприкосновенность и половую свободу иных лиц. Если в учреждениях образования достаточно большие по численности классы, то лучше беседу проводить не в рамках параллели, а в рамках присутствия класса, деля его на подгруппы: подгруппу мальчиков и подгруппу девочек, что позволит создать доверительную атмосферу общения.

При проведении выступления в первой возрастной группе сотруднику милиции необходимо понимать всю важность и объем ответственности, т. к. в классе могут находиться дети, с которыми по различным причинам еще никто не разговаривал о половом воспитании (ребенок не посещал дошкольное учреждение образования, воспитывается в неблагополучной семье, родители просто не проводили беседу с ребенком в рамках данного вопроса и пр.). Начиная выступление, инспектору ИДН стоит проявлять внимательность и наблюдательность, уметь «считывать реакцию» аудитории по поводу той информации, которую он излагает, и при необходимости корректировать свое выступление. В ходе общения с первой возрастной группой можно прибегнуть к специальной литературе для детей по данной тематике.

Действенным инструментом правового воспитания для младших школьников по данной теме служит инструктаж, в ходе которого детям необходимо разъяснить важные правила: тело и его интимные части принадлежат только самому ребенку; интимные части тела человек скрывает под одеждой и никому не показывает (уместно упомянуть, что в исключительных случаях можно показывать интимные части тела врачу при осмотре); тело человека принадлежит только ему и никто не имеет права делать с ним что-то (необходимо обозначить, что если кто-то попытается что-то сделать с телом ребенка, то ребенок должен рассказать своему близкому взрослому, тому человеку, которому он доверяет, при этом озвучить, что это может быть не обязательно родитель, а еще и классный руководитель, старшая сестра и т. д.); разъяснить детям, что они могут говорить слово «нет» и, если они этого не хотят, не разрешать себя обнимать, целовать, присаживать на колени, даже близким людям, пояснить, что взрослый человек не должен на это обижаться; донести до детей мысль, что у них не должно быть «плохих секретов» от родителей и если кто-либо из взрослых, особенно посторонних, предложит что-либо скрыть, то в этом нет необходимости. Уместно сказать о том, что если в общественном транспорте или на улице другие лица совершают по отношению к ребенку какие-либо

действия (трогают его тело, настойчиво прижимаются своим телом к телу ребенка, оголяют интимные части тела и т. д.), то необходимо громко кричать, звать на помощь других взрослых, обо всех таких инцидентах без стеснения, а незамедлительно рассказывать своим родителями и сотрудникам милиции. Также необходимо акцентировать их внимание на недопустимости вступления в разговор с незнакомцами, рекомендовать воздержаться от прогулок в одиночку, не принимать подарки от незнакомых лиц, не входить с ними в подъезды и лифты, не садиться в автомобиль. Объяснить учащимся важность привлечения к ответственности виновных лиц.

Накануне выступления перед учащимися второй и третьей групп инспектор ИДН должен изучить информацию о происшествиях с участием несовершеннолетних в стране, области, населенном пункте с целью приведения негативных примеров привлечения к ответственности несовершеннолетних, за совершение преступлений против половой свободы и половой неприкосновенности, а также случаи, когда несовершеннолетние сами стали жертвами преступных посягательств.

В рамках выступления инспектору необходимо раскрыть в доступной для подросткового восприятия форме содержание понятий «сексуальное насилие», «половая неприкосновенность», рассказать о видах сексуального насилия и о предусмотренной уголовным законом ответственности за совершение преступлений против половой свободы и половой неприкосновенности несовершеннолетних, обязательно обозначив возраст привлечения к ответственности. Также в ходе выступления необходимо обозначить важность соблюдения мер личной безопасности не только в реальной жизни, но и при общении в мессенджерах, раскрыть содержание понятия «груминг».

При проведении беседы с несовершеннолетними желательно присутствие специалиста в области детской психологии.

Значимую роль в профилактике преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы несовершеннолетних играют родители. Родитель — это главный субъект общей профилактики, именно он ежедневно взаимодействует со своим ребенком, знает многое о его жизни и имеет возможность корректировать поведение ребенка, воздействовать на его правосознание. В этой связи необходимо отметить важность правового просвещения родителей в рамках выступлений на родительских собраниях, где инспектором ИДН может быть доведена информация о фактах совершения преступлений против половой свободы и половой неприкосновенности несовершеннолетних в ближайших регионах, в целом по республике.

При подготовке к выступлению перед школьниками и их родителями необходимо продумать не только объем и содержание информации, которую

необходимо донести до аудитории, но и логику ее изложения, подготовить видео- и фотоматериалы, что позволит не только услышать, но и увидеть реальность происходящего в подростковой среде (это могут быть материалы с «флэта», «вписки», небольшие видеосюжеты из новостей и т. д.). С учетом стремительного развития информационных технологий необходимо рассматривать вопрос внедрения в традиционные формы взаимодействия с аудиторией инновационных цифровых технологий, что найдет отклик у современного школьника и повысит интерес к излагаемой информации.

В ходе правового просвещения всегда реализуется не только профилактическая функция, но и решается задача информирования, а также воспитания, в связи с чем целесообразно осуществлять выступления перед широкой аудиторией, не ограничиваясь уязвимыми группами несовершеннолетних (несовершеннолетние, проживающие с отчимами, лицами, ранее судимыми за совершение преступлений против половой свободы и половой неприкосновенности, несовершеннолетние, находящиеся в социально опасном положении).

Таким образом, в условиях современного общества, где несовершеннолетние ежедневно могут столкнуться с пропагандой развязного сексуального поведения и извращенного представления о межполовых отношениях, значимость правового просвещения как меры общей профилактики весьма велика. Важно исключить формальный подход в работе со всеми субъектами профилактики. Сотрудники милиции во взаимодействии с учреждениями образования на регулярной основе должны посещать школьные коллективы и родительские собрания с целью их правовой осведомленности. Как показывает практика, зачастую уровень правовой осведомленности несовершеннолетних, получивших информацию в ходе устного выступления инспектора ИДН, значительно выше, чем в тех случаях, когда они черпают данную информацию из непроверенных источников в социальной сети. Выступлению в учреждении образования в рамках правового просвещения о половой свободе и половой неприкосновенности несовершеннолетних должна предшествовать качественная подготовка со стороны инспектора ИДН: изучение специальной литературы с учетом возрастных и психологических особенностей аудитории, перед которой предстоит выступление; деление ее на группы и подгруппы по согласованию с администрацией и (или) при рекомендации психолога учреждения образования; владение актуальной информацией; выбор наиболее эффективных форм взаимодействия, с учетом персональных особенностей аудитории и стремительного развития информационных технологий.

---

1. Михайлова Е. В. Криминологическая характеристика преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы личности // Криминол. журн. 2021. № 1. С. 43–47. Вернуться к статье

2. Романова М. Н. Методы психологической диагностики сексуального насилия несовершеннолетних : учеб.-метод. пособие для студентов факультета психологии. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2017. 65 с. Вернуться к статье

3. Об основах деятельности по профилактике правонарушений [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь от 4 янв. 2014 г. № 122-З : в ред. от 30 дек. 2025 г. № 126-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». Вернуться к статье

УДК 340:343.35

ФОРМИРОВАНИЕ АНТИКОРРУПЦИОННОГО ПРАВОСОЗНАНИЯ В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ

FORMATION OF ANTI-CORRUPTION LEGAL CONSCIOUSNESS IN THE CONTEXT OF THE DEVELOPMENT OF LEGAL CULTURE

Л. Г. Протасевич
Академия управления при Президенте Республики Беларусь,
старший преподаватель кафедры конституционного и административного права Института управленческих кадров, магистр

Аннотация. *В статье рассматриваются вопросы теоретического осмысления понятия «правовая культура», влияние правовой культуры на процесс формирования антикоррупционного правосознания.*
Ключевые слова: *коррупция, борьба с коррупцией, правовая культура, нетерпимость, антикоррупционное правосознание, гражданское общество.*

Annotation. *The article examines the issues of theoretical understanding of the concept of «legal culture», the influence of legal culture on the process of formation of anti-corruption legal consciousness.*
Keywords: *corruption, anti-corruption efforts, legal culture, intolerance (toward corruption), anti-corruption legal consciousness.*

Феномен коррупции продолжает оставаться серьезным вызовом для всех без исключения государств. Коррупция создает угрозу для современного белорусского государства и общества. Низкий уровень правосознания и правовой культуры населения формирует общий деструктивный фон для развития данного явления: подрывается авторитет власти, дискредитируются принципы справедливости, наносится значительный материальный ущерб национальной экономике, снижается качество жизни населения.

Республика Беларусь последовательно проводит антикоррупционную политику. Принятая Всебелорусским народным собранием 25 апреля 2024 г. Концепция национальной безопасности Республики Беларусь признает коррупцию угрозой национальным интересам и устойчивости государства и нацеливает все субъекты власти и гражданского общества на эффективное противодействие этому явлению [1].

Проблеме противодействия коррупции посвящено огромное количество научных исследований, приняты международные соглашения, направленные на совершенствование антикоррупционного законодательства. Борьба с коррупцией в Республике Беларусь является одним из приоритетных направлений государственной политики, важнейшей государственной задачей в деле укрепления независимости и суверенитета нашего государства, обеспечения общественной безопасности в современных международных реалиях [2].

Принимаемые последовательные взвешенные решения в вопросах противодействия данному явлению реализуются с помощью развитой системы законодательства и функционирования специальных уполномоченных органов, а также через комплекс превентивных и карательных санкций для правонарушителей.

Важным элементом процесса формирования нетерпимого отношения к коррупции выступает правовая культура. Не существует единого, общего подхода к пониманию категории «правовая культура», т. к. это понятие многогранно. Отечественные исследователи в области теории права предполагают, что правовая культура — это система воспроизводства правовых ценностей, выражающихся в реальном прогрессивном правовом сознании, восприятии и развитии правовых принципов, и основанных на них систематизированных юридических актах, устанавливаемых и реализуемых в соответствии с устоями правовой законности и правового порядка [3].

Правовая культура отражает в себе качественное состояние правовой жизни всего общества на каждом этапе его развития. Она подразумевает не только высокий уровень юридического мышления, но и столь же высокое качество всей юридической деятельности.

Понятие «правовая культура» тесно связано с понятием культуры вообще. Этот термин используется для обозначения общих взглядов или норм в отношениях к праву и его институтам, которые, как предполагается, влияют на фактическое действие закона.

Так, А. А. Шафалович отмечает, что правовая культура — средневзвешенное качественное состояние правовой жизни общества; то, что усваивается в процессе правовой социализации и ее результат одновременно; идеологическое явление, ориентированное на формирование правового государства, и социально-психологическое явление, направленное на совпадение норм права и реального поведения. Она демонстрирует степень усвоенности и активного пользования субъектами права правовыми ценностями [4, с. 432].

Правовую культуру можно охарактеризовать как обусловленное социальным, духовным, политическим и экономическим строем качественное состояние правовой жизни общества, выражающееся в достигнутом уровне развития правовой действительности, юридических актов, правосознания в целом и в уровне развития отдельного субъекта.

Правовая культура личности, группы, общества формируется постепенно. Особенно актуальным является вопрос об укреплении правовой культуры каждого гражданина в государстве. Преодоление недостатков, переориентация ценностей в процессе формирования и развития правовой культуры приобретают особое значение в современном белорусском обществе [5, с. 12].

Сформированная правовая культура личности способствует законопослушному социально активному поведению, что требует привлечения к процессу ее формирования всех структур гражданского общества.

Правовая культура индивида складывается из двух составляющих: правосознания и правового поведения. Правосознание представляет собой совокупность правовых идей, теорий, чувств, эмоций, взглядов, настроений, в которых выражается отношение субъектов правосознания к правовой действительности [6, с. 375]. В силу распространенности коррупционных проявлений и усложнения общественных отношений, объективно связанных с коррупцией, возникает потребность в выделении такого компонента правового сознания, как антикоррупционное правосознание. Его назначение состоит в восприятии, отражении и выражении в формах правовых знаний и оценок поведения, связанного (или, возможно, связанного) с коррупцией; в регулятивных возможностях права и эффективности его применения для правомерного разрешения проблем, споров, возникающих в экономической, социально-культурной, административно-политической сферах, реализации прав и законных интересов участников правоотношений, а также в создании условий противодействия коррупции [7, с. 168].

Поведение человека с позиции права, во-первых, может быть правовым, т. е. находиться в сфере правового регулирования и представлять собой либо правомерное поведение, соответствующее юридическим предписаниям, либо противоправное поведение, нарушающее юридические предписания, во-вторых, быть юридически безразличным, внеправовым, которое юридически не урегулировано и не может быть урегулировано (стиль одежды, увлечение музыкой и др.) [6, с. 343].

Правовые ограничения и меры юридической ответственности, будучи необходимым базисом, не исчерпывают всего комплекса требуемых мер. Действенная устойчивость к коррупции детерминирована прежде всего зрелостью его правовой культуры, которая выступает в роли фундаментального социально-психологического барьера, формирующегося на уровне коллективных и индивидуальных установок нетерпимостью к любым формам противоправного обогащения.

Коррупция возникает в условиях снижения правовой культуры. Низкий уровень правовой культуры и правосознания у населения формирует предпосылки для развития коррупции как явления, а также увеличения совершаемых коррупционных преступлений.

Ощутимый вклад в разработку теоретико-методологических аспектов правовой культуры и правового воспитания в Республике Беларусь в разные периоды времени внесли В. А. Абрамович [3], С. Г. Дробязко [5],

Е. А. Зорченко [8], А. М. Клим [9], А. А. Шафалович [4] и др. В Республике Беларусь сформирована нормативная база антикоррупционных мер, направленных в том числе на устранение причин и условий этого общественно опасного явления, принято значительное число законов и подзаконных актов.

Базовым актом, регулирующим коррупцию, выступает Закон Республики Беларусь от 15 июля 2015 г. № 305-З «О борьбе с коррупцией», который дает широкое определение коррупционным правонарушениям, на его основе осуществляется антикоррупционная деятельность в стране [10]. Так, в ст. 5 законодательного акта в качестве компонентов, входящих в систему мер борьбы с коррупцией, определены проведение мероприятий по информированию населения, способствующих созданию атмосферы нетерпимости в отношении коррупции (антикоррупционное образование и воспитание), и организация антикоррупционного обучения государственных должностных лиц, а также лиц, обучающихся в учреждениях образования. Это свидетельствует о признании государством антикоррупционного образования и воспитания важнейшими элементами формирования правовой культуры и устойчивых ценностных установок, ориентированных на неприятие коррупции.

Координирующим органом в вопросе протитиводействия коррупции выступает прокуратура Республики Беларусь. Генеральной прокуратурой Республики Беларусь на 25-м заседании республиканского координационного совещания по борьбе с преступностью и коррупцией утверждена Стратегия борьбы с коррупцией, в которой особое внимание уделено повышению правовой культуры и активности граждан, организаций, в том числе общественных объединений, в борьбе с коррупцией, а также осуществлению на постоянной основе общественного контроля в данной сфере [11].

Указ Президента Республики Беларусь от 28 июня 2023 г. № 196 утвердил Концепцию правовой политики Республики Беларусь [12], которая задает направления совершенствования правовой системы и фиксирует роль правового воспитания и просвещения в повышении уровня правового сознания и правовой культуры. Государство рассматривает правовую культуру не как факультативную гуманитарную задачу, а как управленческий ресурс качества правовой системы, и это является устойчивой позицией, т. к. коррупция в конечном итоге является дефектом управления, а не только дефектом морали.

Постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 12 января 2024 г. № 24 был утвержден План мероприятий по правовому воспитанию и просвещению граждан в 2024–2029 годах [13]. Документ направлен на повышение эффективности деятельности государственных органов и иных организаций по повышению уровня правосознания и правовой культуры граждан, а также формированию их законопослушного и правомерного поведения.

Правосознание и правовая культура личности, группы, общества формируются постепенно. Ключевым стратегическим направлением по предотвращению коррупционных преступлений является работа на опережение — формирование с раннего возраста личности, для которой уважение к закону, активная гражданская позиция, неприятие несправедливости и добросовестность являются внутренними убеждениями. Правовое просвещение субъекта вырабатывается в ходе взаимодействия с общественной культурой, где особая роль отведена школам и высшим учебным заведениям, т. к. именно они формируют мировоззрение молодежи.

Антикоррупционное правосознание является видом правосознания, которое формируется в процессе развития современного общества у отдельных индивидов, социальных и профессиональных групп, гражданского общества и государства под воздействием преодоления коррупционных проявлений. Оно выступает важнейшим элементом правовой культуры, обеспечивающим не только знание антикоррупционных норм, но и внутреннюю готовность личности и общества к законопослушному и социально ответственному поведению.

Большое внимание на формирование антикоррупционного правосознания оказывает учебная дисциплина «Противодействие коррупции», которая изучается обучающимися во всех учреждениях высшего образования Республики Беларусь. Целями изучения данной учебной дисциплины являются овладение знаниями о коррупции как общественно опасном социально-правовом явлении, а также формирование у обучающихся системы компетенций, необходимых для устойчивого негативного отношения к любым проявлениям коррупции и активного участия в реализации антикоррупционной политики, знаний и навыков в области противодействия коррупции. Антикоррупционное образование формирует антикоррупционное мировоззрение, прочные нравственные основы личности, гражданской позиции и устойчивые навыки антикоррупционного поведения.

Ежегодно утверждаются планы мероприятий по противодействию коррупции, в коллективах проводятся лекции, выступления в СМИ, конференции по актуальным вопросам противодействия коррупции.

Таким образом, правовое воспитание, просвещение и образование составляют правовую культуру, что, в свою очередь, способствует профилактике коррупции. Процесс формирования правовой культуры как основы профилактики коррупции осуществляется путем приобщения граждан к социально-правовой среде, в которой есть определенные принципы, нормы, антикоррупционные правила поведения, которые необходимо обязательно соблюдать.

Противодействие коррупции требует совместных усилий: государства, общества и каждого гражданина. Необходима не только стабильная правовая

база, но и формирование в общественном сознании нетерпимости к коррупции. Поэтому государство активно проводит профилактическую работу по привитию населению уважения к социальным ценностям, создает все условия, чтобы каждый индивид чувствовал свою сопричастность к деятельности общества по борьбе с коррупцией. Конечной стратегической целью государства является формирование личности с внутренними антикоррупционными установками, для которой законопослушание, добросовестность и нетерпимость к несправедливости становятся естественными нормами поведения. Достижение этой цели рассматривается как управленческий ресурс и основа построения сильного независимого правового государства.

Развитие правовой культуры и формирование антикоррупционного правосознания образуют единый причинно-функциональный комплекс, где правовая культура задает ценностно-нормативную основу и стандарты допустимого поведения, а антикоррупционное правосознание обеспечивает их практическое воплощение в сфере противодействия коррупции и, как следствие, способствует укреплению законности и повышению эффективности публичного управления.

1. Об утверждении Концепции национальной безопасности Республики Беларусь [Электронный ресурс] : решение Всебелорус. нар. собр. от 25 апр. 2024 г. № 5. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». Вернуться к статье

2. Протасевич Л. Г. Становление и развитие термина «коррупция» как базового понятия антикоррупционного законодательства // Новеллы уголовного и уголовно-процессуального законодательства : сб. науч. ст. междунар. науч.-практ. круглого стола / Междунар. ун-т «МИТСО» ; редкол.: А. А. Дедковский, Б. В. Асаенок ; под общ. ред. А. А. Дедковского. Минск : МИТСО, 2024. С. 192–199. Вернуться к статье

3. Абрамович В. А. Общая теория права : пособие / Белорус. гос. ун-т ; под общ. ред. С. Г. Дробязко, С. А. Калинина. Минск : БГУ : Четыре четверти, 2014. 276 с. Вернуться к статье

4. Шафалович А. А. Общая теория права : учеб. Минск : РИВШ, 2024. 512 с. Вернуться к статье

5. Дробязко С. Г. Понятие правовой культуры и основные направления повышения ее уровня в условиях формирования социального правового государства и правового гражданского общества // Проблемы формирования и развития правовой культуры белорусского общества : материалы круглого стола, Минск, 3–5 февр. 2005 г. / Междунар. ун-т «МИТСО». Минск, 2005. С. 10–15. Вернуться к статье

6. Зорченко Е. А., Протасевич Л. Г. Теория государства и права : учеб. пособие / под общ. ред. Е. А. Зорченко ; Акад. упр. при Президенте Респ. Беларусь. 3-е изд., испр. и доп. Минск : Акад. упр. при Президенте Респ. Беларусь, 2025. 456 с. Вернуться к статье

7. Клюковская И. Н. Теоретические основы криминологического исследования антикоррупционной политики: монография. Ставрополь, 2004. 391 с. Вернуться к статье

8. Зорченко Е. А. Правовое воспитание как ценностный компонент образовательного процесса // Правовая культура в современном обществе : сб. науч. ст. / М-во внутр. дел Респ. Беларусь, учреждение образования «Могилевский институт Министерства внутренних дел Республики Беларусь» ; редкол.: И. А. Демидова (отв. ред.) [и др.]. Могилев : Могилев. ин-т МВД, 2019. 1 электрон. опт. диск (CD-R). С. 482–487. Вернуться к статье

9. Клим А. М. Антикоррупционное образование и воспитание как способ повышения правовой культуры // Правовая культура в современном обществе : сб. науч. ст. / М-во внутр. дел Респ. Беларусь, учреждение образования «Могилевский институт Министерства внутренних дел Республики Беларусь» ; редкол.: И. А. Демидова (отв. ред.) [и др.]. Могилев : Могилев. ин-т МВД, 2019. 1 электрон. опт. диск (CD-R). С. 488–493. Вернуться к статье

10. О борьбе с коррупцией [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь от 15 июля 2015 г. № 305-З : в ред. от 16 марта 2026 г. № 7-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». Вернуться к статье

11. Стратегия борьбы с коррупцией [Электронный ресурс] // Генер. прокуратура Респ. Беларусь : [сайт]. URL: https://prokuratura.gov.by/ru/activity/borba-s-korruptsiey/strategiya-borby-s-korruptsiey/ (дата обращения: 17.01.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье

12. О Концепции правовой политики Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь от 28 июня 2023 г. № 196. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». Вернуться к статье

13. О правовом воспитании и просвещении граждан в 2024–2029 годах [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь от 12 янв. 2024 г. № 24 : в ред. от 18 сент. 2025 г. № 513. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». Вернуться к статье

УДК 378.147

ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ УЧРЕЖДЕНИЙ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

PROBLEMATIC ASPECTS OF USING ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN THE EDUCATIONAL PROCESS AT HIGHER EDUCATION INSTITUTIONS OF THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS

Л. А. Рябцева
Могилевский институт МВД Республики Беларусь,
доцент кафедры общеюридических и уголовно-правовых дисциплин
факультета повышения квалификации и переподготовки кадров,
кандидат педагогических наук

Аннотация. *Автором выявлена необходимость теоретического изучения и практического использования технологий искусственного интеллекта в образовательном процессе учреждений высшего образования Министерства внутренних дел, предложен алгоритм работы с такими ресурсами.*
Ключевые слова: *искусственный интеллект, курсант учреждения высшего образования Министерства внутренних дел, образовательный процесс.*

Annotation: *The author identified the need for theoretical study and practical use of artificial intelligence technologies in the educational process of higher education institutions of the Ministry of Internal Affairs, and proposed an algorithm for working with such resources.*
Keywords: *artificial intelligence, cadet of the higher education institution of the Ministry of Internal Affairs, educational process.*

Присутствие искусственного интеллекта (далее — ИИ) в различных сферах жизнедеятельности человека становится все более очевидным. Не является исключением профессиональная среда, где для решения задач, выполняемых специалистами различных отраслей знания (медицина, криминалистика, правоохранительная деятельность, педагогика и др.), используются возможности ИИ.

Так, в сфере образовательных отношений и обучающиеся, и представители педагогического сообщества вовлечены в процесс использования инструментов ИИ, исходя из своих личностных или профессиональных потребностей.

Однако, решая сменяющиеся образовательные задачи в связи с освоением содержания ряда образовательных программ по учебным дисциплинам, обучающиеся, как правило, стихийно осваивают содержание компетенций по работе с технологиями ИИ, а в некоторых случаях не всегда корректно заимствуют результаты, полученные подобным путем. Вместе с тем преподаватели признают

невозможность игнорировать процессы, связанные с интеграцией продуктов искусственного интеллекта в обучение.

Анализ источников также позволяет обратить внимание на то, что в научных публикациях отечественных ученых тема использования ИИ в образовании находится в стадии активного обсуждения (А. И. Жук, А. А. Францкевич, А. Ф. Климович [1]; С. И. Чубаров, П. А. Хорошевич, Н. Б. Яремчук [2, с. 35–42] и др.). Отдельные исследователи рассматривают ИИ в качестве инструмента профессиональной поддержки преподавателей учреждений высшего образования, выделяя группу задач, решаемых с его помощью (административные, академические, мотивационные, исследовательские) (Т. П. Смолкина, В. В. Русак [3, с. 21–26]). При этом работ, демонстрирующих прикладное использование ИИ в образовательном процессе высшей школы на содержании конкретных учебных дисциплин, нами в отечественной педагогической науке не выявлено. Однако уже в 2025 г. Министерством образования Республики Беларусь разработаны методические рекомендации, касающиеся использования/внедрения технологий ИИ в образовательный процесс на уровнях общего среднего, профессионально-технического, среднего специального, высшего образования, а начиная с 2026 года, в Республике Беларусь действует Государственная программа «Беларусь интеллектуальная» (на 2026–2030 годы), нацеленная на «модернизацию системы образования в соответствии с потребностями технологического и цифрового развития общества, развитие новых профессиональных компетенций» [4].

В отношении такой категории обучающихся, как курсанты учреждений высшего образования Министерства внутренних дел (далее — УВО МВД), получающих квалификацию «юрист», проблема применения технологий ИИ в образовательном процессе пока и вовсе не находит своего отражения в научных исследованиях, что, учитывая представленные выше положения, еще раз подчеркивает ее актуальность.

То есть в настоящей связи возникает необходимость констатировать наличие противоречия между необходимостью методического осовременивания образовательного процесса путем использования инструментов ИИ и их недостаточной изученностью и отсутствием педагогического опыта применения в процессе преподавания учебных дисциплин.

Это означает, что педагогическое сообщество должно активно включиться в решение настоящей проблемы, учитывая при этом не только особенности соответствующего уровня основного образования, но и категорию обучающихся, специфику и содержание изучаемых ими учебных дисциплин специальностей, а также иные характеристики, способные влиять на возможность использования тех или иных инструментов ИИ в образовательном процессе. Также

важно принимать во внимание направленность и индивидуально оценивать целесообразность их применения. Подобная нагрузка ложится на всех преподавателей высшей школы. Ситуация усложняется еще и тем, что опыт использования и внедрения образовательных продуктов, созданных посредством ИИ, в процесс обучения является ограниченным, а отдельные наработки исследователей касаются преимущественно методики преподавания иностранного языка (Р. Н. Тукаева, А. А. Катекина, А. В. Савинчева [5]; Э. Н. Гимадиева [6] и др.). Соответственно, исследования, демонстрирующие либо подтверждающие или опровергающие целесообразность использования технологий ИИ в преподавании учебных дисциплин юридического профиля, на настоящий момент также отсутствуют.

В указанной связи профессорско-преподавательским составом УВО МВД должны быть мобилизованы усилия, направленные: 1) на оценку целесообразности использования инструментов ИИ применительно к учебным дисциплинам, составляющим содержание указанной квалификации и получаемых специальностей; 2) на осуществление поиска и отбора адекватных онлайн- и офлайн-ресурсов ИИ, приемлемых для достижения учебно-воспитательных целей; 3) на проведение предварительной апробации их применения в образовательном процессе на конкретной дисциплинарной основе; 4) на формирование перечня инструментов ИИ, оптимально приемлемых для использования в образовательном процессе на основе содержания определенной учебной дисциплины. Обозначенный процесс является постоянным и длительным, а в отношении дисциплин юридического профиля будет отличаться своей логикой.

Оценку целесообразности использования инструментов искусственного интеллекта применительно к учебным дисциплинам, обеспечивающим содержание квалификации «юрист» и получаемых курсантами УВО МВД специальностей целесообразно, по нашему мнению, осуществлять одновременно в нескольких направлениях: получить минимальные теоретические представления о функционировании искусственного инструмента (сущность, процесс, формы, преимущества, недостатки и др.); проанализировать, какие его инструменты потенциально допустимо использовать в контексте конкретной учебной дисциплины таким образом, чтобы внедряемый в образовательный процесс ресурс выступал современным организационно-методическим средством, не снижающим качества и эффективности решаемых учебных задач. Кажущаяся простота данного этапа является мнимой, поскольку не все преподаватели способны одинаково воспринимать информацию, касающуюся технического и технологического аспектов возникновения, существования, обучения, развития, функционирования сетей ИИ, что может потребовать привлечения профильных

специалистов, способных оказать им доступную и компетентную информационную и техническую поддержку.

Этап осуществления поиска и отбора адекватных онлайн- и офлайн-ресурсов ИИ, приемлемых для достижения учебно-воспитательных целей, направлен на анализ существующих инструментов искомого формата, изучения их потенциала, путей и возможностей (включая техническую) использования. Процесс является трудоемким, однако при системном подходе к изучению функционала ресурсов ИИ и критического анализа результатов, полученных с их помощью, вполне осуществимым, несмотря на то, что готового перечня в отношении обучающихся военизированных организаций, к которым относятся курсанты УВО МВД, даже при наличии методических рекомендаций по внедрению технологий ИИ в образовательный процесс и в процедуры аттестации студентов учреждений высшего образования, нет. Вместе с тем, логике содержания настоящего этапа не противоречит обращение к перечню сетевых сервисов, использующих технологии ИИ, согласованных с Главным информационно-аналитическим центром Министерства образования Республики Беларусь [7], систематизированных по критериям «название сервиса» и «гиперссылка на сервис». С опорой на указанный перечень преподавателями УВО МВД могут быть составлены собственные представления о предложенных ресурсах (инструментах) ИИ, визуально оформленные (например, таблицы, схемы, матрицы и др.) и тем самым отражающие технический функционал ресурсов, совокупность учебных задач, решаемых с их помощью, перспективы использования в проекции на содержание конкретной учебной дисциплины, замечания и комментарии автора, осваивающего опыт подобного рода.

Предварительная апробация технологий ИИ в образовательном процессе ориентирована на оценку возможности и методической целесообразности использования того или иного инструмента (генератора, синтезатора, анализатора, нейронной сети и др.) в условиях, строго ограниченных учебным материалом конкретной дисциплины, для создания на его основе практико-ориентированных ситуаций, проблемных заданий, тематических квестов, модерации вариантов правовой оценки события. Анализ результатов предварительной апробации того или иного ресурса позволит уточнить и (или) расширить их методическую характеристику, исключить либо, напротив, определиться с местом настоящего инструмента, созданного с помощью технологии ИИ, в системе классического дидактического обеспечения.

Формирование перечня инструментов ИИ, оптимально приемлемых для использования в образовательном процессе УВО МВД является заключительным этапом работы. Окончательно оформленный список таких ресурсов с их описательными характеристиками, методическими рекомендациями

автора-составителя станет результатом сравнительно-аналитической и экспериментальной деятельности преподавателя, которая может быть продолжена и расширена в связи с возможными трансформациями ИИ, обновлением содержания компетенций исследователя, изучающего в динамике потенциал и формы внедрения в образовательный процесс УВО МВД элементов и продуктов как производных ИИ.

Таким образом, проблема использования технологий ИИ в образовательном процессе остается актуальной, а применительно к УВО МВД — находится в начальной стадии теоретического изучения, интуитивного практического использования результатов предшествующего осмысления, что, в свою очередь, способствует активизации научно-методологического поиска лиц, занятых в обеспечении образовательного процесса, и последовательной реализации предложенных автором этапов алгоритмизации деятельности педагогов, ориентированной на внедрение технологий ИИ в образовательный процесс УВО МВД с целью повышения эффективности правового обучения и воспитания курсантов.

1. Жук А. И., Францкевич А. А., Климович А. Ф. Технологии использования инструментов искусственного интеллекта в образовательном процессе // Адукацыя і выхаванне. 2025. № 6. С. 5–18. Вернуться к статье

2. Технологии искусственного интеллекта в образовательной деятельности педагога: от промпт-инженерии к визуализации знаний / А. А. Францкевич [и др.] // Весці Беларус. дзярж. пед. ун-та. Сер. 3, Фізіка. Матэматыка. Інфарматыка. Біялогія. Геаграфія. 2025. № 2. С. 35–42. Вернуться к статье

3. Смолкина Т. П., Русак В. В. Искусственный интеллект как инструмент профессиональной поддержки преподавателей учреждений высшего образования // Адукацыя і выхаванне. 2025. № 10 (406). С. 21–26. Вернуться к статье

4. О Государственной программе «Беларусь интеллектуальная» на 2026–2030 годы [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь от 30 дек. 2025 г. № 796. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». Вернуться к статье

5. Тукаева Р. Н., Катекина А. А., Савинчева А. В. Роль искусственного интеллекта в обучении английскому языку: современные технологии и будущее образования [Электронный ресурс] // Проблемы современного педагогического образования. 2025. № 86-2. С. 302–305. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_80514237_20968148.pdf (дата обращения: 12.02.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье

6. Гимадиева Э. Н. Методический потенциал лингвоинформационной технологии на базе искусственного интеллекта Engnovate при обучении иноязычному устному общению студентов языкового вуза [Электронный ресурс] // Педагогика. Вопросы теории и практики. 2025. Т. 10, № 3. С. 323–332. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_80535539_56587197.pdf (дата обращения: 12.02.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье

7. Методические рекомендации по использованию технологий искусственного интеллекта в образовательном процессе учреждений общего среднего образования [Электронный ресурс] : утв. заместителем Министра образования Респ. Беларусь 2 июля 2025 г. // Государственное учреждение образования «Академия образования». URL: https://adu.by/images/2026/02/27/1455_08_07_2025_IMP_II.pdf (дата обращения: 12.02.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье

УДК 316.334

ПРАВОВОЕ ВОСПИТАНИЕ НАСЕЛЕНИЯ
LEGAL EDUCATION OF THE POPULATION

А. Г. Тарута
Сибирский юридический институт МВД России,
преподаватель кафедры тактико-специальной подготовки

Аннотация. *В статье рассматривается проблема формирования и воспитания правовой культуры населения как одного из ключевых факторов устойчивого развития правового государства.*

Ключевые слова: *правовая культура, правосознание, правовое воспитание, правовая грамотность, гражданское общество, правовое государство.*

Annotation: *The article examines the problem of forming and educating the legal culture of the population as one of the key factors in the sustainable development of the rule of law.*

Keywords: *legal culture, legal awareness, legal education, legal literacy, civil society, the rule of law.*

Современное общество характеризуется высокой степенью усложнения социальных, экономических и правовых отношений. В этих условиях устойчивое развитие государства невозможно без сформированной правовой культуры населения. Недостаточный уровень правовой культуры приводит к правовому нигилизму, росту правонарушений, снижению доверия к государственным институтам и закону в целом [1, с. 453].

Правовая культура выступает не только как результат правового развития общества, но и как активный фактор, определяющий поведение личности, ее отношение к праву, государству и обществу. Именно поэтому воспитание правовой культуры среди населения является одной из приоритетных задач современного государства.

Правовая культура представляет собой сложное социально-правовое явление, включающее в себя совокупность знаний о праве, отношение к праву, уровень правосознания и практику правомерного поведения. Она отражает степень усвоения обществом правовых ценностей и норм.

В структуре правовой культуры традиционно выделяют следующие элементы:

- правовые знания (осведомленность о законах, правах и обязанностях);
- правосознание (оценка права, отношение к нему, правовые убеждения);
- правовое поведение (реализация прав и соблюдение обязанностей на практике);
- правовые традиции и ценности, закрепленные в обществе.

Правовая культура не возникает стихийно. Она формируется в процессе целенаправленного правового воспитания, обучения и социальной практики. Без системной работы в этой сфере правовая культура остается фрагментарной и поверхностной.

1. Несмотря на формальное наличие правовых норм и институтов, уровень правовой культуры значительной части населения остается недостаточным. Основными причинами данного явления можно считать следующие:

2. Низкий уровень правового образования — во многих случаях правовые знания носят формальный характер и не связаны с реальными жизненными ситуациями.

3. Правовой нигилизм — недоверие к закону и убежденность в его неэффективности формируют устойчивую установку на игнорирование правовых норм.

4. Социально-экономические факторы — нестабильность, низкий уровень доходов и социальная незащищенность снижают мотивацию к правомерному поведению.

5. Сложность и перегруженность законодательства — частые изменения правовых норм затрудняют их понимание и применение на практике.

6. Недостаточная роль институтов гражданского общества — ограниченное участие населения в правовой жизни государства снижает уровень правовой ответственности.

Рассмотренные проблемы носят системный характер и требуют комплексного подхода к их решению.

Правовое воспитание представляет собой целенаправленную деятельность государства, общества и образовательных институтов, направленную на формирование у граждан правовых знаний, уважения к закону и устойчивых навыков правомерного поведения.

В основные задачи правового воспитания входит формирование осознания ценности права, развитие уважения к закону и правопорядку, воспитание ответственности за собственные действия, а также формирование активной гражданской позиции.

Правовое воспитание должно начинаться с раннего возраста и продолжаться на протяжении всей жизни человека. Особенно важную роль в этом процессе играет система образования [2, с. 157].

Образование является базовым институтом формирования правовой культуры. В образовательной среде закладываются основы правосознания, формируются навыки правомерного поведения и уважительного отношения к праву.

Эффективное правовое воспитание в системе образования предполагает:

- включение правовых дисциплин в образовательные программы;
- практико-ориентированный подход к обучению;
- развитие критического мышления и правового анализа;
- формирование навыков защиты своих прав законными способами.

Для эффективного освоения права недостаточно лишь теоретических знаний. Ключевым является практическое применение этих знаний через моделирование реальных правовых ситуаций, что способствует развитию практической компетентности.

Цифровизация общества возлагает на средства массовой информации и интернет-пространство особую ответственность в сфере правового воспитания. Их функция заключается в формировании общественного мнения, трансляции правовых установок и моделировании отношения к закону.

Позитивное влияние на население будут оказывать:

- правопросветительские программы;
- доступные разъяснения законодательства;
- социальная реклама, направленная на формирование правомерного поведения.

Параллельно с этим нерегулируемое распространение ложных сведений способно деформировать правовые концепции. Отсюда вытекает необходимость в ответственном отношении к созданию правового контента и в активном развитии цифровой правовой компетентности.

Формирование зрелой правовой культуры во многом зависит от государства, которое закладывает ее основы через законодательство, обучение и просветительскую работу. Однако без инициативного участия граждан эти меры теряют свою силу. Устойчивое развитие правовой культуры возможно лишь при условии тесного партнерства и взаимной ответственности государства и общества [3, с. 60].

К примеру, институты гражданского общества, общественные организации и профессиональные сообщества способны:

- вовлекать граждан в правовую деятельность;
- формировать культуру законопослушания;
- способствовать диалогу между обществом и государством.

Следовательно, правовая культура выступает в качестве основополагающего элемента, формирующего базис правового государства и зрелого гражданского общества. Процесс ее становления и развития неразрывно связан с прогрессом в сфере правового образования, углублением правосознания граждан, а также с консолидированными усилиями средств массовой информации и институтов гражданского общества. В контексте современных

глобальных вызовов первостепенное значение приобретает модернизация подходов к правовому воспитанию, учитывающая специфику цифровой среды и релевантные потребности населения.

Повышение уровня правовой культуры способствует укреплению законности, снижению правонарушений и формированию ответственного, социально активного гражданина.

---

1. Степанов М. М. Правовое воспитание в современных условиях и его роль в формировании правовой культуры личности // Правовая культура в современном обществе : сб. науч. ст. / М-во внутр. дел Респ. Беларусь, учреждение образования «Могилевский институт Министерства внутренних дел Республики Беларусь» ; редкол.: И. А. Демидова (отв. ред.) [и др.]. Могилев : Могилев. ин-т МВД, 2024. 1 электрон. опт. диск (CD-R). С. 452–456. Вернуться к статье

2. Лещев А. И., Старостин В. Г., Тарута А. Г. Правовые аспекты применения штрафов к несовершеннолетним правонарушителям // Евраз. юрид. журн. 2025. № 8 (207). С. 157–158. Вернуться к статье

3. Пучнин В. М. Значение правовых новаций в развитии правовой культуры социума социологический аспект // Право и государство: теория и практика. 2025. № 8. С. 59–63. Вернуться к статье

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗВИТИЕ ОБЩЕТЕОРЕТИЧЕСКОГО ЮРИДИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ. ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННОЙ МЕТОДОЛОГИИ ПОЗНАНИЯ ПРАВОВЫХ ЯВЛЕНИЙ

Абрамкина К. С. Проблемы теоретического осмысления риска как юридической категории 8

Береговцова Д. С. Правовые проблемы прав человека в цифровую эпоху 14

Валеев А. Б. Традиционные духовно-нравственные ценности как фактор формирования правовой культуры в современном российском обществе 18

Василевич Д. Г. Соматические права как отражение нового научного знания 22

Григорьев А. В. Информационная экспансия и ее влияние на формирование правовой культуры белорусского общества 27

Демидова И. А. Общественные и правовые ценности в характеристике правовой культуры общества 31

Ефременко Е. М. О совершенствовании доктрины гражданско-правового принуждения и ее значении для формирования профессиональной правовой культуры 37

Карнаушенко Л. В. Деформация правового сознания: проблемы определения и факторы влияния 42

Ковальчук А. В. Постнеклассическая рациональность и интегративный подход в познании уголовно-правовой соразмерности 47

Козел А. А. Аксиология правовой культуры сотрудника органов внутренних дел 53

Козыренко Р. Н., Беляев Н. Е. Оправдание терроризма: правовые основы противодействия в Республике Беларусь 58

Лапицкий А. Г. Методология юридической науки 64

Лебедев С. Я. Цифровая адаптация правовой культуры в эпоху глобальной цифровизации 68

Маковская П. Н. Воздействие искусственного интеллекта на правовую культуру общества и правовое сознание индивида 74

Матарас В. Н. О концепции естественного права 80

Поярков С. Ю. Культура конституционализма как основа правовой культуры современного общества 86

Стабровский Е. И. Формирование правовых ценностей личности в контексте развития патриотизма и сохранения исторической памяти 92

Степанов М. М. Формирование доктрины о пределах действия закона в Российской империи 96

Терещенко Е. А. Методологический инструментарий правового образования по предупреждению девиантного поведения несовершеннолетних 101

Тирских М. Г. Отражение трансформации политических режимов в правовой культуре общества 106

Толочко А. Н. Методологические аспекты и отличительные особенности формирования имиджа органов внутренних дел 112

Ховратова С. Н. Понятие и история развития института суррогатного материнства 118

Хомич В. М. О социально-ценностных приоритетах уголовно-правовой защиты: необходимо ли ее изменение в современном уголовном праве 124

Шабалина Е. И. Социальный контроль: обзорная характеристика 131

Шафалович А. А. Развитие и обновление общетеоретического юридического знания как фактор инновационного развития права 134

Шестаков Д. А. От криминологии ведомственной к академической (семантическая концепция преступности в действии) 140

Шумская Б. И. Киберугрозы как фактор трансформации правовой культуры международной безопасности 144

АКТУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ОТРАСЛЕВОГО ЮРИДИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ И РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВОВЫХ НОРМ В ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ СФЕРЕ (БЕЛОРУССКИЙ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ)

Амельченя Ю. А. Безопасность платежей в аспекте надлежащего исполнения обязательств по договору государственной закупки 150

Беляков Р. Л. Сравнительно-правовой анализ нормативной правовой базы Республики Беларусь и Российской Федерации, регламентирующей взаимодействие органов внутренних дел с местными органами управления и самоуправления 156

Боровая Е. В. Совершенствование правового регулирования приема на работу лиц моложе шестнадцати лет 161

Бородулькина Е. С. Реализация принципа экономии уголовной репрессии при оптимизации уголовно-правовой охраны экономических отношений в условиях современных вызовов 167

Василевич Г. А. О субъектах судебного конституционного контроля в Беларуси 173

Вишневская Т. И. Культура противодействия киберпреступности — цифровая трансформация и культуральная криминология 179

Воспякова О. Ф. Проблемные вопросы правовой оценки существенного вреда как признака коррупционных преступлений 185

Данилин А. Н., Шурина В. А. Особенности административного задержания физического лица на срок свыше трех часов, но не более чем на семьдесят два часа 190

Дизер О. А., Карпушина А. В. Правовая культура использования биометрических персональных данных 195

Дрозд А. Н. Субъект преступления — полиграфолог 199

Дубинский Н. А., Гуринович В. М., Прохацкий В. В. Исследование семантики понятия «страна производства (изготовления) товаров» в контексте применения специальных ограничительных мер 206

Кийко Н. В. Уголовно-исполнительная система как субъект обеспечения национальной безопасности Республики Беларусь 211

Климов С. Н., Бутонина Р. Д. Государственная система мер по профилактике правонарушений несовершеннолетних 216

Ковалев С. М. Развитие административно-правовой деятельности органов внутренних дел 220

Ковалёв С. М., Зайцева В. А. Цифровая правовая культура как фактор обеспечения общественной безопасности в Республике Беларусь 224

Корень Т. А. О полномочиях суда по делам об урегулировании неплатежеспособности (опыт Индии) 228

Лубенков А. В. Сравнительно-правовой анализ юридических основ деятельности органов внутренних дел Республики Беларусь и Российской Федерации по охране общественного порядка при проведении избирательных кампаний 234

Меняйло Д. В. Менталитет в информационной безопасности и информационном праве 240

Меняйло Л. Н., Юнева В. А. Информационно-телекоммуникационные технологии как один из факторов формирования правовой культуры в современном обществе 246

Мухамбетов Ф. Н. Борьба с криминальным рынком водных биологических ресурсов: теория и практика 252

Мякинькая В. В. Методологические аспекты применения ИИ-инструментария в киберучете как фактор превенции правонарушений 256

Овсянников П. Ю. Авторские права на результаты интеллектуальной деятельности, созданные искусственным интеллектом 262

Пушко Н. В. Кадровый электронный документооборот как элемент HRM-системы управления персоналом — драйвер эффективности и фактор повышения правовой культуры 266

Пушко Н. В., Достанко А. С. Особенности правового регулирования инклюзивной занятости в Республике Беларусь 272

Рамазанова Н. О. Наниматель как участник механизма миграционного контроля в Республике Беларусь 278

Свиридов Д. А. Совершенствование законодательного определения злоупотребления властью или служебными полномочиями 283

Скобелев В. П. Споры о детях и споры о возращении детей или об осуществлении в отношении детей прав доступа: о проблемах отражения в процессуальном законодательстве существующей между ними взаимосвязи 290

Скороход И. Г. Конституционные основы правовой культуры граждан Республики Беларусь 297

Тепляшин П. В. Государственное регулирование всех видов деятельности, связанной с легальным оборотом наркотиков, как основной принцип антинаркотической стратегии государств — членов Организации Договора о коллективной безопасности на 2026–2030 годы 303

Тит А. А. Восстановительное правосудие как парадигма уголовной ответственности в Республике Беларусь 308

Тихонова С. С., Батраков Д. А. Юридико-техническая культура законодательного дефинирования: отраслевой аспект 314

Шелегова Н. А., Нехаева В. Д. Правовая культура и интеграционные процессы в защите прав потребителей 320

Яковчик Д. В. Влияние массовой информации на преступность: культурологический анализ детерминизма 325

Яковчик Д. В. Осцилляция метамодерна как компромисс в учении о личности преступника 331

Якубук В. В. О вопросах обеспечения прав заинтересованных лиц при вынесении решения об отказе в возбуждении уголовного дела 337

Ярмоц Е. Н. Легитимность и доверие как социально-правовая основа государственной власти 343

ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА БЕЛОРУССКОГО ОБЩЕСТВА В ИСТОРИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

Азарова Ж. М. Рецепция римского права в современных кодификациях: жив ли дух римского права в Гражданском кодексе Республики Беларусь? 347

Воробьев А. А. Военные преступления германских войск в годы Первой мировой войны в контексте правовой культуры 351

Галынский Р. Д. Статут Великого княжества Литовского 1529 г. как законодательная регламентация несения воинской службы в начале XVI в. на белорусских землях 356

Еремеева Н. В. Идея служения в древнерусских концепциях власти 360

Маслакова А. А. История развития института переговоров при содействии посредника в зарубежных странах (на примере США) 366

Пушкін І. А. Рэзанансныя справы ў Савецкай Беларусі як вынік паспяховай дзейнасці праваахоўных структур (1970–1980-я гг.) 372

Стародубцев Г. С. Русское юридическое образование в Европе (1918–1939) 378

Степанов О. В. К вопросу о роли искусственного интеллекта в развитии юридического знания 383

Терещенко Т. Г. Антикоррупционная культура законотворчества на примере Конституции Речи Посполитой 1791 года 387

Тютюнков А. Н. Деятельность советско-партийных школ по переподготовке председателей сельских советов в 1935 году (на примере Могилевской советско-партийной школы имени К. Е. Ворошилова) 392

Щербик Д. В. Глава государства как гарант конституции в Пятой республике во Франции: идейно-политическое обоснование 398

ПРАВОВОЕ ВОСПИТАНИЕ И ПРАВОВОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В ФОРМИРОВАНИИ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ ЛИЧНОСТИ И ОБЩЕСТВА

Андрианова А. С. Правовая культура как детерминанта организации образовательного процесса в учреждении высшего образования МВД Республики Беларусь 404

Бабошина Е. В. Институциональные механизмы формирования профессиональной правовой культуры будущих юристов в условиях трансформации высшего образования 409

Белов Е. А. Социально полезный труд как форма правосознания и правовой культуры граждан Российской Федерации 414

Белова С. Н. Место дополнительного профессионального обучения в системе образования МВД России при формировании и развитии правового образования 419

Борисова Н. Р., Тухватуллина К. М. К вопросу о проблемах социализации молодежи в современной России 423

Горинович Н. В. Правовое воспитание как средство коррекции правового сознания осужденных к лишению свободы на определенный срок 429

Грицкевич С. В. Правовое воздействие как средство формирования правовой культуры граждан, находящихся в лечебно-трудовых профилакториях 434

Грузинская Е. И. Правовое воспитание как деятельность по трансляции правовой культуры (опыт Новороссийского местного отделения Ассоциации юристов России) 438

Дыжова А. А. Проявление социальных девиаций в молодежной среде 445

Дыжова А. А., Демидова А. В. Формирование молодежной политики Союзного государства 450

Зорина Е. М., Тихонравов Л. В. Метафорические ассоциативные карты как педагогическая опора для развития правовой культуры студентов 456

Иванов Е. Е. Явление вариативности в юридической терминологии русского языка 461

Игнатович А. Е. Плакат как средство формирования правовой культуры в советский период (1950–1980-е гг.) 466

Искра О. С. Влияние правового воспитания и образования на формирование общественной и индивидуальной правовой культуры 470

Канашевич Д. А., Канашевич Н. М. Модельный закон СНГ «О технологиях искусственного интеллекта» и формирование цифрового правосознания 476

Костючик А. В., Попутьева Е. К. Массовая культура и правовое воспитание: проблемы формирования правосознания молодежи 482

Костян И. И. О развитии правовой культуры в контексте обеспечения информационной безопасности оказания государственных услуг 487

Лихачева С. Н. Общественное мнение как инструмент противодействия коррупции 495

Мазитов Р. Р. Религиозные постулаты как один из элементов правового воспитания современной личности 500

Макарова О. В. Правовая культура осужденных в контексте образовательной доступности 505

Макацария Д. Ю. Формирование правовой культуры участников дорожного движения при проезде перекрестков 509

Меркушин В. В., Аниськова В. Д., Рацкевич Е. М. Связь поколений как фактор формирования правовой культуры сотрудников органов внутренних дел 512

Москаленко Г. Е. Роль правосознания в реализации идеи солидарности между личностью, обществом и государством 516

Набатова А. Э. К вопросу о защите традиционных семейных ценностей в Республике Беларусь 522

Пастушеня А. Н. Характеристика профессионального правосознания сотрудников правоохранительных органов, определяющая задачи его формирования 528

Перунова А. В., Лаппо Е. Н. Учебная автономия как фактор формирования правовой культуры будущего специалиста правоохранительных органов 532

Петранис Е. А., Бельчин Д. А. Организационно-методические особенности правового просвещения в профилактике совершения половых преступлений в отношении несовершеннолетних: практический аспект 537

Протасевич Л. Г. Формирование антикоррупционного правосознания в контексте развития правовой культуры 543

Рябцева Л. А. Проблемные аспекты использования искусственного интеллекта в образовательном процессе учреждений высшего образования Министерства внутренних дел 550

Тарута А. Г. Правовое воспитание населения 556

Вернуться к началу издания